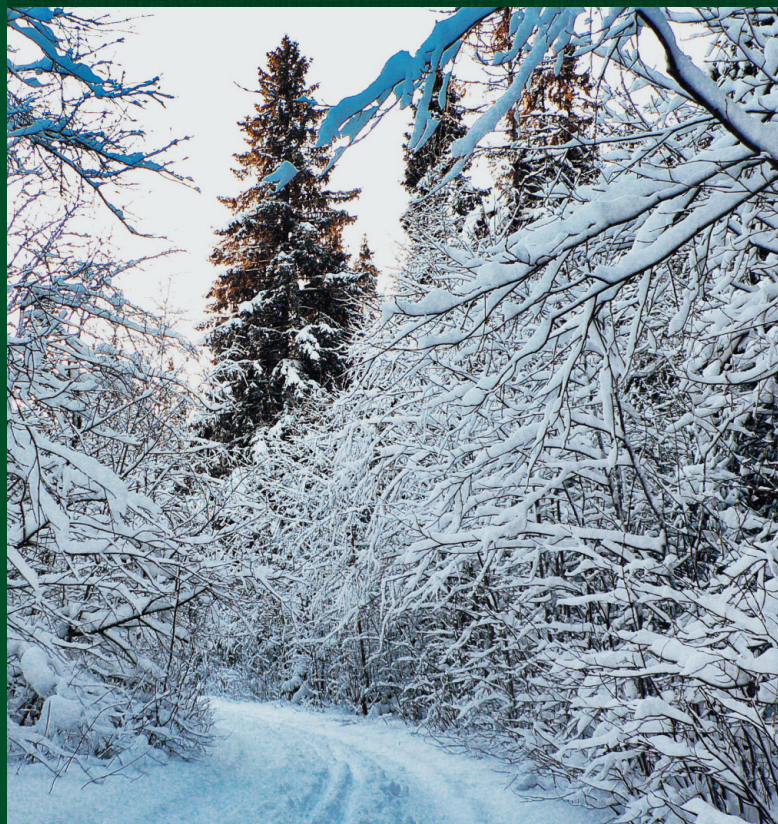

Анатолий Головкин

Собрание
сочинений

Том II

Тверь, 2022

Анатолий Головкин

Собрание сочинений

Том II

Прошедшие через века

В краю двух культур

Шагнувшие в вечность

Тверь
2022

УДК 82-94
ББК 84(2)-4:63.3(2)
Г61

Г61 Головкин А.Н. Собрание сочинений. Том II. Прошедшие через века. В краю двух культур. Шагнущие в вечность. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2022. – 520 с.

ISBN 978-5-6048835-7-0

Во второй том собрания сочинений автора вошли книги «Прошедшие через века», «В краю двух культур» и «Шагнувшие в вечность».

В основе первой книги – история финского племени «*корела*», сначала самостоятельного, позднее в составе Новгородского княжества, а затем – Московского государства и России. Эта история охватывает период с VII по XVIII века, с момента начала формирования русской нации на территории проживания финских племен, образования государства *Древней Руси* и до переселения карел на Бежецкий Верх и отроги Валдайской возвышенности.

Книга «В краю двух культур» повествует о видных деятелях Тверской Карелии, активистах карельского национального движения, а также знаменитостях, связанных судьбой и деятельностью с тверской землей.

В книге «*Шагнувшие в вечность*» автор рассказывает о попытках активистов карельского движения по дальнейшему сохранению языка и культуры тверских карел. Она охватывает период с II Всемирного конгресса финно-угорских народов, который состоялся в городе Будапеште в августе 1996 года, и по 2012 год. Это символично, так как именно в Будапеште в 1996 году финно-угорское и мировое сообщество узнало о тверских карелах, о которых до того времени знали только специалисты – финно-угроведы.

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Тверской области*

ББК 84(2)-4:63.3(2)

ISBN 978-5-6048835-7-0

© А.Н. Головкин, 2022

© Макет ООО «Издательство «Триада», 2022

Найти свои корни (вместо предисловия)

Многие авторы пишут одну книгу под разными названиями. Я с 1997 года пишу историю *Тверской Карелии*, помня высказывания американского писателя Генриха Дэйвида Торо: «*Нашел, где твои корни, и не суетись насчет других миров*». В своих книгах я открываю Карельский перешеек, Приладожье, Тверскую Карелию не только для тверских карел, но и для русского, финно-угорских и других народов, представители которых читали или будут читать мои книги.

История российского государства складывается из истории народов, его населяющих. Во все времена, во всех многонациональных государствах национальный вопрос был, есть и остается одним из самых важных и сложных вопросов общественной жизни.

До конца XX века тверские карелы практически ничего не знали о своей истории. Наши родители говорили, что мы пришли с Карельского перешейка, но откуда точно, когда и почему – не знали. Когда меня назначили заместителем губернатора Тверской области, появилась уникальная возможность для изучения истории своего народа. Передо мной распахнулись двери многих архивов, в том числе и некоторые материалы архива КГБ. Стали привозить переписные книги и другие первоисточники из Финляндии.

С 1998 по 2019 годы мне удалось написать серию книг по истории тверских карел: «История Тверской Карелии», «Карелы: от язычества к православию», «В краю двух культур», «Помнят стены монастыря», «Жернова. Книга памяти тверских карел», «Владельцы мызы Подобино», «Деревенские нэпманы» и другие.

В своей книге «История Тверской Карелии» я лишь указал на некоторые факты из истории карел, не раскрывая их. В этой книге «Прошедшие через века» попытался раскрыть ранее указанные факты. К каждой главе дается краткая характеристика того или иного периода времени.

В первой книге трилогии «Прошедшие через века» рассказывается о начале формирования русской нации, встрече славян с представителями племени «*весь*», одного из финно-угорских племен, в IX веке на территории Бежецкого Верха. О выходе части племени «*весь*» в Приладожье, трагической истории возникшего там племени «*корела*»,

о возвращении части карел на тверские и бежецкие земли, родину далеких предков – всяян.

Освещение событий начинается с того времени, когда представители племени «*весь*» уходили на север с берегов реки Мологи и ее притоков: Уйвесь, Мелеча, Могоча, Волчина и других.

Они вместе с другими финскими племенами на Карельском перешейке образовали племя «людей из лесной местности», что на их языке звучало как «*каръяла*», часть которого в XVII–XVIII веках вернулась на родину своих предков. Возникла территория под названием «Тверская Карелия», которая существует уже четыре столетия, но со второй половины XX века началось ее быстрое угасание.

Каждая деревня, приход и погост, каждая семья, фамилия и род имеют свою историю. Только кто-то знает ее, а кто-то нет. Возможно, что одна деревня была построена на пустом месте и переходила от поколения к поколению. Другая деревня была оставлена прежними русскими жителями, и отстроена вновь пришедшими сюда карелами. Человек хочет узнать не только о своих ближних предках, но и далеких поколениях своего рода, своего племени, своего народа. И он хочет оставить хоть что-то для своих будущих поколений.

С самого начала появления племени «корела», ни Швеция, ни Новгородская Русь, как более сильные государства, не желали карелам самостоятельности. Они, как клещами, рвали карельскую землю на две части и разорвали ее. Одна часть карел осталась под Новгородом, а вторая – под Швецией. Когда шведы в XVII веке решили захватить оставшиеся карельские земли, Московское государство не помогло карелам в борьбе за независимость. Наоборот, оно вошло в сделку со шведами, что полностью отдадут им Корельский уезд, если те помогут усидеть царю Василию Шуйскому на московском троне.

Когда Россия в XVIII веке вновь захватила у Швеции карельские земли, она не стала возвращать карел на свою родину. Наоборот, она стала выселять оставшихся карел с Карельского перешейка, чтобы заселить эти земли другими людьми. Кто-то считал борьбу карел за независимость напрасной. Кто-то сожалеет о том, что сохранились небольшие страны, как Швейцария, Дания, Люксембург, но нет значительно обширней по территории страны Карелии, а карелы судьбой истории разделены на три части.

Одна часть материковой Карелии отошла к Финляндии, а другая – к России. В Тверской губернии появилась отдельная ветвь карельского

народа на территории под названием «Тверская Карелия», где вплоть до Великой Отечественной войны карелы значительно превышали своим числом соплеменников, проживавших в материковой Карелии.

Во второй книге «*В краю двух культур*» я рассказываю о соседстве карельских и русских деревень, труде сельских жителей, любви к своей малой родине жителей, независимо от национальности. Немалый интерес у меня вызывают знаменитости, проживавшие рядом с нашими карельскими деревнями – Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова, В.Д. Кузьмин-Караваев и другие.

Повествую об известных людях, выходцах из Тверской Карелии. Среди них создатели карельской письменности, ученые, строители, военные и государственные деятели. Не надо забывать тех, кто стоял у истоков создания Общества культуры тверских карел и их областной Национально-культурной автономии. Пишу о дружбе русских и карел, желании сохранить национальный язык и культуру, как основных постулатах жизни малых и больших народов.

Третья книга «*Шагнувшие в вечность*» – размышления о положении тверских карел в конце XX – начале XXI веков и их будущем. Эта книга о попытках активистов карельского движения по дальнейшему сохранению языка и культуры тверских карел. Она охватывает период с II Всемирного конгресса финно-угорских народов, который состоялся в городе Будапеште в августе 1996 года, и по 2012 год. Книга завершается сведениями о тверских карелах по переписи 2010 года и проведением в Венгрии в 2012 году VI Всемирного конгресса финно-угорских народов. Это символично, так как именно в Будапеште в 1996 году финно-угорское и мировое сообщество узнало о тверских карелах, о которых до того времени знали только специалисты – финно-угроведы.

Во все времена, во всех многонациональных государствах национальный вопрос был, есть и остается одним из самых важных и сложных вопросов общественной жизни. Смерть одного человека – всегда невозполнимая потеря. Смерть народа – это трагедия страны, на территории которой он жил.

Государство, оберегая виды редких растений и животных, заносит их в Красную книгу, но порою его не волнует исчезновение того или другого народа.

Во мне течет чистая карельская кровь, без каких-либо примесей. Но эту карельскую кровь с самого детства полностью растворили в

русской среде – русская речь, русские книги, русская одежда, русский быт. От этого я не стал беднее, стал еще богаче. На своей родине и в Финляндии – я карел, но в любой другой стране – я русский. Без русской среды невозможно было бы пройти дорогу в большую жизнь и стать тем, кем стал.

Сейчас границы все открыты, и я, потомок переселившихся с Карельского перешейка карел, могу ехать на озеро Пюхьярви, теперь Отрадное, что в Приозерском районе Ленинградской области, на мысе которого и поблизости в XVI веке было восемь деревень моих далеких предков Головкиных. Могу ехать в Выборг, куда перешла часть моих сородичей, чтобы потом придти на Бежецкий Верх или уйти в Финляндию. Я могу ехать в Финляндию и встретиться там со своими сородичами – карелами, которые еще хорошо помнят свою историю, хотя уже они стали финнами.

Некоторое художественное начало в этой книге дает возможность перевода исторического факта с казенного научного языка на общепотребляемый. В этой книге нет вымысла, она основана на фактах, взятых из летописей, проверенных временем первоисточников, архивных документов, описаний и воспоминаний очевидцев тех или иных событий. Приводя воспоминания очевидцев, хотел бы подтвердить тезис, что для истории хорошо, когда в первоисточнике нет переосмысления автором самого факта, а есть лишь его отображение.

Работая над книгой, я исходил из того, что длительное время русская литература являлась не самостоятельной, а была переводной с других источников. Русские монахи и другие летописцы переводили на славянский язык записки арабских путешественников, византийские хроники, скандинавские саги, латинские документальные акты и другие документы иностранных авторов, притом через три-четыре века после их появления. Переводы иностранных текстов означали передачу русскими летописцами своими словами чужих, а не своих мыслей. Одни переводы были верными, а другие – довольно свободными, если переводивший текст летописец не до конца понимал суть подлинника и мог допускать ошибки при переводе. Поэтому я сравнивал русские летописи с зарубежными первоисточниками, к которым имел доступ, благодаря помощи финских исследователей, чтобы ошибок в книге было, как можно меньше.

Книга первая

Прошедшие через века

**Глава I. Откуда пошла Русь
(VII век – 1236 год)**

До настоящего времени российские ученые-историки принижают норманнскую теорию происхождения древнерусского государства, хотя толком не могут объяснить, откуда пошло слово «Русь». Имеющиеся летописи разных стран подтверждают эту теорию рождения Руси, как основную. К норманнской теории происхождения Руси склонялись русские историки Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, а также составители карты-таблицы «Тысячелетие России 862–1862 годы», которую представили императору Александру II в 1862 году.

Сейчас исследователям доступны многочисленные российские и зарубежные первоисточники, подтверждающие норманнскую теорию происхождения Руси. Однако узкая специализация некоторых постсоветских ученых, заикленных на трудах одного автора или по другой причине упрямо приводит их к ошибкам. Например, они, вслед за В.Н. Татищевым, утверждают, что Рюрик был не шведом, а родом из Финляндии, хотя такого государства, и даже территории под таким названием, очень долгое время не существовало. Отдельные финские племена: *емь*, *сумь* и другие, проживавшие на этой территории, в те времена платили подать варягам-шведам.

В этой главе я попытаюсь доказать, на основе надежных первоисточников, достоверность норманнской теории образования Русского

государства финскими, славянскими племенами при экспансии их немногочисленными, но сплоченными и вооруженными варяжскими дружинами.

В 1862 году группа ученых под началом Н.С. Де Галета составила историческую карту-таблицу «Тысячелетие России. 862–1862 годы». Эта карта-таблица была одобрена цензурой 26 июня 1862 года и отпечатана в единственном экземпляре в типографии Р. Голике. Книгопродавец Иван Тимофеевич Лисенков преподнес ее императору Александру II.

В карте-таблице дана сжатая история России, краткий обзор истории европейских государств, указаны краткие биографии правителей России, родословная русских государей представлена в виде вкладыша. Представлен перечень древнейших городов и народов, населявших Россию, а также гербы всех губерний Российского государства.

В обзоре русской истории, с чего начинается карта-таблица, сказано: «Настоящая история застаёт славян только в половине IX века в Новгороде, где, по причине бывших внутренних неурядиц и частых набегов соседних народов, по совету новгородского вельможи Гостомысла, граждане призвали на княжение из варягов-русов Рюрика с братьями, по преданиям, детей Гостомысловой дочери Умилы и варяжского владельца Людбрата. Кто были эти руссы и где именно жили, об этом нет ничего достоверного.

Тогдашняя слава норманнов, знаменитых своими морскими разбоями, указывает, что призванные князья должны быть из числа предводителей тогдашних дружин удальства. Но сами норманны не составляют отдельного народа: это северные люди всех племен, соединившиеся для добычи. Новгородцы знали еще прежде этих людей, которые было, вторглись к ним, но были изгнаны. Как бы то ни было, но со дня призвания их в Новгород с 862 года по Рождество Христово, должно полагать истинное начало истории Российского государства».

В приложении к изданию карты-таблицы размещена историческая справка о Рюрике: «По русским летописным преданиям три брата-конунга, то есть предводители варяжских дружин, якобы призванных «из-за моря» новгородскими славянами с целью прекращения междоусобиц в Новгороде, основали Древнерусское государство.

Согласно этой версии Рюрик сел в Новгороде, Синеус – в Белоозере, Трувор – в Изборске. Быстрая смерть среднего и младшего брата сделала Рюрика полновластным правителем Новгородской земли.

Существует мнение, что Синеуса и Трувора не было, а известие о них – результат неправильно прочитанного русским летописцем иностранного текста, который сообщает, что Рюрик пришел на землю славян со своим домом (синехус) и верной дружиной (трувор).

Рюрик правил сначала на Ладоге, он не был призван «из-за моря», а захватил в 862 году власть в Новгороде, воспользовавшись внутрисобицами. Это вызвало восстание новгородцев против варягов во главе с Вадимом Храбрым. Рюрик казнил Вадима и его «советников», другие новгородцы бежали в Киев».

По утверждению авторов карты-таблицы «Тысячелетие России» Российскую историю за этот отрезок времени можно разделить на пять периодов:

- от основания Древнерусской монархии до разделения ее на удельные княжества, с 862 по 1015 годы;
- от разделения Древней Руси на отдельные княжества до покорения ее монголо-татарами, с 1015 по 1237 годы;
- от покорения Руси до освобождения ее от монголо-татарского ига, с 1237 по 1481 годы;
- от освобождения России от монголо-татар до вступления на престол династии Романовых, с 1481 по 1613 годы;
- от начала царствования Романовых до празднования тысячелетия России, с 1613 по 1862 годы.

Книгопродавец И. Т. Лисенков подарил историческую карту-таблицу императору Александру II 8 сентября 1862 года во время торжественного открытия в Новгороде памятника «Тысячелетию государства Российского». Долгое время она хранилась в архиве дома Романовых, оттуда попала в имение Ф. Ф. Юсупова Кореиз в Крыму через его жену Ирину Александровну – дочь великого князя Александра Михайловича Романова. После эмиграции в 1918 году Ф. Ф. Юсупова в Америку карта-таблица была обнаружена в его личном архиве во дворце Кореиз. Вместе с другими документами архива ее передали на хранение в Государственный архив Крыма.

Развернувшиеся в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия России в середине XIX века споры о происхождении русского государства в числе много привлекли внимание исследователей к отправной точке отечественной истории – *призванию варягов*.

Из русских, византийских летописей, скандинавских саг и других памятников истории известно, что русская нация постепенно начала

формироваться к концу IX века из трех составляющих: *финских племен* – аборигенов, пришедших к ним на Европейскую равнину *славян и шведов-варягов*. Финские племена до образования Русского государства проживали на территории Европейской равнины от Балтийского моря и Ладожского озера до Волги и Оки более 10 тысяч лет. Нет никаких свидетельств о том, что здесь до них проживали какие-то другие народы.

По берегам Финского залива и Приладожья жили племена: *сумь, емь, водь, эсты и ливы, корела и ижора*. От Ладожского озера и до Оки расселялись финские племена: *весь, ладожане, меря, мурома, мари (черемисы), мордва, пермь (коми), печора, сетголы*. Севернее и восточнее них – *лопари (саамы), ненцы (самоеды), ханты и манси*, то есть не менее двадцати финно-угорских племен.

Первоначальный период истории Руси с 862 по 1236 годы до нашествия монголо-татар можно считать временем формирования русской нации и образования первых очагов государственности при раздробленности княжеств. Начиная от Рюрика, русские князья приводили на Русь варягов, которые считали себя независимыми людьми. Они шли сюда властвовать над финскими и славянскими племенами. Первые варяжские князья Рюрик, Хельге (Олег), Ингвар (Игорь) да и Святослав, вели себя не как хозяева своей земли, а как пришельцы-захватчики.

Они собирали дань с финских и славянских племен, совершали набеги и завоевательные походы. Они смотрели на города, как на временные стоянки, от которых можно двигаться дальше для завоевания новых земель. Князь Хельге (Олег) ушел из Новгорода и остановился в Киеве. Князь Ингвар (Игорь) уходил в длительные походы против Византии, на земли других народов, оставляя правление киевским княжеством на жену Ольгу.

Его сын Святослав вообще хотел уехать из Киева жить на Дунай в болгарский город Преславу, чтобы быть ближе к местам боевых походов его дружины. Русский князь Владимир начал отходить от этих варяжских обычаев, считая себя властителем не только варягов, но и многочисленных славянских и финских племен. Он окружил себя их представителями, при нем основным языком стал не старошведский варяжский, а славянский язык. Он прочно осел в Киеве и никогда надолго не задерживался на завоеванных землях.

Однако и при нем варяги по-прежнему считали себя не членами зарождающейся русской нации и государства наравне со славянскими

и финскими племенами, а их властителями. Так было вплоть до конца правления Ярослава Мудрого в 1054 году. При нем в своде гражданских и уголовных законов под названием «Русская правда» жители Новгородской Руси делились на «русских варяжского племени» и славян.

XIII век был периодом самого большого потрясения для Руси. С востока нахлынули полчища монголо-татар, которые разорили и обезлюднили большую часть Руси. При своей жизни их предводитель Чингисхан завещал северо-западные земли своему старшему сыну Джучи, но тот погиб раньше отца, оставив четырех сыновей: Батюга, Орду, Шейбана и Тангкута. Они и решили судьбу Руси на своем совете в 1235 году, после которого их отряды во главе с 28-летним ханом Батыем с верховья Иртыша и Алтайских гор весной 1236 года двинулись в сторону Руси.

Сначала в 1237 году, монголо-татары захватили город Рязань, от него пошли вглубь Руси, захватив почти все древнерусские города. Разрозненные княжества, ведущие междоусобные войны, не могли дать им отпор. Ни один русский князь не хотел помогать другому, как бы те ни просили. Достойное сопротивление монголо-татарам оказал Торжок, где две недели жители защищали себя и свой город. Силы были неравны, монголо-татары сожгли город, но ослабленные и напуганные мужеством жителей, они не решились идти дальше на Новгород. Таким образом, только два древних русских города Псков и Новгород никогда не были под игом монголо-татар.

Сами монголо-татарские ханы не ходили больше походами на Русь, они направляли сюда своих баскаков для собирания дани и звали к себе в Сарай русских князей поклониться хану, как повелителю. Он решал, кому давать ярлык на великое княжение Руси. Таким образом, с 1237 года история Руси тесно связана с монголо-татарами.

С северо-запада Новгороду угрожало немецкое племя, также постоянно беспокоили шведы, которые вместе с варягами считали побережья Финского залива и Ладожского озера своей вотчиной. На русские княжества, ослабленные раздробленностью и нашествием монголо-татар, стали совершать набеги литовцы.

К концу XIII века Русь окружали: на западе – Швеция, Ливонский орден, Литва и Польша, на юге – половцы и монголо-татары, на востоке – мордва, черемисы и Великая Пермь. К 1340 году у Руси не стало западных и южных земель, в том числе: Полоцкого, Смоленского, Галицкого, Волынского, Киевского и Черниговского княжеств, захва-

ченных Литвой. Оставалась лишь первоначальная северная Русь с разрозненными княжествами: Новгородским, Тверским, Московским, Владимирским, Суздальским и Ярославским.

Кто только не нападал на Русь, и с кем только она не воевала за свою историю. Если окинуть взором ее границы, то не найти соседей, которые бы не пытались посягнуть на нашу землю, но победа, в конечном счете, всегда оставалась за Россией. Легче найти редкое исключение из тех стран, с которыми Русь не воевала.

Название «Русь»

В VII веке на берегах Финского залива и Приладожья проживали финские племена: *сумь, емь, ладожане, лопари (саамы), весь, водь, ливы и эсты*. Через Ботнический залив от них на Скандинавском полуострове проживали *урмане (норвежцы), свеи (шведы) и готы*. Жители Швеции обрабатывали скудную северную землю, били зверя на одежду и пропитание, ловили рыбу, население начинало постепенно расти.

В разраставшихся шведских семьях по обычаю в отцовском доме оставалась семья старшего сына. Другие его братья не получали ничего, кроме меча и топора. Они с детства готовились к тому, что будут добывать себе пропитание оружием.

Собираясь с такими же бездомными в небольшие дружины, они избирали себе конунга-вождя и пускались на лодках в набеги к соседям. Шведы с бешенством нападали на жителей других территорий, следуя скандинавскому закону: «Один на один должен нападать, против двух защищаться, трем не уступать, только от четырех можно бежать»[1].

Сначала шведы ходили на лодках вдоль берегов Финского залива и Ладожского озера, грабя проживавшие финские племена.

Этих шведов-захватчиков финское племя *весь* называло словом «*varaha*» (вараха), то есть «чужие». Пришедшие позднее сюда славяне трактовали это слово по-своему, называя пришедших шведов «*варягами*». Не надо их путать с *викингами* – жителями Дании, Норвегии и приграничных к ним шведов, которые осваивали путь не на восток, а на запад.

До прихода сюда славян шведы-варяги господствовали над проживавшими финскими племенами: *весью, мерей, эстами, сетголами,*

водью, ливами и ладожанами. Варяги грабили также литву, зимоголов, летголов, корсь, ятвягов и гольдов, чьи племена позднее объединились в литовский народ.

Название нашей страны «Русь» произошло от того, что правители-варяги были родом из Швеции, которую финские племена, населявшие территории от реки Оки до Ладоги и Белого озера, называли словом «*Ruotsi*» (*Рюотсы*), а шведов – словом «*руочи*». Вот поэтому название нашего государства Русь произошло от финского произношения слова «Швеция», которое часто повторяли проживавшие финны, с постепенной потерей некоторых букв. Тогда финские племена, как и сейчас, говорили дифтонгами, то есть сочетанием двух гласных звуков, а шведы-варяги говорили на древнем шведском языке без дифтонгов.

Те из них, которые оторвались от материковой Швеции и проживали по южным берегам Варяжского (Балтийского) моря и Ладоги, со временем тоже стали называть себя «*руссами*» или «*россами*», а место проживания – «Русь». Таким образом, шведы-варяги приняли то имя, которое им дали оседлые финские племена-аборигены. Это не было исключением в истории, так случалось и с другими народами, пришедшими на чужие земли – германцами, франками, саксонцами. Другие разные догадки ученых и философов о происхождении слова «Русь» являются их фантазиями.

В начале VIII века племя *весь* построило крепость *Alodejoki* (Нижняя река) на берегу Волхова вблизи Ладожского озера. В 753 году варяги захватили у них эту крепость, назвав ее *Альдейгоборг*, где оставалась сильная военная дружина. Поселение Альдейгоборг (теперь Старая Ладога) на южном берегу Ладоги, захваченное варягами у веся в 753 году, было их центром более 100 лет, до перевода престольного города отсюда в Новгород Рюриком в 866 году. Русские летописи, в том числе и «Повесть временных лет» отличали шведов от готов и варягов-русов.

Одни варяги с богатством возвращались на родину, а другие оседали на берегах Финского залива и Ладоги навсегда. Об этом свидетельствуют поминальные камни с руническими надписями, установленные в разных местах материковой Швеции.

«Руна велела сделать памятник по Спяльбуду, своему супругу. Он умер в Холмгаарде в церкви святого Олова».

«Торетейн сделал памятник по Эринмунду, своему сыну, и приобрел этот хутор и нажил богатство на востоке в Гардах (на Руси)».

«Гертруда воздвигла этот камень по своему сыну Смиду, доброму воину. Его брат Халльвинд живет в Гардах (на Руси)».

В Упланде насчитывается 53 рунических камня, 42 из них сообщают о походах шведов на восток и юг. Надписи на трех камнях говорят о Гардах (Руси), на 18 – о Византии.

Материковые шведы называли земли на побережье Финского залива и в Приладожье «Гардами» (*Русью*) или «Гардарикой» (*Русской землей*). Так постепенно произошло разделение *шведов-норманнов*, живущих за морем и *шведов-русов*, проживавших в Приладожье вместе с финскими племенами и пришедшими сюда с берегов Дуная славянами.

Историк В.Н. Татищев ссылается на шведского летописца Петра Дикмана, который писал: «Гардарика (Русская земля) лежит между Ладожским и Чудским озерами, в которой главный город Альдейгоборг».

О происхождении названия «Русь» Татищев приводит слова летописца Нестора: «Призвав князя себе от варяг-русов, так варяги именовались, и от них прозвалась *русь*» [2].

Опровергая это утверждение летописца Нестора, Татищев заявлял, что у греков имя *русь* или *рось* задолго до Рюрика было известно, и ставит точку на этом утверждении. Он тогда или не знал, или не хотел писать о том, что к грекам по пути «Из варяг в греки» ходили именно варяги, называя себя там *русью*, но не славяне или финские племена.

Со середины VIII века и до 862 года «Русь» была сначала финно-варяжской территорией. Захватив земли проживания финских племен вдоль важных речных путей, построив на этих землях свои поселения, варяги – руссы считали эту территорию своей вотчиной. Называя себя «*русью*» в отличие от материковых шведов, они относили себя к такому же постоянному населению южных берегов Варяжского (Балтийского) моря и Приладожья, как и здешние финские племена.

Русью первоначально была названа территория, сейчас находящаяся частично в Ленинградской, Новгородской, Псковской области и Эстонии. После 864 года, эта территория расширилась до рек Западная Двина, Молога и Ока. Первоначальную Русь с запада, севера и востока окружали финские племена. В те же годы варяжские князья Аскольд и Дир основали вторую территорию вокруг Киева, также назвав ее *Русью*. Финны и карелы до настоящего времени по-прежнему называют Швецию, откуда пошли варяги, словом «Руотсы».

Путь «Из варяг в греки» (VII–X века)

Начиная с VI века на юге, по берегам Черного моря, господствовала Византия, в ее столице Константинополе (Царьграде) сходились многие торговые пути. Сюда доставляли товары со всех концов света долгими речными, морскими и караванными путями.

Во второй половине VII века варяги-русы с берегов Финского залива и Ладоги устремились по рекам Волхов, Ловать, Западная Двина и Днепр к югу, грабя проживавших на их пути финские племена *весь, нарову, эстов, сетголов, мерю, мурому*, а также пришедшие сюда славянские племена.

Собираясь в небольшие дружины до 20 человек, идя на лодках по рекам, варяги останавливались там, где указывал вождь-конунг. Часть варяжской дружины оставалась охранять лодки, а другие шли грабить местных жителей, забирая с собой одежду, продукты, оружие и жен.

К началу VIII века варяги добрались до Византии, называя себя там «*руссами*», хотя тогда не было ни такой страны, ни такого народа. К этому времени они носили, данное им финскими племенами имя, уже около 100 лет. Греческий летописец писал, что пришельцы, покрившие обитателей Финского залива и Приладожья, называли себя «*руссами*». В своей основной работе «История Российская с самых древнейших времен» Василий Никитич Татищев ссылался на безымянного автора, который в 839 году писал: «Император Константинопольский Феофил отправил послами неколиких, которые сказывали, что они и народ их *рос* называются. Их царь Каган (Хакон. – А.Г.) к нему для дружелюбия отправил. Путь, которым они в Константинополь прибыли, между грубыми, дикими и весьма бесчеловечными народами проходил, они родом шведы» [3].

В Византию с востока везли шелка, парчу, золото, медь, пряности, благовония и предметы роскоши. Варяги везли дорогие меха, воск, мед, зерно и самый дорогой товар – рабов. Первые сообщения о рабах из Прибалтики, преимущественно о финнах, балтах и славянах относятся ко времени правления арабского халифа в Кордове Омайядал-Хакима I в 796–822 годах.

Прибалтийских рабов, привезенных варягами в Византию, покупали арабские халифы Испании, Северной Африки и Средней Азии.

Юношей брали для службы в охране халифа, их использовали в домашнем хозяйстве и на галерах, а девушек направляли в гаремы.

Варяги привозили пленных финнов и славян также в Швецию, об этом подробно повествует исландская «Сага о людях из Лаксдаля», написанная в X веке. Варяг по имени Гилли Русский привез в западную Швецию 12 молодых девушек и продавал их богатым шведским конунгам, исландцам и норвежцам по цене от одной до трех мерок серебра [4].

По землям от Балтийского моря до Черного варяги освоили два основных пути «Из варяг в греки» (из Скандинавии в Византию. – А.Г.). Первый их путь пролегал от шведских городов Сигтуна и Бирке через Варяжское (Балтийское) море, Финский залив по реке Неве к Ладожскому озеру. Оттуда путь шел по реке Волхов, озеру Ильмень на реку Ловать, потом на Западную Двину и Днепр до Черного моря, а по нему до Византии.

На этом пути несколько волоков соединяли Ловать с Западной Двиной через их притоки и озера, в том числе: через озеро Усвят – 7 верст; Тестянское – 6 верст; Ужанское – 5 верст; Езерище – 8 верст и Залешанское – 2 версты. Три основных волока соединяли Западную Двину с Днепром: через озера Каспля и Куприно – 5,5 верст; Бабиновичское и Орехи – 5 верст; Лепельское, Берешта и Плевё – 7,5 верст.

Придя к устью Днепра, варяги шли на лодках вдоль западного побережья Черного моря к устью Днестра, затем – к устью Дуная и далее вдоль болгарских берегов в Константинополь.

Второй путь шел от тех же шведских городов через Балтийское море, остров Готланд, Рижский залив по реке Западная Двина тем же путем на Днепр и далее до Черного моря. Выгодно расположенный остров Готланд, названный по имени *готов*, был центром торговли на Балтике. По найденным там монетам можно судить, что шведы тогда торговали с арабами, французами, англосаксами и византийцами.

«И был путь из варяг в греки, из грек по Днепру, и вверху Днепра волок до Ловати в Ильмень, озеро великое, из него течет Волхов, и входит в озеро великое Нево (Ладожское озеро. – А.Г.), из того озера устье (река Нева. – А.Г.) течет в море Варяжское (Балтийское море. – А.Г.)» [5].

Начиная со второй половины VII века и до конца VIII века, шведские варяги на самых важных переходах и волоках торгового пути «Из варяг в греки» строили свои поселения. Одно такое поселение

они построили в VII веке на островах в Финском заливе, и назвали его *Бьёркё*, этим же именем назвали сами острова.

В VIII веке на торговом пути варяги построили или захватили у финских племен поселения *Альдейгоборг* (Старая Ладога), *Холмгаард* (Новгород), *Алабор* (Олонец), *Милиниск* (Смоленск), *Полотеск* (Полоцк), Киев. В этих поселениях можно было укрыться во время нападения финских аборигенов, пытавшихся вернуть себе награбленное варягами и отбить пленников. В них они останавливались на отдых и хранили награбленное богатство, позднее часть варягов оставалось постоянно проживать в этих поселениях. В Холмгаарде еще до прихода славян варяги-русы построили христианскую церковь святого Олова.

Реки и озера, которые тогда были более многоводными, являлись важнейшими транспортными путями, поэтому первые поселения шведы строили именно на берегах рек. Некоторые русские города упомянуты в скандинавских сагах: *Альдейгоборг* (Ладога), *Холмгаард* (Новгород), *Полотеск* (Полоцк). Одна из улиц Смоленска – бывшая тропа варягов к поселению кривичей Гнездово до советского времени называлась *Варяжской*.

Известно, что в 839 году варяги были в Константинополе, где заключили мирный договор с Византией, они говорили тогда, что принадлежат к народу шведскому, но называют себя «*руссами*», их предводителя зовут *Гаконом*. Таким образом, не подлежит сомнению факт, что в 839 году один из шведских народов называл себя «*руссами*».

К тому времени варягов уже более века финские племена называли «*руотсы*», и они постепенно привыкли к этому слову. Поэтому в греческих письменных памятниках они известны, как «*русь*», начиная с 839 года, через сто с лишним лет, как они получили это название от финских племен.

Роль денег у варягов заменяли шкурки куниц, зайцев, белок и других зверей, а мелочью служили им беличьи лобки. Ведя торговлю с Византией, шведы-варяги знакомились с римской и греческой цивилизацией, бытом южных народов.

Во время раскопок на острове Готланд и юго-восточном побережье Швеции были обнаружены монеты римского и византийского происхождения с V по XII века. Одной из распространенных среди варягов монет был греческий золотой *солид* размером с червонец. Также они пользовались мелкой греческой серебряной монетой – *шлягом*. Торговый путь «Из варяг в греки» был первоначальной областью будущего

Русского государства. Он стал началом многих последующих отношений между людьми севера и юга, между Древней Русью и Византией: экономических, культурных, образовательных, дипломатических.

Призвание Рюрика в Новгород (862–864 годы)

Великое переселение народов в Европе происходило с VII по IX век нашей эры. Территория нынешней Венгрии была заселена тогда славянскими племенами, которые пошли на Европейскую равнину в VII веке. На берегах Дуная из славянских племен остались одни болгары, которые никуда не переселились. В IX веке на Дунай, где раньше жили ушедшие славяне, с берегов Енисея и Оби пришли угры или *мадьяры* (венгры).

До прихода славян всю Европейскую равнину заселяли финские племена: *весь* – от верхней Волги и Мологи до Белого моря, *меря* – на Волге и Медведице. *Мурома* жила на Оке при впадении в Волгу, *мещера* и *мордва* на юго-востоке от мери, *ливы* жили в Ливонии, где сейчас живут латыши, *печора* на реке Печоре. От Вычегды, Сысоли и Выми до берегов реки Камы – *пермь*, это предки нынешних зырян, самоназвание которых *коми*. *Эсты* и *сетгола* (*сету*) жили вокруг озера, которое славяне называли Чудским.

Некоторые исследователи причисляют к финским племенам племя «чудь», что является ошибкой, так как по свидетельству русских и зарубежных историков, такого племени не было. Словом «*чудь*» славяне называли представителей практически всех финских племен, проживавших рядом с ними, выделяя первоначально отдельно лишь племена *весь*, *мерю* и *мурому*, но многие исследователи до сих пор ошибочно называют племя «чудь» в числе финских племен. Позднее славяне стали называть этим словом *эстов* и *сетголов*, а также «чудь белоглазую» – лопарей и «чудь заволоцкую» – представителей финских племен, проживавших за Онежским озером, постепенно называя другие финские племена своими именами.

Историк В.Н. Татищев в «Истории Российской с самых древнейших времен» под племенем «чудь» подразумевал эстов и финляндцев (емь и сумь. – А.Г.). Он писал, что слово «чудь» не бранное и не поносное,

на каком-то языке (не финских племен. – А.Г.), оно означало понятие сосед или знакомый (знаемый).

Двигаясь с берегов Дуная на северо-восток, славяне к началу IX века постепенно заселились по берегам Днепра, Ловати, Западной Двины, вышли к озеру Ильмень и Волхову.

О приходе славян на Европейскую равнину в русских летописях сказано: «Спустя много времени сели славяне на Дунае, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И от тех славян разошлись они по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели.

Одни, придя, сели на реке Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще славяне: белые хорваты, сербы и хоружане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них, и притеснили их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах. А еще другие сели между Припятью и Двиной и назвались дреговичами. Иные сели на Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину, и именуется Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем «славяне» и построили город и назвали его Новгородом. А другие сели на Десне и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ» [6].

В начале IX века в двух километрах от варяжского поселения Холмгаард, при впадении реки Волхов в озеро Ильмень, славяне начали строить город, назвав его Новгородом. Название варяжского поселения Холмгаард произошло от наречия весян – Колмагаард, то есть третий город.

В середине VIII века варяги захватили у финского племени *весь* три построенных ими города – *Alodejoki* (Нижняя река), *Каксили* (*kaksi* – второй), на месте которого позднее возник город Корела, и *Колмагаард* (*kolme* – третий). Варяги называли захваченные города по-своему: Альдейгоборг, Кексгольм и Холмгаард.

В это время, по легенде, один отважный славянин по имени **Буривой** со своей дружиной сражался с варягами. Если учитывать, что Буривой был девятым вождем славян после их прихода, и правил с 790 года, то можно определить, что славяне пришли к берегам Балтики и Ладоги в первой половине VII века. В одной из битв на реке Кюми,

которая течет с севера на юг и впадает в Финский залив, славянский вождь Буривой был побежден.

С остатками своей дружины, преодолев по непроходимым лесам и болотам более 200 километров, он бежал в Биармию и укрылся на острове. Вслед за В.Н. Татищевым я не исключаю, что это был Спасский остров, на котором находился город Каксила, построенный представителями племени *весь*, с того времени остров получил свое название. Буривой вместе с семьей остался жить в этом городе, здесь у него родился сын Гостомysl.

По В.Н. Татищеву и его ссылкам на «Историю Иокима, первого епископа новгородского», северные славяне пришли к берегам Волхова и Ладожского озера вместе со своим вождем Вандамом. Вождь Буривой, отец Гостомысла, был девятым поколением от Вандама. С 815 до 854 года варягами (россами) в Альдегборге правил Эрик Эмундов сын. В те же годы вождем славян был Буривой, а затем его сын Гостомysl. Территория легендарной тогда страны Биармия (оленья земля) располагалась на обширной территории между Ладожским и Онежским озерами, Белым морем и до берегов Северной Двины.

По утверждению историка В.Н. Татищева, разные исследователи по-разному определяли территорию Биармии. Одни считали ее от Финского залива и Ладожского озера с захватом всей Карелии, части Лапландии и Поморья, другие – только Карелию. Третьи исследователи – от племен емь и сумь (финляндцев) до двинян, зырян, печоры или самоедов до перми. В переводе на нынешнюю территорию – это Финляндия, Карелия, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская области, Республика Коми и Ненецкий автономный округ.

По свидетельству В.Н. Татищева, после поражения от варягов на реке Кюми Буривой скрывался в городе племени *весь* – Каксиле, который в то время славяне называли Бярмой. В этом же городе родился и жил его сын Гостомysl, пока его не призвали в *Великий град*, которым, по Татищеву, тогда был *Альдейгборг*. Проживая в Великом граде, являясь после смерти отца вождем славян, Гостомysl воевал с варягами, одних убил, других изгнал из этого города и перестал платить им подати. Он на берегу моря построил другой город, назвав именем своего старшего сына Выбор (Выборг. – А.Г.). Изгнанные из Альдейгборга варяги вновь захватили город Каксиле, назвав его Кексгольмом (не исключаю, что к тому времени там проживали не только славяне, весяне, но уже и карелы. – А.Г.).

В 820 году жители Новгорода призвали сына Буривоя **Гостомысла**, 790 года рождения, быть их старейшиной. Чтобы жить в мире и согласии с варягами, первый выборный предводитель новгородских славян посадник *Гостомysl* в конце 820-х годов выдал свою среднюю дочь Умилу замуж за богатого шведа-варяга Людбрата в Альдейгоборг. Гостомysl имел четыре сына и три дочери, сыновья погибли или умерли, не оставив наследства.

В 830-м году у Умилы и Людбрата родился сын **Рюрик**, который став взрослым, женился на Урманской (норманнской) княжне Ефанде, рожденной в Альдейгоборге (теперь Старая Ладога) на южном берегу Ладожского озера, захваченном у весян еще в 753 году, где они построили себе дворец. Урманский князь Хельге, 855 года рождения, доводился родным братом жене Рюрика Ефанде.

Согласно русской летописи, еще в 859 году племена чудь (имеются в виду все финские племена. – А.Г.), славяне и кривичи платили варягам подать по одной белой веверице с каждого человека. В.Н. Татищев указывал, что *веверка* – это белка. Летописец указал по «белой веверице», так как белки бывают черные, бурые и белые. В те годы у славян никакой государственности и престольного города не было, Новгород стал престольным городом с 866 года, после призвания туда Рюрика и переноса им центра из Альдейгоборга. Согласно летописям, Рюрик перенес престол в Новгород в четвертое лето своего княжения.

По свидетельству В.Н. Татищева, новгородский правитель Гостомysl (790–860 гг.) перед своей смертью созвал старейшин от славян, руси (варягов), чуди, веси, мери, кривич и дрегович, и завещал старейшинам призвать на княжение в Новгород его внука Рюрика. Из летописей известно, что варяги в очередной раз пришли в уже построенный Новгород в 862 году за податью, тогда их прогнали оттуда, не уплатив подати, но уже в том же, 862 году, Рюрик княжил в Новгороде.

О призвании славянами варягов править в Новгороде и других городах русские летописцы из одной летописи в другую писали следующее: «В 862 году изгнали варягов за море и не стали им давать дани, и начали сами собой править, и не было правды, и восстал род на род, и были усобицы, и начали воевать друг с другом. И сказали сами себе: поищем себе князя, который бы владел нами и судил по правде. И пошли за море к варягам. Вызвались же из варягов три брата с родами своими. Старший, Рюрик, сел в Новгороде, второй, Синеус, на Белоозере, третий, Трувор, в Изборске. После же двух лет умерли

Синеус и Трувор, и принял власть один Рюрик, и раздал города мужам своим. И было у него два мужа, Аскольд и Дир, и попросились они идти в Царьград с родом своим, и поселились в Киеве, и начали владеть полянскую землю» [7].

Таким образом, после смерти в 860 году престарелого первого выборного новгородского посадника Гостомысла начались междоусобицы славянских родов. Новгородцы на вече предложили выполнить завещание Гостомысла и призвать из Альдейгоборга его внука Рюрика на княжение в Новгород. В тот же год, 21 сентября, Рюрик прибыл в Новгород *один*, без каких-либо братьев. Русские летописцы, очевидно, неправильно перевели иностранный текст, где писали, что Рюрик пришел на землю финнов и славян с «*sinehusom*» (своим домом) и «*truvorom*» (верной дружиной) [8].

В Изборске тогда княжил Вадим, внук Гостомысла от старшей дочери, до своей гибели в 863 году. Город Белоозеро Рюрик с дружиной завоевал позднее, в 864 году. Эти сведения также подтверждают, что Рюрик прибыл в Новгород один, без братьев. В скандинавских сагах достаточно упоминаний о Гардах (Руси), Гардарике (русской земле), руссах, Рюрике, но пока не найдено, ни одного слова о его братьях Труворе и Синеусе.

Владея торговым путем «Из варяг в греки», имея сильные дружины, варяги-руссы покорили славянские земли в экономическом и политическом отношении. Это практически было не призвание со стороны славян, чтобы варяги «володели» ими, а внешняя экспансия с их стороны. В 863 году другой внук Гостомысла **Вадим Храбрый** поднял новгородцев на бунт против Рюрика. Вадим, как сын старшей дочери Гостомысла, князь изборский, по старшинству матери должен быть наследником престола в Новгороде. Рюрик с дружиной подавил бунт, казнил Вадима, многие его сторонники бежали на юг в Киев [9].

Окруженный многочисленной варяжской дружиной, Рюрик навсегда оставил свой город Альдейгоборг и стал во главе Новгородского княжества. Земли от Ладоги до Новгорода стали называться **Русью** по имени варягов-руссов. В 864 году Рюрик с помощью своей сильной варяжской дружины завоевал земли вокруг Изборска до Чудского озера, город Полоцк, а также центр племени *весь* – Белоозеро, центр племени *меря* Ростов, центр племени *мурома* – Муром, которые распределил среди соплеменников своего рода.

Недовольные распределением Рюриком новых земель варяги *Аскольд* и *Дир* в том же году вместе со своими дружинами пошли в знакомый им Константинополь. На пути они остановились в Киеве, который платил дань хазарам, и стали первыми киевскими князьями, позднее к ним присоединилось много варягов из Новгорода.

Когда новгородцы «призвали» Рюрика, уже пятое поколение шведов-варягов проживало не на материковой Швеции, а на землях финских племен и пришедших сюда славян. Когда Рюрик и его потомки стали управлять этими землями, произошел их дальнейший разрыв с материковой Швецией. Шведские и норвежские короли выдавали своих дочерей за русских вождей (варягов. – А.Г.), и сами женились на их дочерях. Из скандинавских саг известно, что, например, шведский король Галдан ездил в Гардарику (Русскую землю) и женился на дочери местного варяжского вождя Энвинда.

Участие шведов-варягов в начальном периоде становления Русского государства не должно вызывать никакого сомнения. Варяги соединили под одну власть северные славянские и финские племена. Но надо помнить о том, что сильные, сплоченные хорошо вооруженные варяжские дружины были незначительны по населению древнего Русского государства, основу которого составляли славянские и финские племена.

Хорошо вооруженные, хотя и малочисленные варяжские дружины диктовали условия жизни для финских и славянских племен. Варяги женились на славянках, весянках, представительницах других финских племен, со временем их внуки и правнуки становились уже не шведами-варягами, а русскими в славянском понимании этого слова. Многие представители финских племен, оставшиеся жить среди славян, со временем также ассимилировали с ними, и становились русскими.

Русский язык со временем не сохранил слов варяжского происхождения, одновременно включив в себя множество слов славянского и финского происхождения.

Очаги русской государственности (864–988 годы)

Шведы-варяги основали два первых самостоятельных русских княжества: Рюрик – Новгородское княжество на севере, Аскольд и Дир – Киевское княжество на юге. Так зарождалось русское государство с двумя великими княжескими престолами в Великом Новгороде и Киеве. Рюрик управлял Новгородом 17 лет, за два года до смерти у него родился сын *Ингвар* (по другим летописям Ингварь, Ингорь. – А.Г.). За сына Ингвара Рюрик подарил жене Ефанде землю Ижоры или Ингрии.

Новгород и Киев отделяли дикие леса и степи. Новгород платил дань варягам, Киев – хазарам. Жители Новгорода каждый год собирали по 300 гривен серебра и платили сначала Рюрику, потом его шурина Хельге.

После смерти Рюрика в 879 году новгородскими землями стал управлять шурина Рюрика *Хельге*. Он начал свое правление объездом вместе со своей дружиной славянских земель, вовлекая в свои дружины для похода много славян, кривичей, веси, мери и води. С помощью сильной дружины Хельге в 880 году захватил Смоленск у кривичей и пошел по Днепру к Киеву. Там он послал гонцов к Аскольду и Диру сказать, что варяжские купцы, идущие в Грецию, хотят их видеть. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, пришли на берег Днепра, где были убиты. Хельге вошел в Киев, жители которого под страхом смерти признали его законным государем [10].

В 882 году варяжский князь Хельге перевел столицу из Новгорода в Киев и стал называться славянским именем *Олег*, а Ингвара стали называть *Игорем*. В последующие два года Олег освободил от хазар северян на территории нынешней Черниговской области, завоевал радимичей в нынешней Витебской области, а также древлян. К 885 году Олег соединил воедино все земли от Новгорода до Киева. Надо помнить, что тогда не было территорий, сплошь заселенных людьми, леса и степи разделяли селения, построенные на берегах рек и озер.

В 884 году мимо Киева прошли многочисленные племена угров, которые шли из-за Урала на берега Дуная, до этого покинутые славянами. Там угры создали королевство Венгрию [11].

До прихода варяжского князя Хельге в Киев, местные жители назывались поляне, а при нем стали называться руссами, как и в перво-

начальной Руси от Ладоги до Новгорода. Со временем потеряли свои первоначальные имена и другие славянские народы.

Сын Рюрика Ингвар (Игорь) в 904 году обратил внимание на девушку-*весянку* из Выбужской веси. Она родилась и жила в деревне Выбуты, что на реке Великой в 12 км выше Пскова, в семье перевозчика. Имени этой девушки русский летописец не указал, по другим источникам ее звали Прекраса, в том же году она вышла замуж за Игоря, ей было 20 лет, Игорю – 27 лет. Женившись на ней, в знак уважения к своему дяде Олегу, воспитавшему его, Игорь назвал жену Ольговой девой или **Ольгой**. Так простая весянка в истории стала известна, как святая Ольга [12].

В.Н. Татищев писал, что в других источниках указано о Прекрасе, как княжеской дочери из Изборска, так как варяжские князья на девушках не из княжеских родов, по его мнению, не женились.

Олег умер в 912 году в возрасте 57 лет, по предположению от укуса змеи, откняжив в Киеве 32 года. После смерти Олега в Киеве стал править сын Рюрика Игорь. Он с женой Ольгой 16 лет ждал наследника, до этого рождались дочери, в 920 году у них родился наследник сын Святослав, первый князь, получивший славянское, а не шведское имя [13].

В X веке «руссами», кроме шведов-варягов, себя называли почти все славянские племена от Балтийского моря до нижнего течения Днепра, кроме *дреговичей, радимичей, тиверцев, уличей и вятичей*.

Дреговичи жили по северным берегам реки Припяти и ее притоков, радимичи – между Днепром и Десной, вятичи – в верховьях Оки, тиверцы – на берегах Прута, уличи – между Южным Бугом и Днепром в их нижнем течении.

К концу X века образовалось четыре основных очага будущего Русского государства. Все эти очаги русской государственности были разрозненными, разделенные на отдельные княжества, нередко враждовавшие друг с другом. О какой-либо взаимопомощи и сплоченности для защиты от врагов не могло быть и речи.

Основой формирования территории русской государственности **вокруг Новгорода до Балтийского моря и Ладоги** стали славянские племена *словене, кривичи и полочане*, финские племена *весь, водь, ижора и ладожане*, а также боевые дружины шведов-варягов.

Очагом формирования государственности **от города Ростова до Белоозера** были завоеванные шведами-варягами территории прожи-

вания финских племен *весь, меря и мурома*. Племя *меря* тогда проживало по берегам рек Волга в верхнем течении, Медведицы, Клязьмы и озера Неро. Племя *мурома* обитало на берегах Оки в ее нижнем течении, граничило на севере с мерей, на востоке и юге – мордвою, на западе – мешерой. В XIII веке племена меря и мурома полностью обрусели.

Вокруг Киева объединились славянские племена *древлян, полян и северян*, Древляне закрепились на территории нынешнего украинского Полесья, в основном – Житомирской и Киевской областях. Поляне расселились на правом берегу Днепра в его среднем течении. Северяне заняли территорию нынешних Брянской, Курской и Белгородской областей России, а также Черниговской и Сумской областей Украины. Южнее киевских земель была степь до самой Тавриды и Кавказских гор.

Четвертый очаг русской государственности **вокруг Волыни** сформировали *волянские*, которых до XI века называли «бужанами», и *дулебы*. Киевский князь Владимир в 982 году захватил польские города Червень вблизи Хелма, Перемышль и другие, которые с тех пор стали русскими городами. В 988 году он посадил на княжение во Владимиро-Волынском своего сына Всеволода, образовав Волынское княжество. В западной части княжества проживало славянское племя дулебов.

С того времени Галичское и Волынское княжества длительное время до 1213 года находились в составе Русского государства. В 1213–1214 годах они были завоеваны Венгрией, его удельным князем стал сын венгерского короля Коломан. В 1214 году жители Галичского и Волынского княжеств были крещены в католичество, а через три года выгнали оттуда всех православных священников и епископов, церкви преобразовали в костелы.

В 1218 году новгородский князь Мстислав Мстиславович Удалой отбил Галич у венгров, но ненадолго. В 1263 году Галичское княжество перешло к Венгрии, от нее – к Польше, один из очагов русской государственности Русь потеряла.

К XII веку Ростовское и Муромское княжества, населенные финскими племенами меря и мурома, оставались самыми восточными в Древней Руси. На юге ее земли доходили до Дикого поля, что в 200–300 километрах южнее Киева, на западе граница шла по Бугу, далее по Полоте и Западной Двине.

Из тринадцати славянских племенных союзов, вошедших к XII веку в состав русского государства (*поляне, древляне, дреговичи, полочане,*

словене, кривичи, северяне, волыняне, радимичи, вятичи, уличи, тиверцы и дулебы), для названия своего государства славяне не выбрали ни одного. Все они стали называть себя по имени шведов-варягов «*русами*», а государство – **Русь**. Таким образом, основой формирования русского народа являлись славянские и финские племена, а также шведы-варяги. Весть о княжении Рюрика в Новгороде, о захвате им финских и славянских городов и земель привлекла на Русь много варягов-шведов из-за моря, которые вступали в дружину Рюрика с целью обогащения за счет дани, которую варяги собирали с финских племен и славян.

Шведы-варяги еще долго считали себя завоевателями, а славян и финские племена – своими подданными, и требовали с них дань вплоть до смерти князя Ярослава Мудрого в 1054 году. Хотя войско Ярослава из славян и финнов значительно превосходило число варягов. Для похода в Киев в 1014 году против своего брата Святополка он собрал новгородское войско из 40 тысяч славян и представителей финских племен, а варяжская его дружина составляла всего 3 тысячи человек.

Русскими тогда еще не были завоеваны финские племена: *эсты, сетголы (сету), водь, ливы, ижора и корела*. В состав русского государства еще не входили угорские племена – *мари (черемисы), мордва, пермь (коми), печора, ненцы (самоеды), югра (ханты и манси)*.

Нужно отметить, что большинство финских племен сохранились до наших дней под своими именами, в то время, как ни одно из славянских племен под своим именем не сохранилось.

Договоры Древней Руси с Византией (907–971 годы)

Начав править Новгородом с 862 года и Киевом с 882 года, варяги-русы не прерывали своих давних отношений с Византией.

В 907 году киевский князь Олег (Хельге) направил в Царьград (Константинополь) своих послов. Они во вторую неделю сентября заключили с Византийской империей первый письменный договор, составленный на греческом и славянском языках.

К тому времени уже был создан славянский алфавит греческими монахами братьями Кириллом и Мефодием. Греческий император

Михаил в 863 году отправил в Моравию для перевода церковных книг с греческого на славянский язык монахов Кирилла и Мефодия. Там они изобрели славянский алфавит, прибавив к греческому алфавиту 11 букв. Этим славянским алфавитом стали пользоваться на Руси, в Валахии, Молдавии, Болгарии, Сербии и других странах. А в Моравии, Силезии, Польше, Чехии стали использовать алфавит с латинскими буквами [14].

Варяги-завоеватели ко времени подписания договора 907 года имели монахов-писцов, которые знали славянский язык и могли на нем составлять договоры. В «Повести временных лет» сказано, что дети начинали книжное учение, постигнув грамоту, они становились писцами, которые составляли летописи. Первыми центрами образования на Руси были монастыри.

Этот договор из десяти статей является древнейшим памятником истории Руси, он указан во многих русских летописях: «Мы от роду русского Карл Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, великим князем русским, и всеми сущими под рукою его, светлыми боярами, к вам, Льву, Александру и Константину (брату и сыну первого) великим царям греческим, на удержание и на извещение от многих лет бывшие любви между христианами и Русью, по воле наших князей и всех сущих под рукою Олега, следующими главами уже не словесно, как прежде, но письменно утвердили сию любовь, и клялись в том по закону русскому своим оружием.

Первым словом да умиримся с вами, греки! Да любим друг друга от всея души, и не дадим никому из сущих под рукою наших светлых князей обижать вас. Но потщимся, сколь можем, всегда и непременно соблюдать сию дружбу! Также и вы, греки, храните всегда любовь неподвижную к нашим светлым князьям русским и всем сущим под рукою светлого Олега. В случае же преступления и вины поступаем тако...» [15].

Далее в мирный договор были включены статьи уголовных законов. Этот договор подписали 12 дружинников Олега, все с варяжскими именами. Как исходит из текста договора, к тому времени в Константинополе проживали варяги-русы. Они служили Византии, наживали себе имущество и распоряжались им по своей воле.

Договор 907 года был выгоден для Руси, он обеспечивал ежегодную дань, как плату за ненападение.

Киевский князь Игорь (Инвар) в 944 году заключил второй письменный договор с греками. Со стороны греков договор заключили от имени императоров Романа, Стефана и Константина. Со стороны руссов – от имени князя Игоря, его сына Святослава, жены княгини Ольги, племянников Игоря Улеба и Якуна, жены Улеба Ефанды и многих русских князей поименно, также были указаны имена 23 послов от русских купцов.

В договоре 944 года были предусмотрены условия проживания 50 руссов в селении Святого Мамонта за стенами Царьграда. Эти 50 гостей и послов могли находиться, если имели грамоты от русского князя. Пришедших в Царьград без грамоты греки имели право задержать, а при сопротивлении – убить.

Руссы обязывались не зимовать ни в Греции, ни в устье Днепра. За невольников, приведенных руссами в Грецию, греки обязались платить за юношу и добрую девицу по 10 золотых, за среднего человека – 8 золотых, за старика и дитя – 5 золотых. Руссы же платили за невольников, приведенных греками по 10 золотых без разбору или цену, объявленную их хозяином под присягой.

Руссы обязались не воевать в Херсонесе (город-государство в Тавриде. – А.Г.) и его владениях.

Варяги-язычники клялись за нарушение договора не иметь помощи от бога Перуна, не ущититься щитами своими, быть посеченными мечами своими, погибнуть от стрел и оружия своего и быть рабами в этот век и будущий. Греки-христиане и христиане, проживавшие в Киеве, клялись «местью Бога и погибелью в этот век и будущий» [16].

Невольниками-рабами, которых варяги-руссы продолжали продавать в Византии, по-прежнему оставались представители славянских и финских племен. Работорговля в Древней Руси была распространена широко, славяне-дружинники вместе с варягами продавали «поганым» своих же славян. Не случайно в английском, немецком и французском языках понятие «раб» обозначается словом «славянин» [17].

Сын Игоря киевский князь Святослав 14 июля 971 года заключил новый письменный договор с греками: «Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором эту клятву мою. Хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу,

и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на то, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние (Херсонес и его владения. – А.Г.), ни на страну Болгарскую. И если и иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним.

Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдаем мы прежний договор. Если же не соблюдаем мы чего-нибудь из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем – от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное наше оружие. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями» [18].

Крещение Руси (866–988 годы)

Первыми из варягов-русов крестились в христианскую веру жители Киева в 866 году. В тот год Аскольд и Дир дерзнули напасть с отрядом варягов на Константинополь. Но буря разметала их суда, лишь немногие варяги вернулись в Киев. После этого неудачного нападения Аскольд и Дир отправили послов в Константинополь, прося крещения жителей Киева в христианство. Константинопольский патриарх Фотий писал в конце 866 года: «Россы, дерзнувшие воевать с Империей Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа, они друзья наши, быв еще недавно злейшими врагами. Они уже приняли от нас епископа и священника, имея живое усердие к богослужению христианскому» [19].

Киевский князь Олег (Хельге), как варяг, не крестился в христианство, но он был доволен мирным союзом с греками, и терпимо относился к жителям Киева, принявшим христианскую веру.

Ко времени правления в Киеве князя Игоря (Ингвара) к 912 году в городе было некоторое число христиан. К 936 году в Киеве уже была построена христианская церковь Святого Ильи. В те годы константинопольское духовенство записало Русь 60-м архиепископством в списке своих епархий. Сам Игорь и его жена Ольга оставались язычниками. После смерти Игоря, расправившись с его врагами, княгиня Ольга в возрасте 62 лет отправилась в Константинополь, где крести-

лась в христианство. Вернувшись в Киев, она пыталась наставить к христианской вере сына Святослава, но тот отверг ее, оставаясь язычником до конца своих дней.

Его сын от ключницы Малуши *Владимир* известен в истории тем, что крестил Русь в христианство. Он родился в 948 году, о нем имеются сведения в русских, скандинавских, немецких, византийских и арабских летописях.

В 970 году Владимир стал новгородским князем и правил там 7 лет. Узнав о том, что киевский князь, его родной брат Ярополк, с которым он враждовал, убил другого своего брата Олега, Владимир пошел за помощью к варягам. Он два года жил у варягов, после чего вернулся на Русь с многочисленной варяжской дружиной.

В 980 году Владимир пошел с варягами и новгородцами войной на полоцкого князя Рогволода. К началу правления Владимира старых варяжских уделов на Руси уже не оставалось, кроме Полоцка. Полоцкий князь Рогволод, родом из города Бергена, был независим как от Новгорода, так и от Киева.

Убив его и двух сыновей, Владимир взял силой в жены дочь убитого князя Рогнеду. Являясь язычником, князь Владимир был многоженцем. К тому времени он был уже женат на Богемской (Чешской) княжне Олаве, она родила ему сыновей Святослава и Станислава.

От Полоцка Владимир пошел с войском в Киев, убил своего брата Ярополка и стал киевским князем. Беременную жену убитого родного брата Ярополка Преславу Владимир взял себе в наложницы. Она от Ярополка родила сына Святополка, которого Владимир усыновил.

У Рогнеды от Владимира родились сыновья Вышеслав, Изяслав, Ярослав и Всеволод, а также две дочери Преслава и Мария, но своего мужа она ненавидела. Однажды во время сна попыталась убить Владимира ножом, он вовремя проснулся и схватил ее за руку, в которой был нож. Приказал Рогнеде одеться в брачный наряд и ждать в нем своей смерти, сказав, что он собственноручно убьет ее. Рогнеда велела малолетнему сыну Изяславу взять в руки обнаженный меч и выйти навстречу отцу. Владимир при сыне не стал убивать жену, передал ее на суд бояр, которые просили не убивать ее. Владимир отпустил Рогнеду вместе с сыном Изяславом в полоцкую землю, с тех пор ее потомки княжили в Полоцке.

Третьей женой Владимира стала Богемская (Чешская) княжна Мальфреда, которая родила ему сына Мстислава. Четвертой его же-

ной была Болгарская княжна Милолика, родившая сыновей Бориса и Глеба. Пятой женой Владимира была греческая княжна, родившая ему сына Святополка. Кроме жен, по свидетельству летописцев, Владимир имел много наложниц.

Став киевским князем, Владимир долгое время вел переговоры с Византией о крещении жителей Киева. Византия полагала, что если Русь примет христианство и церковь возглавят византийский патриарх и император, то она после крещения станет ее вассалом. Но князь Владимир считал, что крещение Руси и заимствование византийской культуры не должны лишить Русь самостоятельности.

В 987 году против византийского императора Василия II выступил с войском его же военачальник Варда Фока, который объявил себя императором. Василий II попросил помощи у киевского князя Владимира. Тот поставил условие о крещении жителей Киева в христианство, а ему в жены передать сестру императора Анну. Василий согласился на эти условия, Владимир выступил к Константинополю с войском в шесть тысяч воинов и разбил отряды Варды Фоки. Наступил 988 год, но Василий не сдержал свое слово и не отправил сестру Анну в Киев [20].

Тогда Владимир, нарушив договоры с византийцами, заключенные дедом Игорем в 944 году и отцом Святославом в 971 году, собрав многочисленное войско, пошел к Херсонесу. Этот город тогда еще сохранял свою славу, несмотря на великие опустошения от скифов, сарматов, готов, гуннов и других диких народов, приходящих на эти земли. Херсонес признавал над собою верховную власть византийских императоров, но не платил им дани. Здесь избирали своих начальников и повиновались своим установленным законам.

Завоевав Херсонес, князь Владимир написал послание византийским императорам Василию и Константину, что желает взять в жены их сестру Анну, 13 марта 963 года рождения. В случае отказа он силой возьмет город Константинополь. Те ответили, что согласны, если Владимир сам примет христианскую веру. Тот согласился и крестился в церкви святого Василия, которая стояла на городской площади Херсонеса.

После венчания с Анной Владимир велел построить церковь на том месте, куда жители города сносили из-под стен его крепости землю. Он назвал город Херсонес русским именем **Корсунь** и возвратил его византийским императорам в благодарность за их сестру.

Наставленный херсонесским митрополитом, крещенный в христианскую веру, захватив с собою греческих священников и необходимые принадлежности для христианского богослужения, князь Владимир возвратился в город Киев. У него было твердое желание крестить свой русский народ в христианскую веру. Владимир велел объявить в городе Киеве, чтобы весь народ шел креститься на берег Днепра.

Накануне крещения глашатаи объезжали город, громко и внятно объявляли о крещении, повторяя слова князя Владимира: *«Если не придет кто завтра на реку, – будь то богатый или бедный, или нищий, или раб – да будет мне враг»* [21].

Сам Владимир явился на берег в сопровождении множества греческих священников. По его знаку бесчисленное множество людей вступило в реку, стоя в воде по грудь и шею. Отцы и матери держали своих младенцев на руках. Священники в это время читали молитвы и пели славу Богу. После совершения обряда священный собор нарек всех киевских граждан христианами. Первым митрополитом в Киеве с 988 по 992 годы был византиец Михаил Болгарин. Так от Киева с 988 года пошла по всей Руси православная христианская вера.

В процессе крещения Руси из Византии приглашали мастеров, которые строили каменные храмы, расписывали их, украшали фресками, мозаикой, иконами. Вместе с ними работали русские люди, которые учились неизвестному им ранее мастерству.

Постепенно сложился церковный культ князя Владимира, с 1240 года началось его широкое почитание. Из убийцы, насильника и многоженца – язычника, с приобретением веры, Владимир стал для православных людей *святым*. По инициативе новгородского князя Александра Невского произошла канонизация Владимира, ему была посвящена ежегодная отдельная новая служба в церкви в день его памяти 15 (28) июля.

Походы русских князей на финские племена (985–1242 годы)

После захвата Рюриком в 864 году земель финских племен: *«весь»* с центром в Белоозере, *«меря»* с центром в Ростове и *«мурома»* с центром в городе Муроме, походы шведов-варягов на финские племена приостановились на 120 лет.

Но к 985 году киевский князь Владимир покорил все финские племена на южных берегах Балтийского моря и Ладоги: *эстов, сетголов, ливов, водь, ладожан*. Его чиновники ездили собирать дань со всех земель, где жили эти племена. Вся Ливония платила дань князю Владимиру. Непокоренными ему оставались финские племена, проживавшие севернее реки Невы: *корела, емь, сумь, саамы и ижора*.

Но междоусобицы детей Владимира привели к независимости Ливонии и проживавших там финских племен: ливов, эстов, сетголов, водь. В 1019 году сын Владимира киевский князь Ярослав Мудрый женился на дочери шведского короля Олофа Ингегерде. От своего отца она получила в приданое город Альдейгоборг (Ладогу) с прилегающими землями. С тех пор проживавшие там финские племена стали называть земли по берегам Финского залива и Ладоги «*Ингермаа*», то есть земли Ингегерды. На землях Ингермаа проживали финские племена: *корела, ижора, ладожане, водь*. Уже позднее, при императоре Петре I, когда вошли в моду названия на германский лад, эти земли стали называться не Ингермаа, а «*Ингерманландией*».

В 1030 году Ярослав Мудрый вновь пошел походом на эстов и сетголов, чтобы покорить их. На их землях он построил город Юрьев (сейчас Тарту), и стал вновь собирать дань с проживавших там эстов, сетголов и латышей. Эсты и латыши неоднократно пытались свергнуть власть Руси, но безуспешно.

Хочу напомнить, что во всех русских летописях сначала многие финские племена, а позднее *эстов и сетголов (сету)* называют словом «чудь», хотя такого финского племени никогда не было.

При своем правлении Ярослав Мудрый, расширяя владения Руси на восток, захватил земли угорских племен *печоры, перми и югры*. С той поры на длительное время северный Урал стал своего рода границей древней Руси.

Сын Ярослава Мудрого киевский князь Изяслав в 1055 году направил новгородского посадника Остромира походом на эстов, новгородцы захватили их город Осек Декинив. Но в 1060 году эсты и сетголы прогнали русских сборщиков дани, захватили и сожгли город Юрьев и селения до самого Пскова. Псковичи и новгородцы вышли им навстречу, был бой, во время которого погибли около одной тысячи русских воинов, и еще больше эстов и сетголов.

Следующие походы на них совершил сын киевского князя Владимира Мономаха Мстислав. В 1130 году он направил на эстов и сетголов

своих сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава. Русские тогда убили много эстов, их дома сожгли, жен и детей привезли на Русь. В следующем году Всеволод с новгородской дружиной снова пошел на земли эстов, но был побежден, много русских людей тогда было убито.

После смерти Мстислава в 1132 году начались междоусобицы русских князей. Воспользовавшись смутами, возникшими в Новгороде, эсты и сетголы перестали платить дань Руси, овладели городом Юрьевым и перебили там много жителей. В следующем году новгородский князь Всеволод предпринял поход на эстов и отнял у них Юрьев.

В 1173 году владимирский князь Андрей Боголюбский покорил финские племена мордву и черемисов (марийцев).

Одновременно все эти годы происходили междоусобицы среди русских княжеств. Все эти распри ослабляли русские княжества, чем пользовались их противники.

В начале XIII века на земли эстов и ливов проникли представители двух немецких орденов – Тевтонского и Меченосцев. Оба эти ордена позднее объединились в один Ливонский орден с целью крещения жителей земель, приграничных с Русью, в католичество. Надо помнить, что к тому времени в 1054 году христианская вера раскололась на православную и католическую. В 1186 году в устье Западной Двины была построена первая католическая церковь, тогда же было основано Ливонское епископство, зависимое от Бремена. Но уже в 1197 году ливонский епископ Альберт фон Буксгавден отделил Ливонию от немцев. На месте первой католической церкви в устье Западной Двины он заложил город Ригу. Римский папа Целестин III дал согласие на создание Ливонского военного и духовного ордена рыцарей.

В скором времени белый плащ, и красный крест Ливонского ордена стал символом врагов латышей и финских племен. Земли Ливонии быстро подошли к Полоцку, Пскову и Новгороду. Создание этого ордена стало порождением идеи крестовых походов.

Эсты стали просить помощи у русских, новгородцы ходили походами под город Венден в 1222 году и город Ревель в 1223 году. Они тогда завоевали всю землю эстов и сетголов, привели домой много пленных, и взяли много золота, но в городах эстонских они не остались.

В 1224 году Ливонский орден захватил древний русский город Юрьев, назвав его Дерпт (ныне эстонский город Тарту).

Немцы по-прежнему оставались владеть землями эстов, в 1234 году новгородский князь Ярослав выступил к городу Юрьеву. Его войско

встало недалеко от него станом, князь отпустил своих людей для сбора продуктов. Немцы сделали вылазки из городов Юрьев и Оденпе, но русские их побили. Воспользовавшись победой, русские опустошили землю эстов, истребили хлеб, немцы запросили мира, который был заключен.

Борьба Новгорода с немцами за веру в Ливонии была неизбежной, как и борьба его со Швецией на Карельском перешейке и Приладожье. В 1240 году немцы овладели Псковом, а в Новгород с объявлением войны прислали послов шведы. Шведский король намеревался выгнать славян с устья Невы и дойти с войском до Новгорода, направив войско во главе с ярлом (воеводой) Биргером. Шведы расположились на берегу Невы для отдыха, разожгли костры, готовясь к дальнейшему походу.

15 июля 1240 года в устье реки Ижоры при впадении в Неву произошла битва новгородцев во главе с князем Александром Ярославичем со шведами. После битвы, в которой шведы потеряли много убитыми, они под прикрытием ночи уплыли на шнеках вниз по Неве в море.

Завоевав Псков, немцы вместе с эстами, латышами и сетголами пошли на новгородские земли. К весне 1241 года они завоевали Лугу, Тесово, Копорье, к ним присоединилась часть вожан, другие убежали в леса и там скрывались. Немцы были уже в 30 км от Новгорода, когда князь Александр Ярославич, собрав войско новгородцев, пошел им навстречу, освобождая от них новгородскую землю. Летом 1241 года он подошел к городу Копорье вместе с новгородцами в его войске были ладожане, корела и ижора. Взяв город, князь привел в Новгород пленных немцев, других пощадил и отпустил на свободу, но перевешал изменивших Новгороду эстов, сетголов и вожан. От Копорья Александр Невский пошел на Псков, освободив его от немцев.

В начале апреля новгородцы узнали, что к немцам идет помощь, и двинулись ей навстречу. Пятого апреля 1242 года на льду Чудского озера произошла битва, которая в истории получила название «Ледовое побоище». Немцы по льду реки Эмбах пришли к Чудскому озеру. Александр Невский сосредоточил свое войско на мелководном заливе Узмень между Чудским и Псковским озерами. В любом случае, если враг пойдет по льду на северо-восток к Новгороду или на юг к Пскову, войско Александра Невского было способно встать на пути противника.

Неприятель пошел на русское войско своим строем «свиньей», в середине которой была пехота, а по бокам – конница. Вражеский натиск встретили пешие отряды новгородских и псковских лучников, которые, отступая, втянули немцев в клин. В это время русская конница обрушилась на врага слева и справа. Немцы побежали на северо-восток по слабому льду Чудского озера, проваливались под лед. Под мечами и копьями русских, карел, ижорцев и ладожан погибли и утонули в озере более 500 тяжело вооруженных немецких рыцарей. До того времени такого поражения они еще не знали.

Но Ливонию с проживавшими там финскими племенами ливов, эстов и сетголов Русь потеряла надолго. Завоевав ливов, эстов, сетголов, латышей и создав Ливонский орден, немцы три столетия покоряли прибалтийские земли. Начав с цели распространения католической веры среди завоеванных народов, немецкие рыцари создали военно-церковное государство. Соседняя Литва видела в ордене своего союзника против Руси и не пыталась завоевать его земли, чтобы выйти к Балтийскому морю.

Карельский перешеек с проживавшими там карелами позднее был поделен на две части между Новгородом и Швецией. В русских летописях первое упоминание о племени «*водь*» под своим именем значитсЯ под 1060 годом, племени «*ижора*» – 1228 годом, до этого славяне называли их общим словом «чудь».

Глава II. Из племени «*весь*» (840–1137 годы)

Финское племя *весь* проживало на обширной территории от реки Мологи с ее притоками до Белого моря. Сведения об этом племени имеются с VIII века и вплоть до XIV века, пока оно полностью не обрусело или ассимилировало с другими народами. Кто-то писал, что жили они здесь 10 тысяч лет до прихода сюда славян, но никто и никогда не писал о тех, кто жил здесь до этого племени, по-видимому, до них в этой местности жителей не было, так как она была покрыта ледником.

Племя *весь* оставило потомкам на обширном пространстве тысячи своих названий рек, озер, урочищ, сел и городов. От племени *весь* происходят названия: Вески, Веснево, Вескино, Почеповесь, Колобовесь,

Хотавесь, Уйвесь, Перевесь, Грязновесь, Череповесь, Еськи, город Весегонск и другие. Известные реки и озера тоже носят название этого племени: река Ока от слова «joki» – река, река Волга – «Valhi» – белая река, озеро Селигер – светлое озеро.

Пришедшие славяне слышали от финских племен названия рек, озер, заливов, поселений и чаще всего оставляли их прежними, иногда несколько переименовывали на свой лад.

Финно-угорские народы стали появляться на исторической арене лишь в эпоху средневековья, которая охватывает период с 600 по 1500 годы. В книгах по мировой истории авторы указывают, что до X века нашей эры на территории от северных морей до рек Волги и Оки проживали финно-угорские таежные племена охотников и собирателей.

Римский исследователь Корнелий Тацит в 98 году нашей эры писал: «Финны отличаются чрезвычайной дикостью и живут в ужасающей бедности. У них нет ни оружия, ни лошадей, ни постоянных жилищ. Они едят траву и коренья, одеваются в звериные шкуры, спят на голой земле. Единственным их оружием являются стрелы, которые они, ввиду отсутствия железа, заостряют костяными наконечниками. Как мужчины, так и женщины живут охотой, ибо последние всюду сопровождают первых и требуют своей доли добычи. У них нет другого крова, кроме шалаша из ветвей. В него они прячут своих детей от диких зверей и непогоды. Там же живут старики и отдыхают женщины. Но такую жизнь они считают вполне счастливой – они не хотят ходить за плугом, уставать за работой дома, копить богатство и сторожить его. Не заботясь ни о людях, ни о богах, они наслаждаются высоким благом – отсутствием желаний» [22].

История народов, проживавших на территории нынешней Финляндии, берегах Финского залива и Приладожья, начинает проясняться лишь со середины VIII века на основе шведских летописей. Из шведских и русских летописей можно узнать, что племя *vesь* к тому времени построило поселение Белоозеро на южном берегу Белого озера и Ладогу на южном берегу Ладожского озера. До этого, в начале VIII века, *vesьяне* построили три города: *Alodejoki* (*Алодейоки*), *Каксилы* и *Колмагаард*, позднее захваченные у них варягами.

Длительное время, более 10 тысяч лет, племя *vesь*, как и другие финно-угорские племена, жило за счет охоты, рыбной ловли и собирательства. Они собирали растительную пищу в диком виде: злаки, лук, чеснок, корни и листья других растений. В VII–VIII веках нашей

эры представители этого племени начали засеивать небольшие участки земли злаками: пшеницей, ячменем и овсом, а также высаживать дикие растения и клубни. В это же время они стали приручать диких лошадей, коров и овец, помещая их в загоны.

Встречи пришедших на Европейскую равнину с берегов Дуная славян с финским племенем *весь* в IX веке носили, в основном, мирный характер. Это племя, как и другие финские племена, не имело своей письменности, не писало летописей, не отнимало чужих земель, но часто уступало свои земли захватчикам. Как проходила колонизация земель славянами, можно судить только по русским летописям. Ни в русских письменных памятниках, ни в народных преданиях русских нет воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с местными обитателями. Сам характер финских народов содействовал мирному сближению обеих сторон. Письменные памятники греческих, германских и римских путешественников, свидетельствуют о племени *весь* как диком и бедном, не знающем домов и боевого оружия.

Племя *весь* постепенно исчезло с территории реки Мологи и ее притоков, часть его пополнила ряды пришедших сюда славян, а часть ушла на север. Потоки славян отбрасывали племя *весь* вместе с другими финскими племенами все далее и далее на север. Финские племена искали среди лесов севера безопасности для жизни, промыслов, охоты, рыболовства и хлебопашества, которое они постепенно переняли у славян.

Русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а занимали обширные промежутки, которые оставались между разбросанными среди болот и лесов финскими селениями. Поэтому финские и русские названия сел, рек, озер идут не сплошными полосами, а вперемешку, чередуясь между собой.

В русских летописях сказано, что вместе со славянами посольство к варягам-русам с призыванием их на свою землю в 862 году отправили финские племена «весь» и «чудь». Племя *весь* вместе с другими финскими племенами, проживавшими на Европейской равнине (*меря, мурома, черемиса, мещера, мордва, ливы, нарва, емь, пермь, югра, печора*), со временем значительно пополнило ряды славян, создав великорусское государство.

Русский народ укреплялся за счет славянских и финских племен двумя путями: во-первых, пришлые славяне, селясь среди финских племен, поневоле заимствовали многое из их быта, уклада жизни, приспособленности к конкретной местности.

Во-вторых, оставшиеся в этой местности финские племена, постепенно русея, входили в состав русской народности со своим языком, обычаями и верованиями. Этими путями в жизнь русских проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в них финских племен.

Русский историк В.О. Ключевский отмечал, что скуластость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и волос, и особенно типичный великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью обусловлен финским влиянием [23].

Оставаясь проживать со славянами, принимая христианство, племя *весь* и другие финские племена утрачивали вместе с язычеством свою народность и постепенно слились с русскими к XIV веку. На землях прежнего проживания финских племен с XII века стали возникать русские города Суздаль, Переславль-Залесский, Дмитров, Углич, Зубцов, Молога, Владимир, Москва, Ярославль, Тверь и другие.

Племя «весь» на реке Уйвесь (840 год)

В суровом климате северной зимы финские племена в IX веке носили одежду и обувь, полностью оберегавшую человека от холода. Одежду они шили из шкур животных, пришивая к шкуре рукава тонкими ремешками или жилами животных. Штаны тоже были сшиты из шкур животных. На уровне пояса шкуру перевязывали кожаным ремнем. Обувь они знали давно, сначала ее делали из шкуры животных, которая вырезалась по размеру ступни. По краям подошвы делались отверстия, через них продевали длинные ремешки, которыми обувь привязывали к ногам. Позднее подошву стали обшивать кожей, наподобие сапог, и привязывать к ноге ремнями.

На голову надевали войлочную или кожаную шапку. Позднее, когда представители финских племен научились ткать холсты, они шили и надевали холщевые штаны и рубашку. Летом ходили только в них, подпоясавшись. Зимой поверх них по-прежнему надевали кожаные штаны и кафтаны, мехом наружу.

В холодные осенние ночи обитатели стоянки ложились вокруг костра. Им приходилось ворочаться с боку на бок, так как огонь костра

грел с одного бока, а другой бок замерзал, кроме того, одолевали стаи комаров. Некоторые, чтобы согреться, подвигались ближе к костру, но на их шкуры падали горячие угольки и шкуры начинали тлеть.

Иногда ночь заставляла путника в лесу. На кочки со мхом он настилал еловый лапник, им же укрывался и засыпал, хотя комары проникали в убежище и не давали спать.

Между елками на поляне было кострище, в середине которого навалом лежали камни. Камни клали в костер для того, чтобы они дольше хранили тепло, на них жарили мясо и рыбу. Обычно выбирали круглые и плоские камни, не имеющие по периметру полос, чтобы они не трескались и не разлетались по сторонам. Огонь добывали ударами друг о друга двух кусков кремния, поднося их к сухой траве или бересте, которые легко воспламенялись. Потом огонь старались постоянно поддерживать с помощью углей, оставшихся под камнями.

Первобытный лес для человека был всем: он давал ему кров, пищу и все необходимое для жизни. А древесный сук – самое древнее и самое естественное средство защиты, нападения и охоты. Из сука делали рогатину для охоты, луки изготавливали из сучьев твердого дерева, а стрелы к ним – из легкого дерева или речного тростника. Охота и опасности окружающего леса породили в человеке ощущение соседства с могущественными силами, перед которыми он преклонялся и приносил им жертвоприношения. В моем повествовании путь представителей племени «весь» к цивилизации показан в более сжатые сроки, чем он проходил в действительности.

* * *

Весянин Нило проснулся от птичьего гомона. Он спал вместе с двумя братьями под густой ветвистой елкой на оленьих шкурах. Каждый был укрыт сверху также оленьей шкурой. Под соседней елкой спала сестра с ребенком, кто был его отец, никто не интересовался. Под другой елкой спали отец и мать. Немного поодаль, ближе к реке, под такой же высокой раскидистой елью спал брат с женой и сыном, недалеко от них – сестра с мужем и двумя детьми. Стоянка их рода была на высоком берегу реки Уйвесь недалеко от впадения ее в озеро.

Нило выбрался из-под свисающего елового лапника, подошел к сучкастому дереву, сдернул с него оленью шкуру, снятую с животного

«чулком». Надел на себя, просунув голову и руки в прорези. Шкура прикрывала тело от плеч до колен.

Отец уже не спал, он сидел на поваленном дереве и готовил снасти для охоты: лук, стрелы, рогатину, силки. Он уже раздул огонь и набросал в него сушняка.

Нило шла двадцатая весна, он был высоким, красивым, стройным юношей с длинными русыми вьющимися волосами и белым лицом. На подбородке и губе начали пробиваться усы и борода. В отличие от Нило все три брата были скуластыми, смуглыми, с темными жесткими непослушными волосами.

Нило подошел к отцу, сказал, что пойдет на озеро ловить щук. Щуки после нереста еще не набрали сил, у них не было такой сноровки и быстроты, как в другое время. Нередко в густой траве их можно было ловить даже руками. Юноша взял с собой небольшую рогатину и сломал ольховую ветку, очистил ее от сучков, оставив два длинных, на которые будет насаживать рыбу.

Пошел вдоль берега реки Уйвесь к озеру. В одном месте берег был низким, болотистым, он вступил в воду и медленно пошел вдоль берега. Увидев стоящую в прозрачной воде щуку, прижал ее деревянной рогатиной ко дну, а другой рукой взял под жабры. После этого вышел на берег, начал отвешивать земные поклоны богу воды – Ахти и благодарить его за то, что он принес ему рыбу из воды.

Затем отпустил рыбу обратно в воду, чтобы ее принял водяной и помогал ему дальше ловить рыбу. Он прошел по берегу реки около двух километров, подошел к лесному озеру, вошел в воду и стал ловить щук. Придавив очередную щуку рогатиной ко дну, Нило брал в зубы ольховую рогатину с рыбой, наклонился, взяв щуку под жабры, насаживал ее вместе с другими. Он сумел уже поймать восемь щук, когда услышал всплеск воды. Нило потихоньку вышел на берег, прошел немного по нему и увидел купающуюся девушку.

Девушка стояла по пояс в воде обнаженная и мыла волосы. Понимая, что подсматривать грешно, Нило не мог оторвать от нее взгляд. Вымыв голову, девушка продолжила мыть тело мочалом из травы, поднимая то одну, то другую руку. Нило охватила сладкая истома, он с трудом сдерживал себя, чтобы не встать с земли и не спугнуть девушку. Закончив купание, девушка вышла на берег, надела набедренную повязку из оленьей шкуры и такой же полоской прикрыла грудь.

Тогда Нило встал и позвал ее: «Тютте, тютте». Девушка вздрогнула, но не убежала. Он подошел к ней, спросил, как ее зовут, откуда она. Девушка ответила, что зовут ее Юстя, ее род расположился недалеко от этого озера на реке Могоче. Ей идет семнадцатая весна, она самая младшая в роду, еще есть два брата и старшая сестра. Нило сказал, что проводит ее до стоянки и познакомится с родителями. Они вместе шли лесной тропинкой, Юстя впереди, а Нило – сзади. Всю дорогу он любовался красивыми волосами, статным телом, загорелыми стройными ногами.

Придя на стоянку Юсти, Нило познакомился с ее родителями, братьями и сестрой, оставил им пять щук и пошел домой. В конце весны ночь наступает поздно, Нило вернулся еще засветло. Он рассказал своим о рыбалке, о Юсте, о стоянке, что в шести километрах от них на реке Могоче. Сказал родителям, что девушка любя ему, он хочет с ней жить. На второй день вместе с двумя братьями Нило отправился на стоянку Юсти. Стали говорить о том, что Юстя понравилась Нило, он хочет с ней жить. Ее родители не возражали, но с одним условием, что весь род Нило перейдет жить с реки Уйвесь на реку Могочу в их лес. Вместе жить будет безопаснее и веселее. Братья ответили, что надо поговорить с родителями и сестрами. Вечером этого же дня состоялся разговор о переходе на другую стоянку. Никто не возражал, начали готовиться к переходу.

Из валежника выбрали четыре длинные жерди, на них черемуховыми и ивовыми прутьями привязали по четыре поперечины. Получились носилки, на которые были уложены шкуры убитых животных: оленей, лисиц, зайцев, медведя, рыси. На носилки сложили также охотничьи и рыболовные снасти: рогагины, луки, стрелы, силки. На другие носилки сложили домашнюю утварь – деревянные миски, плошки, ложки, бочонки. На двух носилках сразу все не унесли, решили прийти сюда второй раз. Братья подняли на плечи носилки и понесли их, отец и женщины взяли в руки то, что можно унести. Дети семенили босыми ногами рядом.

Переход занял в общей сложности два дня, на новом месте пришедшие подобрали себе раскидистые ели, обломали на них нижние сучья, стали устраивать лежбища. На одной сучкастой елке сделали что-то вроде лабаза, куда подняли неиспользованные шкуры и утварь.

Два рода племени **весь** объединились и стали жить вместе на берегу реки Могочи, шел 840 год.

Приход славян на земли племени «весь» (850–870 годы)

Нило и Юстя прожили вместе уже десять лет, у них родились две дочери и два сына, шел 850 год. В этот год неподалеку стали появляться чужие люди. Однажды Нило отошел от берега реки Могочи с километр и увидел, как какие-то люди непонятными для него орудиями строили себе из деревьев дома. Крыши домов были похожи на шалаши, только больше размерами. О появлении чужих людей Нило рассказал отцу, братьям и родственникам. На следующий день все мужчины из этого рода, захватив рогатины, луки и стрелы, пошли к поселению незнакомых людей. Это были славяне, язык которых весяне не понимали и называли их «немыми» (а позднее всех иноязычных они стали называть *немыми* или *немцами*, в том числе и шведов. – А.Г.).

Заметив приближающихся мужчин, славяне, вооружившись топорами, копьями с металлическими наконечниками, пошли навстречу. Увидев волосатых, небритых мужчин в оленьих шкурах и босиком, без какого-либо оружия, кроме рогатин, славяне сложили в груды свое оружие и предложили то же самое сделать весьянам. Те сложили рогатины и, безоружные, остановились метрах в пяти от славян, внимательно рассматривая их.

Одежда славянских мужиков состояла из довольно широких холщовых или сермяжных штанов, рубахи из того же материала, подпоясанной на бедрах шнуром или веревкой, из валяной шляпы или шапки. Некоторые мужики были босиком, ноги других обмотаны портянками до голени. Подошвы сплетены из лыка или сделаны из бычьей кожи и привязаны веревкой или ремешком к ногам. Волосы у мужиков были короткими, постриженными по лбу. У некоторых была борода, у других она была пострижена или выбрита.

Подошедшие к мужикам женщины-славянки были одеты в белые холщевые рубашки и платья. Сверху их прикрывали сарафаны. На голове повязаны платки: у девушек – короткие, у женщин – длинные. Ноги обуты в кожаные башмаки. По-видимому, подобная одежда была у славян издавна, когда они в VI–VII веках уходили на Европейскую равнину с берегов Дуная. Жилища славян представляли собой срубы из бревен, к срубу примыкали постройки для домашнего скота и птицы, для хранения хлеба, сена, инвентаря. Все постройки были невысокими, покрыты соломой, дома славян стояли в два ряда окнами

друг против друга. Между рядами домов, или у их лица, проходили тропинки и дорога, которую славяне называли «улица». Деревня ограждена деревянным забором от диких зверей.

И славяне, и весяне начали лопотать – каждый на своем языке, но друг друга понять не могли. Тогда старейший из славян подошел к одной своей девушке, на которой была накинута бобровая шубка с длинными рукавами, и, указывая на нее, стал что-то лопотать. Потом он подошел к Нило, потрогал его оленью шкуру и показал на земле одно место возле большого пня. Затем он взял из кучи с оружием топор и положил его на это место. Весяне по знакам и поведению, по-видимому, что-то поняли, так как на следующий день они принесли на указанное место меха соболей, куниц, белок и бобров.

Через день после этого весяне подошли к заветному пню, увидели, что их мехов нет, вместо них на земле лежали топоры и стрелы с металлическими наконечниками.

* * *

Так племя *весь* начало вести со славянами «немую торговлю»: они приносили меха, деревянную посуду, мед, воск и другие товары и оставляли их на условленном месте. Потом снова приходили сюда и находили для себя другие товары. Если весянам они были нужны, их брали, если нет, то забирали принесенные товары обратно. Славяне предлагали весянам изделия из металла: топоры, ножи, наконечники для копий. В ход также шла бытовая утварь: булавки, иглы, шила, серпы, рыболовные крючки. Славяне, бывшие на более высокой стадии развития, еще у себя на Дунае занимались земледелием. Они растили жито, овес, рожь, пшеницу, лен. Они умели из льна делать нити и ткать одежду. Имели навыки добычи железа из болотных и луговых руд, переняв эти знания от других народов еще там на Карпатах.

Мирный характер колонизации славянами земель, заселенных финно-угорскими племенами обусловлен разными целями этих племен. Основными целями славянских племен были занятия земледелием и скотоводством. Поэтому они искали земельные участки, свободные от леса. Основными целями финно-угорских племен были занятия охотой и рыболовством, для них основа жизни – лес, а не безлесное пространство. Привычка к кочевой жизни сначала под деревом, потом

в шалаше долгое время замедляла развитие построек, так как леса, болота, реки и озера были убежищами финских племен.

Но славяне не считались с лесом, они извлекали пользу для себя от истребления лесов под пашню, которой было мало. Поэтому они старательно вырубали и выжигали целые участки леса, а на их месте поднимали целину и засевали их семенами зерновых и льна. Правда, славянского народа тогда было мало, а территория Европейской равнины, куда они пришли, почти сплошь была покрыта глухими не-возделанными лесами. Славяне не дорожили расчищенными от леса пашнями. Через несколько лет, когда земля истощалась, они бросали возделанные пашни, и под них расчищали от леса другие участки земли. Еще долго сохранялись древние славянские обычаи бросать не только пашни, но и свои жилища и деревни. Наступление славян на лес стало основной из причин ухода весян на север вглубь глухих лесов.

Увидев, как живут славяне, весяне стали перебираться из-под елок в шалаша, которые крыли еловыми ветками или осиновым и еловым корьем. Делали два кострища: одно у входа в шалаш, а второе – посредине шалаша. Для этого выкапывали яму, куда складывали камни и где поддерживали огонь. Отверстия в стене и крыше служили дымоходами.

Славяне построили на месте встречи с весянами свои поселения, которые сейчас называются деревнями *Дуброво* и *Чижово* Бежецкого района Тверской области.

* * *

Заимев от славян железные топоры, лопаты, ножи, домотканую одежду, весяне могли уже лучше заботиться о своем быте. Для того чтобы строить такие же дома, как у славян, надо было решить, где остановиться.

Весян не устраивало соседство с сильными вооруженными людьми чужого племени, они решили уйти с берега реки Могочи к северу на берег реки Мелечи. Шли берегом, захватив с собою все, что необходимо. Об их бегстве славяне не подозревали, недоумевая, почему прекратилась торговля.

В тот год Нило исполнилось 30 лет, Юсте – 26 лет, они пошли на Мелечу со всеми вместе. Выбрав себе стоянку на берегу реки, весяне

обнесли ее забором из жердей, внутри которой стали строить шалаши. Крыли шалаши еловыми ветками, еловым и осиновым корьем или болотным камышом. Внутри дома посредине выкапывали яму и устраивали в ней кострище. Вдоль стен раскидывали оленин шкуры, на которых спали.

Заимев у славян соль, начали солить мясо и рыбу. Даже после знакомства с железными орудиями, весяне долго использовали каменные орудия. Большинство предметов было сделано из кремня, который легко ломался. Из кремня делали топоры и ножи. Первые железные орудия, можно только представить, так как они легко разрушались от ржавчины, оказавшись в земле.

Научившись у славян выдалбливать из бревен лодки, стали их делать. Встречи со славянами сыграли большую роль в развитии финских племен.

На реке Мелече весяне стали жить в шалашах отдельными группами: родители, женатые сыновья, замужние дочери, другие родственники. Эти шалаши с завешанными шкурами фронтонами и входами служили весянам долгое время, до ухода их на реку Мологу, а там – до выхода на Карельский перешеек.

Однажды весяне услышали голоса, какие они слышали 20 лет назад на Могоче. Они вышли на берег Мелечи и увидели спускавшиеся вниз долбленные из осины лодки. Незнакомцы, увидев безоружных людей, причалили к берегу.

Это были славяне, которые знаками показали, что они расположились выше по течению реки, сейчас обследуют ее берега. К этому времени они знали некоторые финские слова, а весяне изучили некоторые их слова. Славяне просили у весян бочки, деревянную посуду, воск, мед, мех. Весяне на обмен просили привезти топоры, ножи, лопаты и другие металлические товары.

Позднее выяснилось, что славяне строили свое поселение на том месте, где сейчас находится село *Поречье* Бежецкого района. Торговля и общение весян и славян продолжались все лето и зиму. Следующей весной старший сын Нило по имени Лука заявил родителям, что надо уходить дальше в леса. Долго обдумывали этот переход. На реке Мелече Нило с соплеменниками прожили около двадцати лет – с 850-го по 870 год.

Нило и Юстя заявили, что они привыкли уже к этой местности, где живут двадцать лет, уходить не хотят. К ним присоединились братья,

сестры и обе дочери. Лука с братом и другими родственниками решили спускаться вниз по реке Мелече на лодках и искать глухие леса, где безопаснее. Отказались ехать двенадцать человек с детьми, в дорогу собрались 8 взрослых: Лука с братом, два родственника со стороны матери, и их жены, с собою они взяли своих детей.

Поделили накопленное за эти годы имущество, погрузили в четыре лодки и тронулись в дальний и опасный путь через реку Осень по Мологе. Добирались очень долго, с остановками на берегу плыли больше месяца, пока не доплыли до устья реки, которая сейчас называется Реня. По ней поднялись вверх и остановились на берегу небольшой речки.

Назвали эту маленькую речушку простым словом «Йоги», что в переводе с языка весян означало «река», и обустроили в лесной чаще поселение, которое стали называть Егна. А маленькую речушку славяне позднее назвали Егница.

По утверждению историка В.С. Борзаковского, часть племени *весь* поднялось по Мологе и поселилось на реке Егница, впадающей вблизи нынешнего Весьегонска в реку Реню, а затем в Мологу. В отличие от Веси Белозерской эта часть называлась Весью Егонской, они обустроивали свои стоянки по берегам Мологи и ее притоков.

По сведениям Н.М. Карамзина, указанным в его IV томе «Истории Государства Российского», поселение Егна, наравне с Торжком, Бежецком и другими городами, упоминается под 1270 годом, в связи с несоблюдением Тверским князем Ярославом Ярославичем условий договорной грамоты с Великим Новгородом.

На реке Мологе (870–1130 годы)

Шалаш весянина Луки, перешедшего с семьей с берегов Егницы на Мологу, был покрыт так же, как и у других, – лапником, то есть нижними еловыми ветками. Покрыт он в несколько слоев, но верхние слои быстро высыхали, иголки осыпались, крыша начинала протекать. Почти каждый месяц приходилось перекрывать шалаш.

Сам шалаш был сделан из четырех пар жердей с сучьями, поставленных под углом девяносто градусов и наверху перевязанных чере-

муховыми прутьями. Сквозь кресты этих пар шла продольная жердь, которая крепила пары между собой тоже прутьями из черемухи или ивы. На сучья этой основы навешивались жерди, чем чаще были сучья, тем больше жердей и меньше промежутки между ними. На эту созданную основу зацеплялись еловые ветки, сначала крыли нижний ряд, потом второй, и так все выше и выше. Поверху ветки клали вдоль шалаша и крепили их жердью. Лука пробовал крыть крышу шалаша дерном с травой. Первое время она не протекала и не осыпалась, но потом, подсохнув от костра, начинала осыпаться. Комки земли попадали на голову, за одежду, в пищу во время еды. Со временем дерн начинал пропускать влагу, в шалаше становилось сыро от дождей.

Бродя по лесу в поисках зверя, Лука однажды остановился возле поваленной березы. Он задумался над тем, что береза вся уже сгнила, а береста еще целая. Он потрогал ее, попробовал на изгиб, попытался порвать, и его осенило.

Придя домой, он взял с собой сыновей, топоры, и они пошли снимать с берез слои бересты. Наготовив бересты, Лука стал переделывать свой шалаш, сделал его более отлогим. Передние и задние жерди он заменил на жерди с изгибом на конце, чтобы на них опирались поперечины. Эти изгибы были уложены на землю, остальное сделал так же, как обычно. На основу Лука положил сплошные долевые жерди, на них стал класть куски бересты. Покрыв первый ряд, он придавил бересту несколькими жердями сверху. Затем так же покрыл второй, третий и другие ряды. Сородичи внимательно наблюдали за ним, кто-то одобрительно кивал головой, кто-то цокал языком, другие пока не осознавали, что происходит.

Берестяная крыша оказалась более надежной, она служила больше года, но кое-где потрескалась и стала пропускать влагу при дождях. Тогда Лука покрыл крышу двумя слоями бересты, что оказалось более практичным.

Однажды осенью весянин Лука придумал, как зимой можно ловить рыбу подо льдом. Для этого он на берегу реки выкопал большую яму, глубиной на метр ниже, чем дно реки. От реки до ямы он прокопал канаву и установил у ее начала большую плаху, которая не доходила до дна канавы. Когда зимой лед осел, и рыба стала задыхаться, она пошла в эту зимовальную яму. Лука приходил к яме, разбивал лед вокруг плахи и опускал ее до дна. Потом разбивал лед в яме и корзиной черпал рыбу, сколько ему надо. После этого снова приподнимал и закреплял

плаху. За это изобретение Луку благодарные весяне стали называть «Пья». С этого времени все потомки Луки имели такое же прозвище до своего крещения в православие в 1227 году. Прошло много лет, славяне в этой местности не появлялись, Лука Пья, его жена и часть весян, пришедшие сюда, умерли.

Потомки весянина Нило жили на Мологе долго, 260 лет, с 870-го по 1130 год. За это время они научились строить себе шалаши и загоны, в которых стали содержать домашний скот. Сумели приручить диких лошадей, собак, диких коз и овец, стали постепенно развивать скотоводство, ограждая свои поселения забором из жердей, название которого на их языке – «aida».

Цель жизни всех людей была ясна и понятна – добывание пропитания, они долгие века жили благодаря охоте и собирательству, постепенно переходя к земледелию. Они уже научились от славян заниматься земледелием, возделывали рожь, жито (ячмень) и овес. Земледелие позволяло проживать на постоянном месте и строить поселения. Но, наряду с земледелием, по-прежнему сохранялись охота, рыболовство и собирательство.

Одежду по-прежнему шили из шкур животных. Но имея железные иглы, булавки, шило, скребки, делали одежду более мягкой, хорошо обрабатывая шкуры. Шили не только накидки или рубахи, но и обувь из оленьих шкур.

На конях ездили без седел, уздечки были сделаны из кожаных ремней. Рыбу ловили баграми, острогами, сетями. Рыболовные сети тогда плели из тонких кожаных ремней. С появлением металлических рыболовных крючков стали применять удочки с лесой из конских волос.

Зимой передвигались на санях, которые представляли собой простые деревянные полозья, загнутые спереди, с перекладинами, уже позднее эти сани были усовершенствованы.

Дичь ловили с помощью силков, капканов, сетей, корзин. К палочке привязывали тонкую нитку или лесу из конского волоса. На нее устанавливали вверх дном один конец корзины, а под нее клали приманку. Обычно охота шла в местах скопления рябчиков, тетеревов, глухарей. Сам охотник прятался в кусты или за дерево. Когда птица заходила под корзину, чтобы полакомиться приманкой, охотник дергал за нитку, выдергивая палочку-подставку, корзина накрывала птицу. Задача охотника – вытащить дичь из-под корзины, не дав ей убежать или улететь.

Потомки весянина Луки Пья в 1130 году увидели приближающую армаду лодок, которые двигались вверх по течению реки Мологи. Люди причалили лодки и остановились у поселенцев. Это были беженцы из Новгорода, которые, убежав из города, искали себе пристанища. К тому времени весяне знали русские слова, а русские понимали финские слова, так как вокруг Новгорода было много разных финских племен, которые они называли одним общим словом «чудь», постепенно называя те или иные финские племена их именем.

* * *

С переходом столицы в Киев, Великий Новгород отделился от власти киевского князя и стал самостоятельным княжеством на огромной территории. С самого начала жизни в Новгороде образовалась своего рода «вольность» – народное вече, которое ограничивало власть князей. Вольный Новгород заключал договоры со своими князьями следующего содержания: «Князь предводительствует войском, имеет своих бояр и чиновников, но без новгородского слова войны не замышляет и только по решению Новгорода объявляет войну...

Судьи и гражданские чиновники избираются Новгородом, и князь и никто из его приближенных, ни в избрание, ни в суд не вмешивается и самосуда не имеет.

Без посадника князь не может давать никому ни волостей, ни наград и ни у кого ничего взять и отнять не может. Ни князь, ни чиновники его не имеют права брать подводы, кроме ратного случая. В договоры с князьями и иноземцами князь не вступается.

Кто из чиновников или ближних князя своей обязанности не исполнил, того новгородским хлебом не кормить и, при посредничестве князя, быть тому судимым Новгородом» [24].

Всеми делами Новгорода управлял избранный на вече посадник. Князья недовольны были этим и пытались силой усмирять новгородцев. Дело в том, что своих местных князей они не имели, поэтому в Новгороде пытались править князья – пришельцы. До 1102 года за 50 лет правления сменилось шесть князей-пришельцев [25].

В 1102 году в Новгороде сидел «свой» доморощенный князь Мстислав, сын Владимира Мономаха. Великий суздальский князь Святополк, да и сам Мономах решили изгнать Мстислава из города и посадить

вместо него великокняжеского сына. Новгородцы заявили, что не хотят ни Святополка, ни сына его. Князя Мстислава дал городу его дед Всеволод, город вскормил себе князя с малых лет. Власть местного князя могло ограничить народное вече, а если придет великий князь или его сын в Новгород со своими боярами, своей дружиной, то займут они все важные должности, и не будут прислушиваться к мнению вече.

За упрямство новгородцев великие князья шли походами на город. Сначала князья пытались присоединить вольный Новгород к Киеву, чтобы сосредоточить в одних руках оба конца торгового пути «Из варяг в греки». Потом стали ему грозить суздальские князья. В городе не было спокойствия и тишины, господствовали распри, витал дух несогласия. Новгородцы грабили дома сторонников великого князя, а те убивали и жгли дома своих противников.

Славяне говорили о том, что Новгород упорно отстаивал свою свободу, но не мог покончить с властью владимирских князей, так как в самом городе были люди, которые поддерживали суздальцев ради своей выгоды. Благосостояние города тогда опиралось на торговлю, поэтому гости (купцы) поддерживали отношения с центральной Русью, откуда возили хлеб, воск и другие товары и где сбывали свои. Вражда Новгорода с великими князьями плохо отражалась на торговых интересах. Поэтому в городе всегда были богатые и влиятельные люди, хотевшие жить в мире с Суздалем.

Суздальские князья хорошо понимали эту зависимость Новгорода, и смело шли на него походами. Но там была и другая партия, которая ненавидела суздальских князей и не хотела, чтобы оттуда приходили князья. Когда эта партия брала верх, она грабила и жгла дворы богатых людей.

Вот поэтому и трогались в путь беженцы из Новгорода, чтобы потом построить себе поселение Бежичи на Мологе, Торжок на Тверце и другие города и села.

* * *

А плывшие на лодках вверх по течению Мологи славяне, бежавшие из Новгорода в 1130 году от междоусобных распри князей, которых встретили на реке Йоги весяне, пошли дальше. Они добрались до озера Верестово, преодолели его и вышли на берег озера Ямное. Здесь они стали строить свое поселение, назвав его Бежичи. Первые упо-

минания о Бежичах имеются в двух документах. В Уставной грамоте Новгородского князя Всеволода Мстиславовича за 1135 год сказано, что духовенству Ивановской церкви предоставлено право, взимать пошлину с Тверского гостя (купца), и с Бежецкого, и с Деревского [26].

Жители из Новгорода бежали сюда именно от князя Всеволода, не желая, чтобы он правил их городом.

В другом документе – Уставе новгородского князя Святослава о епископской дани за 1137 год – записано: *«А вот Бежецкий ряд: в Бежичах – 6 гривен 8 кун, в Городецке – 4,5 гривен, в Змени – 5 гривен, в Езьске – 4 гривны 8 кун, в Рыбинске – гривна Волжская»* [27].

Название Бежичи произошло от того, что это поселение в 1130 году основали беженцы из Новгорода, даже называют имена первых жителей – Невороть и Ревяк. Как видно из приведенного документа, поток беженцев в этот край увеличивался, и к 1137 году было образовано пять славянских поселений в тех местах, где 260 лет назад жили ушедшие весяне, но много их еще осталось. Поселение Бежичи находилось в 12 километрах западнее современного города Бежецка, а в то время – поселения Городецк. Поселение Змень, теперь Узмень, построено в 16 километрах северо-западнее нынешнего Бежецка на берегу озера Верестово. Поселение Езьск, теперь село Еськи, – в 25 километрах от Бежецка на берегу реки Мологи, почти при впадении ее в озеро Верестово.

Поселение Рыбинск, теперь Рыбинское Заручье, основано славянами в 7 километрах восточнее от современного поселка Максатиха, на реке Мологе.

Другая группа беженцев из Новгорода в 1137 году построила себе город Новый Торг, или Торжок, на берегу реки Тверцы и стала добиваться независимости от Новгорода.

Отход от Мологи на Карельский перешеек (1130–1137 годы)

Потомок весянина Луки, Пья Кирша был признан сородичами старшим поселения Вель-на-Йоги. После ухода вверх по Мологе беженцев из Новгорода, рассказавших об огромном пространстве, заселенном славянами, и об образовании Новгородского государства, Кирша собрал всех своих соплеменников, их было уже 12 дворов –

около 80 человек, и предложил идти на север в глухие непроходимые леса. Пять семей и люди преклонного возраста, всего 48 человек, решились никуда не идти, остаться здесь.

Остальные 33 соплеменника во главе с Киршей стали собираться в далекий и опасный путь. Все вместе долбили новые лодки, забивали домашний скот, солили мясо, запасали другие продукты.

В середине лета 1130 года вереница лодок направилась вниз по течению реки Мологи к Волге. Каким путем пошли они на перешеек между Финским заливом и Ладожским озером, сейчас не установить. Было два основных водных пути, подсказанных весьям беглыми новгородцами.

Первый путь – вверх по Волге до реки Тверцы, от нее волоком до реки Мсты. Далее по реке Мсте до озера Ильмень, затем по реке Волхов до Ладожского озера.

Второй путь – от Мологи по реке Суда до ее верховий. Там волоком до реки Оять, а по ней до Ладожского озера. Волоки наших предков, сначала они были совсем короткими, от ручья к ручью перетаскивали здесь осинового долбленные лодки. Тащили по болотам, спереди 2–3 человека с кожаными ремнями через плечо, да сзади 1–2 человека, толкавшим лодку.

Если лодки тащили по болотам, надо было знать броды, чтобы не утонуть. После волочения по болоту нескольких лодок образовывалась протока, по которой потом плыли на лодках, отталкиваясь шестом. Этот переход был трудным – из лодки выйти опасно, так как трясина может поглотить человека. Вязкое дно и трава мешали продвижению лодок. Потом эта болотная протока переходила в канаву, по которой из-за травы плыть на лодке не легче, чем по болоту. Канавы переходила в исток какой-нибудь речушки или ручья, где плыть становилось легче.

Сложнее, когда волок шел по лесу или кустарнику. Приходилось валить бревна-катки и катить по ним лодки. Как раз в это время и подкарауливали путников разные разбойники и неприятели, которые и жили-то за счет ворованного добра. Из-за них нередко приходилось бросать этот волок и делать другой в поиске ближних ручьев, ведущих в разные стороны.

Лодки постепенно заменили ладьями, лойвами, парусниками, тащить которые становилось все труднее. Поэтому в начале волока устанавливали станы, построив шалаши, а позднее и дома. Здесь путники

отдыхали, пополняли запасы, занимаясь охотой и рыбалкой, потом приступали к тяжелой работе по волочению судов. Эти станы устанавливались на водоразделах рек. Позднее они стали деревнями и селами под названием Стан. Останавливаясь на стане, путники ходили пешком без лодок по пути волока, изучали местность, расчищали кустарники, если было необходимо, заменяли сгнившие бревна и катки на новые. И только подготовив путь на волоке, начинали волочить лодки на другую реку. В северо-западной Руси было несколько крупных волоков.

Кирша с соплеменниками, скорее всего, выбрал второй более безопасный путь, так как он был более дикий, необжитый, там было меньше возможностей встречи с другими племенами. Весь переход занял около месяца, к августу 1130 года они были на перешейке. Шли на лодках вдоль берега, встретились с местными жителями, это оказались сородичи – *ижора*, язык которых всеяне понимали хорошо.

Ижорцы сказали, что к северу от реки Невы живут их соплеменники – люди, называющие себя «*карьяла*». Кирша повел свои лодки по Ладоге мимо реки Невы на север. Добрались до одного мыса напротив большого острова Коневец, остановились здесь, к ним подошли люди с рогатинами. Спросили на понятном для всеян языке, кто они, сами себя назвали «карьяла», то есть «люди из лесной местности». Предложили Кирше и его соплеменникам остаться с ними.

Неподалеку от этого мыса, что вклинивался в Ладожское озеро, Кирша решил обустроить временную стоянку из шалашей. Отдохнув на стоянке с неделю, Кирша вместе с двумя братьями стали искать место, где можно обустроиться на постоянное жительство. В пяти километрах к западу от своей временной стоянки они обнаружили большое озеро, которое называлось Пюхярви (Святое озеро).

Проходя по берегу озера к северу, Кирша и его братья обнаружили с северной стороны большой мыс, вклинившийся в озеро. Пройдя вглубь мыса около трех километров, один из братьев Кирши Гудди заявил, что он будет здесь строить свой дом, и сделал пометки на деревьях. Эту деревню назвали по его имени *Гуддила*, позднее в русских переписных книгах ее переименовали в *Гудково*.

Кирша с братьями пошли дальше вглубь мыса, местами с трудом пробираясь сквозь густой валежник, пока не дошли до его окончания. Он и второй брат Ларья решили строить свои дома в конце мыса Пюхяниemi на берегу озера, наметив места для постоянного проживания, в полукилометре друг от друга.

Собрав топоры, продукты, инвентарь, захватив жен и детей, Кирша с братьями пришли на свои участки и начали строить низкие дома из пяти рядов бревен, с крышей в виде шалаша, крытой берестой.

Деревню на берегу озера, где стал жить Ларья со своей семьей, они назвали *Ларьяново*. Кирша со своей семьей и другими соплеменниками стал жить в деревне у *Свята озера*. Название деревни у Свята озера так и осталось позднее в русских переписных книгах, а деревню Ларьяново русские переименовали в Ларганово.

Еще раньше, когда карелы мочили бруснику в берестяных тuesках в горячей воде, они заметили, что береста становится эластичной, мягкой и гибкой. Об этом Кирша много раз говорил своему сыну Пертти. Строя свои дома в деревнях Гуддила, Ларьяново и деревне у Свята озера, крыши они крыли уже по-другому. Сначала замачивали бересту в горячей воде и сшивали ее в полотно суровыми нитками. Затем накрывали этим полотном нижний ряд крыши и придавливали его жердями. Потом накрывали подобным образом второй, третий, четвертый и другие ряды крыши.

Так крыша шалаша начала подниматься все выше и выше, становясь крышей дома. В этот дом можно было уже не заползать, не входить, согнувшись и только сидеть там, как было раньше в шалашах, в нем можно было ходить.

Спать можно было уже не на земле, а на настилах. Их делали сначала из деревянных плах, плоский верх которых тесали топором, чтобы был ровным. Клади плахи рядом друг с другом на одинаковой высоте. Получался настил, который накрывали шкурами оленей и убитых животных. Настил делали вдоль передней стены, на нем сидели, а ночью спали парами. Дети спали в углах, если их матери уже не кормили грудью.

Позднее настилы стали делать с двух сторон – передней и боковой. В одном доме жили по 2–3 семьи одного рода, потом стали строить дома для каждой семьи отдельно. С третьей стороны дома были лавки, стол и печка для приготовления еды. Эта печка заменила костер с камнями, который служил людям не одно столетие. Печка была сбита из глины, своим сводом и подом похожа на нынешнюю русскую печь. Через устье в печь закладывали дрова, оттуда шел дым сначала в избу, потом через отверстие на улицу. Несколько позднее посредине печки стали делать глиняную трубу, которая выходила на улицу. Протопив печь, на красные угли ставили готовить еду и пекли хлеб. Трубу с улицы закладывали плахой, чтобы сохранить тепло. Рыбу по-прежнему

в доме не готовили. Перед домом оставалось кострище с камнями, на которых и коптили рыбу при небольшом огне.

В первых домах карел потолков не было, под крышей подвешивали на веревках две жерди, на которых висела и сушилась перекинутая одежда. В мужском углу дома хранилось оружие: луки, дубины, булавы, а позднее к ним добавились мечи, ножи, копья.

В женском углу хранились разные полотна и предметы рукоделия: платки, полотенца, туески, корзинки и лукошки из бересты, из корней деревьев.

Кирша Пья вместе со своими братьями первый раз по просьбе новгородских наместников пошел пешком к Новгороду в 1133 году. Только что новгородцы изгнали из города суздальского князя Всеволода. В ответ князь Всеволод с суздальской дружиной пошел походом на Новгород. Город просил прийти на помощь псковитян и ладожан, среди которых были финские племена *весь, ижора, карьяла, ладожане*.

Новгородцы вместе с верными им финскими племенами **31 декабря 1133 года** выступили в поле, несмотря на холод, вьюгу и метели. 26 января 1134 года был бой, новгородцы потеряли много людей, но суздальцев убили еще больше, захватили их коней и имущество и пошли по домам.

Кирша Пья повел к себе двух коней, два брата Гудди и Ларья вели еще по одному коню. По льду озера Пюхьярви подошли к своим деревням. Остановившись, залюбовались сполохами северного сияния. Северное сияние – это такое световое явление, которое возникает на небе темными ночами при ясной погоде. Нередко оно появляется зимой каждые три ночи из четырех, если небо не затянуто облаками. Девственная природа, огромное количество снега, спокойствие местности успокаивали братьев Пья и других карел, возвращавшихся с поля боя.

Через три года, в 1137 году, новгородцы снова подняли мятеж против великого суздальского князя Всеволода, и призвали себе на помощь *ладожан, водь, корелу*. Завалив деревьями все лесные дороги, новгородцы не пустили в город князя с его дружиной. Они на народном вече избрали своим князем Святослава. После битвы новгородский князь Святослав подарил храбрым воинам по коню, обратно на мыс Пюхьяними Кирша Пья ехал на новом коне.

Этот красивый статный конь рыжей окраски сразу понравился его двенадцатилетнему сыну Пертти, он попросил отца позволить ухажи-

вать за ним. Тогда все лошади паслись в загоне, который был сделан из еловых жердей, уложенных на переплетенные ивовые прутья. Путья переплетали между двумя еловыми кольями. Эти пары колея забивались в 2–3 метрах друг от друга. Каждый год по весне загон проверяли и ремонтировали прогнившие колья, вновь заостряя и забивая их в землю. После работы на пашне или поездки отца Пертти отводил коня в загон. Он дал ему кличку «Brihane», то есть «Мальчик».

Конь позволял Пертти взгромоздиться на спину и понукать им. Пертти украдкой от родителей кормил Мальчика хлебом и солью. Однажды отец сказал, что Мальчику предстоит большой переход, его надо хорошо кормить, а в загоне вся трава вытоптана и съедена скотом. Он велел Пертти отвести Мальчика на луг с густой травой и там его стреножить, то есть спутать передние ноги веревкой.

Пертти сел верхом на коня, взяв с собой веревку, и поскакал по лугу. Соскочив с коня, он, не опуская с руки уздечку, наклонился и стал треножить коня. Только успел завязать конец веревки вокруг передней ноги коня, как оказался в воздухе. Конь схватил его зубами за холщовую рубашку на спине и поднял в воздух. Подержав так с минуту болтающего руками и ногами Пертти, бросил его на землю. Испуганный мальчишка попробовал снова сесть верхом, чтобы скакать домой, но конь резко отскочил в сторону, и Пертти упал на землю. Так и пришлось вести его обратно домой под уздцы, треножил коня сам отец. Когда он с конем вернулся из похода, Пертти решил отомстить обидчику и, отпуская в загон, несколько раз хлестнул его уздечкой по спине. Конь помчался в лес, несколько дней не давался Пертти, за ним ходил отец.

Однажды Пертти решил примириться с конем, взял кусок хлеба с солью и подошел к коню. Конь от хлеба не отказался, но как бы случайно поставил копыто на босую ногу Пертти. Тот закричал: «Jalga, jalga!», что означало: «Ногу, ногу!», но конь не отпускал ногу с минуты. Потом сжевал хлеб с солью, поднял кверху свою голову, громко заржал и отпустил ногу мальчика. После этого их отношения стали по-прежнему добрыми.

Тогда чаще всего на коне скакали без седел, иногда седло заменял мешок, набитый сеном или покрывало из грубой шерстяной материи. Уздечку по-прежнему делали из кожаных ремней или из веревки, применяя железные удила.

Семья кормилась охотой и рыбалкой. Приспособления для охоты придумывали разные. Однажды уже взрослый сын Кирши Пертти

Пья шел по лесу, изучал повадки зверей и их тропы. Слева от него шмыгнула лисица и побежала петляя. Пертти заметил протоптанную звериную тропу, идя по ней, он увидел сломанную метрах в трех от земли ольшину.

Оставшийся ствол был расколот надвое. Пертти топором сделал клин и забил его в расщелину, на клин подвесил кусок вареного мяса. На другой день, придя на это место, увидел лисьи следы и висящий кусок мяса. Он решил заменить мясо рыбой, подвесив чуть ниже. На следующий день лиса была поймана, она лапой хотела сбить висевшую рыбину, лапа попала в расщелину и внизу вытащить ее она так и не смогла. Убив лису палкой, Пертти принес ее домой. Таким способом он начал ловить лис и соболей.

Этот способ охоты очень широко применяли ранее по всему Северу. Северные люди, в том числе и карелы, не имевшие ружей, сумели придумать много конструкций и способов для охоты на дичь и зверей. Однажды Пертти Пья бродил по лесу в поиске первых весенних грибов – сморчков и строчков. Вдруг поблизости он услышал великолепное пение глухаря, замер и стал слушать. Походив поблизости, увидел неподалеку глухариный ток и тропинки, оставленные глухарями. В ту ночь ему не спалось, голос глухаря звал в лес. Едва стало светло, Пертти взял топор и пошел к глухариному току, где начал делать забор вдоль тропинки из тонких жердей. В одном месте, где стоял вчера глухарь, сделал прогон в заборе, а затем в этом прогоне – конструкцию из бревен, которые легко могли упасть, если глухарь зацепит ногой веревку или потянет веревку с приманкой. На другой день утром он увидел, что упавшие бревна придавили шею глухарю, а на его ноге была веревочная петля.

Пертти, поверив в удачу, стал совершенствовать свои конструкции и приспособления. Он понял, что может не гоняться за зверями и дичью по лесу, они сами придут к нему.

Однажды в лесу он обнаружил медвежью тропу, позвал братьев, и они выкопали большую яму прямо на тропе. Сверху положили тонкие жерди и закрыли их валежником и еловыми ветками. Ходили смотреть яму через день, и только через неделю медведь в нее провалился. Пертти прижал его голову рогатиной, а братья добились медведя дубинами. Он забрался в яму, снял медвежью шкуру и стал свежевать тушу, выбрасывая куски мяса наверх своим братьям. За два дня они перетаскали мясо к себе в лабаз (амбар).

Пока мужчины охотились, женщины и дети занимались сбором ягод. Ягод было много, носить домой тяжело и хранить там негде. Пертти Пья прямо в лесу на поляне, где собирали бруснику, сделал небольшой сруб из трех рядов бревен, заметив это место. Дно сруба устлал мхом, жена и дети носили и ссыпали бруснику в этот сруб. Когда он был заполнен, Пертти сверху заложил его бревнами так, чтобы не было щелей.

В другом месте у болота он сделал такой же сруб для клюквы. Ранней весной он вместе с детьми на санях подъехал к срубам, очистил настил от снега, раскидал бревна, и они начали деревянными лопатами насыпать мороженую бруснику в большие корзины. Наполнив корзины, снова закрыл сруб бревнами и делал так, пока не перевезли всю клюкву и бруснику. Вкусовых качеств мороженая брусника не потеряла, оттаяв, она была так же вкусна, как и свежая.

Семья была большой, надо было делать на зиму запасы не только ягод, но и мяса, рыбы, других продуктов. Мужики раньше хранили их на настилах между деревьями, метрах в двух от земли. Но до них добирались белки, соболи, куницы, птицы, грызуны, которые поедали продукты и портили их.

Пертти решил сделать амбар на высоких столбах. Амбар состоял из сруба и крыши. Отодвигали плаху, клали туда мясо, отверстие закрывали ею снова. Другой амбар был сделан для рыбы. Но вот незадача: снизу повадились по столбам подниматься мыши и другие грызуны. Проникали в щели между бревнами и поганили продукты. Пертти решил надрубить столбы посередине, столб в середине получался в виде заостренного карандаша, а выше он был по всему диаметру опять цилиндрический. Мышь, вскарабкавшись до острия столба, выше подняться уже не могла. Сохранность продуктов была обеспечена от всех, в том числе и от грызунов. Отдельные амбары стали делать и для вещей, справа складывали мужские вещи, а слева – женские.

Мылись в озере, натирая тело илом и мочалкой из травы. Пертти обратил внимание на то, что, когда случайно на камни костра плескалась вода, шел теплый пар. Как-то летом он начал строить неподалеку от дома шалаш, подобный тем, в которых жили его отец, сородичи и их предки, только небольшого размера, два на два метра. В середине шалаша выкопал небольшую яму, накрыл ее большим плоским камнем. На него навалил другие камни. Образовалось пространство, как устье печи, в которое Пертти сложил дрова, высек искры, дрова загорелись.

Когда камни накалились, Пертти стал понемножку плескать на них воду, со всех сторон шел пар и жар. Пертти разделся, посидел на плахе, потом натер себя золой и стал тереть тело лыковым мочалом. Почувствовал легкость в теле и чистоту его. Позвал жену, потом детей, намыл всю семью. Так родились бани по-черному, в которых карелы моются до сих пор, более 900 лет.

Позднее мужики построили общую баню по-черному в шалаше больших размеров. Они заметили, что сидеть внизу на плахах прохладно, чем выше, тем теплее, стали делать полки на столбах, вытесывая настилы. Первыми мылись мужчины, а потом – женщины и дети. Дым сначала расползался по всему шалашу, затем устремлялся в отверстие вверху шалаша. После этого, спустя некоторое время, бани по-черному стали делать многие домохозяйства.

Постепенно на Карельском перешейке начала происходить замена родов дворами. Дворы родственников были не в одном поселении, а разбросаны на обширном пространстве среди лесов, болот и озер. Место старшего рода стали занимать хозяйства дворов, главы семейств. Силами семейств очищали поле от леса и занимались скотоводством и хлебопашеством, не забывая основных занятий: охоты, рыбалки и защиты домов от врага. Родичи помнили свое кровное родство, но с переходом на дворовое ведение хозяйства их связи постепенно ослабевали.

Племя *ижора*, ранее проживавшее вместе с *корелой*, к концу X века отошло несколько к югу и заняло территории по берегам рек Невы и Ижоры, а также к юго-востоку от Финского залива. Рядом с ижорой в то время оставались проживать представители финского племени *водь*, которые здесь ранее были одни.

Глава III. Из племени «корела» (1137–1581 годы)

Карелы – это сплав многих этнических и языковых элементов финских племен, давно проживавших на Карельском перешейке: *води*, *ижоры*, *ладожан*, *саамов*, а также пришедших на новую родину *веса*. Племя *емь* в формирование племени *корела*, скорее всего, не входило, судя по их последующим военным конфликтам.

Впоследствии карелы отделились от других финских племен, у них были: свой язык, обычаи и территория. Территорией зарождения племени *корела* является Карельский перешеек и Приладожье. Карелы начали активную борьбу за территорию, постепенно расширяя ее.

Жившие между Ботническим заливом и Белым морем *саамы* постепенно были оттеснены карелами в тундру крайнего севера, оставшиеся саамы ассимилировали с ними. Ряды карел пополняло племя *весь* с территории, расположенной по берегам Белого моря, Ладожского и Онежского озер, а также Северной Двины и Печоры, которая называлась «Биармия». Не случайно, арабы называли жителей Биармии словом *Wezzi*, то есть *весь*.

В «Саге об Эдиле» сказано, что в **880-х годах** у норвежского правителя Харальда служил исландец Торольв. По приказу Харальда он взял 100 человек и **пошел к карелам**, по пути к нему примкнули 300 квендов. На земле Корелы произошла битва с карелами, во время которой норвежцы и квенды убили много карел, другие бежали. Захватив огромное богатство, Торольв с норвежцами и квендами, вернулся в Норвегию. Таким образом, шведы знали о карелах уже во второй половине IX века, зарождавшееся в Приладожье племя *корела* уже тогда, в IX веке, становилось третьей силой между варягами и славянами.

С XI века роль шведов-варягов, открывших торговый путь с севера на юг – «Из варяг в греки», постепенно ослабевала. В торговле с более южными землями определенную роль пробовали брать на себя племена *хяме (емь)*, *суоми (сумь)* и *карьяла* [28].

Согласно шведских и немецких первоисточников к XI веку карелы уже располагались на обширной территории от Финского залива до Северной Двины и Белого моря. Ими интересовались даже греки, римляне и арабы. Хотя в скандинавских сагах упоминания о карелах имеются за IX век, в русских летописях они впервые упоминаются за XII век. Не исключено, что славяне первоначально называли карел общим словом «чудь», как и другие финские племена.

В XI веке карелы захватили у славян небольшое поселение Выбор, построенное еще при жизни Гостомысла, в котором находились их склады с товаром и стража. В этом поселении останавливались шведы-варяги на пути в Русь, а также новгородские купцы. Позднее, в 1293 году, это поселение во время третьего карельского крестового похода захватили шведы, разрушили его, и построили мощный замок на острове Замковый. В 1295 году новгородцы вместе с карелами

разрушили эту крепость в Выборге. В честь этой победы в Новгороде была возведена каменная церковь Воскресения.

К 1143 году карелы основали поселение *Корела* на месте старинного города племени *весь* – Каксили, захваченного в IX веке у всян варягами и названного Кексгольм, на берегу реки Вуоксы недалеко от Ладожского озера. Этот город был единственным карельским городом более 500 лет, пока в 1649 году не был построен второй карельский город Олонец. В русских летописях первое упоминание о городе Корела относится к 1259 году.

В русских переписях первое упоминание о карелах имеется только за 1143 год, их территория шла от северного берега Невы, захватывала Карельский перешеек и Приладожье. Ижора, отделившись к концу X века от карел, стала проживать на берегах рек Невы и Ижоры, назвав эту территорию Ингрия. Многие православные ижорцы долгое время продолжали называть себя карелами, их язык не отличался от карельского.

В XII веке карелы осваивали берега Северной Двины, ее притоков и южное побережье Белого моря. Там они основали поселения, дав им свои названия с ударением на первом слоге: Корелы, Онега, Пинега, Тодма (Тотьма), Тойма и другие.

Таким образом, в XI веке вдоль побережья Финского залива проживали следующие племена: юго-западную часть северного побережья Финского залива и восточное побережье Ботнического залива заселяло племя *сумь* (суоми). Центральную часть побережья Финского залива к востоку от суми – племя *емь* (хяме). Северо-восточное побережье залива, Карельский перешеек и Приладожье заселяли *карелы*, их территория доходила до окрестностей нынешнего финского города Миккели.

К югу от реки Невы, а также вдоль юго-восточного побережья Финского залива проживали *ижорцы*. Западнее их территорию занимало самое древнее финское племя – *водь*. Рядом с ними проживали *эсты*, а западнее их, на берегах Балтийского моря и Рижского залива, жило еще одно финское племя – *ливы*.

К 1280 году территория к востоку от реки Кюми и до будущего города Выборга оставалась незаселенной. Здесь карелы вели свои промыслы и имели торжище, не подконтрольное Новгороду. В 1335 году карелы построили город Улеаборг (нынешний финский город Оулу. – А.Г.) на землях, которые по договору 1323 года относились к

Новгороду. К тому времени Новгород уже подчинил себе Ладожскую Карелию с центром в городе Корела и окрестности реки Невы.

Особенностью развития Новгородского государства было создание класса земцев, то есть крестьян – собственников земли. Этого класса больше не было нигде и никогда на всем пространстве Руси. Класс земцев сначала создавался с целью пропитания самих финских племен, не привыкших к хлебопашеству и скотоводству. Чем больше воины финских племен воевали за независимость Новгорода, защищая его от врагов, тем больше земли передавали каждому такому воину в собственность. С годами этот класс земцев расширился и укрепился.

Чаще всего земцы владели землей товариществами, связанными родством. Они сами обрабатывали землю, сдавали в аренду крестьянам, меняли и продавали свои земли, отдавали в приданое за дочерей. По переписной книге 1500 года на территории бывшего Новгородского княжества оставалось 400 земцев, которые обрабатывали 7 тысяч десятин земли [29].

По роду занятий и размерам земельных участков земцы ничем не отличались от крестьян, лишь тем, что земля была в их собственности.

Образованный после 1278 года класс земцев долгое время сохранялся даже после падения Новгорода в 1478 году и подчинения его Москве. Об этом, например, свидетельствуют переписные книги Вотской пятины 1500 года и Корельского уезда 1568 года.

Проживавшие на берегах Финского залива и Ладожского озера финские племена *весь, водь, ижора, карьяла* и другие сыграли значительную роль в становлении Новгородского государства. Они были форпостом Новгорода от нападений на него шведов и литовцев. В трудную минуту воины этих племен спешили к Новгороду отражать атаки неприятеля. Нередко они справлялись с врагами одни, без помощи Новгорода. Карелы оказались третьей силой в войнах между Швецией и Новгородским княжеством. Интерес и шведов, и новгородцев к кореле и ижоре был одинаков, и заключался в том, чтобы захватить их территории и взять с них больше дани.

Ни один из финских народов не сформировал в те времена самостоятельного государства. Одни из них попали под власть Новгорода, другие – под власть Швеции. Значительно позднее племена *сумь* (*суоми*) и *емь* образовали государство Финляндия, *эсты и сету* – Эстонию, а карелы не смогли сформировать своего государства, разделившись на три группы.

Таким образом, историю карельского народа можно разделить на несколько этапов.

IX век – 1278 год – формирование независимой карельской народности на Карельском перешейке и в Приладожье.

1278–1323 годы – постепенное разделение карел на Выборгских с центром в Выборге, относящихся к Швеции, и приладожских, с центром в городе Корела, относящихся к Новгороду.

1323–1617 годы – карелы выступали как третья сила в борьбе за их земли между Новгородским княжеством (Россией) и Швецией.

1617–1721 годы – постепенное разделение карельской нации на три группы: шведских (финских), тверских и озерных (петрозаводских) карел. С 1618 года началась история тверских карел, отдельная от истории других карельских групп.

Центром Карельского уезда с 1143 года был город Корела, шведское название которого – Кексгольм, а его первое имя Каксили уже позабыто всеми, даже специалистами.

На Карельском перешейке (1142–1228 годы)

В 1142 году Кирше Пья исполнилось 40 лет, он жил со своими заботами в карельской деревне у Свята озера на западном берегу мыса Пюхяниemi. Жена Окся родила ему троих сыновей и двух дочерей, которые к тому времени уже подросли. Они, имея лошадей, освоили землепашество, сеяли жито, овес, рожь и лен. Долгими вечерами Окся вместе с дочерьми пряла суровую нить и ткала из нее холсты. Кирша пахал, сеял, убирал урожай, ходил на охоту и рыбалку. В этой деревне жили его братья и пришедшие с ним всеяне, ставшие племенем *карьяла* или *корела*. Кирша уже дважды до этого ходил в поход к Новгороду по просьбе его наместников, в 1133–1134 годах и 1137 году.

Уже тогда воины для защиты груди от поражения копьём, мечом или топором надевали на себя кафтаны из крепкого материала – войлока, дерюги, другой грубой ткани или из жесткой лосиной, оленьей, бычьей кожи.

Летом 1142 года из деревни в деревню на конях мчались гонцы, крича, что из северных озер по Вуоксе плывут враги на 10 лойвах,

хотят порушить дома, убить мужиков, а жен и девок взять с собой в плен, захватить все припасы и богатство. Гонцы призывали всех собираться на главном погосте Саккола, на берегу реки Вуоксы. Мужиков собралось много – с топорами, копьями, мечами, ножами. Здесь были все: ладожане, ижора, корела. Остановливаясь на пути к Ладоге, неприятель сжигал деревни, убивал мужиков и скот.

Все ладожане договорились спрятаться в лесу недалеко от берега. На берегу остались 40 воинов с топорами и мечами. Неприятель, увидев столь малочисленный отряд, подчалил к берегу все 10 лойв, на них оставалось по 2–5 человек, остальные погнались за ладожанами в лес. Когда враги оказались в лесу, мужики окружили их со всех сторон и стали рубить топорами и мечами, колоть копьями. Оказалось, что это с запада к ним пришло племя *емь* (хяме), их было 400 человек.

Покончив всех в лесу, ладожане высыпали на берег Вуоксы, захватили все 10 лойв, порубили оставшихся там людей. Свирепые карелы решили в следующем году идти походом на племя *емь* и отомстить за разрушенные деревни и убитых соплеменников.

В 1143 году карелы сели в пять захваченных в прошлом году лойв, то есть большие парусные лодки с одной или двумя мачтами. Пошли вверх по Вуоксе через озера на землю племени *емь*, или, по-шведски, «хяме». Хямяляйцев уже предупредили, они неожиданно напали на карел и многих убили. Оставшиеся в живых карелы бежали к себе на двух лойвах. Это событие является самым первым упоминанием о племени *корела* в русских летописях. Появившееся на Карельском перешейке племя *карьяла* русские стали называть словом «*корела*».

Это был последний поход Кириши Пья, в следующий поход **1148 года** пошли его сыновья Пертти, Онисим и Нечай. Тогда новгородские наместники призвали карел идти к Новгороду. Киевский князь Изяслав уговорил новгородцев, где князем сидел его сын Ярослав, вместе идти против суздальского великого князя Юрия Владимировича, чтобы убить его и захватить власть и в Киеве, и в Новгороде.

Карелы, как и договорились, приплыли в Новгород на лодках. И пошли новгородцы с Изяславом, всеми войсками своими, и псковичи, и корела по реке Медведице. Пришел Изяслав по Медведице на Волгу, по ней вниз на Углече поле, оттуда дальше вниз по Волге до устья реки Мологи. По пути они призывали всех подниматься вверх по Волге на устье реки Медведицы, чтобы потом пойти походом на князя Юрия Владимировича.

Дойдя до устья реки Мологи, Онисим и Нечай отпросились побывать на реке Йоги, которая была близко, – на свою родину. Они уходили оттуда совсем малыми детьми, Онисиму было четыре года, а Нечаю – два. Они нашли родственников, которые рассказали о своей жизни. К тому времени они уже не жили своим родом, а жили дворами. В каждом дворе был свой хозяин, несколько дворов создавали деревню. В деревне жили и славяне, и весяне. Весяне между собой говорили на родном языке, а со славянами говорили на их языке, который уже сносно выучили. Славянам они говорили, что русские, как и они, а между собой помнили, что они из племени *весь*.

Онисим и Нечай рассказали, что они пришли к племени *карьяла*, их язык мало чем отличается от языка весян, теперь себя они считают также *карьяла*, а русские зовут их «корела».

Они рассказали, что их отец Кириша дважды ходил походами в Новгород, защищал его, заимел коней, сбрую, инвентарь, они с ним построили дома в своих родных деревнях Ларьяново и у Свята озера, занимаются скотоводством и хлебопашеством. Живут теперь они не родовыми поселениями, а деревнями. Отец с братьями и другими родственниками имеют на мысе Пюхяниemi три деревни: Ларьяново, Гуддила и деревню у Свята озера. Что они пришли защищать Новгород от великого суздальского князя, который хочет присоединить к себе их земли, поэтому оказались далеко от дома здесь на Волге и Мологе. Они просили весян помочь им в борьбе с суздальским князем. На слова Онисима и Нечая весяне откликнулись, и двадцать мужчин с топорами и копьями пошли с ними сначала по Мологе, а затем вверх по Волге до устья реки Медведицы.

Собрав здесь войско, новгородский князь Изяслав пошел с ним к городу Ярославлю, чтобы там дать бой великому князю суздальскому Юрию Владимировичу.

Возвратившиеся после похода домой Онисим и Нечай в подробностях рассказали отцу, как живут их сородичи, оставшиеся на Мологе. Они долго обсуждали и думали, как быть дальше. Решили отправить обратно Онисима и еще одного родственника на Мологу. Может, кто-то из сородичей согласится приехать сюда на Карельский перешеек.

Онисим привел с собой четыре семьи – 22 человека, которые поселились в их деревнях и стали крестьянами, назвав себя также «*карьяла*». Приходившие сюда весяне постепенно пополняли ряды карел. Часть пришедших с Онисимом соплеменников, во главе с Варламом,

построили себе дома в деревнях на восточном берегу мыса Пюхяни-еми, в двух километрах от Ларьянова. Здесь они основали деревню Варламова и деревню Сакула, которые позднее были отражены в русских переписных книгах.

Корела еще долго помнили обиду, нанесенную в 1142 году племенем *емь*, когда те пожгли поселения по берегу реки Вуоксы. Они договорились с новгородскими наместниками идти вместе походом на племя *емь*.

В 1191 году уже очень опытные сыновья Онисима и Нечая Пья Иван, Васько и Клишко пошли вместе с новгородцами на племя *емь*. В этот раз они пошли другим путем – вдоль Финского залива до реки Кумийоки, впадающей в него. По этой реке они поднялись вверх по течению и оказались в центре территории племени *емь*. Воспользовавшись неожиданностью, новгородцы вместе с корелой пожгли поселения, а скот порубили. Часть имущества, что могли, взяли с собой, а часть оставили на месте.

В 1226 году новгородцы узнали о том, что с запада движутся шведы, они уже завоевали племя *емь* и крестили его силой в католичество. Князь Ярослав Всеволодович, узнав эту весть, поспешил на Карельский перешеек и через своих посланцев в 1227 году крестил множество карел.

Таким образом, религиозный фактор сыграл решающую роль в разделении карел на две части. Подданные Новгорода, долгое время не признававшие христианство, концентрировались вокруг города Корела, который был построен карелами в 1143 году. Другие карелы уходили к шведам, ближе к Финскому заливу, отрекались от христианства, так как считали, что крещены они силою.

В ответ на крещение карел новгородским князем в следующем 1228 году по реке Неве и Ладожскому озеру пришло племя *емь* на лодках, их было более 2 тысяч человек. Новгородский ладожский посадник Владислав, не ожидая вестей из Новгорода, собрал ладожан и с ними помчался на лодках за *емью*. Настиг их и стал с ними биться, воевали они около озера Искади и на реке Олонек. Наступила ночь, ладожане отступили на остров, *емь* вместе с захваченными пленниками остались на берегу. Утром *емь* запросили мира, но посадник мира не дал. Тогда *емь*, изрубив всех пленников, побросали лодки и пешие побежали в лес. Ижоряне встречали убегающих, убили их много, остальные разбежались, куда глаза глядят. Оставшихся врагов выводили из леса карелы и убивали их, в свою землю тогда возвратилось мало *еми*.

Крестовые походы шведов (1155–1349 годы)

После смерти Ярослава Мудрого в 1054 году варяги-русы полностью отошли от материковой Швеции, постепенно расширяя территорию Древней Руси. Проживавшие здесь карелы, как и славяне, с XII века стали называть приходящих к ним с войной шведов-завоевателей уже не «варягами», а «немцами». Так они называли всех иностранцев, говорящих на непонятном для них языке.

В XII–XIV веках Карельский перешеек стал местом постоянной борьбы за территории, заселенными карелами. Он привлекал внимание к себе как Швеции, так и Новгородского княжества. Шведы знали оо этой территории, начиная с VIII века, когда воины, купцы и мореплаватели ходили на лодках, шнеках, лойвах, судах от Финского залива до Черного моря. Вдоль пути их следования возникали торговые поселения, в том числе поселение Холмгаард на берегу реки Волхов в шести километрах от озера Ильмень. Из этого варяжского поселения вырос важный славянский город Новгород [30].

В 1054 году произошло разделение христианских церквей на восточную православную церковь и западную католическую. Православными оставались все русские княжества, а также Византийская империя. К католикам стала относиться вся остальная Европа от Венгрии и Польши до Англии и Португалии, в том числе и Швеция.

Финские племена, в том числе и карелы, оставаясь язычниками, оказались между востоком и западом в борьбе за земли и религиозное влияние. Наложив на финские племена дань, новгородцы до начала XIII века не обращали их в христианство. Шведы не требовали от них дани, но пытались обратить финские народы в католичество, совершая против них крестовые походы. В XII веке Римский папа Александр III запретил продавать оружие карелам, *саамам* и *ижорцам*, называя их язычниками.

Имеется известие о походах новгородцев к племени *емь* (*хяме*) 1123 года, чтобы подчинить это племя и взять их территорию под свою власть. Шведы, также стремясь подчинить племя «хяме» (*емь*) совершили **первый** крестовый поход **в 1155 году**. Они оставили на его территории епископа Хенрика, чтобы он подчинил этот народ католической вере. Но хяме – язычники сопротивлялись вере, их представитель Лалли убил шведского епископа [31].

По данным финского историка Вильо Расила на территории нынешней Финляндии в XII веке проживало не более 50 тысяч человек.

Шведы долгое время считали все земли на берегах Невы и Ладоги своей вотчиной. Со времен Рюрика и до 1167 года они не беспокоили русских владений, в том числе и по берегам Невы и Ладоги. После походов на финские племена *емь* и *сумь* 1155 года, шведы в 1167 году пошли дальше на Ладогу. Они пришли к устью реки Волхов, туда подошел новгородский князь Святослав вместе с воеводой Захарием и войском. Они напали на шведов, захватили много пленников, из 50 шведских судов спаслись лишь 12. Эта была первая битва и первая победа над шведами за независимость от них русской территории.

Шведы, которые со середины VIII века более 400 лет считали Ладогу своей вотчиной, получили достойный отпор от своих бывших сородичей, которые защищали Русь, как свою родину.

14 июля 1188 года новгородцы вместе с *эстами* и *карелами* добрались на судах до Швеции и опустошили их столицу Сигтуну. Это был первый военный поход в Швецию, о нем пишут шведские летописцы, а в русских летописях об этом факте ничего нет.

Об участии карел в походе 1188 года на шведское поселение Сигтуну писали многие историки, ссылаясь на шведскую «Хронику Эрика», где карелы названы словом «*ragane*» – язычники.

После Сигтуны важнейшим торговым центром Швеции стал город Бирке. Позднее шведы именно на этом месте построили столицу своего государства – город Стокгольм.

Шведские летописцы рассказали о том, что в 1188 году русские вместе с *эстами* и *карелами* пришли на судах в Стокгольм, убили архиепископа упсальского, 14 июля того же года взяли древний торговый город Сигтуну, опустошив его так, что он уже не смог подняться до прежнего состояния. Вместе с другими ценностями новгородцы похитили из Сигтуны серебряные церковные ворота, которыми украсили свою соборную церковь в Новгороде.

В русских летописях об этом не говорится, хотя записан другой факт: «1191 год. Ходили новгородцы в лойвах с корелою на *емь* и *вовали* землю их, и пожгли, и скот порубили».

До середины XII века за земли ближних финских племен *емь* и *сумь*, проживавших на территории нынешней Финляндии воевали карелы. Во второй половине XII века шведы сумели закрепиться на террито-

рии племени *емь* (хяме). Походы туда новгородцев и карел не имели больших успехов, территория оставалась за шведами.

В 1221 году шведы совершили поход на хяме и поставили править захваченной территорией епископа Томаса, чтобы он внедрял среди населения католическую веру. Его жестокие меры привели к бунту хямяляйцев, епископ стал просить помощи Швеции. **В 1238 году** шведы совершили **второй** крестовый поход и территория племени «хяме» полностью оказалась под властью шведов.

В норвежской «Саге о Хаконе» говорится, что из Холмгаарда (Новгорода. – А.Г.) прибыли послы Александра и пожаловались, что на севере, где жили саамы, управляющие нападали друг на друга. Норвежский правитель Хакон отправил своих людей в Холмгаард, где был установлен мир между Новгородом и Норвегией. Что норвежцы, русские, карелы и финны не должны нападать друг на друга. По утверждению историков, это событие произошло в 1251–1252 годах при правлении Александра Невского, но соглашение о мире продолжалось недолго.

В 1278 году Новгород полностью подчинил себе Корелу. Финны называют поход шведов на Корелу **1293 года третьим** или Карельским крестовым походом, во время которого ими была захвачена западная Карелия. Этот крестовый поход отражен в шведских сагах и русских летописях, но записи краткие и не сообщают подробностей.

Маршал Тюргильс Кнутссон, который управлял Швецией при малолетнем короле Биргере, собрал большое войско и направил его в Карелию. Ганзейцы, основавшие к тому времени в Новгороде «немецкий двор», запретили купцам продавать карелам оружие. Против хорошо вооруженного шведского войска карелы вышли с копьями, топорами и луками. Шведы, захватив западную Карелию, построили там крепость Выборг на месте славянского, а после ухода славян южнее Невы – карельского деревянного острожка Выбор.

Новгородцы направили к Выборгу отряд тысяцкого Андриана, но увидели вместо деревянного острога неприступную каменную крепость, взять которую им не удалось. На захваченных территориях шведы стали распространять католическую веру среди карел, которые обещали навечно подчиниться и служить королю шведов.

Религиозный фактор сыграл решающую роль в разделении карел на две части. Подданные Новгорода, долгое время не признававшие христианство, концентрировались вокруг города Корела, который

был построен карелами в 1143 году на месте древнего поселения весян Каксилы. Карелы с центром в Выборге, покоренные Швецией, принимали католическую веру.

В 1295 году шведы под командованием Сигурда Локка захватили устье реки Вуоксы и столицу восточной Карелии город Корелу. Шведские саги и русские летописи дают очень скудную информацию о захвате крепости Корела. Когда шведы подошли к крепости, их встретили вооруженные карелы без новгородцев. Бой вели врукопашную, поэтому шведы не подожгли деревянную крепость. Карелия захлебнулась в крови своего народа, большинство которого шведы утнали на выборгскую сторону. На помощь карелам прибыло войско из Новгорода, шведы держали оборону крепости Корела шесть дней, после чего предприняли попытку выйти из крепости и прорваться сквозь новгородцев. Новгородцы не выпустили ни одного шведа, убив их, в том числе и Сигурда Локка.

Шведы продолжали совершать неоднократные набеги на карельские земли. В период с 1311 по 1317 годы они высаживались на берегах Невы, Свири, Ладожского озера, дошли до города Ладоги.

В русской крепости Орехов 12 августа 1323 года был заключен Ореховецкий мир, который положил конец тридцатилетней войне между шведами и Новгородом. От новгородцев договор заключили: новгородский князь Юрий Данилович, посадник Алфоромей и тысяцкий Аврам. От имени малолетнего шведского короля Магнуса Эрикссона договор подписали послы Эрик Турессон и Петер Юнсон, а также поп Вымундер.

Ореховецкий мир стал первым мирным договором между Новгородом и Швецией об установлении между ними границ. Возникла граница, которая навсегда разделила карел на две части.

К 40-м годам XIV века шведы полностью покорили территории народа *суоми*. Чтобы защитить свои владения, они построили первые крепости: Або (Турку), Хяме (Хямеенлинна) и укрепили крепость Виипури (Выборг). Во главе финской католической церкви встал епископ города Або [32].

В 1348–1349 годах шведский король Магнус II Эрикссон совершил **четвертый** крестовый поход в Карелию для обращения в католичество карел-язычников. Для похода он привлек много датских, норвежских рыцарей и немецких наемников. Шведы во главе с королем высадились на Ореховом острове и захватили крепость Орешек 6 августа

1348 года. Другая часть шведских войск рассеялась по берегам Невы, грабя и разоряя карельские и ижорские деревни.

Новгородцы во главе с посадником Онисифором Лукичом во время боя 23 июля 1348 года перебила 500 шведов, казнили перешедших на службу к шведам карел и ижорцев. После этого боя новгородцы пошли к Кореле и очистили крепость от шведов.

Первое крещение карел (1227 год)

Сутью карельских языческих мольбищ были: лес, камни, река, болота, источники, холмы, солнце, месяц, звезды, озера, реки и все твари. Карелы поклонялись им, как богам, и приносили жертвы, а священниками у них были простые люди – жрецы-старейшины.

Летом 1227 года на карельскую землю от имени новгородского князя Ярослава Всеволодовича пришло много игуменов и священников вместе с дружинниками, чтобы крестить карел в православную веру, руководил всеми поп Василий.

Крещение было и совершено для того, чтобы приостановить влияние *католической* веры на население приграничных новгородских земель. К тому времени, в 1054 году, христианская вера разделилась на *католическую* и *православную*.

* * *

У карела Матти Пья как раз родился сын, которого он понес в соседнюю деревню у Свята озера к старейшине своего рода, который считался языческим священником Укко, чтобы он совершил обряд и дал имя сыну. По дороге он увидел движение людей в длинных поповских рясах в сопровождении дружинников, которые скидывали в реку каменные мольбища карел, поджигали их деревянных идолов. Кто-то сказал Матти, что едет великий князь с дружиной, они всех карел сгонят в озеро Пюхярви силой, и будут крестить их в православие.

Старейшины родов Укко, которых новгородцы называли «арбуи-язычники», почитали сами языческих богов и требовали этого от

сородичей, чтобы они молились всем языческим богам: богу воды – Ахти, властителю леса Тапио, богу всех побед в войне Куринасу, богу деревьев Лиеккие и другим.

Укко назвал сына Матти карельским именем Юрье. Матти с крещеным сыном Юрье только успел переступить порог своего дома, как появился православный игумен с толмачом. Он потребовал всей семьей идти на берег озера Пюхьярви. Там были уже жители всех четырех домов из трех деревень, около 30 человек. Игумен стал читать карелам основные правила православия: надо будет строить церкви и ходить туда молиться, а все мольбища языческие им, карелам, надо раскидать и сжечь.

Если карел в чем-то провинится или согрешит, не надо ходить на поклоны к своим арбуям-язычникам, а надо идти к игуменам и попам. Всех умерших необходимо хоронить в одном месте на погосте, где будет построена церковь, а не в своих деревнях, на курганах и других местах. На похороны надо приглашать не арбуев-язычников, а православных священников.

Когда родится ребенок, не надо ходить к жрецам-арбуям, они нарекают детей своими карельскими именами. Надо приглашать русских священников, которые будут нарекать карел русскими именами.

Никаких жертв своим языческим богам приносить не надо, а то во время жертвоприношения карелы много едят и пьют.

После крещения игумены и попы будут строго следить, чтобы мужчины-карелы от своих жен законопреступно не жили с другими женщинами и девками.

После того как все это было сказано и переведено толмачем на карельский язык, всех карел в одежде новгородские дружинники погнали в воду озера Пюхьярви. Маленьких детей женщины взяли на руки, пока они стояли в воде, священник читал молитвы. Велено было выходить по одному, священник освящал их по очереди святой водой, взятой из этого же озера.

Когда все карелы разошлись по своим домам, священник вместе с толмачом и двумя дружинниками заходили в дом, спрашивали, как кого зовут и через переводчика называли им русское имя. Так Матти Пья стал Матвеем, его сын Юрье – Юрием, жена Овди – Овдотьей. Затем новгородские посланцы пошли на восточный берег мыса Пюхьяниemi, где крестили карел из деревень Варламова и Сакула.

Таким образом, после 1227 года все карелы из рода Пья, проживавшие в деревнях Гудилла, Ларьяново и у Свята озера, а также проживав-

шие в их деревнях крестьяне стали иметь русские имена и фамилии. После крещения Офонасий стал Офонасьевым, Борис – Борисовым, Захар – Захаровым, Михаил – Михайловым, Лука – Лукиным. Однако, фамилии, произошедшие от имен, на протяжении лет и веков постоянно менялись, например, сын Ивана Борисова назывался Нечай Иванов, а его сын – Семен Нечаев и т. д.

Весь карельский род *Пья* получил фамилию – *Головкин* («*пья*» в переводе с карельского языка на русский – «голова». – А.Г.) которая не меняется уже на протяжении восьми веков. Те карелы, которые имели другие прозвища, тоже стали обладателями русских фамилий. С тех пор и на столетия все последующие поколения *Хукко* стали Волковыми, *Янис* – Зайцевыми, *Ребо* – Лисицыными, *Брони* – Ворониными, *Хаву* – Ёлкиными, *Хавги* – Шукиными и так далее.

После обхода всех карельских домов священник с дружинниками направились жечь и разорять оставшиеся карельские языческие мольбища. В это время дружинники доставили из ближних деревень на берег озера старейшин карельских родов *Укко*, которых новгородцы называли арбуями-язычниками. Священник долго убеждал их в том, чтобы они прекратили свои скверные дела и берегли православие.

Тех карел-арбуев, которые покаялись перед священником в своих грехах, начали дальше учить церковным православным правилам, пытаясь воспитать из них первых карельских попов. Было велено из каждого погоста взять по два самых непокорных арбуя-язычника и привезти их в Великий Новгород. Там их предали опале, поместили в казематы для духовного и телесного наказания, где многие и нашли свою кончину.

* * *

Влияние православной веры на карел после их крещения Ярославом Всеволодовичем в 1227 году было значительным. Сложилась непростая ситуация двоеверья в язычество и христианство. Наряду с христианскими обычаями отпевания, чтения молитв, захоронения с нательным христианским крестом, долгое время существовал обряд очищения могилы с помощью огня. Могилу окуривали перед погребением, затем – после погребения можжевеловым дымом. Придя домой после похорон, все прикладывали руки к печи, как бы этим оберегая живых от смерти.

Крещение карел было проведено тогда, когда карельская земля еще не входила в состав Новгородского княжества. Даже спустя 42 года после крещения, в 1269 году, Корела была еще независима от Новгорода, он завладел Корельским уездом в 1278 году. С тех пор карельские земли стали местом непрерывных войн между Новгородом и шведами. Шведы стремились насаждать карелам католичество, а русские – православие. После отъезда новгородских священников крещенные карелы забыли русские имена и называли себя прежними карельскими именами. Карелы еще долго, более 300 лет, не принимали христианство, следуя языческим обрядам, о чем свидетельствуют документы.

В 1517 году немецкий монах Мартин Лютер написал 95 тезисов против злоупотреблений в католической церкви. Началось новое религиозное течение протестантство или *лютеранство*. В 1524 году вместо монашеской одежды он надел на себя одежду доктора богословия, и начал активно распространять свои тезисы.

25 марта 1534 года новгородский архиепископ Макарий обратился с грамотой в Водскую пятину, в том числе и Корельский уезд, о борьбе с языческими проявлениями, об искоренении языческих требищ и обрядов.

Через девять лет, 15 января 1543 года, преемник Макария новгородский архиепископ Феодосий в своем писании в Корелу требовал от служителей церкви и прихожан петь молитвы и совершать крестные ходы около города Корелы и Корельского посада, как это делают в других городах. Во время молитв просить бога о многолетнем здравии и спасении государя Великого князя Ивана Васильевича, самодержца Русской земли.

Через пять лет после этого, 8 июня 1548 года, Феодосий снова направил грамоту в Водскую пятину со своими указаниями по разрушению мольбищ и искоренению языческих обрядов. Чтобы неповадно было, поручено Федче Прокофьеву и Сенче Мартьянову, из каждого погоста взять по два арбуя-язычника и отправить в Великий Новгород для духовного и телесного наказания.

Страх самосохранения заставил карел, бывших под властью русских, через 300 лет после первого крещения, уже в XVI веке принять христианскую веру и постепенно отходить от язычества. Хотя в душе многие его элементы карелы сохраняли до конца своих дней.

Покорение Корелы Новгородом (1241–1278 годы)

С 1236 года в Новгороде был посажен князь Александр Ярославич в возрасте 16 лет, позднее названный Невским. В июле 1240 года шведы вошли в Неву и бросили якоря в устье Ижоры. Они хотели отдохнуть, после чего напасть на побережье Ладожского озера, затем идти по Волхову на Великий Новгород.

В «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» сказано, что старейшина Ижорской земли Пелгусий три дня и три ночи наблюдал за передвижениями шведов. Он сообщил сведения о неприятеле подошедшему с войском новгородскому князю Александру Ярославичу.

15 июля 1240 года в устье реки Ижоры при впадении в Неву произошла битва новгородцев во главе с князем Александром Ярославичем со шведами. Шведы не ожидали нападения русских, поставили свои шнеки у берега, раскинули шатры. В одиннадцать часов утра новгородцы вместе с ижорцами, карелами и ладожанами внезапно появились перед шведским лагерем, бросились на противников и начали их рубить топорами и мечами. После битвы, в которой шведы потеряли много убитыми, они под прикрытием ночи уплыли на шнеках вниз по Неве в море.

В 1241 году на новгородские земли напали немцы, опустошили их, построили свое укрепление в погосте Копорье. Они не дошли всего 30 верст до Новгорода, убивали и грабили гостей (купцов), жгли деревни, уводили скот. Князь Александр Невский, прибыв в Новгород вместе с новгородцами, карелами, ладожанами и ижорцами, отправился очищать свою землю от немцев, разогнал их отряды, взял город Копорье. Он милостиво обращался с пленниками, но перевешал всех изменников вожан и из других финских племен. Поход 1241 года с участием карел на крепость Копорье попал во многие летописи благодаря тому, что его возглавлял популярный князь Александр Невский.

В 1252 году новгородцы с радостью встретили великого князя Александра Невского, который предложил запретить шведам и финнам грабить Лопь и Корелу. В 1253 году Александр выехал из Новгорода, оставив своего сына Василия выполнять это поручение, тогда же новгородцы прогнали от Наровы немцев, а волость оставили пустою. Корела тоже много зла сотворила в волости. Учитывая, что карелы

шведов также называли «немыми» или «немцами», то, скорее всего, их поход был совершен тогда на шведскую землю, соседнюю с карельской землей.

Новгородский князь Василий в том году опустошил земли Корелы, которая еще не входила в состав Новгородского княжества.

В «Слове о гибели Русской земли» – отрывке недошедшего до нас полного произведения, написанного в период с 1238 по 1246 годы, и посвященного монголо-татарскому нашествию, сказано, что карельская земля в первой половине XIII века в границы Руси не включалась.

В 1258 году литовцы покорили Смоленск, с 1259 по 1263 годы они завоевали земли Полоцкого, Пинского, Туровского и Волынского княжеств. В то же время земли от Рижского залива до середины реки Западная Двина были завоеваны Ливонским орденом. Ливонцы покорили финские племена *ливов, эстов, сету*, а также Псковское княжество вместе с городом Псковом.

Первый тверской князь Ярослав Ярославич, брат Александра Невского, стал княжить в Новгороде с 27 января 1266 года. Он начал самовольно захватывать дворы для себя, захватил много сел и деревень, в том числе и карельских. В 1269 году, тверской князь Ярослав Ярославич, будучи великим русским князем, собирался идти в поход на Корелу, чтобы проучить перешедших из православия в язычество. Новгородцы умоляли его не ходить на Корелу, он послушался и отослал полки назад.

Князь Ярослав Ярославич плохо выполнял свой договор с народным вече Великого Новгорода. В ответ на возмущенные грамоты новгородцев он в 1270 году собрал войско и пошел на город. Новгородцы стали собирать на свою защиту горожан, псковичей, ладожан, корелу, ижору, вожан. Собравшееся войско пошло в Голино и встало на берегу реки Шелони, от мала до велика. Войско Ярослава стояло по другую сторону реки при впадении ее в озеро Ильмень. В 1270 году новгородский народ восстал, и при такой силе Ярослав не посмел напасть на город.

Сразу после начала своего княжения в Новгороде сын Александра Невского Дмитрий в 1278 году пошел с суздальским войском на Корелу, наказал ее и разгромил. Он пленил много жителей за явный бунт против присоединения к Новгороду. До этого времени карелы мирно жили с Новгородом, помогали ему при опасности, исправно платили дань.

Единицей податей у карел тогда был *лук* – главное оружие охоты на пушного зверя. Новгородцы брали с них подать по 5 серых шкурок с каждого лука. К одному луку приравнивали хозяйство взрослого мужчины или вдовы. «Наказать» карел потребовали от Новгорода ганзейские купцы, на суда которых карелы нередко нападали. Надеясь на шведского короля, карелы переметнулись к нему, чтобы он помог им отделиться от Новгорода, но помощи от шведов не было.

После похода Дмитрия Александровича 1278 года карельские земли были присоединены к Новгороду, который лишился надежного союзника в битвах против агрессии Запада, а позднее в борьбе с Москвой. В 1328 году столица Руси была перенесена из Владимира в Москву.

* * *

Недавно крещеный в православие карел Ондрей Головкин вернулся из похода домой со своими деревенскими воинами, имея трофеи и не потеряв в бою никого. Умница и рукодельница, его жена Анни делала по дому все: готовила еду, ухаживала за скотиной, которой было немало – три лошади, две коровы, двадцать овец. Отпуская мужа в очередной поход, понимала, что он может не вернуться, но по своей женской доле не могла ему перечить.

Когда Ондрей был дома, делал все мужские дела: пахал поле, сеял жито, лен, овес и рожь, ходил на охоту, приносил домой рыбу. Летом вставал рано, в четыре часа утра – готовил сено, жал серпом зерновые. Но и походы приносили достаток в дом: он приводил коней, скот, привозил домашнюю утварь. Прибыв из похода, Ондрей, купаясь, наслаждался бодрящей чистейшей водой озера Пюхьяярви. Вода заряжала его энергией, вылечивала все раны и ссадины после походов. В водах озера кипела бурная жизнь; если присмотреться, можно было увидеть рыб всех видов и размеров, таких, как лосось, форель, таймень, голец, хариус, щука, судак и многих других.

В июне и июле здесь никогда не наступает полная темнота. Светлые летние ночи – прекрасное время года. Проживая здесь, карелы находились в полной гармонии с окружающей природой. Сын Ондрея Головкина Пекка с десяти лет один или с младшим братом ходил на рыбалку. Безымянная речка, проходившая поперек мыса Пюхяниemi возле деревни Ларьяново, была не очень глубокой, но рыбной.

Однажды Пекка шел по берегу этой речки и увидел в одном омуте много рыбы. Он перегородил это омут камнями с двух сторон и стал мутить воду. Когда вода стала мутной, рыбы начали высовывать из воды головы. Пекка выбирал самые крупные головы и двумя руками со всплеском и вместе с водой выбрасывал рыбин на берег. На берегу складывал рыбу в одно место. Поймав, таким образом, десятка полтора крупных плотниц, окуней и щук, насадил их на ольховую рогатку и понес домой.

В один из дней он шел вдоль этой речки, впадающей в озеро Пюхярви, недалеко от дома, километра два к ее истоку. Увидел много-много крупной рыбы, плавающей в омуте. Но он был завален деревьями поперек так сильно, что о рыбалке нечего было и думать. Пекка побежал домой, позвал младшего брата с собой. Они взяли топоры и длинную полутораметровую корзину с плоским дном. Более трех часов они перерубали деревья и относили их в кучу. Предварительно мальчишки заложили вход и выход из омута камнями, чтобы рыба никуда не ушла.

Закончив работу, они повели корзину, встав с двух сторон и ногами поднимая муть. Когда подвели корзину к камням на выходе, по дну ее забарабанила рыба. Ребята резко подняли ее и увидели щук, прыгающих по дну, их было семь штук. За день мальчишки поймали в этом омуте двадцать восемь щук, с трудом принесли их в корзине в деревню. В этот вечер их щук ела вся деревня, состоящая из трех домов.

Летом 1270 года в деревню Ларьяново к Невзору Головкину прискакал брат из соседней деревни Гуддила, сказал, что надо идти защищать Новый город от Твери, иначе и их деревни могут быть захвачены. В этот раз собралось много карел, они на конях поскакали к Новгороду, встали стеной на берегу реки Шелони. Тверской князь Ярослав прислал боярина с тем, что он, князь, забывает все обиды, сделанные новгородцами, и все российские князья будут поруками в исполнении его мирных условий.

Новгородцы ответили через посла, что тверской князь объявил себя врагом святой Софии, поэтому просили оставить их в покое, иначе они умрут за отечество. Новгород не имеет своего князя, но за ним Бог, правда и святая София, а его, тверского князя, они не хотят. Вслед за послом новгородцы двинули из города свое многочисленное войско из горожан, ладожан, карел, ижорцев, вожан и псковитян. Они установили свой стан на берегу реки Шелони, а Ярослав разбил стан на

другом берегу. Так прошла неделя бездействия и переговоров, которые окончились принятием Ярославом грамоты с условиями новгородцев. Таким образом, очередная попытка покорить Корелу и присоединить ее к Новгороду тогда не удалась.

Новгород окончательно покорил карельские земли в 1278 году и ровно 200 лет до 1478 года держал под своей властью. Финские племена *водь* и *ижора* были завоеваны новгородцами еще до карел, в 1270 году.

Когда новгородские войска пришли на берег озера Пюхьярви в деревню Гуддила, два брата рода Головкиных решили остаться, никуда не уходить и служить Новгороду. До деревень Ларьяново и у Свята озера, что в трех километрах от Гуддилы, новгородцы не дошли. Хозяин одного двора из деревни Гуддила Осташ Головкин, забрав с собой жену и детей, убежал в лес вместе с другими карелами. Отрядом они пошли к Финскому заливу к Выборгу и остались у шведов.

Корела вместе с Новгородом (1292–1316 годы)

Было 15 июня 1292 года. Со стороны Швеции на Карельский перешеек приближалась гроза. Природа сначала затихла на некоторое время в ожидании возможной беды. Люди вышли на улицу, подошли к идолу бога Укко и кланялись ему, чтобы от молний не было пожаров, и никто не погиб. Внезапный шквалистый ветер нагнул верхушки деревьев и с шумом стал доходить сквозь густой лес в деревню. Когда стали падать первые крупные капли дождя, люди побежали по домам.

Гроза бушевала более часа, но в этот раз все обошлось. Молнии ударили слева и справа в самые высокие деревья, которые служили своего рода громоотводами. Одна старая ель вспыхнула, но обрушившийся дождь погасил ее. А на старой березе образовалась широкая трещина почти от самой вершины и до земли. Темные тучи закрыли небо со всех сторон до горизонта. Светлым днем стало темно, будто в сумерках. Люди, способные отвоевать от природы участки леса, ходившие на кабана и медведя, стали маленькими и беспомощными перед этой стихией. Птицы стаями слетали с верхушек деревьев, устремляясь вниз, в чащу леса. Собаки не могли найти себе безопасное место, метались по

двору от постройки к постройке, готовые забраться от грозы в любую самую узкую щель. Все живое попряталось в норы, дупла, убежища.

На глазах изумленных людей кабаны вышли на опушку леса и стали зарываться в муравейники, чтобы переждать грозное время с пользой для себя – подлечить застарелые раны и ушибы муравьиным спиртом и вычистить себя от блох и другой мелкой живности.

На другой день карелы обсуждали эту грозу, ожидая очередного нападения шведов. Ведь в последнее десятилетие XIII века шведы усиленно наступали на Корелу, пытаясь подчинить ее себе, крестить в католическую веру и обложить большой данью.

Ожидания карел оправдались, через несколько дней пришло 800 шведов, 400 из них пошли на Ижору, а 400 пришли на земли Корелы. Карелы без помощи новгородцев защитили свои земли от шведов. Они убили большинство шведов, а часть их взяли в плен.

Ижора также побила шведов без русской помощи. Русь была тогда придавлена татарами, разорена и истощена. Новгород пострадал от татар меньше, чем остальная Русь, татары до него не дошли. Но все же, сильно ослабел, лишившись прежней поддержки средней Руси. В 1292 году новгородцы ходили походом на земли племени *емь*, которые были уже захвачены шведами. Поход шведов на Ижору и Корелу был ответом на действия новгородцев.

Потерпев поражение, шведы решили обосноваться на Карельском перешейке, чтобы попытаться его захватить полностью. Поход шведов на Корелу 1293 года описан ими в «Хронике Эрика», переведенной на русский язык. Регент-наместник Швеции Тюрнгильс Кнутссон направил свое войско через Балтику и Финский залив в Корелу. В отрядах шведов были наемники – немцы и датчане. Корабли вышли из Швеции в мае 1293 года, шведские рыцари вместе с наемниками высадились на берегу Финского залива. Они захватили карельское поселение Виипури (Выбор) и на острове Замковый основали из камня мощную крепость Выборг. На шведов нападали карелы, защищая свою землю, но силы были неравны, крепость была неприступна. В этой крепости шведами был оставлен военный гарнизон.

Землями вокруг Выборга стал управлять шведский наместник Сигурд Локке. В том же году он предпринял попытку продвинуться на восток по реке Вуоксе и захватить восточную часть Карельского перешейка. Он хотел закрепиться на землях по всему протяжению реки Вуоксы. Часть своего гарнизона он повел по реке к карельской

крепости Корела. Шведы смогли захватить Корелу. Хотя карелы сражались ожесточенно, силы были неравны. Сжигать крепость шведы не стали, пленных карел отправили в Выборг. Они оставили в Кореле часть своего войска, а другие шведы во главе с предводителем Локке и награбленным добром должны были вернуться в Выборг, но не успели.

Новгород, узнав о захвате Корелы шведами, поспешил на помощь. Новгородцы осадили крепость, шведы шесть дней в ней сидели без еды, многие погибли от голода. Предводитель шведов Сигурд Локке решил выйти с отрядом из крепости и дать бой русским и карелам. В бою победили новгородцы с карелами, пришедшими из окрестных деревень, в ходе боя погибло много русских, карел и шведов, их предводитель Сигурд Локке был убит. Этой победе новгородцы придавали большое значение, в честь нее в Новгороде в 1298 году возвели церковь Воскресения.

Археологические раскопки в Новгороде подтвердили, что в XIII веке в этом городе проживали карелы. Об этом свидетельствуют берестяные грамоты на карельском языке, а также найденные ушаты и бабды с надписью по-карельски «олут» (пиво) [33].

Строительство крепости Выборг на месте бывшего карельского поселения обеспечило шведам обладание западными карельскими землями и поставило под их постоянные удары город Корелу и восточные карельские земли. Построив крепость, шведский король Биргер хотел этим утвердиться на Карельском перешейке и обуздать свирепых карел, которые постоянно беспокоили его северо-западные владения на перешейке, грабили его купеческие суда на Финском заливе.

На землях Корелы вновь запыхала война, которая длилась 30 лет. В ходе ее обе стороны, русские и шведы, постоянно опустошали и разоряли Корелу. В письменном памятнике Швеции «Хронике Эрика» описаны несколько эпизодов этой войны. Однажды из-за шторма на Ладоге шведы вышли на берег рядом с карельской деревней. Было раннее утро, все в деревне мирно спали. Шведы убили всех карел, не пощадив ни детей, ни женщин, ни стариков, сожгли все дома и карельские мольбища. Разрубили все карельские лодки и челны, напившись, сели на свои суда и поспешили домой в Выборг.

Чтобы укрепиться на берегу Невы, в году шведы построили при впадении в нее реки Охты крепость Ландскрону, что в 140 километрах южнее города Корелы [34].

Новгородцы и карелы в том же году хотели уничтожить шведские корабли, стоявшие возле этой крепости. Для этого они применили

горящий плот, который пустили по течению реки Невы. На плоту они подожгли большую кучу сухих деревьев. Но маневр не удался, движению плота помешал завал из деревьев, преградивший ему путь.

В следующем 1301 году шведскую крепость Ландскрону уничтожили карелы и ижорцы вместе с новгородцами. Осадив ее, русские и карелы начали битву со шведами. Изнуренные голодом и болезнями шведы бились мужественно. Новгородцы и карелы огнем и пращами за несколько дней истребили большую часть укреплений и стали готовиться к решительному штурму. 12 мая 1301 года карелы вместе с новгородцами захватили крепость, в которой оставалось всего 300 человек шведского гарнизона. Взяв крепость и сравняв ее с землей, новгородцы пленили часть шведов, которые не хотели сдаваться и оборонялись в погребе крепости. На этом месте новгородцы построили свой город, назвав его Новый Острог.

Летом 1310 года карелы вместе с новгородцами разобрали ветхие деревянные постройки крепости Корела, и на их месте построили новую каменную крепость.

В 1307 году вся Корела была передана тверскому князю Михаилу Ярославичу, который пытался ее опустошить. В то время князь управлял землями через своих наместников. Те своими поборами и насилием вызывали возмущение карел, их восстания против власти долго оставались в памяти последующих поколений. В 1307 и 1308 годах новгородцы писали грамоты, в которых требовали от тверского великого князя Михаила Ярославича суда над наместником и его отозвания: «А Борис Константинович кормил Новгород Корелою, а он Корелу всю потерял (разорил) и за немцев (шведов) загнал. Пусть из новгородской земли уходит».

Когда этого не случилось, защищаясь, население Корелы обратилось к помощи шведов. В кровопролитном сражении 1314 года карелы убили русский гарнизон в Корельском укреплении и впустили к себе шведов. Новгородцы во главе с наместником Федором пошли на крепость, карелы перебежали к ним. Новгородцы убили шведов и карел-изменников. Во всем случившемся с карелами новгородцы стали обвинять тверского князя Михаила Ярославича, что он, пресмыкаясь в Орде у ног хана за великокняжеский ярлык, забыл свое отечество.

Не прошло и двух лет, как тверской князь Михаил собрал большую рать из тверских, владимирских и монгольских воинов. Князь Михаил встал на погосте Устьянском в 50 верстах от Новгорода. Новгородцы

тоже собрали большие силы, куда вошли финские племена, в том числе и корела, из-за которого и шел спор, и пошли навстречу тверскому князю. Переговоров никаких не было, **10 февраля 1316 года** новгородцы и тверитяне вступили в жестокий бой. Новгородцы одержали победу, Михаил с войском повернул обратно в Тверь. Новгородцы их не преследовали. На обратном пути войско Михаила Тверского заблудилось в болотах, многие умерли от голода и болезней. Историки называют три причины неудачи Михаила Тверского: мощная защита Новгорода своим народом, соперничество Твери с Москвой за великое княжение и болезнь князя.

По пути в Тверь кони и люди падали мертвыми от усталости и голода. Воины сдирали кожу со своих щитов, чтобы питаться ею. Князь вышел из болот без коней, с одной пехотой, изнуренною и безоружною.

Между Швецией и Россией (1293–1339 годы)

На Карельском перешейке с 1293 года запылала тридцатилетняя непрерывная война между шведами и карелами. В этот период ослабленный Новгород практически не помогал карелам, хотя его наместники на территориях, свободных от шведов, исправно собирали с них налоги. Особенно старались наместники тверского князя Михаила Ярославича, которые опустошали Корелу. Наоборот, карелы помогали Новгороду в 1316 году противостоять войскам тверского князя, защищая от него этот город.

И только в 1322 году по просьбе новгородских чиновников великий князь Георгий Данилович поехал в Новгород, так как к тому времени шведы захватили уже весь Карельский перешеек. Он с войском подступил к городу Выборгу, имея шесть больших стенобитных орудий, и осаждал его с 12 августа по 9 сентября 1322 года, но безуспешно. Тогда он вместе с новгородцами разбил стан на острове Ореховом, там, где Нева вытекает из Ладожского озера, чтобы не давать шведам свободно входить в озеро. Узнав, что к Неве подошло большое войско русских, юный шведский король Магнус прислал в стан князя Георгия Даниловича вельмож, чтобы начать переговоры об обоюдной пользе. А в это время новгородцы на острове заложили крепость, которую назвали

Орехов. Она впоследствии называлась: Нотебург, Шлиссельбург, Пякинсаари, а теперь это город Петрокрепость Ленинградской области.

В новой русской крепости Орехов в 1323 году был заключен Ореховецкий мир, который положил конец тридцатилетней войне.

По условиям Карельский перешеек был поделен по реке Сестре, ее финское название – Раяйоки. Западная его часть с центром Виипури (Выборгом) осталась шведам, а восточная часть с центром Корела – новгородцам. Линия границы по Ореховецкому миру 1323 года была самой первой официальной границей между Западом и Востоком, между влиянием православной и католической церковью. По территории Карельского перешейка она проходила так же, как в XX веке, до марта 1940 года, была граница между Финляндией и Советским Союзом.

Этот мир продолжался недолго, всего 15 лет, в 1337 году новгородские карелы поднялись на бунт. Причины этого бунта мало исследованы, но основная причина – доведение до нищеты карел налогами, поборами и войнами, как со стороны шведов, так и русских. Карелы всегда делились последним куском во время войны и голода, но не допускали и защищались, когда у них силой пытались забрать землю, имущество, скот или воровали это. В исполнении своих желаний карелы всегда тверды и упрямы.

Силой и угрозами вовлекая карел в православие, русские священники не забывали приобретать земли для своих нужд. Постепенно церкви и монастыри приобретали в свое владение все больше и больше земель и деревень. А новгородские наместники увеличивали налог с крестьян, торговцев, ремесленников и рыбаков. Например, в XV веке новгородский архиепископ владел на территории Корельского уезда 950 дворами, что составляло одну треть всех крестьянских дворов.

От налогов, поборов, уступок земель карелам становилось жить невыносимо, и они пошли на бунт, на мятеж. Когда в 1337 году шведы с большим войском напали на крепость Корелу, местный воевода Валит Корелянин открыл добровольно ворота и сдал крепость шведам. Узнав об этом, новгородцы поспешили к крепости и встали под ней 3 июля, а 8 июля приступили к штурму. Воевода Валит Корелянин поспешил перейти на сторону новгородцев и открыл им ворота крепости. В полдень новгородцы вошли в крепость, часть шведов убили, а других перевешали.

В летописи не указывается, как поступили новгородцы с карелами-изменниками, открывшими ворота шведам. Через пять месяцев, зимой

того же 1337 года, когда шведы вновь подступили к крепости Корела, карелы перебили много новгородцев и ладожан, купцов и христиан, живших в Кореле, а сами побежали в шведский город Выборг, где тоже порубили много христиан. Бежавшие карелы приняли католическую веру и стали воевать вместе со шведами, как с русскими, так и со своими братьями-карелами Корельского уезда.

Шведы и карелы-католики в ту же зиму 1338 года пошли на Онегу, там воевали с местным населением – карелами и русскими. Потом напали на город Ладогу, пожгли посад, но крепость взять не смогли. В ответ новгородцы под руководством Онисима Лукина разбили войско Магнуса под Ореховом, казнили изменников-карел, затем напали на Выборгскую Корелу, опустошили много земель вокруг Выборга, пожгли хлеба, порубили скот и вернулись с пленниками.

После этого шведы прислали из Выборга в Новгород послов, заявив, что шведский князь не знает, что произошел разрыв с Новгородом, что войну затеял Выборгский воевода Смень самовольно. Новгородцы направили в Выборг послов – Кузьму Твердиславича и Александра Борисовича, которые привезли оттуда мирный договор. А о тех карелах-мятежниках, которые, перерезав русских в Кореле, бежали в Выборг, договорились сообщить шведскому князю.

В 1339 году новгородцы отправили Кузьму Твердиславича и Александра Борисовича за море к шведскому князю на переговоры. Нашли его в Мурманской земле в городе Людове и заключили мир по старым грамотам. А про Корелу шведы заявили так: «Если к вам наши убегут, секите их или вешайте, или ваши к нам, мы с ними так же поступим, чтобы не вносили соблазна между нами. А этих не выдадим, они крещены в нашу веру. Да и без того мало их осталось, а то все померли гневом божьим».

Впоследствии о событиях 1337–1339 годов и о корельском воеводе Валите Корелянине стали ходить легенды. Записано предание старцев Лапландии Мурманской о событиях при царствовании Московского царя Василия Иоанновича (1505–1532): «Жил некогда в Кореле знаменитый владетель по имени Валит, подданный Великого Новгорода, необычайной храбрости и силы. Воевал, побеждал и хотел господствовать над Лопью или Мурманской землею. Лопари требовали защиты от него соседних немцев (так карелы называли шведов. – А.Г.). Валит разбил немцев и в память о победе на Варенгском погосте своими руками положил огромный камень более сажени высотой. Сделал вокруг

него твердую ограду в двенадцать стен и назвал ее Вавилоном. С тех пор этот камень называется Валитовым.

Известна еще в земле Мурманской губа Валитова, и городище Валиново, среди острова, где безопасно, отдыхал князь Корельский. Победенные немцы заключили с ним мир, отдав ему всю Лопь до реки Ивея. Долгославный и счастливый, Валит умер и схоронен в Кореле, в церкви Спаса. Лопари же с того времени платили дань Новгороду и царям московским» [35].

Если верить этой легенде, новгородцы заключили в 1337 году договор с карелами-изменниками и их воеводой Валитом Корелянином. По договору их всех оставили живыми при условии, что карелы должны были идти походом на лопарей (саамов), завоевать их и собирать с них дань в пользу Новгорода. Одновременно и шведы пытались захватить территорию саамов (лопарей), поэтому русские послы нашли шведского короля в 1339 году в Мурманской земле, с которым заключили мирный договор. Карелы во главе с Валитом разгромили шведов на реке Лопь с целью более успешных переговоров новгородцев со шведами.

Не исключено, что в походе на лопарей принимал участие не тот Валит, который в 1337 году открыл ворота шведам, а совершенно другой Валит Корелянин. По-карельски слово «*vallita*» означает выбирать. Не случайно в древнерусских летописях карельское имя Валит упоминается многократно. Первоначально выбранный старшим рода или племени карел получал имя Валит. Его потомки назывались Валитовы сыновья. Другие выбранные старейшины родов или погостов также могли называться Валитами от избранной должности. Валиты становились воеводами во время военных походов, во время защиты от врагов своих земель и погостов.

* * *

Когда летом 1337 года шведы напали на крепость Корела, Неклюд Головкин вместе с братьями был в крепости. О походе шведов из Выборга в Корелу узнали сразу, как только они два дня тому назад выступили. За это время карелы сумели позвать многих сородичей из окрестных деревень. Шведы остановились возле крепости станом, с ними было много карел Выборгской стороны. Они начали уговаривать сородичей открыть ворота и не допустить кровопролития. Перего-

воры длились два дня, воевода Валит советовался со старейшинами родов и деревень. Так как шведы обещали никого не трогать, никого не убивать и защищать крепость от новгородцев, которые обложили карел непосильными налогами, карелы уговорили Валита Корелянина открыть крепостные ворота.

Шведы вместе с выборгскими карелами вошли в нее, местные уже хотели расходиться по деревням, как примчался гонец с сообщением, что из Новгорода идет большое войско. Карелы остались в крепости защищать ее от новгородцев.

Новгородские наместники начали вести переговоры с воеводой Валитом Корелянином и старейшинами. Переговоры шли почти пять дней – с 3 по 8 июля. Валиту обещали жизнь и свободу за его измену Новгороду и разные блага. Валит просил не трогать карел, которые были вместе с ним. 8 июля в полдень Валит Корелянин с группой карел тайно от шведов открыл ворота и впустил новгородцев. Те ворвались в крепость, стали убивать шведов, карелы помогали им в этом. Валита оставили воеводой, взяв с него зарок, что будет верно служить Новгороду. А чтобы этот зарок не был пустыми словами, велели ему в искупление своей вины идти с отрядом карел на реку Лопь, где живут лопари (саамы). Новгороду стало известно, что их земли захватывают шведы, продвигаясь на восток. Неклюда Головкина и других старейшин новгородцы посадили в крепостные казематы, чтобы дожидаться указаний в отношении их.

Валит согласился идти с карелами на Лопь с условием, что всех старейшин новгородцы из казематов выпустят и они пойдут с ним. Этим же летом 1337 года Валит вместе со своими карелами пришел на Лопь и раскинул стан на берегу реки, на другом берегу был шведский стан. Так стояли два стана до зимы, пока не образовался крепкий лед. Обширная земля Лапландии находится там, где сливаются воды Ледовитого и Атлантического океанов. До этого лопарям пришлось выдержать долгую и упорную борьбу с карелами, которые постепенно вытеснили их в пределы Кольского полуострова.

Однажды ночью карелы перешли по льду в стан шведов и дали им бой, отогнав далеко от реки. После этого карелы стояли здесь еще больше года, пока в 1339 году не был заключен договор между Новгородом и Швецией. С тех пор часть лопарей Лапландии и Кольского полуострова стали платить дань Новгороду, а не только шведам и норвежцам (мурманам). Неклюд Головкин вернулся в Корелу ле-

том 1339 года вместе со всеми и узнал о страшной трагедии. В зиму 1337/38 годов, пока они были на Мурманской земле, карелы устроили мятеж против новгородцев. Его два брата Родя и Нечай Головкины участвовали в этом мятеже, потом тайно ночью прибежали домой, захватив жен и детей, без поклажи бежали в город Выборг. Больше своих братьев Неклюд Головкин не видел никогда.

Позднее стало известно, что после 1353 года Родя и Нечай Головкины вместе со своими сыновьями и семьями бежали из Выборга на знакомые им по военным походам земли Бежецкого Верха. Это было связано с тем, что в 1350 году упсальский епископ Хемминг стал силой приобщать выборгских карел к католической вере. Их прямые потомки Онисим и Микифор Головкины начали активно приобретать деревни между реками Остречина и Молога.

Но уже в середине XV века на Бежецкий Верх внедрился Троице-Сергиев монастырь, который стал покупать там земли и деревни. Он купил у Головкиных деревни Ивашково, Чудинково, Новинку, Брыково и Рыловскую Рясину. Эта деревня Рыльково находилась в двух километрах от карельских деревень будущей Корельско-Кошевской дворцовой волости.

Затем игумен монастыря Вассиан обменял Рыловскую Рясину на другие деревни, принадлежавшие Головкиным – Яковлевская, Старая, Нагорная и Лазарево. В 1455–1457 годах Троице-Сергиев монастырь купил центральную усадьбу Головкиных – село Никольское Сукромное с деревнями и пустошами: Федоровская, Костковская, Фалодвинская, Ишково, Маслово, Кулигино, Лесная и Конищево.

В 1474–1478 годах Константин Михайлович Головкин передал в Троице-Сергиев монастырь деревни Чайанково и Надеево. Одновременно монастырь спорил с Головкиными за другие деревни, в том числе за деревню Корелово [36].

Продав и отдав значительную часть своих земель и деревень Троице-Сергиеву монастырю, многие Головкины ушли с Бежецкого Верха на земли монастыря. В XVI веке они разделились на три основные ветви: от Ивана Анисимовича, от Ивана и Матвея Никифоровичей и от Григория Яковлевича.

По этой линии пошел род обрусевшего дмитровского помещика Ивана Дмитриевича Головкина, сын которого Семен женился на родной сестре Прасковьи Ивановны Раевской. Та была замужем за каширским помещиком Леонтием Дмитриевичем Леонтьевым. Их дочь Анна

Леонтьевна, двоюродная сестра Ивана Семеновича Головкина, состоявшая в браке с боярином К.П.Нарышкиным, стала матерью царицы Натальи Нарышкиной. Головкины от ветви Ивана Никифоровича остались жить в карельских деревнях, сохранившихся возле их бывшего центра Никольское-Сукромное: Юркино, Задорье, Горка и Осташково. В эти деревни в XVII веке с Карельского перешейка пришли сородичи-карелы, и к 1873 году в них проживали 530 карел и 37 русских.

Уклад жизни карел

В отличие от городского уклада жизни русских, у карел до настоящего времени сохранился деревенский уклад жизни.

Придя на Европейскую равнину, русские начинали строить поселения, ограждая их «огородом». По этому названию поселения стали называть *городами*. Сначала их ограждали забором из жердей, бревен, потом стали строить каменные заборы. Город, находившийся внутри каменного забора, стали называть «кремль» или «детинец».

Люди рождались, число их увеличивалось, детинец не мог уже вместить всех. Некоторые жители города стали проситься «на свободу» и строили себе дома за пределами забора. Эти застройки начали называть *слободой*, вокруг кремля или детинца стало появляться все больше и больше слобод. Их тоже надо было защищать от врагов, поэтому на въездах в слободу, как и в город, начали строить въездные ворота, которые охраняли стражники. Многие из стражников строили себе дома неподалеку от ворот, чтобы в любой момент их защитить от неприятеля и оповестить о нем жителей слободы и города.

Эти части слобод стали называть *заставами*. Город постепенно расширялся, земли не хватало, некоторые жители города и слобод уходили на другие земли и строили себе деревни. Слово деревня означает «драть пашню», или пахать. Иногда отделившиеся от земли взрослые сыновья уходили из деревни на свои хутора, построив дом на выделенном отцом участке земли.

По старой привычке слободы и деревни также ограждали деревянным забором и устанавливали въездные ворота.

Позднее, когда было налажено дорожное сообщение на лошадях, стали строить ямы – дворы для замены лошадей. Эти ямы были удале-

ны друг от друга на 65–70 километров, ровно столько могла выдержать на перегоне лошадь, пока ее не заменят другой. В этих поселениях-ямах нужны были конюхи, повара, горничные, крестьяне, поэтому поселения расширялись, позднее на месте многих из них начали возникать новые города и большие торговые села, которые стали центрами уездов и районов.

Уклад жизни карел был совершенно другим. Они первоначально жили в небольших деревнях – по 1–3 дома в каждой. Постепенно обогналась деревня, занимавшая удобное географическое положение, куда приезжали гостить (торговать) гости (купцы) из других земель. Земцы и крестьяне соседних деревень приезжали сюда за товаром. Случалось, что из-за продолжительной торговли гости (купцы) умирали, их нужно было хоронить на кладбище согласно христианским обрядам. Таким образом, удобно расположенная у дорог или в центре округа деревня, где «гостили» (торговали), постепенно стала называться погостом. На погосте обустроивали кладбище, а позднее при убежденной христианской вере там начали строить церкви. У карел первоначально был всего один город Корела, построенный ими в 1143 году на месте старого поселения Каксилы. Второй карельский город Олонец, ставший позднее центром губернии, образован на месте поселения через 500 лет в 1649 году.

Карелы впервые были крещены в православие в 1227 году новгородским князем Ярославом Всеволодовичем, который направил на Карельский перешеек попа Василия. Но многие карелы по-прежнему крестили детей своими карельскими именами и оставались язычниками практически до XVI века. Проживая в лесной местности среди озер, болот и рек, карелы боялись и почитали лес и воду, населяя их духами. Верховным языческим богом у карел был Укко.

Проживая родами, карелы выбирали старейшину рода, также называя его Укко. Новгородские священники называли Укко словом «арбуй», то есть жрец-предсказатель. Он влиял на карел значительно больше, чем православные священники. Сложность перехода карел к православию заключались в незнании ими русского языка, а многие священнослужители не знали карельского языка.

Обязанности в отношении церкви карелы, принявшие христианство, стали исполнять примерно: соблюдали посты, посещали службы, приношения в церковь делали охотно. У них, как еще новых христиан было большое желание получить за приношения вечное благополучие.

В карельских погостах, Сакульском и Ровдужском, где жили земцы Головкины – были построены церкви. В Сакульском – церковь Архангела Михаила с двумя приделами: Богоявленского Спаса нашего Христа и Николая Чудотворца, церковь известна с 1500 года. В этом погосте, согласно переписной книге 1568 года, было 15 дворов земцев Головкиных и их крестьян, где проживали 20 людей мужского пола.

В Ровдужском погосте была церковь Василия Кесорецкого с приделом Николая Чудотворца и вторая церковь Успения Пречистой. В погосте находилось шесть церковных домов и крестьянские дома.

У карел издавна была традиция в самую короткую ночь на Ивана Купалу (на 22 июня) жечь костры «Локко». Все отслужившие свое деревянные орудия и предметы складывались в кучу. Сюда складывали старые бороны-суковатки, сохи, старые лодки, негодную мебель и утварь. Вокруг этой кучи конусом ставили длинные сухие жерди. В эту ночь свои костры «Локко» были или у каждого дома, или один на всю деревню.

Уже к XIII веку карелы научились валять из шерсти грубые ткани, которые называли дерюгами. Наиболее плотные и грубые дерюги называли войлоком. По мере совершенствования техники выделки шкур и валяния шерсти шерстяная материя становилась все тоньше и тоньше, она называлась сукном.

Одновременно с этим карелы освоили производство пеньковой материи. Пенька – это грубое волокно из конопли, которая росла в диком виде на больших земельных площадях от реки Невы до Новгорода. Ее научились отбивать, освобождая от твердой шелухи (костры), и получали нить. Эти непряденные нити связывали между собой и ткали из них одежду. Несколько позднее научились превращать пеньку в кудель, из которой пряли крученую нить – для ее прочности. Одновременно с производством пеньки карелы научились выращивать и обрабатывать лен.

Карелы добывали много шкур животных: волков, медведей, куниц, соболей, лисиц, белок, бобров, выдр, соболей, тюленей. Они продавали их или отдавали в виде дани богатым людям и купцам, которые возили их в южные страны. Наравне с мехами с Карельского перешейка увозили сушеную рыбу, овечью шерсть, птичий пух, корабельные канаты и другие товары.

В XIII веке карелы ели из деревянной посуды – мисок, корытец, блюдо с помощью деревянной щепки, острые края которой закруглялись. Позднее стали вырезать деревянные ложки, делая в липовых щепках углубления разной величины. Твердую еду, в том числе мясо,

клали прямо на стол и брали его руками. У стола стояли корытца с водой, на коленях лежали полотенца. После еды все ополаскивали руки в воде и вытирали их пеньковым или льняным полотенцем.

Работали летом, пока обдирается береста, запасали ее, чтобы зимой плести лапти, туески, корзинки и другие изделия. Квашню, в которой месили тесто, делали из осины, чтобы не было ошепок. Медные украшения всегда чистили до блеска, медь хорошо чистится клюквой.

Дома строили карелы по-прежнему из срубов с крышей в виде шалаша. Только крышу они поднимали не на 3–5 рядов бревен, как на первых избах, а на 12–15 рядов. До окон клали 6–7 венцов сруба, окна оставались небольшими – на 3–4 бревна по высоте. Пол делали из байдака – досок толщиной в 6–7 сантиметров.

Долгое время избы карел были без потолков, крыши крыли берестой, широкие полосы которой долго варили в воде, пока она не становилась эластичной и прочной. Позднее поверх бересты крыши крыли тесом. Потолки в домах появились лишь в начале XVIII века, когда часть карел уже переселилась на Бежецкий Верх. Так как избы были еще курными, с появлением потолков дым от печи стелился почти до самого пола. Чтобы избежать дыма и копоти, к концу XVIII века стали на крышу выводить кирпичные дымовые трубы.

Окна в избе карел до XV века были маленькими, высотой в одно бревно сруба, они рубились по полбревна в двух смежных рядах. Изнутри окна задвигали волоками, а снаружи зимой закладывали соломой или осокой. В XV веке появились окна с рамами и переплетами, высота их равнялась размеру трех-четырёх венцов бревен. В ячейки оконных переплетов вставляли бычьи пузыри, в богатых домах их заменяли слюдой. Такие окна в избах карел были длительное время, до начала XX века, когда в них уже вставляли стекла вместо слюды или бычьих пузырей.

Для освещения избы карелы применяли лучины и свечи. Лучину вставляли в металлический светец горизонтально, чтобы она дольше горела. Светец ставили в ушат с водой, куда падали отгорающие угли с лучины. Вместе с лучиной, примерно с XIII века, карелы для освещения применяли сальные свечи. Они растапливали сало животных и в него несколько раз макали фитиль из пакли, пеньковых или льняных ниток.

Сальные свечи сильно коптели и оплывали вниз еще при несгоревшем фитиле. Они распространяли неприятный запах, их постоянно приходилось поправлять щипцами. Несмотря на это, сальные свечи применялись для освещения наравне с лучиной до конца XIX века,

пока их не заменили на парафиновые. Керосиновые лампы со стеклом тверские карелы начали применять с начала XX века.

На праздники карелы варили пиво – «олут» и медовуху, которая была столь крепкой, что напивались, как сейчас от водки. Пчеловодством карелы не занимались, они занимались бортничеством, так как в окрестных лесах водилось много диких пчел. Они ходили в лес, собирали в дуплах деревьев мед и варили из него напиток.

Уже в то время начиналось расслоение карел на более богатых и бедных. В батраки нанимались на весеннего Егория (6 мая) и батрачили до осенней Казанской (4 ноября).

Деревни ограждали забором из жердей, лишь оставляя с двух сторон полевые ворота. Обычно дети любили забираться на столбы этих полевых ворот забора (околицы) и смотреть, не идет ли кто. Они самые первые приносили в деревню вести о приближающемся путнике или всаднике. Ворота в поле всегда были открыты, закрывали их лишь на ночь.

Наши далекие предки ощущали себя частью природы, а не ее хозяевами и умели ладить с ней. Природа давала все, в чем нуждались люди, они благодарили ее в ответ, делая подношения духам рек, озер, лесов, небес. Они оставили нам в память свои *руны* – древнейшие письмена, которые вырезали зарубками или знаками на дереве, выбивали на металле, высекали на камне. Например, обыкновенный крестьянский посох, не просто палка для ходьбы, а древний календарь, по которому определяли время сева, выгона скота, уборки урожая, обрядовые праздники. Этот посох передавался по наследству от отца к сыну, из поколения в поколение.

Падение Великого Новгорода (1477–1478 годы)

Около трехсот лет на Руси было два великих княжества – одно Новгородское, а вот второе менялось: сначала Киевское, потом Владимирское и, наконец, Московское.

В 1158 году во Владимире и Ростове сел на княжение сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский, который в 1169 году перенес столицу из Киева в город Владимир, с того времени стало развиваться великое княжество с центром во Владимире.

Завладев Киевом, он попытался покорить и Новгород, собрав в 1170 году дружины из десяти русских княжеств, в союзе с Новгородом оставалось одно псковское княжество. Рать Андрея Боголюбского под руководством его сына Мстислава встала под стены Новгорода 22 февраля 1170 года и стала требовать сдачи города и повиновения владимирскому князю. Через три дня владими́ро-суздальцы пошли на приступ города, 28 февраля новгородцы вышли из города за ворота, врезались в гущу вражеского войска, и началась кровавая битва. Владимиро-суздальцы дрогнули и бежали, многих воинов новгородцы взяли в плен. В отличие от Киева владимирскому князю не удалось покорить Новгород и сделать новгородцев своими подданными.

В 1264 году великим владимирским князем стал тверской князь Ярослав Ярославич. С тех пор и до 1485 года, то есть 220 лет, Тверь претендовала на роль столицы Русского государства.

Московское княжество выделилось из Владимиро-Суздальского княжества в XIII веке. Его основал сын Александра Невского Даниил. В конце XIII века он присоединил к Москве Коломну и Переславль-Залесский. Сын Даниила Иван Калита захватил Белозерское, Галицкое и Угличское княжества. Он совершал набеги на новгородские земли, но литовский князь Гедимин, который правил с 1316 по 1341 годы, поддерживал Новгород в борьбе с Иваном Калитой.

Взамен Гедимин заставил передать своему сыну Наримунту в кормление Ладогу, Орешек и Корельскую землю. Это от его сыновей позднее пошли знатные новгородские и псковские княжеские рода. От Наримунта – Голицыны, Куракины, Хованские, Пинские, Патрикеевы и Булгаковы. От Ольгерда – Трубецкие, Мстиславские и Олельковичи, от Евнутия – князья Заславские. Наримунт прибыл в Новгород в 1333 году, и пробыл на Карельском перешейке до 1338 года, откуда уехал в свой обширный удел на Волини и больше не хотел возвращаться в дикую Карелию.

В 1383 году в Новгород прибыл сын Наримунта Патрикий, и новгородцы приняли его, забыв побег его отца. Они отдали ему в удел все, чем ранее управлял отец. Своим правлением Патрикий ввел в ярость жителей Корелы и Орехова, которые пожаловались на него новгородскому вече. Новгородцы поменяли ему удел, передав Лугу, Руссу и Нарову.

Сын литовского князя Ягайло Казимир, став польским королем, в 1447 году объединил Литву и Польшу, образовав единое Литовско-Польское княжество.

Московское княжество значительно расширилось при князе Иване III, оно превратилось в Московское государство. Новгородское государство пало не одновременно, его гибель продолжалась более 100 лет.

Начало ослабления и последующего падения Новгородского княжества можно отнести к концу XIV века, когда в 1391 году Новгород заключил торговый договор с немецкою Ганзою. Для его подписания в Изборск съехались послы Новгорода, Пскова, Любека, Готланда, Дерпта, Ревеля и Риги.

Московский князь Василий III был недоволен этим договором, который мог усилить Новгород, он потребовал от новгородцев нарушить этот договор, но те отказались. Тогда Василий начал постепенно завоевывать новгородские земли, его войско захватило Заволочье, Волок Ламский, Торжок, Вологду и Бежецкий Верх. Новгородцы дважды направляли в Москву послов с просьбой вернуть им завоеванные земли, но Василий III оба раза ответил отказом.

Тогда новгородские дружины выступили против московского князя, захватили и сожгли Белозерск, Устюг и Вологду, захватили в плен их правителей, переметнувшихся к Василию.

В 1422–1424 годах в северных новгородских землях, в том числе и в Кореле, прошел мор. Корела никогда не могла прокормиться своим хлебом, так как плодородных земель здесь было немного. Жители занимались охотой, рыболовством, скотоводством. Поэтому именно в Кореле голод и мор достигли наибольших размеров. Там съели все припасы, сварили шкуры, съели ремни, а голод не утолялся. Тогда пошли карелы к Новгороду, а оттуда вместе с новгородцами к Пскову, где сохранились клетки с урожаями прошлых лет. И дикая тогда была картина, грабили все, что могли, ели сырое зерно, умирали от заворота кишок, и тащили, тащили, тащили, нажив себе врагов в лице псковитян.

Дело своего отца по завоеванию Новгорода продолжил московский князь Василий Темный. В январе 1456 года он собрал войско и пошел на новгородские земли, по пути разгромив новгородский отряд. Новгородцы запросили мира, в Яжелбицах был подписан договор, по которому Василий Темный взял у новгородцев 8,5 тысяч рублей, определил сумму ежегодной дани, сократил полномочия народного вече, заставил Новгород отказаться от приема к себе врагов московского княжества. Это был следующий шаг по присоединению Новгорода с

его большими территориями к Москве, что окончательно завершил его сын Иван III Васильевич.

В 1471 году он собрал дружины из Москвы, Твери, Рязани, Пскова, Касимова, Вятки и пошел на Новгород. В то время не все эти княжества подчинялись Москве, но они считали новгородцев отступниками от православной веры, поддавшимся Литве и Польше. Москвичи вместе с другими дружинами захватили и опустошили Руссу, Вышгород, Торжок и остановились в Яжелбицах. В Новгороде начались волнения, жители разбились на два лагеря, одни поддерживали посадницу Марфу Борецкую, другие хотели переметнуться на сторону Москвы.

Иван III Васильевич от Яжелбиц не пошел дальше на Новгород, соглашаясь заключить мирный договор, он был подписан 11 августа 1471 года. По этому договору новгородцы отходили от власти Литвы и Польши, отдали Москве земли в Заволочье, согласились платить ей ежегодную дань и единовременный сбор в 15 тысяч рублей серебра [37].

В 1478 году «ударил последний час новгородской вольности», события развивались следующим образом.

27 ноября 1477 года московский князь Иван III Васильевич подступил с войском к Новгороду и расположился станом в трех верстах от города в селе Лошинском. 30 ноября он отпустил половину войска по селам и деревням до 10 декабря, чтобы собрать съестные припасы у населения.

Новгород, окруженный московскими полками, был лишен всякого сообщения с внешним миром. В это время московские воины не щадили местных жителей, отбирая у них все, что могли. Московский князь через посредников вел переговоры с новгородскими боярами. После длительных переговоров 29 декабря 1477 года новгородский князь Василий Васильевич Шуйский – Гребенка торжественно сложил с себя чин воеводы и перешел на службу к московскому князю. Но новгородцы упорно продолжали переговоры, они предложили московскому князю Великие Луки и Ржеву, тот отказался, ему предложили дополнительно еще десять погостов, он от них также отказался. В переговорах прошло еще шесть дней, и 10 января 1478 года московские бояре потребовали от новгородских переговорщиков, чтобы люди немедленно очистили княжеский двор Ярослава для московского князя, новгородцы отказались.

18 января 1478 года московский князь Иван III Васильевич вошел в Новгород и многие боярские дети перешли к нему на службу,

20 января он направил гонца в Москву, сообщить о том, что он привел Великий Новгород «во всю волю свою».

2 февраля 1478 года он приказал взять под стражу самых главных своих врагов, отказавшихся перейти к нему на службу, восемь бояр во главе с Марфой Борецкой, и отвезти их в Москву.

17 февраля московский князь Иван III Васильевич сам отбыл в Москву, вслед за ним туда привезли новгородский вечевой колокол и повесили его на колокольне Успенского собора.

Так Новгород, шесть веков пробыв народной державой, покорился Москве, история его любопытна и поучительна. Основанный на месте проживания мирных финских племен, он рано начал господствовать над этими народами и над своими соседями [38].

Через 10 лет после покорения, в 1488 году, московский наместник в Новгороде Яков Захарович переселил с новгородских земель на московские земли восемь тысяч бояр, земцев, именитых граждан, купцов. Им дали земли в городах и деревнях вокруг Москвы, которые ранее были верны ей, в том числе и на территории Бежецкого Верха.

А в Новгород послали служилых и купцов с московских земель, этим переселением Вольный Новгород был окончательно усмирен. В числе переселенцев, знатных новгородских лиц, было восемь новгородских бояр, имевших земельные участки в Сакульском и Ровдужском погостах Корельского уезда: Левонтьевы, Кречатников, Петров, Панфилов, Балакшин, Наталья, вдова Ивана Григорьева, Феклистов и Крашовы. На их земли прибыли московские помещики: Барыков, Редров, Тучков, Печенегов, Пушкин, Путятин, Русалкин [39].

К тому времени в Корельском уезде было около 50 родов земцев, в каждом роду по несколько человек, а всего 172 земца. В Сакульском и Ровдужском погостах в начале XVI века за земцами числилось около 40% земель в каждом погосте. После перехода Новгорода к Москве класс новгородских земцев сохранялся более 100 лет и был ликвидирован после 1581 года в связи с нападением на Корельский уезд шведов.

В 1495–1496 годах Московское государство предприняло попытку присоединить к себе и Выборгскую Карелию. В августе 1495 года русские отряды под предводительством московского воеводы Даниила Щени, новгородского воеводы Якова Захарьина и псковского наместника Василия Шуйского вошли на Карельский перешеек. В начале сентября они осадили крепость Выборг, которая была под властью шведов, осада продолжалась три месяца. При осаде крепости русские

использовали пушки и пищали, а вместо насыпей применили штурмовые лестницы.

Штурм Выборга начался 30 ноября 1495 года, пушечным огнем были разрушены две башни, а в третьей сделан большой проем. Небольшому отряду русских удалось прорваться в башню через этот проем. Другие отряды смогли взойти на стены и удерживались там семь часов, ведя бой со шведами. Шведы по указанию коменданта крепости Кнута Пассе заложили под своды башен бочки со смолой и подожгли их. Эту операцию зарубежные историки потом назвали «Выборгский взрыв», от которого захваченные русскими башни взлетели на воздух. Погибло много русских, некоторым удалось спастись. После этого воевода Даниил Щеня отказался повторно штурмовать крепость Выборг (Виипури) и в конце декабря вернулся с отрядами в Новгород.

Весной 1496 года русские отряды во главе с воеводой Василием Патрикеевым вновь пошли на Выборг, но безуспешно. В 1497 году был заключен мир, по которому граница на всем Карельском перешейке оставалась неизменной, какой она была установлена по Ореховецкому договору 1323 года.

Московский князь Иван III Васильевич продолжал дальнейшее укрепление Русского государства. В 1500 году он начал войну с литовцами, где княжил его зять Александр. Русские отряды разбили литовцев под Дорогобужем, потом под Торопцем, а через год (14 ноября 1501 года) – под Мстиславлем.

На помощь литовцам пришел Ливонский орден, его войско захватило города Дерпт (Юрьев), Ревель, Остров, осаждало Изборск и Опочку. Летом 1502 года сильное русское войско опустошило северную Литву до Полоцка и Мстиславля, захватило Оршу, выжгло Витебск и осадило Смоленск. Южную Литву от Киева и Винницы до Волыни разорял крымский хан Менгли-Гирей, дошедший до Кракова и Сандомира.

Литва запросила мира при условии уступки ей всех завоеванных русских областей. Великий русский князь Иван III ей ответил: «Ничего не отдам. Я взял свое, принадлежащее Руси издревле. Хочу взять и остальное – Смоленск и Киев. Отчина Александра – Польша и Литва, я их не трогаю» [40].

Иван III укреплял завоеванные города, переводя из них всех людей, неприязненных Руси, и заменяя их преданными людьми. Так раньше он поступил с жителями Новгорода. Незадолго до смерти он напи-

сал завещание, по которому почти все русские земли завещал сыну Василию. Остальным четырем сыновьям завещал небольшие города вблизи Москвы, а также Брянск, Мологу с ярмаркой, Углич, Зубцов, Бежецк, Калугу, Алексин, Старицу и ряд других мелких городов и поселений.

Таким образом, несмотря на деление русских земель на уделы, основная Русь была за московским князем Василием. 1 августа 1514 года войско Василия захватило у Литвы и Польши город Смоленск. Русь, как государство, заимела большие территории под одним управлением, стала политически самостоятельной и независимой. Она включала в себя все бывшие Новгородские земли, земли бывших княжеств: Московского, Псковского, Тверского, Владимирского, Суздальского, Ростовского, Ярославского, Костромского, Вятского и Рязанского. К территории Руси стали относиться также земли Югры, Великой Перми и Нижнего Новгорода с мордвой и черемисами.

Разорение Великого Новгорода Иваном Грозным (1569–1570 годы)

В российской отечественной истории есть большое белое пятно – время царствования Ивана Грозного и наступившего после его смерти «смутного времени». Это связано с недостаточностью подлинных документов того времени. Иван IV в возрасте 8 лет стал круглым сиротой и правителем Московского государства. Вокруг него происходила ожесточенная борьба боярских кланов за власть.

В 1547 году Иван IV женился на Анастасии Захарьиной, дочери Романа, поэтому ее фамилия иногда значитса Захарьина-Романова, Захарьины были родом из Псковского княжества.

Весной 1553 года царь Иван Грозный «опасно заболел», его болезнь определяют как шизофрения, ему тогда было 23 года. Надежды на выздоровление царя, по мнению лечащих медиков, не было. Его сыну Дмитрию, рожденному в 1552 году, еще не было тогда и года.

Началась активная борьба между собой за власть двух династий: Глинских – родственников Елены Глинской, жены первого царя Василия III и Захарьиных-Романовых, родственников Анастасии Романовой, жены Ивана IV. Особенно эта борьба обострилась в период болезни Ива-

на IV и правления в то время малолетнего Дмитрия с 1553 по 1563 годы. От имени Дмитрия тогда правила избранная рада во главе с боярином Адашевым. В это время Захарьины-Романовы потеряли власть и были вынуждены бежать в Литву.

В 1563 году боярская дума была снова приведена к присяге царю Ивану IV, а избранная рада уничтожена. Адашева в Москву не пустили, всю полноту власти получили Захарьины-Романовы. Они управляли Московским государством в период с 1563 по 1575 годы, так как царь болел шизофренией. В 1575 году Иван IV отрекся от престола в пользу главы земской Думы татарского хана Симеона Бекбулатовича, а сам со своей семьей уехал жить до конца своей жизни в Старицу под Тверью.

Иван IV умер 18 марта 1584 года, на престол взошел его сын Федор Иванович, женой которого была Ирина Годунова. Царь Федор умер 7 января 1598 года, но еще за 10 лет до его смерти в некоторых документах брата жены царя Ирины – Бориса Федоровича Годунова называли царем.

* * *

Приход в 1523 году к власти в Швеции династии Ваза и укрепление ее влияния совпало с дальнейшим разорением московским царем Иваном Грозным новгородских земель. К 1568 году объемы землевладений карельских земцев сократились в Сакульском погосте – на 27%, в Ровдужском – на 45%.

Из-за раздробленности земельных площадей число земцев увеличилось со 172 до 292 человек. Так, вместо четверых земцев Рокульских в писцовой книге 1568 года были переписаны 25 земцев Рокульских. Но земли у них было меньше, площадь сократилась со 112,5 обож в 1500 году до 69,5 обож в 1568 году [41].

На их земли и земли других карельских земцев пришли московские помещики, среди них Пушкины и Путятины. Поместное землевладение активно развивалось в Корельском уезде в XVI веке. В начале века было 19 поместий, а в 1568 году – уже 38 поместий, в том числе в Сакульском погосте – 10, в Ровдужском – 23 и 5 в Городенском погосте. В двух погостах, без Городенского, у помещиков тогда было 205 дворов, 300 человек жителей и 235 обож земли [42].

В 1556 году во время правления московского царя Ивана Грозного началась новая война России со Швецией из-за спорных границ на Карельском перешейке. Ссылаясь на старый договор 1323 года шведского короля Магнуса с новгородцами, россияне считали границу по рекам Сестра и Сая. Но шведы выходили за рубежи этих рек, они ловили рыбу, косили сено, пахали землю в карельских владениях. Русские жгли их посевы и нивы, а шведы жгли карельские села, которые относились к Московскому государству. Они отняли у русских несколько погостов в Лапландии, завоеванных карелами в 1337–1339 годах. Шведы там перешли русскую границу во многих местах.

Царь Иван IV направил на переговоры к шведскому королю новгородских наместников, но тот не захотел говорить с ними, хотел вести переговоры с самим великим князем. Перейдя русские рубежи, шведы грабили и жгли карельские села, многих русских купцов задерживали у себя и грабили.

Новгородский наместник московского государя Дмитрий Палецкий отправил к шведскому королю Густаву Ваза на переговоры карельского земца Никиту Кузмина. В Стокгольме его задержали по донесению Выборгского воеводы. Тогда жители Новгорода во главе с воеводой Иваном Бибиковым пошли походом на Карельский перешеек и заняли там спорные территории, но пришедший из Выборга шведский отряд разбил новгородцев и карел наголову.

Царь Иван IV послал на переговоры со шведами воевод Андрея Ивановича Ногтева-Суздальского, Захара Ивановича Плещеева, Петра Петровича Головина и дворецкого Семена Васильевича Шереметьева с отрядами. Он приказал воеводам не вести войну со шведами и не грабить их, а добиваться мира.

Но шведский король Густав послал войной в Корелу воеводу Якоба Багу с войском к крепости Орешек. Крепость защищал воевода Петр Петрович Головин с отрядом. Шведы 3 недели осаждали Орешек, но взять не могли, воевода Головин делал вылазки из крепости, убив 20 шведов. Воеводы Ногтев-Суздальский и Плещеев напали на шведов со сторон, захватив их большую лодку со 150 воинами и 4 пушками. Пушки русские взяли себе, убив всех шведов до одного. В это время дворецкий Шереметев ходил на шведов, которые перешли Неву на новгородскую сторону. От Орешка русские полки погнались шведов к городу Киновеси, который шведы подожгли, а дальше к Выборгу.

Московский государь Иван Грозный велел новгородским воеводам защищать границу на перешейке. Новгородское войско во главе с Петром Шенятевым и Дмитрием Палецким пошло к Выборгу, в пяти верстах от него встретило неприятеля, который смял передовые отряды новгородцев и расположился на горе. Однако ночью новгородские воеводы обошли гору и напали на шведов с тыла, пленив их знатных сановников. Шведы бежали в Выборг и укрылись за крепостными стенами. Русские три дня стреляли по крепости, но не смогли овладеть ею. Обозленные они пошли по берегу реки Вуоксы, взяли в плен много шведов и выборгских карел, которые нарушали границы, и продавали их в рабство московским боярам и помещикам – мужчину за гривну, а девицу за 5 алтын.

Шведский король Густав Ваза прислал своих людей в Москву на переговоры с Иваном Грозным. Московский царь согласился заключить мир со шведами, написав королю Густаву: «Твои люди делали ужасные неистовства в Карельской земле нашей: не только жгли, убивали, но и ругались над церквями, снимали кресты, колокола, иконы. Жители новгородские требовали от меня больших полков, воеводы мои пылали нетерпением идти к Стокгольму. Мы удержали их, ибо не любим кровопролития. Все зло произошло от того, что ты со своей гордости не хотел сноситься с новгородскими наместниками, знатными боярами великого царства. Если не знаешь, какой Новгород, то спроси у своих купцов, они скажут тебе, что его пригороды более твоего Стокгольма. Оставь надменность, и будем друзьями» [43].

Шведские послы приняли все условия, им объявленные. О границах не спорили, возобновили старую границу на Карельском перешейке по реке Сестре, которая была установлена еще в 1323 году. Шведы требовали без денег освободить их пленных, а русские требовали от шведов, как виновной стороны, без выкупа отпустить русских и карел, захваченных ими. Русская сторона, как правая, позволяла шведам выкупить за деньги шведских пленников, а также считать за честь шведскому королю иметь дело не с московским царем, а новгородскими наместниками.

Шведские послы, в числе которых был и епископ Абовский Михаил Агрикола (известный финский поэт из города Або (Турку). – А.Г.), уступили русской стороне. Составили в Москве договор о границе на сорок лет и велели новгородским наместникам скрепить ее своими печатями.

В 1558 году Иван Грозный начал войну с Ливонией, во время которой был разрушен некогда сильный Ливонский орден. К концу 1558 года русским сдались города Дерпт, Везенберг, Пиркель, Ринген, а всего 20 ливонских городов. В феврале 1559 года русские заняли город Опочку, и пошли к Риге. В марте к Ивану Грозному прибыли сначала датские, а позднее – шведские послы, которые просили его помиловать Ливонию. Но он в ответ шел дальше завоевывать ливонские земли, к концу 1559 года захватив города Тарваст, Мариенбург, Руя и Верполь.

К этому времени Новгород уже оправился после царствования Ивана III Васильевича, стал сравнительно богатым городом. Новгородские купцы из городов Орешек и Корела ездили торговать в Швецию. Люди были с капиталом и пользовались своим благосостоянием.

Но в 1569 году московский царь Иван Грозный, вспомнив упорство Новгорода при присоединении к Москве, поспешил походом на него. По пути он разорил города Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай и Яжелбицы. **2 января 1570 года** многочисленная дружина Ивана Грозного вошла в Новгород, окружила его со всех сторон и заставила, чтобы ни один человек не мог спастись бегством. Ждали прибытия царя, он прибыл 8 января и начал суд над новгородцами. Иван Грозный велел перебить дубинами до смерти всех новгородских игуменов и монахов. Многие новгородские бояре, выборные городские, знатные торговцы, их жены и дети были схвачены, связаны, жестоко избиты и сброшены с моста в реку Волхов.

Каждый день к нему приводили много новгородцев, били их дубинами, привязывали к саням, тащили на берег Волхова и бросали с моста в незамерзшую реку целыми семьями. Воины плавали на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами. Они кололи и рассекали на части тех, кто всплывал. Массовое убийство горожан продолжалось пять недель и закончилось общим грабежом города. Московский царь приказал жечь хлеб в амбарах, рубить лошадей, коров и другой скот, истреблять купеческие товары, ломать дворы и хоромы, выбивать окна и двери в домах, истреблять все домашние запасы.

Войска царя Ивана Грозного объехали все монастыри вокруг города, повсюду грабили и захватывали казну. 12 февраля царь призвал себе по одному именитому новгородцу с каждой улицы, и сказал им, чтобы они дальше жили и благоденствовали в этом городе. После отъезда из города Ивана Грозного Новгород обеднел, обезлюдел, новгородцы стали нищими на многие последующие поколения.

Согласно синодику для поминовения, направленному позднее в некоторые крупные монастыри, в Новгороде были убиты «ручным усечением» 1490 человек, и 15 человек отделаны (убиты) с пищали. В синодике значатся имена убитых и замученных.

Новгородское «дело» (список 1)

[По Малютине сказке новгородцев отдал 1490 [тысячу четыреста девяносто человек], ручным усечением и с пищали отделано 15 человек: Новгородцев: Данила с женою и с детьми сам четвертый, Ивана (л. 84 об.) Стефана [Фуниковы], Ивана [Бурово Чермазов], Ивана [Великово], Михаиле, Ивана [Павлинов], Михайлова жена [Мазилова] с двумя дочерьми да с двумя сыны, [попова Филиппова сына Благовещенского] Якова [Змиев], Ивана [Извеков]. Матфея [Бухарин] с сыном, [Алексея Сабуров], Козму [человек его], Романа [Назариева сына Дубровского], Федора [Безсонов], Левонтия [Мусыргской], Сарыча [Савуров], Матрену [Потякова], Молчана [Григорьев новгородец подъячей], Андрея [Горитьской литвин].

Новгородский поход (список 2)

[Бежецкой пятины]: Игнатия [Неклюдов Юренев], Михаила [Басев], Кирея [Новосильцов], Ждана [Нелединской].

Федора Сыркова, Алексия [Сырков] с женою и с дочерью, [Варвара] Третьякова жена [Пешкова] с двумя сыны, [дьяка Иона [Матвеев] с женою и снохою, Матвея [Харламов] с женою и с дочерью, Семена [Козавицын] с женою, Второго с женою. Ивана [Плещиев], Григорья [Волынсково], (л. 87).

Алексея [Неклюдов] с женою, Иона [Жаденской] с женою, Хотена с женою, Петра [Запоров] с женою да с сыном, Романа [Амосов] с женою и сестрою и с тещею, Меншево [Кротково] с женою, Давида [Оплечюев], Китая [Шамшев], Петра [Оплечюев] Никиту, Тимофея [Котовы], Терентия [Ивонин], Петра [Андрея Котовы], Постника [Кувшинов], Петра [Блеклой] с женою, да со снохою, да со внуком, Пиная [Потяков] с женою да сыном, Иона [Кострикин] с женою да с сыном да с дочерью, Шемяка, Ошира [Кузьмин], Никона [Ощерин Болховские],

Матфея, [Федотов], Бажена [Иванов], с женою да с сыном да с дочерью, Сурянина (л. 87 об.).

Иона [Пасынка], Федора [Жаденской], Илию [Плещеев], Иона [Исакова] с женою с 2-мя дочерьми, Андрея [Шишкин] с женою, Остафия [Мухин] с женою, Фуника [Яковлев] с женою, Федора [Пивов] с женою, Кирилу [Голочелов] с женою, Исака [Басенкова] с женою, Дмитрея [Слозин], Иона [Мелницкой], Пелагия [Курдюкову]. Александра инок [протопоп Амос], Якова [Старой], Григорья [Бестужева], Семена, Никиту, Федора [Палицыны], Субота [Резанцова] с женою да с 2-мя дочерьми, Василия [Веселой] с женою, Иона [Карпов] с женою, Пятово [Палицын]. Родивона [серебрянник], (л. 88); Обиду [Нестеров], Дмитрея [Ямской].

[Подьячих новгородских]: Федора [Маслов] с женою, [дети его]: Дмитрея, [дочери его] Ирину: Ивана [Лукина] с женою [да их детей]: Стефана, Анну, Катерину; Кирилу [Ондрейнов] с женою и с детьми, [детей его]: Василя, Марфу; Харитон [Игнатъев] с женою [дщери его] Стефаниды; Петеля [Резанцов] с женою, да сын, Карпа (л. 88 об.).

Селянина [Шахов] с женою и детей его: Петра [Шахов] и Пелагею; Глеба [Ершов Климов] с женою [и дочь их] Матрену; Федора [Борода] с женою; Иона [Ворыпаев] с женою; Григория [Палицын] с женою; Семена [Иванова] с женою, [дети их]: Федора, Данило; Алексея с женою, Василия [Зворыкин] с женою, Василия [Орехов], Андрея [Сабуров] с женою, [сына его] Лазаря; Белобока [Игнатев] с женою, Неждана [Оботуров] с женою, Богдана [Игнатъев с женою, Алексея [Сунятев] с женою и [дочь их] Марью (л. 89).

Григория [Павлов], Федора [Ждановы] с женою и с детьми: с сыном да с 2-мя дочерьми, Григория [Степанов] с женою, Алексея [Артемьев Сутянилов] с женою и с дочерью, [Алексея Дыдылнин], Луку [Шатерин] с женою да с сыном, Истому [Кузьмин] с женою и с детьми: сыном да с дочерью.

[Новгородские подьячие неже...] Алексия, Безсона [Афонасьев], Сухана [Григорьев], Семеона [Ежев], Смирнова [Нестеров], Будило [Никитин], Богдана [Воронин], Мижужа [Крюков], Якова [Иванова], Илью [Селин], Ждана [Игнатъев], Василия [Леонтьев], Федора [Братской], Тимофея [Лисин]. Пими́на инок [Нередицкого монастыря].

[Новгородские разсылыщики]: Никифора [Палицын] с женою и с детьми и с 2-мя сыны, Семена [Платюшкин] с женою и с детьми, с тремя дочерьми, (л. 89об.).

Андрея [Выповской], Иона [Ширяев] с женою и с детьми: [два сыны]; Андрея [Юренин], [Чижа подъячей] с женою и с детьми: [с сыном и с дочерью]; Иона [Едигиев]. [Иноку] Евдокею [Горбуша], Андрея [Тороканов], Суморока [Елгозин], Охлопок, Нечая [люди Куликовы], Якова [Усов] с женою и с детьми: [с дочерью и с сыном]; Гурья [Бутурлин], Исупа [Колзоков], Иона [Мячков], Истому [Лукошков], Никифора [Холщевник с женою] и с детьми: [с сыном и с дочерью]; Якова [Кудрявцев] с женою и с детьми: [с двумя сыны – чадь их]; Артемья [Есипов] с женою и с детьми: [сыном и с 2 дочерьми]. Семена [Кроткой] с женою и с детьми: [с сыном и с дочерью]; Прокофия [Огалин], Шестака [Окунев], Якима [Климов], Иона [Палицын] с женою и с 2-мя сыны (л. 90).

Князя Андрея [Бычков Ростовской] с матерью, с женою и с детьми: сын да дочь; Пятово [Семенов], Никиту [Никитин], Гаврила [охотник], Игнатия [Скомантов], Якова [Шалимов], Неклюда [Палицын], Варфоломея [Корелянин], Никифора [староста], Ятцкой [Дедаев], Алексия [полочанин], Алексия [портной мастер], Миколу [ездок], Иона [Опалевы], Левонтия [Бутурлин], Ярой [Тихонов], Василия [Крюкова], Иона [Кутузов], Афонасия [Бабкин], Немира [Опалев], Тимофея, Ратмана [Палицыны], Иона [подъячей], Семена, Меншика [Шалимовы].

[Локоцкого погосту старосты]: Данилу [староста], Дмитрея [Мякину Третьякова человека Шаблыкина]; Левонтия, Данило [староста]; Нечая [Матфеев].

Княгиню Афросинью [князь Никитина Ростовского Лобанова], (л. 90 об.).

Антоня [кожевник], Богдана [Игнатъев], Григория [Мотякин], Михаила [полочанин], Замытия, Нерка [Шепаковы]; Иона, Юрья, Федора, Василия, Матфея [Милославские]; Алексия, Постника [Хвостовы]. Василия [Бутурлин], Юрия [Линева], Данила [слуга Басманов], Вешняка [Дубровского с сыном], Алексия [Дубровской с сыном]; Игнатия, Данила [Хвостовы].

[Из Новагорода да из тюрьмы]: Марка, Федора [литвин]. Якова [Юренин], Юрья [Молвянинов], Тучко [Юренин], Меншика [Юренин]

княж Иванова человека Бельсково), Иона [Веселой], Максима [Зеленин], Иона [Беликов], Сапуна [Дубровской] и с женою и с детми [с 2 сыны и с дочерью], Иона [Аникиев], Никиту [Линев], Иона [Куничников], Добрыню [сытник], Федора [Свизев], Булгака [Безсонов], Алферья, Шестака [Выповские], Никиту [Яхонтов Хвостов]. Некраса [Поповкин], Истоому [Горин], Молчана [Горин], (л. 91об.).

Гаврила [Чеботова Потперихин], Иона, Иона [Вяземсково], Сидора [Уваров]. [Псарей]: Третьяка, Четвертой [Борзовы], Ушатай [Поповкин], Соуря [Щекотов], Аксентиа [члк Путильцова], Федотя [Иазугин], Иона [Желтухин], Аксентиа [Олферьев], Дмитрея [путимлец], Петра, Иона [Пасньков], Михаила [Шелепин], Молчана [польщик], Грязнов [Вяземского], Всячина [Скулин], Иона [псарь], Казарина [Полиново нарядчик], Шеметко [писщик], Нелюба [приезжево псарь], [Васильеву жену Прохнова с сыном и с дочерью]. Афонасия инок [Ежев], Тимофей [сытник] с сыном, князя Василя [Тогарин], солотинской архимарит, Алексия [стрелец], Онаня [подъячей], Иона [Берлин псарь].

27 июля 1570 года

Саву Ездок, Иона [Дивин], Иона [Куличник], Немятой [Пивов], Никифора [Семенов], (л. 94).

Иона [Гама Люшин], Неустроя [Маслов], Илью [Окараков], Богдана [Дивин].

Казнь семей опальных новгородцев Афимья [княже Андрееву жену Тулупова], Анну [дочь его]; Афимью [Румянцева, с сыном] – Алексиа [с дочерью]; Прасковью, Анну, Орину; Агафью Савина; Аксенью [жена Полушкина, два сына ея]: Исака, Захарю, [две дочери]: Лукерью, Авдотью, Марью [Басаева]; Никифора, Воина [Потяковы]; Пелегею [Дубнева, сына ее] Андрея; Мамелфу [Ростовцова], Орину [дети Ростовцева], Четвертово [Ростовца]; Орину [Ивановы жены Басенковы с сыном], Тихона [Басенкова]; Федору [Чудиновы жены]: Авдотью [Тиуновы, дети ее]: Андрея, Михаила, Иона, Агафью; Настас [Опалева жена], Анну [дочь Щекина]; Марью, Семена [Кроткого]; Настасью; Улианею [Вахнева жена]; Исака; (л. 94 об.).

Ждану [Путятина жена], Аксенью [Елозарова]; Марью [Дубровина, ея детей]: Федора [да] Второво; Михаила, Никифора [Акимовы дети]; Лоукояна; Акилиноу [Нащекины, дочь ея] Анну, Анну, Лоукею.

[Жданкова, сына ея] Андрея; Елену [Остафей, детей ея: Фому, Игнатя, [дочери] Стефаниду; Огропену [Ездокова жена Мостинина]; Варвару [жена Спячего, дочери ея] Ориноу; Дарью [Кречетниково], [сына ее] Володимера; княгиню Анну [князь Василиева Шеховскаго]; Анну [вдовы Ростовца, дети ея – двое сынов ее]: Иона, Гаврилу [и девицы] Анну; Окилину; Марью [Неудачина жена Цыплетева, детей ее]: Авдотью, [Тита]; Андрея, Григорья [Цыплетевы].

Путешественник из итальянского города Верона Александр Гваньини, 1538 года рождения, в своей книге «Описание Московии» писал: «Схватив знатного мужа, по имени Федор Сырков, царь Иван Грозный приказал привести его к себе в лагерь, расположенный в полумиле от Новгорода. Тут он велел обвязать его поперек туловища длинной веревкой и бросить в реку Волхов. Когда Федор Сырков уже почти захлебнулся, его вытащили обратно. Иван Грозный спросил: «Что ты видел на дне реки?» Тот ответил: «Я видел, как все демоны, великий князь, которые живут в этой реке, и в озере Ладоге, Сладоге и Кармине, собрались, чтобы похитить твою душу и увлечь ее в Тартар». В ответ царь приказал варить ноги у Федора Сыркова в кипящей воде, пока тот не укажет все свои сокровища. После этого Федор Сырков, его брат Алексей Сырков вместе с женой и дочерью были расчленены и брошены в Волхов» [44].

Так московский царь поступил с центром княжества, откуда пошло государство Русь. До утраты своей самостоятельности в 1478 году в Новгороде проживало около 40 тысяч человек, а к 1617 году их осталось всего лишь 850 человек. Через сто лет, в начале XVIII века в нем жили 2303 гражданина.

Царь Иван Грозный по своей злобе посягнул на эту святую Русь. Иностранцы еще в начале XVI века считали именно Новгород столицей Руси, хотя он уже полвека находился под властью Москвы.

Ливонская война между Россией и Ливонией, а также выступавшими на стороне Ливонии странами Швецией, Польшей и Литвой, проходила с 1558 по 1583 годы. К концу войны Россия терпела одну неудачу за другой, потеряв многие русские прибалтийские города и выход в Балтийское море. В августе 1583 года между Швецией и Россией был подписан Плюсский договор о перемирии на три года.

Земцы Головкины

Карельская семья в Приладожье состояла из супружеской пары и ее детей. Одновременно складывались родовые отношения нескольких супружеских пар, так как пожоговое земледелие требовало много рабочих рук. Поэтому карельские деревни формировались из 2–4 семей крестьян-собственников, обычно из одного рода, для совместной обработки земли, и нескольких безземельных крестьян.

Подсека, которая возделывалась совместно несколькими семьями, находилась в их общем пользовании. В то же время, каждая карельская семья имела участки земли, которые они сами раскорчевывали и обрабатывали. Хозяин семьи имел право собственности на эти участки, мог продать их или оставить в наследство своим детям. При выходе из семьи взрослых сыновей, карелы старались поделить участки так, чтобы поле было воедино в одном месте, и не было чересполосицы.

Класс земцев в Карельском уезде был многочислен по отношению к общему числу крестьян, к 1500 году там сохранялось 50 родов с общим числом 172 земца. Земцы владели землей в одиночку или товариществами, связанными родством или договором. Земцы сами обрабатывали свои земли или сдавали их в аренду крестьянам. Они владели своими землями на праве полной собственности – меняли и продавали свои земли, выкупали их у родичей, отдавали в приданое дочерям.

В поземельной книге за 1500 год на территории погоста Саккола указаны четыре деревни, принадлежавшие земцам Головкиным: Пюхьяярви, Гудково (Гуддила), Хаапасаари и Ларганово (Ларьяново). В этой книге были записаны лишь хозяева домов, обязанные платить налоги Московскому государству, другие члены семьи туда не записывались.

Три деревни Головкиных были построены на мысе Пюхяниemi, который вдавался в озеро Пюхьяярви на глубину 6,5 км. Ширина мыса у его окончания составляла 2 км, у основания – 4 км, общая площадь мыса около двух тысяч гектар. Деревни Пюхьяярви и Ларганово располагались на западном берегу мыса, деревня Гудково – в его центре. Деревня Хаапасаари была построена на Осиновом острове озера Пюхьяярви рядом с мысом. Соседями Головкиных по мысу были земцы Варламовы и Клаушевы, их деревни располагались вдоль восточного берега мыса.

В деревне Пюхьяярви (Святое озеро) было три дома Головкиных, в которых проживали четыре семьи: сыновей Микиты Головкина – Олферки и Демеха, сына Ивана – Васька и сына Харлама Климка.

В деревне Гудково указан один дом, в котором проживали две семьи – Онтушки Климова, то есть сына Климка, и Олуши Кононова, сына Конона Головкина.

В деревне Хаапасаари (Осиновый остров) в одном доме жили две семьи – Ески Федкова, сына Федка, и Васька Иванова, сына Ивана Головкина.

В деревне Ларганово было два дома, в которых проживали две семьи земцев Головкиных – Михаила Кононова, сына Конона, и Вахромейки Лукьянова, сына Лукьяна Головкина.

Всего на территории погоста Саккола в 1500 году проживали 10 семей земцев Головкиных. Каждая их семья платила налог Московскому государству по 8 коробов ржи и 2 копны сена ежегодно.

Соседи Головкиных по мысу Пюхяниemi Варламовы проживали в четырех деревнях: Сакула, Бережная, Комитсово и деревне Варламова. Земцы Клаушевы жили в трех деревнях – Попково и двух деревнях на Ивашковом острове [45].

В переписной книге Водской пятины 1539 года Семена Ивановича Клушина и Шемета Резанова указаны деревни русских помещиков и бояр, поэтому там нет упоминаний о карельских земцах, в том числе и Головкиных. Землями в Сакульском погосте Корельского уезда тогда владели помещики: Третьяк Зынин Савин сын, Иван, Матфей и Григорий Давыдовы дети Путятина, земли перешли им от отца Давыда, Бахтияр Борисов сын Барыкова и его брат Булгак, земли перешли им от отца Бориса, Константин Печенегов, его сын Василий и племянник Сумарок Печенегов, а также бояре: Ондрей Никитин сын Пушкина, Федор Ондреев сын Пушкина и Матвей Иванов сын Пушкина.

Всего в Сакульском погосте у помещиков Савиных, Путятинных, Барыковых, Печенеговых и бояр Пушкиных было 42 деревни, в которых находился 51 двор, по 1–2 двора в каждой деревне. Проживало в них 53 взрослых жителя мужского пола, по разным данным, от 13 до 63 лет или от 15 до 60 лет, женщин тогда не переписывали. Эти жители обрабатывали 52 обжи, или 260 десятин пахотной земли, принадлежащей помещикам и боярам.

Одна обжа – это 5 десятин земли, одна десятина равна 2400 квадратным сажням, или 80×30 саженей. Одна сажень равнялась 2,1336 метра, поэтому точная площадь десятины была равна 1,09 гектара земли. На практике один сажень, который изготовляли из двух реек с поперечиной, и которым измеряли площадь, был 2 метра, по-

тому одна десятина чаще всего равнялась 160 метров × 60 метров = 9600 квадратных метров, или 96 соток земли. Таким образом, одна обжа равнялась примерно 5 гектарам земли, колеблясь от 4,8 га до 5,45 га, в зависимости от размера изготавливаемых землепашцами мерных саженьей.

В переписной книге 1539 года указаны деревни Ровдужского погоста, принадлежавшие русским помещикам: братьям Савиным – Ивану, Петру, Поздюку и Кузьме, братьям Белеутовым – Якову, Вешняку и Тимофею, братьям Базловым – Невеже, Овсянику и Жукову, им земля перешла по наследству от отца. Путятиним – Ивану, Матвею и Григорию перешло отцовское поместье, Печенеговым – Истоме, его сыну Сеньке и племяннику Сумароку, а также Барыкову Булгаку, которому перешло отцовское поместье, боярам Ондрею и Матвею Пушкиным.

Всего в Ровдужском погосте боярам Пушкиным, помещикам Савиным, Белеутовым, Базловым, Путятиним, Печенеговым, и Барыковым принадлежало 66 деревень, в которых было 90 дворов по 1–2 двора в каждой деревне, жители обрабатывали 110 обож или 550 десятин пахотной земли.

Сведений о земецких деревнях в Сакульском и Ровдужском погостах в переписной книге 1539 года нет, они имеются в переписной книге за 1568 год.

Согласно переписной книге Инши Булгакова и Посника Шипилова в 1568 году в Сакульском погосте Корельского уезда проживало 20 семей земцев Головкиных.

Тогда по указу великого князя московского Ивана Грозного было велено переписать всех карельских земцев, их деревни и крестьян, число дворов и площадь пахотной земли.

Инша Булгаков и Посник Шипилов переписали карельские деревни и взрослых мужчин, детей, жен, взрослых дочерей и вообще женщин они не указывали. Не считали, сколько коробов зерна собрано и стогов сена уложено, считали площадь земли, чтобы брать налог с каждой обжи.

На территории Сакульского погоста у земцев Головкиных к тому времени было построено пять деревень на мысе Пюхяниemi: деревня Головкина у Свята озера, Ларганово, деревня у Свята озера, Каргала и Гудково.

Из них три деревни были указаны ранее в поземельной книге 1500 года: Гудково, Ларганово и деревня у Свята озера (Пюхьярви).

К 1568 году на мысе Пюхяниemi Головкины построили еще две деревни: Каргала и деревню Головкина у Свята озера.

В переписной книге 1568 года не указана бывшая их деревня Хаа-пасаари, возможно Головкины ушли с Осинового острова на мыс. В то время на мысе Пюхяниemi проживали 6 семей Варламовых и 5 семей Клашовых, они жили в тех же деревнях, что и в 1500 году.

В настоящее время озеро Пюхярви переименовано в озеро Отрадное, на мысе Пюхяниemi расположен заповедник «Отрадное» в Приозерском районе Ленинградской области.

В Ровдужском погосте Головкины не жили, там проживали лишь их крестьяне, но они владели там тремя деревнями: Гухта, Слободка и деревня Острова Нового над Островским озерком. В число земцев Головкиных входили сам Иван Васильевич Головкин, а также:

Пантелейко Олферов сын	Матвеец Иванов сын
Нечайко Волосатого сын,	Петруша Иванов сын
Никитка Офонасьев сын,	Неклюдка Иванов сын
Ортем Офонасьев сын	Патреекеец Юрьев сын
Степанец Офонасьев сын	Иванец Юрьев сын
Якуш Борисов сын	Меншик Юрьев сын
Никифорик Борисов сын	Никита Васильев сын
Лука Олексеев сын	Михайло Иванов сын
Никифорец Олексеев сын	
Нечайко Иванов сын и Иван Васильев сын Лепехина.	

Сам Иван Васильевич Головкин со своею семьей и семьей брата Никиты Васильевича, проживал в деревне Головкина у Свята озера. С ним в одной деревне жили с семьями Головкины: Нечайко Волосатого сын, Якуш Борисова сын, его брат Никифорик, Петруша Иванов сын, его брат Матвейка, Пантелейка Олферов сын и Лучка Олексеев сын. Всего в этой деревне было 9 дворов, на все дворы пахотной земли – 2 обжи или 10 десятин.

Пашню в деревне Ларганово пахали те же земцы – Иван Васильевич Головкин со своими братьями и их сыновьями наездом, земли – 3 обжи, или 15 десятин. В той деревне никто из Головкиных не жил, жили их безземельные крестьяне. В Деревне у Свята озера жил Головкин Нечайко Иванов сын и его крестьянин Михайло Борисов, всего два двора, земли пол-обжи, или 2,5 десятины.

В деревне Каргала стояло 10 дворов, в которых жили Головкины: Михаил, Ортем, Микита, Петруша, его брат Неклюдка, а также Иван, его брат Меншик, другие земцы – Воронкин Константин и Медведев Поздык. С ними в этой деревне жил безземельный крестьянин Данилко Игнашов с пасынком Фомкой, земли пахали 2 обжи, или 10 десятин.

В деревне Гудково земцы Головкины не жили, жили там их безземельные крестьяне: Васюк, Иванко да Петруша Орловы и Гриша Иванов, всего 4 двора, пахали они полторы обжи, или 7,5 десятины пашни, принадлежащие земцам Головкиным.

Как записано в писцовой книге за 1568 год всего за Головкиным Иваном Васильевичем с братьями и их сыновьями в Сакульском погосте Корельского уезда числилось 5 деревень, 13 земецких дворов, один людской двор, 3 крестьянских двора, людей в крестьянских дворах было 6 семей. Пахали Головкины 9 обеж, или 45 десятин пашни.

В Ровдужском погосте Корельского уезда земцы Головкины имели три деревни, в которых проживали их крестьяне. В деревне Гухта жили крестьяне: Ганша Иванов, Васюк Иванов, Семенча Игнашов, Якуш Васильев, Стешко Коншин, Якуш Захаров, всего 6 дворов, земли – полтрети обжи, или одна десятина. На другой половине деревни Гухта жили крестьяне: Онаньица Фефилов, Васюк Никифоров, Иевик Харлов, Миня Игнашов, всего 4 двора, пашни – 2 обжи, или 10 десятин.

За земцами Головкиными: Нечаем Ивановым сыном, Никифором и Лучко Олексеевыми детьми, Степанцем Офонасьевым сыном числилось тогда три четверти деревни Острова Нового над Островским озерком, а четвертая часть деревни принадлежала Коневскому монастырю. В той деревне жили крестьяне земцев Головкиных: Федько Игнашов, Тимошка Самуйлов, Ермолка Кондратов, Иванко Игнашов, Прокош Харитонов и Юрка Иванов, пашни полшесты обжи.

В деревне Слободка жили крестьяне земцев Головкиных: Ганша Юрьев, Олеша Ондреев, пашни – одна обжа или 5 десятин.

Всего за земцами Головкиными в Ровдужском погосте было записано 7 крестьянских дворов, людей – 10 человек (еще раз напоминаю, что указаны лишь взрослые мужчины. – А.Г.) Пашни они пахали 7,5 обжи, или 37,5 десятин.

Таким образом, в 1568 году 20 семей земцев Головкиных имели 8 деревень, 10 крестьянских дворов, где жили 16 крестьянских семьи, пахали 16,5 обеж, или 85,5 десятин пашни. В среднем на одну земецкую

семью Головкиных, Воронкина и Медведева приходилось по 3,75 десятины пашни [46].

Для сравнения: по переписной книге 1539 года 22 семьи русских помещиков обрабатывали в Сакульском и Ровдужском погостах Корельского уезда 162 обжи, или 810 десятин пашни, что составляло в среднем по 36,8 десятин на семью.

Вывод: русский помещик, прибывший на Карельский перешеек после покорения Новгорода в 1478 году, имел пашни в 10 раз больше, чем карельский земец, воевавший за Новгород с 1137 года около 350 лет. Москвичи обложили всех новгородских крестьян, земцев и помещиков налогами. Единицей налогообложения на Карельском перешейке, на землях между Ладогой и Онегой стала обжа. В XVI веке начали активно переписывать карел, их земли и собственность, чтобы обложить налогами.

Если монголо-татарский период (1238–1480 гг.) не коснулся жизни карел, находившихся в составе Новгородского княжества, то присоединение и дальнейшее разорение Новгорода Москвой внесли серьезные перемены в землепользовании и налогообложении жителей Корельского уезда.

Из писцовых книг видно, что единой суммы налогообложения не было, писцы указывали те пошлины и налоги, которые московские власти смогли взять силой у карельских крестьян. Например, согласно писцовой книге карельских погостов за 1582–1583 года в одном погосте сумма оброка московскому князю составила со 108 беж пахотной земли 26 рублей и 11 алтын, с пустой непахотной земли за 98 беж – 16 рублей и 31 алтын. При этом, в другом карельском погосте, с 86 беж пахотной земли взяли оброк 61 рубль и 16 алтын, а с пустых непахотных 85 беж земли – 62 рубля [47].

По-видимому, деньги собирали силой, брали столько, сколько смогли. На третьем погосте с 31 обжи пахотной земли взяли оброк 24 рубля и 16 алтын, с 50 беж пустой земли – 39 рублей и 9 алтын. Брали оброк и за рыбную ловлю неводами, крестьяне платили московскому князю за нее по два московских рубля. Писцы записывали всех крестьян, которые ловили рыбу, не платя москвичам оброк, чтобы в дальнейшем они его платили.

Завоевание Швецией восточной Корелы (1581–1595 годы)

Нужно отметить, что еще в конце XI века торговля от Балтики до Черного моря, в том числе и торговый путь «Из варяг в греки», оказалась под контролем ганзейцев (германцев) с центром в немецком городе Любеке. Они контролировали торговые пути почти 500 лет – до 1523 года.

В то время Швеция была ослаблена борьбой с Данией и долгое время не шла походами на Карельский перешеек. В 1387 году Дания подчинила себе Норвегию с Исландией, а с 1389 года – Швецию с Финляндией. В битве при Фольчепинге в 1389 году с войсками королевы Маргариты Датской, войска шведского короля Альбрехта Макленбургского были разбиты, сам он попал в плен. Это объединение было оформлено в шведском городе Кальмаре в 1397 году и получило название «Кальмарская уния». Шведы постоянно боролись против Дании, пытаясь выйти из-под ее власти. В 1434–1436 годах восставшие шведские крестьяне во главе с Э. Энгельбректсоном вели упорную борьбу против датского господства, но их восстание было разгромлено.

10 октября 1471 года на подступах к Стокгольму шведские крестьяне во главе со Стеном Стуре разбили войско короля Кристиана Датского. Уния с датчанами фактически распалась, Стен Стуре стал правителем-регентом Швеции с 1471 по 1497 годы. Но датчане продолжали считать Кальмарскую унию действующей вплоть до 1523 года. В 1523 году народное восстание шведов возглавил Густав I Ваза. Шведы разбили войско Кристиана II (Тирана) и полностью освободились от датского господства. Густав I Ваза был избран королем Швеции и стал основателем королевской династии Ваза, которая правила до 1818 года и принесла немало проблем для России своими походами, набегами и войнами.

В 1523 году в результате войны между Швецией и Данией контроль над торговлей в Западной Европе перешел от Ганзы к Англии и Голландии. За контроль над вторым торговым путем Балтики боролись усиливающееся Московское государство и Швеция.

Получив торговое господство, Англия договорилась с Московским государством об установлении торгового пути в обход Швеции – через город Архангельск. Тогда шведы направили свои усилия на захват речных портов на реках Западная Двина и Нева, чтобы контролировать там

торговлю. Захватив во время Ливонской войны 1557–1582 годов всю Эстландию и весь Карельский перешеек, Швеция добилась своей цели.

В 1581 году шведы захватили город Корелу и Карельский уезд. Часть местного населения бежало на русскую территорию, земли вокруг Корелы опустели. На опустевшие карельские земли шведы призывали финских переселенцев, которые занимали пустующие дома и земли. Они на три года освобождались от налогов и податей. Карелы стали создавать партизанские отряды для борьбы с врагами. Крупный отряд числом в 1,5 тысячи человек собрал карел из Сердоболя Кирилл Рогозин. Его партизаны несколько раз ходили на город Корелу, но взять его не смогли.

Эта борьба длилась два года, в 1583 году начались переговоры между шведами и посланниками московского царя. В тот год на реке Плюссе был заключен Плюсский мирный договор, по которому весь Карельский уезд вместе с городом Корела остался в руках Швеции.

После шестилетнего перерыва в 1589 году на пограничных территориях Карельского уезда вновь стали действовать партизанские отряды Кирилла Рогозина, которые нападали на шведов в северной части уезда. В 1590 году русские начали военные действия по освобождению Карельского уезда от шведов.

В 1593 году в селе Тязвине вблизи Нарвы начались переговорные процессы между шведами и русскими, которые привели к заключению **18 мая 1595 года** Тязвинского мирного договора. Швецию на переговорах представляли: королевские советники Стен Банер и Кристер Классон, ревельский и лифляндский наместник Йорен Бойе, нарвский наместник Арвед Эриксон, секретари Николас Раск и Ханс Кранк. От имени русского царя Федора Иоанновича договор подписали: калужский наместник И.С. Туренин, елатомский наместник О.И. Пушкин, дьяки Г.И. Клобуков и Посник Дмитриев.

По этому договору Россия уступала Швеции Эстляндию вместе с городами Ревель и Нарва, город Нейшлот (теперь Савонлинна, Финляндия) и другие города. Швеция возвращала России Карельский уезд с городом Корела, Ивангород, Ям (теперь Кингисепп), Копорье (теперь Сосновый Бор), Нотебург (теперь Шлиссельбург), Ладогу. Шведы долго тянули со сдачи городов и земель, и только в 1597 году город Корела и уезд были возвращены России.

Но это мирное развитие Карельского уезда продолжилось недолго, всего 12 лет, с 1597-го по 1609 годы.

Народ – заложник (1609–1611 годы)

20 мая 1606 года на московский престол был избран боярин Василий Иванович Шуйский. В.Н. Татищев характеризовал Шуйского, как человека, неверного своим государям и своим обещаниям. Тот употреблял все присяги и обещания, как бурку от дождя. Хотя в мужестве себя нигде не проявил, но употреблял всякие возможные способы к приобретению своей власти и на тайную пагубу людей.

Именно Василий Шуйский, отправленный в Углич разыскивать виновных в гибели цесаревича Дмитрия, забыв милость царя Ивана IV и обещание, данное им царю Федору Иоанновичу, оклеветал царицу, ее свойственников и верных им людей, заявив о самоубийстве Дмитрия. Он перепытал и предал смерти много невинных людей, а убийц, угождая Борису Годунову, оправдал.

После смерти Бориса Годунова, присягая его сыну, Василий Шуйский тайно вел переговоры с Лжедмитрием, чтобы свергнуть с престола сына Бориса Годунова. Избранный на московский престол, В.И. Шуйский, забыв свои обещания, по своей злобе тайно казнил невинных людей.

28 февраля 1609 года в городе Выборге русские и шведы заключили тайный договор о военной помощи. По этому договору шведы давали пятитысячное войско конницы и пехоты в помощь правительству Василия Шуйского в борьбе с поляками, а русские обязались платить жалование этому войску, а также передать Швеции в вечное владение Корельский уезд с городом Корела. Русские могли вывести из города церковную утварь, пушки, запасы пороха и ядер, вывести жителей города и уезда, карел, которые захотят уйти на Русь со всем своим имуществом. Кроме того, русские должны были платить шведам по 2 тысячи рублей в месяц [48].

Договор был подписан с русской стороны воеводой Семеном Головиным и дьяком Зиновьевым по приказу племянника царя В.И. Шуйского Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, со шведской стороны – воеводами Юрьем Боем, Тенисом Юрьевым, Арвеем Тюнесовым, Отогеммером Фармернером и дьяком Ириком Илвесом от имени шведского короля Карла IX.

Именно так в русском тексте договора была интерпретация шведских имен и фамилий. На самом деле со шведской стороны договор

подписали: Йоран Бойе, Тённе Йоранссон, Арвед Тённессон, Отто фон Мёрнер и секретарь Эрик Эльфссон [49].

Договором предписывалось шведским воеводам Акселю Курку, Кристерну Сулме и Андерсу Бойе с войском идти на помощь московскому князю Василию Ивановичу. Спустя три недели с того дня, как шведское войско перейдет русскую границу, шведам вручат грамоту М.В. Скопина-Шуйского на передачу им Корелы с уездом. А еще через две недели с того же дня шведам вручат грамоту на передачу Корелы, утвержденную царем В.И. Шуйским. После этого начнется фактическая передача города и уезда шведским властям. И быть городу Кореле с уездом, как раньше, за шведским королем и его наследниками в вечном владении по старым межам и границам, установленным шведами в период с 1293 по 1323 годы.

Вывести всех карел на Русь, кто этого захочет, а тех, кто этого не захочет оставить жить в уезде. Утварь, пушки, порох, ядра, которые были оставлены в Кореле шведами после выхода в 1597 году и описаны Дмитрием Вельяминовым, полностью остаются в Кореле [50].

11 марта 1609 года шведский военный начальник Якоб Делагарди выступил из Выборга к русской границе и двинулся дальше к Новгороду.

В начале мая 1609 года выборгский губернатор Арвед Тённессон начал переписку с карельским воеводой о сдаче города Корелы и Корельского уезда шведским властям. В ответ карельский воевода не дал никаких обещаний, лишь написав, что карелы стали непокорны властям.

На это шведский король Карл IX 30 июня 1609 года посоветовал выборгскому губернатору написать новое письмо карельскому воеводе с предложением помочь некоторым количеством войск для того, чтобы карелы лучше ему повиновались. Это войско останется у него в крепости и поможет ему защищать ее и наказать тех непокорных негодяев, которые против него соединились.

Если вдруг карельский воевода попросит помощи, пусть Клаас Эрикссон возьмет с собой так много войска, чтобы стать господином в крепости и чтобы другие делали то, что он захочет.

Если карельский воевода не захочет шведского войска, то надо ждать решения, которое примут Якоб Понтгуссон Делагарди и Михаил Скопин-Шуйский. Тогда собранное Эрикссоном войско займет крепость и ни в коем случае не выпустит ее из рук [51].

Делагарди и Скопин-Шуйский с войском после Твери продвигались дальше к Калязину. Но на пути к Калязину шведские наемники

подняли бунт и повернули обратно к Новгороду. Деллагарди сумел восстановить порядок в своей войске, но условием возвращения в Калязин для дальнейшего движения на Москву поставил немедленную передачу города Корела Швеции.

Чтобы вернуть войско Деллагарди для похода на Москву и освобождения ее от поляков, М.В. Скопин-Шуйский в городе Калязине 27 августа 1609 года заключил новый договор, по которому обязался немедленно передать шведам город Корелу и Корельский уезд.

Со шведской стороны эту договорную запись подписал шведский королевский секретарь Карл Олофсон, с русской стороны – князь М.В. Скопин-Шуйский. Чтобы в кратчайший срок передать город Корелу шведам, Скопин-Шуйский направил воеводу Чулкова вместе с К. Олофсоном в Великий Новгород, чтобы оттуда, захватив с собой дьяка Ефима Телепнева, ехать дальше – в Корелу. Прибыв в Корелу, немедленно передать город ему, Карлу Олофсону, как представителю шведского короля Карла IX. Одновременно князь Яков Петрович Борятинский должен передать Якову Деллагарди деньги и соболей, а шведский полководец после этого поведет войско, кроме раненых и больных, к Скопину-Шуйскому в Калязин, без всякого промедления.

26 октября 1609 года пришло письмо Скопину-Шуйскому с Карельского перешейка, что Чулков и Телепнев стоят в Ладоге, а в Корелу не поехали потому, что карельские посадские и уездные люди заперлись в крепости Корела. Это письмо было направлено с Микифором Крюковым [52].

В грамоте царя В.И. Шуйского от 30 августа 1609 года в Корелу к епископу Сильвестру и воеводе князю Мышецкому, ко всем жителям Корельского уезда, которую повезли туда Чулков и Телепнев, было написано, что передача их города шведам имеет общегосударственное значение. От этого зависит, будут ли шведы оказывать помощь в борьбе против польско-литовских войск.

Царь решительно требовал немедленной передачи города шведам, при этом вывести все население со всем имуществом. Чтобы жители города не боялись уезжать с насиженных мест, царь Шуйский обещал обеспечить их на новых местах всем необходимым (служба, жалование, возможность завести хозяйство на новом месте), а также предоставить льготы по всем налогам и повинностям. Царь предоставлял карелам право выбрать себе для жительства любой пункт в России и требовал заранее сообщить ему, где кто захочет жить, чтобы свое-

временно подготовиться к обустройству переселенцев из Корелы на новых местах [53].

Личное обращение царя к карелам не изменило их решения не отдавать город врагу. Большую роль в этих событиях, как можно понять из первоисточников, играл епископ карельский Сильвестр, который стал главным вдохновителем борьбы карел против передачи города и уезда шведам. В своих проповедях он призывал жителей города и население всего уезда бороться за сохранение Корельского уезда в составе Руси.

Своим письмом от 30 сентября 1609 года шведский король Карл IX обязал Выборгского губернатора Арведа Тённесона отправиться в город Корелу вместе с Клаасом Эриксоном и его войском. Там принять город от Чулкова и Телепнева и посадить комендантом крепости Корела К. Эриксона. Потом оттуда идти к Неве и расширить границы до этой реки. Поэтому король поручил Выборгскому губернатору направить людей к устью Невы и определить, где удобнее построить укрепления.

Шведы хотели после Корелы завладеть русскими крепостями Орешек, Ивангородом и Колой. Одновременно король поручал отправить обратно к Якобу Делагарди тех наемных солдат, которые ушли от него. Если они не отправятся обратно, тогда их поймать и повесить на ближайшем дереве [54].

В конце 1609 года Якоб Делагарди по приказу своего короля вновь начал настаивать на немедленной передаче города Корела. Московский царь Василий Шуйский направил в Корелу послом Никиту Елизаревича Смирного-Отрепьева с новым приказом о передаче города. Но усилия нового посла оказались также напрасными, хотя карельский епископ Сильвестр и воевода на этот раз от переговоров не отказались и направили в город Орешек своих уполномоченных.

Представители города Корелы просили шведов и Смирного-Отрепьева отложить срок передачи до Троицына дня – июня 1610 года. Н.Е. Смирной-Отрепьев не настаивал на немедленной передаче, было решено передать вопрос на откуп русского царя. Василий Шуйский, не дожидаясь результатов переговоров с Отрепьевым, направил в Корелу новых послов – дворян Ивана Михайловича Пушкина, Алексея Ивановича Безобразова и Микиту Дмитриева с заданием добиться передачи города Корелы и уезда шведам.

Прибыв в город Орешек в феврале 1610 года, И.М. Пушкин и А.И. Безобразов продолжили переговоры с карелами, а Н.Е. Смирной-Отрепьев отправился с известием в Швецию.

Получив известие о приезде в Корелу новых послов со специальным заданием русского царя передать шведам Корелу, шведский король Карл IX 4 апреля 1610 года назначил наместником этого города офицера Тённе Йоренссона. Но принять город и установить там свою власть шведскому офицеру не удалось. Новые послы сообщили шведским властям в Выборге, что отсрочка в передаче города вызвана необходимостью дожидаться вскрытия рек, так как имущество из Корелы русские могут вывести только водным путем.

В ответ шведы сосредоточили на границе с Корельским уездом вооруженный отряд для нападения на город Корелу. На письмо Пушкина и Безобразова шведы ответили, что если карелы не сдадут город, из Выборга будет направлен отряд из тысячи конных и пеших воинов. В конце марта 1610 года царь Василий Шуйский прислал И.М. Пушкину и А.И. Безобразову новое распоряжение о немедленной передаче города и уезда шведам.

Шведское командование в Выборге назначило последний срок для передачи города – 1 мая 1610 года. После смерти М.В. Скопина-Шуйского карельский епископ Сильвестр и новый карельский воевода И.М. Пушкин написали письмо выборгскому губернатору о том, что Выборгский договор от 28 февраля 1609 года не имеет никакой силы. Они сослались на слухи о смерти шведского короля Карла IX, заявляя, что лиц, от имени которых заключался договор, уже нет в живых.

Дело в том, что вскоре после прибытия М.В. Скопина-Шуйского в Москву, царь Василий Иванович Шуйский призвал племянника к себе и стал говорить ему, якобы, он хочет на царство сесть, а его, дядю своего, с него ссадить. Что он, Михаил, уже обещание дал народу, который просил его стать царем. Скопин-Шуйский на это ответил, что никто, кроме Ляпунова, ему царство не предлагал. Письмо Ляпунова он разорвал, и никакого ответа ему не давал.

Во время разговора Скопин-Шуйский сказал дяде своему правду, что на него народ жалуется, и просил его отойти от тиранства, утеснений людей и не губить народ. Племянник предлагал дяде добровольно отдать корону другому, чем ждать ее насильного изъятия. На эти высказывания царь Василий Шуйский возгорелся на племянника тайной злобою.

Шведский воевода Якоб Делагарди, понимая, что Скопин-Шуйский в великой опасности, предлагал ему немедленно выехать из Москвы. Тот хотел это сделать, но накануне отъезда, 23 апреля 1610 года, его

позвали к князю Воротынскому крестить его младенца. Во время обеда жена Дмитрия Ивановича – брата царя Василия Ивановича, княжна Екатерина, дочь Малюты Скуратова, явилась к гостю с ласкою и чашею вина. Михаил выпил эту чашу и упал, истекающий кровью. Он был перенесен в свой дом и умер в этот же день. Народ оплакивал Михаила так же неутешно, как и последнего царя из династии Рюриковичей – Федора Ивановича [55].

В это время шведы ждали выполнения Выборгского договора от 28 февраля 1609 года. Василий Шуйский стал требовать деньги у священников, денег у них было мало. Царь силой взял у них деньги и много церковных золотых и серебряных сосудов. Шведы, получив деньги от Василия Шуйского, выступили с князем Дмитрием Шуйским к Можайску, чтобы освободить Смоленск от поляков. Но поляки во главе с гетманом Жолковским пошли к городу Белому, где стояло войско Хованского, но тот пошел к Можайску, уклоняясь от боя.

23 июня поляки напали на русских и шведов. Французы, немцы, англичане, шотландцы, бывшие в войске Делагарди, переметнулись к полякам. Остальные шведы и русские побежали в лес. Полководец Делагарди не смог удержать своих воинов и стал вести переговоры с гетманом. Он дал слово гетману, что больше не будет помогать Василию Шуйскому, передал ему деньги – 5450 рублей и на 7 тысяч рублей мехов. После этого вместе со своим генералом Горном и остатками войск в 400 человек пошел к Новгороду.

Епископ Сильвестр и воевода И.М. Пушкин сообщали шведам, что они направят в Москву гонца, и будут ждать новых распоряжений. Но в середине лета 1610 года с трона был свергнут царь В.И. Шуйский. Для Василия Шуйского власть кончилась, в Москве снова восседал самозванец. В письме в Выборг Эрику Йонессону и Юхану Бенгтессону, будучи живым и во здравии, шведский король Карл IX 7 августа 1610 года сообщал, что епископ карельский Сильвестр собрал множество крестьян – до 2 тысяч человек, которые убили наших людей в лагере, но и сами в большей части заплатились жизнью.

Речь шла о шведском вторжении войск, которыми командовал ротмистр Ларс Андерссон в Корельский уезд в конце июня 1610 года. Их встретили вооруженные местные жители и оказали сопротивление. Им на помощь из города Корелы направили 200 хорошо вооруженных стрельцов. 4 июля 1610 года карельские партизаны и стрельцы встретились со шведским войском в открытом поле. Произошла

кровавопролитная битва, победу в которой одержали превосходящие силы захватчиков. Карелы подбадривали себя и других боевым кличем «Ed'eh, Ed'eh!» (Вперед, вперед!). Карельские отряды ушли в леса, продолжив партизанскую борьбу.

Оставшиеся в живых стрельцы вернулись в город Корелу. Шведы смогли захватить южную часть городского посада за рекой Узервой (Вуоксой). Жители городского посада с семьями и имуществом успели укрыться внутри крепости, там собралось около 2000 посадских карел и 500 русских стрельцов.

Шведские войска начали готовиться к осаде, июль и август прошли в приготовлениях. В первых числах сентября 1610 года под стены Корелы прибыл с новыми силами сам Делагарди, который 27 октября направил епископу Сильвестру и воеводе И.М. Пушкину ультиматум: «Епископу Сильвестру, воеводе Ивану Михайлову Пушкину, всем стрельцам, пушкарям, людям корельским и посадским. Дабы кровь понапрасну не литии и животы не класти, советую землю Корелу в три дня очистить. Королевской милостью позволяю колокола церковные и вашу казну, и всякие пушечные и хлебные припасы, и зелье, и скарб, и одежду вывезти. Оброк и денежные подати, как собраны властями московскими с жителей Корелы и уезда Корельского после крестоцелованной записи с нами боярином-князем Михайлом Васильевым Скопиным-Шуйским, сдать в нашу королевскую казну. Королевский воевода Якоб Понтуссон Делагарди».

Воевода И.М. Пушкин ответил на этот ультиматум резким отказом. Шведы тогда предприняли первый штурм крепости, который защитниками был отбит. Шведы обложили крепость со всех сторон, началась ее осада. Об этом Делагарди сообщил своему королю, который 4 ноября дал ответ. В нем Карл IX писал, что на помощь он отправил к Кореле (назвав город по своему Кексгольмом) иноземное войско во главе с наемником Кобруном.

В Финляндию послан Хендрик Тённессон, чтобы там собрать финское войско и направить его к Кореле. На север Швеции направлен Ханс Рехенбергер, который должен собрать войско и также отправиться к Кореле и быть в его (Делагарди) распоряжении.

Король хотел бы, чтобы шведское войско и пришедшие к нему на помощь войска выдержали осаду Корелы, затем направились к Орешку и задержались у русской границы, пока не будет ясно, кто стал в России великим князем [56].

Хлеба и мяса в крепости хватало лишь на восемь недель. Чтобы облегчить участь защитников крепости, карелы северных волостей, не занятых врагом, собрали хлеб на территории своего уезда, погрузили его на 28 больших лодок и в сопровождении вооруженного отряда пытались по реке Вуоксе переправить хлеб в крепость. Узнав об этом, Делагарди выслал навстречу на лодках 200 воинов, которые часть карельских лодок потопили, а часть захватили, лишь пять лодок дошли до Корелы. Не рассчитывая на помощь государства, карелы упорно сражались, защищая крепость, а другие – в партизанских отрядах, нападая на шведов.

В ночь на 25 декабря 1610 года шведы предприняли второй штурм крепости, но стрельцы и карельские ратники отбили атаку врагов. Осада крепости Корела, в которой, по разным данным, находилось от 2,5 до 3 тысяч жителей и стрельцов, продолжалась **с сентября 1610 года по март 1611 года**, то есть полгода. Обороной руководили карельский епископ Сильвестр и незадолго до этого назначенный воевода И.М. Пушкин.

В конце ноября 1610 года регулярные шведские войска разгромили карельские партизанские отряды. В крепости начала свирепствовать цинга, ее ежедневно обстреливали из орудий, после орудийных залпов враги атаковали крепость. Зимой 1611 года полторы тысячи трупов людей, умерших от цинги и ранений, лежало во дворах и на улицах крепости, их некому было хоронить. К февралю осталось в живых около 100 человек, поэтому епископ Сильвестр и воевода И.М. Пушкин решили вести переговоры с воеводой Делагарди, а через него, с Выборгским губернатором Арведом Тённессоном о сдаче крепости. Переговоры начались 28 февраля с воеводой Пушкиным. Шведы требовали оставить в крепости все оружие и имущество, чтобы Сильвестр также остался в крепости. Воевода Пушкин ставил условием свободный выход оставшихся защитников, в том числе и епископа, со всем имуществом, пушками и колоколами с городских церквей.

Когда шведы ответили отказом, воевода Пушкин заявил им, что они будут держаться до последней возможности, а затем взорвут крепость и погибнут под ее стенами. Позже оказалось, что под башнями крепости уже был заложен порох, и слова Пушкина были не просто угрозой. К тому времени карелы сумели захватить в плен во время вылазок несколько шведов, среди которых были знатные особы – Йорен и Клаас Бойе.

2 марта 1611 года был подписан договор о сдаче Корелы, по которому карелы и русские могли взять с собой церковную утварь, кроме колоколов, архив воеводской канцелярии Корельского уезда и все имущество, которое они смогут увезти. Имущество умерших и погибших, пушки и колокола должны остаться в городе. Когда раскрылись городские ворота, шведское командование было поражено, увидев, что число оборонявшихся и жителей было всего около 100 человек. Женщины несли на спинах своих раненых мужей и братьев.

Древний карельский город сдался только тогда, когда стало некому его защищать. Падение города Корелы завершило захват всего Корельского уезда. О сдаче города Корелы, Выборгский губернатор Арвед Тённесон, сразу же сообщил своему королю Карлу IX и получил его ответ от 31 марта 1611 года. Король писал, чтобы хорошо снабдили эту крепость, чтобы вновь не потерять ее. Наместником в Корелу он поставил Андреаса Бойе, а в помощники ему назначил Якоба Дадрихсона [57].

Воспользовавшись тем, что Москва в то время была подчинена самозванцу и полякам, новгородцы **17 июля 1611 года** заключили договор с генералом Якобом Деллагарди, который выступал от имени шведского короля Карла IX.

Они писали, что заключили этот договор «с ведома бояр и народа московского», в нем провозглашалось:

«1. Быть вечному миру между обеими державами на основании Тязвинского договора (от 18 мая 1595 года). Мы новгородцы, признаем своим защитником и покровителем короля шведского.

2. Да будет царем и великим князем Владимирским и Московским сын короля шведского Густав, Адольф или Филипп. До его прибытия Новгород обязывается слушать военначальника Якова (так написано в договоре. – А.Г.) Деллагарди, во всем клянемся ему, Якову, немедленно сообщать все, что узнаем из Москвы и других мест России...

4. Области Новгородского княжества не будут присоединены к Швеции, а остаются российскими, исключая Кексгольм (Корелу) с уездом...» [58].

Мирный договор из 18 пунктов был унижительным для Новгорода, который не имел такого духа, как город Корела. Новгород, хвалясь ненавистью к полякам, тогда не смог сплотить народ и оказать достойное сопротивление шведам.

11 июня 1613 года состоялось венчание Михаила Федоровича Романова на царский трон. В числе претендентов на русский престол

называли польского королевича Владислава и шведского принца Карла-Филиппа. По утверждению В.Н. Татищева, узнав в 1613 году, что в Москве выбирают государя, шведский генерал Якоб Делагарди с войском начал грабить новгородские церкви и монастыри. С 70 церквей и монастырей были сняты колокола, иконы в богатых окладах, священные сосуды и тайно высылал их в Швецию. Избранный царь Михаил Федорович Романов направил к Тихвину князей Семена Васильевича Прозоровского и Лентия Вельяминова с войском. Они без большого сопротивления шведов захватили город Тихвин, плененных шведов отпустили и, укрепив город, сами отступили.

Тогда шведский король 29 января 1614 года заключил новый договор с Новгородом, чтобы потом ему было оттуда свободнее захватывать другие земли Российского государства. Новгород, подписав договор с Якобом Делагарди, оставалась под властью Швеции с 1611 по 1617 годы, до заключения Столбовского мирного договора.

Глава IV. На родину далеких предков (1581–1721 годы)

Корельский уезд был политическим, экономическим и культурным центром Карелии, где проживало наиболее многочисленное карельское население. В Беломорской Карелии населения было значительно меньше. Поэтому, начиная с XII века, именно Карельский перешеек и Приладожье стали объектом крестовых походов, а затем нападений со стороны шведов.

Первая волна карел ушла с Карельского перешейка после начала войны со Швецией в 1581 году. Они пошли на олонецкие, новгородские, тихвинские земли, а часть карел пришла на Бежецкий Верх и отроги Валдайской возвышенности.

Эта переселенческая волна продолжалась *с 1581-го по 1595 год*, до заключения Тязвинского мира, по которому город Корела и Корельский уезд были возвращены Русскому государству. Часть бежавших карел вернулась на свою родину. Грамотой русского царя Бориса Годунова все население Корельского уезда было освобождено на 10 лет от податей, оброков, пошлин. Жителям Корелы была предоставлена

на это время беспошлинная торговля в своем уезде, а также городах Новгороде, Пскове и Москве. Карельским горожанам были бесплатно переданы в собственность дома, построенные в городе шведами в 1581–1597 годах [59].

Шведы приняли *лютеранство* в 1537 году. Вскоре после завоевания города Корелы и карельских погостов, они в них стали возводить лютеранские кирхи, нередко приспособляли под них бывшие православные церкви. В 1611 г. первый пастор лютеранского прихода Хенрикус Винтер перевез лучшую в городе Корела Воскресенскую соборную церковь с территории Старой крепости на Спасский остров. К новоявленной кирхе пристроили звонницу с колоколами, на которой были установлены башенные часы, указывавшие время.

Карельское население было причислено к лютеранским приходам по тому лишь признаку, что говорило на карельском языке. Шведское правительство, понимая, что православная религия была для карел одним из звеньев, связывавших их с русским народом и Русским государством, всеми способами стремилось к уничтожению православия путем обращения карел в лютеранскую веру.

Религиозные преследования православного населения еще более усилились после заключения Столбовского мирного договора. Уже в апреле 1618 года правительство Швеции послало наместникам Ореховецкого и Кексгольмского (Карельского) уездов распоряжение, предписывавшее зорко следить за тем, чтобы священники их уездов посвящались в духовный сан не новгородским митрополитом, а шведским интендантом в Ингерманландии.

В том же году восточная Финляндия, Карельский уезд и Ижорская земля были объединены в одну лютеранскую епархию с резиденцией в городе Выборге.

В 1625 году в Стокгольм был приглашен из Германии опытный печатник Петр Зелов, и под его руководством была открыта специальная типография для печатания церковных лютеранских книг. Так как карелы в составе Русского государства пользовались русской письменностью, то для них церковные книги печатались на финском языке церковнославянским алфавитом. В течение нескольких лет типография издала ряд книг на финском и на русском языках, в частности, в 1628 году в переводе на эти языки был издан «Малый катехизис» Лютера.

В православные приходы наряду с православными священниками стали назначаться лютеранские пасторы. Православным священникам

предписывалось проводить богослужение только на финском языке. Вскоре приказано было на место умерших православных священников назначать лютеранских пасторов.

Однако шведские нововведения в области церковной политики не давали больших результатов. Население по-прежнему стойко придерживалось православной религии. Наместник Кексгольмского уезда Генрих Споре в письме королю от 8 августа 1624 года жаловался на то, что религиозная политика правительства в уезде не имеет успеха, что население не желает переходить в лютеранство.

После подписания 1617 году Столбовского мирного договора, по условиям которого шведам был передан весь Корельский уезд с городом Корела, началась вторая самая массовая волна переселения карел на тверскую землю, несмотря на указ шведского короля о смертной казни беглецов. Эта волна продолжалась *с 1617 года до 1661 года*, когда был заключен Кардисский мирный договор.

При переселении с Карельского перешейка карелы с собою могли взять только самое ценное. Они несли иконы с надеждой и верой в лучшую их долю. Они пришли на тверскую землю с тем, чтобы сберечь и сохранить в душе свою православную веру, от которой их пытались отречь шведы.

Карел, обращенных шведами в лютеранство, называли «латышами корельской земли», строго отличая их от православных карел. Карелы-лютеране, переходя на русскую территорию, должны были, прежде всего, принять православную веру, после чего получали одинаковые права с карельскими православными переселенцами.

Таким образом, насильственное вовлечение карел в лютеранство со стороны шведов, а также непомерные налоги, установленные ими для местного населения Корельского уезда, были основными причинами перехода карел на тверскую землю.

Летом 1656 года царь Алексей Михайлович пытался овладеть землями, захваченными шведами в начале века, и выйти к Балтийскому морю. Русское войско захватило у шведов Нотебург (Орешек) и Ниеншанц (Новый Острог). В Ливонии русские смогли авоевать у шведов города Динанбург (Даугавпилс), Кокенгаузен (Кокнесе), Мариенбург (Алуксне) и Дерпт (Тарту). Дальнейшее наступление русских на Ригу окончилось неудачей. В результате наступления шведов, русские согласились сначала на заключение Валиесарского перемирия в 1658 году сроком на три года, а затем Кардисского мира 1661 года.

По нему все завоеванные у шведов города и территории были вновь возвращены Швеции. Россия по-прежнему была отрезана от Балтийского моря.

Значительная часть карел могла покинуть Карельский перешеек и поселиться на тверской земле во время Ливонской войны 1656–1658 годов. Только за два года, 1656 и 1657, в Россию из Корельского уезда переселилось 4100 семей, или более 20 тысяч человек [60].

Если в 20–40-х годах XVII века переселение карел шло стихийно, то с 50-х годов XVII века оно приобрело более организованный характер. Правительство Алексея Михайловича Романова изучало места, куда можно расселять карел, все земли, которые заняли карелы, отнесли к дворцовым землям, предоставили карелам ряд льгот.

В Московском государстве тогда было беспокойно, в 1614–1615 годах казацкие шайки вместе с русскими людьми продолжали разорять его. На территории Бежецкого и Кашинского уездов свирепствовала огромная шайка, состоявшая из казаков и русских воров, в основном боярских холопов. Среди атаманов отличался своим зверством Баловень, разбойники его шайки не только грабили все, что могли, не давали правительственным сборщикам собирать деньги и хлебные запасы в казну, но и со свирепостью мучили местных жителей.

В конце 1614 года атаман Баловень пошел на Москву, его отогнали от Симонова монастыря, преследовали и окончательно разбили на реке Луже. В Москву привели более 3 тысяч бандитов, казакам объявили прощение, а Баловня и его товарищей повесили [61].

Не успели опомниться от самозванцев, от бандитов, как в 1654 году начались болезни и мор людей. В Кашинском уезде из посадских людей умерло 1839 человек, осталось в живых 908. Болезни охватили все окрестности Москвы, Твери, Торжка, Бежецка и других городов. Люди от страха убегали, куда попало, болезни продолжались в последующие 1655–1656 годы. В то время вокруг Москвы продолжали бродить многочисленные банды воров и разбойников. В 1655 году всем им объявили прощение, но это не помогло.

К 1657 году грабежи, убийства, поджоги усилились до такой степени, что царь Алексей Михайлович направил сыщиков ловить разбойников. Сыщики гонялись за беглыми с отрядами стрельцов, пушкарей и местных жителей. Пойманных бандитов казнили на месте поимки, сыщики исполняли роль судей. В ответ разбойничьи шайки пополнялись за счет крестьян, у которых сыщики отбирали лошадей

и продукты для поимки воров, и за счет тех, на которых клеветали преступники.

Доведенные до отчаяния налогами, пошлинами, оброками, тяглом, крестьяне переставали смотреть на разбойников как на врагов. Они просили их не трогать бедняков и простых людей, а грабить знатных и богатых. Вот в эти покинутые местными жителями деревни Бежецкого, Кашинского, Новоторжского, Весьегонского и Вышневолоцкого уездов массово стали приходить карелы. Царь Алексей Михайлович велел в 1662 году переписать всех карел, записать на государево имя всех, кто не был закреплен за помещиками и монастырями. Позднее этих карел перевели в карельские дворцовые волости.

Третья, и последняя, переселенческая волна карел на тверскую землю приходится на период с 1710 года (после освобождения русскими города Корела, подписания в 1721 году Ништатского мира) до 30-х годов XVIII века.

Проживание на реке Свирь (1583–1649 годы)

В августе 1583 года в деревню Головкина, что на мысе Пюхяниеми, к Ивану Васильевичу нагрянули партизаны во главе с Кириллом Рогозиным. Они стали призывать Ивана Головкина и его сородичей уйти из своего «родового гнезда» на олонецкие земли. Рассказали, что деревни вдоль рек Олонка, Мегрега, Свирь в 1579–1581 годах сожгли и разрушили шведы, много домов осталось стоять пустыми.

Много было свободных дворов и деревень в Олонецком и Пиркинском погостах на реке Свирь. Он, Кирилл Рогозин, бежал из Соломанского погоста на Олонец в 1581 году, когда погост захватили шведы. Там, на Олонце он организовал из местных жителей большой партизанский отряд. Они сумели к 1582 году очистить от шведов все Заонежские погосты, в том числе Олонецкий и Пиркинский. За 1581–1583 годы они уже 17 раз ходили из Олонца вглубь Корельского уезда, который с 1581 года был захвачен шведами, и нападали на шведские погосты. Кирилл Рогозин сказал Ивану Головкину, что уже много карел ушло с Карельского перешейка на олонецкие земли. Если надо, партизаны смогут сопровождать по берегу озера местных крестьян с лошадьми и скотом.

А большинству лучше идти в поход не пешими, а на лодках вдоль побережья Ладожского озера, место встречи назначить на реке Свирь. Дальше Рогозин сказал, что они, освободив от шведов Заонежские погосты, не могли это сделать в Корельском уезде, поэтому предлагают всем карелам покинуть перешеек до конца 1583 года. Ивану Васильевичу Головкину тогда исполнилось 52 года, он всю жизнь прожил в своей деревне. Надо было оставить дома, постройки, скот, пашню. После ухода партизан Иван Васильевич собрал у себя всех родственников из пяти деревень и своих крестьян из трех деревень, чтобы держать совет.

Решили, что выбора нет, или работать на шведов, принимать их религию или шведы их убьют, поэтому надо трогаться в путь. Договорились о времени и месте выхода.

Из-за непомерных налогов, установленных шведами, их попыток вовлечь оставшихся карел в лютеранскую веру, а также под влиянием агитации и убеждений партизан Рогозина, значительная часть карел ушла с территории Корельского уезда, захваченного шведами. С южных погостов уезда ушли почти все карелы. Они пошли на другие карельские земли между Ладожским и Онежским озерами, находившиеся под властью русских.

Действия карельских партизан не дали возможности шведам вновь захватить Заонежские погосты, в том числе Олонецкий и Пиркинский, куда ушла часть карел Корельского уезда. Некоторые молодые представители рода Головкиных и их крестьян вступили в партизанский отряд Кирилла Рогозина и воевали со шведами.

В 1583 году земцы Головкины ушли из своего «родового гнезда», гонимые непомерными налогами, установленными шведами и их попытками крестить в лютеранство.

Весь путь до нового места поселения они прошли на лодках вдоль побережья Ладожского озера. К походу готовились долго, и ушли сразу все, около 160 человек, 20 семей земцев Головкиных и их крестьяне. С собою взяли самострелы и другое оружие, отбиваться от местных банд разбойников было нетрудно, а шведских войск тогда близко не было. На родине поневоле оставили свои дома, постройки, коров, бежали тайно, захватив то, что могли увезти. Лодки, на которых шли Головкины и их крестьяне, были разные, от 4-местной до 40-местной с семью веслами и семью гребцами.

Сначала плыли по ночам, отдыхая днем на берегу в лесных зарослях, вдалеке от деревень. Потом, отплыв далеко, шли на лодках целые

дни, гребцы меняли друг друга. Молодые парни этого рода согласились идти берегом, чтобы привести с собой в условленное место лошадей, их было около 50. Решили взять с собой 30 самых молодых и сильных жеребцов и кобылиц, чтобы позднее на новом месте они дали потомство.

Карелы доплыли и дошли до рек Свирь и Оять. Свирь можно назвать рекой-красавицей, она почти вдвое уже Невы, ее берега обрамлены прекрасными лесами. Обрывистые берега Свири в скалах, которые промыла вода и обнажила их пласты. Пороги Свири представляли действительную опасность для путешественников. Святым здесь почитается Александр Свирский, монастырь его имени построен у Святого озера в шести верстах от берега Свири.

Плывя по реке Свирь к Онежскому озеру, земцы Головкины и их крестьяне стали занимать пустующие дома в деревнях Олонецкого и Пиркинского погостов. Дело в том, что после нападения шведов в 1581 году на Олонецкий и Пиркинский погосты многие деревни запустили. В русской писцовой книге за 1582–1583 годы указано, что в Олонецком погосте 354 жилые деревни и 22 деревни пусты, в которых 131 пустой двор и 35 пустошей. В Пиркинском погосте, что на реке Свирь 98 жилых деревень и 63 пустых деревни, в которых 82 двора пусты [62].

В 1585 году в трех южных погостах: Саккола, Рауту и Пюхьярви остались пустовать 675 домов и только в 45 домах оставались проживать карелы. Чтобы взимать налоги с оставшихся карел, шведы в 1590 году решили переписать население бывшего Корельского уезда. Согласно этой переписи, в Ровдужском погосте осталось жить всего 12 семей карел, ни одного крестьянина земцев Головкиных не осталось.

В первое время на новом месте Головкины, потеряв все, жили бедно, лишних запасов зерна и мяса у местного населения не было. Порою в хлеб добавляли сосновую кору.

Окна в домах, где они поселились, были небольшими, сделаны по размерам натянутого бычьего пузыря, которым заменяли нынешние стекла. Через эти пузыри свет в избу проникал очень тускло. Поэтому обычно в чулане делали волоковое окно. Волоковую доску отодвигали днем, когда готовили обед, даже в самый лютый мороз. Кто-нибудь из домочадцев отодвигал доску и любовался улицей, проходящими мимо людьми, проезжающими повозками. Или кто-то летом смотрел на ночное небо, на звезды, думая о чем-то близком и далеком, о прошлом и настоящем, невзирая на стужу. Дома карелы никогда не курили,

выходили на улицу. А в студеные зимние вечера курили у волокового окна, чтобы дым уходил на улицу.

К зиме успели подготовиться: насолили и навялили рыбы, насолили мяса диких животных, заготовили брусники, клюквы, грибов, закупили зерна на помол и на семена. Большую роль в обустройстве на новом месте играла «помочь», когда все население деревни собиралось у одного хозяина, помогало ему отремонтировать или построить дом, хозяйственные постройки. После «помочи» всю братию угощали пивом, вяленой рыбой, тушеным мясом, рыбной или мясной похлебкой с карельскими пирогами. Отдохнув 2–3 дня, приходили к другому хозяину, помогая ему в обустройстве.

Религиозные карелы три раза в неделю – воскресенье, среду и пятницу не ели молочной пищи, соблюдая своего рода пост, не притрагивались к молоку, мясу, творогу, простокваше, сметане, сыворотке. Но карелы постоянно, даже в пост, ели рыбу.

Покойников тогда хоронили не на погосте у церкви, а на своем деревенском кладбище. Этот обычай сохранился позднее и на тверской земле до начала XX века.

Уже тогда карелы ездили в лес, в поле, друг к другу на колесной повозке, телеге, одре. Но по некоторым дорогам, особенно в лесу, на повозке не проехать. Поэтому они делали волокуши, запрягали лошадь в два длинных шеста с двумя привязанными перекладинами. На перекладине крепили короб с товаром или поклажей. Другие концы этих длинных шестов тянулись по земле. Позже волокуши не запрягали, как оглобли, а привязывали к передку без повозки, оставив саму повозку дома. По этому примеру нынешние карелы до сих пор волокут бревна из леса.

В карельских домах с вечера заносили свежую солому в избу, и настилали ее в разных местах на полу, накрывали домоткаными простынями. Отдельные постели были для замужних пар, отдельно для холостых парней, отдельно для незамужних дочерей. Оставшуюся солому обратно не выносили, вдруг придет поздний гость или путник. Утром солому выносили на стилку скоту, избу подметали, и она выглядела намного опрятнее заправленных, а тем более, незаправленных кроватей. Карелы не держали в избе разные шкафы, сундуки, ушаты, корзины и другую утварь, для этого была специальная клеть, или кладовка, куда все убиралось после употребления.

По старой привычке их предков карелы использовали камни для подогрева воды. Они клали в печь круглые камни и нагревали их.

Потом ухватом вытаскивали нагретые камни и опускали их в бадьи с водой для скота, чтобы подогреть его.

Таким образом, уходя с Карельского перешейка, занятого шведами, карелы на некоторое время оседали в Олонецком крае, оттуда шли на Бежецкий Верх и в другие места. Переписная книга Бежецкого Верха 1650 года имеет записи: «жил за государем в бобылях 3 года в волости Ошта», «на Ояти жил», «вышел из-за рубежа, жил на Олонце 6 лет» [63].

Весной 1614 года польско-литовские отряды черкес соединились с отрядами шведов вблизи Олонца и попытались взять Олонецкий острожек, но были отбиты русскими и проживающими здесь карелами. Русский отряд, узнав о приближающихся новых силах шведов, отошел к реке Свирь. На берегу реки Сермакса в марте 1614 года произошло большое сражение. Объединенные русские отряды и вооруженные отряды карел в конце разгромили черкес, которые за один день потеряли более тысячи человек убитыми и ранеными [64].

В 1649 году произошли два события, которые резко изменили жизнь карел в Олонецком крае. Во-первых, при слиянии рек Олонки и Мегреги было выбрано место и начато строительство города-крепости Олонец, куда начали переселять карел из деревень.

Летом 1649 года царь Алексей Михайлович направил воеводу Федора Федоровича Волконского к Ладожскому озеру и Онеге, чтобы отыскать там место, где лучше по его усмотрению поставить город. Тот решил ставить город на реке Олонке и назвать его Олонцом.

В конце августа 1649 года город Олонец был заложен и начал строиться. Ф.Ф. Волконский и другие первые воеводы Олонца, руководившие его строительством и заселением, не нашли среди деревенских жителей желающих стать посадскими людьми. Тогда они стали записывать в посад на Олонце тех крестьян, о ком соседи сказали, что они люди не бедные. По этим сведениям воеводы стали направлять в город Олонец людей, которые побогаче, чтобы они себе или на 2–3 хозяйства там строили дома. За 1649 год в Олонец были перевезены всего 10 домов [65].

Во-вторых, по указу московского царя Алексея Михайловича именно в 1649 году в Олонецком и Пиркинском погостах, где жили земцы Головкины, появился первый солдатский полк. Начался набор на военную службу со двора по одному мужчине от 20 до 50 лет. Солдаты получали содержание и денежное вознаграждение. Эти солдаты стали основой зарождения регулярного войска в России. Многие жители убегали в другие места, чтобы не служить в армии, поэтому в сол-

датских полках встречался разный сброд: немцы, нищие, бездомные, гулящие люди и разные захребетники.

Третьей причиной, побудившей карел уйти из-под Олонца на тверскую землю, были непомерные налоги. Чтобы закрепить крестьян на своих землях, проводились периодические, примерно один раз в 20 лет, переписи крестьянских хозяйств. После переписи каждый год ездили исправники и взымали налоги.

Когда исправник со свитой приезжал в деревню собирать налоги, все они жили за счет крестьян, их кормили, поили, они ночевали в крестьянских домах, их перевозили бесплатно из деревни в деревню. Крестьяне были недовольны таким поведением чиновников. Уже после переселения Головкиных на тверскую землю в 1649 году, московский царь Алексей Михайлович в 1654 году отменил некоторые налоги и пошлины: с речных перевозок, телег, саней, рыбы, кваса, масла, сена и другие.

Столбовский мирный договор (27 февраля 1617 года)

Став в 1613 году русским царем, Михаил Федорович направил своих послов в Голландию, Данию, Францию и Англию с просьбой выделить ему деньги для ведения войны со Швецией или содействовать заключению мирного договора с нею. Война, которую в то время шведы вели с Данией, отвлекала внимание короля Густава Адольфа от России. В 1614 году он дал поручение Якобу Делагарди заключить мир с Россией и отступить от прав его сына Карла Филиппа войти на русский престол. Густав Адольф писал Делагарди в Новгород, что он будет доволен, если Россия уступит Швеции Ивангород, Нотебург, Корелу, Копорье и Ям.

Русский царь Михаил Федорович ответил Делагарди, что он не пойдет на переговоры со шведами до тех пор, пока шведы не выйдут из занятых ими русских земель. Делагарди написал еще одно письмо русскому царю о том, что шведы готовы приступить к переговорам, и просил назначить место и время начала переговоров. К тому времени на захваченных шведами русских землях крестьянские владения настолько обеднели от содержания шведских войск и поборов, что оставляли свое имущество и бежали вглубь России. Их земля становилась пустой и не обрабатывалась. Многие оставшиеся крестьяне

лишились своего скота и семян для посева, у них практически не оставалось лошадей.

В июне 1615 года шведский король Густав Адольф писал своему доверенному лицу в Новгороде Эверту Горну, что он не признает за Михаилом Федоровичем титула русского царя и сам имеет право на русский престол. На это русские послы ответили Эверту Горну, что в Москве готовятся к войне со Швецией, и потребовали, чтобы шведские переговорщики явились в Москву. В случае отказа они грозились опустошить Швецию так же, как опустошили Польшу.

Шведский король Густав Адольф согласился направить на переговоры в Москву своих послов Акселя Оксенштирна, Филиппа Шединга, Клоса Флеминга, Генриха Горна, Якоба Делагарди и Монса Мартенсона. Посредниками при переговорах в Москве были: представитель посольства Англии Фом Смит и голландские послы.

Русский царь предложил начать мирные переговоры 10 сентября 1615 года где-нибудь между Осташковом и Старою Руссою. Царь просил заменить Монса Мартенсона и Якоба Делагарди другими переговорщиками, так как они содействовали войне с Россией и захвату части ее земель. В это самое время русские казаки совершили набеги на шведов в Корельском уезде, вблизи Гдова и Нотебурга. Густав Адольф приказал своим военачальникам Сванте Баннеру, Генриху Горну и Врангелю разбить отряды казаков.

К 10 сентября 1615 года русские послы в Новгороде не появились, они ожидали дальнейших ответов от шведов в Осташкове. Шведы предложили им провести переговоры в деревне Симоново, что в 30 км от Старой Руссы и в 100 км от Осташкова. После длительных переговоров согласились на то, чтобы 30 сентября вблизи Пскова на мосту речки Яунь встретились второстепенные послы по 12 человек с каждой стороны и обсудили дальнейший ход переговоров.

Находившийся здесь английский посредник Джон Уильям Меррик предложил сторонам провести переговоры в местечке Селицы, которое было расположено посредине между Осташковом и Старой Руссой. Русские требовали от шведов отказаться от Корельского уезда, но те не соглашались.

Очередной этап переговоров прошел 8 декабря 1615 года на мосту через речку Песок у деревни Дидерино, что в трех километрах от Селиц. Там они назначили съезд послов на 14 декабря в деревне Глебово. На съезде послов шведы прочитали титул русского царя Михаила Федоровича,

в котором он именовался также царем Новгорода и Лифляндии, и отказались от дальнейших переговоров в тот день, перенеся их на 4 января 1616 года.

Во время переговоров в деревне Глебово 4 января шведские послы назвали своего короля Густава Адольфа также королем Корельским, а Арведа Тонессона – судьей корельским. Русские требовали от шведов исключить Корелу от своих притязаний, заявляя, что Корела была отдана Швеции еще при царе Василии Шуйском. Делгарди во время этих переговоров заявлял, что шведы спасли от поляков Москву и Василия Шуйского.

Русские послы также требовали от шведов вернуть им Новгород и Лифляндию. Шведы отвечали, что московские государи завладели Лифляндией и Новгородом силой, поэтому «ливонских городов вам не видать, что ушей своих». Делгарди во время переговоров 4–9 января 1616 года постоянно твердил, что царь Василий Шуйский не заплатил шведам денег за помощь в освобождении Москвы от поляков.

Во время этих переговоров шведы передали русским свои требования об уступке им городов: Новгорода, Ладоги, Нотебурга, Копорья, Яма, Ивангорода, Гдова, Порхова и Старой Руссы с принадлежавшими этим городам землями. На город Корелу и Корельский уезд они во время этих переговоров не претендовали.

Русские просили оставить им Новгород с землями на отказ ими ливонских городов: Колывани, Порцы, Тромпе, Бурасы, Релска, Апела, Коловери и Лиговери. Через пять дней после этого, 14 января, шведы потребовали от русских Корелу и Корельский уезд, иначе они перестанут являться на переговоры. На это русские попросили две недели, чтобы сообщить об этом государю и получить от него ответ.

20 января 1616 года от русского царя Федора Михайловича в деревню Глебово прискакал гонец с письмом. В письме предлагались следующие варианты:

«I. Укрепить Тязвинский и Выборгский тракаты, уступить в вечное пользование шведскому королю Корелу, Тязвин, Нотебург, сверх того выплатить ему 200 тысяч рублей, а Ивангород разрушить.

II. Оставить Ивангород за шведами и не платить им денег вовсе.

III. Взамен всего завоеванного шведами выплатить им 40 бочонков золота».

Шведы не согласились ни с одним из предложенных вариантов и предложили заключить перемирие с русскими сроком на 3 месяца. Это

перемирие было заключено 22 февраля, а 23 февраля шведы уехали из Глебова, прервав переговоры с русскими послами.

Переговоры со шведами возобновились лишь в сентябре 1616 года при посредничестве английского посла. Английский посредник Фом Смит прибыл в город Ладогу 16 сентября и предложил шведам отправить своих послов в деревню Столбово на реке Сясь в 54 километрах от ее впадения в Ладожское озеро, вблизи водопада, для встречи с английской миссией. Переговоры шведов с английским посредником – послом Джоном Уильямом Мерриком шли до 19 декабря, 31 декабря русские и шведские переговорщики встретились в доме английского посла в деревне Столбово. Переговоры между ними по всем пунктам шли до 19 февраля, когда было решено написать основу договора.

Договор, переговоры по которому проходили с 30 сентября 1615 года около 17 месяцев, был подписан обеими сторонами **27 февраля 1617 года в деревне Столбово, что на реке Сясь в 37 верстах от Тихвина** [66].

Ныне деревня Столбово находится в Волховском районе Ленинградской области.

По этому договору шведы возвратили России Новгород и значительную часть Новгородской земли. Однако русские «навечно уступили Швеции города: Ям, Копорье, Орешек, Ивангород, Корелу и Корельский уезд». После заключения Столбовского мира шведский король Густав II Адольф заявил: «Теперь без нашего позволения ни одна русская лодка не может появиться в Балтийском море».

С 1617 года Швеция начала свое великодержавие, население страны тогда составляло около одного миллиона человек, оно было неоднородным. Южные провинции заселяли датчане, на востоке страны в лесной местности проживали финны, а южнее их – потомки ливонцев. Административно-территориальной единицей Швеции был *лён*. Россия с этого времени полностью лишилась выхода в Балтийское море.

Перед оставшимися на Карельском перешейке карелами встал вопрос: оставаться со шведами или идти в Россию. Как свидетельствуют документы, к тому времени из южных погостов ушли почти все карелы, из Сакульского погоста ушло 470 семей, осталось в двух деревнях всего три карельские семьи: Антип Микифоров, Кирилка Филипов и Трофимка Григорьев. Из Ровдужского погоста ушли 250 карельских семей, осталось 9 семей в шести деревнях: Данила Офонасьев, Иваска Филипов, Улитка Оверкиев, Васька Прокофьев, Павел Петров, Богдан Иванов, Микитка Рокопов, Васька сын Орины и Иван Иванов [67].

Все земли уезда стали собственностью шведской короны. Шведы поделили территорию Корельского уезда на две части: *северный лён* и *южный лён*. В северный лён входили 14 погостов, в южный лён – 4 погоста: Ряйсяля, Пюхьярви, Саккола (Сакульский) и Рауту (Ровдужский). Погост Пюхьярви был выделен ими как часть бывшего Сакульского погоста, а Ряйсяля выделен из Ровдужского погоста.

В систему налогов, которые шведы собирали с населения *северного лёна* бывшего Корельского уезда, входили:

- а) постоянный налог короне;
- б) объявленный налог на содержание шведской армии;
- в) налог на право крестьян на изготовление алкогольных напитков (кабацкий налог);
- г) налог зерном в бочках.

Шведы периодически проводили перепись деревень, населения, хозяйств и их собственности, ежегодно оценивали каждое хозяйство и устанавливали сумму налогов в оценочных рублях. Оценочный рубль являлся условной единицей налоговой системы для Корельского уезда. Для каждого погоста определялась сумма оценочных рублей, которая делилась на хозяйства. Объявлялся налог в оценочных рублях на каждое хозяйство. В качестве денежных единиц в налогообложении были использованы рубли, копейки и шведские пинезы. Одна московская копейка соответствовала 24 шведским пинезам.

Фактически с каждого хозяйства собирали налогов больше, чем было установлено в рублях. Эти излишки назывались прочими платежами и повинностями, они делились на барщину, или «коловые деньги», и плату за помол, или «мельничные оброки» [68]. Чтобы собирать больше налогов, шведы вели поземельные книги, куда записывали всю собственность карельских крестьян, которая облагалась налогом. В эти поземельные книги были записаны все люди, а также:

лошади,	овцы,	самострелы,
жеребята,	козы и козлы,	собаки,
коровы,	свиньи,	рыболовные сети,
нетели,	медь,	сено,
бычки,	хмель,	невода,
лодки, силки для ловли зайцев (тенеты), рожь в поле и подсеке, овес в поле и подсеке.		

Полевые культуры оценивались в бочках, бочка ржи и ячменя оценивалась в 120 копеек, бочка овса – в 60 копеек, одна бочка равнялась 146,5 литра [69].

Налогообложение *южного лёна* бывшего Корельского уезда было основано на оценке земли. Единицей налога была обозначена соха, равная 3 обжам земли, или 15 десятин. Надо полагать, что оценочные переписные книги составляли русские писцы, ими обычно были дьяки карельских православных церквей. Потом эти книги переводились на шведский язык.

Непомерно высокие налоги, установленные шведами для карельских крестьян, стали основной причиной выхода их с Карельского перешейка на другие земли, в том числе и на тверскую землю. К 1670 году из Сакульского и Ровдужского погостов ушли все карелы до одного. По договору, заключенному в октябре 1649 года Швеция и Россия обязались взаимно выдавать перебежчиков из Корельского уезда, откуда началось массовое переселение карел в пределы Московского государства.

Карелы заявляли тогда, что шведы их хотели обратить в лютеранскую веру, а они – православные. Московский царь Алексей Михайлович договорился со шведами заплатить за перебежавших карел часть деньгами, а часть хлебом. Чтобы выдать шведам хлеб, царь Алексей Михайлович в конце 1649 года поручил купцу Емельянову закупить хлеб в городе Пскове и выдать его шведам. Емельянов увидел возможность разбогатеть и приказал от имени царя псковичам продавать хлеб только ему. Другим купцам он не позволял покупать хлеб ни у кого, а только у него. При этом он резко поднял цену на хлеб, псковичи и другие купцы стали роптать.

А в это время до жителей Пскова дошел слух, что из Москвы едет швед и везет в свою страну русские деньги. 28 февраля 1650 года собралась большая толпа, так как действительно ехал шведский агент Нумменс и вез 20 тысяч рублей, которые ему в Москве передали за перебежчиков-карел. Народ набросился на него, отнял всю казну и бумаги, а шведа посадили под стражу. Потом толпа направилась к дому купца Емельянова, но тот успел убежать. Псковитяне направили в Москву посыльных с жалобой на воеводу Собакина и его детей.

Следом за Псковом поднялся и Новгород, где толпа народа схватила датского посланника, избива его, потом разграбила дворы новго-

родских богачей. Они также направили посольных к царю с жалобой на воеводу Федора Хилкова. Царь послал в Новгород войско во главе с князем Иваном Хованским. В конце апреля 1650 года Хованский с войском вошел в город, одному посадскому отрубили голову, 218 жителей посадили под стражу.

Псков держался дольше. Жители силой захватили порох и свинец и заявили новому воеводе князю Василию Львову, что если из Москвы придут войска, они будут для них все равно, что немцы, псковичи станут с ними биться [70].

Войско Хованского, вышедшее из Новгорода в Псков, два месяца стояло под городом, было два боя, неудачных для псковичей. 26 июля 1650 года в Москве состоялся земский собор, который направил выборных из разных сословий для переговоров в Псков. Выборные сумели убедить псковских защитников прекратить бунт. Царь их простил, но свои псковские богатые люди схватили бывших зачинщиков, посадили в тюрьму, оттуда увезли за город и казнили. Так через 170 лет после падения Новгородского и Псковского княжеств судьба вновь связала новгородцев и псковитян с судьбой карел.

Рождение деревни (1649–1650 годы)

Летом 1609 года, разорив поселение Городецко (ныне город Бежецк), литовско-польские отряды пана Красовского пошли по тракту Городецко – Углич к Кашину и Калязину. Другие пошли по дороге к торговому селу Кой, дошли до деревни Рыльково, прошли к северу в лесную сторону и разорили здешние деревни Бережки, Горбовец и Гремячиху.

Мужики с топорами и вилами не пускали врага в свои деревни и дрались насмерть. Но силы были неравны, деревни опустели. Люди и звери поменялись жилищами: на пустынных улицах деревень находили приют волки и лисицы. Люди забирались в самую глухую чащу, питались ягодами, травой, корнями растений. Больше всего старались казаки и другие московские приверженцы Лжедмитрия, которые отрезали себе всякое отступление и ставили на карту свою жизнь. Они поджигали деревни, гонялись с собаками по лесам за людьми, убива-

ли мужчин, насиловали женщин. Оставшиеся в живых люди из этой местности убежали в лес, чтобы спастись.

Целых три года, с лета 1609 по осень 1612, шло беспредельное разорение московских, тверских, бежецких земель. Масштабы этого разорения были страшны, пострадали все города вокруг Москвы. Шайки воров и разбойников добрались до Вологды и Устюга, в этих шайках русских изменников и казаков было раз в пять больше, чем поляков.

Земли вокруг Москвы были в руинах, села и деревни разорены, население составляло 3–4 процента от численности 1580-х годов. Жители были убиты, пропали без вести или разошлись по разным краям.

Вот в эти запустевшие, но сохранившиеся после трагедии деревни и пришли карелы с Карельского перешейка и Приладожья. Они построили много новых деревень, вдохнули жизнь в ранее опустевшие деревни.

* * *

Карел Петряйка Головкин вел своих людей из-под Олонца по тракту к Устюжне, был май 1649 года. С ним шли потомки крестьян его прадеда Ивана Головкина – Афанасьевы, Борисовы, Михайловы, Медведевы, Захаровы, Лукины и Орловы, всего 8 семей. Решили идти большим отрядом, так безопаснее, шалили лихие людишки на дорогах и в лесах. Поэтому в путь собралось около 50 человек, в том числе 18 детей. С ними был «знатец» из деревни Грудино, что на землях Угличского Алексеевского монастыря, Пантелей Иванов. Он 14-летним юношей пришел в эту деревню вместе с отцом и семьей брата Андрея в 1634 году. Монастырю нужны были новые рабочие руки, так как русский люд погиб от Литвы, мора и голода, а остальные ушли жить в другую местность. Пантелей уже приводил из-под Олонца в Грудино в 1647 году семьи Кузьмы Игнатьева, Михаила Родионова, Ивана и Степана Мишутиных, всего 24 человека.

Он отдохнул в деревне Петряйки Головкина неделю, пока жители собирались в путь. Усиленно питались, зарезав стадо овец, коров или продали, или отдали оставшимся односельчанам. С собой взяли все железное: косы, топоры, мотыги, ножи, котелки, а также всех лошадей с телегами, и иконы. У каждого мужика на груди под крестом висел мешочек с деньгами. Здесь были московки, шведские пинезы, рубли, талеры, гроши, полушки, копейки и другие деньги.

Путь был долгим, за день преодолевали по 50–60 километров, на ночь останавливались в лесу или на берегу реки. На кострах готовили еду, варили куски соленого мяса от забитых овец и телят, пили чай с черными сухарями. За эти дни перехода Петряйка Головкин много думал и вспоминал. Его прадед Иван родился в 1531 году, у него с братьями на Карельском перешейке было 8 деревень вокруг озера Пюхьяярви. Землю получили еще его предки за службу Новгородскому княжеству. Чем больше служили, тем больше давали им земли. Род Головкиных расширился, в этих восьми деревнях жили 20 семей земцев Головкиных со своими крестьянами. Когда в 1581 году шведы в очередной раз напали на их земли, терпение земцев кончилось, они ушли с родины своих предков. Некоторые из них пошли в сторону Олонца, другие ушли в Тихвин, третьи – на Валдай, потом еще дальше – под Вышний Волочек. Там построили деревню и назвали ее Головкино. Много карел из его рода ушли в Моложский уезд, Пошехонье и Угличский уезд.

Получилось так, что со своими родственниками Ивану, ушедшему под Олонец, больше никогда не пришлось встретиться. С ним ушли и его крестьяне, привыкшие быть вместе со своим хозяином, как на войне, так и на поле жатвы.

У Ивана было трое сыновей и четыре дочери, родившиеся еще на Карельском перешейке. Среди них сын Нечайко, 1559 года рождения, у которого уже в деревне под Олонцом в 1584 году родился сын Михаил. Этот Михаил и был отцом Петряйки Головкина, который знал о родине своего деда и прадеда только понаслышке. Родиной его стала восстановленная после шведского опустошения одна из деревень под Олонцом. Родился он в 1609 году, от отца и деда узнавал историю своего народа, спрашивал об исторической родине, о местах, куда разошлись карелы.

Из соседних деревень много карел ушло на Бежецкий Верх, под Вышний Волочек, Весь Егонскую, Толмачеву Слободу, Сандово. Он тоже подумывал уйти, так как ему уже несколько раз предлагали перевезти свой дом в строящийся город Олонец. Петряйка не желал переезжать из деревни в город и тратить на это свои силы и деньги. Одного из его сыновей хотели забрать в солдаты в полк, который стоял неподалеку.

Петряйка со своим отрядом подошел к реке Мологе возле Устюжны. В город решили не заходить, переночевать здесь, а утром идти дальше. Вечером решили идти не через Устюжну и Весь Егонскую, а перейти Мологу вброд и идти лесными дорогами на деревню Сандово.

По рассказам «знатца» Пантелея Иванова, начиная от Сандова, по пути будут попадаться карельские деревни, там помогут продуктами и ночлегом. Утром нашли брод через Мологу, переправились и въехали в лес, где были пробиты колеи от телег. К вечеру были в деревне Сандово (теперь Старое Сандово. – А.Г.)

Остановились на улице деревни, к ним пришли все карелы из 12 здешних семей. Предлагали идти к ним на ночь, приносили продукты. Петряйка сказал, что ночевать будут на улице деревни, чтобы никого не стеснять. Разговоры продолжались до утра, хотя утром местным карелам надо было пахать землю и сеять лен. Следующую ночь ночевали в селе Хабоцкое, где жили несколько карельских семей, потом переселившихся в Михалиху. Утром вышли на свой последний переход и через село Спас на Холме, Старое Гвоздино пришли в Грудино. Местные карелы встретили радостно, в деревне Грудино к тому времени жили пять карельских семей, да в соседней деревне Прокино еще четыре карельские семьи.

Это были смешанные с русским населением деревни. Когда карелы с 1634 по 1647 год стали приходить сюда и занимать пустующие дома, в других домах жили русские семьи. В этих двух деревнях было примерно по 10 домов, часть их еще пустовала. Пришедшие карелы разместились в этих домах. Местные карелы рассказали, что они два дня в неделю работают на монастырских землях, а также отдают Угличскому Алексеевскому монастырю часть своего урожая. Петряйка Головкин от этого известия был буквально взбешен. Уставший от 20-дневного перехода, услышав это, он грубо сказал, что шведам ничего не платил и монастырю платить не будет. Крепости на него нет, поэтому он свободный человек. Карелы внушали ему, что с монастырем спорить трудно, у него большая сила.

Петряйка Головкин спросил, есть ли поблизости еще карелы. Ему сказали, что две семьи Кузьмы Лукьянова и Федора Иванова живут в запустевшей деревне Муравьево. Деревня эта километрах в десяти от Грудина за лесом. Отдохнув с неделю, Петряйка решил съездить в Муравьево, с ним поехали Душка (Евдоким) Афанасьев, Никифор Борисов и сопровождающий их Степан Мишутин, пришедший в Грудино два года назад, в 1647 году. С собой взяли ножи и топоры. Выехали из леса на поляну, увидели несколько домишек, крытых соломой. Их встретил Кузьма Лукьянов, рассказал, что пришел сюда из Москвы в 1642 году. Пустующие дома без окон заросли крапивой и бурьяном,

крыши прогнили. Степан Мишутин с интересом осматривал дома, сказал, что перевезет сюда свою семью. Позднее вместе с ним в Муравьево из деревни Грудино переселился его брат Иван Мишутин и Михаил Родионов, также прибывший сюда в 1647 году.

Деревню Муравьево со всех сторон окружал лиственный лес, путники на лошадях поехали на запад от деревни. Они пересекли ручей, поднялись на гору, спустились в низину и опять поднялись на гору. Душка Афанасьев слез с лошади, забрался на высокую ель. Сверху он увидел, что с двух сторон лесистую гору окружают реки, а за рекой дальше на запад в километре виден еще один пригорок, поросший лесом. Путники спустились к реке, напоили лошадей. Душка Афанасьев сказал, что вернется сюда и будет строить себе дом. Сделали метки на деревьях и поехали дальше. Эти метки означали, что участок земли и леса уже занят.

Поднялись от реки на взгорок, проехали полкилометра, где лес перешел в низину, заросшую ивняком. Пробрались через ивняк, поднялись на пригорок, Петряйка сам забрался на дерево, увидел в полукилометре несколько омутов реки. Он сделал метки на деревьях и сказал, что будет строить на этом месте свой дом. Отсюда поехали прямо на север через лиственный лес и вечером были в деревне Грудино. Стали готовиться к новому походу через лес, чтобы строить дома. Оставив в Грудине женщин и детей, на лошадях поехали прямо на солнце. Через шесть километров выехали на пригорок, поросший лесом, увидели деревья, меченые Петряйкой Головкиным. С ним остались Борисовы, Михайловы и сыновья Андрея Иванова, всего 8 человек.

Душка Афанасьев вместе с Медведевыми, Гордеевыми и Василием Мартыновым поехали на восток и остановились на горе в одном километре. Нашли метки, сделанные Афанасьевым, остановили лошадей. Их было шесть мужиков, стали думать, с чего начинать.

Сделали шалаши из жердей, покрыли их еловым лапником. Между шалашами развели костер, попили чаю с сухарями и сваренным еще утром в Грудине мясом.

Перекрестились и начали топорами валить деревья, чтобы на этом месте построить сразу шесть домов. Место это стали называть «*Dus-kova*» с ударением на первом слоге, по имени Душки Афанасьева (порусски – Душково). Другое место стали называть «*Petrjaitsova*» от имени Петряйки Головкина (по-русски – Петряйцево). В Петряйцево решили строить сразу 8 домов. Со сваленных деревьев срубали сучья, а бревна трелевали в два разных места: еловые в одну кучу, а осиновые и березо-

вые в другую. Еловые бревна начали шкурить и заваливать их корьем, чтобы не потрескались от солнца. Прорубили дорогу к реке, вода в омуте была теплой, сразу возникло название реки «*Ljammijoki*» или «Теплая река», русские потом в своих картах ее стали называть Теплинка.

Работали неделю, пока не закончились продукты, правда, ставили силки на зайчишек, рябчиков да тетеревов. За неделю вырубил лес на пригорке, ошкурили бревна, выкорчевали пни. Пни от ольхи и ивняка выкорчевывались легко с помощью толстой жерди. Пни от елок, берез и осин корчевали бревном и лошадь. К хомуту лошади привязывали веревки, другими концами обхватывали пень. Под подкопанный пень втыкали вершиной бревно и повисали на нем, раскачивая пень. В этот момент лошадь трогалась с места и тащила пень с обрывающимися корнями. Работали от восхода солнца до заката весь световой день. Ночью спали в шалашах как убитые после напряженного дня.

Проезжая на лошадях от деревни Грудино до Петряйцева и обратно, наездили дорогу, можно уже было проехать на телеге. С ними приехали женщины и подростки помогать готовить, охотиться и работать. Стали определять места под дома, один ряд домов – окнами на восток, а второй – на запад, так подсказывало им расположение пригорка.

Петряйка Головкин выбрал себе место на самом высоком месте пригорка. От него уклоны шли к югу и северу. Борисовы выбрали место под дома в ста метрах от Петряйки к северу, они построили себе два дома. Позднее на свободном пространстве между ними были построены еще два дома и выкопан пруд.

Братья Михайловы построили свои три дома напротив Борисовых, а сыновья Андрея Иванова – два дома напротив Петряйки. Для начала сделали разметку под дома, выбросили из-под будущих домов верхний плодородный слой земли. Вместо него с реки на телегах навозили песок и заполнили им получившиеся ямы. Под углы привезли большие речные камни. В это время в стороне четверо рубили одновременно два сруба безо мха. Позднее к ним присоединились другие и рубили еще два сруба. За лето все восемь срубов были сделаны и сложены там, где должны быть. Пазы между бревнами прокладывали мхом.

Из осин накололи плахи, похожие на доски, этими плахами pokrыли крыши. К осени дома были готовы, в сентябре начали делать глинобитные печи, тут же обжигали кирпичи для пода. Для получения глины копали яму до глиняного слоя, перекапывали там, на месте глину и заливали ее водой. На другой день глину для печи в яме

сбивали трехгранной деревянной колотушкой с длинной ручкой. Яма, откуда брали глину для печки, называлась глинокопией. Такие ямы обычно копали за деревней. В Петряйцево их выкопали в 100 метрах к северу от последнего дома Борисовых. На этом месте позднее выкопали пруд и назвали его «*savibruwdu*», в переводе – глиняный пруд. Такие же пруды после глинокопий были во всех карельских деревнях.

Глину переносили в можжевеловых или еловых бадьях к дому, ее еще раз перемешивали такой же деревянной колотушкой с короткой ручкой и били из нее печь. В глинобитной печи лишь ее под был сложен из кирпича, всю остальную часть печи делали из глины. Глиняную печь топили понемногу и долго, чтобы она не растрескалась. Печной боров сначала делали из дерна, а потом стали делать из кирпичей.

Весной 1650 года в деревню Петряйцево из Грудина переехали 8 семей: Петряйка Головкин, двое братьев Борисовых, трое братьев Михайловых, два сына Андрея Иванова, первые 42 человека огласили своими голосами окрестные леса вокруг деревни. Деревня стояла в лесу: к северу лиственный лес, к западу – ельник переходил в смешанный лес, к югу заросли ольхи и мелкого леса, к востоку – низина с ивовым кустарником. Для начала решили обрабатывать землю там, где легче было корчевать, – к югу от деревни. Поля засеяли льном, овсом и ячменем.

Через два года в Петряйцево во вновь построенные дома из Грудина переехали к своим сыновьям Федор Борисов и Андрей Иванов. Из деревни Прокино переехали Федоровы и семья Тарасовых, потом пришли Базловы. К 1660 году в деревне было уже 10 домов и более 50 жителей, все карелы. На окнах домов были натянуты бычьи пузыри.

Одновременно с ними в 1650 году в деревне Душково поселились: Душка Афанасьев на самом высоком месте горы, рядом с ним две семьи Медведевых, потом Гордеевы и Василий Мартынов. Дома они построили в один ряд окнами на юг. Через два года в деревню приехала семья Ларионовых, которая поселилась напротив Афанасьева. В Муравьево переехала семья Кузьмы Игнатьева.

Местность вокруг деревень стали освобождать от леса и кустарников, засеивать льном, рожью, овсом и ячменем. Сыновья отделялись от отцов и строили дома рядом или напротив родительских. К 1662 году проживали: в Петряйцево – 13 семей, в Муравьево – 6 семей, в Поцепе – 4 семьи, в Душкове – 7 семей.

Карелы продолжали строить новые деревни и заселять заброшенные. В деревню Байки пришла семья Якима Семенова, прибывшая в Прокино

в 1634 году. Туда же пришел Ортем Григорьев в 1647 году. Бывшее русское село Борисоглебское стали называть Корельское Кошево, туда в 1651 году пришел Исаак Иванов, а в 1659 году – пришел Ермолай Михайлов.

В Горбовец подошла семья Кузьминых, из Грудина сюда перевезли семью Захаровых, пришли Григорий Леонтьев, Яков и Иуда Ермошины.

Артемьевы первыми поселились в соседней деревне Калиниха, которую построил Калина Артемьев. Терентий Федоров вместе с семьей Орловых стал в лесу строить свою деревню, которую по его имени назвали Терехово. В соседней деревне Акинихе, которую построил Акинша Захаров, поселилась семья Шамшевых, позднее их потомки расселились и в соседней русской деревне Хотене. В деревню Бережки пришел Друзин Игнатъев, а его брат Климент стал строить дом через реку на горе, и деревня эта стала называться по его имени – Климантино.

К 1662 году вокруг погоста Кошева Корельского было 12 карельских деревень с 45 дворами и 226 жителями. А в это время «знатцы» приводили все новые и новые партии людей по 3–5 семей. Карелы ютили их на первое время в своих домах, потом помогали новым семьям находить пустующие дома или строить новые деревни. Были заселены бывшие русские деревни Поцеп, Шейно, Кошево, Гремячиха, Горбовец, Бережки и Байки. Карелы на новых местах построили деревни Петряйцево, Душково, Терехово, Акиниха, Калиниха и Климантино.

Так случилось, что примерно в 10 километрах друг от друга оказались два села под названием Кошево. Тогда власти решили оставшихся карел из деревень Грудино и Прокино перевести через лес в Петряйцево, Душково и Муравьево. Оставили там только русское население и погост назвали Русско-Кошевским. Погост, вокруг которого расселились карелы, стали называть Кошево Корельским.

Укоренение на землях Бежецкого Верха

В 1662 году в деревнях Русско-Кошевского погоста Грудино и Прокино появились два писца. И объяснили, что по указу царя Алексея Михайловича Романова им надо переписать подушно всех живущих здесь карел, их дома, скот, землю и имущество. Затем решить, что с ними делать дальше – оставить здесь или перевезти всех в создаваемую неподалеку Корельско-Кошевскую дворцовую волость. Перепись

карел-перебежчиков проводилась через год после заключения Кардисского мирного договора между Россией и Швецией.

Настоятель Угличского Алексеевского монастыря, кому принадлежали эти деревни, узнав о переписи карел, отправил в монастырские деревни монахов на лошадях. Они должны были увезти всех карел и спрятать их на время переписи за широкими монастырскими стенами. В это же время карел из других деревень Дор, Горка, Рудихово, Желобни попытался спрятать у себя местный помещик.

Упрямые карелы заявили: «Крепостей на нас за вами монастырь нет и работать нас и тягла тянуть и пятины давать насильно не заставишь». Они убежали через лес к своим сородичам в Петряйцево, Душково и Муравьево. Писцам ничего не оставалось делать, как вернуться обратно в поселение Городецко (нынешний город Бежецк).

Они доложили руководителям наместничества, что переписать карел, поселенных на монастырских и помещичьих землях, они не смогли, и объяснили ситуацию.

Та первая перепись карел указом государя Алексея Михайловича Романова была поручена Федору Аксакову. Тот дал поручение уездным воеводам. Перепись проводилась на территориях Бежецкого, Новоторжского, Угличского и Ярославльского уездов. Несмотря на то, что монастыри и помещики скрывали карел, как дешевую рабочую силу, не давали их переписывать, было тогда переписано 1143 карельских двора. Всех этих карел Федор Аксаков отписывал в дворцовые волости из всех монастырей, помещиков и вотчинников. Через три года писцы вернулись, чтобы опять попытаться переписать карел.

В деревнях Корельско-Кошевского погоста перепись прошла в 1662 году чинно и благородно. Карелы жили в своих домах, к тому времени уже было 12 карельских деревень. В каждой деревне было от 2 до 10 домов, карелы разрешали писцам переписать всех людей, дома имущество и скот. Они уважали государя Алексея Михайловича Романова за то, что он разрешил им поселяться на землях Бежецкого Верха в заброшенных деревнях, строить новые деревни. Освободил их от налогов и податей. Карелы понимали, что перепись нужна для того, чтобы перевести всех карел от подчинения монастырей, помещиков и вотчинников под его государеву опеку.

Отработав снова около недели в деревнях погоста Корельское Кошево, писцы направлялись через лес в Русско-Кошевский погост, где в деревнях жили карелы вместе с русскими. Они пришли в деревню Груды-

но, проработали два дня. Пришли люди от местного помещика и побили писцов. Карелы, отогнав обидчиков, вылечили писцов и стали защищать их. Писцы смогли переписать карел деревень Грудино, Прокино, Дор, Рудихово и Горка. Предложили им переселиться на территорию создаваемой Корельско-Кошевской дворцовой волости. Кто-то сомневался, кто-то хотел остаться жить там, где они прожили уже по 20–30 лет, родились дети, не знающие никакой другой родины, кроме этой.

С 1662 года была образована Корельско-Кошевская дворцовая волость, согласно переписной книге Бежецкого Верха 1709 года, к тому времени она уже существовала. С 1766 по 1776 годы волость относилась к Бежецкому уезду, с 1776 по 1796 год – к Краснохолмскому уезду. После ликвидации в 1796 году Краснохолмского уезда деревни волости снова отнесли к Бежецкому уезду.

В 1797 году, при переводе дворцовых деревень в удельное ведомство, Корельско-Кошевскую волость отнесли к Столбовскому отделению Чамеровского сельского приказа. В составе Столбовского отделения Чамеровского сельского приказа она сохранялась до реформы 1863 года.

* * *

«Знатцы», возвратясь с группами карел в Прокино и Грудино, не остав там ни одного карела, вели людей дальше по дороге. Они останавливались в заброшенной деревне Синяево, шли дальше в Гладышево, Прилуки, Сносы, Моисеиху и другие деревни будущего Кашинского уезда. Так вокруг погоста Прилуки родился еще один островок из 9 карельских деревень.

В 1666 году всех оставшихся карел Русско-Кошевского погоста воеводы и посыльные с помощью приставов силой перевезли в пустующую деревню Синяево. Между русскими деревнями Горка, Анисимово, Сорокино, Власово появилась чисто карельская деревня Синяево.

В 1669 году писцы переписали всех карел, проживающих в Угличском уезде. Там карелы занимали пустующие деревни, не желая оттуда выезжать. Перед их настойчивостью вынуждены были уступать такие люди, как архимандриты монастырей.

В Угличском уезде (позднее эта территория вошла в Кашинский уезд) оказалось более 50 карельских дворов. Карел решили свезти в

один приход, образовали для этого карельский Прилуцкий приход с деревнями Никола, Ястребиха, Григоровка, Селы, Моисеиха, Сносы, Синяево и Гладышево.

Карельскую деревню Синяево, стоящую среди русских деревень, так же отнесли к погосту Прилуки. Свезенные сюда карелы обустроивались на новом месте, некоторые из них бежали в деревни Корельско-Кошевской дворцовой волости, где жизнь уже наладилась и была стабильной, карелы там работали только на себя. Ряды карел постепенно увеличивались.

Особенно много карельских семей пришли во время войны 1656–1658 годов. Тогда Швеция воевала с Польшей и Данией. Воспользовавшись этой войной, русские стали толкать карел Карельского перешейка на восстание. Восстание было подавлено, и карелы устремились на земли Бежецкого Верха. «Знатцы» не успевали приводить группу за группой. Некоторые семьи приходили самостоятельно, блуждали по землям и окрестностям Олонца, Тихвина, Валдая, Ярославля, Москвы. Карелы находили постоянное место жительства через 10–15 лет после выхода с Карельского перешейка, а иногда и более.

Уездные воеводы посчитали, что движение и перемещение карел закончилось, и решили провести окончательную их перепись **в 1678 году**. Определить, каких карел перевезти в государственные дворцовые волости, каких оставить за монастырями, помещиками и вотчинниками. Эта была самая кровавая перепись карел. Помещики и вотчинники скрывали их, не давали переписывать и вывозить карел в дворцовые волости. Они били, рубили, убивали писцов и посыльных.

Монастырские и помещичьи карелы скрывались в лесах, уходили в карельские государственные волости и погосты. Так толком их не смогли переписать, хотя пытались это сделать и в 1682 году. Через 20 лет в 1698 году карелы стали обращаться с челобитными к царю. Они писали, непонятно почему оставались за монастырями и помещиками, если в 1678 году были сысканы и отписаны к государеву двору. Одновременно помещики и вотчинники, стольники и дворяне в тот же год просили государя оставить за ними тех карел, которые были отписаны в их владения в 1678 году.

Выросли дети первых переселенцев карел, подрастали внуки. Многие из них отделились от родителей и жили своими хозяйствами. В деревне Петрайцево к 1690 году было уже 19 домов и 98 жителей, в Душкове – 15 домов и 76 жителей. К этому времени были вырублены

леса вокруг деревень до рек и ложбин, которые стали естественными границами между деревенскими угодьями. Надо сказать, что эти границы сохранились до самой смерти карельских деревень.

Как на Карельском перешейке и Приладожье, при переселении на земли Бежецкого Верха карелы по-прежнему применяли опыт отдельного поля на одну семью, не допуская чересполосицы. В результате того, что каждая карельская семья выращивала необходимые и выгодные культуры, их хозяйства быстро развивались. Долгое время они вели, в основном двупольную систему обработки земли. Одна половина поля засеивалась рожью, вторая – ячменем. Овощи сажали не в поле, а в огороде своего приусадебного участка. Постепенно карелы перешли на трехпольную систему, засеивая третье поле овсом или льном. В общем пользовании каждой деревни оставались луга и лес.

Вокруг Петряйцева эти поля были в радиусе с полкилометра во все четыре стороны. Позднее жители деревни перешли реку в сторону Поцепа, до которого было два километра, и углубились полями еще на полкилометра. Поцеповские рубили лес навстречу, оставшиеся 150 метров ольшаника между полями двух деревень остались границей до конца их дней.

Жители деревни Душково, обработав землю вокруг деревни, на берегу реки оставили часть смешанного леса, сохранившегося до наших дней. Они перешли реку и стали рубить лес в сторону Петряйцева до ложбины.

Скорее всего, не случайность в том, что число первых обработанных полей вокруг деревень равнялась числу хозяйств. Например, деревню Петряйцево основали восемь хозяйств, и полей сначала тоже было восемь: три поля от деревни до реки Теплинки, два поля с обеих сторон выгона в ельник и три поля от деревни к речке Оносиха. Душково основали шесть хозяйств и первых полей тоже шесть: два поля за рекой к деревне Петряйцево, два поля с обеих сторон выгона в свой ельник, поле к реке Каменка и поле к деревне Шейно.

Деревню Поцеп основали четыре хозяйства и число первых полей четыре: одно в сторону русской деревни Слепнево, второе к лесу – Жиденка, третье за рекой к Петряйцеву и четвертое между реками Каменка и Сеньковской рекой.

Границы между полями определились реками, логами, ложбинами, дорогами или оставленными перелесками. Хорошая почва была после ольшаника, так как ольха растет на плодородных землях. В эту почву

сеяли лен, старались сеять в первый год погуще, чтобы урожай был богаче. Каждый год поле прибавляли, отодвигая лес все дальше и дальше от деревни. Сначала на каждом поле было четыре полосы: ржи, овса, ячменя и льна. Позднее стало шесть полос, добавились полоски конопля и гречихи. Каждое поле было ограждено изгородью из жердей.

Жители одного конца деревни корчевали лес и обрабатывали поле со своей стороны, другого конца деревни – со своей стороны. Хозяйства с середины деревни чаще всего рубили лес и обрабатывали землю за усадьбами деревни. Первые поселенцы деревень Петряйцево и Душково поделили пашню по 10 десятин на душу. Общинные сенокосные угодья также поделили на наделы.

Когда весной подрастали всходы на полях, хозяева обходили поле, смотрели, не остались ли огрехи земли, которые надо подсеять. Хозяйства становились богатыми хлебом, могли давать хлеб в долг или за работу. Карелы приходили отовсюду жить в эти деревни к своим сородичам иногда ни с чем. Они знали, что среди людей с голоду не умрешь.

В Петряйцево, как и других деревнях, люди жили полноценной жизнью: много работали, рожали и воспитывали своим примером детей, радовались им и урожаям, печалились в горе и смерти, гуляли праздники, играли свадьбы. Жили общиной, оградили деревню забором из жердей, поставив двое ворот на выезде к деревням Грудино и Поцеп. В Душково был выезд из этих же ворот, повернув налево на 90 градусов. Мужики выкопали восемь прудов на концах деревни и посередине ее для поения скота и тушения пожаров.

Тверские земли такие же малопродуктивные, как и на их родине в Приладожье. Поэтому, кроме земледелия, карелы стали активно развивать животноводство. Каждая семья имела по 1–3 коровы, 1–2 лошади. Завели общественного быка, построили для него двор, ухаживали по очереди.

Работали, бедностью не хвастались, говорили, что когда собирается вся родня, так и работа идет играючи. Деревенские жители помогали новым хозяйствам вставать на ноги. Делали общественные выгоны для скота в лес. Участки леса сначала загораживали не забором, а осеком – изгородью из сваленных друг на друга деревьев. Для осека рубили ольху, осину, сухие ели, кустарник, подтаскивали валежник. Осеки не давали скоту уйти из леса, где его пасли.

Из срубленных елей строили дома, сараи, житницы, кузницы, риги. Постройки сначала крыли пластами еловой коры. Ее снимали

с бревен, рубленных во время сокодвигения. Потом стали их крыть соломой. Для этого стропила делали с загнутыми концами, на которых держалось верхнее бревно. К нему вершинами верх крепили плахи с сучками. На них нанизывали снопы соломы, а сверху ее крепили жердями, которые укладывали на торчащие сучки. Соломенную крышу делали крутой, чтобы хорошо стекала вода. Потом дома стали крыть осиновыми плахами, наподобие досок. Их кололи с помощью клиньев, приговаривая: «Клин туда идет, куда его колотушкой забивают».

Позднее, когда появились продольные пилы, стали пилить осинные доски и крыть ими крыши. Потом начали крыть их дранкой.

Все деревья, даже очень толстые, рубили тогда топорами, ими же рубили и избы. Позднее углы стали обрабатывать скобелем.

В лес всегда ходили с топором, говорили, что в лесу без топора, как без рук.

В лесу богато не проживешь, нужны топоры, пилы, гвозди, лошади. Их можно было купить на ярмарках, которые проводились в поселении Городецк, позднее город Бежецк. От Петряйцева до Городецка было 18 километров через Поцеп, Слепнево, Терebene, Градницы и Заручье. Ездили туда на лошадях, иногда ходили пешком. Возили продавать льноволокно, скипидар, деготь, древесный уголь, лапти, изделия из дерева, корзины. Ярмарка лошадей проводилась два раза в год. Там же карельские мужчины покупали себе на праздник красные кумачовые рубахи. Карельские женщины приезжали на ярмарку в сороках, а русские любили носить платки. Иногда они посмеивались над карелками из-за незнания русского языка «Говорить по-русски не умеют, только ломают русскую речь». Приезжавшая на ярмарки карельская молодежь все больше и больше знала русских слов.

Перед поездкой в Бежецк под телегу вешали ведро с дегтем, по названию логунок. Колеса, оси, чеки на телеге были деревянными, поэтому дорогою останавливались и смазывали их, чтобы не скрипели и не истерлись. Трава по обочинам дороги была измазана дегтем от тележных колес.

Мостов через реку еще не было, переправлялись вброд, где мелко. С двух сторон берега реки в этих местах делали отлогими. Эти броды сохранились до наших дней на всех речках рядом с построенными мостами. Для перехода пешком делали лавы из 2–3 бревен.

Жители глухих лесных карельских деревень были крутые характером, жесткие по нраву, прямолинейны, порою злые и нетерпимые.

Но всегда помогали друг другу. Своей работой, своей жизнью, своим примером карелы показывали, что человек ни дня не живет ради смерти, он живет только ради жизни. Плохих людей в деревне не было, не было и обычая запираить двери. Дети оставались жить в своей деревне, женившись, сын начинал возить лес для строительства дома, строился рядом с родителями или в конце деревни. Когда был построен новый дом, все соседи приносили в него по полену, говоря: «Несу вам тепло».

Карелы очень бережно и любовно относились к своей кормилице – корове.

Через неделю после отела корову обмывали и окуривали. Для окуривания в плошку клали угли от березовых поленьев, ягоды можжевельника и богородскую травку. Богородскую травку собирали накануне Иванова дня 6 июля и сушили ее. С дымящейся плошкой обходили корову, ее стойло, хлев и двор. После окуривания взрослые начинали есть молоко. А еще через неделю, как обмыли и окурили корову, молоко можно было давать и детям.

Весной скотину первый раз выпускали пастись на Егория шестого мая. Провожали корову в поле с веточками прошлогодней вербы, которую брали с божницы. На божнице оставалась свежая верба до следующей весны. Выгнав коров в поле, каждый хозяин или хозяйка с вербой в руках пытались обойти стадо, потом вербу оставляли воткнутой в полосу поля. В этот день у пастуха в сумке было крыло птицы, яйцо и образок.

Считалось, что если зимой окуришь корову после отела, а весной обойдешь стадо, то корова будет под покровом.

Окуришь травами покровителей коровы, останется она в лесу ночью и окажется под покровом хозяина леса, не пропадет, в болоте не утонет, волки ее не съедят.

Чтобы всякие духи не приближались к стаду, пастухи стригли себе волосы только до начала пастьбы и не стриглись до окончания пастбищного сезона. Да и в дом всяких духов не пускали иконы, а на двор – окуривание. Духи обитали на чердаке, в подполье и в бане.

За скотиной внимательно наблюдали, если захромала, ей смазывали копыта чистым дегтем.

Нанятые пастухи были на постое по очереди, где ночевали и кормились. Чем больше скота было у хозяина, тем больше раз останавливались у него пастухи. Пастуху во время пастьбы не разрешалось собирать ягоды и грибы, чтобы не отвлекался от дела, а был со стадом.

Каждое утро сторож будил пастуха, а пастух игрой на рожке будил хозяек доить коров. Пастух играл до Покрова 14 октября, после Покрова он стадо уже не пас. Зимой сено в ясли корове клали руками, ратряхивая его. Боялись, чтобы не попало мышинное гнездо, от которого корова могла заболеть.

Карелы были верны поговорке: «Где родишься, там и пригодишься». Свадьбы игрались в пределах своей карельской округи.

На свадьбы и праздники карелы надевали красные кумачовые рубахи и подпоясывали их также красным поясом. В обычные дни мужчины носили холщевые рубахи длинные, едва не до колен. Рубахи обязательно подпоясывали поясом или кушаком, ходить без пояса считалось грешно. Мальчики свои рубашки также подпоясывали. Очень бедные иногда подпоясывались веревкой или даже лыком.

Девушки заплетали одну косу, обычая заплестать две косы у девушек-карелок не было. Две косы заплетали уже замужние женщины, в косы вплетали ленту, женщины волосы прибирали под сороку.

Таким образом, у карел жизнью была отработана деревенско-христианская культура, прежде всего культура труда и образа жизни. Эта деревенская культура стала базироваться на общине и церкви. Община руководила хозяйственными делами, а церковь занималась духовной жизнью. Сформировавшийся уклад жизни воспитывал высоконравственного человека, обладающего высокой духовной культурой.

Карелы, которые пошли от Сандова не в село Спас наХолму и далее, а свернули влево, остановились в 4–8 километрах от Сандова в деревнях Григорцево, Дымцево, Мякишево, Сухомолово и других. Все эти 18 деревень будущей Залужской волости Вельсегонского уезда стали помещичьими.

До отмены крепостного права в 1861 году карелы, которые стали помещичьими, как и русские крестьяне, отрабатывали барщину. Ее отрабатывали те дворы, которым помещик выделил за их труд участок земли (тягло) для собственного хозяйства.

Барщину отрабатывали мужчины до 60-летнего возраста и женщины до 55 лет, холостые парни и незамужние девки барщину не отрабатывали. Среди тверских помещичьих карел на 100 переписанных взрослых крестьян барщину отрабатывали от 35 до 40 тягол. Работа на барщине была определена законами 3 дня в неделю, за исключением праздников, а всего – 135 дней в году. В самые длинные летние дни крестьяне отрабатывали барщину до 12 часов, в короткие зимние

дни – 6 часов, на молотье по 3 часа в день. Барщину крестьяне отработывали на своих лошадях, по одной лошади от каждого тягла, и своими орудиями. Каждая половина деревни, или посад, поочередно работали по три дня на помещичьих полях.

Если крестьяне проживали далеко от имения помещика или они занимались промыслами, по договоренности с помещиком вместо барщины платили оброк. Сумма оброка зависела от площади переданной крестьянину земли и от дохода его промысла.

Многие переселившиеся на Бежецкий Верх карелы, в том числе и в деревни Корельско-Кошевской дворцовой волости Бежецкого уезда Тверской губернии, были не помещичьими, а дворцовыми, с 1797 года они стали удельными крестьянами. В одном километре от карельской деревни Горбовец берет свое начало река Уйвешь, с берегов которой уходили веяне 800 лет назад, и вернулись сюда карелами.

Русский город в центре Ингрии

Пользуясь тем, что шведский король Карл XII воевал в Польше, русский царь Петр I в 1702 году постепенно все больше и больше овладевал балтийским побережьем. 16 июля 1702 года русские войска пошли в наступление по территории Лифляндии. Они напали на замок Гельмет, находившийся недалеко от Чудского озера.

Его охраняли несколько десятков шведских и лифляндских офицеров и около тысячи солдат. Призванные на службу местные крестьяне разбежались по домам при первом пушечном выстреле русских. 4 августа того же года русские подошли к городу Мариенбургу и начали его осаду, которая продолжалась двадцать дней. Захватив всю территорию Лифляндии, русские войска взяли в плен несколько тысяч мужчин, женщин и детей, более 20 тысяч лошадей и скота. От Лифляндии не осталось ничего, солдаты и офицеры все, что смогли, съели, выпили и взяли с собой, а остальное порубили, покололи и сожгли.

В числе пленных оказался пастор города Мариенбурга Эрнст Глик и его воспитанница, сирота Марта, 1684 года рождения, дочь Самуила Скавронского. 18-летнюю пленницу взял себе предводитель русского войска Борис Петрович Шереметев. Вскоре она приглянулась лучшему другу царя Александру Меншикову, который выкупил Марту.

Через полгода в мае 1703 года Петр I, увидев ее у Меньшикова, влюбился. В том же году она была крещена в православие под именем Екатерины Скавронской, как называл ее Петр I. Крестным отцом был наследник престола царевич Алексей Петрович, по нему названа она была Екатериной Алексеевной.

25 апреля 1703 года Петр I с войском в 25 тысяч человек подступил к шведской крепости Ниештанц на берегу реки Невы при впадении в нее Большой Охты и Малой Охты. Ранее на этом месте до 1301 года была крепость Ландскрона. После ее разрушения новгородцы построили здесь крепость Новый Острог. Овладев крепостью в 1581 году, шведы возвели свою крепость Ниеншанц, они называли реку Неву словом «Ниен».

После захвата Карельского перешейка и Ингерманландии в 1581 году некоторые шведы переселились туда из центральной Швеции, в том числе из ее столицы города Стокгольма. Король Швеции жаловал своим подданным поместья на завоеванных землях. Среди других в поместье Ниенбонинг прибыл шведский дворянин Павел Сван. Он построил свой дом на берегу Невы, где позднее воздвигли Мраморный дворец. Павел Сван попал в историю потому, что напротив него, на острове Янни-Саари стояла избушка ижорского рыбака. Именно на месте этой избушки царь Петр I в 1703 году приказал построить себе домик.

Первого мая 1703 года Петр I после пятидневной осады овладел этой шведской крепостью. Он поднялся на высоту, близкую к Неве, на перекрестке дорог из Ямбурга (ныне город Кингисепп. – А.Г.) и Новгорода, стал обозревать местность, покрытую лесами и болотами. За Невой был виден дикий карельский берег. Нева обнимала своими водами острова Койво-Саари (Березовый остров), Киви-Саари (Каменный остров), Янни-Саари (Заячий остров), Рету-Саари (остров – Котлин) и другие острова. Потом царь с окружением пошел на лодке вдоль Невы, остановился напротив острова Янни-Саари и велел строить на нем дом для себя, заявив, что здесь будет заложен город Санкт-Петербург.

Б.П. Шереметев обратил внимание царя на дремучие леса, непроходимые болота и высокое дерево, на котором сначала ижорцы и карелы, а потом шведы отмечали уровень подъема воды во время наводнения. Царь ответил, что леса срубят на дома, пленные шведы осушат болота, а дерево надо срубить немедленно. Именно здесь, на острове Янни-

Саари, были заложены первые постройки города Санкт-Петербурга **16 мая 1703 года** [71].

Самым первым строением города была земляная крепость с шестью деревянными бастионами. Стены этого укрепления и бастионы строились по планам самого царя Петра I. Он же вместе со своими сподвижниками осуществлял надзор за строительством. Имена сподвижников царя носят теперь бастионы Петропавловской крепости, построенной позднее на этом месте: Государев, Меншиков, Головкин, Зотов, Трубецкой и Нарышкин. В 1706 году начали заменять земляные и деревянные укрепления будущей Петропавловской крепости на кирпичные.

29 июня 1703 года на том же Заячьем острове была заложена деревянная Петропавловская церковь. 8 июля 1712 года эту деревянную церковь начали заменять каменным собором, который строили 21 год. Собор был освящен 27 июня 1733 года.

Неподалеку от Петропавловской крепости в 1704 году был заложен Летний сад, на территории которого построили Летний дворец Петра I. В том же году на противоположном, южном, берегу Невы заложили башню Адмиралтейства – как крепость и верфь. Эта крепость первоначально также была земляной. Первые постройки в городе начинали строить войска и переселенные сюда финны.

Нужно отметить, что к 1500 году на территории Ингрии проживали 67 752 жителя, из них абсолютное большинство были представителями финских племен – ижорцев, води, финнов и эстонцев. По данным финского профессора Вейо Салохеймо, ко времени основания города Санкт-Петербурга в Ингрии проживали около 71,7 тысяч ижорцев и финнов. В период с 1623 по 1675 год из Выборгской Карелии сюда переселились 3065 человек. С территории Корельского уезда с 1623-го по 1643 год в Ингрию пришли 846 человек.

В связи с образованием в 1706 году Ингерманландской губернии всех представителей финских племен, проживавших в то время на территории Ингрии, русские стали называть ингерманландцами, а территорию – Ингерманландией.

После победы над шведами под Полтавой 27 июня 1709 года Петр I энергично принялся за обустройство Санкт-Петербурга, где уже работали 40 тысяч человек со всех уездов, волостей и погостов. В декабре 1709 года царь велел собрать дополнительно еще 40 тысяч рабочих. Речку Кемь переименовали в Фонтанку, речку Мия в Мойку, остров

Хирви-Саари называли Васильевским. Петербургскую сторону, или непосредственно сам город, начинали строить на острове Койви-Саари.

12 июля 1710 года русские завладели крепостью Виппури (Выборг), а в октябре того же года овладели крепостью Кексгольм (Корела). Часть Балтийского побережья и Ладога, которых добивался Петр I, навсегда достались России.

19 мая 1712 года Петр I перенес столицу из Москвы в Санкт-Петербург, который только начинал выстраиваться. Главную часть города составляли Петербургская и Выборгская сторона на правом берегу Невы. Частных домов было мало, их строили знатные бояре, отличившиеся в боевых походах, начальники перевезенных из Москвы казенных заведений. Частные дома были глинобитными мазанками. Казенные дома, которые занимали чиновники и солдаты, были простыми деревянными избами.

На левом берегу Невы были построены: Смольный двор, мазанки князя Александра Меншикова, деревянный собор святого Исаакия, Адмиралтейство из глины с деревянным шпилем. Также к 1712 году были построены: Навигаторская школа, дом адмирала Апраксина и деревянный Зимний дворец. Начинали строить каменный Летний дворец с садом. Васильевский остров тогда еще был сплошь покрыт лесом. Каменный остров царь Петр I передал канцлеру графу Гавриле Ивановичу Головкину.

Рядом с домиком Петра I был построен Посольский дом, принадлежащий князю Меншикову, для приема посланцев из других стран. Это был одноэтажный мазанковый дом в восемнадцать окон по фасаду.

Пространство от Мойки до Фонтанки еще было сплошь покрыто болотами и лесом. Тогда еще была жива ижорская Калинкина деревня, где сейчас Калинкин мост. При Петре I мостов в городе не было. Каждый хозяин был обязан иметь лодки, число которых зависело от его достатка. Берега Невы, Фонтанки, Охты были заполнены вбитыми кольями, к которым привязывались лодки.

После 1712 года в Санкт-Петербург ежегодно направляли на строительство города по 40 тысяч казенных, то есть государственных крестьян и до 10 тысяч солдат и плененных шведов. При такой деятельности за два года число зданий в 1714 году удвоилось по сравнению с 1712 годом [72].

Северная война со Швецией продолжалась, в тот год (7 августа) русский флот одержал первую морскую победу над шведами у мыса Гангут в Балтийском море.

К 1720 году новая столица России, возникшая по велению Петра I на карельских и ижорских землях, изумляла иностранцев своей обширностью и красотой. В длинном ряду зданий от Смольного двора до места, которое было названо Новой Голландией, на левом берегу Невы красовались дворцы: царевича Алексея Петровича, Литейный, Летний, деревянный Зимний, дом адмирала Апраксина, Морская академия, Адмиралтейство – глиняное здание с деревянным шпилем, окруженное валом и рвом.

Далее шли: Исаакиевский собор и астерия князя Меншикова. Она представляла собой небольшое четырехэтажное здание. Посредине главного фасада находилась дверь, справа и слева от нее по два окна. К дому приделан деревянный навес на шести тонких колоннах. В астерии продавали казенные дорогие водки, иностранные вина и закуски. Продажей их заведовал бургомистр и несколько купцов. Сюда любил заходить царь Петр I после обедни в Троицкой церкви в дни праздников и после присутствия в Сенате в будние дни. Он выпивал со своими приближенными водки и шел дальше править государственные дела.

Главную часть города составляла Петербургская сторона. Там, кроме деревянной Петропавловской крепости и множества ветряных мельниц на валу, красовались соборы Петропавловский и святой Троицы. Соборную церковь святой Троицы построили по указанию царя в 1710 году в память заложения города Санкт-Петербурга, так как он был заложен в праздник святой Троицы. Храм был небольшим деревянным, в стене со стороны Невы было пять окон и дверь. Столько же окон и в противоположной стене. Над церковью возвышалась четырехугольная колокольня в два яруса и небольшой шпиль. В 1714 году к церкви пристроили большую трапезу, а также по приделу с обеих сторон, отчего здание получило крестообразный вид. Позднее на колокольне повесили колокол, взятый в городе Або (Турку) у шведов после победы в Северной войне 1721 года [73].

К 1720 году уже были построены каменные палаты графа Г.И. Головкина, Брюса, Шафирова, князей Долгоруких, Кикина. Дом адмиралтейского советника Александра Васильевича Кикина стали использовать под другие цели с 1718 года, после того, как его казнили за поддержку царевича Алексея.

На Петербургской стороне выделялся дом князя Ивана Ивановича Бутурлина по колоссальному Бахусу на бочке, который занимал в

крыше место фонтана. Но все строения города тогда превосходил великолепный дворец на Васильевском острове, который принадлежал князю Ингрии, Эстонии и Ливонии генералу-фельдмаршалу Александру Даниловичу Меншикову, обращенный на Неву. С правой стороны дворца стоял каменный дом его дворецкого Соловьева [74].

В те времена каменные дворцы стояли возле мазанок и деревянных домов. Дома, крытые железом, рядом с домами, крытыми тесом. Некоторые мазанки были простые, а некоторые – образцовые. Они строились по примерному чертежу, утвержденному царем Петром I. По фасаду в середине находилась дверь с крыльцом в три ступени. С правой и левой сторон по фасаду в доме было по три окна.

Таким образом, на месте бывшей шведской крепости XIII века Ландскрона, суждено было основать город Санкт-Петербург, который на протяжении двух веков являлся столицей Российской империи. Эту крепость в самом начале XIV века у шведов завоевала Россия и назвала Новый Острог. В 1581 году ее снова отвоевали шведы и переименовали в крепость Ниеншанц.

Отвоевав у шведов во время Северной войны территории южных погостов Корельского уезда, Лифляндию и Курляндию, 11 мая 1721 года Петр I издал любопытный указ «Об уборке хлеба косами». В нем он указывал, что в здешних местах у мужиков есть обычай вместо серпов хлеб снимать малыми косами и граблями. Перед нашими серпами гораздо спорее и выгоднее, средний работник за десять человек работает.

Сыскав таких людей из здешних мужиков, их послали с нарочными офицерами в хлеборобные города России для обучения работать такими косами и граблями. Написали губернаторам и воеводам, чтобы они распорядились сами и послали их в те места, где лучше родится хлеб, и определили их пропитанием и деньгами. Губернаторы и воеводы в последних числах сентября или первых числах октября должны были отрапортовать императору и в камер-коллегию, сколько за лето выучено косцов на местах, сколько кос и грабель сделано, сколько, таким образом, скошено хлеба, и чьи мужики, отправленные или местные, его скосили.

30 августа 1721 года в городе Ништадт (теперь город Уусикаупунки в Финляндии) между Россией и Швецией был заключен Ништадский мирный договор, прекративший долгую Северную войну. По этому договору к России от Швеции отошли Прибалтика, Карельский

перешеек, Приладожье и Ингрия, а Швеции возвращена территория Финляндии. В числе этих территорий Швеция уступила России в вечное владение Карельский перешеек с городами Корела и Выборг. Однако согласно Ништадскому договору эти территории не были уступлены, а были проданы Швецией России за огромные деньги – 2 млн талеров (ефимков).

Оставшиеся на Карельском перешейке карелы пожелали покинуть «родовое гнездо», чтобы воссоединиться со своими соплеменниками на территории нынешней Карелии и на Тверской земле. Петербург со всех сторон окружали деревни финских племен – с севера дикий карельский берег с деревнями карел, с юга – ижорские деревни. Бывшая крепость Ниештанц находилась в двух километрах от Невского проспекта, на северном карельском берегу Невы при впадении в нее реки Охты. В эту крепость в начале XVIII века были переселены некоторые ижорцы из своих деревень.

После освобождения земель бывшего Корельского уезда от шведов император Петр I стал дарить эти земли своим приближенным. Земли погоста Рауту, откуда на тверскую землю пришли наши предки, он подарил князю Никите Ивановичу Репнину, графу Девиеру и генерал-лейтенанту Степану Лопухину.

Хозяевами погоста Пюхьярви стали Матвеевы, Салтыковы, государственный советник Иван Потемкин и князь Трубецкой, который получил земли «в вечное и собственное управление».

Сюда снова вернулись некоторые карелы с тверских земель, став «охтинскими поселянами». Они были приписаны к Адмиралтейству для проведения корабельных работ, так как являлись хорошими плотниками и столярами. Их жены занимались животноводством и продавали молоко жителям Петербурга. Положение охтинцев было выгодным, они жили в деревенском поселении и одновременно – в столице.

В 1725 году в городе Санкт-Петербурге провели первую перепись жителей, их насчитывалось около 40 тысяч [75].

К этому времени Петр I сначала ограничил, а затем и полностью запретил купцам вывозить свои товары за границу через Архангельск, который с 1617 года был центром зарубежной торговли. Одновременно русский император вдвое сократил пошлины на товары, шедшие через Санкт-Петербург на внутренний рынок, и полностью освободил от налогов товары, которые шли оттуда за границу.

В 1718 году в новую столицу России приходили 52 иностранных судна за товаром, а в 1724 году уже 270 судов. Русские купцы продавали иностранцам: лес, лен, льняное семя и масло, пеньку, железо, парусину, юфть, селитру. Иностранцы везли в Санкт-Петербург чай, кофе, сахар, вина, табак, шелка, сельдь.

Шведы не смирились с потерей земель по берегам Невы и Приладожье в Северной войне 1700–1721 годов. 4 августа 1741 года Швеция объявила войну России, пытаясь вернуть утраченные территории. Война длилась два года и завершилась поражением шведов.

В 1809 году в результате последней войны со Швецией Россия присоединила к себе всю территорию Финляндии. С 1809-го по 1917 год Финляндия являлась частью Российской империи, имела собственную валюту – финскую марку.

11 (23) декабря 1811 года в состав Великого Княжества Финляндского была передана Выборгская губерния, включавшая в себя земли, отошедшие к России по мирным договорам 1721 и 1743 годов. В результате административная граница Финляндии вплотную придвинулась к Петербургу.

В 1830 году охтинские поселяне стали горожанами, так как Охта была официально включена в черту города. Особенно много охтинкомолочниц с коромыслами через плечо, на котором висели кувшины с молоком, появлялись на Невском проспекте зимой. Ходьба в город тогда была возможна по льду Невы, в другое время года – только на лодках. В 1830 году в городе Петербурге проживали 4 тысячи финнов, ижорцев и карел, названных русскими одним словом – ингерманландцы.

В 1867 году, в связи с крестьянскими реформами императора Александра II, финляндский сейм выкупил земли бывшей Выборгской губернии у владельцев и передал их за выкуп местным крестьянам. Более 5 тысяч местных крестьян приобрели участки земли, выкупная операция продолжалась более 20 лет. На Карельском перешейке и Приладожье вновь появились мелкие крестьяне-землевладельцы. Это уже были финны, а не карелы, ранее покинувшие свою родную землю.

По переписи 2002 года из народов, в древности заселявших территории по берегам Финского залива и Приладожья, теперь это город Санкт-Петербург и Ленинградская область, проживали: воль – 73 человека, ижора – 177 человек, финны-ингерманландцы – 314 человек, вепсы, как потомки племени «весь», – 2019 человек, карелы – 4209 человек. Сведений о проживании ливов, по данным переписи 2002 года, нет.

Карелы в центре России

Процесс переселения карел на Тверскую землю продолжался около 150 лет – с 1581 года до 30-х годов XVIII века. Самая массовая переселенческая волна была в середине XVII века.

Кто создавал Карелию в центре России, кто пришел сюда первым и массово заселил территории, опустошенные войной, мором и чумой? На эти вопросы доступно, подробно и достоверно в своих исследованиях ответил финский ученый, профессор из города Йюенсуу Вейо Салохеймо.

Он указал в них, из какой деревни и погоста бывшего Корельского уезда вышел тот или иной карел, в каком году и когда он пришел. Есть сведения о переселении карел на территорию Бежецкого Верха, а также близ городов Весьегонск, Вышний Волочек и Торжок. Возможно, кто-то в будущем возьмется за перевод его книги «Переселение из Ингерманландии и Какисалми в 1618–1655 годы», изданной на финском языке. Возможно, когда-то будут переводы на русский язык шведских летописей, которые помогут более подробно изучить историю карел во время их проживания на Карельском перешейке.

В XVI–XVII веках было 14 северных погостов:

Тиурила-Тиврольский,	Иломанси-Иломантский,
Куркийоки,	Тохмоярви-Тогмоозерский,
Йюкие-Евгинский,	Пялькиярви-Пялгоозерский,
Уукиниемеи-Угонежский,	Суоярви-Шуезерский,
Китее-Китежский,	Сустамо-Шуйстомский,
Липери-Либелецкий,	Салми-Соломанский,
Пиелисьярви-Пиелецкий,	Сортавала.

Карелы расселялись на другом берегу Ладожского озера, по берегам Онежского озера, рек Олонка, Свирь, Оять. Значительная часть карел ушла на тверские земли в район Бежецка, Весьегонска, Вышнего Волочка, Торжка.

В северных погостах Корельского уезда к 1631 году оставались проживать 4474 семьи православных карел, к 1685 году там осталось всего 879 карельских семей. По данным профессора Вейо Салохеймо

за период с 1631 по 1685 годы из Карельского уезда ушли 3072 семьи или около 15,4 тысяч карел.

Проживало карел	1631 год	1685 год	Ушло семей
<i>Северные погосты</i>			
Тиурала	117	25	92
Куркийоки	495	33	462
Йокие	132	31	101
Уукиниемеи	273	7	266
Сортавала	424	16	408
Салми	263	99	164
Суйстамо	404	95	309
Палкярви	325	8	317
Китее	397	4	393
Тохмаярви	268	9	259
Иломантси	197	85	112
Липери	110	53	57
Пиелсарви	64	14	50
Суоярви	169	103	66
<i>Южные погосты</i>			
Пюхьярви	Карел нет		
Рауту	23	21	2
Ряйсяля	–	2	–
Саккола	15	1	14

Таким образом, за период с 1631 по 1685 годы из северных погостов ушли 3056 карельских семей или 15,3 тысячи человек, из южных погостов – 16 семей или 80 человек [76].

Из исследований Вейо Салохеймо мне стало известно, что в 1618–1658 годах на тверские земли из северных погостов бывшего Корельского уезда пришли 1605 семей или около 8 тысяч карел.

Из погоста Йокие на территорию Бежецкого Верха пришло 47 семей, другие карельские семьи пришли в Тихвин, на Валдай и в Торжок.

Из погоста Уукиниемеи пришли на Бежецкий Верх 37 семей, в Кесьму 17 семей.

Из погоста Палькярви 53 семьи пришли на Бежецкий Верх.

Из погоста Китее пришли 38 семей, в основном, на земли Бежецкого Верха, Вёсьегонска, Сандова (теперь Старое Сандово. – А.Г.).

Их погоста Иломанси 22 семьи карел пришли в Торжок, Никулино (ныне Спировского района. – А.Г.), а также на Бежецкий Верх.

На земли Бежецкого Верха пришли: из погоста Тиурала 16 семей, Куркийоки – 90, Сортавала – 151, Суоярви – 60 семей.

В 1685 году в погосте Суоярви оставались жить 103 карельские семьи, лютеране там никогда не проживали.

За период с 1629 по 1645 годы в деревню Осташково, ныне город Лихославль пришли 24 семьи или 120 человек. В 1873 году в этой деревне уже проживали 239 карел.

Известно, что в село Кесьма, купленное в 1330 – 1340 годах московским князем Иваном Калитой, и ставшим позднее центром карельской дворцовой волости, в период с 1620 по 1641 год пришли 12 карельских семей, потом еще 17 семей, всего 29 семей.

За период с 1625 по 1643 годы в деревню Сандово, теперь деревня Старое Сандово пришли 12 карельских семей.

Известно о девяти карельских семьях, пришедших в Торжок с 1638-го по 1641 годы. Позднее все они были вывезены в Дорскую карельскую волость Новоторжского уезда. Карелы пришли в деревни Толмачи и Никольское-Тучевское.

По 5–8 семей в те годы пришли в деревни под Вёсьегонск: в деревни Станки, Савелово, Доманово, Новинка, в деревни района Толмачей – Осташково (Лихославль), Микшино, Ананкино, Кузьминское (Кузьмиха), а также в деревни под Вышним Волочком в район Осечно – Овсищи: Головино, Данилово, Семеново, Малинкино, Яшкино.

В пределы села Козлово ныне Спировского района в 1653–1654 годах поселились 32 семьи: погост Спасо-Клиницкий – 9, деревня Большое Плоское – 4, деревня Городок – 4, Большое Козлово – 6 и деревня Малое Козлово – 5 семей.

В Толмачеву Слободу и окружающие деревни к 1636 году поселились 29 карельских семей. Они стали жить в деревнях Ломовая, Залазино, Бор и Сосновка.

К 1660 году в этих деревнях стало уже 45 карельских дворов, где проживали 108 душ, а к 1672 году Толмачева Слобода стала уже называться селом Толмачи, в ней была построена карелами деревянная церковь.

В другие хорошо известные карельские деревни тогда же пришли по 1–3 семьи: Чурилково, Могочи, Микшеево, Холм, Бор Вёсьегонско-

го уезда; Горбово, Юркино, Ермолино, Горохово, Никулино, Гнездово Вышневолоцкого уезда; Высокое, Трестна, Данилково, Власьево, Заручье, Мащеново, Марково и другие деревни Бежецкого уезда [77].

В моих книгах по истории Тверской Карелии имеются сведения о переходе карел на тверскую землю, в основном, из южных погостов Корельского уезда – Рауту, Саккола, Ряйсяля и Пюхьярви. Оттуда почти все карелы ушли после нападения шведов в 1581 году, некоторые из них позднее вернулись в свои дома.

К 1631 году не осталось ни одного православного карела в погостах Пюхьярви и Ряйсяля. В погосте Рауту оставались жить 23 карельских семьи, Саккола – 15 семей, всего 38 семей. К 1685 году карелы оставались проживать в южных погостах: Рауту – 21 семья, Ряйсяля – 2 семьи и Саккола – 1 семья, всего 24 семьи. На территории погоста Пюхьярви с 1581 года карелы больше не проживали. К тому времени в этих четырех южных погостах жили 999 лютеранских семей шведов и финнов.

Из Сакульского и Ровдужского погостов, согласно переписным книгам, карелы ушли после 1581 года. Тогда погост Ряйсяля еще входил в состав Ровдужского погоста, а погост Пюхьярви – в состав Сакульского. Уходили целыми родами в несколько семей и целыми деревнями. Из Сакульского погоста ушли около 470 семей или 2,3 тысячи человек. Из Ровдужского погоста Карельского уезда ушли около 250 карельских семей или 1,2 тысячи человек. Многие семьи ушли на Олонецкие земли, на Свирь и другие земли, карелы ожидали, что Россия освободит их родину и можно будет вернуться домой.

Но после заключения Столбовского мира в 1617 году карелы пошли дальше, на Бежецкий Верх и другие земли. К концу XVII века их значительная часть компактно сосредоточилась в районе городов Бежецка, Велья, Вышнего Волочка, Торжка и на Валдайской возвышенности. Сюда пришли по 9 семей Морозовых и Фокиных, 8 семей Спириных, 7 семей Балакшиных, по 6 семей Варламовых и Пястких (Паскиных. – А.Г.). Также пришло по несколько семей земцев Ворсиных, Константиновых, Лукьяновых, Калининых, Ортемьевых и других. Вместе со своими земцами на тверскую землю пришли и их крестьяне: Базловы, Гордеевы, Кузьмины, Ларионовы, Морозовы Ортемьевы (Артемьевы), Тарасовы, Федоровы, Шамшевы и другие.

Карелы тогда дорого ценили имя русского государя, особенно Алексея Михайловича Романова. Он многое сделал для них: скрывал от шведов, не передавая им карел, пришедших в центр России, осво-

бодил их от пошлин и налогов, защищал от произвола монастырей и помещиков, которые хотели иметь дешевую рабочую силу, сделал многих карел дворцовыми крестьянами, подчинявшимися непосредственно царскому двору.

При правлении Бориса Годунова жестоким преследованиям подвергалась семья бояр Захарьиных-Романовых: братьев Романовых обвинили в покушении на жизнь царя. По приказу Бориса Годунова Федора Романова постригли в монахи и заточили в отдаленный северный монастырь. Младших братьев Романовых – Александра, Михаила и Василия отправили в ссылку, они умерли в изгнании.

Во время правления Бориса Годунова отобрать у него престол пытались Шуйские, а Романовы были на стороне Шуйских. Бориса Годунова отравили 13 апреля 1605 года, царем стал Василий Шуйский.

От своей матери Евдокии Лукьяновны Стрешневой царь Алексей Михайлович знал о том, что его бабушка по отцовской линии Ксения Ивановна Шестова (Романова) по указанию Бориса Годунова в 1601 году была пострижена в монахини под именем Марфы. Ее сослали в карельский Заонежский Егорьевский монастырь в Толвуге, где Марфу спасли от смерти крестьяне Тарутины. После того, как ее сын Михаил Федорович Романов стал русским царем, Ксения Ивановна попросила его выдать обельную грамоту крестьянам Тарутиным. То, что они спасли от смерти мать, царем было оценено наравне с подвигом Ивана Сусанина, дочери которого также была выдана обельная грамота. Эта грамота освобождала крестьян Тарутиных от всех податей и повинностей.

Алексей Михайлович велел переписать всех карел с тем, чтобы свободных записать на государево имя. Первая перепись карел в Московском государстве была проведена в 1662 году. Многие фамилии еще не устоялись и при переписях записывали по имени отца, сын Луки Олексеева становился Нечаем Лукиным, а внук Михаилом Нечаевым и так бесконечно.

Когда писцы приходили в дом карел, они не понимали русского языка, называли свое имя и чей он сын, например: Кузьма Максимов сын. Толмач – переводчик переводил его слова писцу, и появлялась запись: Кузьма Максимов, а слово «сын» не записывалось. Поэтому в карельских деревнях на Тверской земле появились фамилии прибывших сюда карел, образованные от имени отца, особенно много было Иванов и Ивашек, а также Василиев, Матвеек, Михайлов, Нечаек, Офонасиев, Петрушек.

Исследователь из Петрозаводска И.А. Чернякова в своих работах наглядно показала на примере карельского крестьянина Сидора Иванова, получившего от царя обельную грамоту, как изменялись фамилии карел. У Сидора Иванова было пять сыновей, все они получили фамилию Сидоров. Внуки Сидора Иванова имели разные фамилии от имени своих отцов: Васильевы, Ивановы, Михайловы и Трофимовы. А их правнуки уже носили фамилии: Андреевы, Венедиктовы, Григорьевы, Дружинины, Ивановы, Кузьмины, Михайловы, Петровы, Яковлевы, которые получили от имен своих отцов [78].

К 1700 году около половины карел вели оседлый образ жизни, обустроив бывшие русские деревни и построив свои карельские деревни. При переселении карел на Бежецкий Верх, их пытались оставлять в качестве дешевой рабочей силы у помещиков и в монастырях. В 1678 году карел отписали к дворцовым карельским волостям. Это была самая кровавая перепись карел, так как помещики и вотчинники скрывали их, не давали вывозить карел в дворцовые волости. Они били, рубили, убивали сыщиков, писцов и посыльных, которые силой перевозили карел.

Карелы не хотели зависимости от монастырей и помещиков, они противились переписи, уходили в леса и карельские государевы волости. В 1698 году они стали обращаться с челобитными к царю: почему они оставались за монастырями и помещиками, если в 1678 году были сысканы и отписаны к государеву двору?

Переселение карел продолжалось, и согласно переписной книге Бежецкого уезда 1709 года там было 630 карельских дворов, из них бежало 211 дворов, вывезено по указу великого государя в дворцовые карельские волости как зарубежные выходцы 134 двора. К 1709 году карелы еще не все осели на одном месте, иногда они самовольно занимали пустующие земли помещиков. В Прилуцком приходе Бежецкого Верха в верховьях реки Сити в 1709 году было около 60 карельских дворов, а в 1850 году было уже более одной тысячи карел.

Отмена крепостного права в 1861 году не коснулась удельных карел, она коснулась лишь немногочисленных помещичьих карел. В отношении удельных крестьян, к которым относились и большинство тверских карел, реформа проводилась на основании указа императора Александра II от 26 июня 1863 года. Более значительную роль в жизни карел, с точки зрения их ассимиляции с русским населением, сыграла реформа просвещения.

В 1863 году на территории Мологского уезда Ярославской губернии в приходе Бекрень (ныне Краснохолмского района Тверской области), в деревнях Бекрень, Валгус и Эглень проживали около ста карельских семей.

Все эти семьи полностью обрусели к 1919 году, но еще долго сохранялись их ближайшие соседи – карелы Корельско-Кошевского прихода Бежецкого уезда и Прилуцкого прихода Кашинского уезда. Из переписных актов видно, что большинство карел переселились в Тверскую губернию в период с 1646 по 1678 годы.

К 1873 году в Могочской волости Бежецкого уезда проживали 404 карела, в том числе в селе Могочи 220 человек и деревне Дор – 184 жителя. Затерянные маленьким островком среди русских деревень, карелы Могочской волости полностью обрусели в 1930-е годы.

Число карел на тверских землях постоянно увеличивалось. Известно, что к 1682 году здесь проживали 2238 семей или 11,2 тысячи карел. К 1800 году число карельских дворов увеличилось до 6534, а число карел – до 33 тысяч человек. В дальнейшем шел постоянный рост численности тверских карел: 1834 год – 83 304 человека, 1859 год – 93 196 человек, 1873 год – 98 253 карела:

Уезды	1859 год			1873 год
	Муж	Жен	Всего	
Бежецкий	16 707	18 607	35 314	34 348
Весьегонский	8092	10 009	18 101	21 764
Вышневолоцкий	11 020	12 288	23 308	26 281
Зубцовский	393	301	694	1793
Кашинский	539	672	1211	1195
Корчевской	107	106	213	–
Новоторжский	6558	7158	13 716	12 233
Осташковский	293	346	639	639
Всего по губернии	43 709	49 487	93 196	98 253

Благодаря многократным переписям тверских карел, мы знаем их число и карельские деревни. Наиболее полные сведения о них имеются за 1873 год, в 1904 году тверской статистик Дмитрий Иванович Рихтер на основании этой переписи составил полный список 828 карельских деревень Бежецкого, Весьегонского, Вышневолоцкого, Зубцовского,

Кашинского, Новоторжского и Осташковского уездов Тверской губернии, с указанием числа проживающих там карел и русских.

По его данным в 1873 году в Вышневолоцком уезде было 120 удельных карельских деревень, что составляло 61,9% от всех карельских деревень, и 74 помещичьих карельские деревни. В Новоторжском уезде – 90 удельных деревень или 72% и 35 помещичьих. В Бежецком уезде – 153 удельные деревни или 62,4% и 92 помещичьи. В Весьегонском уезде – 162 удельные деревни или 79% и 43 помещичьи карельские деревни. В Кашинском уезде все 9 деревень были удельными, а в Зубцовском – все 9 деревень помещичьи.

По переписи 1897 года в России насчитывалось 208 101 карел, из них в Тверской губернии проживали 117 679 карел, в Карелии – 78 955 человек, в том числе 59 413 карел в Олонецком и Пряжинском уездах и 19 542 – в Кемском уезде. Все тверские карелы были крестьянами, городскими мещанами из них насчитали всего 81 карела.

Когда речь шла о крестьянах, то очень редко в документах писали полные данные о человеке – имя, отчество и фамилию. При этом записывали двойную фамилию, одну – вместо отчества, вторую – настоящую фамилию, если она была, иногда ее писали в скобках: Мария Михайлова (Дудкина), Алексей Васильев (Сумерин), Дмитрий Савельев (Латышев). Порою у крестьян записывали имя и фамилию, не указывая отчества, например, Никита Одинцов, Никита Сладков.

Согласно данным 8-й ревизии, проведенной в 1834 году, в 285 дворах Корельско-Кошевской удельной волости я насчитал 16 фамилий, происшедших от прозвищ карел. В начале XX века по последнему отчеству карелы этого прихода получили 79 фамилий, нередко повторяющихся. Для различия семей с одинаковой фамилией, к некоторым из них добавляли вторую фамилию-кличку.

Так в деревне Петрайцево бывшей Корельско-Кошевской удельной волости в начале XX века появились двойные фамилии: Иванов-Шляхтин, так как один из Ивановых взял жену из семьи Шляхтиных, проживавшей в Душкове, Нетрусов-Фураев, взявший в жены Фураеву из Душкова, Нетрусов-Ульянов, взявший в жены Ульяну из русской деревни Ножкино [79].

Полные данные всегда писали лишь в отношении дворян, купцов, представителей власти и священников. У учителей записывали лишь имя и фамилию: Надежда Ушакова, Пелагея Неведомская, Александра Воинова.

В 1888 году Правительствующий Сенат издал специальный указ о фамилиях. В нем говорилось, что в России встречается много лиц, не имеющих фамилий, а носящих их по отчеству. Именоваться определенной фамилией является не только право, но и обязанность всякого полноправного лица. Обозначение фамилии на некоторых документах требует сам закон.

Но до конца XIX века массового распространения фамилии не имели. Постепенно в начале XX века одни фамилии закрепились по последнему отчеству – Ивановы, Петровы, Сергеевы, Нечаевы, Никитины и другие. Некоторые фамилии произошли от названия занятий крестьян: Кузнецовы, Бондаревы, Дегтяревы и другие.

Другие фамилии произошли от семейных прозвищ, эти фамилии появились значительно раньше полного офамиливания, они уходят в глубь многих поколений, у карел, например, к XIII веку. Те карелы, которые имели прозвища, с 1227 года тоже стали обладателями русских фамилий. С тех пор и на столетия все последующие поколения Хукко стали Волковыми, Янис – Зайцевыми, Ребо – Лисицыными, Брони – Ворониными, Хаву – Ёлкиными, Хавги – Щукиными и так далее.

Но даже после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в нашей местности карелы по-прежнему называли некоторые фамилии по происхождению или старым прозвищам: Волковых – Хуккины, Ворониных – Бронины, Ёлкиных – Хавины, Щукиных – Хавгины.

Город Тверь, 2008–2010 годы, книга под названием «Ушли, чтобы вернуться»; дополнения – 2014 год и 2020 год.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полевой Н.А. История русского народа. М., 2008 по изданию 1829. С. 11.
2. Йоахим Херрман. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. Сборник «Как была крещена Русь». М., 1988. С. 295; Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.: Академический проект, 2016. Т. I. С. 373, 377.
3. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.: Академический проект, 2016. Т. I. С. 388.

4. *Йоахим Херрман*. Как была крещена Русь: сборник. М., 1988. С. 306.
5. Летописец Рогожский. Тверские летописи, перевод В.З. Исакова. Тверь, 1999. С. 35.
6. Повесть временных лет. По сборнику «Как была крещена Русь». М., 1988. С. 200.
7. Летописец Рогожский. Тверские летописи, перевод В.З. Исакова. Тверь, 1999. С. 37.
8. Карта-таблица «Тысячелетие России 862–1862 годы». Симферополь, 1992 по изданию 1862.
9. Там же.
10. Там же.
11. *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1987. С. 71.
12. Там же. С. 73.
13. *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1987. С. 84.
14. Там же. С. 63.
15. *Карамзин Н.М.* Предания веков, М., 1987. С. 77.
16. *Полевой Н.А.* История русского народа. М., 2008 по изданию 1829. С. 42.
17. *Раушенбах Б.В.* Сквозь глубь веков. Сборник «Как была крещена Русь». М., 1988. С. 231.
18. Повесть временных лет. Ч. 1. С. 249–250. По книге А.Н. Сахарова «Дипломатия Святослава». М., 1991. С. 212.
19. *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1987. С. 68.
20. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.: Академический проект, 2016. Т. II. С. 291; *Раушенбах Б.В.* Как была крещена Русь: сборник. М., 1988. С. 229–230.
21. *Раушенбах Б.В.* Как была крещена Русь: сборник. М., 1988. С. 215.
22. *Вейс Г.* История культуры. М.: ЭКСМО, 2002. С. 220.
23. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2007. С. 91.
24. *Полевой Н.А.* История русского народа. М., 2008 по изданию 1829. С. 80.
25. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2007. С. 58.
26. *Вершинский А.Н.* Города Калининской области. Калинин, 1939. С. 6.
27. Там же.
28. *Берецки А.* Финно-угорский мир. Будапешт–М., 1996. С. 70.
29. *Ключевский В.О.* Русская история. С. 161.

30. Финляндия вчера и сегодня. Йошкар-Ола, 1997. С. 17.
31. Там же. С. 49.
32. Там же. С. 52.
33. Как была крещена Русь: сборник. С. 354.
34. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2002. С. 312.
35. Там же. С. 855.
36. *Дворников А.* Город Бежецк и Бежецкий край. Тверь, 1996. С. 97.
37. *Полевой Н.А.* История русского народа. М., 2008 по изданию 1829. С. 407–408.
38. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. С. 479.
39. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998. С. 10.
40. *Полевой Н.А.* История русского народа. М., 2008 по изданию 1829. С. 446.
41. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998. С. 18.
42. Там же. С. 19, 21.
43. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. С. 658; *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.: Академический проект, 2016. Т. VI. С. 317–318, 321–322.
44. *Костомаров Н.И.* Русская история. М., 2006. С. 245; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980. С. 462.
45. По данным исследований Эски Сиранен, переданным письмом автору.
46. История Карелии XVI–XVII веков в документах. В 3-х томах. Петрозаводск–Йоенсуу, 1987. Т. 1. С. 130–131, 163.
47. Там же. Т. 3. С. 52, 107.
48. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.: Академический проект, 2016. Т. VI. С. 382–384, 415.
49. *Шаскольский И.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950. С. 125–127 (прил. 1).
50. Там же. С. 128 (прил. 2).
51. Там же. С. 130–131 (прил. 3).
52. Там же. С. 131–134 (прил. 4).
53. Там же. С. 135–136 (прил. 5).
54. Там же. С. 137 (прил. 7).
55. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.: Академический проект, 2016. Т. VI. С. 429–430.

56. *Шаскольский И.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950. С. 138 (прил. 8), 139 (прил. 9).
57. Там же. С. 139 (прил. 9)
58. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. С. 987.
59. ГАТО, ф. 2691, оп. 1, д. 365, л.д. 30–32.
60. ГАТО, ф. 1523, оп. 1, д. 5, л.д. 14–15.
61. *Костомаров Н.И.* Русская история. С. 387.
62. История Карелии XVI–XVII веков в документах. Т. 3. С. 72, 87, 267.
63. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. С. 107.
64. *Шаскольский И.* Указанное соч. С. 111.
65. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. С. 107.
66. *Лыжин П.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб., 1857.
67. История Карелии XVI–XVII веков в документах. Т. 1. С. 389–405.
68. Там же. Т. 2. С. 25–26.
69. Там же. С. 27.
70. *Костомаров Н.И.* Русская история. С. 436.
71. *Костомаров Н.И.* Русская история. С. 645.
72. *Корнилович А.О.* Русская историческая повесть. М., 1988. Т. 1. С. 315–316.
73. Там же. С. 475.
74. Там же. С. 361–362.
75. География России. М., 1998. С. 501.
76. *Вейо Салохеймо.* Под прежнюю власть, на новое местожительство. Йоенсуу, 2010, на финском языке. С. 163.
77. *Вейо Салохеймо.* Переселение карел из Ингерманландии и Какисалми в 1618–1655 годах. Йоенсуу, 1999, на финском языке.
78. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998. С. 202.
79. ГАТО, ф. 312, оп. 6, д. 480, л.д. 599–685.

Книга вторая
В краю двух культур

Введение

Карелы своим проживанием на Тверской земле олицетворяют объединение двух культур – русской и карельской. Они изучают и знают русский язык, культуру, помнят и чтят великих русских поэтов и писателей. Одновременно они сохраняют свой карельский язык и культуру. Хотя у них нет выдающихся поэтов и писателей, они бережно относятся к творчеству своих народных поэтов Н. Морозова, С. Тарасова, М. Орлова, помнят основателей карельской письменности и других знаменитостей, выходцев из Тверской Карелии.

Отличие двух культур в том, что у русских развито и народное и высокое искусство, у карел – народная культура.

Мы сумели заявить во весь голос о тверских карелах на втором Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Будапеште в 1996 году. О тверских карелах заговорили как в России, так и в Венгрии, Эстонии, Финляндии. К ним стал проявляться живой интерес. Немало сил мы приложили к созданию одной из первых в России областной национально-культурной автономии тверских карел, а также районных автономий в Весьегонском, Зубцовском, Лихославльском, Максатихинском, Молоковском, Сонковском, Спировском, Рамешковском районах и в городе Твери.

В этой книге речь пойдет о представителях русской и карельской интеллигенции, талантливых выходцах из народа. Талантливые люди на земле страдают больше обычных, но зато и дел после них остается больше.

Об уровне культуры человека можно судить как по его делам, так и его отношению к памяти своих предков. Потеря духовности, неуважение к традициям национальных культур приводит к деградации личности, независимо от того, какую бы должность он ни занимал. Жизнь любого незаурядного человека, на мой взгляд, можно сравнить с подъемом в гору. Чем выше он поднимается вверх, тем разреженнее становится воздух и труднее дышать. Но как бы, ни труден был этот путь в гору, он значительно легче, чем попытка удержаться на вершине горы.

Порывы ветра то с одной, то с другой стороны пытаются свалить оттуда человека. Многие незаурядные личности летят в пропасть, в никуда. Некоторым удается ухватиться за острые камни и удержаться на горном выступе. Так и в жизни: люди ненавидят таланты и делают все, чтобы те улетели в пропасть. Им завидуют, на них наговаривают, не печатают их книги, лишают работы, сажают в тюрьмы, а то и расстреливают. И только после смерти, когда талант никому-никому не мешает, его начинают восхвалять. Так было с Н.С. Гумилевым, А.А. Ахматовой и другими поэтами «серебряного века». Так было с Ю. Визбором, В. Высоцким и другими поэтами нашей современности.

Судьба человека – это его ежедневный, постоянный выбор, который ему предоставляется, кроме времени и места рождения. Каждый любит свою малую родину, восхваляет ее. Мне посчастливилось родиться там, где шло взаимное обогащение и взаимопроникновение двух культур: русской и карельской. Я с детства слышал карельскую речь в своей деревне и русскую речь в соседних деревнях.

Когда человеку в жизни бывает очень трудно, он мысленно переносит себя в другое пространство или в другое время. Этим пространством обычно является до боли родная деревня, река, ручей, лес, дорога, тропинка, дерево. Лучшим временем для человека, было, есть и остается золотое детство. Человеку интересно заглянуть в прошлое и узнать, а что же было в родной местности до его рождения. Куда бы судьба ни заносила человека на короткое или продолжительное время он постоянно вспоминает свою малую родину, где родился и провел детские годы.

Удивительный «медвежий угол» на северо-востоке Бежецкого уезда. Ранее это был угол трех уездов, сейчас – угол трех районов. Он был заброшен и забыт в конце XVI века. Его подняли и выпестовали своими руками переселившиеся сюда карелы вместе с оставшимися здесь русскими.

Здесь на бежецкой земле происходило взаимное обогащение народной карельской культуры и высокой русской культуры. Работая в русской деревне Слепнево, А.А. Ахматова писала: «на этой древней карельской земле», так как слышала карельскую речь баб и мужиков из соседних деревень Поцеп и Акиниха.

В этой местности у карел не было помещиков и барских усадеб. Карелы относились сначала к дворцовым, затем к удельным крестьянам. Здесь не было озер и рек, лишь ручьи да речки. Но какая-то сила притягивала сюда выдающихся людей из русской интеллигенции и государственных деятелей. Эта земля и ее сила способствовала их творческому росту и карьере. Карелы, общаясь с представителями передового слоя русского общества, не чувствовали себя ущербным народом. Народ, который создал «Калевалу» не может быть ущербным. Одно добро помогало творить другое добро. Почему же так резко все изменилось в XX веке, и долго ли Россия будет корчиться в судорогах от обилия зла?

До сих пор остается загадкой, почему выдающиеся люди России любили этот уголок Бежецкого уезда. Где бы они ни бывали, возвращались сюда творить, а то и умирать. О них написано очень много, в этой книге я попытался показать их «бежецкий след», опираясь на скудные материалы, которые сумел найти.

Советская власть разорила все барские усадьбы. Разорить «дворянские гнезда», сжечь дома и книги, разграбить веками нажитое имущество – дело нехитрое, ума и сил не надо. Восстановить уклад жизни в деревне, где он разрушен, наверное, невозможно. Больно смотреть, как этот край становится заброшенным в начале XXI века. Теперь это «мертвая зона», где нет множества русских и карельских деревень.

Каждый человек рождается для того, чтобы оставить свой след на земле. Сильным людям судьба определяет испытание для их совершенства и роста. Человек совершил какой-либо поступок, прожил свою жизнь и стал беззащитным. Его поступки, его жизнь начинают оценивать, эта оценка уже не зависит от самого человека, она полностью зависит только от других людей. Особенно сложно в эпоху перемен, в эпоху нестабильности. Такая судьба выпала и нашему поколению.

Глава I. Уездный город Бежецк

Борьба бежечан с Тверью

Сейчас город Бежецк является центром Бежецкого района Тверской области, находится в 130 километрах к северо-востоку от Твери. Город расположен на отрогах возвышенности Бежецкий Верх, на правом берегу реки Мологи при впадении в нее реки Остречины. Известен с XII века как поселение Бежичи – центр обширного края – Бежецкого Верха. Поселение было разорено Тверью в 1272 году, центр Бежецкого Верха после этого перенесен в крепость Городецко, на место современного города. Крепость Городецко с 1766 года носит название Бежецк. В 1876 году по городу прошла Виндаво-Рыбинская железная дорога [1].

В XVII веке на тверскую землю, в том числе и Бежецкий Верх, пришли карелы, они поселились большим массивом, создав Тверскую Карелию, а также небольшим островком на стыке Бежецкого, Весьегонского и Кашинского уездов. Сейчас это угол Бежецкого, Краснохолмского и Сонковского районов.

Первые упоминания о Бежецке имеются в двух документах. В Уставной грамоте Новгородского князя Всеволода Мстиславовича за 1135 год сказано, что духовенству Ивановской церкви предоставлено право, взимать пошлину с Тверского гостя (купца) и с Бежецкого и с Деревского [2].

В другом документе – Уставе Новгородского князя Святослава о епископской дани за 1137 год записано: «а вот Бежецкий Ряд: в Бежичах 6 гривен 8 кун, Городецке 4,5 гривны, в Змени – 5 гривен, в Езьске – 4 гривны 8 кун, в Рыбинске – гривна Волжская» [3].

Название Бежичи произошло от того, что это поселение основали беженцы из города Новгорода. Оно находилось на берегу озера Ямное в 12 километрах от современного города Бежецка. Бежецкий Верх входил в земли Новгородского княжества, жителям города приходилось неоднократно отстаивать свою независимость от тверских и московских князей. До появления здесь славян проживали финно-угорские племена. Исследователь Александр Иванович Европеус в XIX веке произвел раскопки около погоста Бежичи Бежецкого уезда, где находилось множество курганов. Он сделал заключение, что ранее эта местность была заселена племенем *весь* [4].

Племя *весь* вело немую торговлю с Булгарами, которые проживали в районе впадение реки Камы в Волгу. С X по XIV века здесь была Волжско-Камская Булгария. Булгары по Волге поднимались к устью реки Мологи, доходили до нынешнего Бежецка. Они вели немую торговлю следующим образом: привозили свои товары к племени *весь* и оставляли их на одном условленном месте, обозначенном каким-либо знаком. Потом снова приходили на это место и находили там другие товары. Если булгары оставались довольны этим товаром, они их брали, а свои оставляли. В противном случае они брали свои товары назад. Обычно булгары привозили сабельные клинки, а увозили меха бобров, соболей и белок.

Купчие за 1677 и 1689 годы доказывают, что в Бежецком уезде по реке Мологе бобры водились до конца XVII века, в купчих упоминаются бобровые гоны [5].

Финно-угорские племена оказали большое влияние на историю бежецкого края, оставив свои названия деревням и рекам: Уйвешь, Ужень, Вески, Веснево, Чудинково, Мериново, Райда и другие.

В VIII–IX веках сюда пришли славяне. Часть финских племен ушла на север, оставшихся славяне постепенно растворили в своей среде. Финские племена, за счет которых особенно распространялась русская народность, не исчезли с лица земли, не вымерли, приходя со славянами в соприкосновение. Славяне не истребляли их огнем и мечом, на памяти истории нет фактов истребления славянскими племенами финно-угорских племен.

Ни летописи, ни предания не знают, ни общего истребления финских племен, ни их общего переселения отсюда с бежецкой земли [6].

До сих пор остается неясным вопрос: полностью ли переродились на бежецкой земле финские племена после IX века, а потом вновь появились здесь в XVI–XVII веках? Возможно этнографы, занимаясь исследованиями на окраинах России, не придавали значения этому вопросу. Иначе как можно понять утверждения историка Бестужева-Рюмина, писавшего в начале XIX века: «Между тем современный этнограф не находит их (то есть финские племена. – А.Г.) на этих местах» [7].

Это при условии, когда на бежецкой земле проживало финское племя – карелы и об их нахождении здесь известно с XIV века.

Не исключено, что в лесных деревушках бежецкого и весьегонского края оставались представители финно-угорского племени *весь*, что и явилось одной из важных причин последующего заселения карелами именно этих мест.

Плотность заселения оказалась столь значительной, что карелы здесь смогли преодолеть мощное влияние русского языка и культуры, сохранились до сих пор в отличие от валдайских, тихвинских, архангельских, вологодских, нижегородских, московских и ярославских карел.

В VIII–IX веках Бежецкий Верх был заселен ильменскими славянами или новгородцами, с которыми проживавшие финские племена были дружны. Они вместе с новгородцами отстаивали от неприятеля в лихую годину города Новгород, Торжок, Бежицы, Городецко, Корелу.

Первый Тверской князь Ярослав Ярославович, брат Александра Невского, стал княжить в Новгороде с 27 января 1266 года. Перед его восшествием на новгородский княжеский стол, в 1265 году была составлена Договорная грамота Новгорода с великим князем Тверским Ярославом Ярославовичем (первая), на каких условиях владеть ему князю новым городом. В числе других условий в этой первой грамоте было записано:

«А в Бежицах, княже, тебе, ни твоей княгине, ни твоим боярам, ни твоим дворянам сел не держать, не покупать, ни даром принимать...

А из Бежиц, княже, людей не выводить в свою землю, ни из иной волости Новгородской, ни грамот им давать, ни закладников принимать, ни княгине твоей, ни боярам твоим, ни дворянам твоим, ни смердам, ни купцам...» [8].

После смерти первого Тверского князя Ярослава Ярославовича началась борьба за Новгородский великий престол.

9 октября 1272 года состоялось торжественное восшествие на княжеский престол Дмитрия Александровича Переяславского. Таким поворотом событий не был доволен брат умершего князя Василий Ярославович Костромской, который напал на Торжок. В это время сын умершего тверского князя Святослав Ярославович Тверской напал на Бежецкий Верх. В 1272 году он разорил поселение Бежичи – центр Бежецкого Верха, оставив там одни развалины. Поэтому центр Бежецкого Верха был перенесен из Бежичей в крепость Городецко [9].

Эта тяжба между Переяславлем и Тверью из-за великого княжеского престола, результатом которой было разорение многих новгородских земель, в том числе и Бежецкого Верха, продолжалось до 1290-х годов.

Мирная передышка для бежечан оказалась недолгой, она продолжалась всего около 20 лет. Весной 1312 года произошел конфликт Тверского князя Михаила Ярославовича с Новгородом. Тверской князь снова напал на земли Бежецкого Верха, чтобы оттуда зерно шло в Тверь, а не в Новгород [10].

Московский князь Иван Калита, правивший в 1328–1340 гг., купил у Новгорода волость Кистму (Кесьму), которую передал Бежецкому Верху. Наряду с другими волостями Бежецкого Верха Кесьма (Кистма) оказался в смешанном владении Новгорода и Москвы согласно договорам между ними [11].

Весной 1371 года Тверской князь Михаил Александрович прошел в Бежецкий Верх и завоевал его, 23 мая он вернулся в Тверь. После этого завоевал города Кострому, Мологу, Углич-Поле и затем вторично пришел в Бежецкий Верх, где посадил своих наместников. Этим захватом князь Михаил вооружил против себя новгородцев. Новгород заключил договор с Москвой, по которому обязался помогать Москве против Твери и Литвы, а Москва должна помогать Новгороду против Литвы, Твери и немцев.

Военные действия 1371 года тяжело легли на население, которое из-за засухи, пожаров, дороговизны хлеба испытывало голод.

Осенью 1371 года вернулся из Орды Московский князь Дмитрий Иванович Донской. Он сразу же послал в Бежецкий Верх свою рать, которая убила тверского наместника Никифора Лыча и пограбила Тверские волости. Бежецк и в дальнейшем подвергался неоднократным опустошительным набегам. В 1397 году Бежецкий Верх захватил московский князь Василий Дмитриевич, с того времени бежецкие земли стали владением Москвы [12].

Зимой 1444–1445 годов войска великого князя Тверского Андрея Дмитриевича пошли войной и разорили волости Бежецкого Верха.

После покорения в 1478 году Москвой Великого Новгорода земли Бежецкого Верха окончательно и полностью перешли во владение Московского князя. Был образован Угличский удел во главе с городом Угличем. Бежецк стал находиться в составе этого удела, между этими городами стали налаживаться экономические связи. Через город Кашин прошла дорога Углич-Бежецк. Нужно отметить, что Бежецк был в составе сначала Угличского удела, потом Угличской провинции около 300 лет до 1766 года, когда Бежецку был придан статус города и образован Бежецкий уезд.

Восприятие Твери у бежечан ассоциировалось с насилием и разбоем. Тверь никогда не была для Бежецка ни экономическим партнером, ни авторитетом. Более авторитетной для бежечан была Москва, исторически она помогала Новгороду освобождать бежецкие земли от тверских князей. Кроме Москвы Бежецк активно торговал с Угличем, Устюжной, Мологой, Ярославлем, Костромой. Через Бежецк с конца XV века проходила Большая дорога от Углича до Устюжны.

Исторические заметки о Бежецке

Городецко в хронологии Петра Воинова

В 1892 году в Москве были опубликованы «Исторические заметки о Бежецком Верхе XVII–XVIII веков» Нила Александровича Попова. В них он привел хронологию жителя Бежецка Петра Кузьмича Воинова, 10 января 1728 года рождения. В хронологии П.К. Воинов записывал известные ему основные, на его взгляд, события в Бежецком Верхе.

Он переписал сведения об опустошении поселения Городецко польско-литовскими интервентами в 1609–1611 годах, имевшиеся в книге воеводы Максима Языкова и подьячего Якова Гневышева. Они сделали опись через пять лет после разорения, в 1616 году.

Интервенты опустошили и сожгли в Городецко 336 домов, во всем поселении остались не более 20 домов. В книге Н.А. Попова нет страниц с 18 по 27, поэтому по 10 улицам из 16 не определить число пустых домов. Из описи Языкова и Гневышева известно, что:

- на Никольской улице 80 пустых мест;
- Пряслова улица 40 пустых мест;
- Спасская улица 31 пустое место;
- Архангельская улица 15 пустых мест;
- Мотовилов переулок 5 пустых мест;
- Грязная улица 18 пустых мест.

В 1612 году Бежецким воеводой был Иван Михайлович Пушкин, который до этого, в 1610–1611 годах организовал и полгода держал оборону крепости Корела от шведов.

В хронологии Петра Воинова сказано, что в 1634 году в Городецко построена деревянная шатровая крестообразная церковь во имя Святой Троицы боярином Георгием Яншеевичем Сулешевым. В 1659 году построена деревянная соборная церковь думным дьяком Самсоном Ивановичем Заборовским, родом из села Шеломени. Им же в 1680 году построена каменная церковь во Введенском монастыре, это была первая каменная церковь в Городецко.

В 1678 году, 26 декабря, в Бежецком Верхе началась первая перепись людей и дворов Даниилом Григорьевичем Тютчевым и подьячим Воином Яковлевым. В 1709 году в Бежецком Верхе была проведена вторая перепись людей князем Григорием Ивановичем Волконским.

Далее Петр Воинов описывал события, которые случились уже при его жизни. В 1748 году были пожары в Кесовой Горе, Москве и других городах. Второй большой пожар в Кесовой Горе случился в 1750 году. Во время первого пожара там сгорела половина Зайцевой улицы, 70 дворов. Во время второго пожара сгорела церковь с колокольной, 120 дворов и лавки, погибло 5 человек. Остались невредимыми только чуть больше 20 дворов, и Запрудная сторона. В тот же год, 3 июня, от молнии в селе Градницы сгорела церковь полностью, без остатка. С того времени Градницы оставались пустошью до 1762 года. В декабре того же, 1750 года, сгорела церковь в приселке Любодицы, а 26 числа был пожар в церкви Рождества Христова в Городецко.

В среду, 1 апреля 1752 года, сгорела церковь в селе Зиновьево. В 1753 году тесть Петра Воинова Тимофей Никитович Лодыгин привез из Москвы в дар Рождественской церкви Городецко образ Тихвинской Божьей матери. Риза на образе весила 2 фунта (907,2 граммов. – А.Г.) и 61 золотник из серебра 82 пробы, стоимостью 48 руб. 7 коп., или по 19 копеек за золотник. Еще за позолоту 15 рублей, всего эта риза стоила 63 руб. 7 копеек.

Сам Петр Воинов пожертвовал Рождественской церкви образ Преображения Господня, оклад которого был в 54 золотника с позолотой и стоил 15 рублей.

В 1754 году Петр Воинов писал о смерти своего брата Алексея Кузьмича, чье имя было записано в синодиках Городецкого Введенского монастыря, Николаевского Антониева, Московского Чудова и Осташковского Нилова монастырей. В том же году в Городецко сгорела Спасская церковь.

Город Бежецк в 1783–1798 годах

Территория города Бежецка в 1783 году была в 3 версты 100 саженей в длину и в 2 версты в ширину. Город делили на 5 кварталов, в которых находилось 459 домов, а также особый 6-й квартал для инвалидов с 71 домом (сейчас эта часть города называется Штаб. – А.Г.). К тому времени в городе имелись каменные публичные строения:

- училище для детей священников и служителей церкви, основано в 1777 году;

- гражданская школа для купеческих и мещанских детей, основана в 1777 году;
- городской магистрат и каменная кладовая.

Публичные деревянные строения: дом городничего, богадельня, винный магазин, 7 питейных домов и 152 лавки. К ним же относились: 41 амбар, одна ветряная мельница, 15 кузниц, одна поварня и одна соляная ставка.

Городские каменные церкви:

1. Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, построена в 1705 году.
2. Введения Пресвятой Богородицы, построена в 1700 году.
3. Воздвижения Честного Креста, построена в 1670 году.
4. Николая Чудотворца, построена в 1743 году.
5. Покрова Богородицы, построена в 1772 году.
6. Вознесения Господня, построена в 1775 году.
7. Казанской Богородицы, построена в 1780 году.
8. Живоначальной Троицы, построена в 1781 году.
9. Воскресения Христова на кладбище.

Деревянные церкви города Бежецка.

1. Рождества Христова, построена в 1704 году.
2. Великомученицы Параскевы, построена в 1744 году.
3. Преображения Господня, построена в 1692 году.
4. Преподобного Сергия, построена в 1772 году.
5. Тихвинской Богородицы, построена в 1770 году.
6. Благовещения Богородицы, построена в 1752 году.

Купцов, проводящих гуртовый торг (оптовая торговля. – А.Г.) 29 семей, они скупали в городе Бежецке, окрестных селах и городах хлеб, сало, кожи, холсты и возили их сухим путем до Боровичей, оттуда – водой к Петербургскому порту. Каждый год эти купцы проводили торговлю на общую сумму 34 тысячи рублей.

Купцов, которые торговали в лавках и в розницу – 71 семья, они торговали хлебом, железом, золотыми позументами, шелковыми, бумажными, шерстяными и нитяными материями, разной посудой, напитками и прочими съестными продуктами. Их торговля ежегодно простиралась на 27,7 тысяч рублей. Один из этих купцов имел солодовый завод, двое – воскобойные и четверо – кирпичные заводы. У всех их в торгу вращалось около 800 рублей ежегодно.

Живописцев в Бежецке 6 человек, столяров – 4, кузнецов – 13, мясников – 12, калачников (пекли калачи) – 15, пряничников – 5, рыбаков – 5, крашенинников – 4. Все 67 семей цеховых разных художеств и рукоделий получали прибыль в общем итоге 4 тысячи рублей в год.

Другие городские жители из 120 семей имели пропитание, нанимаясь в приказчики к купцам, занимаясь черной работой, отдавая в наймы свои дома, а также за счет своих огородов.

Жителей в Бежецке в 1783 году всех сословий 1518 мужского пола и 1574 – женского пола. Из них инвалидной команды – унтер-офицеров, рядовых и их детей 151 мужского пола и 180 женского пола.

В 1798 году органами самоуправления в Бежецке были городская дума, магистрат, словесный и сиротский суды. При них находилась одна общая канцелярия, в которую входили 3 регистратора, 2 подканцеляриста, копиист и писчий. За 1798 год ими исписано 28 стоп бумаги (в одну стопу бумаги входило 480 листов. – А.Г.), до двух фунтов (один фунт – 453,6 граммов) гусиных перьев, один карандаш и чернил на 5 руб. 79 копеек. Чернила готовил Яков Жоховский домашним способом из чернильных орешков, сандала и купороса.

Канцелярия работала днем и по вечерам, для работы в вечернее время понадобилось до 4,5 пудов сальных свечей. Все городские служащие по самоуправлению, начиная от городского головы, и кончая последним сторожем, служили бесплатно. Это была их повинность по выбору общества.

С наступлением весны городской магистрат отправлял молебны на конских и коровьих пастбищах. Магистрат содержал в городе богадельню для престарелых и для несчастно-рожденных детей. Содержание богадельни за 1798 год обошлось городскому обществу в 160 рублей. Несчастно-рожденных за 1798 год было 55 детей, из них умерло 35 детей. На пропитание призреваемых отпускалось от 7 до 10 рублей в месяц, за год было отпущено 105 рублей.

На 17 руб. куплено дров, два воза лучины для освещения, три воза соломы для постельников и колыбелей, воз можжевельника для дезинфекции, три зыбки, колец и веревок к ним на 67 копеек. Куплено обуви и рубашек на 2 рубля, остатков материи на рубашки и пеленки младенцам на 2 руб. 70 копеек. Прислуга в богадельне была одна Марфа Бурдастова, она получила 6 руб. за год. Священнику за проведение 55 треб уплачено 5 руб. 50 копеек. При всей заботливости городского общества несчастно-рожденные младенцы редко выживали в приюте.

В Бежецке находилось единственное училище, его квартира была оплачена городом в сумме 25 руб. за год. 19 декабря 1798 года городское общество отослало в училище на экзамен штоф (один штоф 1,23 литра. – А.Г.) вейновой водки, штоф белого вина и штоф простого вина. Закуска не отсылалась, она была отнесена на счет экзаменаторов и экзаменовавшихся. (Вейновая водка готовилась из скисшегося виноградного вина, виноградного уксуса с добавлением несортového винограда, порою недозрелого. – А.Г.).

Самое беспокойное и большое место для городского общества представляли 8 мостов. Или они были плохо сделаны, или по ним было много езды на лошадях, но мосты в течение года чинились часто. Например, Остречинский мост чинили шесть раз в год, на его ремонт потратили более 100 рублей.

На противопожарное дело за год потребовалось 65 рублей, из них 25 рублей пошли на новые багры и ухваты. Остальная сумма ушла на мелкие починки пожарных рукавов и ящиков. Чистота в городе была связана только с метением мостов, за что в год выплатили 40 копеек. Поддержание на улицах чистоты, их освещение и лечение жителей возлагалось на личное усмотрение отдельного обывателя.

Городничего, которого звали Иваном Степановичем, боялись и любили. При поздравлении его с именинами и праздниками, староста кланялся ему штофом водки или деньгами, а в расход их записывал лишь из предосторожности. В книге расходов за 1798 год староста делал записи:

- «27 февраля, городничему на дрова – 25 рублей»;
- «18 марта, дано городничему 25 рублей»;
- «5 апреля, городничему дано два штофа водки»;
- «29 июня, городничему дано два штофа французской (анисовой. – А.Г.) водки»;
- «14 октября, взят штоф водки французской у Михаила Неворотина для городничего» [13].

Водкой чествовали не только городничего, но и настоятеля Николаевской Терebenской пустыни, экзаменаторов городского училища. Жизнь города Бежецка в 1798 году шла гладко и спокойно. Причина крылась в известной близости к Бежецку могущественного графа Алексея Андреевича Аракчеева. В Бежецке тогда жили мать Аракчеева, его брат и тетушка А.Н. Жеребцова. Граф А.А. Аракчеев (23.09.1769–21.04.1834 гг.) – военный и политический деятель, поль-

зовался большим доверием императоров Павла I, потом Александра I. По сведениям исследователя И.Н. Постникова, Аракчеев родился в селе курганы Бежецкого уезда. Там находилось родовое имение его матери (1750–1820), Елизаветы Андреевны Аракчеевой (Ветлицкой).

При императоре Павле I Аракчеев служил комендантом города Санкт-Петербурга в звании генерал-майора. Позднее был назначен инспектором всей российской артиллерии. При Александре I был назначен военным министром.

Общие сведения о Бежецке и Бежецком уезде за 1850 год

В памятной книге по отчету за 1850 год по Тверской губернии имеются общие сведения о городе Бежецке и Бежецком уезде. Население города – 3315 человек, в их числе 23 семьи потомственных дворян, в которых проживали 31 человек мужского пола и 30 – женского пола. Каждая семья потомственных дворян имела менее 100 душ крепостных крестьян. В городе проживало 50 семей личных дворян из 48 душ мужского пола и 69 душ женского пола.

Нужно отметить, что потомственное дворянство приобреталось по наследству от родителей потомками отличившихся личных дворян или именитых граждан. Также оно давалось в результате пожалования самим личным дворянам или именитым гражданам за особые служебные отличия орденов и записи в потомственное дворянство. Таким образом, потомственное дворянство давалось чаще всего личным дворянам за усердие в военной или гражданской службе и передавалось по наследству.

Личного дворянства помещики, мещане и другие граждане добивались сами путем получения чинов на военной или гражданской службе. Для получения личного дворянства служащий на гражданской службе должен был дослужиться не ниже чина титулярного советника. На военной службе – до первого старшего офицерского чина прапорщика или выше: подпоручика, поручика, штабс-капитана и других более высоких чинов.

Личное дворянство военные и гражданские служащие получали также при награждении их орденами. Личное дворянство передавалось при браке от мужа жене, но не передавалось по наследству детям и другому потомству.

Купцов первой гильдии в 1850 году в городе – 1, второй гильдии – 2 и третьей гильдии – 66, семьи которых состояли 170 душ мужского пола и 200 душ женского пола. С 1807 года к купцам I гильдии относили тех, кто объявлял о своем капитале в сумме не менее 50 тысяч рублей серебром, II гильдии – 20 тысяч рублей, III гильдии – 8 тысяч рублей объявляемого купцом капитала. При записи в гильдии купцы платили гильдейский сбор, который с 1821 года составлял 5,225% от объявленного капитала в год.

Мещан в 1850 году было 857 душ мужского пола и 1202 души женского пола, дворовых людей – 30 мужчин и 60 женщин, 31 священник. Мещанами называли городских обывателей, в число которых входили мелкие домовладельцы, ремесленники и другие горожане. Они несли податную и рекрутскую повинности, могли быть подвергнуты телесным наказаниям за разные проступки и дурное поведение.

За 1850 год в Бежецке родилось 113 мальчиков и 101 девочка, умерло 122 мужчины и 115 женщин. Совершено 28 браков, рождено вне брака незаконнорожденных – 3 мальчика и 6 девочек, подкидышей – 31 мальчик и 23 девочки.

Город состоял из 2 немощеных площадей – Торговой и Красной, 10 улиц, из них 2 мощеных – Большая и Кашинская, 8 немощеных – в том числе Введенская, Постоялая, Рыбинская, Садовая, Спасская. Из них освещалось в ночное время 2 улицы 10-ю фонарями. Эти 10 улиц состояли из 13 каменных домов и 711 деревянных домов, а также 72 каменных и 7 деревянных торговых лавок. В городе тогда имелось 13 каменных церквей, 3 православных кладбища.

Находились 2 духовных училища, где занимались 258 учащихся и 2 гражданских училища с 77 учащимися. Одна городская больница на 208 мужских посещений и 8 женских посещений. За 1850 год в больницу поступило 185 больных, из них выписали 165 человек, умерло 20 человек. Была одна частная богадельня на 20 мужчин и 41 женщину, один городской сиропитательный дом на 46 душ женского пола.

В городе насчитывалось 14 заводов с числом рабочих 40 человек, один частный станционный деревянный дом, одна деревянная тюрьма, 3 водяных мельницы. Для тушения пожаров за счет городской казны содержались 6 пожарных лошадей, 5 бочек, 7 рукавов к ним, 10 летних и 6 зимних дрог (телег), 12 ведер, 4 лестницы, 30 багров и 12 топоров. За 1850 год пожаров в Бежецке не было, по уезду случи-

лось 7 пожаров, во время которых сгорело 137 домов и хозяйственных построек на общую сумму 11 тыс. рублей.

В Бежецке служил один городничий с 12 полицейскими служащими, их общее содержание обходилось в 411 руб. 64 копейки в год. Убийств по городу и уезду за 1850 год не было, от несчастных случаев в Бежецке погиб 1 человек, по уезду 10, из них 5 утонули, а 5 погибли от «болезненных припадков».

Главной в Бежецке была Торговая площадь, на которой находился Воскресенский собор. Она была застроена красивыми каменными домами, на ней находились торговые ряды, построенные в начале XIX века по проекту К.И. Росси и В.П. Стасова. Ширина города в этой части около одной версты, длина города по главной Большой улице около трех верст.

За 1850 год в Бежецке провели 93 ярмарки, торга и базара, на них, кроме хлеба, масла, холста, шкур и других товаров, продали 85 лошадей, 742 головы крупного рогатого скота, 10 овец, 60 свиней и 33 козы.

Бежецкий уезд был разделен на 2 стана, центр 1-го стана располагался в казенном селе Теблеша, 2-го стана – в помещицьем селе Чижово. На территории уезда располагались 3 почтовые станции: в Бежецке, Толстикове, что в 20 верстах от Бежецка и Юркине, что в 27 верстах от Бежецка, на каждой станции находилось по 4 почтовых лошади. Легкая почта приходила в Бежецк по вторникам и пятницам в 3 часа 45 минут ночи, выезжала из Бежецка по четвергам и понедельникам в 11 часов дня. Одноконная почта приходила в Бежецк по субботам, летом и зимой в 6 час 40 минут утра, а с 15 марта по 15 мая и с 15 сентября по 1 декабря – в 1 час ночи. Выезжала из Бежецка по четвергам в 1 час дня.

В уезде в 1850 году проживали 111454 человека, в том числе 92 семьи потомственных дворян. Из них 61 семья имела менее 100 крепостных душ, а 31 семья – более 100 крепостных душ, а также 4 семьи личных дворян.

Деление на потомственных и личных дворян было закреплено законом при Петре I в 1714 году. Потомственные дворяне делились на шесть групп:

1. Дворяне, возведенные в сословие по личному указу императора.
2. Дворяне, получившие титул за военную службу, имея чин не ниже 8-го.
3. Дворяне, получившие титул за гражданскую службу в связи с награждением орденами или имевшие чин, не ниже 5-го.

4. Иностранцы дворяне, перешедшие в российское подданство.
5. Титулованные дворяне.
6. Столбовые дворяне, история которых составляла не менее 100 лет.

Потомственное дворянство передавалось по наследству. Личное дворянство получали представители других сословий, поступившие на государственную службу.

Помещичьих крестьян по Бежецкому уезду в 1850 году насчитывалось 38 104 мужского пола и 38 599 – женского пола. Кроме них, помещики имели дворовых людей мужского пола 2330 человек и 2635 дворовых людей женского пола. Дворовые люди – те же крепостные крестьяне, которых дворяне использовали в качестве домашней прислуги.

За 1850 год по уезду родилось 4316 мальчиков и 4329 девочек, умерли 3514 мужчин и 3745 женщин. Вне брака родились 113 незаконнорожденных мальчиков и 91 девочка, подкидышей – 13 мальчиков и одна девочка.

На территории Бежецкого уезда тогда находились 427 казенных деревень, 468 помещичьих и 94 удельных деревни. Построена 81 каменная и 24 деревянные церкви, имелись 9 казенных училищ с числом учащихся 351 человек. Работали 36 казенных, 24 удельных и 227 помещичьих казенных магазинов, все они находились в деревянных постройках.

В казенных деревнях жили государственные крестьяне, которые платили подати в казну. Им разрешалось вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики и заводы. Зв ними признавалось право пользования землей, и совершать некоторые сделки.

Цены на хлеб на территории Бежецкого уезда в 1850 году:

- одна четверть ржи (210 литров. – А.Г.), в зависимости от сезона, от 3,6 до 4,2 рублей. Рожь в Бежецком уезде по цене была самой высокой в губернии, выше цена установилась лишь в Кашинском уезде – 4,31 руб.;
- ячмень – 2,35–2,70 руб., овес – 1,7 рубля или самый дешевый в губернии;
- горох – 10 руб., картофель – 1,4–2,5 рубля.

В 1850 году в уезде находилось 44 государственных дачи, в тот год открыло еще 5 небольших дач с участками земли 65–70 десятин. Их число стало 49 с общей площадью земли в 14 323 десятины или в среднем по 292 десятины на одну государственную дачу. На территории уезда тогда находилось 72 водяных и 201 ветряная мельница [14].

Уездный город Бежецк

Тяжелые времена пережил город Бежецк (крепость Городецко) в начале XVII века. В 1610 году польские интервенты под руководством пана Красовского напали на Бежецк, сожгли деревянный кремль, церкви и монастыри, разорили дома горожан.

В 1614 году на Бежецк напали литовцы и разгромили его. В писцовой книге того времени записано: «В улицах городских жителей побитых литовскими людьми, дворовых и огородных мест: улица Курганская вся пуста, а в ней дворовых мест девять, улица Зайцова вся пуста, а в ней дворовых мест семь, улица Попова вся пуста, а в ней дворовых мест девять, улица Коптягина вся пуста, а в ней пять мест. На Виричевской, Войновой, Ушатовой, Белоусовой, Остроченской улицах 98 пустых дворовых мест».

В 1627 году в городе насчитывалось 134 тяглых посадских двора, в которых проживали 195 мужчин. Кроме того, числилось 186 пустых дворовых и огородных мест [15].

В 1706 году была образована Ингерманландская (позднее Санкт-Петербургская) губерния, в которую вошли 11 провинций, в том числе Углицкая. В Углицкую провинцию тогда входил и **образованный в 1766 году Бежецкий уезд**, управляемый воеводой, он включал в себя территорию нынешних районов Бежецкого, Максатихинского, Молоковского, Сандовского, Краснохолмского, а также часть нынешних Сонковского, Лесного, Спировского, Лихославльского и Рамешковского районов [16].

По переписи Никиты Степановича Тимирязева в 1710 году в Бежецке было 358 дворов, в которых проживали 750 душ мужского пола и 884 души женского пола. В городе находилось 2 монастыря – мужской монастырь с 2 монахами и женский с 20 монахинями, а также 13 церквей. Из всего податного населения города подать платили 195 дворов, выплатив за год 183 рубля и 9 денег. Остальные 105 дворов, да 26 вдових изб и 2 солдатских двора за скудностью средств подать не платили.

В связи с этим в 1709 году была проведена перепись населения Бежецкого уезда и составлена переписная книга. Бежецкий воевода, ведавший военными, административно-полицейскими и финансовыми вопросами, до 1776 года подчинялся Углицкому провинциальному воеводе.

Бежецкий уезд был образован в 1766 году, с 1776 года он стал входить в состав Тверского наместничества. Указом Сената от 28 января 1776 года было учреждено Тверское наместническое правление. Затем Указом Сената от 12 декабря 1796 года «О новом разделении государства на губернии» была образована Тверская губерния. С тех пор и до сегодняшних дней Бежецкий уезд (район) входит в состав Тверской губернии (области). К 1783 году в Бежецке проживало 3092 жителя.

Законом от 7 августа 1797 года «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления» были образованы удельные волости, просуществовавшие до 1863 года. В результате крестьянских реформ 1861 и 1863 годов Бежецкий уезд был разделен на 32 волости, которые существовали до 21 мая 1917 года. Постановлением Временного правительства были реорганизованы в волостные земские управы.

Перечень волостей Бежецкого уезда:

1. Алешинская	17. Михайлогорская
2. Алешковская	18. Могочская
3. Беяницкая	19. Новская
4. Бокаревская	20. Попцовская
5. Георгиевская	21. Поречская
6. Дельковская	22. Радуховская
7. Елецкая	23. Рыбинская
8. Еськовская	24. Селищенская
9. Заклинская	25. Скорыневская
10. Замытская	26. Сукроменская
11. Заручьевская	27. Теблешская
12. Ивановская	28. Толмачевская
13. Княжевская	29. Трестенская
14. Константиновская	30. Филипковская
15. Крутецкая	31. Чижевская
16. Микшинская	32. Яковлевская

В 1775 году, как и по всей стране, в Бежецке была введена должность Бежецкого уездного земского исправника, который исполнял обязанности первого заседателя Нижнего земского суда. До издания Манифеста от 19 февраля 1861 года исправник избирался дворянами уезда. После ликвидации в 1862 году земских судов уездный земский

исправник действовал самостоятельно. С 1889 года он стал возглавлять уездное полицейское управление. Бежецкий уезд был разделен на три части (стана), губернским правлением с 1837 года стали назначаться становые приставы. Эти должности были ликвидированы постановлением Временного правительства 3 мая 1917 года [17].

В 1824 году в городе Бежецке открылась уездная тюрьма, в которой стали содержаться уголовные и политические заключенные, действует до настоящего времени.

1 января 1864 года было учреждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которые являлись исполнительными органами уездных земских собраний. В городе Бежецке уездная земская управа работала с 1864 года до 20 января 1918 года.

По судебной реформе 1864 года в Бежецком уезде, как по всей стране, был введен институт мировых судей, которые рассматривали дела по обвинению разных лиц в кражах, порубках леса, продаже недвижимости, оскорблениях, а также дела по изысканию денег. Обжалованные решения рассматривались съездом мировых судей по Бежецкому мировому округу. Съезды мировых судей упразднены с 1891 года на основании закона от 12 июня 1889 года. Мировыми судьями некоторое время были А.Н. Неведомский из мызы Подобино и будущий министр путей сообщения Михаил Иванович Хилков, уроженец села Синеводуброво (ныне Сонковский район).

С 1861 года в Бежецком уезде действовали девять волостных судов, которые являлись низшими судебными инстанциями для рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел крестьян. Волостные суды состояли из 4–12 судей, ежегодно избираемых волостным сходом, упразднены в 1917–1918 годах. Волостные суды Бежецкого уезда: Беляницкий, Есковский, Заклинский, Княжевский, Могочский, Сукромненский, Теблешский, Чижевский.

Нотариальные действия совершал Бежецкий публичный нотариус, начавший работу в 1790 году. Он нотариально заверял дела о разделе имущества, купчие крепости на продажу земли и имущества, духовные завещания. Должность публичного нотариуса упразднена Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 года [18].

Для организации ополчения на территории уезда в период Крымской войны 1855–1856 гг. был создан и действовал Бежецкий уездный комитет государственного ополчения, который занимался набором ратников по уезду.

К 1858 году в городе проживали 2705 мужчин и 2429 женщин, всего 5134 жителя. В 1872 году был открыт Бежецкий городской общественный банк, который выдавал ссуды обществам, товариществам и крестьянам на покупку земли. В случае несвоевременного возвращения ссуды, земельный участок отбирался у заемщика и продавался другим лицам или обществам.

Банк был упразднен в 1918 году. Кроме общественного банка в городе Бежецке действовали отделения Государственного банка, Русско-Азиатского банка и Северного банка. В 1885 году была открыта сберегательная касса № 233, в 1910 году вторая сберегательная касса № 992. Кроме них, с 1904 года действовала ссудо-сберегательная касса при Бежецкой женской гимназии. Сберегательные кассы были закрыты в 1917–1918 гг.

В некоторых волостных центрах работали почтово-телеграфные сберегательные кассы: село Замытье № 4, село Микшино № 14, село Толмачи № 12.

Положением от 26 июля 1826 года была введена должность лесничих, на которых возлагалась охрана, восстановление и использование государственных лесов. В 1845 году образованы лесничества, которые возглавлялись лесничими, на территории уезда их было два: Заручьевское и Микшинское.

Город Бежецк издавна является культурным и образовательным центром. В 1777 году открыто первое образовательное учреждение – Бежецкое уездное духовное училище, которое готовило детей церковнослужителей, с 1885 года оно преобразовано в городское училище, переименованное в 1912 году в высшее начальное училище.

Здесь в 1787 году открылось самая первая в Тверской губернии мужская гимназия, которая явилась основным типом средней общеобразовательной мужской школы в России. Там обучались дети дворян, чиновников и купцов, в 1918 году гимназия преобразована в трудовую школу второй ступени. А в 1896 году была открыта Бежецкая женская гимназия.

В 1884 году в городе Бежецке для воспитанников приходов была открыта приходская научная сельскохозяйственная школа Бежецкой уездной земской управы. Она давала элементарные знания и навыки для работы на сельскохозяйственных предприятиях, просуществовала пять лет, закрыта в 1889 году [19].

С 1798 года действует городская больница, а с 1881 года работает земская библиотека. Многие учреждения были преобразованы или закрыты советской властью в 1918 году.

Таким образом, к концу XIX века уездный город Бежецк стал важным административным, экономическим, торговым, культурным и образовательным центром обширной территории под названием Бежецкий уезд.

Бежецкий уезд по площади составлял в начале XX века 12,8% всей территории Тверской губернии, а по числу жителей уезд занимал первое место в губернии. На 1 января 1909 года население уезда составляло 314 тысяч 593 человека, городское население – около 10 тысяч человек или 3,1% [20].

К началу XX века в городе насчитывалось 18 улиц, 20 переулков и 10 площадей, вымощены камнем главная Большая улица и Торговая площадь, всего 2,27 тысячи квадратных саженей или 4,8 квадратных метров. Также были вымощены тротуары площадью тысяча погонных метров или около 2 километров. Мощение улиц и площадей велось диким камнем – булыжником, а тротуары мостили мелким булыжником, щебнем и кирпичом, уложенным на ребро.

На Богословской горе заложили городской сад, примыкавший с одной стороны к оврагу, по дну которого текла речка Похвала. Название речки происходит от финского слова «*Pohja*» (дно), она первоначально называлась Похъяла, то есть бегущая по дну оврага. Это название, как и другим речкам – Уйвешь, Могоча, Мелеча, Молога, дало проживавшее здесь до прихода славян племя «весь». Позднее пришедшие славяне стали называть речку Похвала. С другой стороны сад примыкал к дороге, ведущей на Штаб – район города за рекой Мологой. Одной стороной сад примыкал вплотную к храму Иоанна Богослова, а другой – к тротуару вдоль Торговой площади.

Зимой между Торговой площадью и Садовой улицей заливали каток. На Садовой улице было достаточно много знаменитых зданий. Вся Садовая улица расположилась с поворотом вдоль речки Похвала, которая протекала сначала по равнине, а затем по дну большого оврага. Возле этого оврага была построена женская гимназия, неподалеку от нее находилась городская управа, а на крыше дома возвышалась пожарная каланча. До революции пожарная команда имела лошадей, на которых доставляли к месту пожара бочки с водой и пожарное оборудование. Рядом с пожарным депо висел пожарный колокол или кусок рельса. Зимой иногда на пожарной каланче появлялся прямоугольник, означавший, что мороз ниже 25 градусов, и детям в школу можно не ходить.

На пересечении Садовой улицы с Большой улицей слева, если смотреть со стороны Торговой площади, был дом Беловых, а справа – Бобуновых. В доме Ивана Белова до революции жил помощник земского страхового агента Бежецкого уезда Александр Александрович Белов. Он известен тем, что в мае-июне 1906 года издавал социал-демократическую газету «Бежечанин». А через улицу от Беловых был торговый дом С. Бобунова, на первом этаже которого располагался мануфактурный магазин, а также книжная торговля. В Бежецке тогда было 11 книжных магазинов и лавок. Кроме книжной торговли С. Бобунова с сыновьями на Большой улице находились: книжный и писчебумажный магазин «Наука и забава», принадлежавший Георгию Осташевскому, «Варшавский» магазин Петра Рудакова. Далее на этой же улице находилась книжная торговля при галантерейном и мануфактурном магазине Григория Волкова и книжный магазин Варвары Репиной.

Книги продавались в торговых лавках купцов Александра Горева, Ивана Горева, Ивана Васильевича Русина, Василия Гагина, которые располагались на Торговой площади. Два книжных магазина находились на Постоялой улице – Павла Шестова в доме Ловлева и Александра Козлова в доме братьев Коровкиных.

Тогда в Бежецке было две типографии, одна принадлежала уездному земству, другая – крестьянину Федоту Андреевичу Гущину. Он был членом Бежецкой уездной управы и заведовал типографией Бежецкого уездного земства. Осенью 1906 года он открыл собственную типографию, а с 1912 года стал заведовать и Бежецкой метеорологической станцией.

Единственным транспортом в городе тогда являлся конный. У хозяев были свои лошади или использовали извозчиков, как лихачей, так и ломовых. Легковые извозчики, или лихачи, перевозили по городу и за город на расстояние до 10 верст. Для поездок далее 10 верст нанимались экипажи с постоянного двора, который находился на Постоялой улице и примыкал к гостинице «Центральная». Ломовые извозчики перевозили грузы и товары, у каждого экипажа легковых и ломовых извозчиков был регистрационный номер, который выдавался на один год в городской управе. Оплата за проезд или провоз груза проводилась по договоренности или по таксе, установленной городской управой. В 1910 году в Бежецке было зарегистрировано 75 извозчиков.

В начале XX века в городе появились велосипеды, городская управа издала постановление, по которому велосипедистам ограничили проезд по некоторым улицам. Им вообще запретили езду на велосипедах по тротуарам, бульварам и в городском саду.

Освещение Бежецка, как и других городов, было керосиновым. На главных улицах и площадях находилось 170 уличных фонарей на фонарных столбах. По утрам и вечерам жители города видели фонарщика с лестницей на плече, керосиновым бидоном в одной руке и керосиновым фонарем – в другой. Фонарщик подходил к фонарному столбу, приставлял лестницу, поднимался, заливал керосин в фонарь, укрепленный на кронштейнах, накачивал его, как примус, и зажигал. По утрам он тушил непотухшие за ночь фонари. Кроме уличных, фонари висели также у входа частных особняков и контор.

Одной из основных проблем жителей города Бежецка и Бежецкого уезда было пьянство. 17 января 1910 года Тверское губернское земское собрание отклонило ходатайство Бежецкого уездного земства о полном запрещении спиртных напитков в Бежецком уезде. В то же время было признано право за сельскими сходами, закрывать и воспрещать открытие в селениях винных лавок и трактирных заведений.

22 июля 1915 года земский начальник 8 участка Бежецкого уезда доносил Тверскому губернатору о варке крестьянами пива большой крепости и пьянстве в течение 3 дней, а иногда и недели. Губернатор ответил, что никаких ограничений по приготовлению крестьянами пива для своего употребления не установлено.

Основным занятием жителей было земледелие, выращивали зерно, лен, овощи. Кроме того, население занималось охотой, рыболовством, лесоразработками и промыслами.

Кроме дегтярного, гончарного, бондарного, щепаного, колесного, тележного промыслов, распространенных в Бежецком уезде, в Трестенской и других карельских волостях, существовало углеобжигание. Этот промысел не требовал оборудования, кроме ломов и лопат. Местом обжигания углей служила небольшая яма. Но этот промысел постепенно вытеснил каменный уголь, который появлялся даже в таких мелких предприятиях, как сельская кузница [21].

В Бежецке в начале XX века было около 10 тысяч жителей, торговых заведений 470, промышленных 55. Из промышленных предприятий можно отметить казенный винный склад, винокуренный завод торго-

вого дома братьев Коровкиных, кожевенный завод братьев Репиных и крупнообдирный завод В.П. Боткина.

Особый колорит городу Бежецку придавала торговля льном. Здесь происходила посредническая скупка льна из многих губерний для продажи за границу. В начале XX века лен покупали в Бежецке восемь иностранных фирм. За один сезон 1909–1910 года они купили льна на 2,5 миллиона рублей. Крупными торговцами льна были бежецкие купцы: П.И. Ревякин, скупавший за сезон льна на 400 тысяч рублей, Н.С. Ветошников – на 450 тысяч рублей, Е.И. Иродов – на 200 тысяч рублей, Н.А. Петухов – 150 тысяч рублей. Они закупали лен в Тверской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях.

Сезон скупки льна в городе Бежецке длился с октября по апрель месяц, главная скупка проводилась в ноябре-декабре месяцах каждого сезона.

Из Бежецка больше всего льна вывозили во Францию, в 1909–1910 гг. – на 1 миллион 400 тысяч рублей, в Германию и Бельгию по 600 тысяч рублей, в Англию – на 450 тысяч рублей, в Австрию – на 150 тысяч и в Италию – на 50 тысяч рублей.

За сезон 1909–1910 гг. обороты бежецкого льняного рынка достигли 3,3 миллиона рублей, в другие годы они достигали 4 миллионов рублей, а за сезон 1907–1908 года достигли максимума 5 миллионов рублей. Льнопродукция составила тогда 71% всего товарооборота города Бежецка. Кроме льна продукцией обширной скупки были: мясо, яйца, молочные продукты, невыделанные кожи, спирт и другие товары.

Скупкой яиц занимались торговцы Л.Д. Зелов и Д.М. Бирилев, обороты доходили до 0,5 миллионов рублей, скупали яйца в деревнях, сбывали в Санкт-Петербург и Германию.

Скупку молока, сметаны и масла проводили купцы Н.И. Боткин, А.С. Тараканов и И.Д. Зелов, продавали товар они в Санкт-Петербурге, обороты до 0,5 миллионов рублей в год.

Скупкой и продажей сырых невыделанных кож занимались торговцы М.Н. Лебедев, И.И. Расторгуев, оборот доходил до 100 тысяч рублей. Предприниматели С.М. Бирилев и Е.И. Иродов занимались кройкой хлебных мешков и раздачей их для шитья. Шили мешки городские мещанки и крестьянки из ближайших селений.

Бежецкие купцы принимали активное участие в ежегодной Крещенской ярмарке, которая до Октябрьской революции 1917 года

каждой зимой проходила в городе Весьегонске. О ней в своих воспоминаниях написал житель Весьегонска Павел Александрович Сиверцев (1866–1935 гг.). Он писал, что подводы с товаром, запряженные лошадьми, начинали тянуться к Весьегонску уже недели за три до ярмарки, всего прибывало до 700 возов. Железнодорожные вагоны с товаром, предназначенным для ярмарки, оставались на двух станциях, что в 25 и 36 верстах от Весьегонска, товар из них перевозили на подводах.

В Весьегонск приезжали купцы с северных городов Архангельска, Белозерска, Онеги, Повенца, Петрозаводска, Каргополя. Много было подвод из более ближних городов – Вологды, Пошехонья, Череповца, Кирилова, Мологи, Устюжны. Приезжали купцы из Приладожья – Олонца, Ладоги, Тихвина. Прибывали они из Поволжья: Ярославля, Костромы, Ворсмы, Павлова, Арзамаса, Владимира, Суздаля, Нижнего Новгорода. Приходили подводы из южных городов по отношению к Весьегонску – Москвы, Кашина, Калязина, Кимр, Торжка, Бежецка, Красного Холма.

Немало мещанских семей Весьегонска только и жили доходами с ярмарки, сдавая на постой квартиры, дома, конюшни, амбары, скотные дворы. Они продавали купцам овес и сено, разносили горячий сбитень с медом. Пекли сайки, хлеб, калачи, пряники и продавали приезжим. Многие местные жители делали запасы с ярмарки на целый год. Они покупали оконное и ламповое стекло, керосин, свечи, ситец, сукно, спички, сахар, чай, гвозди. Нередко, когда у покупателя не было достаточно денег, а запасы надо делать на год, он платил купцу половину стоимости товара. Вторую половину стоимости записывали в виде долга поименно на бумаге, которую подписывали обе стороны, а долг платили через год во время следующей ярмарки.

До 25 тысяч пудов гвоздей привозили из Череповца купцы Носырин, Заводчиков, Поздаев и Андрианов. Табак и спички привозили до 1,5 тысяч пудов из Ярославля купцы Дунаевы, Вахромеевы и Ведерниковы. Привозили свыше одной тысячи двухпудовых бочонков с подсолнечным, льняным, конопляным, маковым маслом купцы из Ярославля, Нижнего Новгорода и Арзамаса. Русского топленого мороженого масла продавалось до 1,5 тысяч пудов.

На ближайших железнодорожных станциях стояло до 10 вагонов с чесаным льном, 5 вагонов с куделей, паклей и пенькой, вагон с крес-

тьянским холстом. На ярмарку привозили до 30 подвод сушеных белых грибов, до 500 пудов мороженой клюквы.

Из Мологи, Ярославля, Рыбинска, Белозерска, Кирилова, Старой Ладogi, Каргополя привозили до 15 тысяч пудов разной рыбы. Рыбой торговали и местные бакалейщики Эльтеков, В.М. Бородавкин, Я.М. Галунов из города Бежецка, Я.М. Галунов также продавал пряники.

Северные карелы продавали до 250 пудов меда в бортиках. Здесь же торговали шкурами медведей, волков, зайцев, белок, куниц, продавали кожи конские, телячьи и яловые. И.Сергеев из Бежецка торговал в числе других местных купцов мануфактурой.

Ярмарка проходила с 6-го по 15-е января и каждый день для продажи выставляли до 1000 лошадей, которых охотно покупали помещики и лесопромышленники, так как поблизости не было ни одного конного завода. С 16-го января все начинали постепенно разъезжаться, купцы, отправив подводы с сопровождающими, уезжали в ямщицких экипажах. Езда зимой по 12 верст в час, до Бежецка 120 верст, до Мологи 90 верст, до Белозерска 145 верст. Купцы ехали не спеша, подолгу останавливались на почтовых станциях, сидели, пили чай и водку, делились впечатлениями о ярмарке, прощаясь с ней до следующего года. Оборот Крещенской ярмарки в Весьегонске достигал до 1,5 млн рублей серебром или в 75 раз больше, чем во время Афанасьевской ярмарки в городе Мологе [22].

Бежецкие купцы приезжали торговать в город Мологу, который располагался при впадении реки Мологи в Волгу, до революции там проводились три ярмарки в год: Афанасьевская – 17 и 18 января, вторая – в среду и четверг 4-й недели великого поста и Ильинская ярмарка – 20 июля. Оборот Афанасьевской ярмарки доходил до 20 тысяч рублей, остальные же ярмарки не многим отличались от обыкновенных еженедельных базаров по субботам.

Уклад жизни Бежецка, как и всей России, резко и основательно изменила Октябрьская революция 1917 года.

Глава II. Тверские карелы

Краткий исторический очерк

Прародина

Тверские карелы – отдельная ветвь карельского народа, проживающая в Тверской области. Их прародиной была территория Верхней Волги с притоками, где до X века проживало финское племя *меря*, реки Мологи с притоками, где до XIV века проживало племя *весь*. С VI века началась колонизация этих земель славянскими племенами. В связи с этим часть финских племен ушла на новую родину – к берегам Финского залива и Ладожского озера. Другая их часть ассимилировалась со славянами, пополняя их ряды. Именно эти финские племена, ушедшие со своей земли на карельский перешеек и Приладожье, составили основу племени «корела».

Племя «корела» впоследствии отделилось по языку и обычаям от прочих финских племен.

Финские племена, проживавшие ранее на Тверской земле, оставили много названий рекам, озерам, деревням и селениям. Племя *меря* дало название реке Волге, селениям Мерлуге, Меринову, Чамерову и другим. Но более всего сохранилось названий, произошедших от племени *весь*: Вески, Веснево, Вескино, Почеповесь, Колобовесь, Хотавесь, Уйвесь, Перевесь, Грязновесь, Весь Егонская, Еськи и другие. Достоверно известно, что племя *весь*, проживавшее на реке Мологе до XIV века вело немую торговлю с булгарами из Волжско-Камской Булгарии. К тому времени уже были русские поселения Бежичи и Торжок. Булгары, ведя немую торговлю, поднимались по Волге до устья реки Мологи и доходили до нынешнего города Бежецка.

В лесных деревушках бежецкого и весьегонского края после прихода славян долгое время оставались представители финно-угорских племен *весь* и *меря*, что явилось одной из важных причин последующего заселения карелами именно этих мест.

Родина

Корела, как этническая общность, сформировалась к XII веку нашей эры на территории между северо-восточным берегом Финского

залива и северо-западным берегом Ладожского озера, включая Карельский перешеек.

На социально-экономическое развитие и историю карел значительный отпечаток наложило удобное географическое положение территории. Ладожское озеро, река Нева с выходом в Балтийское море, водная система реки Вуоксы с выходом в Ладогу. Поэтому к карельской территории было большое внимание со стороны Новгородского княжества и Шведского королевства. Карельская народность формировалась в условиях борьбы между Новгородом и Швецией за их земли. Карелы были третьей силой в борьбе между ними. Самое первое упоминание о карелах в русских летописях за 1143 год.

Первые упоминания о карелах в русских летописях XII–XIV веков связаны с междоусобными войнами с племенем емь (хяме) и сумь (финны), которые выступали на стороне Швеции. Корела из-за этих войн разделилась в 1323 году на две части: Западную Корелу с центром Виипури (Выборг) и Восточную Корелу с центром Корела. Восточные карелы стали иметь более тесные связи с Новгородом. По своей культуре и языку они стали отличаться от финских племен сумь (финны) и емь (хяме), примкнувшим к Швеции и образовавшим позднее государство Финляндия.

Исход

Первый исход карел на тверские земли был из Западной Корелы в 1353 году. Это связано с тем, что после подписания в 1323 году Ореховецкого мира, поделившего Карельский перешеек на две части, упсальский епископ Хемминг с 1350 года начал заново крестить православных карел Западной Корелы в католическую веру. Это явилось причиной бегства некоторых карел из Выборгской части Карельского перешейка на территорию Бежецкого Верха.

Второе упоминание о нескольких карелах на тверской земле есть в Новгородской писцовой книге за 1564 год.

Первая небольшая переселенческая волна относится к периоду 1581–1595 годов, когда город Корелу и Карельский уезд захватили шведы. После заключения Тязвинского мира от 10 мая 1595 года часть бежавших карел снова вернулись на родину. Они на 10 лет освобождались от податей, им были бесплатно переданы в собственность дома, построенные шведами в 1580–1597 годах.

Вторая основная переселенческая волна прилась на период с 1617 по 1661 годы после захвата Швецией всего Карельского уезда и подписания в 1617 году Столбовского мира. При анализе русских и шведских переписных книг XVI и XVII веков можно определить, что с территории Сакульского погоста ушло около 470 семей или 2 тысячи человек, из Ровдужского погоста – 250 семей или более тысячи человек, погоста Тиурала – 162 семьи, погоста Куркийоки – 856 семей, Йоукио – 420 семей. Всего из этих погостов ушло 2160 семей или 11 тысяч человек.

Исход был и из других погостов Карельского уезда, которых было 18, четыре относились к южным погостам и 14 – к северным. Значительная часть карел смогла покинуть Карельский перешеек и поселиться на тверской земле во время войны 1656–1658 годов. За это время из Карельского уезда ушло 4100 семей или более 20 тысяч человек.

Третья последняя миграционная волна относится к периоду после 1721 года, после окончания Северной войны и подписания Ништадтского мира.

Таким образом, исход карел со своей родины продолжался около 150 лет с 1581 года до 30-х годов XVIII века.

Возвращение на земли предков

Когда в 1581 году началась первая переселенческая волна, на Тверской земле уже жили карелы-знатцы, предки которых пришли сюда в XIV веке и середине XVI века. Они указывали переселенцам запустевшие после мора деревни и дома. На землях Бежецкого Верха в период с 1551 по 1582 годы запустение достигло 86%, Бежецкий край представлял собой лесную пустыню. От мора и голода русские крестьяне ушли с нажитых мест на юг, многие из них умерли.

Вот на эти запустевшие земли и пришли карелы, чтобы своим трудом поднять их. По имеющимся документам можно судить о расселении карел на Тверской земле. В Толмачеву Слободу пришли 29 карельских семей, в Козловский приход 32 семьи, в Торжок – 12 семей, деревню Кесьма – 20, Сандово – 12, в другие деревни по 3–5 семей.

Число карел на тверской земле постоянно увеличивалось:

- 1709 год – (только по данным Бежецкого Верха) 630 семей или около 3 тысяч человек;
- 1800 год – 6534 семьи или 32 670 человек;

- 1834 год – 83 304 человек;
- 1859 год – 93 693 человек;
- 1873 год – 828 карельских деревень, 98 253 человек;
- 1897 год – 117 679 человек;
- 1926 год – 973 деревни и хутора 140 567 человек;
- 1930 год – 150 617 человек.

Карелы крупным массивом проживали на территории Бежецкого, Весьегонского, Вышневолоцкого и Новоторжского уездов, а также небольшими группами в Зубцовском, Кашинском и Осташковском уездах. В 1662 году царь Алексей Михайлович Романов велел переписать всех карел и отписать их на его государево имя, образовав карельские дворцовые волости.

Расселяясь на новых местах, карелы усваивали старые русские названия деревень и пустошей. Иногда давали свои карельские названия, сохранившиеся до настоящего времени: Гутты, Кагрушки, Ветча, Мяммино, Гуммала, Райда, Горма, Кало, Лукка, Минка, Койвушка, Кондушка, Векшино, Винжа и другие. Название других карельских деревень и сел было связано с пребыванием карел на этих местах: Старо-Карельское, Карельское Заручье, Карельское Васильево, Корельское-Кошево, Сельцо Карельское, Карельский Городок.

Религия

Карелы впервые были крещены в православие в 1227 году Новгородским князем Ярославом Всеволодовичем. Но они очень долго еще оставались язычниками. Более 300 лет спустя после первого крещения 25 марта 1534 года. Новгородский архиепископ Макарий обратился с грамотой в Водскую пятину, в составе которой был и Карельский уезд, о борьбе с языческим проявлением, об искоренении языческих традиций и обрядов. Через 14 лет 8 июня 1548 года Новгородский архиепископ Феодосий снова направил грамоту в Водскую пятину со своими указаниями по разрушению молебен и искоренению языческих обрядов.

И только через 45 лет после этого в 1593 году впервые было учреждено Карельское и Ладожское епископство во главе с епископом Сильвестром. К тому времени карелы у себя на родине построили достаточно много православных церквей и монастырей. В самом городе Корела было три церкви и четыре монастыря, в Городенском погосте

две церкви, в погосте Михайловском Сакульском одна церковь, в Ровдужском погосте две церкви, Соломанском погосте две церкви. Церкви сжигали шведы, а карелы их снова восстанавливали.

Придя на Тверскую землю, карелы построили 86 церквей и 169 часовен в 77 карельских приходах. До 1797 года вопросами карельских приходов территориально ведали монастыри. После образования в 1797 году Удельного ведомства вопросами всех карельских приходов на Тверской земле ведала Николаевская Теребенская пустынь. Первые 18 деревянных храмов карелы построили в период с 1629 по 1675 года.

В XIX веке они заменили многие деревянные церкви на каменные. Сложность перехода карел к православию заключался в незнании ими русского языка, а большинство священнослужителей не знали карельского языка. Первые карельские священники, зная язык, начали составлять исповеди и молитвы на карельском языке с применением кириллицы.

Священник с. Козлово Вышневолоцкого уезда Григорий Ефимович Введенский вместе со священником села Кава Бежецкого уезда М.А. Золотинским в 1817 году перевели с русского на карельский язык «Евангелие от Матфея», которое было издано в 1820 году в г. Санкт-Петербурге. Священники стали первым учителями карел русскому языку и обучения их грамотности.

Революция

Трудолюбивые тверские карелы в основном были зажиточными крестьянами, имели по 1–2 лошади, 3–4 коровы, десятки овец, добротные постройки.

Большинство из них не были зависимы от помещиков, так как сначала были государственными дворцовыми крестьянами, а с 1797 года удельными крестьянами и находились в ведении царского двора.

Карелы встретили Октябрьскую революцию 1917 года настороженно, порою враждебно.

Во главе Бежецкой земской управы в 1917 году были тверские карелы В.И. Толмачевский, В.С. Чекеев и другие. Они оказывали сопротивление установлению советской власти более 2 месяцев. 20 января 1918 года большевики предприняли попытку силой захватить здание Бежецкой земской управы, направив туда 82 солдата с винтовками и

пулеметами. В ходе захвата был убит комиссар большевиков Скворцов. В его смерти обвинили руководителей земства – тверских карел, но доказать их вину не смогли.

Несмотря на это В.И. Толмачевский и В.С. Чекеев были арестованы и умерли в тюрьме.

В ряде карельских волостей Бежецкого, Весьегонского уездов вспыхнули крестьянские вооруженные восстания. Такое восстание произошло в апреле 1918 года в Никулинской волости Вышневолоцкого уезда, которое продолжалось 8 дней. В волости проживали 8755 карел, они восстали против произвола бывших уголовников, ставших во главе волости и уезда. Руководили восстанием братья Жухаревы из деревни Тимошкино. Большевики привезли в деревню 200 винтовок и 2 пулемета, вооружили ими бедноту.

Прибывший им в помощь отряд красноармейцев подавил восстание, арестовал 12 человек его организаторов. При этом убили А. Жухарева и его двух сыновей Владимира и Алексея, третий сын Михаил позднее умер в тюрьме.

Советская власть победила по всей стране, карелам пришлось приспособиться к новым условиям.

Письменность

Родиной карельской письменности на латинице является Тверская земля. Датой ее рождения можно считать 1 февраля 1931 года – день выпуска первого номера газеты «Колхозоин Пуолех» на карельском языке.

1 марта 1930 года Комитет по делам национальностей народного комиссариата просвещения СССР провел совещание по созданию карельской письменности. На совещании было решено всю работу среди тверских карел поставить на карельском языке, положив в основу карельского литературного языка толмачевский говор, организовать разработку карельской письменности на латинской основе. Комитетом было решено в месячный срок разработать карельский алфавит, к 1 сентября 1930 года выпустить букварь с материалами для чтения, разработать программу и методическое письмо по преподаванию родного языка в школах. Летом 1930 года организовать курсы по переподготовке учителей на родном языке.

Тверская карелка из Толмачей А.А. Милорадова, выполняя это решение, вместе с профессором Н.А. Яковлевым составила алфавит для тверских карел на латинизированной основе и «Букварь», преподавала учителям карельских курсов основы карельского литературного языка.

Летом того же года тверской карел А.А. Беляков вместе с Милорадовой организовали подобные курсы учителей в Твери. Подготовленные на курсах карельской письменности учителя стали основным ядром карелизации. В это время профессор Д.В. Бубрих предлагал создание единой карельской письменности, как для тверских карел, так и для карельского населения Карельской АССР, где изучали финский язык.

25 апреля 1931 года в Москве состоялось заседание Президиума Совета национальностей ЦИК СССР, на котором обсуждался вопрос о карельском языке.

С докладом выступил первый секретарь Карельского обкома ВКП (б) Густав Ровио, который резко критиковал создание карельского письменного языка, заявлял, что это дело безнадежное.

Ему возражал представитель тверских карел А.А. Беляков, позиция которого нашла тогда поддержку.

Благодаря общим усилиям активистов создания карельской письменности А.А. Милорадовой, А.А. Белякова и других за короткое время были подготовлены и изданы около сотни необходимых книг на карельском языке. С 1 сентября 1932 года по май 1938 года карельский язык и литература преподавались в 181 школе на территории 12 районов Тверской области.

Культура

Уклад жизни тверских карел деревенский, в городе происходит их быстрая ассимиляция и потеря национального самосознания.

В отличие от русских у тверских карел дома обширные с множеством пристроек, которые делают возможность автономно жить зимой, не выходя из дома. За пределами дома находятся только баня, рига и сарай.

Карелы занимались земледелием, скотоводством, охотой, ремеслами. Женщины занимались вышивкой и ткачеством. Вышивка, тканые узоры, набойка и кружева – это разнообразные виды украшений ткани у карел.

Народным орнаментом они украшали свою одежду, полотенца, скатерти, занавески, «полога» к кроватям.

Женский карельский национальный костюм состоял из рубахи, сарафана, пояса, головного убора и обуви.

Рубаху «шоба» шили из льняного холста, она была одновременно нижней и верхней одеждой. Плечевую часть рубахи украшали нашивкой из кумача, вышивали красной бумагой или шерстью. Рубаху носили вместе с сарафаном, который шили из крашеного в синий цвет холста, а иногда шерстяной ткани. Подол сарафана украшали оборкой из красного сукна, ворот и неглубокий вырез спереди у ворота обшивали тесьмой. Рубаха и сарафан обязательно подпоясывались.

Женским головным убором тверской карелки была сорока, они делились на четыре разновидности: Весьегонские, Зубцовские, Максатихинские и Рамешковские.

В комплект мужской одежды входили рубаха (пайда) из холста, штаны из домотканой материи, пояс и короткая блузка из ткани синего цвета без рукавов.

Карельская кухня отличалась от русской различными видами пирогов, черными щами, пивом.

Последние обычаи, которые сохранились до недавнего времени, это проведение «недели невесты» в течение зимы и «Kegrinpaiva», своего рода «пугало-день». Большой интерес у российских и зарубежных исследователей вызывают напевы карельских причитаний – плачей, как одного из древнейших жанров устной народной поэзии. Финские ученые Хельми и Пертти Виртаранта записали плач Анны Андреевны Шутяевой в день Успенья 28 августа 1977 года на сельском кладбище села Козлова и перевели с карельского на финский язык. Позднее этот плач был переведен на 20 языков мира. Древняя карельская культура заслужила, чтобы о ней знали во многих странах мира.

Государственность

Первый и последний опыт государственности у тверских карел был в период с 9 июля 1937 года по 7 февраля 1939 года, то есть 19 месяцев.

8 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП (б) рассмотрело вопрос об организации в составе Калининской области Карельского национального округа с центром в городе Лихославле.

На основании этого решения 9 июля 1937 года Президиум ВЦИК СССР принял постановление об образовании округа из Лихославльского, Новокарельского, Рамешковского, Максатихинского районов и вновь образованного из карельских сельсоветов Спиоровского района Козловского района.

В состав округа вошло 128 сельсоветов, 834 колхоза, на территории округа проживало 170 тысяч населения, из них 95 тысяч карелы.

Вне округа остались тверские карелы Вельегонского, Сандовского и Краснохолмского районов общим числом 21 тысяча человек. Также за пределами округа оказались карелы Зубцовского района 1,8 тыс. человек, Сонковского 1,7 тыс. чел., Молоковского 1,1 тыс. чел., Есеницкого около тысячи человек, а всего 26,6 тысячи человек. Таким образом, к моменту создания округа в 1937 году на тверской земле проживало 121,6 тысячи карел.

Из этих районов стали переселять кадры руководителей, учителей, активистов на территорию национального округа.

Стала выходить окружная газета «Карельская правда». Велось активное строительство объектов культуры, образования, сельского хозяйства во всех районах округа. Достижения округа за один его год были показаны в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1938 году.

До настоящего времени трудно ответить на вопрос, с какой целью создавался карельский национальный округ? Для развития карельского языка, письменности и культуры, или с целью выявления активистов карельского движения, чтобы расправиться с ними и окончательно уничтожить Тверскую Карелию.

5 февраля 1939 года политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление о ликвидации Карельского национального округа.

7 февраля 1939 года Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ № 69686 «О ликвидации Карельского национального округа».

25 февраля была составлена отчетная ведомость распорядителей кредита об исполнении средств по бюджету округа за январь и февраль 1939 года. Это был последний документ, касающийся округа, после чего о карелах забыли ровно на 50 лет.

Репрессии

9 февраля 1938 года или через 7 месяцев после создания национального округа УНКВД по Калининской области возбудило уголовное дело № 13601 по обвинению активистов карельского движения в контрреволюционной и разведывательной деятельности в пользу одного иностранного государства (Финляндия). В тот же день были проведены первые массовые аресты карельской интеллигенции. Вторая волна арестов руководителей и партийных работников округа прошла в июле 1938 года.

Аресты продолжались до конца года, по этому «карельскому делу» проходило около 400 человек, 143 из них были арестованы, шестеро умерли в тюрьме. «Карельское дело» было полностью прекращено 28 мая 1940 года уже после окончания Зимней войны между Советским Союзом и Финляндией.

Репрессии коснулись и священнослужителей карельских приходов.

Сотрудники УНКВД по Калининской области возбудили уголовное дело № 13460 по обвинению архиепископа Калининской епархии Успенского Ивана Васильевича (Фаддея) в руководстве контрреволюционной фашистско-монархической организацией. В обвинительном заключении фальсификаторы писали, что И.В. Успенский давал задания участникам на организацию и насаждение контрреволюционных церковно-монархических групп и повстанческих ячеек во вновь организованном Карельском национальном округе через своего посланца Орлова Митрофана. Вместе с архиепископом Фаддеем были арестованы 10 священнослужителей карельских приходов, 6 из которых были расстреляны вместе с владыкой.

В карельских приходах были взорваны, уничтожены, обезглавлены, разрушены 81 церковь из 86, остались действующими всего 5, репрессированы не менее 45 священников, служивших в карельских приходах.

Одновременно с этим были совершены шаги по фактической ликвидации карельской письменности. Буквально через 1,5 месяца после создания Карельского национального округа в августе 1937 года тверского карела А.А. Белякова пригласил к себе первый секретарь Калининского обкома ВКП (б) П.Г. Рабов. Он предложил Белякову составить карельский алфавит на основе русского алфавита, а также написать докладную записку И.В. Сталину от имени

Калининского обкома ВКП (б) о переводе карельской письменности на кириллицу.

В конце августа состоялось беседа П.Г. Рабова с И.В. Сталиным, итогом которой стало постановление Президиума ЦИК СССР от 8 сентября 1937 года о переводе карельского языка с латиницы на кириллицу. Это на практике привело к попытке ликвидации письменного карельского языка, рожденного на тверской земле.

За период с 1930 по 1939 годы число тверских карел уменьшилось на 30,6 тысячи человек. Из них были переселены в Карельскую АССР 3,8 тысячи человек, направлены на стройки народного хозяйства 2,5 тыс. чел., расстреляны 126 человек, раскулачены, арестованы за контрреволюционную деятельность и антисоветскую агитацию, выселены в Сибирь, Казахстан и на Север 24,2 тысячи человек [23].

С этого времени национальная культура тверских карел, которая с начала 30-х годов XX века пошла быстро в рост, по соображениям большой политики была срублена под корень.

Забвение

С 1939 по 1989 годы был периодом полного забвения тверских карел. Сжигались книги на карельском языке, прекратилось обучение родному языку в школах. Ни в одном официальном документе слова «карел» не было. Менялись названия населенных пунктов: вместо села Корельское Кошево стало вдруг Кор-Кошево, вместо села Карельский Городок стал Кар. Городок и так далее. Число карел за 20 лет с 1939 по 1959 годы сократилось в два раза. Основными причинами было большое число погибших карел около 20 тысяч человек во время Зимней войны с Финляндией и Второй мировой войны. Много карел переехали жить в Карело-Финскую ССР в 1946–1953 годах. Значительное число их было отправлено на освоение целинных и залежных земель, прежде всего в Казахстан. Карелы стали уезжать на стройки народного хозяйства в города и другую местность. Часть карел ассимилировалась с русским населением.

В 1970 году число тверских карел было уже 38 064 человека, с этого времени началась активная ассимиляция их с русскими, так как политика государства была направлена на безнациональное общество с «единым советским народом».

К 1979 году число тверских карел уменьшилось до 30 387 чел., к 1989 году до 23 169 человек, сохранилось 617 карельских деревень, но число жителей в них резко уменьшилось. В эти годы забвения и запретов были люди, которые продолжали развивать карельскую письменность, рожденную на тверской земле. Они готовили материалы для будущих книг, для будущего «Словаря карельского языка». Это знатоки карельского языка А.В. Пунжина из Толмачей, Г.Н. Макаров, его жена Д.И. Макарова, Д.А. Федоров, К.В. Манжин. Они подготовили почву для развития карельского литературного языка, которое продолжилось с 90-х годов XX века.

Общество культуры

В октябре 1989 года по инициативе группы энтузиастов во главе с ученым Тверского государственного университета В.А. Виноградовым в Калининском облисполкоме под началом его председателя В.А. Сулова прошло совещание о возможностях и путях возрождения языка и культуры тверских карел. Было решено создать областное общество карельской культуры.

Через год 29 октября 1990 года состоялось учредительная конференция областного общества культуры тверских карел, его председателем стал В.А. Виноградов, заместителем М.М. Орлов.

На заседании комитета 16 августа 1991 года было решено создать в районах компактного проживания карел отделения областного общества. К концу года были созданы отделения в Лихославльском, Максатихинском, Рамешковском, Спировском районах и в городе Твери.

17 апреля 1992 года прошла первая отчетно-выборная конференция общества, на которой был избран областной комитет из представителей районов и областного общества. Председателем общества утвержден М.М. Орлов, исполнявший эти обязанности с мая 1991 года в связи со смертью В.А. Виноградова.

М.М. Орлов издал «Букварь» на карельском языке, составил план работы общества, добился его финансирования из областного и районных бюджетов.

В мае 1993 года председателем общества был избран В.В. Елкин – глава администрации Заволжского района города Твери, в связи со смертью М.М. Орлова 8 апреля 1993 года.

В 1994 году издан «Словарь карельского языка (тверские говоры) А.В. Пунжиной, который включает в себя около 17 тысяч слов тверского диалекта (толмачевского, весьегонского и держинского).

С 1991 года стала выходить ежемесячная радиопрограмма «Тверская Карелия», с сентября 1996 года газета «Karielan Sana» Карельский язык стали преподавать в 9 школах, создано 6 музеев карельского быта. Были созданы 6 фольклорных коллективов, проведено пять фестивалей карельской культуры.

Первые шаги по возрождению карельского языка и культуры были сделаны.

Национально-культурная автономия

17 июня 1996 года был принят закон Российской Федерации «О национально-культурной автономии».

19 декабря того года в городе Лихославле прошла организационная конференция по созданию национально-культурных автономий тверских карел, было 67 делегатов из семи территорий, представители Министерства РФ по делам национальностей и федеративных отношений, один из разработчиков закона А.В. Поздняков.

Председателем оргкомитета был избран В.В. Елкин. В течение первого полугодия 1997 года было создано 6 районных автономий: Весьегонская, Зубцовская, Лихославльская, Максатихинская, Рамешковская, Спировская и Тверская городская.

В соответствии с законом 15 ноября 1997 года в городе Лихославле прошла учредительная конференция по созданию областной автономии, председателем организационного комитета избран В.В. Елкин.

В 2001 году к областной автономии присоединились Молоковская районная и Бережковская местная автономия Сонковского района.

В феврале 1998 года комитет избрал председателем автономии З.И. Головкину, которая была утверждена на областной конференции 16 апреля того же года. Автономия продолжила дело общества культуры тверских карел. Была создана программа развития языка и культуры на 1999–2005 годы с финансированием из областного бюджета.

Выпущены книги на карельском языке З.А. Туричевой «Армашана», Л.Г. Громовой «Время говорить и читать по-карельски», книги по истории Тверской Карелии «Прошедшие через века», «Рождение

карельской письменности», «Жернова. Книга памяти тверских карел», «История Тверской Карелии» в 2 изданиях, «Карелы: от язычества к православию». Созданы 12 фольклорных коллективов, два ансамбля кантелистов, два карельских коллектива получили звание «народного». Карельский язык преподается в 11 школах и Лихославльском педучилище. Там стали готовить кадры учителей карельского языка.

Проведен первый областной фестиваль карельского детского творчества, созданы областное и районные молодежные отделения автономии.

Национально-культурная автономия активно работала над тем, чтобы как можно дольше сохранить карельский язык и культуру.

Дружба

С 1996 года тверские карелы стали полноправными членами Консультативного комитета финно-угорских народов, там есть два их представителя. Официальные делегации тверских карел в количестве 10 человек участвовали в работе II, III, IV, V и VI Всемирных конгрессов финно-угорских народов, после чего вместо делегаций на конгрессы стали допускать лишь представителей от тверских карел. Тверские карелы дружны с представителями Республики Карелия, Финляндии, Венгрии.

В октябре 1996 года в Будапеште в Российском культурном центре прошли «Дни тверских карел». 29 октября 1998 года в посольстве Финляндии в Москве проведен «День тверских карел». Перед этим 2–3 июня 1998 года посол Республики Финляндия в РФ Маркус Люра в рамках официального визита посетил Тверскую Карелию.

С 1993 года в Финляндии организовано и работает «Общество друзей тверских карел». Оно оказало помощь по многим проектам: изданию книг, созданию кинофильма о тверских карелах, проведению проекта «Будущее тверского села», обучению студентов и преподавателей.

Республика Карелия оказывала помощь тверским карелам в обучении студентов, стажировке преподавателей, проведении среди них учебных семинаров. Помогала в развитии культурных связей, взаимных поездок фольклорных коллективов, в изготовлении национальных инструментов – кантеле.

Тверские карелы принимали участие в Международных финно-угорских фестивалях: в 7-м летом 1999 года в городе Ижевске (Удмуртия), 8-м летом 2000 года в городе Секешфехерваре (Венгрия), 9-м – летом 2001 года в городе Петрозаводске.

Десятый юбилейный Международный фестиваль финно-угорских народов прошел в сентябре 2003 года на тверской земле, а именно в городе Твери и в районах компактного проживания карел.

Будущее

Согласно переписи 2002 года тверских карел оставалось всего 15 тысяч человек, это в 10 раз меньше, чем было в 1930 году. Венгерский профессор Янош Пустаи высказал предположение, что при таких темпах уменьшения число тверских карел к 2093 году составит всего 2 тысячи человек. К 2005 году карелы проживали в 458 деревнях, по 1–5 жителей в деревне, больших карельских деревень оставалось около 80.

Из нынешней ситуации можно выйти, по словам Яноша Пустаи, одновременно при двух условиях: государственной поддержке языков меньшинств России и одновременно при выходе народа из депрессивного, саморазрушающего состояния, создании здорового интереса к сохранению и развитию языка и культуры.

Вымирание народа чаще всего происходит в результате его ассимиляции, незаметного перехода к использованию чужого языка, чужой культуры. Этот переход вызван экономическими, политическими, демографическими и образовательными причинами в условиях, когда народ на своей, исконной территории утрачивает контроль над собственным укладом жизни.

Краткий исторический очерк по истории тверских карел составлен на основе моих книг: «История Тверской Карелии» (Тверь, 2001), «Карелы: от язычества к православию» (Тверь, 2003 год), а также «Рождение карельской письменности» (2000 г.), «Жернова. Книга памяти тверских карел» (2000 г.) [24].

Нравы тверских карел

У финнов есть слово «*sissy*», означающее особенности финского национального характера: выдержку, упорство, переходящее в упрямство, выносливость, стойкость, настойчивость, мужество, смелость и прямолинейность.

В карельском языке такого слова нет, но характер у карел такой же, как и у финнов. За свою историю карелы постоянно подвергались испытаниям, как сурового климата, так и военного давления со стороны Швеции и России. Особенность карел, как и финнов, действовать хладнокровно и расчетливо в самых экстремальных условиях.

Каждый клочок земли им нужно было отвоевывать у леса, камней и болот, вручную рубить деревья, корчевать пни, перекачивать огромные валуны с полей. После перехода на бежецкие и тверские земли карелам пришлось все начинать с нуля: расчищать участки земли под поля, строить дома и деревни, защищать свои земельные участки от помещиков и местных жителей.

Карелы не ушли далеко от финнов в понимании: «то, что должно быть сделано – то будет сделано, несмотря ни на что!»

После того, как карелы в XVII веке укоренились на территории Бежецкого Верха и других тверских землях, они постоянно жили все годы в своих деревнях, никуда не переезжали. Если только уходили пешком на зиму работать в Бежецк или Петербург плотниками, столярами, полотерами, дворниками, извозчиками, прачками, няньками, домохозяйками. Домой в мешках за спиной приносили отрезы на сарафаны, полусапожки, а то и готовые сарафаны, заменяя на них старье из конопляной пеньки, крашеной синькой.

В деревне тогда люди редко улыбались, они думали, как, практически не имея денег, надеясь только на свой труд, обуть, одеть, накормить, выучить своих детей и себя. Но накопившуюся у них агрессивную энергию забирали животные, когда гладили их, земля, когда ходили по ней босиком, деревья, если к ним прислониться. Поэтому люди, имеющие деревенскую основу, живут дольше, они добрее и вежливее. Они не знают, что такое суд, и сами туда никогда не пойдут.

Черты характера карел вырабатывались в многовековой борьбе с природой, с войнами и нуждой. Сам выход из-за шведского рубежа можно назвать подвигом народа, так как он связан со многими лишениями в период самого выхода – тайного бегства с опасностью

быть схваченным и казненным шведскими властями вместе с женой и детьми.

При обосновании на новом месте карелы долгое время бывали без пищи, без крова, с одной надеждой на будущее. Эти душевные и материальные трудности претерпевались многие годы. Несмотря на все невзгоды, карелы своим упорным постоянным трудом добились относительного благосостояния, даже превосходили русских крестьян, находящихся под крепостным гнетом помещиков.

Карелы всегда исполнены чувства собственного достоинства, гордости, даже самоуверенности, они чувствительны на всякие обиды. Они не гнут спину перед начальством и не дают ему взятку. Они требуют от чиновника то, что он должен исполнять, зная, что за эту службу чиновник получает жалованье. В карельских деревнях были случаи, когда урядники или становой пристав, приехав в деревню, пытался ударить карела. В ответ он получал от карела сдачи или привлекался им к суду. В Тверской губернии не было случая, чтобы по приговору волостного суда карела наказывали розгами. Он не вытерпел бы такого позора и решился бы на любые средства, чтобы избежать этого.

Характерной чертой у карел является уважение родителей к старшим, которое не меняется с возрастом детей. Это уважение к старшим переходит и в круг общественных отношений. На общественных собраниях и сходах говорят степенные пожилые люди. Молодые, хоть и известные как умные люди, имеют право подавать свой голос только тогда, когда пожилые, высказав свое мнение, изъявят желание послушать молодых. Странности и недостатки стариков у карел никогда не могут быть предметом насмешек, старики и их поведение для молодых неприкосновенны.

Некоторые исследователи считают карел как людей, отличающихся от русских необыкновенным упрямством, скрытностью, недоверчивостью, мстительностью. Другие исследователи считают карел народом добрым, честным, почтительным, терпеливым, честолюбивым.

Среди карел никогда не было воровства, уходя далеко в поле на работу, они никогда не запирали на замок свои дома. Работая в поле, они нередко оставляли там на ночь свои косы, грабли, вилы и другой инвентарь. Иногда прямо у стогов распрягали лошадей, чтобы привязать их неподалеку, оставляя в поле телеги, хомуты, дуги, седелки.

Ничего этого нельзя было делать, например, в полях вблизи русской деревни Слепнево Бежецкого уезда. Жители ближних карельских дере-

вень Поцеп, Акиниха и Терехово рассказывали, если кто-то оставлял свой инвентарь в поле и не обнаруживал его на другой день, значит, мимо проезжали слепневские мужики. Карелы шли гуртом в Слепнево и по своим меткам, сделанным на сельхозинвентаре, находили его там.

То, что карелы отличаются мстительностью или злопамятностью, не подлежит никакому сомнению. Обиду, нанесенную ему, карел помнит продолжительное время и при всяком удобном случае напоминает о ней обидчику. Каждый, кто имел дело с карелами, знает и об их упрямстве. Это упрямство не является природной склонностью карел, а происходит от их честности и правдивости.

Жили карелы в основном зажиточно благодаря большому числу скота и своему труду, поэтому в карельских деревнях долгое время часто можно было видеть нищих, просящих милостыню. Немало их было после Великой Отечественной войны. Они стучали в окна или входили в избу, молча стояли у косяка двери или тихо говорили: «Подайте Христа ради». Не было случаев, чтобы просящим отказывали. Но в деревне никогда не было воров и мошенников. Наверное, особенность карел и в том, что они никогда не были ослеплены сиюминутной выгодой, они всегда помнили о завтрашнем дне.

Если в их доме останавливался иноверец, они никогда не разрешали ему есть из общего блюда, давали отдельную миску. Потом ее тщательно чистили песком. Она называлась «мировой чашкой». Доходило до того, что они даже порою не позволяли иноверцу поить лошадь из общей проруби. Это, по сути, был религиозный фанатизм карельской церкви.

Еще в XIX веке карелы обычно хоронили покойников возле часовни на своем деревенском кладбище, чтобы не нести покойника за три – пять километра. Порою случалось несчастье в лесу, откуда было трудно вынести покойника, то местный поп разрешал хоронить его прямо в лесу.

Карелы были верны поговорке: «Где родишься, там и пригодишься». Свадьбы игрались в пределах своей карельской округи.

На свадьбы и праздники карелы надевали красные кумачовые рубахи и подпоясывали их также красным поясом. В обычные дни мужчины носили холщевые рубахи длинные, едва не до колен. Рубахи обязательно подпоясывали поясом или кушаком, ходить без пояса считалось грешно. Мальчики свои рубашки также подпоясывали. Очень бедные иногда подпоясывались веревкой или даже лыком.

Таким образом, у карел жизнью была отработана деревенско-христианская культура, прежде всего культура труда и образа жизни. Эта деревенская культура базировалась на общине и церкви. Община руководила хозяйственными делами, а церковь занималась духовной жизнью. Сформировавшийся уклад жизни воспитывал высококонравного человека, обладающего высокой духовной культурой.

Карелы не забывали, что их предки – бывшие охотники и напоминали об этом своими обычаями. Так во время свадьбы они становились с ружьями по углам дома и приветствовали молодоженов выстрелами из ружей. После этого хозяйка дома выносила охотникам вино и пиво.

Традиционно к особенностям карельской культуры можно отнести: бытовой карельский язык, устные песни, плачи, частушки, одежду, питание, ремесла, иконопись, а исходя из этого – культуру труда и общения.

До тридцатых годов XX века у тверских карел не было своей письменности, поэтому они в культуре отставали от русских, которые к тому времени уже давно имели свою письменность. Русские пережили «золотой век» А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, «серебряный век» А.А. Блока, А.А. Ахматовой, А.С. Гумилева.

О нравах русских и карел, проживавших в деревнях возле Слепнева, А.А. Ахматова писала, что она сама видела, как украинские семидесятилетние старухи целовали руки в красных перчатках управляющих усадьбами помещиков. А в Тверской губернии совсем не то – полное достоинство.

После Октябрьской революции 1917 года фольклор тверских карел записала учительница из деревни Воздвиженка Трестенской волости Бежецкого уезда Мария Васильевна Михайловская. Ее записи были опубликованы в городе Ленинграде в 1925 году на карельском языке с применением кириллицы, и был дан перевод на русский язык.

Суть культуры тверских карел в их деревенском укладе жизни, где они являются частицей природы. Работают при солнце от восхода до заката и отдыхают при дожде. Этой взаимосвязью с природой можно объяснить долголетие деревенских тверских карел, где норма жизни у женщин 80–85 лет, некоторые доживали до 90–95 годов. В городских условиях разобщенности культура тверских карел теряется. Более богатой культура тверских карел могла быть после создания карельской письменности на латинице в тридцатых годах XX века. Были две попытки постепенного перехода на письменный язык.

Первая попытка 1932–1938 годов закончилась запретом письменности и кострами из карельских книг. Уроженка села Толмачи Бежецкого уезда Александра Алексеевна Милорадова разработала карельский алфавит на латинской основе, которым пользуются карелы до настоящего времени, а также «Букварь», «Книгу для чтения» на карельском языке, «Карельскую грамматику и правописание».

Благодаря А.А. Милорадовой, А.А. Белякову и другим энтузиастам развития карельской письменности, карельский язык с 1932 по 1938 годы преподавали в 181 школе на территории 12 районов.

Это районы: Новокарельский – 36 школ, Лихославльский – 20, Рамешковский – 34, Спировский – 9, Максатихинский – 40, Брусовский – 5, Сандовский – 10, Овинищенский – 21, Лесной – 7, Молоковский – 2, Погорельский – 2 и Весьегонский – 1 школа.

Вторая попытка, которая началась с 1993 года, пока более успешная по многим обстоятельствам, но менее удачна по числу оставшихся карел-носителей языка.

В настоящее время карельская культура, имеющая свою письменность, обогащается за счет переводов на карельский язык русских текстов и песен, сочинения карельских песен с элементами русских мелодий. Но, к сожалению, постепенно утрачиваются собранные по крупицам элементы культуры тверских карел. Мало где можно увидеть настоящее карельское подворье, полотенце, наволочки, занавески, подвески с традиционным карельским орнаментом. Даже культура деревенского труда за последние годы выхолощена, как и культура добрососедских отношений, присущих деревенской общительности.

Карелы на бежецкой земле

Бежецкий Верх многократно страдал от мора и голода в XV, XVI и XVII веках, многие деревни запустили, земли были заброшены. Большие потоки беженцев ушли на юг в поисках лучшей жизни.

В XVII веке Бежецкий Верх представлял собой уезд Московского государства из десяти станов: Антоновский, Березовский Верховский, Городецкий, Ивановский, Каменский, Мещерский, Пироговский, Полянский и Ясницкий. Кроме этих станов к землям Бежецкого Верха входили приселья Еськое и Максимовское, а также волости: Лесо-

клинская, Сулежская и Дорская. Центром уезда оставалась крепость Городецк, получившая статус города Бежецка и центра Бежецкого уезда в 1766 году.

Большую роль в экономическом и культурном развитии Бежецкого Верха сыграли переселившиеся сюда с территории Карельского перешейка карелы. Они пополнили ряды крестьян, стали обрабатывать заброшенные земли, возделывать лен, который они растили на прежней родине с XII века.

Бежецкий Верх им был известен с XIII века по совместной борьбе в составе Новгородского княжества с литовскими и тверскими захватчиками, защите от них города Торжка и крепости Городецк. Первая небольшая волна карел пришла сюда после 1581 года в основном из южных погостов Корельского уезда: Рауту, Саккола, Пюхярви и Ряйсяла.

Массовый переход начался после полного захвата шведами Карельского перешейка в 1611 году и подписания ими с Московским государством Столбовского мирного договора 1617 года. По шведским источникам за период с 1627 по 1635 годы в Россию ушло 1524 семьи, по русским источникам – более двух тысяч семей.

Профессор из города Йоеенсуу Вейо Салохеймо опубликовал списки карел, вышедших в 1618–1655 годах из северных погостов Корельского уезда. В то время было 14 северных погостов:

Тиурила-Тиврольский,	Иломантси-Иломантский,
Куркийоки,	Тохмоярви-Тогмоозерский,
Йоукио-Евгинский,	Пялькиярви-Пялгоозерский,
Ууникиеми-Угонежский,	Суоярви-Шуезерский,
Китее-Китежский,	Сустамо-Шуйстомский,
Липери-Либелецкий,	Салми-Соломанский,
Пиелисьярви-Пиелецкий,	Сортавала.

По данным финского профессора Вейо Салохеймо, который много работал по архивным документам, прослеживая пути выхода карел, на территорию Бежецкого Верха до 1655 года пришло не менее 331 семьи в 131 деревню.

Карелы тогда ушли из Карельского уезда сначала в Олонец, Тихвин, Новгород, Москву, Вологду, Ладогу, Мсту, на Ловать, а оттуда уже на земли Бежецкого Верха. Имея списки карельских деревень за 1873 год,

мы можем сверить достоверность данных и на основании исследований финского профессора Вейо Салохеймо составить картину расселения карел на территории Бежецкого Верха. Эти карелы, массово прийдя к своим первым сородичам, основали Тверскую Карелию.

Переселение карел продолжалось, и согласно переписной книге Бежецкого уезда 1709 года там было 630 карельских дворов, из них бежало 211 дворов, вывезено по указу великого государя в дворцовые карельские волости как зарубежные выходцы 134 двора. К 1709 году карелы еще не осели на одном месте, иногда они самовольно занимали пустующие земли помещиков. В названной выше переписной книге Бежецкого уезда есть запись: «В поместье Ильи Батюшкова в деревне Никитине там два двора карел, которые умерли с женами и детьми 15 и 20 лет назад. Тою деревней и тою пашней завладели карелы насильно».

К 1834 году в Бежецком уезде жили 25 491 карел, к 1859 году их число увеличилось до 35 314 человек. Там шел постоянный прирост карельского населения:

- 1873 год – 42 157 человек,
- 1897 год – 46 950 человек,
- 1917 год – 49 920 человек или 18% всего населения.

Согласно переписи 1926 года карелы жили в 26 волостях Бежецкого уезда. Основными карельскими волостями были:

Микшинская – 24 деревни,	Селищенская – 20 деревень,
Толмачевская – 28 деревень,	Замытская – 18 деревень,
Трестенская – 22 деревни,	Алешинская – 29 деревень,
Кострецкая – 12 деревень,	Бокаревская – 13 деревень,
Заручьевская – 28 деревень,	Алешковская – 8 деревень,
Заклинская – 19 деревень,	Беляницкая – 4 деревни.

В деревнях денег почти не имели, но жили сравнительно богато. Их кормило и одевало поле: давало им хлеб, картошку, овощи, одежду изо льна и конопляной пеньки. Кормил их скот, который был в выгоне, на пастбище и на дворе, от него получали молоко и молочные продукты, мясо, шерсть, сукно, кожу. Кормили и обували лес и река, давая жителям грибы, ягоды, коренья, мед, мясо диких животных, рыбу, лыко для лаптей. Материалы на жилище тоже давал лес – бревна, доски, бересту.

Правда, ко всему этому надо было приложить труд, умноженный во много крат по сравнению с нынешним трудом. Благодаря труду и жили в достатке – хватало одежды и еды, излишки отвозили на рынок в город Бежецк. Изменился характер карел, если на севере они были охотниками и воинами и от них рождались суровые, порой свирепые воинствующие потомки, то здесь, на территории Бежецкого Верха, они стали землепашцами. Их дети и последующие поколения стали более добрыми и терпимыми.

Жители карельских деревень делали на зиму большие запасы сушеных грибов и ягод, соленых огурцов и грибов, а также картошки и овощей. Самыми лучшими грибами для соления всегда считались белые грузди и рыжики. Другие грибы – волнушки, серушки, сыроежки солили отдельно от них. Шайки с грибами и огурцами хранились в подполье. Они поверх накрывались холщевым материалом, который периодически полоскали в холодной воде, чтобы содержимое шайки не плесневело.

Много забот было и у детей, которые не только помогали взрослым, но также занимались заготовкой грибов и ягод. Родители учили своих детей, что ягоды можно собирать в лесу только тогда, когда они полностью созреют: чернику на Тихвинскую 9 июля, а в плохой год на Казанскую 21 июля, малину на Ильин день 2 августа, бруснику на Успенье 28 августа, клюкву на Борисов день 18 сентября.

Идя в лес за грибами и за ягодами, дети бросали вверх корзины. Если она падала на землю стоймя, значит, будет полная грибов или ягод. Взрослые не разрешали детям в лесу сбивать ногой грибы, которые они не брали. Их возьмут другие люди. Родители говорили: «Гриб летом ногой собьешь, а зимой блином макнешь».

Карелы томили свеклу и брюкву в русской печке до медовой сладости. Сушили свеклу и брюкву небольшими пластинками, потом используя их вместо сладостей. Сушеные грибы замачивали на ночь, утром мелко их резали и клали в горшок. Туда добавляли лук и постное масло, ставили в русскую печь тушиться. Получалось замечательное блюдо – солянка. Летом солянку делали из свежих белых грибов.

Некоторые карелы нашей местности до 1960-х годов занимались бортничеством – разведением в лесу диких пчел и сбором меда. Они замечали все дупла в деревьях, где роились пчелы, и во время медогона собирали мед, вырезая ножом соты и складывая их в берестяные или деревянные бадьи или бочонки. Карелы нередко валили старые

деревья, особенно осины и липы, с дуплами, и во время роения пчел переселяли туда отроившиеся семьи диких пчел. Дикие пчелы всегда крупнее и темнее домашних пчел. Этот мед диких пчел в сотах называли медом в бортиках, отсюда – разведение диких пчел и сбор от них меда – бортничеством. Излишки меда диких пчел прямо в сотах карелы продавали на рынках в Бежецке и Весьегонске.

Работали карелы много, круглый год, но работа была не в тягость, а в радость. В деревнях люди не раздражают друг друга, они помогают друг другу. Здесь они не переносятся мыслями в другую ситуацию, так как постоянно делают конкретные дела. Нет никакой борьбы за первенство в семье, каждый член семьи выполняет свои обязанности. Дети во всем помогали родителям, не требуя для себя каких-либо прав.

Основное занятие карел было земледелие. Давно замечено, что земледельцы – люди более добрые, порядочные и гостеприимные, чем охотники и рыбаки. Постоянное наблюдение смерти у них сделало характер более злым, жестоким и эгоистичным. Нужно отменить такую природную особенность карел – наблюдательность.

Некоторые из них могут часами наблюдать поведение птиц, животных, растений, а также за работой других. Это основная наука карел, которые, наблюдая, учатся работе. Не случайно, многие карелы – мастера на все руки.

Тверские карелы кроме земледелия, охоты, рыбалки и промыслов научились у русских торговле в разнос или коробейничеству. Этим делом они занимались с октября до апреля. После чего, в отличие от русских, они не шли сразу домой, а ехали в Москву или Санкт-Петербург закупать товары для продажи их следующей зимой. Только после этого возвращались домой обрабатывать землю.

Карелы очень бережно и любовно относились к своей кормилице – корове. Через неделю после отела корову обмывали и окуривали. Для окуривания в плошку клали угли от березовых поленьев, можжевельник и богородскую травку. Богородскую травку собирали накануне Иванова дня 6 июля и сушили ее. С дымящейся плошкой обходили корову, ее стойло, хлев и двор. После окуривания взрослые начинали есть молоко. А еще через неделю, как обмыли и окурили корову, молоко можно было давать и детям.

Весной скотину первый раз выпускали пастись на Егория шестого мая. Провожали корову в поле с веточками прошлогодней вербы,

которую брали с божницы. На божнице оставалась свежая верба до следующей весны. Выгнав коров в поле, каждый хозяин или хозяйка с вербой в руках пытались обойти стадо, потом вербу оставляли воткнутой в полосу поля. В этот день у пастуха в сумке было крыло птицы, яйцо и образок.

Считалось, что если зимой окуришь корову после отела, а весной обойдешь стадо, то корова будет под покровом. Окуришь травами покровителей коровы, останется она в лесу ночью и окажется под покровом хозяина леса, не пропадет, в болоте не утонет, волки ее не съедят.

Чтобы всякие духи не приближались к стаду, пастухи стригли себе волосы только до начала пастьбы и не стриглись до окончания пастбищного сезона. Да и в дом всяких духов не пускали иконы, а на двор – окуривание. Духи обитали на чердаке, в подполье и в бане.

За скотиной внимательно наблюдали, если захромала, ей смазывали копыта чистым дегтем.

Нанятые пастухи были на постое по очереди, где ночевали и кормились. Чем больше скота было у хозяина, тем чаще останавливались у него пастухи. Пастуху во время пастьбы не разрешалось собирать ягоды и грибы, чтобы не отвлекался от дела, а был со стадом. Каждое утро сторож будил пастуха, а пастух игрой на рожке будил хозяек доить коров. Пастух играл до Покрова 14 октября, после Покрова он стадо уже не пас. Зимой сено в ясли корове клали руками, растряхивая его. Боялись, чтобы не попало мышьеное гнездо, от которого корова могла заболеть.

Работа на весеннем севе была трудной, а запасы продуктов за зиму истощились. В это голодное время пекли хлеба не только из муки, а добавляли шелуху или дуранду. Дуранду – жмых от льносемян или конопли ели и в свежем виде, она отдавала льняным маслом. Подспорьем в еде были картошка, соленые да сушеные грибы. Часто делали грибную солянку из мелких сушеных грибов, лука и постного масла. Горшок с солянкой ставили в печь, потом макали ее блинами. А собирать и заготавливать грибы летом, было обычным делом детей.

Одним из столпов деревенской жизни была русская печь: в ней готовили еду, она обогревала дом, на ней спали, в ней мылись, в печи пекли хлеб. Хлеба пекли много по 8–10 буханок за один раз. Квашню с тестом на ночь поднимали на печку, в течение ночи тесто поднималось. Его раскладывали по формам, эти формы запикивали в печь

деревянной лопатой. Хлебы два часа держали в печи и вытаскивали прочь на шесток. Когда пекли хлеб, печку топили жарко березовыми дровами, иначе хлеб мог не пропечься.

Карелы пили много чая, для которого каждое лето собирали и сушили зверобой, мяту, иван-чай, веточки брусники и листья малины. По средам за столом не давали ни молока, ни мясного супа, был постный день.

Грудных детей кормили из коровьего рога, в узкой его части было отверстие. Рожок набивали вареным толокном, с толстого конца забивали мякишем хлеба, чтобы толокно не рассекалось. Приучали грудных детей к рожку, то есть сосать его.

В карельских деревнях были общественные амбары (магазины) для хранения в урожайные годы на семена. Весной часть этого зерна выделяли на сев и бедным семьям.

Тверские карелы употребляют в пищу те же продукты, что и русские. У карел не было привычки детей, а тем более взрослых, таскать с праздничного стола угощения в виде конфет, пряников или фруктов, как это нередко случалось в русских семьях. Даже на великосветских представительных мероприятиях у русских проявлялась эта диковатая привычка, которая всегда поражала и поражает иностранцев. А может быть, у карел потому и нет такой привычки, что их никогда не приглашали на великосветские празднества.

Раньше карелы никогда не пили чай внакладку, как это делали русские, всегда пили его вприкуску. Они обязательно мыли руки перед едой и после еды. Для этого недалеко от входной двери к стене крепился рукомойник, сделанный из дерева или железа, в зависимости от состоятельности хозяина. Под ним стояла большая деревянная лохань, позднее ее заменило металлическое ведро.

Зная чистоплотность карел, самый почетный гость никогда не брезговал, если хозяин своими руками клал ему в миску рыбу или курицу, замечая, что их надо есть руками.

В отличие от русских карелы на зиму всегда готовили кислое молоко – рахкамайдо. Способ его приготовления был следующим: молоко квасили, снимали сметану, из которой били масло. Из простоквашы сливали жидкость и ставили простоквашу в глиняных горшках в печь на пять – шесть часов. Вынутый из печи творог сливали в деревянные кадушки и выносили на мороз. Он мог храниться до полугода. При необходимости, отбивали несколько кусков творога, растаивали его,

разбавляли кипятком и ели с хлебом. Этот продукт был ценен в зимний период, когда коровы были в запуске, и не было молока.

Культура питания у карел мало отличалась от русских, хотя особенности были. Карелы умели варить хорошее пиво из ячменя, пшеницы и овса. Они хорошо пекли пироги с разными начинками: из картофельного пюре, рыбы, пшеничной муки, ягод, грибов, творога и даже жидкого теста. Тесто обычно делали из черной ржаной муки, из него же пекли различные баранки и печенье.

Во время обеда сидели за столом на лавках, с двух других сторон ставили скамейки. Долгое время ели деревянными ложками, которые сохранились до конца XX века. В 50-х годах XX века появились металлические алюминиевые ложки так же, как и у русских. Проявлением общинности карел оставалась еда за столом из общего котла. Первым начинал есть суп или щи хозяин дома, ели по очереди, зачерпывая деревянной ложкой из общего блюда. Ломти домашнего хлеба нарезались крупно, они подставлялись под ложку от блюда до рта, чтобы суп или щи не капали на стол.

Через некоторое время хозяин дома ударял ложкой по блюду и первым зачерпывал кусок мяса. Это означало, что можно есть мясо. Если кто-то случайно до этого сигнала подцепил мясо и тащил его в рот, следовало устное предупреждение грозящей ложкой. При повторном непослушании следовал удар ложкой по лбу. Может грубовато, но справедливо, общественная дисциплина начиналась с обеденной дисциплины.

Отдельную маленькую миску иногда подавали далеко сидящим малым детям, иноверцам или приглашенным к столу нищим, которые обычно примозжались у угла стола. После щей или супа ставили на стол тушенку, яичницу, кашу, капусту или другое второе блюдо. Его тоже обычно ели ложками из общего блюда по очереди.

Отдельные тарелки на столах у карел для каждого гостя появились где-то в шестидесятых годах XX века, для карел они стали означать постепенное разрушение общинности и переход к индивидуализации. Не наблюдавшиеся до той поры ссоры по поводу меж, участков земли и покосов, разного отношения к работе, стали проявляться все больше и больше.

Велика роль в семье женщины-карелки: она хозяйка, мать, жена, к ее мнению прислушиваются. Не случайно женщина – карелка имя существительное в отличие от женщины – русской, которая носит

прилагательное имя. По-видимому, суть его в том, что прилагаться она должна к мужчине – хозяину. Ранее так и было: надежность русского мужика никто не оспаривал. К сожалению, сейчас при процветании алкоголизма и наркомании приложится к русскому мужику не всегда надежно. Поэтому русская женщина взяла тяготы жизни на себя: она работает одинаково много как по должности, так и дома. Когда вернется старое доброе время, и женщина сможет приложиться к мужчине, как надежной опоре, сказать трудно.

Полевые работы

Весенний сев

Тверские карелы засевали поля рожью, ячменем, овсом и льном, пшеницу не сеяли. Как только теплым весенним ветром обдувало землю, начинали весенний сев с тех полей, которые посуше. Землю под весенний сев пахали осенью, то есть поднимали зябь. В начале апреля начинали еще раз просеивать на ветру семена овса, ячменя, льна. Для этого на землю расстилали дерюгу – рядно, набирали в решето зерно и, наклонив его, встряхивали. Старались просеивать в день, когда сильный ветер, тогда полууносил далеко.

Рожь сеяли всегда в августе, в начале сентября поля покрывались ярко-зеленой молодой озимью ржи. Так что весной ею не занимались. Весной сеяли сначала овес, а потом жито и лен.

За сеятелями шли лошади, запряженные в бороны. Поле боронили дважды или трижды, смотря какой твердости была земля. Бороновальщик запрягал лошадь в две бороны, боронование шло в три следа или как говорили, в три зуба. Лошадью с бороной обычно правили женщины и мальчишки. Про овес в деревне говорили: «Бросай в грязь, будешь князь» и старались посеять его во влажную землю в апреле. По нынешним понятиям урожаи были неплохие по 20–25 центнеров с гектара.

Земля подсыхала быстро, не успели посеять овес, как подошла пора вести весеннюю или яровую пахоту. Мужики пахали весь световой день, лошади уставали быстрее, чем они. За день передовики успевали вспахать до одного гектара пашни. Подростки на пахоте были

погонщиками лошадей, они ходили с прутом сбоку от лошади. Готовя лошадей к весеннему севу, мальчишки чистили их сначала редкой, а потом частой щеткой.

По яровому полю сеяли ячмень и лен. Поля обычно шли под уклон к речке или ручью, так их и пахали под уклон, чтобы вода после дождя стекала, и всходы не замокали. Поле овса, ячменя, льна были чистыми, без сорняков. Работали не жалея сил, помня, что «весенний день год кормит». Все мужчины, женщины и мальчишки от весеннего ветра загорели, почернели, обветрились.

Сенокос

Самая лучшая пора в деревне. Сенокос обычно начинался 26 июня и заканчивался к 1 августа. Во время сенокоса каждый день работали с 4 часов утра до 10 часов вечера. Кроме того, надо было приготовить еду и справиться большое домашнее хозяйство. В каждой карельской семье тогда было по 1–2 лошади, 2–4 коровы, 10–15 овец, телята, куры.

Народу в деревне было много, все поля засеяны, а сено на зиму готовить надо. Обкашивали все, что могли: вдоль дорог, берега рек, вокруг зарослей кустарников, овраги.

Разбивались и косили парами и по четыре человека, не было простора для всех одновременно.

Утром вставали рано, в четыре часа, выпивали кружку молока с подсоленным хлебом и шли к покосам. Мужики надевали белые рубахи, а женщина – светлые сарафаны или платья.

Утром по росе раздавался красивый перезвон кос, когда их точили и редкие голоса косцов. У каждого косца на левом боку висел плетеный из бересты кузовок с брусом. Точили косу после каждого длинного прокоса. Особенно красиво смотрелись косцы, когда шли друг за другом на расстоянии 2–3 метров. Сначала было прохладно, потом около пяти часов утра поднималось солнце, к шести оно уже разогревало воздух и людей.

Были небольшие десятиминутные перерывы, раньше карелы не курили, ложились на спину в прохладный волок свежескошенной травы. Много приятных минут бывает в жизни человека, но такого блаженства, как лежать на пахнущей всеми цветами траве, больше нигде и никогда не бывает.

Часов в одиннадцать дня старушки, мальчишки и девчонки вместо родителей ходили шевелить (переворачивать) подсохшее сено. Это, наверное, самая легкая работа во время сенокоса. Ближе к вечеру примерно в пять часов дня запрягали лошадей и возили сено в сарай.

Каждый день работали с четырех часов утра до 10 часов вечера, да еще надо было приготовить еду и справиться домашнее хозяйство. Силы удесятерялись при приближении грозы. Как только из-за леса начинала подниматься туча, крестьяне сгребали основную массу сена без тщательного сгребания оставшегося сена. Вилы усиленно мелькали над возами, а мужики гоняли возы с сеном быстрым шагом к сараям и бегом обратно. Нет ничего прекраснее физического труда и отдыха после него.

Дети всегда помогали на сенокосе, сгребали следы сена граблями, отгоняли от лошадей слепней ольховой веткой, пока грузили сено на одер или телегу.

Ночью крепко спали и даже не слышали, как сторож всю ночь беспрерывно барабанил колотушкой по доске, проходя вдоль деревни.

А рано утром сторож будил пастуха, тот начинал играть на рожке и будить хозяек.

Работа на сенокосе была тяжелой, поэтому резали барашка. Часть солили и вешали на чердак, обдуваемый сквозняком. Мясо провяливалось, и его варили в период сенокоса.

Жатва

Сразу же после сенокоса начинали жатву хлебов и тербление льна. Женщины все лето работали босиком – жали хлеб, тербили лен, косили траву, и все босиком. Когда сгребали сено на скошенном колючем лугу, надевали лапти. Бабы жали хлеб в одних сорочках, подвязанных лентой, босиком, надевая лишь наголенники.

Жатву ржи начинали до Ильина дня 2 августа (по новому стилю), жатву яровых до Спаса 14 августа со словами «зачин в руках, конец у Бога». Последним всегда жали овес. Одновременно шел подъем зяби, который начинали после Петрова дня 12 июля. Как говорили карелы: «Петров день на задворках, наступает время пахоты». Лен начинали тербить на Борисов день 6 августа, за август его вытеребят и обмолят к Успенью 28 числа. Озимые начинали жать девушки, матери им

приговаривали: «Низенько жни, не оставляй высокой стерни» Сжатую серпами рожь вязали в снопы и ставили в суслоны. В каждом суслоне десять снопов, поставленных в круг, вершинами друг к другу, при этом десятый сноп был сверху шапкой или колпаком.

Редкий овес мужики косили косами, а частый женщины жали серпами, как и рожь, обхватив его не ладонью левой руки, а полной рукой. Этот обхват назывался пястью, три пальца сожнешь, и получается сноп. Снопы овса ставили в бабки, в отличие от суслона, снопы в бабках ставили не пок ругу, а по 5 снопов с каждой из двух сторон.

Если кто из деревенских жителей по причине болезни или старости не мог жать свою полоску, собирали толоку. Все жители деревни, кто мог, сообща помогали жать эту полоску ржи, овса, ячменя или теребить лен.

Прямо на поле подростки приносили на спинах матерям маленьких детей, чтобы их там покормили грудью. Пока ребенок сосал грудь, мальчишки и девчонки помогали грузить на воз снопы с рожью. Потом детей уносили обратно в деревню спать, самим нянькам было по 8–10 лет.

Сжатую рожь в снопах отвозили на ригу для просушки. В одну ригу на колосовики насаживали до 300 снопов одновременно. Затапливали печь и внимательно следили, чтобы огонь не вырвался из печи наружу. Высушенные снопы переносили из риги на гумно, которое было здесь же под одной крышей. Их настилали на пол по три ряда и по ним били цепами, то есть молотили. Рукоятка и било цепа были деревянными, они соединялись между собой ремешком. После молотбы солому увозили с гумна на поле и складывали в скирды. При скирдовании надо суметь сложить скирду соломы так, чтобы она была красивой, вода хорошо стекала и солома не гнила. Для этого на дно крест-накрест укладывали ольхи, чтобы она не подгнивала снизу. Маковку скирды делали поострее, чтобы меньше мочили дожди. Плохо утоптанная рыхлая скирда промокала почти насквозь и солома пропадала.

Лучшие снопы соломы привозили к дому, чтобы ею перекрыть соломенную крышу. Соломенная крыша служила 3–5 лет, потом становилась как решето.

Утром до завтрака на гумне успевали обмолачивать одну насадку в 300 снопов, собирали ворох и провеивали его. Когда начинали веять зерно, смотрели, с какой стороны дул ветер, с той стороны и открывали ворота в гумне. Мякину ветром несло вовнутрь гумна, ее позднее

скармливали скоту, замачивая горячей водой. При веянии полновесное зерно отскакивало далеко, его собирали отдельно на семена.

Самый последний сноп с поля приносили домой, и ставили его в красный угол до масленицы. В последний вечер масленицы этот сноп сжигали. По окончании жатвы готовили угощение, резали барашка и отмечали праздник урожая или пожинки.

Ткачество

После жатвы всю осень, зиму и весну карелы занимались льном и ремеслами. Лен был основой земледелия для карел, они занимались им с XII века, технология была отработана. Начинали теребить лен с 6 августа, чтобы вытеребить и обмолотить его к Успенью 28 августа. Если жать зерновые серпами шли молодые девки и бабы, то теребить лен первыми начинали старушки и подростки. Другие приступали позднее, закончив жатву. В начале страды лен был еще мягким, но дальше он становился сухим и твердым. Набрав сноп льна, его перевязывали льняным жгутом и клали в ряд.

К вечеру снопы ставили в бабки для просушки. Через несколько дней эти снопы увозили в ригу, где их сушили. Потом переносили на гумно и там молотили лен цепями. С гумна снопы отвозили на поле и расстилали лен тонким слоем, чтобы он попал под сильные августовские росы и через три недели отлежался. После этого льнотресту сушили опять в риге, затем мяли ее льномялкой, вырабатывая льноволокно.

У льномялки два естественных сука – опоры. Основа льномялки была вырублена из цельного дерева длиной в 2,5–3 метра в форме буквы V, такой же формы была и рукоятка во всю длину мялки, один конец ее был закреплен между стенками основы железным штырем. На другом конце выстрогана ручка, которую удобно держать рукой. Верхнюю часть мялки поднимали, на основу клали ряд льна и мяли, опуская несколько раз рукоятку. Потом ряд льна продвигали дальше поперек основы и снова мяли, пока лен не превращался в пепельно-серое волокно. Работа у льномяльщиц была очень тяжелой, самые трудолюбивые женщины и девушки за день мяли до 12–15 килограмм льноволокна. Со середины сентября и до снега на ригах и у многих домов до позднего вечера было слышно хлопанье деревянных мялок.

После этого лен трепали, затем чесали щетками. После мятья кострика отделялась, треста становилась мягкой. Девушки и женщины расчесывали волокно сначала редкой, а второй раз частой щеткой, освобождая его от остатков костры. Расчесывали на колене, горсть льна держали в левой руке, а щетку в правой.

На эту работу уходили ноябрь и декабрь. Потом начинались посиделки, куда девушки приходили с прялкой и связкой льноволокна. Они целыми вечерами пряли веретеном льняную нить, постоянно смачивая пальцы слюной. Чтобы слюны было больше, ели принесенную в решете мороженую рябину, которая от мороза становилась сладкой.

Отставляли прялку в угол только тогда, когда парень приглашал девушку танцевать кадрили или ланцею. Потом она снова принималась прядь нить. Утром мать оценивала работу, иногда ворчала, что за вечер мало напряла ниток. Замужние женщины и старушки пряли нить дома.

Когда ниток было достаточно, начинали ткать холст на ткацком станке. Более грубую нить использовали для половиков, поэтому каждый клубок красили разной краской, распустив нить на пряслах.

В марте, когда появлялся наст, холсты расстилали на белом снегу и отбеливали их. Из холста шили одежду, занавески, наволочки, подвесы на кровати, полотенца. Много холста продавали на ярмарках, давали невесте в качестве приданого.

Вся работа по вечерам была при лучинах, нужно заготовить ее много. Лучину щипали от гонта – наружного слоя расколотой частослойной сосновой или еловой чурки. Эти чурки рубили или пилили от комлевой части бревна.

Из волокна конопли плели прочные веревки и мельничные канаты.

Много работы было у женщин и девушек. Летом жали, осенью молотили и трепали лен. Потом его расчесывали, делали волокно. Всю зиму пряли нитки и ткали ткани. Надо было еще готовить и стирать.

Из золы варили щелок, в котором отмачивали и стирали белье. Потом полоскали белье на реке, неся тяжелые корзины. Зимой выполосканное белье еще отбеливали на снегу.

Утюгов тогда не знали, домотканую одежду разглаживали вальком на доске. На вальке были сделаны зарубки, чтобы гладить и грубую ткань.

Традиционно карелы издавна, еще с XII века, строили бани «по-черному» на берегу ручья, реки или озера. Основным достоянием была

сложенная из камней печь без трубы. Снизу была небольшая топка для дров, а в камнях устанавливался котел для горячей воды. Дым заполнял всю баню, выходил через щели в двери и потолок. Все стены, полки, лавки были в саже. Такая баня топилась долго – 4–5 часов, но и тепло держала около суток.

Бани «по-черному» применяются карелами до настоящего времени, они исцеляют многие недуги и болезни. На территории Корельско-Кошевского прихода бань «по-черному» карелы не строили.

Ремесла

Некоторые мужики на зиму уходили работать в города Питер и Бежецк, а также к помещикам, и зарабатывали и там какие-то деньги. Другие крестьяне длинными зимними вечерами гнули дуги, хомуты, колеса, разогрев березовые заготовки в печке. Третьи плели лапти, корзины, веревки, канаты, чтобы потом продать их на базаре.

Из липы вырезали ложки, чашки, плошки, блюда, из можжевельника делали подойники для дойки коровы, выстругивали веретена, обручи для шаек, да мутовки, которыми тесто месили да масло сбивали. Из осины вырубали ступы, кадки, корыта для скота, делали широкие деревянные лопаты. Из корней можжевельника плели корзины, короба, мерды, что-то оставляли для себя, что-то везли на рынок в Бежецк. Так и жили карелы, в постоянном труде, но в достатке.

Мужчины всю осень гнали деготь и жгли уголь. Еловые пни вместе с березовыми чурками и берестой шли на выделку скипидара и дегтя. Для этого рядом копали две ямы, одну более глубокую, куда устанавливали можжевеловую или еловую бадью для дегтя. Вторая была неглубокой, но большой по размерам. Туда складывали расколотые на четыре части еловые пни, березовые чурки и бересту. Оставив небольшой дымоход, яму закрывали бревнами или плахами, а сверху на них клали дерн. Все это поджигали, затем дымоход уменьшали еще. От тепла смола превращалась в жидкость и по деревянному желобу текла в соседнюю яму с бадьей. Сначала шел жидкий скипидар, потом бадью заменяли. В нее шел более густой деготь. Деготь использовали для смазки колес на телегах, копыт заболевших животных, для смазки кожаных изделий, чтобы дольше служили.

Для использования в кузницах готовили древесный уголь. Длинные березовые чурки, расколотые пополам, складывали также в яму, поджигали и заваливали их дерном. Постоянно наблюдали, чтобы они тлели, не горели и не превращались в золу. Через неделю получались угли, которые отвозили на кузницы для поддержания огня в кузнечном горне. Уже позднее угли стали отвозить на станции для перевозки его в Санкт-Петербург на царский двор.

Усиленно расчищали землю из-под леса для пашни уже после окончания полевых работ. Занимались этим с сентября по ноябрь. В отличие от русских, карелы не предавали отходы леса огню прямо на делянках. Они использовали его на дрова, для выгонки дегтя, для углеобжигания. Ольху использовали как основание для скирд соломы или стогов сена. Прежде, чем рубить тот или иной участок, присматривали себе материал: стволы молодой черемухи для изготовления дуг, косослойные молодые ели для изготовления хомутов, стволы изогнутых березок для полозьев саней. Они полностью оставляли березовые рощи, участки с можжевельником и хвойные леса.

Так и образовывались выступающие клином ельники у Петряйцева, Душкова, Калинихи, сосняк у Горбовца, березовые рощи у Бережков и Карело-Кошева, черемуховые заросли вдоль рек, а также заросли ивового кустарника, из которого плели корзины, мерды, короба, поддоны для саней.

Из тонких длинных корней ели и сосны плели люльки для ребенка, воронки для процеживания воды, лари для одежды. Изделия получались красивые и прочные. Этим ремеслом занимались в основном старики осенью, когда корчевали еловые и сосновые пни их дети и внуки, а также весной, когда срезали подростшие за лето ивовые прутья.

Весной хорошо сдирается ивовое корье. Его не выбрасывали, им дубили шкуры домашних и убитых животных. Из шкур шили шубы, полушубки, шапки, на дно саней укладывали кожаные рогожи.

Готовили весной корье и для краски, которой красили нитки и холсты. Из ольхового корья получалось коричневая краска, а корой вербы красили нитки и полотна в зеленый цвет. Из еловых шишек делали бордовую краску, на краску использовали ольховые шишки.

Ткань, покрашенная ольховой корой и шишками, была от желтой до светло-коричневой краски. Красили холст не только ольховой корой и шишками, но и ольховыми стружками. Их заливали в чугуне

водой и кипятили, потом в эту воду опускали холст, получался красивый каштановый цвет.

Осину использовали не только для щепы и дранки, досок и лопат. Из нее долбили корыта для кормления скота и птицы, стирки белья, колоды для поения лошадей. Осина не боится влажности, осиновые доски служат дольше еловых досок.

Осенью готовили заготовки для саней и лошадиной упряжи. Полозья саней делали из изогнутых берез, чем она больше изогнута, тем лучше. Их делали также из копанцев-деревьев с выкопанными согнутыми корнями. Дуги делали также из березы, ветлы, черемухи, но самые лучшие дуги были из липы.

Хомутину гнули из ивы или черемухи, обертывали ее соломой, или войлоком, сверху покрывали кожей. Ее крепили к клешням, сделанным из крепкой березы. Внутреннюю часть хомута делали помягче из войлока, чтобы хомут не тер лошади холку.

Ободья на колеса гнули из осины, а спицы делали из березы. Станом для гнутья санных полоз, дуг, хомутин были расщелины между двумя большими березами или каменное огибало между двумя камнями. Деревья сначала парили в кипятке, потом их гнули. Черемуховые и ивовые дуги хорошо гнулись и нераспаренными. Концы их связывали между собой и оставляли сохнуть. Обручи на кадки, бочонки и шайки делали из можжевельника, черемухи и еловых сучьев. Из клена делали бочонки, ложки, клен твердый и легкий.

Веретена для прядения льна и шерсти вытачивали из березовых плашек.

На окраине деревни находилось приспособление для изготовления дранки. Оно состояло из большого деревянного колеса с горизонтальной осью. К колесу не по центру крепилась жердь, вторым концом соединенная с доской. К другому концу доски крепился широкий острый нож. Колесо приводилось во вращение лошадью, которая ходила кругами. При вращении колеса нож делал возвратно-поступательные движения. Нож чаще делали из лемеха плуга. Еловая чурка, длиной в 40 см крепилась на станке с помощью деревянного винта с резьбой. Было установлено колесо с горизонтальной осью, его вращала лошадь, двигаясь по кругу. К колесу крепили приспособление, которое при его вращении создавало возвратно-поступательные движения доски с ножом. Строгальщик двумя руками держал за ручки эту доску, и при движении на себя строгал дранку. Лошадь использовали старую,

негодную для пахоты. Иногда ее подгонял мальчишка, но чаще всего опытная лошадь ходила по кругу сама, слушая команды строгальщика. Все дома во всех карельских деревнях были покрыты дранкой, которая заменила солому.

Дранки готовили впрок, именно ею крыли крыши домов и хозяйственных построек. Нижние ряды делали из горбылей, чтобы не срывало ветром, а уже поверх их дранкой. Ни одной соломенной крыши к тому времени в деревне не было.

Деревенские посиделки и праздники

К началу XX века тверские карелы проживали среди русских около 250 лет, поэтому приобретенные ими некоторые традиции были чем-то похожи на русские. Но они оставались в людской памяти, и передавали из поколения в поколение постепенно забытые традиции своего народа.

Одной из таких новых традиций были посиделки, которых не было на Карельском перешейке, так как деревни там состояли из 1–3 домов. Молодежь при старших много не говорила, они слушали то, о чем говорят старшие. Говорили только тогда, когда их о чем-то спрашивали или надо было сказать что-то важное. Они могли наговориться вволю вечерами на посиделках и во время бесед, которые обычно начинались после Покрова.

Как только оканчивались все сельские работы, в карельских деревнях начинались посиделки, которые назывались «беседами». С 27 октября по старому стилю они бывали только по воскресным вечерам, а потом, когда был готов лен для пряжи – ежедневно. Эти беседы были самым большим развлечением для деревенской сельской молодежи и доставляли ей возможность приятно и весело проводить долгие зимние вечера.

По вечерам молодые люди, проведшие целый день в поле или лесу на сильном мороз, едва приехав домой, спешили на беседу, где сидели часто за полночь. Утром их опять будили до свету, и они должны ехать в лес – возить дрова, бревна или в поле за сеном и соломой. Притом не все из них ходили на беседу в свою деревню, некоторые отправлялись иногда километра за 2–3 туда, где была девушка, пленившая его сердце.

Можно представить себе утопающую в снегах карельскую деревню в 30–40 домов, на улице воет метель. Погас свет керосиновых ламп во всех окнах деревни, они светятся лишь в одной избе. Карельские деревни располагались в 1–2 километрах друг от друга.

Беседа собиралась в доме крестьянина, имевшего дочь-невесту, или принимающего у себя гостей, а также в нанятой избе, которую по-карельски называли «кизяпертти». Гости – это девушки, приехавшие из другой деревни, или даже из другого прихода. Чтобы развлечь гостей и доставить им веселье, хозяин пускал в свой дом беседу. Очень часто целую зиму, а иногда даже несколько лет подряд, беседа собиралась в одном доме, который всем становился известным. Иногда хозяин или хозяйка этого дома приглашали кавалеров-молодцов собрать им деньги на свечу или привезти дров, что те и исполняли, а на девушек возлагалось мытье полов.

Во время беседы лавки были заняты девушками, которые сидели с прялками, хотя пряли во время бесед они очень мало, или и совсем ничего не пряли. На них надеты синие, красные, зеленые сарафаны, под ними холщевые белые рубашки, вышитые карельским орнаментом по вороту, плечам и рукавам. В косы заплетены ленты, у каждой девушки разного цвета – розовые, красные, желтые, зеленые.

Сами карельские девушки были высокими, стройными с русыми или золотистыми волосами, гладким лбом и тонкими губами. Они всегда были красивы своей национальной карельской красотой. Карельские девушки и женщины по сравнению с русскими, выше ростом, с голубыми глазами, светло-русые волосы. Они имеют высокий прямой лоб и продолговатое миловидное лицо, выражение которого кроткое, застенчивое и вдумчивое. Все очень стройны, походка их плавная, гордая, в молодости они довольно красивы и любят кокетничать. Поэтому нередко не только русские деревенские парни увлекались ими, но и городские кавалеры брали их в жены.

Тут же стояли в начале беседы парни в шапках и своих праздничных тулупах. Под ними были надеты белые или красные холщевые рубахи, безрукавки из синего или черного сукна, а также черные плетёные шаровары и валенки. Для них на лавках мест не было, некоторые садились прямо на пол или на порог. Желая завести беседу с понравившейся девушкой, парень подходил к ней и брал за руку. Девушка вставала и относила прялку в угол, в это время парень садился на ее место, а девушку сажал на колени. Через несколько таких вечеров па-

рень уже не стыдился при этом обнимать и целовать публично свою девушку. Эта беседа парня с девушкой на посиделках была главным элементом вечера.

На столе чуть-чуть горела настольная лампа с керосином. В избе к середине вечера была нестерпимая жара и несносный воздух, как следствие того, что в небольшом помещении скапливались 20–30 и более человек. Многие из девушек во время беседы приобретали себе кавалеров, которые к концу вечера сидели рядом и крепко прижимались к ним. Все это время они вели между собою разговоры, в которых узнавались все деревенские новости. Потом начинались пляски под гармошку.

Наше поколение карел запомнили две карельские игры, которые плясали под русские мелодии.

«*Lansei*» – это карельский танец лансье (по-русски называли «ланцея»), в котором по две пары находятся в постоянном движении. По очереди пары переходят с одной стороны избы на другую, обходя встречную пару. Причем девушки в пляске проходят по центру, а парни тоже в пляске обходят девушек справа. Это повторяется несколько раз и сопровождается выходом каждого парня перед девушкой, которая во время этого его выхода стоит неподвижно. Затем пары кружатся и отходят в сторону, а две другие, стоящие друг против друга, выходят танцевать им на смену. Все присутствующие постепенно вытягиваются в этот танец.

Другую игру *kjasivetelus* – «кязиветелюш» (по-русски «хождение руки об руку») играли тоже под русские мелодии. Вперед выходила одна пара, парень и девушка становились друг против друга. Кавалер брал правой рукой девушку за левую руку и, находясь слева от нее, проходил с ней несколько шагов в пляске вперед. Затем кавалер менял руку, брал левой рукой правую руку девушки, сам кавалер становился справа от нее, и вел девушку несколько шагов обратно, в пляске. Так они прохаживались несколько раз, и танец заканчивался.

Это оставшиеся в моих воспоминаниях немногие карельские танцы, так как все другие были вытеснены русскими и зарубежными танцами. Во время танцев девушки перебежали от одного кавалера к другому, крутились в пляске, глаза их сияли от радости, на щеках выступал здоровый румянец. Они молодые, жизнерадостные, дышали здоровым весельем. Такие деревенские беседы продолжались всю зиму.

На посиделках пели карельские частушки и русские песни, которые жители деревни записывали в Санкт-Петербурге, когда зимой ездили туда на работу. Заучивание их происходило тут же на посиделках, хотя многие карелы не умели говорить по-русски и не понимали, о чем поется в песне. Карельские народные песни были протяжны и напевны, вовсе не плясовые, плясать под них было невозможно.

Этими посиделками и беседами были очень обеспокоены местные священники. Они на своих проповедях внушали родителям, что на посиделках нет взрослых мужчин и женщин, молодые парни и девушки в возрасте с 16–17 лет были предоставлены сами себе. Нередко они проводили время в полной темноте без огня, а парни иногда бывали пьяными. По мнению священников здесь терялась стыдливость души под нецеломудренными взглядами и движениями. На таких вечеринках, по их мнению, зарождалась нечистая похоть, которая покрывала целомудрие души позором.

Дома каждая мать и каждый отец строго наказывали девушкам не переступать порог целомудрия, беречь свою невинность. Если случилось обратное, то позор на девушку и ее семью падал от всей деревни. Православная церковь и людское окружение всегда считали самым главным достоянием русской девушки ее невинность. Лишение девственности до вступления в брак было самым большим прегрешением. Каждая заботливая мать всегда мечтала, чтобы ее дочь вышла замуж и рожала для нее внуков, чтобы она не родила внебрачного ребенка, а сохраняла свою невинность, как самую большую ценность, до брачной постели.

С вечера 24 декабря и до Крещенья проходили гадания. Чтобы узнать свою судьбу на следующий год, парни и девушки иногда подслушивали под окнами. Они договаривались, кто кого из жителей дома будет слушать. Потом каждый из них говорил о словах, которые он слышал, а другие предугадывали его судьбу.

Вторым способом гадания было гадание на перекрестках. Молодежь выходила на окраину деревни, где дороги расходились в разные стороны. Они вставали спиной друг к другу, сковородником очерчивали вокруг них черту от нечистой силы. Все замолкали на некоторое время и прислушивались, потом начинали обсуждать, кто что слышал и пытались предугадать каждого на следующий год. Кто-то слышал выстрел, значит, ему идти в рекруты. Кто-то слышал песню, значит, ему жениться или ей выходить замуж. Кто-то слышал скрип

саней, значит, ему отправляться в дальнюю дорогу на заработки или повинности.

Мужики во время длинных зимних вечеров тоже собирались в одном или нескольких домах группами на беседы. Героем вечера обычно становился грамотный карел, знающий русский язык и выписывающий газету. Мужики чинно рассаживались по лавкам, а хозяин дома или пришедший с газетой «грамотей» читал из нее какую-нибудь новость. Потом ее начинали обсуждать и постепенно переходили на деревенские дела, думая, что им надо будет завтра или через неделю. На этой беседе каждый мог рассказать, чем он занимался в последние дни и вечера. Его переспрашивали, уточняли, некоторым из мужиков хотелось посмотреть сделанный рассказчиком новый шкаф, кровать, комод, стол или новый хомут для лошадиной сбруи. Придя домой, мужики кратко рассказывали домашним о некоторых последних новостях.

Летом по вечерам карельская молодежь устраивала гулянья на берегу речки, опушке леса или в поле. Сначала туда выходили девушки, через некоторое время туда же приходили парни. Набивая себе цену, они не сразу подходили к девушкам, сначала, важничая, разговаривали друг с другом, смеялись, и, немного погодя, подходили к девушкам и здоровались. Зажигали костер и начинали игры, бега и танцы.

Убегали две девушки, а за ними – два кавалера. Если девушка успевала ухватиться за вторую, прежде чем ее поймал парень, то после краткого отдыха бега продолжались. Если же кавалер смог поймать девушку, то начиналось обратное – девушка ловила кавалера. Случалось, что влюбленная пара убегала подальше от других, чтобы там целоваться. После бегов начинались игры и танцы под гармошку.

Ночные гулянья продолжались до 2–3 часов ночи, но в отношении нравственности они были чисты. Далеко забежавшую пару публично призывали вернуться и публично осуждали, так как все должны бы держаться одной компанией. Кулачные драки между карелами своей деревни были очень редкими, происходили они по причине ревности. Бывали драки, когда на беседы приходили парни из русских деревень Грудино и Прокино. Драк с карельскими парнями, приходившими на беседы из Душкова и Поцепа, никогда не было.

Каждая карельская деревня отмечала два религиозных праздника в году. На родине моей матери в деревне Поцеп отмечали Борисов день 6 августа и Введение 4 декабря. В деревне отца Петрайцево, в которой

мы жили, отмечали Успенье 28 августа и Сретенье 15 февраля. До Сретенья деревенские жители успевали погостить в Поцепе, Гладышеве, Николе, Сносах и других карельских деревнях, поэтому ждали гостей к себе. Подготовку к празднику каждая семья начинала заранее: резали барашка, ставили пиво. Для этого проращивали солод из ячменя или овса, прожаривали его и ставили сусло. Из сусла варили пиво. Варили студень, гнали самогон.

На праздники к одному роду приезжали обычно на пяти-шести лошадях, которых размещали во дворах у себя, родственников, а также в конюшне и на ферме. Всего в деревню гости приезжали на тридцати и более лошадях, используя праздник, привозили девушек на «неделю невест».

Привозить девушек на «недели невест» начинали с шестнадцати лет. Это велось по обычаю предков с первых лет переселения карел на земли Бежецкого Верха. К карелам Карело-Кошевского прихода привозили невест из Прилуцкого прихода и наоборот. «Недели невест» помогали найти жениху хорошую невесту среди соплеменников и не допускать смешения родственных кровей. Все делалось для продолжения карельского рода.

Родители справедливо полагали, что первое появление девушки в свет – важный шаг ее жизни. Перед тем, как первый раз везти на «неделю невест», девушке внушали, что детство закончилось, надо отойти от веселой детской жизни. Теперь за нею будут наблюдать, поэтому каждое ее слово, взгляд, поступок будут обсуждать. Родителям очень важно, что будут говорить про нее люди. Внушали ей, что самое лучшее украшение девушки – скромность и соблюдение чести. Поэтому она с этой поры должна достойно нести свою честь и свое имя. Ей не возбраняется любить того, кто ей мил, но замуж идти она может лишь с благословения родителей.

Гости из Прилуцкого прихода приезжали привычной для них дорогой через деревню Грудино, дальше – через лес. Была другая дорога по Бежецкому тракту, но по ней они ездить не хотели. Они ездили по той дороге, которая привела их сюда с Карельского перешейка и Приладожья.

Входя в дом, карелы здоровались по-карельски «*Tervehuttja teilla!*» (Здоровья вам!). Но нередко они здоровались по-русски «здорово-те!». Это приветствие, скорее всего, идет с XII века, так с карелами когда-то здоровались новгородцы.

При встрече женщины обнимали друг друга накрест и касались трижды щеками, не целуясь, радуясь и приговаривая ласковые слова. Мужчины снимали головные уборы и, держа их в правой руке, также обнимались крест-накрест и похлопывали друг друга по спине. При этом хозяин приговаривал на карельском языке: «Хорошо, что приехали».

Гости приезжали к двум – трем часам дня, начиналось застолье. Столы ставились заранее буквой «П», на них выставляли закуски: огурцы, грибы, студень, тушенка с картошкой, грибы с яичницей. Все, как у русских, карельскими были лишь разные пироги и пиво. Мало кто в деревне мог печь такие пироги с творогом, пшеничной крупой, грибами, повидлом, как пекла моя мать. По форме они были русскими, без защемлений и круглыми, а не лодочкой. Но дух в них был карельский, он заполнял всю избу и чувствовался даже на подходе к дому.

Гостям наливали самогон и пиво, за столом много говорили, вспоминали, потом плясали под гармошку. Устав, снова садились за стол, пели частушки на карельском языке, застольные песни на русском языке: «По диким степям Забайкалья», «Когда б имел золотые горы», «Липа вековая», «Ой, мороз, мороз», «Хазбулат молодой», «Вот кто-то с горочки спустился».

Выходя из-за стола, карелы благодарили хозяев русским словом «*passibo*», ставя ударение на первом слоге. Другого слова благодарности у местных карел нет.

Еще перед праздником местные парни и девушки нанимали самую большую избу для беседы, договаривались с хозяевами. Они заранее переставляли мебель, оставляя в избе только лавки вдоль стен. Парни забирались в подполье, проверяли подпорки под переводами, подправляли их, иногда ставили новые. Девушки мыли полы, лавки, договаривались с лучшим гармонистом. Приносили из дома дрова, чтобы топить печь, веники, чтобы обметать ноги.

Угостившись у родственников, приехавшие из другого карельского прихода девушки вместе со своими молодыми родичами шли на беседу. На самом почетном месте в «красном углу» под образами сажали гармониста. По обе стороны от него сажали прибывших девушек, потом рассаживались местные.

Начинались пляски и танцы, плясали карелы немного странно, у них в движении были одни ноги, а висевшие руки, голова, туловище были без движения. Руками они не размахивали и туловище в разные стороны не гнули. Но при этом все находившиеся на беседе были на

пределе восторга от красоты, частоты и разновидностей дробы девичьих каблуков. Женщины и девушки, отбивая каблуками частую дробь, старались держать плечи на одном уровне, а руки – вдоль тела.

Праздник длился три дня. Утром мать вставала очень рано, топила печь и готовила закуски. Гости снова садились за стол, закусывали, пили пиво, разговаривали. Потом вставали и уходили в другие дома к родственникам. Возвращались около часа дня, и застолье накрывалось вновь, как накануне.

За два-три вечера возникали взаимные симпатии между местными парнями и приехавшими на праздник девушками. Они уже ходили за руки по улице деревни. Парень приходил к родственникам, где гостили ее родители, и просил у них разрешения оставить девушку до конца недели. Обещал вести себя достойно и честно, девушку не обижать, а в конце недели привезти ее на лошади в свою деревню за 20 километров. Родители девушки просили его зайти позднее, сами обсуждали с местными родственниками его самого и семью. Местные родственники рассказывали о парне, его родителях, бабушках и дедушках, давали совет – оставлять с ним девушку или нет.

Если она оставалась у своих родственников, парень в конце недели запрягал лошадь в сани и отвозил ее к родителям. А во время последующей масляной недели направлял к ним своих сватов. Свадьбу обычно намечали играть в сам Покров день 14 октября или после него. До этой поры парень иногда пешком или верхом на лошади навещал свою невесту, давая понять, что ничего не изменилось и свадьба будет. Таким образом, сплошь и рядом в деревнях Карело-Кошевского прихода были женщины из Прилуцкого прихода: Гладышева, Моисеихи, Николы, Снос и других. А туда увозили невест из Горбовца, Душкова, Поцепа, Петрайцева и других карельских деревень.

После Сретенья в деревне отмечали Масленицу, на которую пекли блины и пироги. Мальчишки очень весело проводили этот день. К Масленице начинали готовиться заранее. На самую высокую гору у деревни из леса свозили еловые ветки – лапник и сушняк. По деревне собирали у хозяев старые использованные веники.

В день Масленицы, отведав блинов, пива и пирогов, днем начиналось катание на лошадях. Трудно представить, как было весело, когда в санях по восемь – десять человек, были гонки, лошади обгоняли друг друга по снегу, некоторые парни и девушки падали в снег. Не догнав своей подводы, садились на другие.

Особенно весело, но рискованно, когда мальчишкам или парням предлагали в этот день объезжать молодых необученных лошадей. Когда такая лошадь становилась неуправляемой, ее поворачивали с дороги в снег. Пробежав 20–30 метров по снегу, она становилась спокойной, ее снова возвращали на укатанную дорогу. Уже через два-три часа катания лошадь становилась послушной своему молодому хозяину.

Вечером того дня зажигали костер. Костры были видны возле всех деревень, перемигиваясь друг с другом. Ребята и девушки вокруг костра бегали, шутили, смеялись, рассказывали страшные случаи и истории, играли в игры. Так продолжалось до 11–12 часов вечера. Потом все возвращались усталые, счастливые и возбужденные по домам.

После Масленицы начинался великий пост, который тянулся семь недель. Особенно «говели», то есть мало ели в первую неделю после Масленицы и последнюю неделю между «вербным воскресеньем» и Пасхой. В остальные недели ели разные каши, грибы соленые и сушеные, варили гороховый и бобовый супы, картошку, огурцы и другую растительную пищу. Мясо из рациона было исключено полностью. Иногда ели «кислое молоко», то есть проквашенный творог, который копили на время между окончанием дойки и отелом коровы. Этот творог разводили в кипятке, получалось «кислое молоко». Рыбу в это время тоже почти не ели, иногда к картошке чистили селедку.

За неделю до Пасхи было вербное воскресенье. Мальчишки ходили на берег речки, где росла единственная в округе большая верба. Ломали пять – семь веточек каждый и несли домой. Сейчас порою вербу путают с ивой и ломают на вербное воскресенье ветки с ивовыми «сережками». В субботу, за неделю до Пасхи, я тоже ходил на берег речки, где росла единственная на деревню большая раскидистая верба. Приносил по несколько веточек домой и тетке Анне, которая жила на краю. Вербка вишневого цвета, сережки на ней были крупные, с неочищенный лесной орех. Мать ставила пучок вербы на божницу, заменяя старый, а утром в вербное воскресенье зажигала лампадку. Пучок старой вербы она хранила до Егорьева дня в начале мая. Этой вербой она провожала в первый день на пастбище корову. Потом втыкала его на край поля, где паслись коровы.

В четверг все промывали, даже потолки мыли горячей водой, полы скоблили с песком. Потом вечером сами мылись в печи. Это был «чистый четверг». В пятницу варили, красили яйца, красили только в лу-

ковой чешуе различных оттенков. Карелы до сих пор не признают никаких красителей, кроме луковой чешуи.

В пятницу ничего, кроме хлеба и воды, обычно не ели. В субботу ложились спать пораньше. Женщины вставали в воскресенье, в день Пасхи с первыми петухами, это примерно около трех часов ночи. Рано утром в Пасху мать шла с керосиновым фонарем со стеклом на двор. Несильно размахивая им, как лампадкой, крестила корову, теленка и каждую взрослую овцу, приговаривая: «Спаси тебя Христос».

Мать говорила, что до 1952 года еще затемно они всей деревней приходили к часовне на берегу пруда. У каждой женщины были небольшие ажурные корзиночки с крашеными яйцами. Они обходили часовню три раза, потом возле нее читали молитвы. Священника тогда не было, да и не пришел бы он в деревню в такой день. Поэтому читали сами те молитвы, которые знали и помнили. Потом христосовались, трижды целуясь, и обмениваясь крашеными яйцами.

Я любил рассматривать узоры на подаренных мне крашеных яйцах. Хотя они все были покрашены луковой чешуей, но узоры были разными и цвет разный от бледно-желтого до темно-коричневого.

Женщины в деревне топили печь, пекли красные пироги, ставили в печь наваристые щи, тушенку, сушеные грибы с яичницей, молоко. Будили мужчин и детей около шести часов, в шесть часов уже садились за стол. Честно говоря, есть еще не хотелось, а мужчины единственный раз в году могли выпить в шесть часов утра. В другие дни, в том числе и праздники, выпивали только после двенадцати часов дня, до этого времени пили лишь пиво.

Утром на столе были крашеные яйца, творог с изюмом, испеченный кулич, красные пироги, блины, огурцы, тушенка, холодец и другие закуски. Традиционным блюдом на Пасху у карел было «*mammi*», приготовленное из мелкой солодовой муки. Когда мололи солод на пиво, мелкую муку собирали отдельно, замешивали холодной водой и ставили томиться в русскую печь. «*Mammi*» долго держали в печи, пока она не потемнеет и станет сладкой, потом ее ели ложками.

Позавтракав, ребята с корзинами отправлялись по домам к родственникам, друзьям и знакомым. Обход деревни заканчивался около одиннадцати часов дня. Придя домой, мальчишки крошили два-три яйца мелко-мелко, перемешивали со сметаной и макали их блинами. Подзакусив и взяв в карманы четыре-пять яиц, выходили на улицу. Начинались соревнования, чье яйцо крепче. Кто побеждал, против-

ник отдавал тому яйцо. Наигравшись, партиями уходили в сарай, там перекидывали через балку веревки, привязывали доски и делали качели. Качались долго, часов до трех-четырёх дня, пока родители или родственники не позовут обедать.

На обед обычно собирались несколько семей из одной деревни – братья, сестры, тетки, друзья. Обед затягивался часа на два и больше. После этого все выходили на улицу и начинались пляски. Ребятишки были здесь же или снова уходили качаться в сараи. Праздник заканчивался поздно, когда становилось темно, часов в девять вечера, иногда позднее. Обычно Пасха бывает в апреле, очень редко в самом начале мая месяца.

Карелы отмечали перечисленные и другие религиозные праздники во все годы советской власти вплоть до опустошения деревень. Но советские праздники, как 8-е марта, Первое мая и день Октябрьской социалистической революции 7-го ноября в наших карельских деревнях не праздновали.

Глава III. «Усадьбы старые разбросаны»

Дворянская усадьба Слепнево

Русская деревня Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии тесно связана с именами поэтов Николая Степановича Гумилева и Анны Андреевны Ахматовой. Этой деревней, что находилась в одном километре от карельской деревни Поцеп, к 1710 году владели по одной трети Никифор Потапович, Алексей Потапович и Федор Потапович Милюковы, проживавшие в имении Сулега. В конце XVIII века внучка Федора Потаповича, Анна Ивановна Милюкова, вышла замуж за старицкого дворянина Льва Васильевича Львова. Тесть Иван Федорович Милюков передал деревню Слепнево своему зятю Львову в качестве приданого за дочь. Их сын Иван Иванович Львов родился в октябре 1806 года здесь же в Слепневе. Его дочь Анна Ивановна Гумилева-Львова, мать поэта Николая Степановича Гумилева, родилась в 1854 году тоже в Слепневе. Здесь она провела все свое детство, юность и молодость.

По переписи 1859 года в деревне было 16 дворов и 136 жителей. Владелец имения Слепнево Иван Иванович Львов умер 10 марта 1875 года и был похоронен на фамильном кладбище Львовых в селе Градницы, у Троицкой церкви. После его смерти имение перешло к старшему сыну Льву Ивановичу Львову, родившемуся в 1838 году, брату Анны Ивановны. После смерти Льва Ивановича в 1908 году имение на некоторое время перешло к его жене Любови Владимировне, когда в 1910 году она умерла – трем его сестрам: Варваре Ивановне Львовой-Лампе, Александре Ивановне Львовой-Покровской и Анне Ивановне Львовой-Гумилевой.

В начале XX века многооконный одноэтажный дом слепневских помещиков с четырьмя мезонинами, террасой и двумя крыльцами стоял на вершине холма с правой стороны от дороги Хотена-Поцеп. Мезонины выходили на четыре стороны света, в одном из них, выходящим окнами на север, находилась комната А.А. Ахматовой. В ней стены были оклеены светло-синей бумагой, на которой красовалось много рисунков. Ахматова любила сидеть на кушетке или в кресле, поджав под себя ноги, как делали многие барышни того времени. И видела в то окно Анна Андреевна на полях «спокойных загорелых баб», которые сушили и убирали сено, одеваясь в свои национальные, как русские, так и карельские сарафаны. Видела дома и огороды жителей карельской деревни Поцеп в одном километре от Слепнева, правее от нее – русскую деревню Ворониха на высоком левом берегу речки Каменка.

Одно рабочее крыльцо дома располагалось со стороны деревни Хотена, а парадное крыльцо – со стороны дороги Хотена-Поцеп. От дороги к крыльцу вела песчаная дорожка, вдоль которой были посажены розы и георгины. Возле дома располагался старинный парк, неподалеку от парадного крыльца рос старый могучий дуб, вблизи его находился пруд. В парке росло много лесного орешника, лип, берез и других деревьев. Возле барского дома стоял флигель, далее к западу от дома располагались постройки: каретный сарай, конюшня, фермы, рига и сенные сараи [25].

Помещичий дом в Слепневе состоял из: передней комнаты, зала, гостиной, столовой, кабинета, спален и кладовой с буфетом. Гостевые комнаты были небольшими с одним окном, но уютные со старинной мебелью. Полы в них были покрашены, на праздники или перед гостями их натирали мастикой, чтобы они блестели. Печи в доме покрыты

кафелем или пестрыми старинными изразцами. На зиму для сохранения тепла всегда вставлялись вторые рамы. По воспоминаниям очевидцев, жителей наших карельских деревень, дом больше напоминал не барские хоромы, а большую старинную деревенскую избу.

Через дорогу от дома был разбит фруктовый сад. Сама деревня Слепнево располагалась западнее барской усадьбы двумя посадками от вершины к подножию холма. Третий посад домов шел по северному склону холма по направлению к деревне Ханино. На западном склоне холма неподалеку от барских построек было еще несколько домов местных жителей. До Октябрьской революции 1917 года в деревне находилось 30 дворов, большинство домов были приземистыми, с маленькими окнами, высокими соломенными крышами и выглядели уныло.

От Слепнева через деревни Алешино и Дуброво дорога вела в Борисково в имение Кузьминых-Караваевых. Была туда и вторая дорога через деревни Ханино и Сулегу. От Слепнева дороги шли также к карельским деревням Поцеп и Акиниха, русским деревням Хотена и Терebeneи.

У слепневских барынь Варвары Ивановны Лампе-Львовой и Анны Ивановны Гумилевой-Львовой в имении работали как русские, так и карелы.

По воспоминаниям моей матери и жителей карельских деревень, перед Октябрьской революцией 1917 года в имении Слепнево работали по найму 12 человек: 3 горничных, одна кухарка, один кучер, 3 скотника, один конюх и 2 рабочих, один управляющий. Управляющим слепневским имением был житель деревни Заболотье, что в четырех километрах от Слепнева, Александр Петрович Садовников. В руках управляющего были ключи от всех помещичьих амбаров и сараев. Он принимал с гумна хлеб и фуражное зерно, каждый день наряжал крестьян на работы. По вечерам докладывал барыне обо всех делах, и получал от нее приказания на следующий день.

Из деревни Слепнево в имении работали Михаил Гаврилович Зубов, Василий Андреевич Клубов – кучер, Ульяна Андреевна Сывороткина (Клубова) – кухарка. Из деревни Терebeneи работали Дмитрий Гаврилович Гаврилов, Михаил Афанасьевич и Федор Афанасьевич Афанасьевы.

Из карельской деревни Поцеп у барыни работали мой дед Иван Иванович Визюркин конюхом и Прасковья Васильевна Соколова –

горничной, она мыла полы и посуду, стирала одежду. Всего в имении тогда работали трое горничных. Мой дед ухаживал за лошадьми, которые, в основном, были рабочими, а не выездными, а также ездил в город Бежецк кучером, когда за прибывшими гостями отправляли не один, а два экипажа. На одном экипаже кучером был Клубов, на втором – мой дед. Иногда он замещал Клубова, когда тот по какой-либо причине не мог выехать в поездку.

Из другой карельской деревни Петряйцево скотником каждую зиму работал Нетрусов Семен Иванович. Скотный двор был построен по карельскому образцу с накатом, внизу стояли около 60 коров, а наверху хранилось сено. Его летом сюда завозили под крышу по накату на лошадях. Зимой сено сбрасывали вниз столько, сколько нужно было коровам на день. Всего в имении работали три скотника, на каждого приходилось по 20 коров.

Сразу же за южными воротами от деревни на юго-восток отходила дорога на карельскую деревню Акиниха. По этой Акинихинской дороге любил бродить Н.С. Гумилев, он часто ездил по ней в поместье Подобино к Неведомским через деревни Акиниха, Заболотье и Алексино. С северной стороны Слепнева дорога шла в карельские деревни Поцеп, Петряйцево, Душково и другие. Деревня была ограждена деревянным забором из жердей, из нее было три выезда – на север, юг и запад к деревне Ханино.

Как мне рассказывала моя мать, со слов ее отца И.И. Визюркина и ее матери А.А. Визюркиной (Абрамовой), весенним паводком в 1916 году покачнуло и накренило мост между Слепневым и Хотеной через речку Каменку. Об этом писала в своем стихотворении и А.А. Ахматова 20 мая 1916 года «убогий мост, скривившийся немного». Летом 1917 года слепневские и поцеповские мужики быстро смогли построить новый мост. Скорее всего, на нем тем же летом и была сфотографирована А.А. Ахматова.

В Слепневе А.А. Ахматова написала около 60 стихотворений, также известно о 10 стихотворениях, написанных в Слепневе Н.С. Гумилевым.

8 сентября 1913 года, находясь в деревне Слепнево, Анна Андреевна написала стихотворение «Последнее письмо», в котором есть строчки:

«В саду под шум берез корельских
О днях мечтаю царкосельских».

В 1915 году, когда Ахматова была в Слепневе, к ней с фронта приехал муж Н.С. Гумилев, они вдвоем уехали в город Санкт-Петербург. В связи с этим в одном стихотворении она написала:

«И в город печали и гнева
Из тихой Корельской земли
Мы двое – воин и дева –
Студеным утром вошли».

В 1917 году она написала строки, которые вошли в ее книгу «Полдорожник», изданную в 1921 году:

«Теперь прощай, столица,
Прощай, весна моя.
Уже по мне томится
Корельская земля».

Во время «хрущевской оттепели» стали появляться стихи А.А. Ахматовой после всех ее запретов. В некоторых стихах она писала «о корельской земле», чем вызывала некоторое недоумение у читателей, так как Слепнево было русской деревней. Поэтому издателям приходилось давать комментарии, что карельской землей Ахматова называла окрестности Слепнева, с XVII века заселенные карелами.

Барский дом в Слепневе после того, как оттуда осенью 1917 года выехала барыня Анна Ивановна Гумилева, был разграблен. Бывшие ее работники Зубов и Соболев взломали дверь и стали выносить к себе все, что оставалось в доме – мебель, посуду, книги. За ними в дом стали ходить и другие жители деревни, чтобы взять что-то из оставленного добра. Сразу после Октябрьской революции в барском доме открыли начальную школу, первым учителем был сын сулежского священника Иван Михайлович Раевский. После него учительницей работала Анастасия Константиновна Лебедева. В 1927–1929 годах там размещались коммуна, детский сад и школа. Председателем коммуны был житель карельской деревни Акиниха Василий Федорович Румянцев, в коммуне работали как русские из Слепнева, так и карелы из Синькова, Поцепа и Акинихи. Барский дом в Слепневе простоял до 1935 года, его разобрали и перевезли в село Градницы, там из него построили школу. Флигель из имения перевезли в деревню Дубровка возле села Сулега.

Сейчас нет ни деревни Слепнево, ни ближайших к ней карельских деревень. Деревня Слепнево находилась в одном километре от карельской деревни Поцеп, где родилась моя мать, и в трех километрах от деревни отца Петрайцево, где я родился. Эта деревня с детства была мне небезразлична, так как мой дед И.И. Визюркин работал шесть зим с 1911 по 1917 годы у барыни Анны Ивановны Гумилевой конюхом. Здесь в начальной школе в 1929 году училась моя мать, ее первой учительницей была Анастасия Константиновна Лебедева.

Начиная с 1957 года, я летом часто ездил на велосипеде в Слепнево со своим детским другом Поляковым Витей, который приезжал в нашу деревню из Ленинграда, к его бабушке. Радость была в том, что в бывшем барском саду росло много лесного орешника.

От барского дома в Слепневе до речки Каменка с полкилометра дорога была вымощена дикими речными камнями одной величины. Она была прямой и гладкой, мы любили кататься по ней на велосипедах, особенно под горку от деревни. Вдоль западной стороны дороги шли сплошные насаждения из берез, рябин, черемухи и ивы.

Проехав по мосту через речку Каменку, начинался подъем на холм, на котором стояла деревня Хотена. Далее был снова спуск с горы, в низине дорога раздваивалась: прямо шла на Зобищи, направо – на Терebene и дальше на Бежецк. Это были проселочные дороги с колеями от одерных и тележных колес, да следами от копыт лошадей между колеями дороги, еще не знавшие тогда машинного и тракторного следа.

Во всех направлениях Слепнево окружали другие многочисленные русские и карельские деревни. К югу – русские деревни Хотена, Зобищи, Молоди, Заболотье, Терebene, к западу – Ханино, к северу и востоку – карельские деревни Поцеп, Петрайцево, Шейно, Терехово и Акиниха. Жители рассказывали, что каждая деревня до революции была огорожена и перед въездами в нее находились ворота. Заслышав звон колокольчиков, к воротам выбегали деревенские мальчишки и открывали их. Проезжающие часто одаривали мальчишек конфетами и пряниками.

Деревня Заболотье находилось в 4 километрах от Слепнева к юго-востоку за деревней Акиниха, что была в двух километрах от Слепнева. Хотена стояла на горе за речкой Каменкой в полутора километрах к югу от Слепнева. Терebene – в трех километрах к юго-западу. Ка-

рельская деревня Поцеп была в одном километре к северо-востоку от Слепнева, Петряйцево – в трех километрах, Терехово – в 2,5 километрах к востоку от Слепнева.

Называю эти деревни потому, чтобы они сохранились в памяти, так как на их месте остались лишь заросшие лесом и кустарником холмы да возвышенности, на которых они стояли. На севере и востоке карельские деревни окружали леса.

Деревня Слепнево располагалась буквой Г, основная улица шла с севера на юг, рассекая пополам бывшую барскую усадьбу Гумилевых, от которой к 1957 году оставался лишь фундамент, пруд, дуб, парк и сад. Тогда в Слепневе еще было несколько домов, был виден фундамент разобранного в 1935 году дома Гумилевых. Если ехать из Поцепа в Хотену, то слева стояли два дома Поляковых и бывший дом Паршиных, справа – дома Филипповых, Махотиных и Макуровых.

В полукилометре от Слепнева протекала река Каменка, которая собирала свои воды на территории Корельско-Кошевского погоста, длина ее 11 километров. Она берет начало от родников у бывшей деревни Калиниха, протекает мимо карельских деревень Гремячиха, Климантино, Бережки, Шейно, Поцеп и впадает в речку Уйвешь возле деревни Терebene. В месте впадения Каменки в Уйвешь во второй половине XX века обустроили искусственное озеро под названием «Уйвешь».

Река Уйвешь, куда впадает Каменка, берет начало между деревнями Холм и Горбовец, протекает мимо деревень Подобино (Красный Октябрь), бывших деревень Ножкино, Кистиково, Борок, Зобищи, Терebene, возле которой в нее впадает речка Каменка. Длина реки Уйвешь 45 км, она впадает в Могочу. Ошибку делают те исследователи, которые, полагаясь на современные карты, считают, что река Уйвешь начинается возле русской деревни Сулега, но там берет начало речка Сулешка.

В марте 1966 года умерла Анна Андреевна Ахматова. Получилось так, что в год смерти А.А. Ахматовой не стало и деревни Слепнево, последняя жительница баба Вера Филиппова в 1966 году переехала жить в нашу деревню Петряйцево. Из-за своей кончины Слепнево не стало одним из важных духовных центров России наряду с Михайловским, Ясной Полянкой, Тарханами, хотя при другом отношении к культуре могло стать. Но целые десятилетия никому не было никакого дела до Слепнева.

Тогда в 1966 году мы еще не знали, как высоко будут позднее ценить творчество А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева, поэтому не занимались подробными расспросами о них у жителей деревень. Когда мы работали учителями в Карело-Кошевской школе, опубликованные стихи Ахматовой и Гумилева нам попадалось очень редко. Но 1 сентября 1974 года, в год 85-летия Ахматовой моя жена Зинаида Ивановна водила свой класс пешком за четыре километра из Карело-Кошева в Слепнево. Она рассказывала ребятам то, что знала о Гумилевых и Ахматовой.

Об Ахматовой в нашей местности заговорили во весь голос в 1989 году, когда отмечали ее 100-летие со дня рождения. Позднее, в конце XX – начале XXI веков, стали много писать о жизни и творчестве Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой, в том числе о слепневском периоде их жизни.

Фотография на память

Этот милый сердцу уголок России на северо-востоке Бежецкого уезда знавал многих замечательных людей, ставших гордостью бежецкой, тверской и российской земли. Здесь на стыке Бежецкого, Весьегонского и Кашинского уездов, где двумя небольшими горсточками в русский массив были вкраплены 13 карельских деревень вокруг Кошева Корельского, находились имения людей, которых знают во всем мире, порою даже больше, чем знаем мы. Воздух этой местности пропитан их голосами, поэзией и прозой. К сожалению, изгнанные с родины, они оставили свои архивы в Париже, Риме, Нью-Йорке, поэтому рассказ об этих людях далеко не полный [26].

Но мы, их земляки, можем и должны знать о них больше, чем мы знаем.

Жившие вокруг села Корельское Кошево карелы не были помещичьими, они относились к царскому двору, с 1662 года назывались дворцовыми, а затем с 1797 года – удельными крестьянами.

Барские усадьбы располагались вокруг карельских деревень подковой к югу и находились в 1–8 километрах от их границ. По данным за 1919 год в Бежецком уезде до Октябрьской революции 1917 года было всего 64 имения с количеством земли 16 тысяч 564 десятины, а по Тверской губернии насчитывалось 1159 имений [27].

Все помещичьи усадьбы были построены на возвышенных холмах или на скатах неподалеку от рек и речек. В каждой помещичьей усадьбе при жилом доме имелись: помещение для дворни, каретный сарай, конюшня, погреб, скотный двор, хлебный амбар, гумно с сенными сараями, баня. При каждой усадьбе был сад и огород, часто устанавливали парники. Нередко за садом красовались природные рощи или посаженные парки.

В числе имений Бежецкого уезда, окружавших Корельско-Кошевский погост в 1919 году значились:

Борисково – бывшее имение Кузьминых-Караваевых Сулежской волости. Находилось в четырех километрах от карельских деревень Петрайцево и Поцеп. По переписи 1859 года имения Борисково не существовало, есть сведения о селе Толстикове, в котором было тогда 10 дворов и 76 жителей, земли 223 десятины. После Октябрьской революции имение Борисково было разграблено и передано Бежецкому уездному отделу народного образования, в нем поместили школу.

Слепнево – бывшее имение В.И. Лампе-Львовой и А.И. Гумилевой-Львовой Новской волости, в одном километре от карельской деревни Поцеп и трех километрах от карельских деревень Акиниха, Душково, Петрайцево, Терехово и Шейно. По переписи 1859 года в деревне было 16 дворов и 136 жителей, земли 113,39 десятины. К 1919 году имение было бесхозным, оставшееся после переезда хозяйки в Бежецк имущество разворовали. Позднее в барском доме был детский сад, затем начальная школа и коммуна.

Подобино – бывшее имение Неведомских в Бокаревской волости на правом берегу реки Уйвешь, по переписи 1859 года кроме поместья было еще 4 двора, всего 77 жителей, земли 380 десятин. К 1919 году имение разграбили и передали Бежецкому отделу народного просвещения, в нем была расположена школа второй ступени, позднее – коммуна «Красный Октябрь». Имение находилось в трех километрах от карельской деревни Горбовец, в четырех километрах от Терехова.

Синево-Дуброво – бывшее имение Хилкова в Бокаревской волости, по переписи 1859 года там было 29 дворов и 287 жителей, земли 396 десятин. После революции имущество имения было разграблено, дом сгорел в 1919 году.

В том же селе было имение Архиповой, земли 674 десятины 98 саженьей. После революции никому не передано, имущество разграблено, судьба дома неизвестна.

Паницыно – бывшее имение церковного старосты села Хонеево П.А. Серова Бокаревской волости, по переписи 1859 года кроме поместья там было 7 дворов и 54 жителя, земли 92 десятины. Деревня находилась в одном километре от Колесников и четырех километрах от Синево-Дуброва.

Колесники – бывшее имение Дмитриевых-Мамоновых, родина бабушки Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, по переписи 1859 года в деревне находилось 12 дворов, где проживали 78 жителей. В списках за 1919 год имение в этой деревне не значится. Находилось в четырех километрах от карельских деревень Горбовец и Калиниха.

Барская Ворониха – бывшее имение старшины Новской волости В. Иванова в Новской волости, земли 47 десятин. После Октябрьской революции имение никому не передавалось, разграблено, хозяина имения сожгли в овине [28].

Имение находилось в полукилометре от Поцепа и полутора километрах от Слепнева на высоком левом берегу реки Каменка. Гора называется по-карельски «шави-гора», то есть глиняная гора, часть этой горы, где была деревня, теперь называется Воронихинской. В списках населенных пунктов Тверской губернии за 1859 год эта деревня называлась двойным именем – Иван Милостивый (Ворониха), в ней тогда было 7 дворов и 43 жителя.

До 1862 года деревней Ворониха владела Варвара Ивановна Львова-Лампе – старшая сестра Анны Ивановны Гумилевой. В первые годы после отмены крепостного права незначительное число крестьян освобождалось от крепостной зависимости. По всему Бежецкому уезду за 1862 год было освобождено 245 крестьян в 11 имениях. Среди них были крестьяне деревни Ворониха. По выкупной сделке № 507 они освобождались от крепостной зависимости слепневской помещицы В.И. Львовой-Лампе, но были вынуждены батрачить на местного помещика, старшину Новской волости Василия Иванова.

Согласно циркуляру № 13 от 16 сентября 1918 года советская власть оставляла бывших помещиков, по их желанию, продолжать жить в пределах своих имений. В перечисленных выше имениях к 1919 году никто из хозяев жить не остался.

В пределах всего Бежецкого уезда к 31 мая 1924 года из 64 помещиков в своих имениях оставалось 8 помещиков [29].

Имение Борисково находилось в 22 километрах от города Бежецка на дороге Бежецк-Красный Холм. Дорога ведет сюда через деревню За-

ручье, мимо Градниц, по деревянному небольшому мостку через реку Уйвешь, по деревне Сулежский Борок. Это имение Владимира Дмитриевича Кузьмина-Караваева. Слева от дороги, вплотную к ней начинается большой старинный парк, обнесенный валом и рвом. В глубине парка на расстоянии 150 метров от дороги стоит деревянное, большое одноэтажное барское здание, которое сохранилось к началу XXI века. Там разместили Борисковскую участковую больницу.

На дворянской усадьбе Борисково стоял двухэтажный усадебный дом с портиком и четырьмя колоннами. На первом этаже – большой зал, библиотека со старинными книгами и картинками. Комнаты были обставлены мебелью карельской березы и красного дерева.

Где сейчас этот дом, библиотека, мебель? Неужели кто-то разбогател материально или духовно, разворовав, уничтожив, разломав, предав огню эти духовные и материальные богатства? Наверное, уже никто не ответит на эти вопросы.

Летом в имении жили хозяин Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев, его жена Екатерина Дмитриевна и ее племянник Дмитрий Бушен, оставшийся сиротой без матери в два года.

Зимой они жили в своем доме № 92 на Мойке в городе Санкт-Петербурге, на лето приезжали в Борисково. Когда у Владимира Дмитриевича были дела в Бежецке и Твери, Екатерина Дмитриевна с Димой Бушен оставалась жить здесь и зимой.

Обитатели имения ходили на службу во Владимирскую церковь села Толстикова, что в одном километре от Борискова, сейчас нет ни деревни, ни церкви, осталась одна колокольня. Деревня Борисково находилась в шести километрах северо-западнее Слепнева.

Два имения Борисково и Слепнево были связаны родственными узами.

* * *

15 июля 1911 года в деревне Борисково собралось много гостей, отмечали именины хозяина усадьбы Владимира Дмитриевича Кузьмина-Караваева. Николай Степанович Гумилев представил гостям молодую жену Анну Андреевну Ахматову. А через несколько дней также в июле 1911 года вся эта молодая компания собралась у Гумилевых в Слепневе. Тогда же была сделана хорошо известная исследователям

групповая фотография. Фотографировала Ольга Александровна Кузьмина-Караваева (в замужестве Оболенская).

На фотографии изображены: Мария Александровна Кузьмина-Караваева, Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, ее родной брат Дмитрий Юрьевич Пиленко, Анна Андреевна Ахматова, Екатерина и Борис Кузьмины-Караваевы, Дмитрий Дмитриевич Буцен и Мария Леонидовна Сверчкова. На фотографии нет Николая Степановича Гумилева и Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева.

По утверждению Д.Д. Бушена они ушли далеко гулять в окрестности деревни Слепнево, поэтому не фотографировались.

Каждый человек, изображенный на этой фотографии, заслуживает пристального исследования. Исходя из возможностей, расскажу более подробно о хозяине имения Борисково Владимире Дмитриевиче Кузьмине-Караваеве, его сыне Дмитрие, невестке Елизавете Юрьевне, о Николае Степановиче Гумилеве и Анне Андреевне Ахматовой.

Сведения о других очень скудные.

Дочь Констанции Фридольфовны Лампе и Александра Дмитриевича Кузьмина-Караваева – Ольга Александровна родилась в 1890 году. Позднее вышла замуж за князя Оболенского, после революции они уехали жить в Париж. Умерла в 1986 году в возрасте 96 лет. Ее дети и внуки в Париже хранят архив дворянского рода Кузьминых-Караваевых. Ее отец Александр Дмитриевич Кузьмин-Караваев, 1862 года рождения, после октябрьской революции остался в Советском Союзе, был инспектором на Мурманской железной дороге до своей смерти в 1935 году.

Сестра Ольги Александровны Мария Александровна родилась в 1888 году и умерла в возрасте 23 года от туберкулеза 29 декабря 1911 года в Италии, где проходила курс лечения.

Дмитрий Юрьевич Пиленко, родной брат Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой (Пиленко) в годы гражданской войны воевал в деникинской армии, погиб в 1920 году.

Дмитрий Дмитриевич Бушен родился в 1893 году, в два года остался сиротой после смерти его матери. Сначала жил с отцом, а с 1905 года постоянно жил у своей тетушке Екатерины Дмитриевны Кузьминой-Караваевой (Бушен).

После Октябрьской революции в 1925 году эмигрировал в Париж, жил там до своей смерти в 1993 году, прожив около ста лет.

Сын Владимира Дмитриевича Кузьмина-Караваева Борис Владимирович после революции остался жить в СССР, был врачом-хирургом. Погиб во время бомбежки парохода – госпиталя, на котором он служил, на Ладожском озере во время Великой Отечественной войны. Другой сын Михаил был востоковедом, после революции жил в Варшаве. В 1945 году вернулся в Советский Союз, отсидел восемь лет в лагерях, потом преподавал латынь в Саратовском университете.

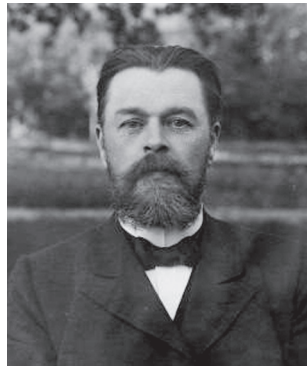
Мария Леонидовна Сверчкова была дочерью сводной сестры Николая Степановича Гумилева, Александры Степановны Сверчковой, годы жизни которой 1869–1952гг. Мария Леонидовна умерла в 1918 году в возрасте 22 года.

Более подробно расскажем о судьбах других, изображенных и не изображенных на памятной фотографии.

Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев

Хозяин имения Борисково Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев родился в семье генерала Дмитрия Николаевича Караваева (1818–1883 годы жизни) и Марии Христиановны (Христофоровны) Бушен (1828–1883 гг.) в городе Санкт-Петербурге в 1859 году и жил с семьей на Мойке, 92.

Получил прекрасное юридическое образование, стал профессором-правоведом, писателем и политическим деятелем. У него было три сына: Дмитрий 17 мая

1886 года рождения, Борис 1892 года рождения, Михаил 1894 года рождения и дочь Екатерина 1887 года рождения.

По семейной легенде их род шел из Новгорода. Далекий их предок Новгородский посадник Кузьма вынес Московскому царю каравай хлеба, когда тот посетил город. Отсюда детей Кузьмы и последующие их поколения стали называть Кузьмины-Караваевы, так пошла эта фамилия.

С 1897 по 1906 годы Владимир Дмитриевич был гласным от Бежецкого уезда в составе Тверского губернского земского собрания, с 1903 года – гласный Санкт-Петербургской городской думы. В 1904–1905 годах он входил в Союз земцев. В январе 1904 года, по требованию министра внутренних дел В.К. Плеве, был вынужден сложить звание гласного Тверского земства и Санкт-Петербургской городской думы. Осенью того же года в звании земского гласного его восстановили. Участвовал в частных совещаниях земских деятелей, в земских съездах. Являлся одним из основателей партии демократических реформ.

Депутат Государственной думы первого и второго созывов от Тверской губернии. Получил известность благодаря выступлению против смертной казни. Выборы в Государственную Думу третьего созыва В.Д. Кузьмин-Караваев проиграл.

С 1908 года – профессор высших женских курсов, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1909 присяжный поверенный Санкт-Петербургской судебной палаты, выступал защитником на многих политических процессах.

В 1911–1916 гг. редактор отдела уголовного права и один из авторов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона.

В годы первой мировой войны 1914–1918 годов член Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов, председатель ревизионной комиссии Всероссийского земского союза. С 1915 года Кузьмин-Караваев состоял членом редакции журнала «Вестник Европы» и вел в нем отдел «Вопросы внутренней жизни».

О его грамотности и гражданской активности говорят некоторые документы. Например, 2 декабря 1899 года Владимир Дмитриевич прочел составленный им протокол заседания от 1 декабря, который был утвержден собранием, выразившим признательность Кузьмину-Караваеву за полноту и точность протокола [30].

Владимир Дмитриевич был видным деятелем российского либерализма, одним из организаторов и лидеров Партии демократических реформ.

В 1904 году Владимир Дмитриевич издал книгу «Земство и деревня», в которой обобщил свой семилетний опыт работы гласным Тверского губернского земства.

Вызывает интерес опубликованная в ней «Программа мероприятий для поднятия экономического благосостояния населения Бежецкого уезда», которую Кузьмин-Караваев вынес на рассмотрение губернского земства в 1898 году. В ней обращено внимание на основные проблемы крестьянства того времени: малоземелье и дробленность крестьянских наделов при трехпольной системе. Он предлагал делать более обширные поля с травосеянием и введением льна в правильный севооборот.

Другой причиной низких урожаев он называл плохую обработку семян, третья причина – недостаток кормов для скота, его истощенность, малые надои, малые привесы и недостаточность полученного навоза, без которого бежецкие земли родить не будут. Этим автор еще раз подтверждал необходимость травосеяния.

В программе Владимир Дмитриевич предлагал введение денежной системы для крестьянства, заявляя, что натуральное хозяйство отжило свой век. Много внимания в программе он уделил обилию праздников среди крестьян и дороговизну крестьянских свадеб. К 1903 году число дней, когда православные празднуют религиозные праздники, составляли 120–140 дней в году, на время сельскохозяйственных работ приходилось 74–77 дней. Иначе говоря, во время посева, уборки и молотбы из каждых трех дней крестьяне работали неполных два. Правда, летом поголовного пьянства не бывало из-за безденежья. Но разгул и пьянство сопровождали всегда осенние праздники, когда у крестьян появлялись деньги.

Особенно расточительно крестьяне праздновали свадьбы. Самая скромная свадьба обходилась каждой стороне по сто рублей, то есть больше, чем мог заработать в год взрослый сельскохозяйственный работник. Если он приносил в дом сто рублей в год, это вполне обеспечивало среднему крестьянину его семью, которая могла оплатить все повинности и прожить до следующего урожая. Изъятие этих средств из дома аналогично пожару. Свадьба расстраивала крестьянское хозяйство на многие годы. На вопрос, почему тот или иной хозяин обеднел и вошел в долги, отвечали: «Сына женил» или «Дочку замуж выдал». Чтобы сыграть свадьбу, обычно продавали оставшейся на семена хлеб, вторую корову, сарай или даже участок земли. Деревенские

скупщики в период свадеб работали не менее успешно, чем винные лавки. Расходы составляли: на приданое невесте – двадцать – двадцать пять рублей, притч за венчание – десять рублей, остальные деньги шли на одежду, еду и водку, которыми угощали родственников и деревенских всех соседей [31].

Знания Владимира Дмитриевича, его опыт, писательское мастерство, активность повлияли на исход выборов членов в первую Государственную Думу. 26 марта 1906 года в городе Твери под председательством губернского предводителя дворянства С.Ф. Головина состоялось губернское избирательное собрание для выборов членов Государственной Думы от Тверской губернии. На собрание явилось 117 выборщиков из общего числа по закону 124. Сначала происходили выборы одного члена уполномоченными от волостей, их было 41. Затем состоялись выборы семи членов Государственной Думы. Среди других был избран Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев, профессор, гласный Тверского губернского земства, за – 85 выборщиков, против – 30 и один голос «свой» [32].

До марта 1919 года Владимир Дмитриевич неоднократно бывал в Бежецке, участвовал в работе земского собрания Бежецкого уезда. В марте 1919 уехал из России, некоторое время пробыл в Стокгольме, с мая 1919 жил в Гельсингфорсе.

Входил в состав Политического совещания при генерале Юдениче. В конце ноября 1919 г., из-за поражения белых в северо-западном районе России, вернулся в Гельсингфорс. Умер 17 февраля 1927 года.

В своих воспоминаниях «Моя жизнь. Мои современники», изданных в Париже в 1938 году, князь В.А. Оболенский писал о В.Д. Кузьмине-Караваеве: «Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев военный по профессии, окончил военно-юридическую академию и дослужился до чина генерал-майора. Еще до революции 1905 года он был известен, как либеральный гласный тверского земства. Умный, образованный, он занял влиятельное положение на земских съездах и, конечно, был избран в Государственную Думу.

Чрезвычайно живописен был на ее трибуне этот красивый, сравнительно молодой генерал с густыми серебряными эполетами, когда он выступал с речами, осуждающими правительство. Либеральные генералы бывали еще в царствование Александра II, но затем постепенно вымерли, и Кузьмин-Караваев был своего рода уникалом».

Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев

Старший сын Владимира Дмитриевича Кузьмина-Караваева Дмитрий родился 17 мая 1886 года. В 1904 году окончил Петербургскую гимназию имени Александра I и в тот же год поступил на юридический факультет Петербургского университета.

В 1908 году познакомился со слушательницей Бестужевских курсов Елизаветой Юрьевной Пиленко. У молодых людей оказалось немало общих интересов: литература и искусство, идеология социал-демократов, вопросы религии. 19 февраля

1910 года они повенчались в церкви Рождества Богородицы. К этому времени Дмитрий уже получил диплом юриста, окончив юридический факультет 26 октября 1909 года. Летом 1911 года они отдыхали в поместье отца Дмитрия – деревня Борисово Бежецкого уезда. Там 15 июля Н.С. Гумилев представил родителям и близким свою жену А.А. Ахматову.

Отношения мужа и жены Кузьминых-Караваевых были недолгими, они были вместе всего чуть больше двух лет, с февраля 1910 до весны 1912 года. Причиной разрыва, скорее всего, стала влюбленность Елизаветы Юрьевны к Александру Александровичу Блоку и ее необдуманные поступки из-за любви к женатому человеку. Дмитрий Владимирович ввел свою молодую жену в круг поэтов, политиков и вообще одаренных людей. По воспоминаниям Елизаветы Юрьевны, ритм их жизни был нелепым, вставали около трех часов дня, ложились на рассвете. Каждый вечер они с мужем бывали в петербургском мире. Или у Вячеслава Иванова на «башне», куда нельзя было приехать раньше двенадцати часов ночи, или в «цехе поэтов» у Гумилева, или у Городецких и так далее. «Цех поэтов» только создавали, начинали входить во славу Гумилев и Ахматова. По словам Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, Гумилев рыскал вне русской равнины, в чужих экзотических странах, Ахматова не выходила за порог душной, заставленной безделушками комнаты [33].

В декабре 1910 года Дмитрий Кузьмин-Караваев вместе с молодой женой ходил в Тенишевское училище на собрание, посвященное

десятилетию со дня смерти Владимира Соловьева. Дмитрий решил познакомить жену с А.А. Блоком, которого он очень хорошо знал. Она решительно отказалась и осталась сидеть в зале на своем месте. Через некоторое время Дмитрий вернулся вместе с Блоком и его женой Любовью Дмитриевной. Блок узнал Елизавету Юрьевну, которая 10 февраля 1908 года шестнадцатилетней девушкой приходила к нему на квартиру.

Жена Блока пригласила их на обед, они договорились о дате, и обед состоялся. Питая нежные чувства к женатому поэту, понимая сложность ситуации, Е.Ю. Кузьмина-Караваева решила бежать из Петербурга, бежать от мужа.

Весной 1912 года она уехала отдыхать на немецкий курорт Бад-Наугейм. После возвращения оттуда поехала на юг в Анапу. Осенью 1912 года в Петербург к мужу не вернулась, стала жить в своем небольшом имении Джемете, оставленном ей после смерти отца на берегу Черного моря. Она писала, что ее компанию составляли штукатур, слесарь, да банщик. Приехала в Москву осенью 1913 года, там была встреча с мужем, тяжелое объяснение и развод.

В первую мировую войну Дмитрий Владимирович был уполномоченным комитета Всероссийского земского союза. В 1917 году при Временном правительстве его назначили губернатором Минска.

Под влиянием священника В.В. Абрикосова в мае 1920 года Дмитрий Владимирович присоединился к католической церкви, в 1922 году выслан из России за границу.

В 1923 году Д.В. Кузьмин-Караваев поступил в Греческую коллегию в Риме, с 1926 по 1941 годы возглавлял Русскую католическую миссию в Берлине, в 1927 году получил степень доктора богословия.

В последние годы жизни с 1956 по 1959 годы Дмитрий Владимирович служил в Ватикане, в Руссикуме – центре по подготовке католических священников славянских национальностей.

Умер 16 марта 1959 года и был похоронен на кладбище Кампа Верано в склепе греческого колледжа святого Афанасия [34].

Анна Ивановна Гумилева

Анна Ивановна Гумилева-Львова, мать поэта Николая Степановича Гумилева, родилась в 1854 году в деревне Слепнево. Здесь она провела все свое детство, юность и молодость. Слепнево было имением ее родителей. Отец Анны Ивановны Иван Иванович Львов родился в октябре 1806 года здесь же в Слепневе. Умер он 10 марта 1875 года и был похоронен на фамильном кладбище Львовых в селе Градницы, у Троицкой церкви. По переписи 1859 года в селе Градницы было 12 домов и 68 жителей.

В 1876 году в возрасте 22 лет Анна Ивановна вышла замуж за 40-летнего корабельного врача Степана Яковлевича Гумилева, который тогда служил в Кронштадте. Первая его жена умерла, оставив сиротой девочку Александру, 1869 года рождения. Анна Ивановна, будучи всего на 15 лет старше ее, стала мачехой. Сочетание браком и венчание Анны Ивановны Львовой со Степаном Яковлевичем Гумилевым состоялось 6 октября 1876 года в селе Градницы Бежецкого уезда.

После свадьбы Анна Ивановна переехала жить к мужу в Кронштадт, где 15 апреля 1886 года у них родился второй сын Николай. Летом того же года Степан Яковлевич отвез жену с сыновьями Дмитрием, Николаем и старшей его дочерью Александрой в Слепнево к родителям Анны Ивановны. 9 февраля 1887 года Степан Яковлевич был отправлен в отставку по болезни, семья переехала жить в Царское Село, по адресу: Московская улица, дом 42. Это был двухэтажный особняк с флигелем и садом, теперь на этом месте дом № 55 по Московской улице [35].

Сам деревянный дом не сохранился. В том доме они прожили девять лет с 1887 по 1896 годы, затем переехали жить в Петербург.

В 1900 году семья Гумилевых уехала жить в город Тифлис из-за болезни старшего сына Дмитрия, 1884 года рождения.

В 1903 году Гумилевы возвратились жить в Царское Село и поселились в доме на углу улиц Средней и Оранжерейной, в 1904 году переселились на Конюшенную улицу в каменный дом, который сохранился до настоящего времени по адресу: улица Первое Мая, дом № 29 [36].

Летом 1908 года они переехали жить на Бульварную улицу, жили там три года. Степан Яковлевич Гумилев умер 6 февраля 1910 года в возрасте 73 лет. В следующем 1911 году Анна Ивановна купила дом с двухэтажным флигелем, большим садом и маленьким двориком на Малой улице. На втором этаже поселилась она с падчерицей Александрой Степановной Сверчковой и внуками от нее – Николаем и Марией. На первой этаже стали жить Николай Степанович с Анной Андреевной Горенко (Ахматовой) и старший брат Гумилева Дмитрий Степанович с женой Анной Николаевной Гумилевой-Фрейганг. Николай Степанович с женой занимали четыре комнаты.

Каждое лето Анна Ивановна Гумилева-Львова проводила в своем имени Слепнево, где постоянно жила ее старшая сестра Варвара Ивановна Львова-Лампе. Мужем Варвары Ивановны был финн Фридольф Иванович Лампе, родом из города Гельсинфорса (Хельсинки). У них родилась дочь, которую называли в честь бабушки по отцу Констанцией. После смерти мужа Варвара Ивановна с дочерью бедствовали, Анна Ивановна помогала им, чем могла. После смерти свекрови Варвара Ивановна ездила в город Гельсинфорс и вступила там, в права наследства. Свою часть наследства она продала золовке, на вырученные деньги купила приданое дочери Констанции, которую выдала замуж за ротмистра Александра Дмитриевича Кузьмина-Караваева, родного брата Владимира Дмитриевича. У них родились дочери Мария и Ольга, сын Сергей [37].

После того, как в 1910 году, после смерти мужа, Анна Ивановна переехала жить в Слепнево постоянно, на лето туда стало приезжать много народу. Приезжал сын Николай Гумилев с женой, сын Дмитрий Гумилев с женой, падчерица Александра Степановна с детьми Колей и Марией, дочь Варвары Ивановны Констанция со своими дочерьми Марией и Ольгой.

Николай Степанович Гумилев бывал в Слепневе каждое лето с 1911 по 1914 годы, Анна Андреевна Ахматова с 1911 по 1917 годы. По воспоминаниям Александры Степановны Сверчковой, сноха Анна Ахматова очень уважительно относилась к свекрови. Свои письма к ней она начинала всегда словами: «Милая Мама», слово «Мама» писала с большой буквы. В те годы Анна Андреевна Горенко носила фамилию мужа – Гумилева, а Ахматова был ее литературным псевдонимом с 1906 года.

По воспоминаниям очевидцев в барском доме сохранялись патриархальные традиции. Придя в гостиную на завтрак или обед, все сто-

яли за спинками своих стульев и ждали, когда придет самая старшая в доме Варвара Ивановна Лампе. Сев на свой стул, Варвара Ивановна подавала знак рукой, и все садились. Молодежь за столом не имела права первой начинать разговор, если их ни о чем не спрашивали. Эту обстановку особенно мучительно переживала жена Н.С. Гумилева Анна Ахматова. Порою, она нарушала установленные здесь традиции, и вставала не в 8 часов утра, как полагалось всем, а в два часа дня. Ее прощали лишь потому, что она была беременной.

Анна Ивановна Гумилева с малых лет воспитывала у себя в Слепневе внука Леву. В начале 1914 года, когда Н.С. Гумилев, влюбленный в Татиану Адамович, попросил жену о разводе, и та согласилась, Анна Ивановна резко вмешалась в ситуацию. Она не позволила сыну разводиться с Ахматовой, переживая за внука Левушку, с которым она не желала расставаться.

Как писала А.А. Ахматова позднее в своих письмах, деревня Слепнево летом 1917 года представляла сущий ад. Мужики выкосили себе весь барский луг, говорили, что барский дом стоит на их костях. Они обещали уничтожить слепневскую усадьбу 6 августа, когда будут отмечать праздник Борисов день, и к ним приедут гости. Позднее работник Зубов на виду у всех стал пилить березу в барском парке. На замечание помещицы А.И. Гумилевой заявил: «Тебе скоро будет то же, что и березе».

Осенью 1917 года Анна Ивановна Гумилева переехала жить в город Бежецк на улицу Рождественскую, дом № 68, теперь это улица Чудова. К ней на постоянное жительство из Петербурга переехала падчерица А.С. Сверчкова. До революции она преподавала в Царскосельской Мариинской женской гимназии. Переехав в Бежецк после октябрьской революции, она преподавала в Бежецкой железнодорожной школе. На свое жалование и паек содержала не только себя, но и мачеху Анну Ивановну с ее внуками Львом и некоторое время маленькой Еленой – дочерью Гумилева от второго брака с Анной Николаевной Энгельгардт [38].

Умерла Анна Ивановна Гумилева-Львова в 1942 году в возрасте 88 лет. При советской власти старое Градницкое кладбище вместе с могилами Львовых было уничтожено и сравнено с землей.

Николай Степанович Гумилев

Николай Степанович Гумилев родился 3 (15) апреля 1886 года в Кронштадте, где его отец служил корабельным врачом. До свадьбы с Анной Андреевной Горенко (позднее Ахматовой) Николай Степанович много путешествовал. В 1906 году был в Париже и слушал лекции в Сорбонне, в 1907 году путешествовал по Египту, в 1908 году снова был в Париже, в 1909–1910 годах второе путешествие в Африку: через Одессу и Болгарию (Варну) в Каир и далее в Абиссинию.

Они путешествовали потом вместе с женой Анной Андреевной. В мае 1910 года сразу после свадьбы побывали в Париже, в 1913 году посетили города Италии: Рим, Венецию, Флоренцию и другие.

Несколько раз он бывал в родовом имении матери Слепневе. Первый раз Николай Степанович приехал в июле 1909 года, думал застать в доме мать, да старую тетюшку Варю. Но был приятно удивлен и поражен, когда кроме старенькой тетюшки Вари навстречу ему вышли две очаровательные молоденькие барышни Маша и Оля. Маша с первого взгляда произвела на поэта неизгладимое впечатление. Гумилев приехал тогда всего на несколько дней поработать в библиотеке матери, но под разными предлогами оттягивал свой отъезд. Нянечка Кузьминых-Караваевых говорила: «Машенька совсем ослепила Николая Степановича».

Здесь тогда он написал стихотворение «Старина», которое вошло в его очередную книгу «Жемчуга», вышедшую в апреле 1910 года.

Стихотворение «Старина» написано под впечатлением первого посещения Н.С. Гумилевым Слепнева:

«Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь
Вот дом старинный и некрашенный
В нем словно плавает туман,

В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзаж
Тревожный сон. Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке
Как ряд скелетов – груды мебели
В пыли почивают и в тоске.
Мне суждено одну тоску нести
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контрданс.
И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и томная
Незолотая старина» [39].

Второй раз Николай Степанович приехал в Слепнево уже после женитьбы один, без жены, так как в мае 1911 года Анна Андреевна Гумилева (Ахматова) также одна, без мужа, поехала в Париж.

Николай Степанович снова встретил Машу, заботился о ней. Когда она днем отдыхала, сидел с книгой в руках у ее спальни. Однажды Маша откровенно сказала ему, что не может никого полюбить, так как давно больна и чувствует, что ей недолго осталось жить. В течение июня 1911 года Николай Гумилев написал несколько стихотворений в альбом Марии Кузьминой-Караваевой: «Сон» – 3 июня, «Сомнение» и «Девушке» – 10 июня, «Ангел-хранитель» – 17 июня, «Две розы» – 27 июня 1911 года. Все эти стихотворения вошли в сборник стихов поэта «Чужое небо», вышедший в 1912 году.

Позднее Анна Андреевна Ахматова писала, что Николай Степанович не выносил Слепнево: «Зевал, скучал, уезжал в невыясненном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» и наполнял альбом Кузьминых-Караваевых посредственными стихами». Приведу несколько строк из этих стихотворений, чтобы понять состояние души Николая Гумилева, влюбленного в двоюродную племянницу Марию Кузьмину-Караваеву:

«Так ли с сердца время снимет
голубой простор
как она, когда поднимет
на тебя свой взор...».
(стих. «Ангел – хранитель»).

«И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в сердце пускает стрелу».
(стих. «Девушке»).

«И крадучись я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну.
Вот там, у клумб, вы мне сказали «да»,
О, это «да» со мною навсегда.
И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет.
Что ваше «да», ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй – лишь бред весны и сны».
(стих. «Сомнение»).

Хотя эти стихи были написаны Гумилевым во время второго приезда его в Слепнево, скорее всего там он отразил отношения с М. Кузьминой-Караваевой, которые сложились у него весной 1908 года, во время его первого приезда сюда. Однако, по-видимому, этот роман продолжался и в 1911 году, сказывались отношения с женой. Анна Андреевна Гумилева (Ахматова) приехала летом 1911 года в Слепнево прямо из Парижа.

В книге «Чужое небо», изданной в 1912 году есть стихотворение совсем другой тональности о жене А.А. Гумилевой (Ахматовой):

«Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится.
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться».
(стих. «Из логова змиева»).

Осенью 1911 года, прощаясь с Машей, Николай Гумилев прошептал ей: «Машенька, я никогда не думал, что можно так любить и грустить». Они тогда расстались навсегда, Маша умерла 29 декабря 1911 года. Марии Александровне Кузьминой-Караваевой Н.С. Гумилев посвятил стихотворение «Родос», в котором есть строчки:

«Наше время – тяжелое время:
Труд зловещий дала нам судьба,

Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас – только наши гроба».

В другом стихотворении «Заблудший трамвай» Николай Степанович писал:

«Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?»

В 1912 году А.А. Ахматова была в Слепневе недолго, в июне она уехала в Санкт-Петербург, так как была беременна и ждала рождения ребенка. Николай Степанович из Слепнева писал жене: «Каждый день я хожу по Акинихинской дороге, испытывая то, что ты называешь Божьей тоской».

Это дорога от Слепнева через речку Каменка к карельской деревне Акиниха, что находилась в трех километрах южнее Слепнева. Через эту деревню Гумилев проезжал каждый раз, когда ездил в Подобино к Неведомским [40].

Познакомившись с усадьбами Кузьминых-Караваевых, Неведомских, своей матери, в 1913 году в Слепневе Николай Степанович написал стихотворение «Старые усадьбы», где охарактеризовал быт своего имения:

«Дома косые, двухэтажные,
И тут же речка, скотный двор,
Где у корыта гуси важные,
Ведут немолчный разговор.
В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших караси –
Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси...» [41].

Работалось Николаю Гумилеву в Слепневе хорошо, там он написал около сорока стихотворений и несколько статей. Он дружил с Дмитрием Кузьминым-Караваевым, Владимиром и Николаем Неведомскими, женой Владимира Верой Алексеевной Неведомской-Корольковой. В декабре 1913 года вышел очередной сборник стихов поэта под названием «Колчан», в котором, кроме «Старых усадеб» были включены стихотворения: «Возвращение», «Вечер», «Сказка», написанные в Слепневе.

В январе 1914 года Гумилев влюбился в Татиану Адамович, просил у жены развода, но его мать не разрешила разводиться. Николай Сте-

панович ушел из дома, поселился у Владимира Шумейко, не подозревая, что когда-то тот будет мужем Ахматовой.

К началу лета 1914 года вся семья Гумилева собралась в Слепневе, но через месяц, оставив там сына и жену, он вернулся в Петербург к Татиане Адамович.

Осенью 1914 года Н.С. Гумилев добровольно ушел на войну рядовым солдатом. В тот же год он был награжден первым Георгиевским крестом IV степени и получил звание ефрейтора. 15 января 1915 года награжден вторым Георгиевским крестом и произведен в унтер-офицеры. В это же время 5 марта 1915 года студент Петербургского университета Николай Гумилев был уволен из числа студентов, как не внесший плату за осень 1914 года. 15 декабря 1915 года вышел сборник стихов Гумилева «Колчан», посвященный Т.В. Адамович.

28 марта 1916 года он стал прапорщиком и был переведен из уланского полка в пятый гусарский полк. Осенью того года он прибыл в Петербург для сдачи экзаменов на офицерский чин.

С фронта и из Петербурга он постоянно писал письма жене в Слепнево. Первого октября 1916 года написал «Дорогая моя Аничка, больше двух недель от тебя нет писем – забыла меня. Я скромно держу экзамены, со времени последнего письма выдержал еще три, осталось еще только четыре из пятнадцати, но среди них артиллерия – увы! Сейчас готовлю именно ее. Какие-то шансы выдержать у меня все-таки есть» [42].

Но, не сдав все-таки экзамена по фортификации, 25 октября 1916 года А.С. Гумилев снова отправился на фронт. Февральскую революцию 1917 года он встретил в Петербурге, она осталась для него как-то незамеченной. После этого он поехал в Париж – через Финляндию, Норвегию и Англию, чтобы попасть на Салонинский фронт. Но необходимость в этом уже отпала из-за революции, и Гумилев весной 1918 года выехал на родину. Он ехал навстречу потоку беженцев из России.

Вернувшись домой, по просьбе жены А.А. Ахматовой, Николай Степанович в августе 1918 года оформил развод. Жена призналась ему, что любит Владимира Шилейко и собирается выйти за него замуж. Обиженный и оскорбленный Гумилев скоропалительно женился на Анне Николаевне Энгельгардт, которая была достаточно далека от литературных дел, забот и интересов мужа. У них родилась дочь Елена, Гумилев отправил жену с дочерью к своей матери в Бежецк,

где было лучше с питанием, чем в столице. А сам попросил Сергея Константиновича Маковского пожить у него на квартире, из которой только что выехали Владимир Шилейко и его жена Анна Андреевна Шилейко (Ахматова).

В 1918–1921 годах Гумилев много и активно работал. Он был членом редколлегии издательства «Всемирная литература», о чем его попросил Максим Горький. Являлся председателем Петроградского отделения Союза поэтов, одним из создателей Дома поэтов и Дома искусств. Поэт Николай Чуковский позднее вспоминал: «Все многочисленные поэты Петрограда того времени, и молодые, и старые, находились в полной от него зависимости. Без санкции Николая Степановича трудно было не только напечатать свои стихи, но даже просто выступить с чтением стихов на каком-нибудь литературном вечере» [43].

Несмотря на колоссальную работоспособность и загруженность, жил Гумилев в то время трудно, практически впроголодь, продавая вещи. В 1918 году он несколько раз ездил в город Бежецк, где его старая мать спасала от голодной смерти его детей сына Льва и дочь Елену.

Жена Анна Энгельгардт потребовала, чтобы он взял Лену из Бежецка в Петроград. Он привез дочь, но жена не сумела ухаживать за ней и отдала дочь в детдом.

В своем дневнике за 21 октября 1920 года поэт Александр Блок писал: «Был на вечере в клубе поэтов на Литейной. Там верховодил Гумилев довольно интересно и искусно. Все под Гумилевым». В статье «Без божества, без вдохновенья» в апреле 1921 года А. Блок очень резко отозвался о творчестве Н.С. Гумилева: «В стихах Гумилева было что-то холодное и иностранное, что мешало его слушать... Н. Гумилев и другие «акмеисты» в своей поэзии замалчивают самое главное, единственно ценное: *душу*».

Судьба отвела Николаю Степановичу Гумилеву всего 35 лет жизни. 3 августа 1921 года он был арестован по подозрению в заговоре, а 24 августа расстрелян, полностью реабилитирован в 1987 году.

Он был талантливым поэтом, успевшим за свою короткую жизнь написать и опубликовать немало поэтических книг: «Романтические цветы», 1908 год, «Жемчуга», 1910 год, «Чужое небо», 1912 год, «Колчан», 1915 год, «Костер», 1918 год, «Огненный столп». Также много стихотворений, которые не были опубликованы при его жизни.

Вина Гумилева перед советской властью была лишь в том, что он оказался умным, работоспособным, талантливым человеком, став

жертвой своего ума и таланта. А.А. Ахматова значительно позднее говорила А.И. Солженицыну, что дело Гумилева вел сотрудник ВЧК Яков Агранов.

* * *

В 1986 году я прочитал в журнале «Огонек» некоторые факты биографии Николая Степановича Гумилева. В то время, когда А.А. Ахматова в 1912 году родила и воспитывала маленького сына Левушку, Гумилев завел роман с актрисой театра им. Мейерхольда Ольгой Высотской. Осенью 1912 года он встретился с нею в кафе «Бродячая собака» что было в городе Петербурге, там отмечали юбилей Константина Бальмонта. Гумилев подсел за столик, где сидела Высотская с подругами. После этого начались встречи и близость.

В 1913 году родился их общий сын Орест, которого Гумилев не видел ни разу в жизни. Он искал их после окончания Гражданской войны, ему сказали, что Ольга Высотская с сыном погибли. На самом деле Высотская после рождения сына уехала из Петербурга в город Куриловка Курской губернии. После Гражданской войны они переехали оттуда в город Вязники Владимирской области. Там она вела драмкружок в городском Доме учителя и работала в музыкальной школе.

После гибели Н.С. Гумилева А.А. Ахматова искала возможность встречи с Ольгой Высотской. Она в 1934 году узнала, что ее сын Орест учится в Ленинградской лесотехнической академии. При встрече А.А. Ахматова сказала О. Высотской: «Оля, детей надо познакомить. Других братьев и сестер у них уже, видимо, не будет, и они должны дружить и держаться друг друга».

Орест Николаевич и Лев Николаевич действительно подружились. Когда в марте 1938 года за Львом Николаевичем пришли, Орест Николаевич так и остался сидеть рядом с ним до четырех часов утра, пока шел обыск. Утром Орест Николаевич пошел к Ахматовой и все ей рассказал. В тот же год арестовали и Ореста Николаевича.

Анна Андреевна и Ольга Николаевна вместе стояли в длинных очередях, чтобы передать передачи своим сыновьям. В 1939 году Ореста Николаевича освободили, он воевал в годы Великой Отечественной войны, дошел до Берлина. После войны много ездил по стране, потом

осел в городе Тирасполе. Лев Николаевич каждое лето приезжал к нему на отдых.

Орест Николаевич Высотский занимался биографией Н.С. Гумилева, ездил по местам, с ним связанным, встречался с людьми, записывал их воспоминания о Гумилеве. Газета «Российская неделя» от 26 августа 2005 года перепечатала эти факты из жизни Н.С. Гумилева, дополнив, что Орест Николаевич умер в 1992 году. После его смерти вышла книга «Николай Гумилев глазами сына». Его дочь Ия проживала в городе Новая Каховка Херсонской области Украины.

Анна Андреевна Ахматова

Анна Андреевна Ахматова (Горенко) родилась 23 июня 1889 года в городе Одессе. 29 декабря 1904 года в Петербурге она впервые встретилась с Николаем Степановичем Гумилевым, а 28 марта 1905 года побывала в доме его родителей. У них появилось много общих интересов, они стали вместе ходить в театр, встречались на катке, у общих знакомых. Николай познакомился с братом Анны, Андреем, что позволяло ему бывать в доме Горенко на правах его приятеля. После окончания Анной Андреевной гимназии в Петербурге ее семья переехала жить в город Киев. Начав писать стихи, Анна Андреевна в 1906 году, будучи 17-летней барышней, взяла себе литературный псевдоним **Ахматова**.

Возвращаясь из дальних путешествий, Гумилев ежегодно неизменно бывал в Киеве в 1907–1910 годах. 26 ноября 1909 года Анна Андреевна согласилась стать женой Гумилева. 25 апреля 1910 года в церкви села Никольская Слободка, что вблизи Киева, они обвенчались. Сразу же после свадьбы, 2 мая молодожены отправились в свадебное путешествие в Париж, там познакомились с итальянским художником Амедео Модильяни.

Оттуда они вернулись в дом Гумилевых в Царское Село. Стали жить три Анны – мать поэта Анна Ивановна, жена Анна Андреевна Гумилева (Ахматова) и жена брата Дмитрия Анна Николаевна, которая позднее написала: «А.А. Ахматова была высокая, стройная, тоненькая и очень гибкая, с большими синими грустными глазами, со смуглым цветом лица. Она держалась в стороне от семьи. Поздно вставала,

являлась к завтраку около часа – последняя, и, войдя в столовую, говорила: «Здравствуйте, все!» за столом большей частью была отсутствующей, потом исчезала в свою комнату, вечером либо писала у себя, либо уезжала в Петербург» [44].

Примерно такую же характеристику жене дал Н.С. Гумилев в своем стихотворении «Из логова змиева»:

«Молчит – только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрывную
Над пропастью, Богом залятую».

Весной 1911 года Николай Гумилев вернулся из африканского путешествия, высказанное ему решение Ахматовой ехать в Париж, привело к ссоре и размолвке. Ахматова уехала от Гумилева в Париж к художнику Амадео Модильяни и прожила в Париже около двух месяцев. За время этого пребывания, художник нарисовал 16 портретов Ахматовой, которые были утеряны в Царском Селе во время революции 1917 года. Среди них был портрет Ахматовой, где изогнутой черной линией Модильяни набросал фигуру полулежащей женщины со склоненной головой. Из воспоминаний Ахматовой можно понять, что она читала Модильяни свои стихи. Он их слушал, жалел, что не понимает и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса.

Прямо из Парижа в начале июля 1911 года Ахматова первый раз приехала в Слепнево. По ее воспоминаниям, горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, которая хорошо знала всех в Слепневе, отказалась признать ее барыней, сказав кому-то: «К слепневским господам хранцужанка приехала».

15 июля Ахматова вместе с Гумилевым отправилась на именины В.Д. Кузьмина-Караваева в усадьбу Борисково. Вместе с мужем она ездила в Подобино к Неведомским, в Дубровку к Хилковым. Ахматова вспоминала, что когда все валялись в Подобине и Дубровке на сеновале, она демонстрировала свою гибкость. В деревне Слепнево Ахматова стала проводить каждое лето до 1917 года.

В середине июля 1912 года Ахматова и Гумилев выехали в Слепнево из Москвы, их встречали тогда на станции Подобино. Слепневский след остался во многих ее стихах.

Гумилев часто оставлял ее одну, уезжая на лошади в Подобино к Неведомским. В 1911 году Ахматова писала:

«Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница
Годы можно здесь молчать».

О Слепневе она писала: «Слепнево никакими деревенскими красотоми не отличалось. Скромная усадьба, дом деревянный обычного типа во вкусе бесстильных построек конца прошлого века. Терраса садового фасада выходила на круглую поляну, посреди которой рос высокий дуб» [45].

Природа вокруг Слепнева, деревенский пруд, поля, парк и дуб в нем были воспеты Анной Андреевной:

«Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел».

Н.С. Гумилев много путешествовал, а А.А. Ахматова оставалась в Слепневе и писала в 1913 году о деревенском быте:

«Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.
Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.
А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха».

Позднее в своих воспоминаниях Анна Андреевна писала: «Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это не живописное место: распаханное ровными квадратами

на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба. Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи» – так записала она в своей автобиографии в 1963 году [46].

Летом 1913 года, находясь в Слепневе, Анна Андреевна писала:

«Ты знаешь, я томлюсь в неволе
О смерти господя моля,
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца
И запах хлеба и тоска.
И те неясные просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб».

В 1914 году Ахматова приехала в Слепнево 10 июля. В письме мужу она писала: «Погода испортилась, становится скучно, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи». В том году А.А. Ахматова написала в Слепневе 150 четверостиший поэмы «У самого моря» [47].

Летом 1916 года Анна Андреевна вместе с сыном Левушкой, которому не было четырех лет, ехала на крытой телеге (тарантасе) из Бежецка в Слепнево. Был поздний летний грозового вечер, дорога шла через деревни: Заручье, Градницы, Борок, Теревени. Впечатления были настолько сильны, что она написала стихотворение:

«Город сгинул, последнего дома
Как живое взглянуло окно...
Это место совсем незнакомо,
Пахнет гарью и в поле темно.
Но когда грозовую завесу
Нерешительный месяц рассек,
Мы увидели: на гору, к лесу
Пробирался хромой человек.
Было страшно, что он обгоняет
Тройку сытых, веселых коней.
Постоит и опять ковыляет
Под тяжелою ношей своей.

Мы заметить почти не успели,
Как он возле кибитки возник.
Словно звезды глаза голубели,
Освещая измученный лик.
Я к нему протянула ребенка,
Поднял руку со следом оков
И промолвил мне благостно – звонок:
«Будет сын твой и жив и здоров!»» [48].

В очередной раз Ахматова выехала в Слепнево вместе с Гумилевым в конце декабря 1916 года. Гумилев пробыл в деревне всего два дня, новый год встречали без него. Ахматова оставалась в Слепневе до середины января 1917 года. В августе 1917 года Ахматова писала из Слепнева Гумилеву, что очень скучает в деревне, и с ужасом думает о зиме в Бежецке. Находясь в Слепневе, Анна Андреевна переписывалась с мужем. Она узнавала о его увлечениях то Ларисой Рейснер, то Анной Энгельгардт. Возможно, увлечение Ларисой Рейснер и погубило Гумилева, так как ее будущий муж Федор Раскольников, став советским чекистом, ревновал жену к Гумилеву и не мог простить их прежних отношений.

Анна Андреевна Ахматова в Санкт-Петербурге увлеклась Владимиром Шилейко (1891–1930 гг.). Он был поэтом, ассириологом, сотрудником журнала «Апполон».

Он стал вторым официальным мужем Ахматовой, 5 августа 1918 года состоялся развод Гумилева и Ахматовой. 9 июля 1921 года Анна Андреевна последний раз встретилась с Гумилевым, 3 августа его арестовали, а 24 августа расстреляли.

Анна Андреевна официально взяла себе фамилию по своему литературному псевдониму Ахматова, во время оформления развода со вторым мужем Владимиром Шилейко 8 июня 1926 года. Таким образом, до 25 апреля 1910 года она носила фамилию Горенко, с 1910 по 5 августа 1918 года – Гумилева, с 1918 по июнь 1926 года – Шилейко, а с 8 июня 1926 года она официально стала Анной Андреевной Ахматовой.

Слепнево оставило большой след в жизни А.А. Ахматовой. Здесь она написала около 60 стихотворений, которые вошли в сборники «Четки» (1914 год), «Белая стая» (1917 год) и «Подорожник» (1921 год). А.А. Ахматова в Слепневе бывала только летом с 1911 по 1917 годы, лишь один раз она была здесь зимой, встретив 1917 год.

Во время своего последнего пребывания в Слепневе летом 1917 года Анна Андреевна писала:

«Течет река неспешно по долине
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем как при Екатерине,
Молебны служим, урожая ждем».

Тяжелую жизнь прожила Анна Андреевна в тревогах за своего сына Льва Николаевича. Семнадцать месяцев провела она в тюремных очередях в Ленинграде, чтобы передать очередную передачу сыну. Сначала его арестовали «за папу» в 1935 году, освободили в 1937 году. Второй раз арестовали «за себя» в 1938 году, приговорили к расстрелу, заменили лагерем, освободили через пять лет в 1943 году. Третий раз арестовали «за маму» 7 ноября 1949 года, он отсидел безвинно семь лет, был освобожден в 1956 году. В общей сложности Лев Николаевич Гумилев отбыл в сталинских лагерях 14 лет своей жизни.

1 апреля 1957 года Анна Андреевна записала, что однажды в тюремной очереди ее «опознали», спросили, сможет ли она описать «это». Она ответила, что сможет, и написала – «Реквием» [49].

В 1965 году А.А. Ахматова побывала в Лондоне и Париже, встрети­лась с друзьями юности, эмигрировавшими после октябрьской революции 1917 года. Это была ее последняя поездка. Вернувшись, перенесла четвертый инфаркт.

Утром 5 марта 1966 года ее не стало, но жизнь и имя ее остались легендой. Была похоронена на кладбище в Комарово возле города Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга.

* * *

От приезжавших в нашу деревню на лето ленинградцев и жителей деревни Слепнево мы знали о судьбе А.А. Ахматовой совсем немного. Уже в постсоветский период я имел возможность читать некоторые документы и воспоминания о ней.

14 августа 1946 года вышло постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором об Ахматовой сказано: «Ее произведения популяризируют журнал «Звезда». Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упад-

ничества, выражают вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».

На второй день после выхода постановления ЦК ВКП (б) на собрании Ленинградской партийной организации первый секретарь А.А. Жданов заявил: «Ахматова личность известная, дворянка, в ее искусстве томление, упадок и кроме того невероятная блудня».

После выхода этого постановления Ахматова была исключена из Союза писателей, ее перестали печатать, а напечатанные произведения – запретили. По воспоминаниям очевидцев, на это постановление, проживая в великой нужде и голоде, Анна Андреевна Ахматоваотреагировала следующим образом: «Зачем они так поступили! Ведь получается обратный результат – жалеют, сочувствуют, читают, читают даже те, кто никогда не читал. Зачем было делать из меня мученицу? Надо было сделать из меня стерву, сволочь – подарить дачу, машину, засыпать всеми возможными пайками и тайно запретить меня печатать! Меня бы сразу возненавидели за материальное благополучие. И я была бы и убита, и похоронена навек».

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Пиленко)

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Пиленко), героиня французского сопротивления под именем «Мать Мария», имеет тверские корни по материнской линии. Она своим появлением, своей жизнью связала три семьи дворян Бежецкого уезда: Кузьминых-Караваевых, Дмитриевых-Мамоновых и косвенно – Неведомских.

Километрах в восьми южнее Слепнево было имение Неведомских в Подобине. Прасковья Николаевна Неведомская вышла замуж за дворянина И.А. Дмитриева-Мамонова. В качестве приданого ее мать Анна Андреевна Неведомская передала дочери деревню Колесники. Именно от старинного рода Дмитриевых-Мамоновых ведется родословная Елизаветы Юрьевны по материнской линии. Родная сестра хозяина имения С.А. Дмитриева-Мамонова – дочь генерала (сведения о ней автору неизвестны. – А.Г.) вышла замуж за старшего окружного

врача Бежецкого и Весьегонского уездов Тверской губернии француза по происхождению Б.П. Делоне.

Отец Делоне, будучи медиком наполеоновской армии в 1812 году остался жить в России. Сам Б.П. Делоне владел многими языками, закончил медицинский факультет Московского университета. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в том числе в боях под Плевной, был награжден орденом Святой Анны третьей степени с мечами. После войны служил врачом в гренадерских полках, был награжден многими орденами, в том числе орденом Святого Владимира.

В 1863 году у них родилась дочь Софья Борисовна Делоне, у нее был брат Николай Борисович – известный математик и механик, один из основоположников планеризма в России.

Софья Борисовна вышла замуж за юриста Юрия Дмитриевича Пиленко, они уехали жить в Ригу. 8 декабря 1891 года (21 декабря по новому стилю) у них родилась дочь Елизавета, ее отец в то время служил товарищем (помощником) прокурора.

Елизавету крестили 27 декабря 1891 года в Рижском православном Кафедральном Соборе – придел Рождества Богородицы.

27 октября 1893 года родился брат Елизаветы, Дмитрий, который был крещен там же 14 ноября. В 1895 году в городе Анапе друг за другом умерли родители Юрия Дмитриевича Пиленко, бабушка и дед Елизаветы. 20 февраля умерла Н.Б. Пиленко, а 7 марта отставной генерал-лейтенант Д.В. Пиленко.

В июне того же года родители Елизаветы вместе с детьми переехали из Риги на постоянное место жительства в Анапу, в дом бабушки и деда. Там они жили 11 лет до 1906 года. Елизавета Юрьевна окончила в тот же год четвертый класс Ялтинской женской гимназии с наградой второй степени. Летом 17 июля скоропостижно скончался отец Елизаветы и Дмитрия.

В августе того же, 1906 года Софья Борисовна вместе с Елизаветой и Дмитрием переехала жить в Петербург.

В конце лета того же 1906 года Елизавета поступила в пятый класс частной гимназии Л.С. Таганцевой, в которой закончила два класса.

В августе 1908 года она перешла учиться в седьмой класс частной гимназии М.Н. Стоюниной, где в период с 6 апреля по 16 мая 1909 года сдала выпускные экзамены с серебряной медалью. В том же 1909 году она поступила учиться на историко-филологический факультет Бес-тужевских курсов, 30 августа была извещена о зачислении.

19 февраля 1910 года Елизавета Юрьевна Пиленко обвенчалась в церкви Рождества Богородицы при петербургской гимназии императора Александра I, которую окончил жених, с Дмитрием Владимировичем Кузьминым-Караваевым (1886–1959 гг.), социал-демократом, юристом по образованию, близким к петербургским литературным кругам.

В имение свекра и свекрови деревню Борисково они приезжали летом 1910 и 1911 годов. В 1911 году неоднократно бывали в Слепневе у Гумилевых.

В Борискове была художественная мастерская, где она вместе с Дмитрием Бушеном писала картины. В 1912 году издала первую книгу «Скифские черепки», посвятив одно стихотворение Д.Д. Бушену.

Осенью 1912 года она не вернулась с юга в Петербург, осталась жить в своем имении в шести километрах от Анапы.

Там забеременела и 18 октября 1913 года в Москве родила внебрачную дочь Гайану. После этого состоялось объяснение с мужем и развод. Елизавета Юрьевна оказалась неверной женой, хотя до своей смерти не меняла фамилию, оставаясь Кузьминой-Караваевой.

Кто был отцом ребенка, она нигде не указала. Писала Блоку, что потом будет с ее отцом жить, а что будет дальше – не знает [50].

Позднее в своих письмах из имения Джемете Елизавета Юрьевна откровенно признавалась в любви к А.А. Блоку:

«20.07.1916 год. Мой дорогой, любимый мой, после Вашего письма я не знаю, живу ли отдельной жизнью, или все, что «я» – это в Вас уходит» [51].

«14.10.1916 год. Милый Вы мой, такой желанный мой, ведь Вы даже, можете быть, не станете читать всего этого. А я так хочу Вас, так изголодалась о Вас. Любимый, любимый Вы мой: крепче всякой случайности, и радости, и тоски крепче. И Вы – самая моя большая радость, и тоскую я о Вас, и хочу Вас, все дни хочу» [52].

Эти откровения в письмах были потом, после развода. Но надо понять состояние Дмитрия Владимировича, узнавшего об отношениях своей жены к Блоку и ее влюбленности к нему с 16 лет, узнав, что она беременна от другого человека. Зная ее отношения с его двоюродным братом Дмитрием Дмитриевичем Бушеном. В книге «Скифские череп-

ки», которая вышла в 1912 году, есть стихотворение «Послание ДДБ». Нетрудно догадаться, что это Дмитрий Дмитриевич Бушен, с которым они подружились в Борискове летом 1910 года. Там была мастерская, где они «живописали», оставаясь наедине. Елизавета Юрьевна называла Дмитрия Бушена «Мой милый». Это единственное стихотворение из творчества Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, обращенное к конкретному человеку, других обращений не было.

«Послание ДДБ.

Как радостно, как радостно над бездной голубеющей
Идти по перекадинам, бояться вниз взглянуть,
И знать, что древний, древний Бог, Бог мудрый, нежаляющий,
Не испугавшись гибели, послал в последний путь.
И знать, что воин преданный поймет костер пылающий
И примет посвящение и примет тяжесть риз,
Поймет, что Бог пытается нас, что светел невзирающий,
Что надо мудро, радостно глядеть в туманы, вниз.
Что надо тяжесть темную с простою, детской радостью
Принять как дар премудрого и выполнить завет.
Нальется сердце мукою, душа занает сладостно,
И Бог, ведущий к гибели, даст светлый амулет» [53].

Где-то в 1914 году из Москвы она вернулась в Анапу, где встретила Октябрьскую революцию.

Деникинцы, захватив Анапу в середине 1918 года, арестовали Елизавету Юрьевну. Через две недели отпустили на свободу под залог. После своего освобождения Елизавета Юрьевна в конце 1919 года вышла замуж за Данилу Ермолаевича Скобцова, в 1920 году вместе с мужем, дочерью Гаяной и сыном Юрием эмигрировала за границу. После долгих мытарств по городам и странам, в 1923 году они обосновались в Париже. В 1922 году у них родилась дочь Анастасия, умерла в 1926 году. После ее смерти начались разлады с мужем Скобцевым, они разошлись в 1927 году. *Фамилию Кузьмина-Караваева она оставила до конца своей жизни, так как была с ним повенчана.*

На Елизавету Юрьевну обратил внимание митрополит Евлогий, возглавлявший православную церковь в Париже. Истерзанная одиночеством, разводом со своим вторым мужем Скобцовым, беспо-

мощностью, горем по умершей дочери Настеньке, 16 марта 1932 года Елизавета Юрьевна приняла монашеский постриг. В 1935 году она отпустила в Советский Союз свою дочь Гаяну вместе с писателем Алексеем Толстым. Гаяна в скором времени умерла. В монашестве Елизавета Юрьевна взяла имя «Мать Мария».

В годы Второй мировой войны Мать Мария вступила в ряды французского сопротивления. Она помогала переправлять жителей Парижа к партизанам, прятала у себя евреев, скрывала у себя на улице Лурмель, дом 77, участников Сопротивления, организовала «фабрику посылок» для отправки заключенным в лагерь Компьень. 23 февраля 1942 года фашисты расстреляли русских участников Сопротивления Б. Вильде и А. Левицкого. В июне того же года в Париже начались массовые аресты евреев. Мать Мария сумела организовать перенос четверых еврейских детей в мусорных корзинах с зимнего велодрома, куда согнали евреев.

8 февраля 1943 года гестаповцы разгромили организацию «Православное дело», арестовали сына Марии Юрия Скобцова. На второй день они арестовали и саму Мать Марию, которая вернулась в Париж из местечка Фелярд. Ее заключили в пересыльную тюрьму Роменвиль, 26 апреля перевезли в женский концлагерь Равенсбрюк.

6 февраля 1944 года в концлагере Дора погиб сын Матери Марии Юрий Скобцов, скорее всего его сожгли в бухенвальдском крематории, было ему 23 года.

Мать Мария погибла 31 марта 1945 года в газовой камере концлагеря Равенсбрюк. Советское правительство посмертно наградило ее орденом Отечественной войны. Во Франции создано общество друзей Матери Марии.

Софья Борисовна Пиленко-Делоне после Октябрьской революции уехала во Францию, и с 1923 года проживала в Париже. Она пережила свою дочь на 17 лет, умерла на сотом году жизни в 1962 году. Похоронена в Париже на кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа недалеко от могил Сергея Булгакова и Ивана Бунина.

Там же, на кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа недалеко от могилы Софьи Борисовны Пиленко похоронена младшая дочь Матери Марии Анастасия, умершая в 1926 году и второй ее муж Скобцов. На общем кресте есть надписи по-русски:

«Настюша Скобцова. 4.12.1922–7.03.1926 г. дочь монахини Марии. 21.12.1891–30.03.1945 г. и сестра иподьякона Георгия, мученически погибших в немецких лагерях».

Вторая надпись:

«Даниил Ермолаевич Скобцов. 15.12.1885–19.01.1969 г. Кубанский общественный деятель-писатель».

Представители рода Дмитриевых-Мамоновых, откуда происходит по материнской линии Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Пилленко), похоронены в селе Головское ныне Горского сельского округа Сонковского района. На одной могильной плите сохранилась надпись: «Прасковья Николаевна Дмитриева-Мамонова, урожденная Неведомская. Родилась 11 января 1829 года, скончалась 8 апреля 1860 года» [54].

* * *

В апреле 2003 года, когда я работал начальником внешних связей и туризма администрации города Твери, ко мне пришла студентка Сорбонны Анастасия Макшакова. Она интересовалась судьбой Матери Марии и попросила меня написать ей рекомендательное письмо оказывать содействие в поиске материалов, связанных с ней.

По приезду в Париж Настя позвонила К.И. Кривошеиной и получила разочарование, о котором поведала своим родителям. В беседе по телефону Кривошеина сказала Насте, что над ней будут смеяться, и в Тверь никто не поедет. Родители Насти Сергей и Марина Макшакова отреагировали быстро, они написали письмо Ксении и Никите Кривошеиным.

Они писали: «Уважаемые господа, Кривошеины Ксения и Никита! Пишут Вам родители Анастасии Макшаковой, Сергей и Марина из Твери. Настя учится в Сорбонне и ей администрация города поручила (да она и сама с удовольствием) наладить взаимоотношения с потомками известных фамилий, прежде всего, Матери Марии, для создания в Тверской губернии туристического маршрута и восстановления исторических корней наших земляков».

Далее Макшаковы в письме писали, что наивно полагать, что в Тверь из Франции кто-то поедет. Понятна вся сложность этого вопроса, трепетность отношения к нему мигрантов, негатив в отношении к России. Но делать это маленькое и именно православное дело надо. Заедут на экскурсию люди, и какой-нибудь мальчишка из Сонковского района задаст глупый вопрос: «А кто такая Мать Мария?», и перестанет быть «Иваном, не помнящим родства».

Макшаковы писали, что они внимательно прочитали все материалы, которые имеются на сайте о Матери Марии, у них сложилось впечатление, что у русских эмигрантов сложное отношение к своим же соотечественникам. За рубежом почему-то считают, что наше сознание за годы советской власти изменилось на генетическом уровне. Что мы не в состоянии помнить и почитать наших святых, предков, историю страны и православной церкви. Это не так, если наши соотечественники прожили стоическую жизнь и совершили великие поступки не в России, а где бы то ни было в мире, то они нас также волнуют и вдохновляют, как и их ближайшее окружение в эмиграции.

Сергей и Марина Макшаковы писали, что Мать Мария провела на тверской земле некоторый период своей жизни и не считала это зазорным. Никто не претендует на какие-либо архивы, документы, материальные блага, просто дела русских людей больше всего интересуют именно русских, а не французов. Места, связанные с памятью наших соотечественников, по-прежнему остаются все-таки в России, и их надо возрождать. Они просили Кривошеиных помочь в этом начинании, возможно, публиковать материалы в нашей печати.

Через некоторое время Макшаковым пришел ответ от Ксении Игоревны Кривошеиной. Она писала: «Мы совсем не хотели обижать Анастасию. Мой тесть был соратником Матери Марии, и когда оказался в бывшем СССР, сделал все, чтобы о ней знали русские люди. Ваша идея, на мой взгляд, прекрасна и ее, конечно, нужно воплощать в жизнь».

Глава IV. Знаменитые тверские карелы

Основоположники карельской письменности

Александра Алексеевна Милорадова

Александра Алексеевна Милорадова – основательница карельской письменности на латинице. Разработала карельский алфавит на латинской основе, написала первые книги: «Книга карелам для начального образования», 1931 г., «Букварь» на карельском языке, 1933 г. Вместе с П.П. Смирновым подготовила к изданию учебники карельского языка

для начальной школы «Грамматика и правописание» 1933 г., второе издание в 1935 году, третье издание 1937 год.

В 1935 году написала «Книгу упражнений для обучения детей чтению, письму и счету. Дидактические материалы для самостоятельной работы».

В 1937 году перевела на карельский язык сказку Л.Н. Толстого «Три медведя». Вела курсы подготовки первых национальных кадров учителей-карел.

Александра Алексеевна Милорадова родилась 28 февраля 1893 года в селе Толмачи Тверской губернии. По происхождению – дочь волосного писаря, отец родом из деревни Мокшичево Бежецкого уезда, теперь Максатихинского района. Мать Доброхвалова Александра Васильевна из семьи зажиточных крестьян – торговцев.

В 1914–1916 годах, во время Первой мировой войны Александра Алексеевна служила медсестрой военно-санитарного поезда. Тогда она вышла замуж за офицера царской армии Дмитрия Антонова.

В 1918 году у них родилась дочь Наталья, Александра Алексеевна с дочерью вернулась в Толмачи. Она поступила учиться в Тверской пединститут в 1923 году. В 1926 году, с помощью профессора из Ленинграда Давида Алексеевича Золотарева, будучи студенткой 4-го курса, Милорадова стала ассистентом кафедры этнографии и вела семинары со студентами 2-го курса. Зимой 1927 года она выступила с докладом о карельской этнографии в Академии наук. С тех пор стала собирать материалы для карельского словаря.

В ноябре 1929 года по инициативе Наркомпроса РСФСР была создана специальная комиссия во главе с Н.Ф. Яковлевым по латинизации русского языка. В этой комиссии стала работать А.А. Милорадова.

29 ноября 1929 года на первом заседании комиссия заявила, что русский язык является главным препятствием в латинизации языков – еврейского, армянского, грузинского и других. Введение русского алфавита для русского языка на латинской основе облегчит языковое, культурное взаимообогащение национальностей и будет итогом на пути к международному языку.

14 января 1930 года комиссия провела заключительное заседание и постановила: «Переход в ближайшее время русских на единый интернациональный язык неизбежен. Комиссия не сомневается, что латинизация русской письменности вызовет бешеное сопротивление со стороны всех реакционных элементов. Но время латинизации пришло,

она будет поддержана всей передовой советской общественностью. Комиссия предлагает осуществить переход на латиницу в течение предстоящих четырех лет».

Нарком просвещения А.В. Луначарский поддержал идею латинизации русской письменности. Он с одобрением отозвался о работе комиссии А.Ф. Яковлева и выразил уверенность, что эта идея возобладает и будет введена в жизнь.

Но этого не произошло. Вышние органы власти в СССР с осени 1933 года стали обсуждать вопрос о переводе письменности советских народов на кириллицу. В результате этих обсуждений в июне 1935 года вышло первое официальное постановление Президиума ЦИК о переводе на кириллицу письменности народов Севера. 8 сентября 1937 года такая же участь постигла карельскую письменность. К ноябрю 1939 года народы РСФСР, пользовавшиеся латинским алфавитом, а их было около сорока, перешли на русский алфавит [55].

В 1929 году Милорадову пригласили учиться в Научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР в Москву. Там она познакомилась с историком и археологом Сергеем Павловичем Толстовым, они стали жить гражданским браком.

В 1930 году у них родилась дочь Светлана. Толстов вел раскопки древнего Хорезма, одно время был директором Института этнографии АН СССР, членом-корреспондентом АН СССР, одним из редакторов Большой советской энциклопедии. Жили они недалеко от института языковедения на Волхонке.

По инициативе А.А. Милорадовой и А.А. Беякова 1 марта 1930 года Комитет по делам национальностей Народного комиссариата просвещения СССР провел совещание по созданию карельской письменности.

На совещании было решено всю работу среди карел в Московской области поставить на карельском языке, положив в основу карельского литературного языка толмачевский говор.

Выполняя это решение, А.А. Милорадова вместе с профессором А.Ф. Яковлевым составила алфавит для тверских карел на латинизированной основе. Весной 1930 года в Москве она организовала карельские курсы, преподавая учителям карельский язык.

Летом 1930 года были организованы такие же курсы в Твери. Основная работа по проведению курсов была возложена на Алексея Антоновича Беякова, который пригласил Милорадову читать

лекции по карельскому языку. Она познакомила учителей с составленным ею карельским алфавитом на латинизированной основе, с предполагаемой орфографией. Правила грамматики она позаимствовала из финского языка. Подготовленные на курсах карельской письменности учителя Александр Антонович Беляков, А.А. Крылов, П.Ф. Лебедев, А.В. Тихонов и другие стали основным ядром карелизации.

В том же 1930 году А.А. Милорадова познакомилась с первым секретарем ВКП (б) Карельской АССР Густавом Ровио, который заявил, что карелам необходимо изучать финский язык, а создание карельского литературного языка есть пустая затея. Он не позволит сделать этого в своей республике.

В 1931 году Милорадова печатала в карельской газете «Колхозойн Пуолех» термины в виде карельско-русского словаря.

Когда начался перевод языков с латиницы на кириллицу, Милорадову убеждали в этой необходимости, но она оставалась сторонницей латинизированного алфавита.

24 сентября 1938 года Александра Алексеевна Милорадова была арестована по «карельскому делу», освобождена за недоказанностью вины, 27 марта 1939 года вернулась жить в Москву [56].

В середине октября 1941 года, когда немцы вплотную подошли к Москве, Александра Алексеевна вместе с дочерьми Наталией и Светланой эвакуировалась в город Сталинград. Поздней осенью 1942 года, в ноябре месяце, в разгар обороны Сталинграда из города стали увозить людей на левый берег Волги.

В баржу, на которой была Милорадова с дочерьми, попала бомба, они все оказались в воде, но остались живы. От переохлаждения в холодной воде Александра Алексеевна заболела воспалением легких и умерла в декабре 1942 года.

Старшая ее дочь Наталья Дмитриевна Антонова в 1946 году закончила сценарный факультет ВГИКА и получила распределение на Ашхабадскую киностудию. К ней переехала и младшая сестра Светлана Сергеевна Милорадова. Обе дочери Александры Алексеевны погибли в 1948 году во время Ашхабадского землетрясения [57].

Алексей Антонович Беляков

Один из основоположников карельской письменности на латинице. Автор книг для чтения на карельском языке, редактор и переводчик.

Впоследствии один из инициаторов перевода карельской письменности с латиницы на кириллицу.

Беляков Алексей Антонович родился 15 марта 1901 года в деревне Яблонька Никулинской волости Вышневолоцкого уезда. В 1917 году окончил начальное училище в селе Владимировское, в 10 километрах от Яблоньки. По окончании там же школы II ступени с сентября 1920 по 1921 год работал учителем Трофимовской школы. В 1923 году был призван в Красную Армию, один год служил в стрелковом полку. С 1925 по 1929 года работал заведующим школой крестьянской молодежи в селе Владимировское Козловской волости Вышневолоцкого уезда.

В августе 1927 года участвовал в работе I съезда финно-угорских просвещенцев в Ленинграде. К тому времени на территории Карельской АССР шла активная финизация. Финизация Карелии, где финны составляли весьма маленькую и явно иностранную группу, под названием коренизация, явилась, несомненно, большим отклонением от генеральной линии национальной политики ВКП (б) [58].

В 1929 году Совнарком Карелии принял постановление о введении финского языка в карельских школах Тверской губернии. Создание в 1931 году собственно карельского языка тверскими карелами, властью воспринималась как контрмера по расширению влияния финского языка на Республику Карелия. Одновременно в силу языковых, культурных и административных причин финский язык не мог являться реальной альтернативой для тверских карел.

31 января 1931 года Президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР направил письмо на имя редактора по карельской литературе при Центроиздате А.А. Белякова, в котором просил его представить к 5 февраля того же года доклад о мероприятиях по письменности для карельской национальности. В докладе необходимо было указать сходство и различие карельского разговора с финским языком, и понятен ли для карельского населения в Карелии и Московской области финский язык и литература. После его доклада в феврале-марте 1931 года вопросы создания карельской письменности вышли на страницы печати.

Создание письменности тверских карел явилось естественным результатом проводившейся по всей стране тогда коренизации [59].

Три месяца с 1 февраля по май 1931 года Беляков был первым редактором карельской газеты «За колхозы». 25 декабря 1931 года карельское отделение издательства, редактором которого являлся Алексей Антонович, было переведено из Москвы в Лихославль, Беляков переехал вместе с издательством. Работал на должности редактора до 1933 года, когда карельское отделение издательства было ликвидировано. В июне 1933 года переехал жить в Москву, где один год отработал редактором карельской редакции Учпедгиза.

В 1934 году поступил учиться в аспирантуру Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей (ЦНИПИН), закончил учебу в марте 1937 года. Был направлен на работу в Калининский пединститут, работал преподавателем по педагогике, затем заведующим кабинетом кареловедения.

Алексей Антонович Беляков перевел на карельский язык и отредактировал перевод нескольких десятков книг, он автор «Книги для чтения по русскому языку для карельских школ IV класса», 1936 год, «Книги для чтения по карельскому языку для VII класса», 1935 год [60].

Он был арестован по «карельскому делу» в числе первых 10 февраля 1938 года, освобожден из-под стражи 11 ноября 1939 года. После освобождения работал старшим преподавателем Калининского пединститута до ухода на пенсию в 1961 году. Собрал богатый архивный материал по хронике событий, фольклору, традициям, письменности тверских карел.

Умер в 1995 году в городе Твери. От первого брака со Смирновой Екатериной Леонидовной имел сына Николая 1926 года рождения. От второго брака с Татьяной Алексеевной детей не было.

Арсений Николаевич Зиновьев

Переводчик книг на карельский язык, редактор переводов учебников.

Зиновьев Арсений Николаевич родился 26 февраля 1910 года, он считался незаконнорожденным сыном батрачки из деревни Раменье Толмачевской волости Бежецкого уезда. Сам был батраком до 1928 года, летом пас скот. В 1928 году они с матерью переехали жить в

город Тверь, ул. Солодовая, 13. В деревне Раменье остался жить дядя Арсения по материнской линии Воронцов Максим, работавший кузнецом.

В 1929 году Зиновьев поступил учиться на рабфак при пединституте, денег не хватало. Его пригласили в карельское бюро при клубе «Нацмен», которое организовали П.П. Смирнов и один из руководителей губпрофсовета Герасимов. Студенты ездили с постановками на карельском языке в карельские районы Московской области. Им за выступление выдавали деньги, которые помогали студентам учиться.

В карельское бюро землячества при клубе «Нацмен» тогда входили: Лебедев Василий Григорьевич, Смородов Арсений, Пожарский Василий, Громов Иван, Чуркина Варвара, Пуговкина Елена и другие. В октябре 1931 года с курсов рабфака Зиновьева перевели в пединститут. В том же году он ездил в город Петрозаводск на Всекарельскую художественную олимпиаду.

В 1932 году доцентом Карельского отделения при Тверском пединституте назначили А.А. Милорадову. Там начали активно готовить карельские национальные кадры. Среди учеников отличались Арсений Зиновьев и Борис Рунтов, который уехал работать в Карелию.

В 1934 году Зиновьев окончил пединститут и поступил на работу в Московскую педолого-педагогическую лабораторию, директором которой был Петр Петрович Смирнов. Потом его перевели инспектором Московского областного отдела народного образования.

С ноября 1934 года по 1937 год Зиновьев служил командиром Красной Армии, после службы приехал в Лихославль, поступил работать переводчиком в методкабинет, которым тогда руководил П.П. Смирнов.

В июне 1938 года Зиновьева отправили в командировку в Карелию, где он руководил несколькими бригадами по составлению карельских учебников на русской основе. А.А. Милорадова знала от наркома просвещения Карельской АССР Филимонова, что при утверждении учебников Зиновьев исключал слова, бытующие в Карелии, заменяя словами, бытующими в Карельском национальном округе Калининской области.

Зиновьеву удалось проработать в Карелии около трех месяцев, 10 сентября 1938 года он был арестован и этапирован в Калининскую тюрьму. К тому времени он был женат на Кацовской Шеине Давыдовне, 32 года, сведений о детях нет. Освобожден из-под стражи в числе

последних участников «карельского дела» 28 мая 1940 года в день полного его прекращения [61].

Сведениями о дальнейшей судьбе пока не располагаю.

Александр Антонович Беляков

Ученый-кареловед, автор учебников на карельском языке. Родился 8 мая 1905 года в деревне Яблонька Никулинской волости Вышневолоцкого уезда. В 1930 году прошел курсы учителей карельского языка в городе Твери.

В 1931 году уехал учиться в город Ленинград, там поступил, и в 1936 году окончил, Ленинградский историко-лингвистический институт.

В 1933–1935 годах вместе с профессором Д.В. Бубрихом написал грамматику по карельскому языку для 3–4-х классов, которая вышла в двух изданиях.

В сентябре 1936 года поступил в аспирантуру Ленинградского института языковедения, группа финно-угорских языков.

Участвовал во всех совещаниях по переводу карельской письменности с латиницы на кириллицу. Вместе с Бубрихом разработал книгу по морфологии для средней карельской школы на латинице, которая не была издана в связи с переходом письменности на русскую основу. Д.В. Бубрих писал основы карельской грамматики и морфологии, а Беляков переводил работы Бубриха с русского языка на карельский язык.

Александр Антонович Беляков с семьей проживал по адресу: г. Ленинград, ул. Добролюбова, д. 6, кв. 101. Он был арестован по «карельскому делу» 27 сентября 1938 года. К тому времени был женат на Деминой Марии, 24 года, у них была годовалая дочь Лия. Освобожден из-под стражи 11 ноября 1939 года [62].

После освобождения проживал в городе Петрозаводске. 8 сентября 1988 года в газете Карельской ССР «Комсомолец» А.А. Беляков опубликовал статью «Не совершить новой ошибки», в которой выступил противником карельской школы и карельской письменности.

По его мнению, карельскую письменность невозможно создать, по крайней мере, многие десятилетия. А для тех, кто хочет писать и читать по-карельски, карельская письменность существует давно. По мнению А.А. Белякова, когда в 1930 году создали письменность для

тверских карел на латинской основе, начали создавать книги и газету, народ возрел, стал просить печатать буквы русского алфавита.

В Карельской АССР тогда изучали не карельский, а финский язык. Если для карел вернуть финский язык, то русский язык должен остаться на третьем месте после финского и карельского. «А что карелу важнее знать – финский или русский язык?». Так ставил вопрос ученый через 55 лет после того, как сам писал учебники на карельском языке.

Петр Петрович Смирнов

Директор Карельского научно-методического кабинета, научный работник, языковед, Смирнов Петр Петрович родился 15 января 1906 года в деревне Карпово Дорской волости Новоторжского уезда. Окончил школу, пединститут.

В 1929 году организовал вместе с работником Московского губернского профсовета Герасимовым бюро карельского землячества при клубе «Нацмен». Это бюро объединило в Твери студентов-карел пединститута, рабфака и курсантов совпартшколы. Участники бюро переводили на карельский язык небольшие художественные произведения-пьесы, рассказы, песни. Карельские переводы тогда были на русской основе. Постановка пьес на карельском языке проходила в клубе «Нацмен», в селах Прудово и Змиево Толмачевского района.

После создания Милорадовой карельского алфавита на латинице и выпуска первых ее книг П.П. Смирнов вместе с Зиновьевым в 1931 году создал два кружка по изучению этого алфавита и карельской письменности.

24 февраля 1932 года Смирнов принимал активное участие в работе карельской авторской конференции, посвященной первой годовщине выхода карельской газеты «Колхозойн Пуолех».

Он тогда работал редактором карельского издательства в Лихославле. В 1932 году рецензировал карельскую научную грамматику Д.В. Бубриха и А.А. Беякова, но к изданию не допустил. В то время он вместе с Милорадовой сам готовил к выпуску «Граматику и правописание» для начальной карельской школы, которая была издана в 1933 году.

С января 1935 года Петр Петрович стал руководителем карельского методического бюро, созданного в Москве. Весной того же года в связи с образованием Калининской области бюро переехало в Лихославль.

П.П. Смирнов был директором карельского научно-методического центра вплоть до своего ареста по «карельскому делу» в первой группе, 10 февраля 1938 года.

К тому времени он был женат на Смирновой Валентине Павловне, 1906 года рождения, домохозяйке, у них было трое детей: сын Евгений 13 лет, дочь Клара 14 лет, сын Геннадий 6 лет. Все они оставались жить с матерью в Москве. Кроме того, он платил алименты на дочь Марину 10 лет, которая жила в городе Калинин.

К моменту ареста Петр Петрович Смирнов закончил 2 курса аспирантуры, с 1926 года состоял членом партии большевиков. Был освобожден из-под стражи с последней группой 28 мая 1940 года [63].

В 1944 году П.П. Смирнов был призван на военную службу Московским районным военкоматом города Москвы. 25 декабря 1944 года он был направлен со сборного пункта военкомата для прохождения службы в команду № 360 воинской части с номером полевой почты 89 550 в звании рядового бойца. Дальнейшая его судьба пока неизвестна.

Государственные деятели

Бушуев Павел Иванович (20.01.1890–09.09.1937 гг.)

Председатель Совнаркома Карельской АССР, делегат партийных съездов и конференций Павел Иванович Бушуев родился 20 января 1890 года в деревне Гнездово Никулинской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, карел. Окончил реальное училище, после этого работал в городе Твери помощником письмоводителя. С 1909 года находился на заработках в Санкт-Петербурге, сначала извозчиком, затем приемщиком типографии журнала «Сатирикон». Там он познакомился с большевиками, в декабре 1911 году вступил в ряды РСДРП, в конце 1913 года вошел в состав Петербургского городского комитета партии.

В 1914 году был арестован и недолгое время содержался в тюрьме «Кресты». После освобождения работал в большевистском подполье, в 1915 году вновь подвергся аресту и высылке из Санкт-Петербурга за революционную деятельность.

После свержения Февральской революции в 1917 году принимал активное участие в создании народной милиции в Петербурге. В составе одного из ее отрядов встречал В.И. Ленина на Финляндском вокзале. 8 октября 1917 года на собрании рабочих-строителей был избран депутатом Петроградского совета. С 1918 года – заведующий финансовым отделом Тверского городского совета.

В 1919–1920 годах находился на партийной работе в Красной Армии, участник советско-польской войны. С 1922 по 1926 годы Павел Иванович Бушуев снова работал в Твери, занимал должности секретаря и председателя губпрофсовета, председателя губернской рабоче-крестьянской инспекции. С 1926 года – секретарь Вятского губернского комитета ВКП (б). В 1930 году был переведен на должность секретаря Московского районного комитета ВКП (б) города Ленинграда.

В ноябре 1935 года П.И. Бушуев был назначен Председателем Совета народных комиссаров Карельской АССР. Избирался депутатом XI–XVII съездов ВКП (б), XII–XVII конференций ВКП (б).

Арестован 11 августа 1937 года, военной коллегией Верховного суда СССР на выездной сессии в Ленинграде, 9 сентября 1937 года был приговорен к смертной казни. Расстрелян в тот же день в Ленинграде, предположительно захоронен на Северном кладбище Ленинграда. Полностью реабилитирован в 1956 году.

Беляев Иван Степанович
(26.11.1907–22.03.1967 гг.)

Председатель Совета Министров Карельской АССР, делегат многих партийных съездов Иван Степанович Беляев родился 26 ноября 1907 г. в деревне Воробьево Никулинской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в крестьянской карельской семье. Детство его было трудным. В три года он лишил-

ся матери, отец создал новую семью. Будущий последний нарком и первый министр просвещения Карелии остался на попечении деда, который приучил его к тяжелому крестьянскому труду.

В конце 1920-х гг. он после окончания средней школы в Лихославле поступил в Тверской педагогический институт. Годы студенчества были трудными, голодными, иной раз приходилось разгружать вагоны, чтобы немного подзаработать.

В 1930 г. после окончания института И.С. Беляев был направлен на работу в Карелию для укрепления национальной прослойки карельской интеллигенции. Начинал он свой трудовой путь учителем русского языка в одной из петрозаводских школ, затем работал инспектором-методистом Наркомпроса Карельской АССР. С 1934 по 1944 год И.С. Беляев работал заведующим учебной частью педагогического училища № 1, преподавателем русского языка и литературы, начальником школьного управления и заместителем наркома просвещения Карело-Финской ССР.

В 1942 г. ему было присвоено звание «Заслуженный учитель школы Карело-Финской ССР». В 1949 году защитил кандидатскую диссертацию, темой которой было преподавание русского языка в национальных школах.

Под руководством Ивана Степановича Беляева было подготовлено и издано 21 наименование учебников. В 1946 г. он совместно с известным педагогом Александрой Григорьевной Бонч-Осмоловской разработал пособие для учителей «Основы методики обучения русскому языку в начальных нерусских школах Карело-Финской ССР». Учебники русского языка и буквари для нерусских школ, изданные при участии И.С. Беляева, в какой-то мере достигали своей цели – научить детей карел русскому языку, без знания которого очень трудно было получить среднее специальное и высшее образование.

С 1944 по 1951 год И.С. Беляев занимал посты наркома, министра просвещения Карело-Финской ССР. Заместителем наркома, а затем наркомом просвещения республики Ивану Степановичу довелось быть в трудные военные и послевоенные годы. Эвакуация, организация учебного процесса в учебных заведениях на неоккупированной территории, создание детских домов, напряженная, с огромными трудностями работа по восстановлению системы образования в послевоенные годы – все это выпало на его долю.

С 1951 года И.С. Беляев – заместитель Председателя Совета Министров Карело-Финской ССР, с 1956 года – Председатель Совета Министров Карельской АССР. Являлся делегатом XXI, XXII, XXIII съездов КПСС.

Годы, когда Иван Степанович Беляев возглавлял правительство республики, были годами динамичного развития ее экономики и культуры. В это время начиналось производство тракторов на Онежском заводе, строился «Петрозаводскбуммаш», ставший флагманом индустрии Карелии. И.С. Беляев участвовал в закладке первого камня этого грандиозного строительства. Возводилось множество других важнейших промышленных объектов, а также школ, профессиональных училищ, клубов и домов культуры.

Неоднократно Иван Степанович избирался депутатом Верховного Совета СССР и Карельской АССР. Он награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени.

Все знавшие Ивана Степановича Беляева характеризовали его как безукоризненно интеллигентного человека, увлеченного работой, отдававшего все свои силы и знания для развития школы и образования Карелии. Умер И.С. Беляев в городе Сортавала 22 марта 1967 г., не дожив до 60 лет, похоронен в городе Петрозаводске.

Смирнов Дмитрий Петрович (1898–1940-е годы?)

Второй секретарь Карельского обкома ВКП (б), Председатель Верховного Совета Карельской АССР первого созыва. Сведений о нем совсем немного, так как архивные материалы затерялись где-то в Карелии и Москве. Родился в Тверской губернии, тверской карел, но место рождения в источниках не указано. С августа 1937 года был назначен вторым секретарем Карельского обкома ВКП (б). В связи с переводом карельской письменности с латиницы на кириллицу возглавил специальную комиссию по терминологии, в которую привлеч специалистов – тверских карел, которые руководили бригадами по составлению карельских учебников на кириллице.

В 1938 году Дмитрий Петрович Смирнов был избран Председателем Верховного Совета Карельской АССР первого созыва. Был арестован 7 сентября 1938 года по обвинению в создании и руководстве

«карельской националистической шпионской организации». Своей вины Смирнов не признал, однако был осужден и направлен в лагерь. По последним сведениям, в 1943 году отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере на территории Башкирии.

Строители и ученые

Бочкин Андрей Ефимович
(30.10.1906–16.10.1979 гг.)

Руководитель строительством девяти крупнейших строек, в том числе Иркутской и Красноярской ГЭС Андрей Ефимович Бочкин родился 30 октября 1906 года в деревне Иевлево Ивановской волости Бежецкого уезда Тверской губернии в карельской крестьянской семье.

Окончил церковно-приходскую школу, затем педагогический техникум в селе Прудово-Михайловское Селищенской волости Бежецкого уезда. После техникума работал инструктором Тверского уездного

комитета комсомола, заместителем редактора газеты «Тверская деревня». В 1927–1930-х занимал партийные должности в городе Вышний Волочек Тверского округа Московской области и городе Алейске Западно-Сибирского края.

Основное специальное образование получил в Московском институте водного хозяйства и мелиорации в 1937 году. С 4-го курса института был мобилизован на работу в политотдел МТС села Ромашкино Андреевского района Средне-Волжского края.

После этого Бочкин был направлен на строительство Куту-

лукской оросительной системы, где была построена большая плотина, канал, множество сооружений.

После Кутулука Бочкина перевели в Москву начальником Главводхоза, на уровне министерства, Бочкину было тогда 33 года. С началом Отечественной войны А.Е. Бочкин, как и многие его сверстники, добровольно ушел в Красную армию. Пройдя курс переподготовки в Военно-инженерной академии в городе Фрунзе, он воевал на инженерных должностях на Карельском, 2-м Белорусском, 2-м Украинском фронтах. Участвовал в боях по освобождению Мурманска, Данцига, Штетина, острова Боргольм.

По окончании войны в качестве профессионального гидростроителя был приглашен на должность начальника Главводхоза Наркомата сельского хозяйства СССР, возглавлял строительство Невинномысского канала и Свистухинской ГЭС, которые были введены в строй летом 1948 года. За эти стройки Андрей Ефимович был награжден орденом Ленина.

После завершения этого строительства А.Е. Бочкин был назначен начальником Управления водного хозяйства Министерства сельского хозяйства СССР. С 1950 по 1953 он руководил строительством Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов, за что был награжден вторым орденом Ленина.

Строительство Иркутской ГЭС в начале 1960-х годов была девятой большой стройкой в биографии Андрея Ефимовича Бочкина, за которую он получил Звезду Героя Социалистического Труда. Завершением его гидростроительной деятельности стала Красноярская ГЭС, на которую работало 1500 заводов.

Заслуженный строитель РСФСР, лауреат Ленинской премии А.Е. Бочкин был награжден тремя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. О нем слагались стихи и песни, снимались кинофильмы. В 1977 был утвержден приз имени Бочкина, присуждавшийся лучшему комсомольско-молодежному коллективу объединения «Тверьмелиорация».

Умер Андрей Ефимович Бочкин в 1979, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Его именем названа одна из улиц города Иркутска в районе гидроэлектростанции. Его имя занесено на мемориальную доску особо отличившихся работников строительства.

Образцов Иван Филиппович
(28.07.1920–28.02.2005 гг.)

Образцов Иван Филиппович – ученый в области строительной механики и прочности летательных аппаратов, организатор высшего и среднего специального образования, лауреат Государственной и Ленинской премий, академик Академии Наук СССР.

Родился 28 июля 1920 года в карельской деревне Быки Заручьевской волости Бежецкого уезда. Его отец Филипп Сергеевич (07.01.1892–12.1966 гг.) родом из этой же деревни Быки, мать – Пелагея Ивановна (05.1894–07.1972 гг.) из селца Васютино. Иван Филиппович окончил сельскую, затем Максатихинскую среднюю школу № 1 в 1938 году.

В школьном музее сохранилась характеристика на него: «Образцов Иван Филиппович, 17 лет, обучается в 10-м классе Максатихинской средней школы. Успеваемость хорошая. Дисциплина за все годы учения – отличная. Образцов член ВЛКСМ, посещает политшколу по истории ВКП (б). Образцов председатель старостата, значкист 1-й ступени, руководитель струнного кружка в школе кройки и шитья в деревне Кузнецях. Принимает участие в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Директор Максатихинской средней школы А. Обломкова. 10 мая 1938 года».

После окончания Максатихинской средней школы поступил в Ленинградский авиационный институт. В начале Великой Отечественной войны вступил в 68-й истребительный батальон. Сохранилось удостоверение № 177 от 7 июля 1941 года, выданное Образцову Ивану Филипповичу, что он состоит бойцом 68-го истребительного батальона Московского района города Ленинграда, подписанное начальником районного отдела НКВД лейтенантом Карцовым и начальником 68-го истребительного батальона лейтенантом Бородиным.

В 1942 году И.Ф. Образцова вызвали для продолжения учебы в Московском авиационном институте, который был тогда эвакуирован в Алма-Ату. После окончания института, остался на преподавательской работе, прошел путь от студента, аспиранта до ректора института. 28 апреля 1945 года награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В 1949 году И.Ф. Образцов защитил кандидатскую диссертацию, в 1957 году – докторскую диссертацию. В 1958 году был назначен директором, а позднее – ректором Московского авиационного института, где проработал до 1972 года. С 1972 по 1990 годы – министр высшего и среднего специального образования РСФСР, действительный член Академии Наук СССР с 1974 года. Депутат Верховного Совета РСФСР с 1967 по 1989 годы, народный депутат СССР в 1989–1991 годах.

Лауреат Государственной премии 1976 года, Ленинской премии 1988 года. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, Знак Почета, Отечественной войны II степени, многими медалями.

Скончался в Москве 28 февраля 2005 года, похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

Соколов Георгий Михайлович
(27.04.1926–10.08.2004 гг.)

Соколов Георгий Михайлович – строитель, лауреат Государственной премии СССР, Заслуженный строитель РСФСР, доктор технических наук.

Родился 27 апреля 1926 года в карельской деревне Берёзовка Толмачевской волости Бежецкого уезда Тверской губернии (ныне Лихославльский район Тверской области). В 1933–1943 годах учился в Толмачевской средней школе. В 1943–1950 годах служил в Советской армии, участвовал в боевых действиях против Японии. После службы в армии, за-

вершил обучение в 10-м классе Толмачевской средней школы, затем окончил Московский инженерно-строительный институт.

В 1956–1960 годах работал в Главмосстрое; в 1960–1962 годах был инструктором Московского городского комитета КПСС; в 1962–1987 работал в Московской городской конторе Стройбанка СССР, сначала – первым заместителем управляющего, а с 1974 – управляющим. В октябре 1983 года авторскому коллективу во главе с Соколовым была присуждена Государственная премия СССР «За создание и внедрение интегрированной автоматизированной системы финансирования и кредитования капитального строительства». В мае 1986 года ему присвоено звание «Заслуженный строитель Российской Федерации», а в октябре 1988 года присуждена ученая степень доктора технических наук.

В 1987–1995 годах Г.М. Соколов был начальником Московского управления Жилсоцбанка СССР, первым заместителем Председателя Правления Внешторгбанка РФ, первым заместителем Председателя Правления АКБ «Мосстройэкономбанк». Награжден орденами: Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Отечественной войны II степени и многими медалями.

В 2001 году вышла его книга «Моя жизнь», один экземпляр которой с дарственной надписью он подарил мне. В этой книге Георгий Михайлович писал: «Мои предки и родители были карелами. Моя жена украинка, хотя ее мать была русской. Дочь Лена не знает ни украинского, ни карельского языка, а пишется украинкой. Получилось полное смешение кровей. Таким образом, карельская ветвь закончилась на мне».

Скончался 10 августа 2004 года, похоронен на Новокунцевском кладбище Москвы.

Федоров Михаил Васильевич
(13.10.1898–20.03.1961 гг.)

Федоров Михаил Васильевич – выдающийся советский микробиолог, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, лауреат Сталинской премии, Заслуженный деятель науки РСФСР. Родился 13 октября 1898 года в карельской деревне Стан Никулинской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.

В 1925 году окончил Тверской педагогический институт, один год отработал там же ассистентом кафедры физиологии. В 1926 году поступил учиться в аспирантуру Биологического института им. К.А. Тимирязева АН СССР, которую окончил в 1929 году. Работал ассистентом кафедры (1929–1931), доцентом (1931–1940), профессором (1940–1950), заведующим кафедрой физиологии растений и микробиологии (1950–1961) Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Основные научные исследования посвящены химической природе биологической фиксации азота атмосферы, вопросам общей и сельскохозяйственной микробиологии. Разработал методы исследований бактериальных культур высших растений, которые широко используются в микробиологии и физиологии растений. Развил теорию дыхания микроорганизмов, основанную на широком участии в процессе дыхания промежуточных переносчиков водорода. Опубликовал более 150 научных трудов, в том числе 16 книг и брошюр, из них 13 учебников. Ряд научных трудов опубликован за рубежом.

В 1949 году получил Сталинскую премию СССР за монографию «Биологическая фиксация азота атмосферы». Награжден орденом Ленина пятью медалями СССР и ВДНХ. Умер 20 марта 1961 года, был похоронен на Головинском кладбище на севере Москвы.

Летчики

Смирнова Мария Васильевна ***(31.03.1920–10.07.2002 гг.)***

Смирнова Мария Васильевна – Герой Советского Союза, в году Великой Отечественной войны была командиром эскадрильи 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка.

Родилась 31 марта 1920 года в деревне Воробьево Никулинской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, в карельской семье крестьянина. Окончила Лихославльское педагогическое училище в

1936 году. В 1937–1939 годах работала учительницей начальной школы в деревне Полюжье Новокарельского района Калининской области, затем воспитателем детского сада № 50 города Калинина. Без отрыва от производства училась в Калининском аэроклубе на инструктора – летчика и с 1939 по 1941 годы работала там же инструктором. С ноября 1941 года в Красной Армии, в 1942 году окончила курсы летчиков при Энгельсской военной авиационной школе пилотов.

Гвардии капитан М.В. Смирнова совершила 805 ночных боевых вылетов на бомбардировку войск противника, нанеся врагу большой урон в живой силе и технике. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевых заданий, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 года ей присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

С 1960 по 1963 год Мария Васильевна работала инженером отдела кадров Калининского совнархоза, с 1963 по 1974 год была начальником отдела кадров Калининского камвольного комбината. С 1974 по 1976 год работала заведующей бюро по трудоустройству населения, отдела по использованию трудовых ресурсов Калининского облисполкома.

Мария Васильевна избиралась депутатом Пролетарского районного и Калининского областного Советов народных депутатов, председателем областного совета ветеранов войны и труда, членом президиума областного Комитета защиты мира, членом ЦК ДОСААФ СССР. Умерла 10 июля 2002 года, похоронена на Черкасском кладбище в городе Твери на Аллее Славы. Через несколько месяцев поблизости от нее был похоронен глава города Твери А.П. Белоусов.

* * *

С Марией Васильевной Смирновой я познакомился 8 мая 1996 года, когда на служебной машине возил ее и полного кавалера орденов Славы Сергея Кузьмича Лоскутова в Москву на празднование 51-й годовщины победы в Великой Отечественной войне. В дороге было время на воспоминания о войне и послевоенной жизни. В Москве за нами закрепили легковую машину из гаража администрации президента страны. На этой машине мы ездили в гости к дочери Марии Васильевны. Об этой встрече осталась на память фотография.

Вечером 8 мая в Большом Кремлевском Дворце состоялся концерт артистов, посвященный Дню Победы. В антракте мы вышли в фойе с нашей делегацией. Мария Васильевна сказала: «Смотрите, Борис Николаевич разговаривает с девушками из нашей эскадрильи». Я сказал ей: «Пойдемте, поздороваемся». Мы с М.В. Смирновой подошли ближе к Президенту, я представил Марию Васильевну: «Борис Николаевич, Герой Советского Союза Мария Васильевна Смирнова из города Твери». Борис Николаевич пожал ей руку и заодно поздоровался со мной, так как я был просто рядом с ней.

Позднее в Твери мы неоднократно встречались с Марией Васильевной, вместе с ней ездили в Лихославль на празднование 70-летия Лихославльского педагогического училища, которое она когда-то окончила.

31 марта 2000 года в торжественной обстановке в Доме офицеров я вручил Марии Васильевне грамоту и ценный подарок от губернатора области В.И. Платова в связи с 80-летием. Последний раз я видел ее в магазине в мае 2002 года, когда был безработным. Мы долго с ней говорили о жизни, о власти, она выражала недовольство тем, что почти все средства массовой информации в Москве захватили олигархи-евреи. Я обратил внимание на серость ее лица, но не подумал, что это наша последняя встреча.

Смирнов Алексей Семенович
(07.02.1917–07.08.1987 гг.)

Смирнов Алексей Семенович – летчик, дважды Герой Советского Союза. Родился 7 февраля 1917 года в деревне Пальцево Селищенской волости Бежецкого уезда Тверской губернии, в карельской семье крестьянина. Мать, воспитывавшая без мужа 7 детей, никак не могла свести концы с концами.

В начале 1938 года Алексей Семенович получил направление в Одесскую военную авиационную школу, что одновременно означало призыв

в Красную Армию. В составе 153-го истребительного авиационного полка принимал участие в Советско-Финляндской войне 1939–1940 годов.

Во время Великой Отечественной войны к августу 1943 года заместитель командира эскадрильи 28-го Гвардейского истребительного авиационного гвардии капитан А.С. Смирнов совершил 312 боевых вылетов, в 39 воздушных боях лично сбил 13 самолетов противника.

28 сентября 1943 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, был удостоен звания Героя Советского Союза.

К сентябрю 1944 года гвардии майор А.С. Смирнов совершил 396 боевых вылетов, лично сбил 31 самолет противника, за что 23 февраля 1945 г. Алексей Семенович был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Всего совершил 457 боевых вылетов, в 72 воздушных боях уничтожил 35 вражеских самолетов лично и 15 – в группе с товарищами. После войны А.С. Смирнов окончил Высшие летно-тактические курсы усовершенствования офицерского состава, командовал истребительным авиационным полком. С 1954 г. гвардии полковник А.С. Смирнов находился в запасе, жил в Москве, работал в системе народного образования.

Был награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, а также медалями.

Умер 7 августа 1987 года, похоронен в Москве на кунцевском кладбище. Бронзовый бюст установлен в поселке Рамешки Тверской области.

* * *

Работая следователем Сонковской районной прокуратуры с 1977 года, неоднократно проезжая через поселок Рамешки, обращал внимание на этот бюст. Он установлен в сквере возле дома культуры и райисполкома. Подробности о жизни и подвигах А.С. Смирнова узнал в 1984 году, когда полгода находился в командировке в Рамешках, расследуя уголовное дело о приписках на местной трикотажной фабрике.

В апреле 1990 года, когда я работал директором средней школы № 1 города Конаково, из Калинина с совещания вернулась пионервожатая Игониная Ольга. Сказала, что накануне 45-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, поручено присвоить имена героев тем пионерским дружинам, которые их не имеют. Пионерской дружине нашей школы № 1 города Конаково рекомендовали присвоить имя

дважды Героя Советского Союза А.С. Смирнова. На общей линейке пионерской дружины это имя было ей присвоено, но ненадолго. На XXII чрезвычайном съезде ВЛКСМ 28 сентября 1991 года пионерские организации были ликвидированы.

Карелы их помнят

Хазов Иван Тимофеевич (11.09.1870 – 23.07.1924 гг.)

Карельский художник Иван Тимофеевич Хазов родился 11 сентября 1870 года в карельской деревне Городок Никулинской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. В 1873 году в этой деревне было 386 жителей, все карелы и ни одного русского.

Его родители Тимофей Андреевич и Наталья Хазовы были крепостными крестьянами помещика Сназина. Брат отца Тимофея Андреевича Михаил был управляющим у Сназина.

Иван Тимофеевич Хазов окончил 4 класса начальной школы, любил рисовать. В 1896 году, когда ему было 25 лет, поступил в Бежецкое общество художников. Открыл свою мастерскую, стал обучать учеников-карел: Шарвина Якова из Валдая, Уткина Алексея из дер. Сосновка Никулинской волости, Федотова Михаила из дер. Двойки Козловской волости, Сурикова Сергея из нынешнего Рамешковского района, еще одного ученика из села Кострецы ныне Максатихинского района, имя и фамилия его неизвестны.

Вместе со своими учениками Иван Тимофеевич расписал церкви в карельских селах: Козлово, Петровское, Толмачи, Ерзовка. Они расписали часовни в Городке, Плоском, Горме, Никулине, Захарове, Острых Луках. К пятидесятым годам он ослеп, умер 23 июля 1924 года.

Толмачевский-Фролов Василий Иванович (1876–1950 гг.?)

Депутат Государственной Думы, председатель Бежецкой земской управы при Временном правительстве, В.И. Толмачевский-Фролов родился в 1876 году в селе Толмачи Бежецкого уезда Тверской губернии. В 1905 году создал Толмачевскую пожарную команду, в 1907 году был

избран депутатом 2-й Государственной Думы. Дважды направлялся в ссылку, бежал во Францию, жил там с 1908 по 1917 годы.

В 1917 году при Временном правительстве был избран сначала гласным, затем председателем Бежецкой уездной земской управы, в этой должности находился до января 1918 года, когда в Бежецке установили советскую власть. Советской властью неоднократно подвергался арестам и высылке, в 1950 году органы НКВД-МГБ объявили его розыск, дальнейшая судьба неизвестна.

Горбачев Иван Ильич (1895–? гг.)

Председатель ЦИК Карельской АССР Иван Ильич Горбачев родился в деревне Шейново Залазинской волости Бежецкого уезда Тверской губернии. В годы Гражданской войны был комиссаром продотряда Тверского уезда, после войны служил начальником политуправления Московского военного округа. С этой должности в конце 1937 года был переведен председателем ЦИКа Карельской АССР вместо репрессированного Н.В. Архипова, работал по 1938 год.

12 декабря 1937 года на первых выборах в Верховный Совет СССР был избран депутатом. В 1938 году был репрессирован, позднее полностью реабилитирован. Переехал из Карелии в Ленинградскую область, где работал директором совхоза. Жизненный путь закончил в Ставропольском крае.

Кузьмин Михаил Васильевич (1906–1969 гг.)

Родился в 1906 году в селе Залазино Бежецкого уезда Тверской губернии. Работал первым секретарем Новокарельского райкома партии. С 12 декабря 1937 по 1938 год был депутатом Верховного Совета СССР. В связи с «карельским делом» был снят с должности и направлен в 1938 году директором Ривицкого химзавода Максатихинского района. После Великой Отечественной войны заведовал отделом социальной защиты Великолукской области.

В 1948 году вернулся в село Залазино, работал председателем колхоза «Красное Залазино» до своей пенсии в 1966 году. Умер в 1969 году, похоронен на кладбище в родном селе.

Григорий Ефимович Введенский

Григорий Ефимович Введенский, являясь священником села Козлово Вышневолоцкого уезда, вместе со священником села Кава Бежецкого уезда Михаилом Алексеевичем Золотинским в 1817 году перевел с русского на карельский язык «Евангелие от Матфея».

Книга была издана в 1820 году на карельском языке с применением русского алфавита. Это самое первое произведение, переведенное на карельский язык.

Анастасия Толмачевская

Уроженка села Никольское-Тучевское Бежецкого уезда Анастасия Толмачевская, преподавая в Тверской земской учительской школе имени П.П. Максимовича (ныне Тверской государственный университет) в 1887 году издала «Карельско-русский букварь» для обучения грамоте карельских детей. Букварь имел название «Родное карельское», издан на карельском языке с применением русского алфавита.

А. Толмачевская, одна из немногих карел, которая окончила школу П.П. Максимовича, основанную в 1870 году и осталась в ней преподавать.

Михайловская Мария Васильевна

Работая учительницей школы в деревне Воздвиженка Трестенской волости Бежецкого уезда, она в 1917–1925 гг. собрала коллекцию фольклорных материалов, предметов одежды, головные уборы и образцы вышивки тверских карел. Фольклорные материалы Марии Васильевны Михайловской были опубликованы в Ленинграде в 1925 году на карельском языке с применением русского алфавита.

Бубрих Дмитрий Владимирович (1890–1949 гг.)

Один из создателей карельской письменности Дмитрий Владимирович Бубрих родился 26 июля 1890 года в Петербурге. Активно работал по созданию карельской письменности. С 1925 года и до конца

своей жизни был заведующим кафедрой финно-угорской филологии Ленинградского университета, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор.

Именно ему Комитет по делам национальностей Наркомпроса СССР 1 марта 1930 года поручил представить краткую записку-обоснование возможности создания карельской письменности. С этого времени вместе со своим учеником Александром Антоновичем Беляковым Д.В. Бубрих много сделал для создания карельской письменности.

В 1931 году он опубликовал работу: «Какой язык положить в основу просвещения тверских карел».

На следующий год написал работы: «Карелы и карельский язык», «Языковая проблема у карел».

В 1934–1935 гг. вместе с А.А. Беляковым и О.О. Дубовым подготовил к печати очерк по тверскому (толмачевскому) говору, а также карельский словарь на основе этого говора.

В 1936 году написал работу «Карельский язык Тверской и Новгородской губерний», а на следующий год издал «Грамматику карельского языка». Был репрессирован в 1938 году.

Вершинский Анатолий Николаевич (1888–1944 гг.)

Исследователь тверских карел Анатолий Николаевич Вершинский родился в деревне Игуменка Старицкого уезда, русский. Историк, профессор Калининского государственного пединститута. В 30-х годах интенсивно изучал историю тверских карел.

Результатом его исследований стали работы:

- Очередные задачи работы среди национальных меньшинств Тверской деревни. Тверь, 1930.
- Библиография карел Московской области. М., 1931.
- Список карельских семей Московской области. М., 1932.
- Статья «Очерки по истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв.» опубликована в «Историческом сборнике» АН СССР.

Пертти Виртаранта (1918–1997 гг.)

Финский ученый языковед, в 1943 году защитил кандидатскую диссертацию, 1946 г. – докторскую, с 1990 года – академик, почетный доктор Умаянского (1987 г.), Йоенсуйского (1989 г.) и Стокгольмского (1990 г.) университетов. Начиная с 1957 года, исследовал язык и культуру тверских карел.

Результатом его исследований стали более 15 книг и работ, в том числе:

- «Жизнь тверских карел-старожилов», 1961 г.
- «Карельские пословицы и загадки», 1976 г.
- «Песни-плачи», 1989 г.
- «Топонимика и ономастика тверских карел», 1992 г.
- «О карельском языке и карельской культуре», 1990 г.

Организовал в ноябре 1993 года «Общество друзей тверских карел» в Финляндии, с его помощью изданы на карельском языке «Букварь» М.М. Орлова в 1992 году, «Словарь карельского языка» А.В. Пунжиной в 1994 г., «Книга для чтения» З.А. Туричевой в 1998 году.

Умер 9 июля 1997 года.

В 1998 году в Финляндии образован фонд помощи тверским карелам им. Пертти Виртаранта.

Вейо Салохеймо (06.08.1924–29.12.2020 гг.)

Финский ученый-историк, профессор Йоенсуйского университета, родился 6 августа 1924 года.

Активно работал над изучением истории тверских карел.

Результатами его исследований стали работы:

- «Рождение Тверской Карелии».
- «Переписные книги карел Бежецкого Верха».

Вместе с Пертти Виртаранта был организатором общества друзей тверских карел в Финляндии в ноябре 1993 года, долгое время возглавлял его отделение в городе Йоенсуу. Один из создателей фонда помощи тверским карелам имени Пертти Виртаранта.

***Пунжина Александра Васильевна
(1934–30.12.2020 гг.)***

Родилась в городе Калинин 20 мая 1934 года, тверская карелка. С 1942 года проживала в селе Толмачи Новокарельского района, с 1953 года проживает в городе Петрозаводске, кандидат наук, языковед. В 1975 году приступила к составлению словаря карельского языка (Тверские говоры), который был издан в 1994 году. Он является базой для дальнейшего развития карельской письменности.

С 1978 года работала научным секретарем института языка, литературы и истории, а с февраля 1983 года – научным секретарем Карельского филиала АН СССР.

Начиная с 1996 года и до 2005 года, ежегодно проводила семинары с учителями карельского языка Тверской области, помогая развитию карельского языка и его обучению среди тверских карел.

**Глава V. Хранительница
карельской письменности**

(воспоминания Александры Васильевны Пунжиной)

Создание словаря карельского языка (тверские говоры)

В августе 1970 г. в Таллинне, на третьем Международном конгрессе финно-угроведов, языковеды многих стран стремились записать речь старой камасинки с Саян, гости этого научного форума. Она была

последней представительницей своего народа, еще говорящей на родном камасинском языке. Это было событие сложное и впечатляющее, эмоционально очень сильное.

К этому времени я уже несколько лет работала в Институте языка, литературы и истории. Начинала писать диссертацию. Частыми были поездки в тверские карельские деревни. Я могла уже достаточно хорошо оценивать состояние и функционирование языка у тверских карел. Была уже более доступной и статистика по переписям населения. Но тенденции в плане владения родным языком, сферы его применения, демографическая картина в деревнях явно обозначались в худшую сторону. Мне еще хорошо помнились первые мои поездки в деревни Рамешковского и Лихославльского районов в студенческие годы (1956–1957 гг.). Хотя жизнь тверской карельской деревни и без особых научных обобщений мне была хорошо знакома изнутри, с детства.

А в 1990 г. в валдайской деревне на Новгородчине мне уже самой привелось записывать последнюю носительницу этого карельского говора. Ей было 90 лет, но рассказывала она живо и интересно. Вечерами мы сидели на лавочке в последних лучах уходящего сентябрьского тепла и просто молчали. Она проводила меня до деревянных ворот, сухоньякая, босая. Я уходила и все оглядывалась, а на душе щемило. Это было больше, чем прощание только с человеком.

В январе 1966 г. я была принята на работу в Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (тогда Карельского филиала АН СССР). Мне предстояло заняться подготовкой Словаря тверских говоров карельского языка. В структуре института сектор языкознания – один из старейших. Основным направлением научных исследований его сотрудников является изучение прибалтийско-финских языков: карельского, финского, вепсского, а также саамского. Одним из первых директором института был член-корреспондент АН Д.В. Бубрих. Под его руководством в начале 30-х годов в институте была начата планомерная работа по изучению диалектов карельского и вепсского языков. В послевоенные годы эта работа была продолжена.

В последние десятилетия в секторе языкознания шло интенсивное накопление лексического материала карельского, вепсского языков, проводилась большая по объему лексикографическая работа над диалектологическими словарями, имеющими большую научную

ценность. Когда я пришла в институт, была близка к завершению рукописи словаря ливвиковского диалекта карельского языка, составленного Г.Н. Макаровым. Словарь опубликован в 1990 г. уже после смерти автора.

Одновременно со сбором лексики в Институте шла запись бытового материала образцов речи на магнитофонную ленту. На основе этих материалов был опубликован ряд сборников текстов в том числе и по тверским говорам карельского языка («Образцы карельской речи», составитель Г.Н. Макаров. М.–Л., 1963). Следует назвать также очерк Г.Н. Макарова «Карельский язык» в пятитомном издании «Языки народов СССР», Т. 3. М., 1966. Этот грамматический очерк, опирающийся на толмачевский говор тверских карел, и сборник текстов были моей первой академией. При приеме меня на работу, речь шла о сборе лексики к намечаемому в перспективе словарю тверских говоров.

Характер и объем предстоящей работы были пугающими. Когда я смотрела на уже переплетенные тома рукописи словаря Г.Н. Макарова, мне хотелось быстрее ехать в деревню, долго-долго идти пешком, настраиваясь на беседы и встречи. Да, дороги были большей частью пешими, а магнитофоны тяжелыми и не очень надежными. Накапливающийся языковой материал осмысливался уже глубже: более четко виделись определенные грамматические закономерности, а также говорные отличия. Неоднократно побывав в самых дальних деревнях толмачевских и весьегонских карел, я поехала в неизвестный для меня угол области за город Зубцов. В последующие годы я всегда с радостью ехала к этой самой южной группе карел на стыке с Московской и Смоленской областями. В словарь лексика этого говора не вошла, но держинский языковой материал оказался самым своеобразным в моей диссертационной работе. Значительно позднее опубликованы также тексты, образцы речи носителей этого говора. С большой теплотой вспоминаю А.С. Гуманову (д. Васильевское), М.М. Лепчикову (д. Семеновское), Ф.Н. Михайлову (д. Новое) и других, чьи интересные рассказы о быте старой деревни, о праздниках, развлечениях молодежи и многом другом можно прочесть в сборнике «Слушаю карельский говор». Петрозаводск, 2001.

А тогда, в 1970 г., я получила добрые и очень ценные советы по теме диссертации от П. Пальмеос, доцента Тартуского университета. У нее был большой опыт экспедиционных работ к тем же держинским карелам, она ездила со студентами своей кафедры, а ранее – к валдай-

ским карелам. Ее исследование и тексты по этому говору, довольно близкому к тверским, существенно помогли мне в понимании форм именного словоизменения собственно карельских говоров. В последующем руководитель диссертационной работы проф. К.Е. Майтинская порекомендовала шире привлекать при анализе именных категорий языковой материал других карельских диалектов и близкородственных языков.

В секторе существенную помощь своими советами и наставлениями оказывали Г.Н. Макаров, М.И. Муллонен, Г.М. Керт. В.Д. Рягоев готовил серьезное исследование по тихвинскому говору карельского языка и его мнение по тому или иному вопросу карельской грамматики для меня было весьма важным. По тверским же говорам, из опубликованного к тому времени, было: статья Александра Антоновича Белякова «Морфологическая система собственно-карельского диалекта (Калинин. Наречие)», опубликованная в трудах Карело-Финского филиала АН за 1954 год. Его же «Фонетика карельского диалекта села Толмачи Калининской области», в сборнике «Советское финно-угроведение» за 1949 год.

Статья по морфологической системе диалекта, довольно развернутая, и содержит ряд вопросов исторической морфологии карельского языка.

К моему приходу в Институт А.А. Беляков в секторе уже не работал, был на пенсии. Но именно он положил начало картотеке словаря тверских карел. Им был составлен довольно добротный словник будущего словаря (конечно в последующем существенно дополненный). Мне довелось общаться с ним, слушать воспоминания о Д.В. Бубрихе, ведь А.А. Беляков длительное время работал с ним. А тот период для исследователей карельского языка был жестким. Исключительно велика роль Д.В. Бубриха в создании карельской письменности, первоначально функционировавшей среди карел Калининской области (1931–1938 гг.), а затем и в Карельской АССР. И когда к 1936 году встал вопрос о едином карельском языке и выработке языковых норм письменности, Д.В. Бубрих подготовил нормативную грамматику карельского языка (Бубрих Д.В. Грамматика карельского языка. 1937). Здесь в письменном обозначении карельских звуков использовался новый алфавит, созданный на основе русской графики. Применительно и к фонетике, и к морфологии отбирались наиболее общие черты карельского языка, свойственные всем его диалектам. Этому труду

Д.В. Бубриха требуется современная, уже не поспешная, а глубокая лингвистическая оценка. Думается, что взвешенный спокойный взгляд на суть этой работы может дать позитивные результаты для развития карельского языка.

После смерти А.А. Белякова, его дочь Н.А. Белоусова, передала мне его экземпляр «Граматики карельского языка» и несколько учебников на тверском карельском языке. Часть из них – официальные, а некоторые переводные.

Как я уже упомянула, в секторе языкознания в те годы шла интенсивная подготовка ряда диалектологических словарей. М.И. Зайцева и М.И. Муллонен завершали работу над рукописью «Словаря вепсского языка». Опыт этого словаря для меня был исключительно полезен. С большой благодарностью вспоминаю беседы с М.И. Муллонен, ее доброжелательные замечания и советы. Профессор М.И. Муллонен, языковед, много сделавший для исследования прибалтийско-финской филологии в Петрозаводском государственном университете.

Лексический материал для словаря тверских карел накапливался, пора было приступить к написанию пробных словарных статей. Решили остановиться на букве «К», наиболее показательной для родственных языков. Выработка принципов построения словаря, структуры словарных статей, системы грамматических помет, подачи иллюстративного материала, его перевод – процесс довольно сложный и долгий. В основу словаря положена лексика толмачевского говора, второй по распространенности, весьегонский говор, в основном отражен лексическими параллелями (иногда фонетическими) по отношению к толмачевскому. К 1970 г. пробные статьи буквы «К» (совместно с В.П. Федотовой) были подготовлены на обсуждение сектора. Обсуждение этой буквы придало дальнейшей работе большую четкость, определенность.

Можно сказать, что этим годом подводились некие итоги первого этапа работы в Институте. Интерес В.П. Федотовой к карельскому слову и словоупотреблению определился также более четко: для исследования она выбрала фразеологию карельского языка. В последующие годы она подготовила и опубликовала фразеологический словарь карельского языка и ряд теоретических работ. Хотелось бы назвать еще одно имя в связи с этими первыми годами работы в институте и сбором лексики к словарю. В институт приезжал К.В. Манжин, весьегонский карел, учитель, краевед. В деревенских поездках в Тверскую

область я его не встречала, поскольку он жил в Подмоскowie. Он передал в сектор свою коллекцию записей по родному говору. Коллекция вошла в картотеку словаря, однако на языковом материале значительный налет искусственности, что вызывает чувство досады. Наоборот, безыскусные полевые материалы, глубже и содержательнее: их восприятие вызывает всегда новые мысли, живые ассоциации.

На этом этапе вхождения в науку прибалтийско-финской филологии были еще события, люди, поездки, давшие мне большую целеустремленность и осмысленность в работе, а может и в жизни.

Сотрудничество с финскими учеными

Уже в 60-е годы труда сотрудников Института языка, литературы и истории (ЯЛИ) все больше привлекали внимание зарубежных исследователей. Установлению связей института с научными учреждениями, вузами, библиотеками и архивами соседней Финляндии во многом в те годы способствовала директор института М.Н. Власова. Наши языковеды принимали участие в работе Международных конгрессов финно-угроведов уже в Венгрии (1960 г.) в Хельсинки (1965 г.) и во всех последующих. В 1971 г. было подписано Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией Финляндии. Этот документ позволил значительно расширить сотрудничество карельских ученых с финскими коллегами. В рамках совместных тем были подготовлены и опубликованы большие словари финского языка. Совместно с учеными университета города Йюенсуу подготовлен и издан сборник текстов «Образцы карельской речи» (1974 г.). По результатам совместной работы также был опубликован труд историков «История Карелии XIV–XVII в. в документах». Петрозаводск-Йюенсуу, 1987 год.

Традиционными стали двухсторонние встречи историков, языковедов, фольклористов. С 1966 г. сотрудники Института принимали активное участие в совместных симпозиумах историков. Исключительно большую работу по их подготовке осуществляла М.Н. Власова, председатель совместной советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области истории. Начиная с 1973 года, проводились симпозиумы по проблемам финно-угорской филологии, в Петроза-

водске проходили симпозиумы в 1974 и 1979 годах. В целом формы сотрудничества были самые разнообразные: совместные экспедиционные поездки, научные командировки, книгообмен, совместные публикации. Ряд лет, будучи ученым секретарем института, я занималась научно-организационными вопросами подготовки многих мероприятий, названных здесь.

А мое первое знакомство с финляндскими языковедами состоялось в апреле 1966 г. Тогда в институт прибыла большая группа сотрудников Хельсинского университета, в том числе и из редакции карельского словаря. Руководителем группы был профессор Пертти Виртаранта. Мне он подарил свою книгу «Juho Kiijola – karjalan jalyydintutkija», что для меня тогда было событием. Эта книга стала мне почти путеводителем по Тверской Карелии. А потом, в последующие годы, мне привелось уже сопровождать академика Пертти Виртаранта с его женой, Хельми Виртаранта, в их поездке по Спиловскому и Лихославльскому районам Калининской области. Осенью 1977 г. в течение месяца была возможность общаться с ними, наблюдать, как работают в полевых условиях высокого класса специалисты: как ставят вопросы, как развивается тема беседы, как делаются уточнения. Надо сказать, что это были открытые, очень демократичные и приветливые в обращении с любым человеком люди. Подкупала их искренность, желание помочь, умение работать почти в любой обстановке.

Мне приходилось и до этого и позднее бывать в карельских деревнях Тверской области и с другим известным финским специалистом, исследователем фольклора из университета Турку профессором Лаури Хонко. Эти поездки были значительно сложнее, напряженнее: предметом занятий был определенный жанр карельского фольклора – причет. Перечень деревень и число информантов, от которых выполнены магнитофонные записи в тех двух поездках, весьма внушительны. Остались в памяти прекрасные исполнительницы причетаний: М.П. Суворова (д. Клевцово), М.Ф. Белова (д. Ключевая) в Максатихинском районе, А.А. Шутяева (с. Козлово) Спиловского района, А.А. Суслова, М.А. Беляева (с. Толмачи), А.Н. Шишкова (д. Митецкое) в Лихославльском районе. Последние три мне были хорошо знакомы ранее. Каждая из них являлась не только хранительницей традиций этого жанра, но и вносила в него свой яркий талант. Все они могли импровизировать, что называется с ходу, а ведь те же свадебные, рекрутские причетания были давно как-то отодвинуты, в реальной жизни уже почти не бытовали.

В районах давали транспорт, и здесь у меня был свой несложный умысел: доехать, дошагать как можно дальше. Записать и там и там, а где-то перепроверить, уточнить значение того или иного слова, дать его в более развернутом контексте. Пешком, конечно, мы ходили: иногда не было машины, или невозможно было проехать. Так в мае-июне 1976 г. целый месяц шли дожди, и в дальние деревни Максатихинского района мы добирались пешими.

Лексику плачей я и до этих поездок включала в картотеку словаря, но здесь окончательно решила: как, ни сложен будет вопрос перевода, толкование этого архаичного пласта лексики, эти слова почти с печатью таинственности должны быть в словаре.

Сама я в командировке в Финляндии оказалась в 1977 г. После трехнедельных курсов финского языка в г. Лаппеенранта поехала на неделю в Хельсинки. Отдел словаря карельского языка входил тогда в структуру Кастренцанума, научного центра по исследованию родственных языков, располагавшегося в основном здании Хельсинского университета. Но уже со следующего, 1978 г., этот научный центр был преобразован в Научно-исследовательский центр языков Финляндии, подведомственный Министерству просвещения. Отдел словаря карельского языка существует с 1955 г. Его основателем и продолжительное время руководителем был академик П. Виртаранта. Секретарем редакции словаря карельского языка являлась госпожа Хельми Виртаранта. К тому году сотрудники отдела словаря подготовили и выпустили уже два тома: (А-Ј, 1968 г.), (К, 1974 г.). А вот третий том был подготовлен уже при активном участии научных сотрудников Райи Копонен и Марьи Торикка. С четвертого тома к работе над словарем подключилась Леена Йоки. В 2005 г., они завершили невероятную по охвату материала и объему работу, выпустив последний, шестой том Словаря карельского языка.

Тогда, в августе 1977 г. я с волнением просматривала прекрасную тверскую картотеку Юхо Купола, собранную им в 1912–1913 гг. у вьесьгонских и толмачевских карел. Точная передача фонетики говоров, тщательная разработка словарной карточки в плане выявления основных словоизменительных форм имени и глагола, отличное раскрытие значения слова в примерах. Таких словарных карточек было около 15 тысяч. С десятка карточек с менее знакомыми для меня лексемами я сняла ксерокопии. Это тоже особая страница о впечатлениях той поездки. Ксерокс стоял просто в фойе того же этажа. Мне нужно

было указать лишь количество страниц и дату в журнале, который находился тут же на шнуровке.

У нас в Карельском филиале АН на участке оперативной печати, первый ксерокс появился в 1984 г. Я в те годы была уже ученым секретарем нашего филиала АН, и мне приходилось входить в тонкости работы редакционно-издательского отдела. Конечно, тогда вынуждены были ограничивать ксерокопирование и по характеру, и по объему заявок. Очень берегли также, расходные материалы.

Ученый секретарь

Моя работа над словарем вроде продвигалась, но как-то неровно. Были болезни, а затем и потеря близких людей. Когда я в последний раз отвезла мать в Толмачи, она просила меня не уезжать. К тому же было вакантным место директора в нашей соседней школе. Морально, психологически мне было очень тяжело. Диссертация лежала в Тартуском университете, ее защита затягивалась лишь по формальным причинам, не имеющим отношения к нашим работам. А вскоре после защиты я начала работать ученым секретарем Института ЯЛИ, а затем в 1983–1986 гг. и в целом Карельского филиала АН. И более чем на восемь лет оказалась формально оторванной от словаря. Была ли словарная работа для меня нудной? Нет, наоборот, живой, а порой, и увлекательной. Просто ее неизбежную протяженность во времени решила сочетать с каким-то иным, но тоже веским делом, дающим мне некую внутреннюю устойчивость. В отпуск я ехала только в Тверскую область, и картотека пополнялась новым материалом, устранялись неточности. Иногда могло неожиданно сверкнуть новое слово, его иное значение. А здесь в Петрозаводске выкраивала время для написания словарных статей.

Годы моей административной, а точнее – научно-организационной работы были достаточно интересными, результативными для института. Заметно рос объем научной продукции; выходили из печати обобщающие работы, комплексные исследования. В 1983г. в издательстве «Карелия» был опубликован коллективный труд по важнейшим проблемам этнической, социально-экономической истории карел. Вышла монография Э.Г. Карху по истории литературы Финляндии,

вскоре опубликованная и в самой Финляндии. В институте продолжалась работа над рядом двуязычных словарей.

Институт печатал часть своих научных трудов в соответствии с планами издательства «Наука», чаще через Ленинградское отделение издательства. Там, например, выходил серийный сборник сектора языкознания «Прибалтийско-финское языкознание».

Увеличивающийся объем подготавливаемых рукописей сдерживался трудностями их качественной перепечатки: нужны были современные печатающие машинки. М.Н. Власова добивалась через Академснаб приобретения современной оргтехники из зарубежных стран. Так у нас в институте появились импортные машинки типа IBM, многотрифтоновые, со сменными головками. В секторе истории на этих машинках шла подготовка к изданию сборника «Карелия XVI–XVII вв. в документах».

В последующем был осуществлен компьютерный набор и верстка этого сложного по своему содержанию, языку документов и графике письма издания.

Расширялись технические возможности и участка оперативной полиграфии филиала Академии наук. Вскоре здесь стали печататься и наши сложные по набору сборники и монографии. А в институте приобретались более надежные для работы в полевых условиях магнитофоны, фонотека оснащалась современной стационарной техникой для расшифровки магнитофонных записей, а также их реставрации.

С 1983 г. мои новые должностные обязанности ученого секретаря Президиума Карельского филиала АН давали значительно меньше возможностей работать над словарем, но чувство продвижения вперед все-таки было. От этих лет у меня остались в памяти некоторые интересные и яркие впечатления, воспоминания. Так в 1986 г. филиал АН отметил свое 40-летие. К печати готовилась книга, приуроченная к этой юбилейной дате. На всех этапах продвижения ее к печати было много всякого рода работы. В научных подразделениях филиала АН в те годы проходил ряд структурных изменений; формировались новые лаборатории, складывались новые научные направления. Так было в институте биологии у геологов.

Наш институт языка, истории и литературы в этом отношении был уже более сложившимся, но кадровые изменения, конечно, происходили. Менялись заведующими секторами, был избран новый директор института. Им стал доктор наук, известный археолог Ю.А. Савватеев.

Но я в институт вернулась еще при М.Н. Власовой. И вот я опять за своим рабочим столом, при своей картотеке. Начиная с 1987 г. в плане научно-исследовательских работ у меня прежняя запись: «составление словаря тверских говоров».

Завершение работы над словарем. Работа над Атласом прибалтийско-финских языков

В апреле 1988 г. по приглашению финской стороны я в течение месяца была в командировке в Хельсинки. Совместно с академиком Пертти Виртаранта и его женой Хельми Виртаранта мы завершали подготовку к печати двух их рукописей по материалам тверских поездок. Устраняли последние фонетические неясности в расшифровках, уточняли значение отдельных карельских слов для их адекватного перевода на финский язык и т. д. Вскоре обе книги вышли из печати, и надо полагать, исследователи карельских говоров всегда будут обращаться к текстам на тверском наречии, а также к топонимике и ономастике тверских карел.

Но вот в ходе этой поездки для меня возникла одна неожиданность. Мне предложили выступить в Хельсинском университете о работе над «Словарем тверских говоров карельского языка». Предложение меня крайне смутило (следует согласовывать?) и одновременно заставило очень сосредоточиться. Понятно, что я ни с кем не советовалась. Но холодок внутри: это даже более ответственно, чем промежуточный ответ по большой теме у себя на заседании ученого совета – тревожил. Но вот здесь я впервые подумала о том, что завершение словаря реально и близко. По вопросам и доброжелательным высказываниям финских коллег я поняла их заинтересованность в тверском словаре.

Впереди были еще три года довольно плотной работы, хотя случались кратковременные поездки на реку Держу, а также к валдайским карелам. Шла подготовка в рамках сотрудничества с Научно-исследовательским центром языков Финляндии трехсторонней темы (участие и Эстонии) «Атлас прибалтийско-финских языков». За мной в теме были закреплены четыре пункта южнокарельских периферийных говоров (по терминологии эстонского лингвиста, профессора Яяна Ёйспуу). Вот первая часть Атласа недавно вышла в Финляндии. Тираж таких изданий, как правило, невелик.

Но здесь необходимо обратиться к другому, важному для нас атласу, а именно к «Диалектологическому атласу карельского языка» Д.В. Бубриха. Вопросы карельской диалектологии Д.В. Бубриха интересовали еще с конца 20-х годов. В 1930 г. он совершает экспедицию в районы Карелии; составляет инструкцию по сбору карельского языкового материала. К 1936 г. Д.В. Бубрих подготовил подробный план работы по будущему атласу. Следующим важным этапом работы явилась разработка текста программы по сбору материала к атласу. Программа была опубликована в 1937 г., а в 1946 г. вышло ее второе издание, значительно улучшенное и более удобное для пользования.

Организируются и проводятся большие экспедиции для заполнения программы на местах. За короткое время был собран значительный языковой материал; составлены первые 100 карт большого формата. Но в 1938 г. эта интенсивная работа над атласом была прервана. Возобновилась она лишь в послевоенные годы.

После кончины Д.В. Бубриха работа была завершена А.А. Беляковым в качестве соисполнителя. Редакторами являлись Н. Богданов и М. Хямяляйнен. В 1956 г. атлас был утвержден к печати и представлен в Ленинградское отделение издательства «Наука». Однако рукопись Атласа издательство вернуло в институт, сославшись на технические сложности его набора. Длительное время большого формата атлас со 209 картами, содержащими сведения по фонетике, морфологии и лексике из 150 карельских пунктов, хранился в архиве Карельского филиала АН.

А затем, уже в 1990 г., последовало предложение Научно-исследовательского центра языков Финляндии об издании атласа в Хельсинки. А поскольку в планах Д.В. Бубриха в свое время намечалось составление атласа и тверских говоров, финская сторона предложила подготовить и эту часть в рамках большого атласа.

Сложилось так, что в разные годы я трижды была занята работой с программой. В 1957–1958 гг. нас, студентов, организовывал в экспедиционные поездки Г.Н. Макаров; я заполняла программы в Рамешковском и Лихославльском районах. Затем, при подготовке диссертационной работы в 1970–1973 гг., я вновь обратилась к ряду вопросов программы по разделу «Морфология». И уже в 1991–1992 гг., практически завершив составление «Словаря тверских говоров» (шла его перепечатка и редактирование, осуществляемое В.Д. Ряговым) я извлекла из архива Карельского научного центра почти 60 заполнен-

ных программ. По качеству зафиксированного материала они были, безусловно, неравноценными; иногда в близких друг от друга деревнях и сведения в них были почти идентичные. Итак, я отобрала из 60 программ достаточных 36, определилась с пунктами картографирования. Языковые явления на карты наносились в цветном исполнении; в окончательном варианте они переданы с помощью определенной знаковой системы.

Подготовленные карты рассмотрел сектор, одобрил их, и в декабре 1992 года я повезла в Финляндию 12 наиболее информативных карт. Руководство Научно-исследовательского центра высказало мнение о достаточной унификации принципов оформления языкового материала с основным атласом Д.В. Бубриха.

При подготовке атласа и печати в секторе языкознания Института языка, литературы и истории была выполнена значительная предварительная работа. Касалась она уточнения легенд карт, унификации лингвистических терминов и т. д. Этот труд взяли на себя В.Д. Рягоев и Г.М. Керт. Ими был проведен также ряд других согласований с финской стороной. Финские коллеги в Научно-исследовательском центре языков Финляндии проделали большую работу по окончательному составлению карт и их редактированию в компьютерной версии. Подробнее о характере этой работы можно прочесть во вступительной статье к «Диалектологическому атласу карельского языка».

Издание словаря

По заданию Института языкознания АН СССР в 1990 г. я написала статью в планировавшееся издание о постановке терминологической работы на языках народов автономных республик РСФСР. Это издание не состоялось, но статья оказалась к месту и времени в очередном выпуске сборника «Прибалтийско-финское языкознание» за 1991 г. Возможно, она оказалась полезной в связи с проблемами терминологии на карельском языке, в разработке конкретных пластов терминологической лексики, т. е. для перспектив дальнейшего развития карельского языка.

В течение 1993 г. на моем столе сменяли друг друга корректурные листы словаря и карты к атласу. Чтение корректуры – занятие

очень напряженное, усмотреть все довольно сложно. В результате остались какие-то ляпы; есть случаи нарушения алфавитного порядка расположения слов, наблюдается ряд однотипных опечаток, имеются неточности в системе перекрестных ссылок. Но самая большая досада – это упущенная лексика, иногда просто по недосмотру. Из важной лексики – толковых слов 10–15.

На последнем этапе весьма сложно стоял вопрос о финансировании словаря. В результате словарь издан при финансовой поддержке Общества им. М.А. Кастрена (Финляндия), правительства Карелии и в определенной части – администрации Тверской области.

Мои самые большие благодарности тверским карелам, жителям разных деревень, с кем мне довелось работать, подготавливая этот словарь. Наиболее ценный и обширный языковой материал в разные годы был записан от Сусловой А.А., Родионовой П.П., Беляковой М.А. (с. Толмачи), Карасевой М.Ф. (д. Воскресенское), Макаровой Е.К., Беляковой А.М. (обе из д. Прудово), Суслова М.А. (д. Черновка) в Лихославльском районе; от Овчинникова М.М., Овчинникова С.Е. (оба д. Ямное), Беловой П.Я. (д. Прудовка), Сухичевой И.Н. (д. Морозовка), Шутяевой А.А. (с. Козлово) по Спировскому району; Суворовой М.П. (д. Клевцово), Беловой М.Ф. (д. Зубачиха), Гуттиной И.В., Ярцевой Е.Ф. (обе из с. Трестна) в Максатихинском районе; Красненковой Н.А. (д. Тимошкино), Смирновой М.И., Морошкиной Е.И. (обе из д. Мошеевское), Лохкина Т.П. (д. Корнягино), Губанова Н.П. (д. Поповка) в Весеьгонском районе; из д. Васкотино Лесного района – от Рыбкиной А.И. Низкий поклон им всем и светлая память!

Проведение семинаров и учебы с тверскими карелами

В конце октября 1990 г. по приглашению Твери совместно с профессором Петрозаводского госуниверситета П.М. Зайковым я приняла участие в работе учредительной конференции областного общества культуры тверских карел. Этому предшествовало знакомство в Петрозаводске в 1989 г. с доцентом Тверского госуниверситета В.А. Виноградовым. У нас завязалась интересная переписка, обмен книгами. Он тогда готовил к защите докторскую диссертацию. Жаль, что так рано ушел из жизни этот талантливый энергичный человек.

На конференции в Твери я встретила также с Ф. Федоровым. Он учился в ПГУ в одни годы со мной, но оставил университет на третьем курсе. Тверской карел, прекрасно знающий свой родной язык, с заметным творческим даром. Он неоднократно бывал в тверских карельских деревнях, много ездил и по Карелии. В Институте языка, истории и литературы хранится его превосходная картотека лексики тунгудских карел, а в архиве Карельского научного центра АН записи разных жанров фольклора, этнографические описания, бытовые рассказы на карельском языке.

Отрадно, что почти сразу после конференции в Тверской области начали конкретные дела по возрождению карельского языка, оживились разные формы культурной работы в карельской среде, организовывались мероприятия в районах области, т. е. работа шла и вглубь.

К 1997 г. обучение карельскому языку проводилось более чем в десяти школах, а также в Лихославльском педучилище. С 1996 г. я принимала участие в проведении семинаров учителей карельского языка на базе Лихославльского педучилища, а в 1999 г. нас пригласил в Тверь областной институт усовершенствования учителей.

К этому времени на карельском языке был издан «Букварь» (автор М.М. Орлов), книга для чтения «Armassana» (автор З.А. Туричева). Безусловно, большую помощь учителю и ученикам оказывает с самого начала газета «Karielan sana», редактором которой является Л.Г. Громова. Очень удачна также ее книга «Aiga lugie I paisa karielaksi». Я думаю, что это не только пособие для чтения и говорения на карельском языке, но и удачное культурологическое издание. А.Н. Головкин, подготовив и издав серию книг по истории тверских карел, вернул эту историю народу, значительно расширив ее во времени и в пространстве. Этому способствовало привлечение значительных архивных материалов и исследований современных и зарубежных историков.

В 1999–2000 учебном году я прочитала вводный курс по карельскому языку для студентов карельской группы на филологическом факультете Тверского госуниверситета. В 2005 г. они завершили учебу с представлением дипломных работ по проблемам фонетики, морфологии, словообразования языка тверских карел. Я с удовлетворением отрецензировала работы Любы Яковлевой, Татьяны Коминой, Насти Рунтовой и Ольги Матвеевой, отметив хорошее владение языковым материалом, знание научных работ по соответствующим проблемам карельского и др. прибалтийско-финских языков. Анализ ряда языковых явлений, выводы, вытекающие из него, например, в дипломной

работе Любы Яковлевой могут быть полезными при дальнейшей разработке вопросов грамматики карельского языка.

Однозначно можно сказать: преподаватель Л.Г. Громова вложила в их обучение много душевных сил и времени. Таким образом, идет реализация четвертого раздела Устава национально-культурной автономии тверских карел от 15.11.97 г. об обеспечении права на сохранение, развитие и использование родного языка.

Глава VI. Тверские карелы в постсоветский период

Пробуждение национального самосознания

В конце 80-х годов XX века началось активное повышение самосознания тверских карел, которое стимулировали активисты движения В.А. Виноградов, М.М. Орлов, В.А. Кричкин, А.Н. Суслов, В.В. Елкин и другие. Оно было связано в первую очередь с изменениями в развитии российского общества и государства. Рост национального самосознания тверских карел поставил перед обществом и властью проблемы возрождения и развития их языка, культуры, обеспечение условий для самоопределения.

После 50-летнего забвения тверские карелы все громче заявляли о себе, что они по-прежнему живут на тверской земле, говорят на родном языке.

2 июля 1989 года доцент Тверского государственного университета В.А. Виноградов опубликовал свою статью в областной газете «Калининская правда» под названием «Карелы Верхневолжья: известное и неизвестное».

В том же году он опубликовал свою статью «Карельский национальный округ. Забытые страницы» в областном журнале «Политическая агитация». Подготовил к печати брошюру «Карельское дело», которая вышла в 1991 году на основе его публикаций за 1990 год в том же журнале «Политическая агитация».

После смерти В.А. Виноградова в мае 1991 года эстафету карельского движения подхватил М.М. Орлов, который опубликовал ряд статей в печатных органах.

15 июня 1991 года в газете «Тверская жизнь» появилась его статья «Мы есть, мы будем», 24 января 1992 года в той же газете поместил заметку «Возвращение к истине» о целях и задачах созданного 29 октября 1990 года Общества культуры тверских карел.

К сожалению, он рано умер, полный планов по возрождению карельского языка и культуры. Воспользовавшись смертью двух лидеров подряд, некоторые силы попытались расколоть единое движение тверских карел. В 1993 году был разработан устав «Тверского союза карел», зарегистрированный в отделе юстиции администрации Тверской области 9 февраля 1994 года.

Этот факт подтолкнул активистов Общества культуры тверских карел к более решительным действиям. Была созвана областная конференция тверских карел, на которой почти через год после смерти М.М. Орлова новым председателем общества был утвержден глава администрации Заволжского района города Твери В.В. Ёлкин. С этого времени активность «Тверского союза карел» была утеряна, раскола в карельских рядах не случилось. Дело развития культуры и языка тверских карел подхватили В.В. Ёлкин, З.А. Туричева, А.А. Пилюгин и другие.

С марта 1996 года активную позицию в деле развития культуры народа заняла З.И. Головкина. Она сначала работала ответственным секретарем общества, а с февраля 1998 года – председателем областной национально-культурной автономии тверских карел. Были подготовлены специалисты карельского языка З.А. Туричева и Л.Г. Громова.

О подвижниках развития карельского дела, языка и культуры пойдет речь в этой главе.

Для исследователей до сих пор остается интересным опыт взаимоотношений между тверскими карелами, как коренным малым народом и русскими, ставшими практически материнским этносом. Тверские карелы, проживая около 400 лет в русской среде, сохранили национальные особенности своего языка и культуры.

Теперь мало у кого вызывает сомнение слово «коренизация», когда речь идет о тверских карелах. Слово «коренизация» происходит от слова «коренной», то есть изначальный, исконный. Имеется в виду сочетание этого слова со словом «народ», то есть «коренной народ». С научной точки зрения необходимо более конкретно разграничить понятие «коренной народ» и «национальное меньшинство».

Правда, слово «коренизация» потеряло первичное значение, которое оно имело в 30-е годы XX века. Тогда речь шла не только о понятии

«коренного народа», но и о государственности национального языка на определенной конкретной территории.

Предполагалось вести на нем все делопроизводство и судопроизводство. Во всех властных структурах должны работать местные национальные кадры. Тогда была конкретная территория и для тверских карел в виде национального округа.

Теперь слово «коренизация» означает, что другой родины у тверских карел, кроме тверской земли, сейчас нет. Они могут рассчитывать на государственную поддержку для развития языка, культуры, средств массовой информации.

Что касается территории, здесь в начале XXI века можно было надеяться лишь на создание муниципальных образований – карельских сельских округов или карельских районов. Речь о государственности идти уже не могла, исходя из реального числа тверских карел и их ассимиляции с русским населением. На территории Тверской области могли быть созданы 10 сельских карельских округов: Залазинский, Станской и Толмачевский Лихославльского района, Козловский и Никулинский Спировского района, Сельцовский и Трестинский Максатихинского района, Алешинский и Никольский Рамешковского района, а также Тимошкинский или Кесемский Весьегонского района, но этого не случилось, и никогда больше не случится.

Окончательное самоопределение тверских карел произошло в 1996–1997 годах, когда активисты провели большую работу по созданию Тверской областной национально культурной автономии тверских карел. Позднее были созданы 8 районных национально-культурных автономий: Весьегонская, Зубцовская, Лихославльская, Максатихинская, Молоковская, Рамешковская, Спировская, Сонковская и Тверская городская автономия.

С 1993 по 1996 годы тверские карелы выступали в роли наблюдателей Консультативного комитета финно-угорских народов. С марта 1997 года они являются полноправными членами международного движения.

В ноябре 2001 года были созданы молодежные отделения национально-культурных автономий тверских карел.

13 декабря 2003 года Президент Российской Федерации В.В. Путин издал распоряжение по присуждению грантов общенационального значения в области культуры и искусства. Один из грантов присужден заведующему отделом культуры Спировского района Б.А. Мансурову на

осуществление проекта по возрождению, сохранению и развитию культуры одного из коренных народов Тверской области – тверских карел.

Главной задачей областной национально-культурной автономии тверских карел остается сохранение карельского языка и культуры. К 2004 году преподавание родному языку велось в 11 школах. Не оправдала надежду автономии группа студентов по специализации карельского языка и литературы, которая летом 2004 года закончила свое обучение в Тверском государственном университете, никто из них не пошел работать в школы или в средства массовой информации. Автономия отдал им много сил, энергии и денежных средств на обучение студентов, не получила практических национальных кадров.

Надежда оставалась лишь на Лихославльское педучилище, где имелось отделение по специализации карельского языка, но в начале 2010-х годов это отделение было ликвидировано.

Автономия тверских карел уделяла большое внимание сохранению культуры. На базе детских школ искусств были созданы два ансамбля кантелистов в Лихославле и Спирове. В апреле 2002 года в Рамешках состоялся первый областной фестиваль детского карельского творчества. «Наследники Калевалы», посвященный 200-летию со дня рождения составителя карело-финского эпоса Элиаса Леннрота. Тверские карелы к 2000 году провели пять фестивалей народного творчества, являлись участниками всех областных фестивалей национальных культур.

Большим событием для тверских карел стал X Международный фестиваль финно-угорских народов, который прошел 18–20 сентября 2003 года в Твери, Лихославльском, Максатихинском, Рамешковском и Спировском районах.

С сентября 1996 года стала регулярно выходить газета «KarielanSana», редактором сначала была А.А. Зайцева, после нее – Л.Г. Громова. Ежемесячно выходила радиопередача областного радио «Тверская Карелия».

Развивались и крепились отношения с родственными финно-угорскими народами. Тверская областная библиотека им. А.М. Горького имеет страничку в Интернете о тверских карелах, многие узнавали о них, писали в автономии письма, интересовались жизнью тверских карел.

В Финляндии было создано Общество друзей тверских карел, 16 ноября 2003 года оно отметило свое десятилетие. Председателем общества был избран известный финский журналист Эрки Хатакка, отделения общества имелись в десяти городах Финляндии. Благодаря организационной работе общества, финский режиссер Арво Архлоос

снял трехчасовой фильм о тверских карелах, который неоднократно показывали по финскому телевидению. Представитель общества профессор из города Йоенсуу Матти Йесконен был организатором неоднократных поездок финнов в Тверскую Карелию, которую он сам очень хорошо изучил.

Председатель отделения общества из города Котка Элла Карьялайнен вместе с руководителем центра обучения взрослого населения Хельсинского университета Самули Койвула провела большую работу по реализации программы «Будущее тверского села».

Общество друзей тверских карел помогло издать «Букварь», «Словарь», книгу для чтения «Родное слово» на карельском языке, выделяло стипендии для студентов, изучающих карельский язык.

Автономия тверских карел активно сотрудничала с Республикой Карелия. Республиканское телевидение в 2002 году сняло документальный фильм о держинских карелах Зубцовского района, в 2004 году – о карелах Лихославльского и Спировского районов.

В 2002 году в Петрозаводске вышла книга А.В. Пунжиной «Слушаю карельский говор» об образцах речи держинских и валдайских карел – умирающие говоры определенной группы карел.

Молодежное отделение автономии тверских карел входит в Международную организацию финно-угорских народов (МАФУН). Нашу молодежь в МАФУН первоначально представляли Боголюбова Юлия и Комина Татьяна.

Живя бок о бок с русским народом, тверские карелы впитывали в себя русскую культуру. Сейчас тверские карелы дают возможность всем, кто живет рядом с ними, познакомиться с карельской культурой, историей, традициями.

Тверские карелы в условиях двуязычия

Развитие языка тверских карел тесно связано с русским языком. Карелы, не имевшие своей письменности, постепенно начинали обучаться русскому языку. Обучение шло трудно с помощью священников, знавших карельский язык, с помощью старших учащихся, выступавших в качестве переводчиков. В конце XIX века и начале XX века начали интенсивно открываться русские школы в местах компактного

проживания тверских карел, в их волостях и приходах. Открывались как земские четырехлетние школы, так и церковно-приходские двухлетние школы.

В карельских погостах Бежецкого уезда к 1915 году были открыты 23 церковно-приходских и 97 земских школ, в которых обучались 6804 ученика-карела.

Наибольшее количество школ было тогда открыто в погосте Буйлово – 9, в них обучалось 525 учеников, погост Диево – 6 и 290 учеников, селе Толмачи – 8 и 594 ученика, село Никольское-Тучевское – 5 и 320 учеников, погост Михайловский-Прудовский – 8 школ, где обучался 461 ученик, селе Сельцы 8 и 400 учеников.

В Бежецком уезде карелы также обучались в трех государственных министерских школах села Микшино, погоста Михайловское-Прудовское и села Сельцы.

К 1915 году карельское население Весьегонского уезда обучалось в 9 церковно-приходских и 33 земских школах. В них было 2017 учеников карел. Кроме того, была одна государственная министерская школа в селе Чамерово. Больше всего карельских школ было открыто в селе Кесьма – 4, где обучалось 160 учеников, селе Мартыново – 4 и 165 учеников, селе Романовское 5 и 166 учеников.

В Вышневолоцком уезде к 1915 году карелы обучались в 14 церковно-приходских и 28 земских школах, число учеников было 2733.

Больше всего школ было открыто в селе Заборовье – 7, где обучались 409 учеников, селе Козлово – 8 и 538 учеников, селе Осечно – 5 и 255 учеников.

Кроме того, карелы обучались в двух государственных министерских школах села Козлово и села Олехново.

В Новоторжском уезде 2233 ученика-карела обучались в 5 церковно-приходских и 20 земских школах.

Кроме них была одна государственная министерская школа в селе Михайлова Гора и одна железнодорожная школа на станции Осташково (теперь город Лихославль).

Наибольшее число школ было открыто в селе Плоское – 3, где обучалось 432 ученика, селе Михайлова Гора – 4 и 369 учеников, селе Кава 5 и 299 учеников, в поселке Осташково (Лихославле) 3 и 262 ученика.

Русские школы для учеников-карел также были открыты к 1915 году в селе Ивановское-Новосельцево Зубцовского уезда – одна церковно-приходская и две земские, учились в них 150 учеников.

В погосте Прилуки Кашинского уезда одна церковно-приходская и одна земская, учились 112 учеников.

В селе Пухтина Гора Осташковского уезда были открыты две земские школы, где обучались 110 учеников-карел. Таким образом, в 1915 году в карельских волостях Тверской губернии действовали: 57 церковно-приходских школы, 183 земских школы и 7 государственных министерских школ. Во всех видах школ тогда обучались 14 159 учеников-карел.

Окончив русскую школу, разговаривая дома по-карельски, многие карелы успешно усвоили два языка – карельский и русский.

Советская власть, проводя в жизнь свою национальную политику, в 30-е годы XX века разрешила обучение карел на родном карельском языке, создав необходимые условия: были выпущены книги и методические пособия, подготовлены кадры учителей карельского языка. Тогда были оставлены все земские школы, в которых обучались карелы. В период с 1 сентября 1932 года по май 1938 года карельский язык преподавался в 181 школе на территории 12 районов области.

Например, в 1935–1936 учебном году в них обучались 13 914 учеников – карел. Число школ и учеников, изучающих как русский, так и карельский языки в этот период, почти равняется числу учеников-карел в 1915 году. Церковно-приходские школы советская власть, борющаяся с религией, закрыла.

После 1938 года в связи с переходом карельского языка с латиницы на кириллицу, а фактически его ликвидацией, дети из карельских семей продолжали учиться только русскому языку.

После повышения самосознания тверских карел в конце XX века, создания им некоторых условий для обучения карельскому языку, преподавать его стали в 11 школах, что в 16 раз меньше, чем было в 30-е годы. Да и число самих карел уменьшилось также в 10 раз.

Карелы с малых лет бережно относились к русскому языку потому, что он дал возможность карелам узнать историю и культуру своего народа. При отсутствии карельской письменности вплоть до 30-х годов XX века человеческая память могла сохранять малую часть фактов, порою ставших легендами. Не будь русских летописей, переписных книг, заметок и статей священнослужителей, данных переписей, мы никогда не смогли бы собрать по крупницам историю карельского народа и написать о нем книги. Не будь описаний на русском языке карельских домов и деревень, карельской национальной одежды, обычаев, поговорок, пословиц, частушек, мы никогда не узнали бы о карельской культуре.

Одновременно слово к слову, предложение к предложению на основе бытового языка энтузиасты-специалисты к началу XXI века смогли создать карельскую письменность на основе тверского толмачевского говора. И, если у представителей весьегонского говора были и есть сомнения по поводу произношения тех или иных слов, по поводу шипящих и свистящих звуков, ради великого дела – создания письменности они не спорят, не критикуют создаваемый литературный язык, а лишь обогащают его применяемыми в своей местности словами.

Найти бы такое взаимопонимание с карелами Республики Карелия и их тремя диалектами. Они должны признать тот факт, что пока говорили на финском языке, в Тверской Карелии в 1931 году была создана карельская письменность, которая применяется до настоящего времени. Лишь бы было кого обучать карельскому языку.

Проблема языка – это, прежде всего, проблема самого народа. Ситуация в начале XXI века складывалась так, что у молодого поколения не было большого желания изучать родной язык. Не было желания получить подготовку в качестве учителя родного языка. Карелам была предоставлена возможность обучить группу национальных кадров в Тверском государственном университете. Ни одна выпускница из этой группы не пошла работать по специальности. Возникает вопрос: нужны ли усилия и затраты, если полученные по языку знания потом исчезают, так как их носители не работают по специальности? Государство было готово обеспечить обучение родному языку, но готовы ли к этому мы, карелы?

К сожалению, у нас в России в начале XXI века по-прежнему преобладали признаки унитарного государства и великодержавного направления. Эта унитарность и великодержавность приводила к проблемам глобализации. Возникли языки – «убийцы», которые активно поглощают языки малых наций. К ним можно отнести английский, китайский и русский. На русском языке сейчас говорят около 350 млн граждан. Идет постоянная активная экспансия английского языка, распространению которого способствуют как носители русского языка, так и специалисты.

Во-первых, происходит искусственное обеднение русского языка. Имея богатый запас свыше 250 тысяч слов, в начале XXI века его носители использовали не более 2–3 тысяч слов.

Во-вторых, запас русских слов интенсивно пополняется иностранными словами, нецензурными словами и словами из лексики заключенных.

В-третьих, специалисты, руководители школ, местные и областные чиновники активно добивались замены уроков русского языка и литературы на уроки английского, немецкого или французского языка.

Далее, название фирм, рекламные щиты, надписи многие хотели и писали на английском языке. Я побывал во многих странах, но практически нигде не видел вывесок или рекламы на русском языке.

Так что угроза исчезновения карельского языка постепенно переносится и на русский язык.

Основатели Общества культуры тверских карел

Василий Алексеевич Виноградов (1931–1991 гг.)

Василий Алексеевич Виноградов – один из организаторов и первый председатель областного общества тверских карел, доктор исторических наук.

Родился 4 января 1934 года в деревне Колодово Рамешковского района. В четырехлетнем возрасте родителями был перевезен в город Лихославль. Окончил Лихославльскую среднюю школу, педучилище и в 1952 году уехал работать на лесоучасток «Тигровый» Вяземского района Хабаровского края.

Преподавал в школе историю и Конституцию РСФСР, заочно обучался на историческом факультете Хабаровского пединститута.

С 1955 года перешел работать директором школы сельской молодежи, а затем директором семилетней школы села Виноградовка Вяземского района Хабаровского края.

Через пять лет пребывания на Дальнем Востоке, в 1957 году, снова вернулся в город Лихославль. Был на-

значен директором Анцифаровской семилетней школы, а через два года избран первым секретарем Лихославльского райкома комсомола.

Через год, в 1960 году, был переведен на должность секретаря Калининского обкома комсомола по пропаганде и агитации. Затем работал директором средней школы № 28 г. Калинина. В 1968 году перешел в Калининский пединститут на должность ассистента. В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1974 году получил ученое звание и должность доцента кафедры истории СССР.

Через четыре года начал странствовать по Советскому Союзу: 1978–1982 года – работа в Камчатском пединституте, в 1982 году начал работать в Душанбе, в тот же год уехал в Ташкент, с 1982 по 1986 годы работал доцентом Ташкентского государственного университета.

В 1987 году вернулся обратно в город Калинин. В 1990 году защитил докторскую диссертацию, работал доцентом кафедры истории СССР. Осознал себя карелом в 1989 году, опубликовав свою первую статью о тверских карелах в газете «Калининская правда» 2 июля. Затем в журнале «Политическая агитация» опубликовал материалы под названием «Карельский национальный округ». Написал и издал брошюру «Карельское дело». Впервые записал себя карелом 15 февраля 1990 года, до этого во всех документах указывал свою национальность – русским [64].

Василий Алексеевич добился проведения областного совещания по проблемам тверских карел, которое прошло в Калининском облисполкоме в октябре 1989 года.

На ней было решено образовать Общество карельской культуры. Оно было создано через год 29 октября 1990 года, А.А. Виноградов стал его первым председателем на общественных началах.

12 мая 1991 года должен был выехать в Финляндию на переговоры по изданию учебников на карельском языке. Но сделать этого не успел, умер 11 мая 1991 года.

Михаил Михайлович Орлов (1932–1993 г.)

Один из организаторов, заместитель председателя, а затем председатель Общества культуры тверских карел. Автор «Букваря» на карельском языке, поэтического сборника «Откровение», в котором впервые после 50-летнего перерыва на карельском языке написаны

два стихотворения и две песни. Одна из них «Армахазелла» с 1993 года являлась поэтической заставкой передачи областного радио «Тверская Карелия».

М.М. Орлов родился 8 мая 1932 года в селе Козлово Спировского района. В четыре года остался без отца, на руках матери, у которой было пятеро детей и больная свекровь. Окончил Козловскую среднюю школу, Калининское музыкальное училище. После службы в армии окончил сельхозтехникум,

а затем и сельхозинститут. В последние годы работал начальником информационного отдела областного управления сельского хозяйства.

29 октября 1990 года совместно с В.А. Виноградовым создал Общество культуры тверских карел, стал заместителем председателя, 17 апреля 1992 года избран председателем Общества на общественных началах.

Он разработал Устав Общества культуры тверских карел, который был утвержден на учредительной конференции 29 октября 1990 года и зарегистрирован отделом юстиции Тверского облисполкома 15 ноября 1991 года.

Главной задачей Общества являлось сохранение и возрождение тверской ветви карельской народности, развитие карельского языка и культуры. Воспитание уважения карел к истории своего народа и его культурному наследию. Изучение и распространение знаний о прошлом и настоящем карел. М.М. Орлов обратился с письмом к председателю президиума Тверского областного совета народных депутатов М.А. Шестову, где просил на второе полугодие 1991 года выделить Обществу 15–20 тысяч рублей. Деньги необходимы были для издания букваря, словаря, грамматики. Позднее он обращался во многие инстанции и добился финансирования, деньги были выделены на 1993 год. Приложил немало усилий, чтобы общество финансировалось из областного бюджета, которое и началось с 1993 года.

Три млн рублей в том исчислении выделил Государственный комитет РФ по делам федерации и национальностей, три миллиона были выделены из областного бюджета. Чуть более миллиона рублей выделил на 1993 год Лихославльский райисполком, полмиллиона – Максатихинский, 300 тыс. рублей – Рамешковский и 40 тыс. Заволжский райисполком города Твери.

Три миллиона рублей было израсходовано на издание «Словаря карельского языка (тверские говоры)» А.В. Пунжиной. Около двух миллионов потратили на проведение очередного карельского фестиваля, который прошел уже после смерти Михаила Михайловича, остальные деньги пошли на организацию радиопередач, проведения семинаров учителей карельского языка и другие цели.

С 1994 года началось системное финансирование сначала Общества, а затем и Национально-культурной автономии тверских карел из областного бюджета в незначительных размерах 200–250 тысяч рублей в год.

В 1992 году М.М. Орлов возглавил делегацию тверских карел для поездки в город Китее (Финляндия), где состоялась презентация его карельского «Букваря». В составе делегации были В.А. Кричкин, А.Н. Сулов, А.А. Пилюгин.

За короткий срок своей деятельности М.М. Орлов сумел организовать районные отделения Общества в Лихославльском, Максатихинском, Рамешковском, Спиловском районах и городе Твери. В 1992 году приложил много сил по организации I фестиваля карельского творчества тверских карел в городе Лихославле. Завязал тесные отношения с финскими друзьями, прежде всего с академиком Пертти Виртаранта, профессором Вейо Салохеймо и другими. Начал активно работать над программой возрождения культуры тверских карел в надежде на федеральную программу поддержки финно-угорских народов, которая была разработана, но так и умерла без реализации.

До своей смерти успел подготовить статью «Карелы Тверской губернии» в международный сборник «Прибалтийско-финские народы», изданный в Финляндии в 1995 году.

27 февраля 1993 года в Лихославльской районной газете «Наша жизнь» опубликована статья о деятельности М.М. Орлова по созданию им карельского «Букваря» и его презентации в Новостанской средней школе. 8 апреля 1993 года М.М. Орлов умер, не дожив ровно одного месяца до 61 года. Академик Пертти Виртаранта написал статью о нем «Он был подвижником», опубликованную в газете «Тверская жизнь» за 24 июня 1993 года.

Благодарные земляки создали музейный уголок, посвященный М.М. Орлову в библиотеке села Козлово Спиловского района присвоили самой библиотеке имя М.М. Орлова.

Виктор Вячеславович Елкин

Третий председатель Общества культуры тверских карел с мая 1993 года по декабрь 1997 года, председатель областной Национально-культурной автономии тверских карел с декабря 1997 года по февраль 1998 года. До этого – заместитель председателя Общества с октября 1990 года по май 1993 года. С февраля 1998 года – заместитель председателя областной национально-культурной автономии тверских карел. Член Консультативного комитета финно-угорских народов с 2000 года. Делегат II (Будапешт, август 1996 года), III (Хельсинки, декабрь

2000 года), IV (Таллинн, август 2004 года) и V (Ханты-Мансийск, июль 2008 года) Всемирных конгрессов финно-угорских народов, член редакционной комиссии этих конгрессов.

Родился 18 ноября 1946 года в деревне Ветча Новокарельского района (ныне Лихославльский район). Отец работал инструктором райкома партии, мать – в райкоме комсомола.

В 1954 году пошел учиться в первый класс Толмачевской средней школы, где окончил пять классов. В 1959 году семья переехала в город Калинин, где он окончил 7 классов семилетней школы № 23 в 1961 году.

Поступил учиться в Калининский вагоностроительный техникум, окончил его в 1965 году, получив специальность техника-механика по вагоностроению.

После службы в Советской Армии в 1970 году поступил на работу в Калининскую дистанцию пути Октябрьской железной дороги машинистом поливочного поезда. Одновременно учился на вечернем факультете Калининского политехнического института, который окончил в 1976 году по специальности инженер-механик. В августе 1976 года перешел работать старшим инженером-механиком на опытный механический завод. В 1980 году назначен главным инженером, а с 1985 года директор этого завода. В 1986 году был назначен

директором производственного объединения «Калининагропромаш». В 1989 году он избран председателем исполкома Заволжского райсовета народных депутатов, с 1994 года – глава Заволжского района города Твери. В 1997 году с этой должности перешел на работу заместителем центра продажи услуг акционерного общества «Центр Телеком».

В 1996 году заочно окончил экономический факультет Тверского государственного университета.

В 1989 году В.В. Елкин познакомился с доцентом Тверского государственного университета В.А. Виноградовым. В 1990 году вошел в состав комитета Общества культуры тверских карел заместителем председателя.

В мае 1993 года был избран председателем Общества культуры тверских карел, сумел сплотить тверских карел и не допустить раскола. Появилась уверенность карел в том, что они коренной народ и может отстаивать свои интересы. Особенно эта мысль укрепилась после II Всемирного конгресса финно-угорских народов, когда тверские карелы добились права быть полноправным членом Консультативного комитета финно-угорских народов.

В.В. Елкин провел значительную работу по укреплению международных связей тверских карел с Финляндией, где было создано Общество друзей тверских карел, и Республикой Карелия. Имел неоднократные встречи с финскими друзьями П. Виртаранта, В. Салохеймо.

Организовал обучение финскому языку в Лихославльском педучилище, преподаватель М. Йесканен. Организовал съемки сюжета о тверских карелах, который прошел по первому каналу центрального телевидения в программе «Мир». Принял активное участие в распространении среди карел «Словаря карельского языка (тверские говоры)» А.В. Пунжиной.

Определяющей для себя считает встречу с Василием Алексеевичем Виноградовым, которая состоялась в 1989 году. Тот пришел к Елкину, рассказал о планах возобновления письменности и развития культуры тверских карел.

29 октября 1990 года состоялась учредительная конференция по созданию областного Общества культуры тверских карел. В ее работе принимали участие А.А. Пилюгин, А.Н. Суслов, М.М. Орлов, В.А. Виноградов, В.А. Кричкин, В.П. Суворова и другие. На конференции был утвержден председателем Общества В.А. Виноградов, его замес-

тителами М.М. Орлов и В.В. Елкин. В 1990–1993 годы была большая активность по повышению самосознания тверских карел: созданы пять отделений общества – Тверское городское, Лихославльское, Максатихинское, Рамешковское и Спировское.

После смерти М.М. Орлова на комитете в мае 1993 года В.В. Елкина избрали председателем, утверждение на конференции было отложено на апрель 1994 года. В это время активность стали проявлять националистически настроенные люди во главе с В.В. Лебедевым. Они создали и утвердили устав организации «Союз карел».

В своих выступлениях призывали признавать на территории области два народа – карел и русских.

В то время уже началось движения других народов, проживающих на территории Тверской области: азербайджанцев, армян, таджиков, татар, немцев и других.

В те же 1991–1993 годы начала создаваться «Карельская тропа» с центрами в Козлове, Залазине, Трестне и Алешине. Ежегодно стали приезжать по 2–3 группы из Финляндии. Они размещались в этих центрах и деревнях вокруг этих центров. Финны оставались довольны, дружба с ними расширялась. С финнами ездили переводчик З.А. Туричева и члены областного и районных комитетов.

Виктор Вячеславович наладил неплохие связи с Карелией, он часто там бывал, подружился с руководителями администраций Медвежьегорского, Калевальского, Сегежского, Олонецкого районов.

За время его руководства Обществом были организованы пять фестивалей карельского творчества. Особенно запомнились четвертый и пятый фестивали. Четвертый фестиваль прошел на стадионе поселка Рамешки в июне 1995 года, когда был праздник Святой Троицы, народу на фестиваль собралось несколько тысяч человек.

Такой же красивый праздник состоялся в березовой роще на берегу реки Мологи летом 1997 года в Вельегонске.

Виктор Вячеславович успешно решал вопросы обучения выпускников-карел в Петрозаводске, а также стажировки учителей карельского языка в Финляндии.

Он, работая на общественных началах, отдавал много сил, энергии развитию дружбы тверских карел с другими родственными народами.

Зоя Александровна Туричева

Главный специалист по образованию областной Национально-культурной автономии тверских карел с мая 1998 года по 2008 год, автор учебного пособия для чтения на карельском языке «Armas Sana» (Армаш шана – родное слово). В 1993–1994 годах работала ответственным секретарем Общества культуры тверских карел на постоянной основе.

Родилась 27 декабря 1951 года в деревне Пасынки Спировского района. Закончила Козловскую среднюю школу в 1969 году, математический факультет Тверского государственного университета в 1973 году. Три года отработала по направлению учителем математики в Подлубовской средней школе Кармаскалинского района Башкирской АССР. С сентября 1976 года работала в научно-производственном объединении «Центрпрограммсистем» города Калинина. Прошла путь от инженера-программиста до ведущего инженера.

Начало своей активной деятельности в карельском движении относит к 1992 году. Летом того года к ней домой приехал старший брат Василий. Он сказал, что встретился с земляком из села Козлово Орловым Михаилом Михайловичем. Тот рассказал, что создано областное Общество культуры тверских карел. Он ищет человека с хорошим знанием карельского языка. Что он уже написал «Букварь» на карельском языке, поедет в Финляндию, встретится с Пертти Виртаранта, будет договариваться об издании других книг. Туричев Василий ответил, что такого человека он знает, это его сестра Зоя Александровна. Через брата Орлов предложил ей работать в карельском движении на постоянной основе. Зоя Александровна ответила брату, что готова работать. К этому решению ее подвели следующие обстоятельства.

Во-первых, будучи школьницей, она видела Пертти Виртаранта у себя в деревне Пасынки. Он приезжал в 1961–1962 годах вместе с женой Хельми и супругами Макаровыми. Жена Григория Николаевича Макарова Дарья Ивановна была родной сестрой Евдокии Ивановны Ильиной. Их девичья фамилия была Смородовы. Пертти Виртаранта с женой остановились жить тогда они у Ильиных. Пертти Виртаранта

вместе с Макаровым поставили большой магнитофон посреди деревни и записывали образцы карельской речи престарелых людей. Записали бабушку Зои Александровны, которой было около 80 лет, и других карел ее поколения.

Потом Г.Н. Макаров на основе этих записей издал в 1963 году книгу «Образцы карельской речи Калининского (тверского) говора».

П. Виртаранта еще несколько раз приезжал в их деревню, разговаривал с ее родителями.

Выслушав в 1992 году брата Василия, вспомнив П. Виртаранта, Зоя Александровна сразу дала согласие работать с М.М. Орловым.

Во-вторых, работая в организации «Центрпрограммсистем», в 1986–1987 годах она заказала себе русско-финский словарь Елисеевой. Время от времени просматривала его и искала знакомые карельские слова. К концу 1980-х годов в город Калинин вернулся жить младший ее брат Николай. С ним работал Андрей Пентинен, отец которого был партийным работником и известным человеком в Твери. Пентинен был финном и хорошо владел финским языком. Одновременно финка по национальности Райли Ивановна Исупова работала переводчиком финского языка в «Интуристе». Андрей Пентинен сказал, что он хорошо знает Райли, и пообещал поговорить с ней о занятиях финским языком. Это было в 1989 году. Райли организовала занятия по финскому языку и учила ему в течение трех месяцев. В группе было шесть человек: З.А. Туричева, ее братья Николай и Василий, Андрей Пентинен, одна женщина Людмила, сестра которой была замужем за финном. Это было время перестройки и создания кооперативов. Брат Николай пригласил Райли к себе на работу. Она съездила в Финляндию, потом перешла к Николаю, что стало толчком для последующего переезда ее в Финляндию.

Обучение финскому языку было вторым поводом того, что Зоя Александровна согласилась работать с М.М. Орловым.

4 декабря 1992 года состоялась ее встреча с М.М. Орловым в областном Доме народного творчества. Он попросил Зою Александровну сказать несколько фраз по-карельски. Сам заговорил на карельском языке, она ему ответила тоже по-карельски. Орлов сказал, что у нее хорошая карельская речь, надо бы учиться финскому языку. Сказал, что сможет договориться об учебе в Финляндии при условии, что она уйдет с работы, и больше времени будет уделять работе в Обществе культуры тверских карел.

31 января 1993 года на ее имя пришло приглашение для поездки в Финляндию, туда она выехала 9 марта. С 13 марта до 15 мая 1993 года Зоя Александровна обучалась на курсах финского языка. Узнала, что 8 апреля умер М.М. Орлов. Когда вернулась в Тверь, Орлова уже не было в живых. В Финляндии стали думать, кто может стать председателем Общества культуры тверских карел. Примерно 18 мая, в понедельник, было 40 дней со дня смерти М.М. Орлова. В его квартире тогда собрались члены областного комитета Елкин, Медведев, Пилюгин, из областной администрации пришла Валентина Петровна Суворова, которая занималась вопросами культуры и хорошо знала Орлова. Зоя Александровна их никого ранее не знала. Во время разговора она рассказала о себе, об учебе в Финляндии, о беспокойстве финнов, кто дальше продолжит это дело.

В.П. Суворова предложила Туричевой прийти на заседания комитета в администрацию Заволжского района на следующий день, во вторник, к 15 часам дня. На заседание комитета примерно 19 мая собрались Елкин, Пилюгин, Кричкин, Суслов, Медведев, Суворова и другие. Суворова предложила избрать председателем комитета Елкина Виктора Вячеславовича. З.А. Туричеву избрали его заместителем на постоянной основе, а на общественных началах еще двух заместителей – А.Н. Суслова и А.А. Пилюгина.

Конференция утвердила это решение комитета только в апреле 1994 года. А тогда Суворова предложила Туричевой перевод с ее работы на должность ответственного секретаря Общества культуры тверских карел, и находиться в Доме народного творчества. Тогда как раз началась большая работа по составлению федеральной программы поддержки и развития финно-угорских народов России.

Туричева серьезно занималась этой программой по тверским карелам все лето 1993 года, затем отвезла ее заместителю Министра по национальной политике Российской Федерации Шамшурову Валерию Никифоровичу. Это было в сентябре 1993 года, потом эту программу дорабатывали сначала в городе Санкт-Петербурге, в Йошкар-Оле около 5 лет, так и загубили ее.

В начале 1994 года неожиданно для многих активистов карельского движения появился «Союз карел», в их комитет входили тогда Лебедев, Малышев, Зайцева, всего шесть человек. На конференцию Общества культуры тверских карел в апреле 1994 года они пришли со своим зарегистрированным уставом. А.И. Малышев за 10 минут до

начала конференции показал Туричевой устав. Она ответила, что они должны провести свою конференцию «Союза карел», а они здесь не причем. На конференцию тогда приезжали представитель министерства по национальной политике Глотов и председатель комитета по делам национальной Республики Карелии Татьяна Семеновна Клеерова.

На этой конференции в апреле 1994 года председателем Общества культуры тверских карел утвердили В.В. Елкина.

После конференции А.И. Малышев стал ходить по областным инстанциям и заявлять свои финансовые требования в сумме 150 млн рублей (с 1 января 1998 года 150 тыс.). Оказывается в газете «Вече Твери» сообщили о том, что 3 марта 1993 года в областной администрации прошло совещание по разработке программы возрождения национальной культуры тверских карел, на основе федеральной программы. Обществом культуры тверских карел была подана заявка в областную администрацию на выделение 154 миллионов рублей для развития четырех районов области, где компактно проживают карелы. Члены комиссии по разработке программы возрождения национальной карельской культуры, куда вошли представители Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского, Спировского и Заволжского (города Твери) районов, внесли свои предложения в программу.

Большое место в ней занимали подготовка преподавательского состава, издание методик, программ, учебников карельского языка, развития искусства и литературы, строительства бытовых объектов, зон отдыха по туристическим маршрутам тверских карел, восстановления памятников истории, издания книжной продукции на карельском языке. Основные средства, по мнению членов комиссии, должны быть направлены на развитие образования. Высказанные предложения по программе возрождения национальной культуры тверских карел были направлены в Госкомнац России, который в то время уже стал Министерством по делам национальностей.

Члены «Союза карел» были приглашены на заседания комитета Общества культуры тверских карел, им было предложено вести определенные направления работы. Получив конкретные поручения, члены «Союза карел» вообще перестали появляться в комитете Общества и постепенно затихли.

Комитет Общества организовал пять фестивалей карельской культуры. Первый фестиваль провели в 1992 году в Доме культуры города Лихославля. Второй фестиваль прошел в Доме культуры поселка Спи-

рово в октябре 1993 года. Третий фестиваль прошел в Доме культуры поселка Максатиха в 1994 году. Четвертый фестиваль провели на стадионе поселка Рамешки в июне 1995 года во время троицких гуляний, пятый фестиваль прошел летом 1997 года в городе Весъегонске.

Первый семинар учителей карельского языка состоялся 3–4 января 1994 года в Институте усовершенствования учителей. Проводили его доктор филологических наук Петр Мефодьевич Зайков и Светлана Петровна Пасюкова из Карелии. В семинаре участвовали шесть учителей: А.Н. Снеткова, Е.И. Светогорова, Потемкин из Нового Стана, а также учителя из Козлова и Бирючева. Потом стали проводить семинары один раз в год, проводили их в Трестне, Козлове, Залазине, Лихославльском педучилище. Но это было уже позднее после создания автономии.

З.А. Туричева находилась на курсах финского языка в 1994 и 1995 годах. Курсы проходили с 8 июля по 3 августа 1994 года в городе Куопио по приглашению академика Пертти Виртаранта. В тот же год, с 12 сентября по 2 декабря, в городе Йоенсуу прошли курсы учителей карельского языка, их учили финскому языку. Учились четверо: Светогорова, Снеткова, Беляев и Туричева, не смогла выехать Смирнова из Козловской школы. Это были персональные курсы для группы тверских карел. Через год, в 1995 году, с 18 сентября по 2 декабря опять эти четверо поехали на курсы финского языка в город Йоенсуу. Одновременно З.А. Туричева тогда отвезла в Финляндию четверых детей – победителей конкурса. Началось это с того, что в 1994 году в Тверскую Карелию приезжали писатели города Куопио из Союза сельских писателей.

Первого сентября они посетили деревню Алешино и видели праздник знаний. Для них это было удивительно, так как в Финляндии празднуют окончание учебного года, а у нас начало учебного года. После этого посещения писатели объявили конкурс на написание лучшего рассказа на карельском языке.

Победитель конкурса награждался поездкой в Финляндию вместе со своими родителями. Победителя определила комиссия во главе с профессором Матти Йесканеном. Им оказалась восьмиклассница Залазинской неполной средней школы Боголюбова Юлия. На втором месте была Туричева Лена из Твери, на третьем Мохова Света из Алешина.

З.А. Туричева договорилась с секретарем Союза писателей Марьей Похьялайнен о том, чтобы вместо одного победителя с родителями по-

ехали ученики, занявшие второе и третье места. Четвертой еще взяли внучку Ильиных Строганову Иру. Дети вместе с Туричевой приехали в Хельсинки, жили у одной детской писательницы. У них были встречи на телевидении, экскурсии в музеи, встречи в «Союзе Карелии», делегация детей была на приеме у министра образования Финляндии.

Встреча продолжалась 45 минут, дети по-карельски рассказывали о себе, своей деревне, спели песню на карельском языке. Они с министром понимали друг друга. Это событие было волнующее, когда дети из карельской глубинки встречались с министром. Трудно это тогда было представить в России. Поездка наложила на детей большой отпечаток. Юлия Боголюбова окончила университет, у нее не угас интерес к финскому языку. Лена Туричева стала активно заниматься иностранными языками. Мохова Светлана закончила Лихославльское педучилище, к большому горю трагически погибла при дорожном происшествии.

Ира Строгонова испытывает большой интерес к карельскому языку, принимала активное участие во многих мероприятиях, возглавляла молодежное отделение Национально-Культурной автономии тверских карел.

З.А. Туричева осталась без работы в Обществе с января 1995 года по май 1998 года, более трех лет. За этот период жизни дважды выезжала в Финляндию на три месяца каждый раз.

С октября 1995 года секретарем Общества культуры тверских карел на постоянной основе стал А.А. Пилюгин.

Летом 1995 года тверские карелы впервые принимали участие на фестивале культуры в Хельсинки.

Это была первая групповая поездка тверских карел в Финляндию, в группе было 22 человека. З.А. Туричева была организатором этой поездки, расходы на оформление визы и билеты участники поездки взяли на себя, каких-либо денег тогда Общество не имело.

Договорились, что следующую делегацию в 1996 году принимает город Хямеенлинна, это была делегация Спировского района. Поездку организовала ответственный секретарь Общества Зинаида Ивановна Головкина.

В сентябре 1993 года З.А. Туричева посетила город Петрозаводск, встречалась с Т.С. Клееровой, П.М. Зайковым. Разговор шел о создании и издании «Книги для чтения» на карельском языке. Тогда Туричева не имела никаких материалов для книги. Она подготови-

ла материалы за один месяц в июле 1994 года. Осенью того года в Финляндии на компьютере набрала тексты книги. Но издание книги «Родное слово» на карельском языке задержалось на четыре года, она была издана в 1998 году.

«Карельская тропа» была создана в 1992 году. Первую поездку финнов в Тверскую Карелию в конце августа – начале сентября 1992 года организовали М.М. Орлов и А.А. Зайцева. Финны тогда приезжали в Пасынки к Ильиным, отсюда в Козлово.

В 1993 году, когда умер М.М. Орлов, не было ни одной поездки. С 1994 года поездки финнов по «карельской тропе» стали ежегодными, по одной – две делегации в год. В «Карельскую тропу» входили центры: Козлово, Трестна, Алешино, Толмачи, Новый Стан, Залазино, Васильки.

З.А. Туричева, являясь главным специалистом областной автономии тверских карел, провела курсы финского языка для студентов группы специализации Тверского государственного университета. Делегат III (Хельсинки, 2000г.), IV (Таллинн, 2004 г.) и V (Ханты-Мансийск, 2008 г.) Всемирных конгрессов финно-угорских народов.

Анатолий Александрович Пилюгин

Активист карельского движения с 1991 года, заместитель председателя Общества культуры тверских карел с 1992 по 1998 годы. Член исполкома Ассоциации финно-угорских народов с 1995 по 2000 годы, член Консультативного комитета финно-угорских народов с 1997 по 2000 год.

Родился 11 июля 1948 года в деревне Манушкино Рамешковского района. Собрал сведения о своих предках.

Упоминание о деревне Манушкино имеется в списке населенных мест Тверской губернии за 1859 год, где записано: Манушкино, 4 двора, 21 мужского пола и 15 женского пола. Нужно отметить, что по данным за 1873 год в деревне Манушкино Ивановской волости Бежецкого уезда также проживали 36 человека, все карелы.

Дед Анатолия Александровича по отцовской линии Пилюгин Михаил Дмитриевич вместе со своими братьями Николаем и Иваном пришел жить в деревню Манушкино из окрестных деревень села Буйлово.

Все братья сначала жили в этой деревне, затем дед по Столыпинской реформе получил земельный надел недалеко от деревни и переселился с семьей на хутор. В 30-е годы XX века насильно был выселен с этого хутора. До сих пор поле, около 5 гектар, и лес, где был дом и земля деда, местные называют «Пилюгинский хутор». Старший брат деда Николай уехал в город Царицын (теперь Волгоград), работал на сталелитейном заводе.

Младший брат деда Иван работал председателем колхоза деревни Манушкино, похоронен на кладбище у деревни Поречье, его дом в начале XXI века был сохранен.

Бабушка по линии отца Пилюгина (Федотова) Анна Михайловна родом из деревни Красинка. Ее отец Федотов Михаил Федотович родился в 1850 году, прожил около 103 лет и умер в 1953 году дома на печи, похоронен на кладбище у деревни Поречье. Нужно отметить, что в 1873 году в карельской деревне Поречье было 70 жителей, все карелы.

Отец Анатолия Александровича Александр Михайлович Пилюгин прошел всю войну, умер молодым в возрасте 44 года. Мать Пилюгина (Кремнева) Евдокия Михайловна родом из деревни Манушкино, работала сначала счетоводом в колхозе. В 1953 году вместе с мужем и сыном переехала жить в город Калинин. Умерла в Твери 20 сентября 1999 года, перед смертью из-за потери памяти забыла русский язык и могла говорить только по-карельски.

Известны многие другие случаи, когда перед смертью карелы говорили только на родном языке.

А.А. Пилюгин окончил среднюю школу, Калининский политехнический институт. Работал мастером, прорабом, начальником участка, начальником управления, главным специалистом администрации Тверской области.

Оказывал помощь М.М. Орлову в издании карельского «Букваря», участвовал при его презентации в городе Китее (Финляндия). Содействовал изданию книги стихов М.М. Орлова «Откровение» в 1993 году уже после смерти автора. Один из инициаторов создания «Карельской тропы», организовал первые маршруты по ней финских туристов на велосипедах и автобусах. Делегат II Всемирного конгресса финно-угорских народов в Будапеште в августе 1996 года.

Владимир Александрович Кричкин

Активист карельского движения, председатель Рамешковского районного отделения Общества культуры тверских карел с 1990 по 1998 годы, с 1998 по 2012 годы – председатель Рамешковской районной национально-культурной автономии тверских карел. Делегат II (Будапешт, 1996 г.) и IV (Таллинн, 2004 г.) Всемирных конгрессов финно-угорских народов.

Родился в деревне Алешино Рамешковского района 6 сентября 1956 года. В 1974 году окончил Георгиевскую среднюю школу, затем служил три года в Советской Армии.

После армии с 1978 по 1982 год работал водителем, зоотехником, заместителем председателя колхоза «Родина» Рамешковского района. С июня 1982 года – председатель Алешинского сельского совета (сельского округа). Родители – карелы, всю жизнь прожили в деревне Алешино, до войны изучали карельский язык в Алешинской начальной школе. В семье говорили на карельском языке, но после войны в школах преподавали только русский язык.

В 1990 году с Кричкиным встретился М.М. Орлов, рассказал о работе по сохранению карельского языка. Эта работа Владимиру Александровичу понравилась, и он стал активистом карельского движения. Был организатором первой Рамешковской районной учредительной конференции, делегатом первой областной конференции по созданию Общества культуры тверских карел.

Был образован районный комитет из 14 человек, людей с активной жизненной позицией, желающих сохранять и развивать родной язык. В карельских сельских округах созданы музеи быта, в библиотеках подобрана литература о карелах и на карельском языке.

Проводились конкурсы на лучший рисунок о родном крае, на лучшую карельскую сельскую администрацию. Районная газета «Родная Земля» постоянно печатала материалы о жизни, быте, традициях рамешковских карел.

К началу XXI века на территории Рамешковского района было 18 сельских округов, в 7 из них компактно проживают карелы.

Владимир Александрович был одним из инициаторов установления международных связей с Карелией и Финляндией. Летом 1998 года Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Финляндия Маркус Люра посетил деревни Залесье и Алешино. Во время беседы были затронуты вопросы развития туризма и карельских сел. В.А. Кричкин поддержал и был активным участником российско-финского проекта «Будущее тверского села».

В.А. Кричкин с момента образования с 1989 по 2012 годы являлся членом областного комитета сначала Общества, затем Национально-культурной автономии тверских карел. За активную общественную работу в национальной политике в 1998 году был награжден грамотой Губернатора Тверской области.

Он знает многое, чтобы поднять самосознание карел, добивался более интенсивного изучения карельского языка в карельских сельских округах и поселке Рамешки. Являлся одним из инициаторов по включению программы «Будущее тверского села» отдельной строкой в бюджет области.

Рамешковское районное отделение Общества культуры тверских карел было создано в 1991 году. Активистами были главы сельских округов: Лазарева Антонина Васильевна, Рассадова Лидия Александровна, Соколова Валентина Алексеевна, организаторы художественной самодеятельности Берегова Елена Ивановна и Попкова Зоя Николаевна. Все поступавшие карельские газеты и литература распространялись в школы и библиотеки через журналиста районной газеты «Родная земля» Куллину Нину Алексеевну.

Были созданы три центра «карельской тропы» в Алешине, Высоком и Никольском, куда охотно и с желанием приезжали финны.

В.А. Кричкин сам неоднократно бывал в Финляндии. Первый раз он ездил в Лаппеенранта и Хельсинки в феврале 1992 года вместе с М.М. Орловым, А.А. Пилюгиным и А.Н. Сусловым. Там познакомился с учеными Матти Йёсканеном и Вейо Салохеймо, посетили дом «Союза Карелия». Вторая его поездка также состоялась в 1992 году на съезд карел Финляндии, который проходил в городе Тампере. В ноябре того же года В.А. Кричкин вместе с М.М. Орловым ездил в центр обучения взрослого населения города Йоенсуу, где проходила презентация карельского «Букваря».

Большая делегация тверских карел около 20 человек принимала участие в карельском фестивале летом 1995 года. Фестиваль прошел во

дворце спорта города Хельсинки, финны очень тепло приветствовали делегацию тверских карел.

В начале XXI века на территории Рамешковского района карельский язык преподавался в Алешинской и Высоковской школах, шла работа по его изучению в средней школе поселка Рамешки. Районная автономия работала над созданием музея карельского быта при районной библиотеке в Рамешках.

В 2004 году в селе Высоком был проведен «круглый стол» на карельском языке, в работе которого приняли участие около 50 представителей из 8 сельских округов.

В.А. Кричкин всегда считал, что основными задачами областной и районных автономий являются включение в школьный компонент карельского языка, а также создания «карельских сельских поселений» в связи с претворением в жизнь Федерального закона о местном самоуправлении. На территории Рамешковского района могли быть два таких поселения – Алешинский, где в начале этого века около 1000 жителей и Никольский, где около 400 жителей. Больше надо привлекать к карельскому движению молодежь.

Иван Иванович Чуркин

Учитель карельского языка Алешинской средней школы Рамешковского района.

Родился 29 августа 1947 года в деревне Алешино Рамешковского района, в 1964 году окончил Георгиевскую среднюю школу. В тот же год поступил на физико-математический факультет Калининского пединститута, который окончил в 1968 году. Стал работать учителем математики, с 1971 года работал в родной школе, которая в 1985 году была переименована в Алешинскую в связи с переездом в новое здание. Семь лет был организатором внеклассной и внешкольной работы, затем пятнадцать лет – директором школы. Жена и две дочери тоже работали учителями.

От бабушки, родителей и знакомых был слышан об обычаях, традициях карел, о Карельском национальном округе с центром в городе Лихославле. Иван Иванович хорошо знал карельский язык. Был делегатом первой районной учредительной конференции «Возрождение культуры тверских карел» в 1990 году, потом первой областной конферен-

ции по созданию Общества культуры тверских карел. После этого стал собирать материалы о карелах на территории Алешинского сельского округа. Организовал в школе кружок по изучению карельского языка. В условиях вымирания деревень жителей-карел становится все меньше и меньше. Одной из важнейших задач для национально-культурной автономии, по его мнению, остается сохранение карельского языка.

Анатолий Николаевич Разумов

Председатель Лихославльского районного отделения Общества культуры тверских карел с 1991 по 1997 годы, председатель районной национально-культурной автономии с 1998 года по 2005 год.

Родился 16 декабря 1948 года в деревне Старчиха Лихославльского района. Окончил среднюю школу № 1 города Лихославля, сразу начал трудовую деятельность в своей школе старшим пионервожатым, затем учителем физкультуры.

С 1967 года по 1972 год обучался на факультете физического воспитания Калининского пединститута. После его окончания и службы в Советской Армии работал учителем физкультуры в своей школе с 1973 по 1976 годы.

С 1976 года был на партийной работе, три года инструктором отдела пропаганды и агитации и 10 лет – заведующий общим отделом Лихославльского райкома партии.

С 1989 по 1991 годы – заведующий орготделом Лихославльского райисполкома, с 1991 по 2005 годы – заместитель главы администрации Лихославльского района.

А.Н. Разумов, являясь председателем районного отделения Общества, а затем национально-культурной автономии тверских карел много сил и энергии отдавал поддержке карельского языка и культуры. В семи сельских округах района тогда преподавался карельский язык на уровне факультатива или кружка. В районе были созданы условия для развития культуры карел, их творческих коллективов, в том числе и детских.

В течение пяти лет проходил детский фестиваль карельского творчества, который завершился финалом в селе Стан. Приняли участие 120 детей из 8 сельских округов: села Залазино, Анцифарово, Стан, Толмачи, деревень Назарово, Гнездово.

В Лихославльской детской школе искусств был создан ансамбль кантелистов, принявший участие в IX Международном фестивале финно-угорских народов, гор. Петрозаводска, 2003 год. Для карельских коллективов художественной самодеятельности сшиты костюмы, закуплены музыкальные инструменты.

Была разработана районная программа «Карельская тропа». Люди знали о деятельности Лихославльской районной национально-культурной автономии тверских карел. Они обращались туда по вопросам возрождения церквей, карельской живописи в них, приобретения «Словарей карельского языка» и другой литературы о карелах, сохранения и развития ремесел.

А.Н. Разумов был делегатом II Всемирного конгресса финно-угорских народов в Будапеште в августе 1996 года.

Готовил к изданию том энциклопедии «Тверская деревня» по Лихославльскому району.

Создание национально-культурной автономии тверских карел

Идея создания национально-культурной автономии тверских карел впервые прозвучала в моем выступлении 17 августа 1996 года на пленарном заседании II Всемирного Конгресса финно-угорских народов в Будапеште. Я говорил о том, что разрабатываем Устав национально-культурной автономии тверских карел. Хотим, чтобы при автономии или администрации области работали два человека. Один из них специалист по образованию тверских карел, а второй – специалист по карельской культуре. Эти служащие должны работать на постоянной ставке за счет государственного бюджета.

Хотелось бы, чтобы в каждом районе области, где проживают карелы, было по два таких служащих, итого десять человек в пяти районах: Весьегонском, Лихославльском, Максатихинском, Рамешковском и Спировском.

Их задачей должна стать организация школьного преподавания на карельском языке и организация работы учреждений культуры. Методической задачей станет издание учебников, методических пособий, подготовка специалистов, выпуск газет и других учебных материалов [65].

О возможности создания национально-культурных автономий говорил на Конгрессе председатель комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Владимир Юрьевич Зорин. Он сказал, что серьезным шагом для защиты прав наций является принятый закон «О национально-культурной автономии».

Закон появился всего за три недели до конгресса. В нем были определены права коллективов, объединенных по национальному признаку. Но речь не идет о ликвидации, допустим, Ханты-Мансийского автономного округа. О его ликвидации не думали ни Государственная Дума, ни правительство, ни президент. Согласно действующей конституции нельзя ликвидировать автономный округ как субъект федерации [66].

К сожалению, это заявление будущего министра по делам национальностей России властные структуры опровергли своими действиями. В 2003 году Коми-Пермяцкий автономный округ был соединен с Пермской областью. Хотя в этом единственном округе титульное население составляло большинство. Позднее шла речь о соединении Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов с Тюменской областью.

Депутат Государственного Собрания Венгерской Республики Йозеф Геци в своем выступлении говорил о правильном усвоении слова «автономия». Западная Европа, как и русские, тоже не любит слова «автономия». Но для русских, как и малых финно-угорских народов, применение автономии представляет насущный интерес, так как 25 млн русских живет за пределами своей страны как национальные меньшинства.

В культурных и экономических делах русские и финно-угры действуют сообща, следовательно, речь не идет об обособленных отношениях. Но без конкретных социальных, культурных и экономических программ значительная часть меньшинств исчезнет из числа народов мира [67].

На III Всемирном конгрессе в Хельсинки (декабрь 2000 года) от имени тверских карел я отчитался, что было сделано за четыре года. Была создана Тверская региональная национально-культурная автономия тверских карел и семь районных автономий. Все они строили работу в соответствии с законом Российской Федерации «О национально-культурной автономии». Карельский язык преподавали в

школах, Лихославльском педучилище, издавались учебники, выходила газета, радио- и телепередачи на карельском языке.

В феврале 2001 года было 70-летие карельской письменности, которая родилась на тверской земле.

Хотелось бы, чтобы все карелы на земле имели одну письменность, иначе, пока мы спорим о диалектах, шипящих и свистящих звуках, может не остаться ни одного карела. Об этом свидетельствуют данные официальных переписей [68].

Министр по делам Федерации, национальной и миграционной политике Российской Федерации А.В. Блохин на этом Конгрессе говорил, что принятие в 1996 году закона «О национально-культурной автономии» было значительным шагом в законодательном обеспечении прав всех народов, национальных групп на сохранение своей национальной самобытности [69].

Однако нельзя рассматривать будущее тверских карел отдельно от общих тенденций развития малых народов в условиях глобализации, а также особенности Российской Федерации.

На этих проблемах подробно остановился на IV Всемирном конгрессе в Таллинне венгерский профессор Янош Пустаи. Он говорил, что глобализация в мировом масштабе касается всех не англоязычных народов. Под это понятие попадает и венгерский народ, насчитывающий около 15 млн человек.

Но глобализация может быть и местного масштаба, это наблюдается в России по отношению к финно-угорским народам. По данным ЮНЕСКО, ближайшие 50–100 лет переживут лишь около 15–20% языков коренных жителей. При структурном преобразовании России по сокращению субъектов Федерации с 89 до 28, о чем часто говорят политики, растворяться многие финно-угорские народы в русскоязычной среде [70].

При этом не учитываются национальные особенности региона. Например, более логично было объединение Коми-Пермяцкого автономного округа с Республикой Коми.

Этнические проблемы Россия желает разрешить путем перехода от национально-территориальной системы к национально-культурной автономии.

За 13 лет между переписями населения 1989 и 2002 годов значительное сокращение вепсов на 33% и карел на 26% при среднем сокращении финно-угорских народов России на 13,7%.

Одновременно произошло увеличение численности тех народов, которые по законам Российской Федерации имеют экономические преимущества и льготы, как народы Севера: манси на 50%, ханты на 32%, ненцы на 21%, селькупы и Кольские саамы на 11%.

При такой динамике к 2093 году останется всего около 12 тысяч карел, из них тверских карел – около 2 тысяч человек [71].

Из нынешней ситуации можно выйти при условии государственной поддержки языков меньшинств России и одновременно при выходе народа из депрессивного саморазрушающего состояния и создании здорового интереса к сохранению и развитию языка и культуры. Финно-угорские языки могут гордиться тем, что проживая на территории нынешней России на протяжении 10–20 тысяч лет, они дали названия рекам и озерам, которые сохранились до сих пор.

Вымирание народа чаще всего происходит в результате его ассимиляции, незаметного перехода к использованию чужого языка, чужой культуры. Этот переход вызван экономическими, политическими и образовательными причинами в условиях, когда народ на своей исконной территории утрачивает контроль над собственным укладом жизни.

В этой книге привожу некоторую информацию об организаторах и активистах областной Национально-культурной автономии тверских карел, написанную по воспоминаниям самих активистов карельского движения.

Зинаида Ивановна Головкина

Председатель областной национально-культурной автономии тверских карел с февраля 1998 года по апрель 2009 года на постоянной основе. В период с марта 1996 года по февраль 1998 года была ответственным секретарем Общества культуры тверских карел.

Участница III (Хельсинки, декабрь 2000 года) и IV (г. Таллинн, август 2004 года) Всемирных конгрессов финно-угорских народов.

Родилась 28 августа 1946 года в деревне Горбовец Сонковского района Калининской области в карельской семье.

Окончила Карело-Кошевскую семилетнюю школу, 11 классов Сонковской средней школы, Калининский педагогический институт в 1971 году.

Более 28 лет отработала в системе народного образования: учительницей русского языка и литературы, директором Карело-Кошевской школы, методистом Сонковского РОНО, учительницей начальных классов в железнодорожной школе № 9 станции Сонково и средней школе № 1 города Конаково.

К активной работе по возрождению карельского языка и культуры приступила после переезда на жительство в город Тверь.

С марта 1996 года начала работать руководителем секции национальных культур Тверского областного Дома народного творчества, одновременно – ответственным секретарем Общества культуры тверских карел на общественных началах.

Начало было трудным, так как не было людей, которые начинали это движение: М.М. Орлова, З.А. Туричевой, не было плана работы на год и перспективу. Никто ничего не объяснил, что и как надо делать. Председатель Общества В.В. Елкин был главой администрации Заволжского района, дел у него было предостаточно и без общественной работы. Зинаида Ивановна начала знакомиться с новой работой, к ней стали приходить люди, познакомилась с А.А. Зайцевой, что-то сказал о работе А.А. Пилюгин.

Познакомилась с документами, которые сохранились в Обществе. В марте 1996 года состоялось очередное заседание комитета, Зинаида Ивановна предложила составить план работы на год и на перспективу. В апреле 1996 года состоялась IV конференция Областного Общества культуры тверских карел, проходила в Доме культуры общества слепых.

Продолжали создавать отделения Общества, в апреле 1996 года создали отделение в Весьегонском районе.

Сразу после этого Зинаида Ивановна начала подготовку поездки делегации тверских карел в Финляндию, которая состоялась в июне 1996года. Она возглавила эту делегацию на праздник в город Хяменлинна. В нее входили детские коллективы из Залазина Лихославльского района и Ососье Спировского района. Во время этой поездки Зинаиде Ивановне посчастливилось встретиться и познакомиться с академиком Пертти Виртаранта. Также состоялись встречи с членами Общества друзей тверских карел Эркки Хатакка и Элиной Хатакка,

Тайто Салми, секретарем Общества Пирьей Уйно, они провели заседания своего комитета.

Она тогда узнала, что в Финляндии есть Общество друзей тверских карел, главный его организатор академик Пертти Виртаранта. Он очень хорошо говорил на карельском языке, они общались во время встреч с Зинаидой Ивановной. Он подарил ей книгу «Прибалтийско-финские народы» с дарственной надписью.

В августе 1996 года в Венгрии состоялся II Всемирный Конгресс финно-угорских народов, на котором впервые была делегация тверских карел из 10 человек. Там тверские карелы были признаны полноправным финно-угорским народом. Во время конгресса была достигнута договоренность о проведении дней тверских карел в Российском культурном центре в Будапеште.

Эта поездка состоялась в октябре 1996 года. В Будапешт тогда ездили дети из Ососья, коллектив Лихославльского педучилища, исполнители карельских песен Анастасия Петровна Матвеева из Конакова и Седов Александр из Ключевой Максатихинского района, художник Владимир Кремлев, А.И. Кондрашов из Вельского.

В Российском культурном центре была открыта выставка рисунков В. Кремлева, провели «круглый стол», на котором члены делегации рассказали об истории и жизни тверских карел. Докладчиками на «круглом столе» были А.И. Кондрашов и директор Лихославльского педучилища А.М. Копалиани. Сведения по истории тогда были скудными, так как архивными материалами еще не занимались.

Летом 1996 года вышел закон «О национально-культурной автономии». Обсудив этот закон на заседании комитета, решили создать областную национально-культурную автономию тверских карел. 19 декабря 1996 года в доме культуры города Лихославля состоялась организационная конференция по созданию национально-культурной автономии. На конференцию съехались делегаты из г. Твери, Вельского, Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского и Спировского районов.

Прибыли разработчик этого закона А.В. Поздняков, заведующим отделом финно-угорских народов Министерства по делам национальностей В.Д. Шуверова, профессор из Финляндии Матти Йесконен. Было принято решение о создании автономии. Случилось так, что тверские карелы стали первыми в России по созданию автономии. Не было ни опыта, ни практики по реализации принятого Закона ни у кого. Было

много вопросов у юристов к проекту устава, надо отдать должное управлению юстиции в целом и его специалисту А.А. Маклаковой.

З.И. Головкина вместе с ней работали над уставом первую половину 1997 года, проводили консультации с разработчиками закона А.В. Поздняковым, который в то время работал в Правительстве РФ и З.Ю. Цыреновой из Министерства по делам национальностей, с юристами.

Летом 1997 года были зарегистрированы уставы районных национально-культурных автономий Весьегонского, Зубцовского, Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского, Спировского районов и города Твери. К тому времени в январе 1997 года успели создать районное отделение Общества культуры тверских карел в Зубцовском районе. Это несколько другая ветвь тверских карел – «держинские карелы». Председателем отделения стала глава Новского сельского округа Гормакова Екатерина Дмитриевна.

В марте 1997 года Зинаида Ивановна выезжала в Финляндию, где встречалась с П. Виртаранта, руководством Общества друзей тверских карел, с заместителем министра образования, руководством «Союза Карелия». Речь шла об обучении карельскому языку в Тверской Карелии, выпуске книги З.А. Туричевой «Армаш шана», создании фильма о тверских карелах. Участвовала в заседании комитета Общества друзей тверских карел.

После создания летом 1997 года районных автономий по закону необходимо было выдержать не менее 3 месяцев, чтобы им объединиться в областную автономию.

Первого декабря 1997 года был зарегистрирован Устав Тверской областной национально-культурной автономии тверских карел, где были обозначены основные цели и задачи. Стали думать, как их решить в условиях, когда не было специалистов, учебников, кроме «Букваря», методических пособий. Обратились за помощью к специалисту по карельскому языку А.В. Пунжиной из Петрозаводска, через нее вышли на других специалистов.

К тому времени учителя-энтузиасты уже преподавали карельский язык в школах сел Козлово, Трестна, Залазино. Специалисты из Карелии провели несколько семинаров с учителями из карельских сел.

Летом 1997 года был проведен очередной V фестиваль карельской культуры в городе Весьегонске. Зинаида Ивановна готовила этот фестиваль вместе с Домом народного творчества. В фестиваль приняли участие представители всех карельских районов: Весьегонского,

Зубцовского, Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского и Спировского, а также гости из Петрозаводска – хор «Ома пайя». Фестиваль проходил в очень красивом месте – березовой роще на берегу реки Мологи. Открыл фестиваль главный герой карело-финского эпоса «Калевала» Вяйнемейнен.

Этот фестиваль на некоторое время стал последним фестивалем карельской культуры, позднее стали проводить фестивали национальных культур. Первый фестиваль национальных культур прошел в мае 1998 года в городе Лихославле. Второй фестиваль состоялся летом 2000 года в Твери, а третий – в 2002 году на территории Кимрского района. После этого вновь стали проводить фестивали карельской культуры, так как от общих областных фестивалей национальных культур отказались.

Областной комитет национально-культурной автономии под руководством З.И. Головкиной разработал программу развития до 2005 года включительно. Программа состояла из трех основных разделов: развития культуры, образования и средств массовой информации. На выполнение этой программы из областного бюджета ежегодно выделялось по 200–250 тысяч рублей.

Была надежда на федеральную программу развития финно-угорских народов России, которая разрабатывалась, дорабатывалась и перерабатывалась в период с 1994 по 2000 годы. Но она так и не была принята правительством Российской Федерации.

Поняв, что надо рассчитывать только на свои силы, стали больше внимания уделять развитию языка. Появились специалисты З.А. Туричева, Л.Г. Громова, учителя в школах, прошедшие обучение в Финляндии и на семинарах. Была первичная литература для обучения карельскому языку: «Букварь» М.М. Орлова, «Словарь карельского языка» А.В. Пунжиной, книга для чтения «Армаш шана» З.А. Туричевой, «Пора слушать и говорить по-карельски» Л.Г. Громовой, карельская газета «Кариелан шана».

Карельский язык в школах изучали 2–3 года, этого было недостаточно. К тому же он изучается только на факультативах один час в неделю. В некоторых школах карельский язык был включен в школьный компонент. Также он изучался в Лихославльском педучилище, в 2005 году состоялся второй выпуск учителей с правом преподавания карельского языка. На открытых уроках, на семинарах было видно, что карельские дети относились к его изучению с большим желанием.

Если они дома говорили по-карельски, то успевали усвоить язык. Когда в 1999 году в Тверском государственном университете открыли группу специализации, студенты были уже подготовлены к изучению карельского языка. Но, к сожалению, первые специалисты, окончившие как Лихославльское педучилище, так и группу специализации ТвГУ, в школах не стали работать из-за низкой заработной платы.

За годы работы автономии были изданы книги по истории «Прошедшие через века» (1998 г.), «Рождение карельской письменности» (2000 г.), «Жернова. Книга памяти тверских карел» (2000 г.), «История Тверской Карелии», в двух изданиях 1999 и 2001 годов. В 1998 году был издан сборник стихов карельского поэта С.В. Тарасова «Ома ранда», готовился выпуск второго сборника стихов карельских поэтов. Вышла книга воспоминаний жителя с. Новый Стан Н.М. Балакирева на карельском языке, готовился репертуарный сборник самодеятельных карельских фольклорных коллективов области. Твердо стояли коллективы «Виржи», «Марьязет» из Лихославля, «Карьялан койвуне» из Твери. Они выступали на международных фестивалях в Венгрии, Финляндии, Карелии. Ими руководили специалисты Людмила Павловна и Руслан Викторович Горцевы.

Юбилейный X Международный фестиваль финно-угорских народов состоялся в городе Твери в сентябре 2003 года. З.И. Головкина как председатель автономии вместе с Домом народного творчества, Комитетом по делам культуры администрации Тверской области, администрациями карельских районов была одним из организаторов этого фестиваля.

Фестиваль открылся 18 сентября 2003 года в театре юного зрителя. Участников и гостей фестиваля приветствовали песнями на родных языках русский, карельский и эстонский ансамбли из Твери. Затем было выступление официальных лиц и тверских коллективов художественной самодеятельности.

На сцену приглашались прибывшие в Тверь коллективы из Финляндии, Эстонии, Карелии, Мордовии. Марий-Эл, Удмуртии, Коми, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского автономного округа, города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Каждый коллектив встречали с хлебом-солью, они выступали по одному-два номера и уходили со сцены. Зрители аплодисментами и овациями провожали со сцены каждый коллектив. Одна участница фестиваля из Эстонии приехала с семимесячной дочерью, которая на руках матери в такт му-

зыки народа сету била ножкой по животу матери. На заключительном вечере Зинаида Ивановна вручила им памятный подарок.

На второй день 19 сентября коллективы разъехались в Лихославльский, Максатихинский, Рамешковский и Спировский районы. Они там выступили с концертами в сельских округах и районных центрах. В фестивале принимали участие 18 коллективов, в том числе пять из Тверской области и 13 коллективов из 11 регионов России и стран дальнего зарубежья.

20 сентября состоялся большой гала-концерт, завершившийся совместной песней всех участников с новыми словами и известной музыкой: «До свидания, до свидания, до свидания фестиваль!»

Фестиваль показал дружбу народов, сохранение национальных языков и культур.

В 1999 году было решено создать детские ансамбли кантелистов в Спирове и Лихославле. Был приглашен специалист по кантеле из Петрозаводска Владлен Федорович Тропин. Он приезжал в Спирово и Лихославль со своим учеником, они обучали игре на кантеле преподавателей. Затем областной Национально-культурной автономией были закуплены кантеле для учащихся этих школ.

В 2003 году заведующий отделом культуры Спировского района Борис Ахмеджанович Мансуров выиграл грант Президента Российской Федерации на развитие культуры тверских карел в сумме 150 тысяч рублей. Эти деньги направлены на приобретение более сложных инструментов – кантеле, на изготовление карельских национальных костюмов и издание карельского фольклорного сборника.

С самого начала карельского движения 1991 года регулярно один раз в месяц проходила радиопередача «Тверская Карелия». Сначала ее вел радиожурналист С.В. Анохин, с 1998 года вел Георгий Валерьянович Орлов. Он очень умело и интересно строил свои передачи, записывать которые ежемесячно выезжал в районы с председателем автономии З.И. Головкиной. В радиопередачах рассказывали об обучении карельскому языку, национальных ансамблях, традициях, об интересных людях, о карело-финском эпосе «Калевале».

Чтобы информировать население о жизни Общества культуры тверских карел летом 1996 года Зинаида Ивановна провела значительную организационную работу по выпуску газеты «Кариелан шана». Она стала выходить с сентября 1996 года, первым редактором стала Антонина Анатольевна Зайцева. Она практически одна на общественных началах

выпускала газету в течение полутора лет. Потом в Твери появилась Л.Г. Громова, филолог по образованию, прекрасно знающая карельский язык. Она стала обучаться и финскому языку, начала принимать участие в выпуске карельской газеты, а потом стала ее редактором. Газета стала заметно лучше по оформлению и содержанию. Издавалась она уже профессионально на базе газеты «Вече Твери». Выходила полностью на карельском языке и являлась хорошим пособием для обучения языку.

В феврале 1998 года на первом заседании вновь избранного комитета областной автономии было решено, что два человека – председатель автономии и специалист по образованию будут работать на постоянной оплачиваемой работе. С этого времени З.И. Головкина перешла с должности заведующей сектором национальных культур Дома народного творчества на постоянную работу председателя областной Национально-культурной автономии, который переизбирался тогда один раз в три года. На эту должность Зинаиду Ивановну переизбирали на областных конференциях в апреле 2001 года, в ноябре 2003 года и в 2006 году.

Специалистом по карельскому образованию с мая 1998 года работала З.А. Туричева. В областной комитет автономии кроме них двоих входили представители всех районных автономий, члены Консультативного комитета финно-угорских народов.

В 2001 году были созданы районные отделения областной автономии в деревне Бережки Сонковского района и Карельском Городке Молоковского района. К 2005 году в областную автономию входили восемь районных автономий: Вельегонского, Зубцовского, Лихославльского, Максатихинского, Молоковского, Сонковского, Спировского, Рамешковского районов и автономия города Твери. Карелы компактно проживали еще в Вышневолоцком, Лесном и Сандовском районах. С ними налаживались связи, но не было желающих активистов для работы.

З.И. Головкина уделяла значительное внимание подрастающему поколению и преемникам. В 2001 году были созданы районные молодежные отделения и областное молодежное отделение, которые со временем смогли подхватить эстафету старшего поколения.

В 2002 году был проведен первый областной детский фестиваль в поселке Рамешки. Готовить его было непросто, так как не было специалистов по музыке. Но детские ансамбли создавались в школах и домах культуры. Успешно выступали ансамбли детей из деревни Ососье Спировского района, Тимошкинской школы Вельегонского района, детские ансамбли кантелистов пос. Спирово и города Лихославля.

Автономия поддерживала тесные связи с Карелией и Финляндией. Общество друзей тверских карел из Финляндии ежегодно организовывала одну-две поездки по «карельской тропе». Официального статуса она не имела, так как «карельская тропа» должна была войти в областную программу по туризму. Ее центрами готовы были стать: Толмачи, Залазино, Васильки, Новый Стан Лихославльского района, Трестна, Сельцы и Ключевая Максатихинского района, Алешино и Никольское Рамешковского района, Козлово Спировского района, то есть не менее 11 таких центров.

Летом 2004 года З.И. Головкина впервые участвовала в карело-финском женском форуме, который проходил в городе Куопио. Эти форумы проходили регулярно один раз в два года. Форум показал, что в жизни общества большую роль играют женщины.

Автономия активно работала над программой развития на 2006–2010 годы, куда по-прежнему обязательно вошли ежегодное празднование Дней «Калевалы» в феврале и Дней родственных народов в октябре и основные разделы: развитие языка, культуры, СМИ, международных отношений.

Много добрых дел организовала З.И. Головкина на посту председателя областной Национально-культурной автономии тверских карел. К ним можно отнести подготовку визита в Рамешковский район посла Республики Финляндия в РФ Маркуса Люра в июле 1998 года, организацию дней тверских карел в посольстве Финляндии в октябре 1998 года. Неоднократные переговоры с Обществом друзей тверских карел в Финляндии по созданию фильма о тверских карелах, изданию книг на карельском языке, стажировке наших студентов в Финляндии.

Областная Национально-культурная автономия тверских карел, являясь координатором от российской стороны, вместе с Центром обучения взрослого населения Хельсинского университета, главами карельских сельских округов разработали и успешно провели в 1999–2000 годах проект «Будущее тверского села».

Деятельность автономии неоднократно находила отражение в центральных средствах массовой информации и Тверской области, Республики Карелия и Финляндии.

За свою работу З.И. Головкина награждена Грамотой Губернатора, знаком «За заслуги в развитии Тверской области», присвоено звание «Посол мира».

Она включена в «Тверской биографический справочник» за 2001 год и справочник «Действующие лица Центрального федерально-

го округа» за 2002 год. В честь 25-летия образования Общества друзей тверских карел, в 2019 году Зинаида Ивановна Головкина награждена Крестом Заслуг ордена Белой розы Республики Финляндия.

***Евгения Ивановна Светогорова
(1945–2018 годы)***

Учительница карельского языка Залазинской средней школы Лихославльского района. Родилась в селе Залазино 30 декабря 1945 года. Окончила 7 классов Залазинской неполной средней школы, затем Толмачевскую среднюю школу.

В школе была избрана секретарем комсомольской организации. После окончания 11-го педкласса при Калининском пединституте в 1966 году начала трудовую деятельность учительницей Лавровской восьмилетней школы Сонковского района.

После замужества и рождения сына в 1970 году, работала в Залазинской школе до 1977 года. Потом уезжала работать в Торопецкий район, в 1984 году вернулась на родину в село Залазино. С тех пор более 20 лет постоянно работала в Залазинской средней школе.

Более полно осознала себя карелкой в начале 90-х годов XX века, до этого было горько и больно слышать пренебрежительные отзывы о карелах и их языке. Поэтому с детских лет приходилось скрывать, что карелка, это было очень обидно осознавать.

После разговора с директором школы А.А. Пименовым с радостью взялась за преподавание карельского языка. Евгения Ивановна сделала многое, чтобы дети знали карельский язык, в их памяти остались карельские слова, а на сердце легли строчки карельских рун местных поэтов С.В. Тарасова, Н. Морозова.

Евгения Ивановна побуждала интерес к карельскому языку среди своих односельчан – собирала их на карельские праздники, выступала на днях карельских деревень, округа, ездила с концертами по деревням, выступала на фестивалях конкурсах, праздниках. В ответ

односельчане стали интересоваться делами школы, посещать школьный музей, дарить ему экспонаты, приходиться на выступления детей.

Евгения Ивановна очень хотела, чтобы карельский язык был введен в базисный план школы в качестве родного языка. Если он будет в расписании уроков, посещение и подготовка к нему будут регулярными. Встречаться чаще со старожилками карельских деревень, записывать их рассказы, мысли, воспоминания. Надо возродить карельские промыслы и обряды, а для этого их вспомнить и изучить.

Хотела бы подготовить хороших экскурсоводов для школьного музея, проводить литературные гостиные, показывать обряды карел, собирать и оформлять рецепты блюд карельской кухни, красочно оформить их, устроить конкурсы дегустации карельских блюд. Составить летопись села Залазино и исчезнувших карельских деревень Залазинского округа, оформить фотовыставку: «Живет Залазино в сердце нашем». Над этими делами Евгения Ивановна думала и трудилась, выйдя на пенсию.

Карельский язык вела сначала по «Букварю» М.М. Орлова, потом использовала книгу З.А. Туричевой «Армаш шана». При этом использовала методику преподавания карельского языка, как иностранного. Два раза в 1994 и 1995 годах ездила на обучение финского языка в Финляндию. Много раз встречалась с академиком Пертти Виртаранта в местечке Кави.

Евгения Ивановна дала три открытых урока для учителей карельского языка при проведении семинаров. Один семинар проводила А.В. Пунжина в Лихославльском педучилище, она преподавала учителям фонетику, грамматику карельского языка и вообще методику работы с ним.

Один семинар с учителями карельского языка был проведен в Тверском областном институте усовершенствования учителей.

Евгения Ивановна вела кружок карельского языка более 10 лет, начиная с 1994 года. В группе было от 17 до 20 учеников 5–9-х классов. В Залазинском сельском округе в начале XXI века сохранялись карельские деревни, где практически не было русских семей, например, Поповка. Многие ученики, посещавшие кружок карельского языка, дома говорили по-карельски, хорошо на этом языке говорили Боголюбова Юлия, Гусев Сережа, Смирнова Вика и другие.

Евгения Ивановна дала открытые уроки для учителей русского языка из Финляндии, а также для финнов, изучающих карельский язык. На эти уроки были приглашены старожилы, у которых хороший карельский язык. Позднее финны, выходцы с Карельского перешейка,

вспоминали, что они услышали в Залазине такие старые карельские слова, которые говорили их бабушки.

А потом они никогда до Тверской Карелии таких слов больше не слышали. Карельская речь в начале XXI века в Залазине была слышна везде: в школе, на улице, в магазине, дома.

Евгения Ивановна Светогорова умерла в 2018 году.

Станислав Васильевич Тарасов (1937–2018 годы)

Карельский поэт, член комитета Лихославльской районной Национально-культурной автономии тверских карел. Родился 18 марта 1937 года в деревне Березовка Лихославльского района. Родители работали учителями сельской школы. Станислав Васильевич окончил семилетнюю школу, Кувшиновскую школу механизации и 17-летним юношей первым эшелонном отправился осваивать целинные и залежные земли в Павлодарскую область Казахстана. Там его призвали в Советскую

Армию, окончил школу младших командиров. В 1957 году был признан инвалидом второй группы и комиссован из армии. Приехал жить в поселок Козлово Спировского района, несмотря на инвалидность, стал работать шофером в Козловской машинно-тракторной станции.

Через два года в 1959 году устроился мотористом в дом культуры, потом стал художественным руководителем, а позднее директором дома культуры. К тому времени Станислав Васильевич был женат, в 1965 году жену перевели заведующей аптекой в село Толмачи.

В Толмачах Станислав Васильевич работал егерем, техником, заочно окончил Сходнинский пушно-меховой техникум и получил диплом охотоведа-звероведа. С 1969 по 1995 годы работал охотоведом Госохотинспекции по Лихославльскому району. В 1995 году перенес инфаркт, получил снова вторую группу инвалидности и ушел на пенсию.

Полностью отдал себя стихам и строительству часовни в деревне Васильки Лихославльского района.

Стихи писал на русском и карельском языках, часто выступал со своими стихами в школах. В его стихах попросту, тепло и нежно воспеваются сельский труд, поступки и чувства человека, уклад жизни тверских карел, любовь к женщине, детям и внукам. Осенью 1998 года вышла книга стихов С.В. Тарасова «Oma Randa». Его дом в Васильках всегда был открыт для людей.

Толчком для активной деятельности в карельском движении послужила встреча с академиком Пертти Виртаранта в 1990 году. Он узнал от академика, что намечается развитие карельской культуры.

Вспомнил, когда ехал из армии в электричке, слышал карельскую речь от детей и понял, насколько она ему оказалась дорога. У него все предки были карелами, как не участвовать в карельском движении.

К тому времени он уже писал стихи на карельском языке. Был делегатом учредительной конференции Общества культуры тверских карел в октябре 1990 года.

Был хорошо знаком с М.М. Орловым, его брат Василий работал учителем в школе вместе с отцом Тарасова.

С.В. Тарасов помнил с детства место, где стояла часовня в деревне Васильки. Замечал, что старушки останавливались в одном месте и молились. Тогда он решил начать строительство часовни именно на этом месте. Глава района Владимир Николаевич Иванов выделил ему лес. Строил часовню плотник Александр Кузнецов.

Освятил ее батюшка Афанасий из Стана. Приезжал финский православный митрополит Лео, который изготовил для часовни колокол, который установили в часовне.

С.В. Тарасов очень часто встречался с учащимися школ в Толмачах, Залазине, Новом Стане, Лихославле. Читал им свои стихи на карельском языке. Вел переписку с друзьями из Финляндии, Петрозаводска, Москвы, Твери. К нему часто приезжал из Финляндии Тайто Салми, который с помощью Пертти Виртаранта нашел в Тверской Карелии своих родственников – сестер по своему отцу. У него с ними был один отец и разные матери.

Финский режиссер Арво Архлоос часть фильма о тверских карелах снимал в Васильках, в том числе в доме Тарасова. На его стихи сочиняются карельские песни.

С.В. Тарасову запомнились поездки в город Тверь на 10-летие Общества культуры тверских карел и в Москву в посольство Финляндии на «День тверских карел». Он подготовил материалы для следующей

книги и мечтал ее увидеть, вторая книга поэта «Oma Randa – Родной край» вышла через десять лет в 2008 году.

Станислав Васильевич Тарасов умер в 2018 году, похоронен на кладбище города Лихославля.

Николай Михайлович Балакирев

Автор повести «Кузьмич» на карельском языке, активно занимался краеведческой работой.

Родился в деревне Стан Лихославльского района 30 апреля 1935 года в карельской семье. Прожил в деревне до 17 лет, закончив Станскую начальную школу, затем семилетнюю школу и среднюю школу в поселке Калашниково, что в 20 километрах от деревни. Жил в поселке на квартире, домой приходил на воскресенье, обратно уходил пешком ночью, чтобы подольше побыть дома.

После окончания средней школы в 1952 году поступил в Рижское военно-морское училище подводного плавания на штурманский факультет. Окончив училище в 1957 году, два года служил штурманом подводной лодки «Б-11» на Тихоокеанском флоте. После окончания курсов политработников в Ленинграде пять лет был заместителем командира подводной лодки.

Три года служил на Камчатке, в 1969 году был назначен командиром подводной лодки «Б-72». На этой должности служил 10 лет. В начале 1980 года был переведен на штабную работу. В 1986 году уволился в запас в звании капитана I ранга.

Карельский язык оставался родным всегда. Помнит один случай, когда его жена Галина Николаевна на Камчатке в лесу случайно услышала от солдата название грибов на карельском языке. Николай Михайлович отыскал этого солдата, он оказался земляком из деревни Стан и служил на Камчатке в стройбате.

Толчком для активного участия в карельском движении была заметка и фотография в центральной газете «Правда» Станислава Васильевича Тарасова, как самобытного поэта из Лихославльского района. Николай Михайлович тогда служил в городе Лепоя в Латвии. Уволившись в запас, приехал к матери, с тех пор жил в родительском

доме. Участвовал в создании Лихославльского районного отделения общества культуры тверских карел в 1991 году. Тогда он выступал против идеи создания карельского национального округа, так как карелы и русские рассорятся, и положительного ничего не будет.

Позднее изменил свои взгляды, и считал, что был бы смысл в создании Карельского национального округа, как было до войны. Надо бы объединить карельские деревни, и при подъеме экономики можно было сохранять и язык. Иначе карельский язык за несколько десятилетий может умереть.

Н.М. Балакирев в 1986–1987 годах написал историю деревни Стан на русском языке.

Книгу «Кузьмич» писал сразу же на карельском языке в 1998–1999 годах. События в книге «Кузьмич» описаны действительные. Вышла книга в конце 2004 года, еще она печаталась в карельской газете «Кариелан шана» почти два года. Эта книга не могла бы выйти без «Словаря карельского языка» А.В. Пунжиной. Николай Михайлович переписывался с Пунжиной.

Собирая краеведческий материал, проехал по Лихославльскому, Спиловскому и части Рамешковского района. Решил посмотреть, где учился и работал его отец. Он учился в деревне Назино Спиловского района, где была семилетняя школа, работал в Козлове начальником планового отдела.

Стан являлся одним из центров «Карельской тропы», сюда часто приезжали финны. Фотограф из Финляндии Микко Саволайнен издал фотоальбом о Тверской Карелии, в котором имеются фотографии из жизни карел деревни Стан.

За свою общественную и краеведческую работу Н.М. Балакирев награжден грамотами главы Станского сельского округа С.И. Николаева. 30 июня 2002 года он был награжден как лучший староста сельского округа. 21 сентября 2003 года за краеведческую работу. В 2004 году ему вручены две грамоты: «За сохранение родовой усадьбы, где в течение не одного столетия жили только Балакиревы». Вторая грамота «За большой вклад за сохранение карельской культуры и за повесть «Stuanovoinе».

Как пишет в своем предисловии к книге «Кузьмич» Н.М. Балакирев: «Влияние мощной русской культуры и великого русского языка на все стороны жизни карел огромно, и тем удивительнее, что они в течение нескольких столетий не утратили своих национальных традиций, свой язык».

Людмила Георгиевна Громова

Редактор газеты региональной национально-культурной автономии тверских карел «Кариелан шана», автор книги на карельском языке «Время говорить и читать по-карельски», кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Тверского государственного университета, делегат III (Хельсинки, декабрь 2000 года) и IV (Таллинн, август 2004 года) Всемирных конгрессов финно-угорских народов.

Родилась 22 октября 1952 года в деревне Прудово Новокарельского, ныне Лихославльского района. Мать работала учительницей русского языка, а затем директором Прудовской восьмилетней школы, отец умер рано, он был инвалидом Великой Отечественной войны. В их роду все были карелами, передавали язык из поколения в поколение, дома говорили только на карельском языке. Таким образом, с самого раннего детства познания мира происходило на карельском языке.

Людмила Георгиевна закончила Прудовскую восьмилетнюю школу, затем Толмачевскую среднюю школу, Ленинградский институт им. Герцена, получив специальность преподавателя русского языка и литературы. Дома говорила на карельском языке, а в институте на русском.

Уже тогда стала проявляться тяга к своим корням, в магазине приобрела русско-финский словарь и изучала его.

После окончания института один год работала в Пермской области, вышла замуж, вернулась домой, родился ребенок. Вместе с мужем уехала жить на Украину, каждое лето проводила дома. На Украине прожила шестнадцать лет с 1980 по 1996 годы.

В начале 90-х годов XX века своими глазами видела, как быстро к украинцам вернулся родной язык. Там ограничили обучение русскому языку.

В 1996 году Людмила Георгиевна вернулась в Тверь, устроилась на работу по специальности на кафедру русского языка как иностранного Тверского государственного университета.

Однажды в деревне ей родственница сказала, что в одной книге академика П. Виртаранта есть фотография дома Людмилы Георгиевны, академик несколько раз приезжал в их деревню. В Международном центре университета впервые взяла в руки «Букварь» на карельском языке М.М. Орлова. Узнала, что в университете преподает профессор из города Йоенсуу Матти Йесконен. Она встретилась с ним, он рассказал об Обществе культуры тверских карел, посоветовал ей познакомиться с ответственным секретарем общества З.И. Головкиной. По его совету она посетила Общество, познакомилась с Зинаидой Ивановной. Та рассказала, что готовится проведение в марте 1997 года международной конференции по проблемам тверских карел. В офисе общества она нашла книгу П. Виртаранта «Далеко пошел карел», в которой была фотография их дома, сделанная в 1977 году. Тогда была жива еще ее мама, этот момент растрогал ее, появилось желание работать над развитием карельского языка.

Она стала готовиться к конференции, написала статью в сборник. Во время конференции увидела, как много людей желают заниматься решением проблем тверских карел. Встретилась с профессором Вейо Салохеймо, познакомилась с редактором газеты «Кариелан шана» Антониной Анатольевной Зайцевой. Решила помогать ей в выпуске газеты, начали работать вместе. Через два месяца А.Зайцева оставила газету, и Людмила Георгиевна выпустила первый номер № 7 газеты без нее в мае 1997 года. В середине 2005 года вышел 97-й номер, то есть Л.Г. Громова, как редактор, выпустила девяносто номеров газеты, которая начала выходить с сентября 1996 года.

Каждая газета несет что-то новое для карел, многим приносит радостные моменты в жизни. Люди читают газету, приходят за ней в библиотеки, это радует. Газета в основном издается на карельском языке. Статьи пишут члены областного комитета национально-культурной автономии, корреспонденты из районов, финские друзья.

Газета вызывает большой интерес для специалистов, так как происходит формирование литературного карельского языка, в том числе публицистического газетного стиля. Больно видеть, как на глазах уменьшается число носителей хорошего карельского языка. Иногда приходят грустные мысли, но Людмила Георгиевна с оптимизмом усиленно пытается развивать в этих условиях письменный язык, чтобы он сохранился дольше. С возрастом человек все равно возвращается к своим корням и сможет прочитать газету, книгу на карельском языке.

Можно заметить, что многие карелы слушают карельские песни, читают газету со слезами на глазах. С возрастом становятся ценнее и ценнее родная деревня, свой дом, родной язык. Поэтому надо предоставить карелам возможность через 10–20 лет взять в руки газету, книгу на карельском языке, прочесть ее и вспомнить все близкое и родное. Должен быть какой-то оазис для карельской души.

Книга «Время читать и говорить по-карельски» родилась в процессе преподавания карельского языка студентам группы специализации Тверского государственного университета. При подготовке к занятиям писала тексты, готовила материалы, они легли в основу книги, которая вышла в 2002 году. Она, прежде всего, предназначена для самообучения карельскому языку. В названии ключевым словом является «время», так как время носителей карельского языка уходит, надо успеть сохранить и не утратить язык.

Л.Г. Громова неоднократно бывала в Карелии, Финляндии, Эстонии, где проживают родственные народы. Она познакомилась с авторами учебников карельского языка разных диалектов Л. Маркьяновой, П. Зайковым, А.В. Пунжиной и другими. Эти встречи дают много дополнительных знаний и сил для дальнейшей работы.

В Финляндии нас поддерживают Общество друзей тверских карел, Общество культуры Финляндии. Л.Г. Громова неоднократно там встречалась В. Салохеймо, Лаури Хонко и другими учеными.

Она участвовала в работе III (Хельсинки, декабрь 2000 года) и IV (Таллинн, август 2004 года) Всемирных конгрессов финно-угорских народов. На конгрессе в Финляндии была заместителем председателя секции средств массовой информации, а в Эстонии – председателем этой секции. Видела, что журналисты национальных СМИ – это патриоты и энтузиасты своего дела.

Л.Г. Громова обучала группу специализации филологического факультета Тверского государственного университета карельскому языку. Студенты писали о карельском языке, в основном по морфологии. Эти работы, по мнению Людмилы Георгиевны, могли бы стать основой для диссертаций, особенно дипломы Т. Коминой и Л. Яковлевой. Они также помогли в выпуске карельской газеты.

Людмила Георгиевна участвовала в работе семинаров для учителей карельского языка. В работе семинара в Лихославле осенью 1998 года участвовали и преподаватели финского языка. Она читала доклад по тверскому говору карельского языка. Преподаватели на

семинаре были очень активны. То, что финны приезжают в тверскую карельскую деревню и хотят окунуться в жизнь тверских карел, для многих сначала было удивительно. Л.Г. Громова провела несколько групп финнов по «карельской тропе», лично для нее была хорошая практика разговора на финском языке. Финскому языку она начала обучаться у профессора Матти Йесконена в автономии тверских карел. Затем ей посчастливилось учиться в Финляндии на курсах финского языка трех уровней в городах Савонлинна, Ювяскюля и Хельсинки. Потом продолжала обучаться финскому языку самостоятельно.

Занимаясь исследованием социально-культурной обстановки начала XIX века, когда был перевод и издание «Евангелие от Матфея» на карельском языке, Людмила Георгиевна видела в архивах списки семинаристов Тверской духовной семинарии. Она обнаружила большое число мальчиков-семинаристов из карельских деревень. Поняла, что карелы уже тогда в 1817–1820 годах могли обучаться на русском языке на очень высоком уровне. Им преподавали риторику, биологию, литературу, иностранные языки, медицинские предметы.

Это опровергает расхожее утверждение, что карелы люди малограмотные и еще раз подтверждает, что карелы могут многое, в том числе и для сохранения своего языка. Громова желала, чтобы в карельской глубинке была поддержка преподавателей карельского языка, привлечение их к жизни областной и районных автономий, чтобы они почувствовали заботу. Добиваться включения карельского языка в школьный компонент, приобщать к карельскому делу молодежь.

Под впечатлением воспоминаний о деревне, о детстве, Л.Г. Громова написала стихотворение на карельском языке «Мой мир». В переводе на русский язык текст следующий:

«Перед окнами дома три дерева
Между собою говорили по-карельски.
На ветру шуршали листья ив
Я слышала – по-карельски.

Около бань протекающий ручеек
Весело звенел по-карельски.
Полоская бельё, прислушивалась к ручейку –
Разговаривала по-карельски.

Узкая тропка из леса домой –
Ночи бегут сами собой.
Под кустом сидящих ежей и ежат
Пыталась разговорить по-карельски.

Детскими глазами увиденный мир
Со слов отца и матери.
Всю жизнь он будет в душе
И не дает забыть свой дом».

Когда Л.Г. Громова в 1996 году ехала домой она не думала, что найдет себя именно в родном языке. Приехав на родину, поняла, какое большое желание у карел сохранить свой язык, свои традиции. Вспомнила, что в деревне на помещении сельсовета очень долгое время висела табличка с надписью «Новокарельский район», хотя он был ликвидирован в 1953 году.

Нина Алексеевна Куллина

Куллина Нина Алексеевна родилась 27 августа 1962 года в русской деревне Далёки Рамешковского района. Родители Ольга Власовна и Алексей Ильич Никитины – карелы, уроженцы деревень Райки и Поместное Лихославльского района. В семье карельская речь звучала всегда, поэтому дети понимали все, о чем говорили родители, но говорить, к сожалению, не научились, так как считалось, что это не нужно.

Но, тем не менее, всегда, когда Нина Алексеевна слышала карельскую речь, сердце замирало и хотелось вернуться в детство, в карельскую деревню Райки, где часто гостила у родной тети. Родной язык, родная кровь...

После создания районного общества тверских карел, Н.А. Куллина стала активно участвовать во всех проводимых им мероприятиях. 20 марта 2012 года возглавила Рамешковскую национально-культурную автономию тверских карел. Важным направлением в работе районного комитета всегда было объединение карел, проживающих

на территориях сельских поселений Алешино, Высоково, Никольское и Рамешки.

Первым ее шагом стало создание 2 ноября 2012 года в Рамешках карельского клуба «Кариелан чироне» (рук. Г.М. Платонова), на посиделки в который регулярно собирались до 30 карел. Через год в Рамешках был организован кружок по изучению карельского языка, который вела К.А. Виноградова.

В 2014 году при Пустораменском СДК начал работать еще один карельский клуб «Койвуне» (руководитель Н.В. Антонова). В Алешинской основной общеобразовательной школе в том же году стал работать кружок по изучению карельского языка для учащихся младших классов.

В селе Никольское много лет работал ансамбль «Рябинушка» (руководитель Е.Н. Кузнецова), в репертуаре которого были карельские и русские песни. Коллектив выступал не только в районе, но и за его пределами.

За прошедшие годы карелы сельских поселений Алешино, Высоково, Никольское и Рамешки провели много замечательных совместных мероприятий (карельские посиделки, инсценировка старинной карельской свадьбы, праздник национальной карельской кухни, банные традиции карельского народа, и т. д.).

Во всех карельских поселениях, в школах или библиотеках, есть краеведческие уголки карельского быта.

Более 20 лет в районной газете «Родная земля» один раз в квартал выходит карельская страничка, рассказывающая о событиях в жизни автономии, о представителях карельского народа. Редактором газеты и ответственной за выпуск газеты является Н.А. Куллина.

Уровень жизни зависит от культуры

Культура – это среда обитания, как всего общества, так и конкретного человека. От уровня культуры каждого человека зависит уровень культуры всего общества. А от этого зависит его дальнейшее развитие, состояние экономики, социальное положение людей и имидж страны. Испытание культурой – это испытание общества на перспективу, на будущее.

В результате активности журналистов, работающих на западные средства массовой информации, активности некоторых наших СМИ в Западной Европе в те годы сложился образ России: страна преступности, коррупции, нищеты одновременно с небольшой прослойкой баснословно богатых олигархов. У среднестатистического жителя Западной Европы или Америки, ни разу не побывавшего в России, трудно было сформировать другой образ нашей страны. Любые другие статьи о нас этот житель воспринимал как несерьезные, наивные, приукрашивающие действительность.

Именно этот стереотип мы разрушали среди финнов более 10 лет, смогли кардинально изменить ситуацию, где-то с 2002 года. До этого некоторые финны, направляясь в Тверскую Карелию, дома писали завещания, родственники их ругали за то, что они потратили зря деньги на обратный билет из России.

В кинофильме о тверских карелах Арво Архлооса имеется много негатива: разрушенные церкви и дома культуры, нищета деревенских жителей, плохие дороги, заросшие бурьяном поля и так далее. Это реальность, это действительность. Но те туристы, те жители Финляндии, которые побывали в Тверской Карелии хоть один раз, вновь и вновь возвращались сюда почти каждое лето.

Однажды, я вместе с финскими бизнесменами и общественными деятелями шел по улице села Толмачи. Это было в сентябре 2002 года. Навстречу шли трое пьяных мужчин. Потомок бывшего российского премьер-министра С.Ю. Витте очень серьезно мне заявил: «У них такой грозный вид, они не намереваются ударить кого-нибудь из нас?». Я его успокоил, но он еще несколько раз оглянулся на этих мужчин. Корректировка взглядов финнов о России, Тверской области происходит только после того, как они увидят нашу страну собственными глазами.

Имидж опасной страны мы порою формируем сами. Чтобы пройти в самую захудалую фирму, надо обойти ряд постов и кордонов. Этим мы даем понять другим, что боимся всех и вся, заявляя, что страна у нас такая. Мы не верим в себя, не верим в свою страну. Граждане относятся к власти не как к сфере услуг, которая организует жизнь общества на благо государства и жителей, а как к чиновникам, которые хотят обобрать гражданина, запугать его, усложнить ему жизнь, а поэтому им надо давать подношение.

И даже эти чиновники, даже богатые бизнесмены не верили в Россию, считая ее непредсказуемой и нестабильной, предпочитая уезжать

жить за границу или там держать свои деньги. Многие из русских, подражая западу, стремились говорить по-английски, одеваться на западный манер, слушать западную музыку. Количество русских женщин, желающих выйти замуж за иностранцев, было настолько велико, что посредничество по поиску женихов за границей стало довольно выгодным бизнесом.

Прежде всего, нам надо уяснить, что у России своя культура, свой язык, свое собственное самосознание. Механическое заимствование западных ценностей ведет в тупик.

У русских выражено чувство коллективизма, общинности. Индивидуальная инициатива нехарактерна для русских, в то время как в коллективе они способны на многое. Они будут больше думать не о своей социальной защищенности, а о том, чтобы сделать русскую нацию великой и сильной. Эти качества коллективизма привели к несправедливости во время приватизации.

Работники коллективов без колебаний верили словам своих руководителей о том, что заводу или предприятию будет лучше, если большинство акций будут принадлежать им. Став владельцем акций, руководители начали продавать станки, технологические линии, оборудования, а на вырученные деньги покупали виллы за границей, строили коттеджи для себя на родине. Таким образом, мы должны определиться: коллективисты или индивидуалисты и определить соотношение этих понятий, как в рабочем коллективе, так и в обществе. Определиться, что мы берем за идею: западные ценности или возвращаемся к своим истокам, своей истории и продолжаем свое развитие, исходя из своих обычаев, традиций и уклада жизни. Со своей стороны полагаю, что для нас важнее второе.

При этом хорошо вспомнить, что сила России всегда была в ее духовности, не зря ее раньше называли «святая Русь». Укрепление государства – это, прежде всего, государственная поддержка ныне униженного образования, здравоохранения и культуры, то есть подъем нашей культуры, нашей духовности, нашей интеллигенции.

Мы должны вернуть России ее интеллигенцию. Она была потеряна после 1917 года, когда за границу уехали люди высокой культуры и образования. Другая ее часть была расстреляна. В их числе были генералы и офицеры, представители литературы, искусства, науки, философской мысли.

Российское общество медленно, неумело, с надрывом и обнищанием народа переходит от советского строя к капитализму. За годы

советской власти было немало сделано для подъема уровня образования и культуры народов разных национальностей. Но одновременно были разрушены крестьянский уклад жизни и духовность.

Оторвав крестьян от земли путем коллективизации, отрубив корни, связывающие их с землей, государство отправило крестьян странствовать по городам, народным стройкам и созданным трудовым лагерям. Оторвавшись от земли трудно вновь вернуться к своему роду, своей родине, своим традициям. Одновременно разрушались церкви, а священники были репрессированы. Вместо них народу пытались внушить веру в новых языческих идолов: Ленина, Сталина, КПСС, политбюро и других.

Людские и материальные ресурсы центра России направлялись на развитие окраинных республик – Киргизии, Казахстана, Грузии, Армении и других, а также на развитие Севера, Дальнего Востока, Сибири. Приехавшие переселенцы нарушили не только собственный уклад жизни, но одновременно нарушили уклад жизни местных аборигенов.

На своей родине они оставляли родителей и своих детей с ними. Таким образом, работоспособные люди переставали заботиться о своих престарелых родителях и своих детях. Этот разрыв трех поколений особенно пагубным стал сейчас, когда из-за обнищания народа дети не могут соединиться со своими престарелыми родителями. Не стало хватать мест в домах престарелых и домах-интернатах, из-за того, что дети отвыкли ухаживать за своими престарелыми родителями.

Тенденции по заботе об окраинах продолжают и в новой России. В зоне внимания государства остаются Чукотка, Камчатка, дальний Восток, Чечня и другие окраины. По-прежнему идет перераспределение ресурсов из центральных регионов туда. Дошли до того, что самыми бедными стали регионы центральной России, где не хватает материальных ценностей и денежных ресурсов для развития промышленности и сельского хозяйства.

Россия по крупицам, по землям, территориям была собрана в сильное многонациональное государство. Конституция России 1993 года начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...».

Если это так, то высшая цель государственной национальной политики – создание условий для развития языка, культуры, средств массовой информации каждой национальности, проживающих на определенной территории. В России не может быть созидательной

идеи, рассчитанной только на один народ, даже такой, как русские, которые составляют 81,5% всего ее населения. В стране, где веками создавалась общность многих культур, должна поддерживаться каждая из них, здесь Россия может стать примером, моделью для других стран.

Русские всегда должны помнить, что они пришли на земли, где издревле жили финно-угорские племена: меря, весь, мурома, мордва, пермь, печора, ямь, зимиголы, корчъ и другие. А карелы, проживающие на тверской земле, всегда должны помнить, что они вернулись на родину своих предков тогда, когда здесь уже была образована и восемь веков развивалась русская государственность. Никто не ставит под сомнение тот факт, что именно русский народ играет главную роль образования и развития государства. Но это не дает повода считать второстепенными другие народы, в том числе и тверских карел.

Те, кто отрицает национальность, не правы. Нет человека, не имеющего национальности. Любой человек относит себя к определенной нации, языку и культуре. И независимо от того, большая или малая эта национальность, нельзя допускать, чтобы ее представители испытывали чувство ущербности, ущемленности, второсортности.

В настоящей России о национальности чаще всего вспоминают на выборах или политики для достижения своих целей. Они задевают самые острые чувства человека, возбуждая национальный фактор, что делать всегда очень опасно. Именно в периоды кризисов люди должны бережно относиться к нациям, ни делом, ни словом не обижать их представителей.

Тверские карелы являются представителями конкретного народа со своим языком, культурой, традициями. Одновременно они проживают на территории совместно с русскими. Современное поколение карел никоим образом не сопротивляются ассимиляции и исчезновению как народа. Это можно судить по тверским карелам, число которых за 70 лет с 1930 года по 2002 год уменьшилось со 150 тысяч человек до 15 тысяч или в десять раз. Ассимиляция не является путем разрешения возникающих национальных проблем.

Самая опасная форма это движение народа к интернациональной безликой массовой культуре, как, например, было с тверскими карелами с 1939 по 1990 годы. Здесь происходит выхолащивание самобытной национальной культуры. Так случилось с основой сохранения языка и культуры – карельской деревней. Деревни, где раньше жили карелы, восстановить можно, но там будут жить уже другие люди и карельской

самобытности там не будет никогда. Народ или этнос, забывший свою культуру, не имеющий своих традиций, уже не имеет будущего.

Считаю, что основной задачей государства является поддержание самобытности всех народов, проживающих на конкретной территории в конкретной стране.

У малых народов к общим проблемам прибавляются свои национальные. Это, прежде всего, демографические проблемы, резко обострившиеся в ходе проводимой радикальной экономической реформы. Это проблемы занятости сельского населения при развале колхозов при отсутствии государственной помощи селу, при исчезновении целых направлений хозяйственной деятельности, ремесел и промыслов. Это проблемы знания родного языка, его обучения в школах.

Если их срочно не решить, будет идти дальнейшая деградация населения, многих народов не будет в ближайшем будущем. А забвение интересов, социальных проблем, языка и культурных традиций одного, даже самого малочисленного народа России подрывают нашу государственность.

К этим проблемам добавляются политические. Прежде всего, ликвидация сельских национальных округов, где наиболее широко были представлены национальные кадры. Нет представителей малых народов на районном уровне, тем более на областном уровне.

Таким образом, малочисленные народы потеряли представительство в органах власти на различных уровнях.

Сколько ярких и не совсем ярких звезд было у тверских карел за время 400-летнего пребывания на этой земле, теперь уже трудно отыскать. Но мы можем назвать самых ярких их представителей XX века, который закончился совсем недавно.

«Примитивизм» – могут заявить некоторые «ученые», прочитав сведения об этих людях. Но я верю в то, что наносные учения уйдут в никуда, а память об этих людях, сделавших возможное и невозможное для сохранения карельской нации, развития ее языка и культуры, останется и после того, как не будет карел на тверской земле. О них долго будут писать, и вспоминать русские студенты, преподаватели, демографы, историки, филологи, другие исследователи.

Они будут делать для себя открытия, а потом искать оставшихся здесь последних карел, чтобы уяснить их роль или записать их воспоминания, их речь, народные песни и плачи. Потому, что здесь нет притворства, здесь написана сама жизнь, ее отдельные страницы. Бла-

годаря новаторству этих людей проводились эволюционные процессы развития карельской нации в 20–30-е и 90-е годы XX века и начале XXI века на переломе столетий и тысячелетий.

Туристская тропа «В краю двух культур» (вместо заключения)

Летом 2019 года я узнал, что в заросшие лесом поля и безлюдные деревни нашей местности пришли медведи. Ситуация вернулась к 1609–1615 годам, когда люди и звери поменялись местами. Люди тогда уходили в леса, чтобы спастись от поляков и разбойников, а звери пришли в деревни. Через 20–30 лет после тех событий сюда пришли карелы, чтобы вдохнуть жизнь в опустевшие деревни.

Спустя 400 лет после того времени, к 2019 году люди уехали в города или ушли на кладбище, на их место пришли медведи. Нужно будет 20–30 лет, чтобы сюда приехали жители других мест, чтобы ожил центр России, откуда и пошло наше государство.

Верю, что когда-нибудь в будущем турбизнес создаст в городе Бежецке Тверской области Центр под названием «В краю двух культур» и организует пешеходно-автомобильную туристскую тропу с таким же названием. В нее будут включены русские деревни Бежецкого и Сонковского районов Тверской области: Синево-Дуброво, Хонеево, Подобино (Коммуну или Красный Октябрь), Слепнево, Борисково, а также карельские деревни Горбовец, Поцеп и Петряйцево. На местах исчезнувших домов знаменитых и известных людей, в этих деревнях будут установлены заметные красивые памятные знаки с краткими надписями на табличках.

Борисково – бывшее имение Владимира Дмитриевича Кузьмина-Караваева, юриста, профессора-правоведа, писателя и политического деятеля, депутата Государственной Думы первого созыва. Влево от дороги начинается большой старинный парк, обнесенный валом и рвом. В глубине парка на расстоянии 150 метров от дороги стоит деревянное, большое одноэтажное барское здание, сейчас там размещается Борисковская участковая больница.

О хозяине имения Борисково и многих его обитателях я подробно рассказал в книге «В краю двух культур».

Подобино – бывшее имение Неведомских в Бокаревской волости на правом берегу реки Уйвешь, по переписи 1859 года кроме поместья было еще 4 двора, всего 77 жителей. В имение своих родителей Подобино отставной ротмистр Николай Васильевич Неведомский вместе с женой Анной Андреевной переехал жить в 1830 году, у них родилось 12 детей, пять сыновей и семь дочерей.

О хозяевах имения Подобино и его обитателях я подробно написал в своей книге «Владельцы мызы Подобино».

Синево-Дуброво – бывшее имение князей Хилковых в Бокаревской волости. О владельцах имения Синево-Дуброво я рассказал в книге «Владельцы мызы Подобино».

Слепнево – бывшее имение родителей Анны Ивановны Гумилевой-Львовой Новской волости. О хозяевах и обитателях имения Слепнево, прежде всего, Н.С. Гумилеве и А.А. Ахматовой, я писал в книгах «В краю двух культур» и «Владельцы мызы Подобино».

Поцеп – карельская деревня, в которой 18 апреля 1902 года родился Иван Степанович Беляков, будущий первый секретарь Карельского национального округа. О его жизни и деятельности я писал в книгах «Карельский национальный округ» и «Деревенские нэпманы».

Горбовец – карельская деревня, родина З.И. Головкиной – создателя и первого председателя Тверской областной национально-культурной автономии тверских карел с февраля 1998 года до апреля 2009 года на постоянной основе. О ее работе я писал в книгах «В краю двух культур» и «Шагнувшие в вечность».

Петряйцево – карельская деревня, в которой родился автор книг об истории тверских карел. За свой труд он награжден государственными наградами Советского Союза, Республики Польша и Республики Финляндия, а также знаком «За заслуги в развитии Тверской области».

Полагаю, что в Центре с названием «В краю двух культур» в городе Бежецке можно будет проводить встречи и конференции любого масштаба. Сотрудники Центра – энергичные люди, хорошо знающие историю своего края. Через туристские фирмы и другими путями они приглашают группы туристов из Твери, городов области, Москвы, Санкт-Петербурга, Финляндии, Франции и других стран.

Как я представляю тропу «В краю двух культур»? Туристов утром отвозят на автобусе в Борисово, с ними два экскурсовода, один хо-

рошо знает историю края, связанную с русскими знаменитостями, другой – историю Тверской Карелии.

По дороге в Борисово экскурсовод начинает рассказ обо всех знаменитых владельцах и обитателях поместья Кузьминых-Караваевых. Далее туристы на автобусе направляются в деревню Слепнево, дорогой экскурсовод рассказывает о семье А.И. Гумилевой, Н.С. Гумилеве, А.А. Ахматовой, Доме поэтов, о деревне Слепнево.

От Слепнева туристы едут на карельское кладбище в селе Карело-Кошево, единственное, что осталось от проживания здесь карел. Другой экскурсовод рассказывает об истории тверских карел, о Карельском национальном округе, его руководителях, в том числе о И.С. Белякове. Говорит о создании книг по истории тверских карел, показывая туристам места, знакомые по книгам.

От кладбища автобус отвозит их в бывшую карельскую деревню Горбовец. Там экскурсовод продолжает рассказ о Национально-культурной автономии тверских карел и ее организаторах.

Из Горбовца туристы на автобусе едут в село Синево-Дуброво, экскурсовод рассказывает о Министре путей сообщения царской России М.И. Хилкове, его родителях, братьях и сестрах, показывает, где было его поместье. Автобус вновь направляется на дорогу Сонково-Бежецк, заезжая в деревню Красный Октябрь, бывшее поместье Неведомских Подобино. Экскурсовод рассказывает о Неведомских, их родственных связях с Хилковыми и Татищевыми. Затем туристы возвращаются в город Бежецк.

По времени маршрут может занять 4–5 часов с 9 часов утра до 13–14 часов. После проведения маршрута все возвращаются в город Бежецк на обед. После обеда в Центре «В краю двух культур» могут проводиться встречи туристов с интересными людьми, краеведами, библиотекарями, их выступления, ответы на вопросы, пресс-конференция и т. д.

Возможно, после посещения этих знаковых мест кому-то захочется вырваться из большого города с плохой экологией и поселиться в этом экологически чистом краю. Здесь они будут дышать чистым воздухом, пить воду из родников и колодцев, питаться здоровой пищей. Так постепенно и возродятся наши исчезнувшие деревни, и жизнь здесь наладится.

Город Тверь, 2003–2005 годы, изменения и дополнения – 2021 год

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. География России. М., 1998. С. 64.
2. *Вершинский А.Н.* Города Калининской области. Калинин, 1939. С. 6.
3. Там же.
4. Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Леан, Тверь, 1994, по изданию СПб., 1876.
5. Там же. С. 10, 275.
6. Там же. С. 276.
7. Там же. С. 277.
8. Долгова С. Судьба Тверского княжеского архива. Тверь, 1999. С. 32–33.
9. Города и районы Калининской области: сборник. Калинин, 1978. С. 97.
10. *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 105.
11. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. С. 357.
12. Там же. С. 154.
13. *Попов Н.А.* Исторические заметки о Бежецком Верху XVII–XVIII веков. М., 1892; *Постников И.Н.* Записки Бежецкого городского старосты. Тверь, 1914.
14. Памятная книга по отчету за 1850 год по Тверской губернии. Тверь: типография губернского правления, 1851.
15. *Вершинский А.Н.* Города Калининской области. Калинин, 1939. С. 8.
16. *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии. Тверь, 2001. С. 41.
17. ГАТО, Путеводитель. Тверь, 1998. С. 46, 50.
18. Там же. С. 110, 112.
19. Там же. С. 196.
20. Исследование грунтовых дорог. Тверь, 1911. С. 112.
21. Там же. С. 115.
22. Краеведческий альманах «Весьегонск». Вып. 1. 2006. С. 289.
23. Из личного архива автора.
24. Там же.
25. Материалы для истории Тверского губернского земства, 1886–1908 годы. Тверь, 1909. Т. 6. С. 187.
26. ГАТО, ф. Р-854, оп. 1, д. 122-а, л.д. 26–27.
27. Там же.

28. ГАТО, ф. Р-835, оп. 8, д. 207, л.д. 22.
29. Гумилевы и Бежецкий край: сборник. Бежецк, 1996. С. 21.
30. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Земство и деревня. СПб., 1904. С. 2–15, 365–368.
31. Газета «Тверские губернские ведомости». 28 марта 1906. № 24. С. 10.
32. Елизавета Кузьмина-Караваева. Мать Мария: сборник. СПб., 2001. С. 623.
33. *Шустов А.* Повенчана с дворянином Кузьминым-Караваевым // Тверская старина. 1992. № 1. С. 70–75.
34. *Козырева М.Г.* Гумилевы и Бежецкий край: сборник. Бежецк, 1996. С. 13.
35. Там же. С. 16.
36. *Сверчкова А.С.* Записки о семье Гумилевых. Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 8–9.
37. Дни Л.Н. Гумилева в Бежецке: сборник. Бежецк, 1995. С. 16–17.
38. *Смирнов А.Е.* Свиданье – не свиданье: сборник. Тверь, 1995. С. 9.
39. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 121–122.
40. *Смирнов А.Е.* Свиданье – не свиданье: сборник. Тверь, 1995. С. 116.
41. *Панкеев И.А.* Николай Гумилев. М., 1995. С. 110–111.
42. Там же. С. 116.
43. Там же. С. 50.
44. Справочник «Тверская область». Тверь, 1994. С. 48.
45. *Ахматова А.* Стихи и проза. Л.: Лениздат, 1977. С. 567; *Смирнов А.Е.* Свиданье – не свиданье: сборник. Тверь, 1996. С. 9.
46. Там же. С. 10.
47. Там же. С. 38–39.
48. Там же. С. 47.
49. Елизавета Кузьмина-Караваева. Мать Мария: сборник. СПб., 2001. С. 637.
50. Там же. С. 643.
51. Там же. С. 648.
52. Там же. С. 41.
53. Сборник Восхождение «О жизни и творчестве Е.Ю. Кузьминой-Караваевой» / Д.В. Куприянов. Тверь, 1994. С. 9–12.
54. ГАТО, ф. 590 оп. 1, д. 4896.

55. *Гронде Б.* Языковое строительство народов СССР // Литературная газета. 7 ноября 1939. С. 5.
56. *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии. Тверь: изд. «Чудо», 2001. С. 106–111.
57. Из письма И. Милорадова. Тольятти, 25.01.2002.
58. Тимо Виховайнен. В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 21.
59. *Головкин А.Н.* Рождение карельской письменности. Тверь: изд. «Чудо», 2000. С. 42–44.
60. Там же. С. 52, ТЦДНИ, ф. 7849, д. 8912-с.
61. ТЦДНИ, ф. 7849, д. 8912-с.
62. Там же.
63. Там же.
64. ГАТО, ф. Р-2006, оп. 1, д. 1, л.д. 3–7.
65. Материалы II Всемирного Конгресса финно-угорских народов. Будапешт, 1996. С. 34–35.
66. Там же. С. 95, 97–98.
67. Там же. С. 87.
68. III Всемирный конгресс финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2001. С. 67.
69. Там же. С. 15.
70. Там же.
71. Из доклада профессора Яноша Пустаи на пленарном заседании IV Всемирного конгресса финно-угорских народов. Таллинн, 16.08.2004.

Книга третья

Шагнувшие в вечность

**Глава I. Тверские карелы
на пороге XXI века**

Как случилось, что во второй половине XX века без войны, в мирное время началось исчезновение карельских деревень с карты Тверской области? Прочитав эту книгу, можно близко подойти к ответу на этот вопрос.

Перешагнув порог XXI века и третьего тысячелетия, тверские карелы шагнули в вечность. Надо помнить, что в 1926 году они составляли 56,7% от всех карел, проживавших тогда в Советском Союзе. Карел в Республике Карелия было 38,3% от всего карельского населения страны. Остальные карелы проживали в Архангельской, Ленинградской, Новгородской и других областях страны. Вплоть до Великой Отечественной войны тверских карел было значительно больше, чем карел в Республике Карелия. Тверские карелы существуют уже около 400 лет, но, начиная со второй половины XX века, их число стало резко сокращаться.

По данным всероссийской переписи в 2002 году тверских карел было всего 14 633 человека из 150 тысяч, проживавших здесь в 1930 году, или один процент населения Тверской области и 15,6% от общей численности карел, проживавших тогда на территории Российской Федерации. За период с 1930-го по 2002 год число тверских карел уменьшилось более чем в 10 раз [1].

В 2002 году карелы проживали в 13 субъектах Российской Федерации:

Республика Карелия – 65,7 тыс.	Архангельская область – 388 чел.
Тверская область – 14,6 тыс.	Республика Коми – 341 чел.
Мурманская область – 2,2 тыс.	Кемеровская область – 276 чел.
Город Санкт-Петербург – 2,1 тыс.	Новгородская область – 282 чел.
Ленинградская область – 2 тыс.	Свердловская область – 201 чел.
Город Москва – 568 чел.	Пермская область – 120 чел. [2].
Московская область – 480 чел.	

В Тверской области в начале XXI века со стороны властных структур не принималось никаких мер по поддержке языка и культуры тверских карел. Государство не взяло на себя ответственность за их сохранение. Эту ответственность взяли на себя и решали активисты карельского движения. Задача, сначала Общества культуры тверских карел, а затем областной национально-культурной автономии тверских карел и самого народа была проста и сложна: в условиях глобализации как можно дольше сохранить тверских карел, как этнос, со своим языком, письменностью, своей культурой, традициями, которые с каждым годом все больше и больше утрачиваются. Это во многом было связано с очень низким экономическим положением жителей области.

Карелы на тверской земле проживают компактно, создав единство территории, сохранив свой язык и особенности культуры. Письменный карельский язык действовал в период с 1931 года по 1939 год, то есть 8 лет, он действует снова с 1993 года. Язык является основой любой нации и народности. Карельская речь звучит лишь на бытовом уровне в деревнях, в школе родной язык не изучается. Несомненно, во всем этом основное значение имеет слабая экономическая основа и порою общий низкий уровень культуры многих руководителей всех уровней.

Экономическое положение многих малых народов в начале XXI века, в том числе и тверских карел, привело к отрешенности, отстраненности от проблем сохранения родного языка во многих национальных семьях.

Ситуация сложилась так, что семья и школа отошли от воспитания подрастающих поколений, церковь и гражданские институты к воспитанию не приступили. Молодежь оказалась наедине с двумя воспитателями – телевизором и улицей. Но основой воспитания всегда

были национальный язык, культура, обычаи, традиции своего народа, чему учили, прежде всего, семья и школа.

Согласно переписи 2002 года в Лихославльском районе проживали 30,3% от общего числа тверских карел, в Рамешковском – 12,4%, Максатихинском – 12,2%, Спиrowsком – 11,2%, в городе Твери – 16,8%, остальные 17,1% карел проживали в других муниципальных образованиях.

Родным языком считали карельский 38% карел, в том числе: старше трудоспособного возраста – 47%, трудоспособного возраста – 30%, моложе трудоспособного возраста – 10%.

Детородного возраста (до 40 лет) в 2002 году было всего 2496 тверских карел, в том числе 1340 мужчин и 1156 женщин, из них 1069 карел проживали в городе Твери, где шел самый интенсивный процесс ассимиляции. Только 64,2% мужчин-карел Тверской области состояли в зарегистрированном браке, 40,7% женщин-карелок были вдовами и еще 7,8% состояли в разводе. Более половины карельского населения – 7487 человек были пенсионерами, в том числе 2102 мужчины и 5385 женщин.

Начиная со второй половины XX века, тверская карельская деревня уходит в небытие. Уходит карельский чудо-язык, карельский фольклор, уходят прочь деревенские устои жизни, уходят наши истоки и наши корни.

Последняя запоздалая попытка, сохранить хотя бы что-то из оставшегося национального карельского, была предпринята активистами карельского движения, начиная с 1989 года.

Ассимиляция тверских карел

Вымирание народа чаще всего происходит в результате его ассимиляции, незаметного перехода к использованию чужого языка, чужой культуры. Этот переход вызван экономическими, политическими и образовательными причинами в условиях, когда народ на своей исконной территории утрачивает контроль над собственным укладом жизни.

Деревни, где раньше жили карелы, восстановить можно, но там будут жить уже другие люди, и карельской самобытности там не будет никогда. Владение материнским языком, его сохранение через всю жизнь и передача, как наследие, следующему поколению является основным вопросом для национального существования каждого народа.

Народ или этнос, забывший свой язык и свою культуру, не имеющий своих традиций, уже не имеет будущего.

Длительное время *с 1834 года и вплоть до конца 1940-х годов* тверские карелы, оторванные от своей родины и от своих сородичей, являлись основной частью всего карельского этноса.

Год	Всего карел, тыс. чел.	Тверская обл., тыс. чел.	Карелия, тыс. чел.	Другие регионы, тыс. чел.
1834	–	84,6	55,1	–
1897	–	117,7	76,8	–
1913	–	111,7	79,4	–
1926	248	140,6	98,2	9,2
1939	250	120	108,6	21,4
1959	164	59,1	85,5	19,4
1970	141	38	84,2	18,8
1979	133	30,4	81,2	21,4
1989	130,9	23,2	78,9	28,8
2002	93,3	14,6	65,7	13

Начиная с 1939 года, тверские карелы больше других народов подверглись процессам ассимиляции. Если за период с 1939 по 2002 годы общее число всех карел сократилось в 2,7 раза, то число тверских карел сократилось в 8,2 раза.

В то же время надо помнить, что карелы, переселившись с Карельского перешейка в Финляндию, потеряли свой родной язык за 50 лет. Русские эмигранты, покинувшие родину после революции 1917 года, потеряли родную речь за 100 лет. Тверские карелы сохраняют родной язык уже около 400 лет.

Основной причиной ассимиляции тверских карел была *политика* власти в советский период, а также нынешняя политика в постсоветский период истории страны. В советский период – это раскулачивание, ссылки, репрессии, в том числе и по национальному признаку.

Значительным фактором ассимиляции в XX веке была политика государства по формированию новой интернациональной нации – «советского народа». Она коснулась в значительной степени малых народов и народов, не имеющих своей территории, в том числе и тверских карел.

В начале XXI века в России стали явно проявляться идеи и факты великодержавного шовинизма с лозунгами «Россия – для русских», а также местного национализма и национального экстремизма. Всем надо помнить, что в нашей стране традиции дружбы народов сохранялись веками.

Как в советский, так и в постсоветский период государство, не поддерживая карел экономически и политически, лишило их возможности дальше развивать язык, письменность и культуру. Оно оставило тверских карел наедине с собою, без каких-либо перспектив на дальнейшее развитие. Таким образом, в советский и постсоветский периоды истории государство способствовало постепенному уничтожению карельского народа, как нации-этноса. Так было практически со всеми финно-угорскими народами России, не имеющими своей государственности.

Политика государства заключалась в том, чтобы растворить нации-этноты сначала в «едином советском народе», а затем в «едином русском народе». Эта политика в конце XX века – начале XXI века оборачивалась протестами, конфликтами, а на юге страны – войнами.

При изменении этой политики XXI век мог бы стать веком раскрытия культур народов, населяющих Россию. Ведь после уничтожения административно-территориальных границ в нашей стране так и не был налажен механизм сотрудничества государства и малых народов. Не исключено, что и нынешнее постсоветское государство осознанно не хочет этого сотрудничества, а желает, чтобы малые народы быстрее растворились в большом этносе русских. Идеальным могло бы стать государство, в котором как можно дольше сохранилась бы национальная самобытность каждого народа и каждого его представителя.

Другим важным фактором, влияющим на ассимиляцию тверских карел с русским населением, является их *экономическое положение*. С точки зрения своего экономического положения тверские карелы оказались в самом наихудшем положении из трех карельских этносов. Финские карелы, признавая себя таковыми, фактически слились с финнами, забыли свой язык, но создали сильную экономику, обеспечивающую каждого из них. Карелы Республики Карелия ранее никогда не изучали свой родной язык в школах, не стремились создать свою карельскую письменность, хотя имели для этого все условия. Но они живут на своей родине, оставаясь коренным народом именно этой территории, и могут претендовать на какие-либо государственные гарантии по сохранению родного языка и культуры.

Тверские карелы являются коренным народом в Российской Федерации, так как их родовые земли на Карельском перешейке находятся на ее территории. В то же время тверские карелы оторваны от своей исторической родины, оторваны от своих братьев и не защищены государством, как этнос. По своему статусу тверские карелы проживают своего рода в резервации, куда они вынуждены были бежать от своих врагов – шведов в XVII веке. В то же время никакими правовыми актами их статус не закреплён.

Тверским карелам требовалась активная помощь государства, в том числе: наделение правом владения и пользования землей, на которой они проживают, и недрами, но такой помощи они не получили. Нужна была качественная бесплатная медицинская помощь и социальные льготы. Когда, например, подобную помощь стали оказывать народам Севера, число манси, ненцев и хантов возросло. Но, к сожалению, при любом политическом строе основную задачу руководители страны видели в ассимиляции малых народов и создании однородного народа. Что касается тверских карел, эту задачу государство, можно сказать, выполнило.

Третьей основной причиной ассимиляции тверских карел, как и других малых народов, является **образование**. До начала XX века большинство тверских карел были неграмотными. К концу XIX века в карельских приходах стали открываться двухгодичные церковно-приходские школы. С обучения карел русскому языку началась их сначала медленная, потом более быстрая ассимиляция.

Девушки и парни, которые обучались в школе, научились правильно говорить по-русски и не «ломать русский язык». Карелы уже смело ходили гулять толпой в русские деревни и присматривать там русских девушек. Случалось, что уже в начале XX века карелы женились на русских девушках и приводили их домой.

Первое время русская жена могла разговаривать лишь с мужем, со свекровью и золовками говорила через мужа-переводчика. Но со временем они осваивались в карельских семьях, учились понимать карельские слова и предложения.

Образование влияет на ассимиляцию, если оно получено не на родном языке. Образованный человек чаще начинает обращаться к этому чужому языку, читать на нем, говорить на нем, думать на нем. Ассимиляция образованных людей, говорящих на чужом языке, неизбежна. Получив образование на русском языке, карел читает книги и приобщается к культуре не на родном, а на русском языке.

В условиях двуязычия, когда карельский язык звучит лишь в деревне, а образованные люди уезжают в города, всегда побеждает русский язык. Особенно быстро тогда, когда на родном языке нет ни книг, ни газет, ни радио, ни обучения. Хорошо, когда человек говорит на двух языках – на родном и чужом, на котором учился. Но плохо, когда чужой язык побеждает родной, и человек его вообще забывает. Чужой язык для него постепенно становится родным, на нем он говорит, пишет, читает, мыслит.

Хорошо знать чужой язык большого народа, который выводит тебя на широкую жизненную дорогу, дает образование, работу, знакомит со своей и мировой культурой. Но плохо, что человек себя уже называет не карелом, а русским или финном, в зависимости от того, в какой стране он живет.

Нам с самого детства повезло в том, что мы знали – наши предки были карелами. Оставалось лишь восстановить историю своего народа, о котором к концу XX века было известно из документальных памятников более 1100 лет, а о тверских карелах – около 400 лет. В то же время нас с самого детства, с молоком матери родители стали учить русскому языку, а не родному карельскому. В школе усиленное внимание также было уделено изучению русского языка и литературы. Местные карелы за 400 лет после переселения практически не сохранили своих сказок, легенд, преданий на родном языке.

После Великой Отечественной войны одежда тверских карел вся стала русской. Еще встречались у старых женщин вышитые карельские национальные рубахи, да синие сарафаны. Еще надевали наколенники и обували коты. В домах сохранялись вышитые и выбитые карельским орнаментом занавески, наволочки, подвески на кроватях и полотенца.

Так вместе с одеждой постепенно менялся менталитет тверских карел. Надевая русскую одежду, разговаривая *по-русски*, стали смешивать карельскую кровь с русской, начались смешанные браки, что до войны было редкой случайностью. Карелы стали не только одеваться *по-русски*, но и думать *по-русски*, разговаривать на русском языке. Они отошли от карельской речи, от мыслей на карельском языке. Вместе с этим стали отходить от карельских традиций, обычаев, игр и песен. Стали отходить от трудолюбия к лени, от любви к земле – к городским удобствам, от праздников – к выпивкам.

С получением образования резко менялся уклад жизни тверских карел, который сложился десятилетиями, когда сын шел по пути отца,

а дочь – по стопам матери. Получив семилетнее, а тем более среднее образование, сын или дочь ставили перед родителями и перед собой вопрос: «кем быть?», то есть какую специальность избрать. Молодые люди хотели быть значимыми не только среди своих деревенских, а среди многих людей. Связь поколений постепенно разрывалась, деревенские жители оставались карелами, а городские карелы становились русскими.

Многие карелы, переехавшие жить в города, с легкостью забывали свой язык и культуру. Имея карельские корни со стороны матери и отца, они в паспортах и во время переписей называли себя русскими.

Нашему поколению говорить на родном карельском языке уже не радость, а мучительные воспоминания слов. В разговоре мы с трудом вспоминаем слышанные в детстве карельские слова, нам значительно легче говорить на русском языке. Тем более писать латиницей на карельском языке могут лишь немногие карелы-специалисты. В городе дома и на улице мы говорим на русском языке. В начале нас выдавал слегка окающий акцент с твердой буквой «Л», да медленная речь, но со временем все это проходило. Когда мы приезжали в родные деревни, быстро вспоминались карельские слова, но вот уже наших деревень нет, и с нами уже никто не заговорит по-карельски.

Ассимиляция тверских карел во второй половине XX века во многом зависела от отношения молодых поколений к своему языку и культуре.

Нужно сказать, что вместе со смертью наших родителей в конце XX века ушли настоящие тверские карелы, которые говорили по-карельски, думали по-карельски, одевались по-карельски и всю свою жизнь прожили в своих карельских деревнях. После их смерти карелы стали другими, хотя называли себя карелами. Они стали говорить по-русски, думать по-русски, одеваться по-русски, многие из них стали жить в больших городах. Остался один лишь разговорный карельский язык, но его носителей все меньше и меньше. Те карелы, кто живут в деревне, друг с другом уже чаще говорят по-русски, и очень редко могут говорить по-карельски со своими сородичами.

Мы, молодые карелы, во второй половине XX века сначала топтались в своих деревнях, потом пошли, потом побежали по дороге в большую жизнь. Мы бежали так же, как наша речка Теплинка, которую во многих местах можно было перешагнуть, впадала сначала в Каменку, потом в Уйवेशь, потом в Осень, Мологу и Волгу. Если Теплинка

составляет половину вод Каменки и четвертую часть реки Уйвешь, то дальше ее воды растворяются, и Волга Теплинку уже не помнит.

Так и в России мало кто знает о тверских карелах, со временем забудут их совсем. Когда мне было уже за 40 лет, я услышал по областному радио, передачу журналиста Сергея Анохина «Тверская Карелия». Тогда окончательно понял, почувствовал красоту карельского языка, по моим щекам текли слезы.

В сентябре 1996 года по приглашению Председателя правительства Республика Карелия Виктора Николаевича Степанова я побывал в этом красивом родном для нас краю. Меня радовали перспективы совместной работы, которые мы обсуждали с Виктором Николаевичем, в министерстве образования, в институте языка, истории и культуры. Вечером меня пригласили на местное телевидение поделиться своими впечатлениями о II Всемирном Конгрессе финно-угорских народов, который прошел в городе Будапеште. Передача шла на карельском языке, на нем легко говорили делегаты конгресса из Карелии Т.С. Клеерова и В.Е. Богданов. Я же, сказав на карельском языке первые 3–4 предложения, не смог продолжить свою речь на родном языке и перешел на русский язык. Если ведущий обращался ко мне с вопросом на карельском языке, я все понимал, но отвечал ему на русском языке.

Я понял, что сначала был значительно богаче своих предков, так как с детства говорил на русском языке. Но став взрослым, я стал намного их беднее, забыв свой родной язык. В то же время я осознал, что если до 15 лет был представителем своего народа – тверских карел, то позднее стал представлять два народа – тверских карел и русских.

И, конечно, одной из основных причин ассимиляции тверских карел с русским населением сыграло резкое снижение рождаемости у карел. Если до войны в каждой семье было, как правило, 4–5 детей, а в некоторых до 10, то после войны в карельских семьях воспитывали по 1–3 ребенка и эта тенденция продолжается.

На примере тверских карел можно сделать вывод, что если рядом проживают два народа, то ассимиляция малого народа с большим народом всегда неизбежна. Определяющую роль здесь играет фактор времени, за которое она происходит.

Международное признание тверских карел

В декабре 1992 года в городе Сыктывкаре (до 1930 года назывался город Усть-Сысольск. – А.Г.) состоялся I Всемирный конгресс финно-угорских народов. На нем были утверждены положение о Консультативном комитете финно-угорских народов и его регламент. Председателем Консультативного комитета финно-угорских народов стал представитель Республики Коми Валерий Петрович

Марков. Местом расположения штаб-квартиры определен город Хельсинки. Представители тверских карел в работе первого конгресса участия не принимали.

Через три года в конце июля – начале августа 1995 года в городе Кудымкаре прошел II Съезд финно-угорских народов Российской Федерации. На съезде тверские карелы были представлены двумя делегатами А.А. Пилюгиным и мною. Меня тогда избрали в состав Исполкома Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации, где я находился десять лет.

До середины 90-х годов XX века о тверских карелах, кроме узкого круга специалистов из Финляндии, Венгрии, Эстонии и Карелии, в мире мало кто знал. Даже в Москве, что в 160 километрах от Твери, не подозревали о проживании карел в Тверской области. В справочнике «Финно-угорский мир», подготовленном в 1996 году к II Всемирному конгрессу финно-угорских народов, о тверских карелах, в отличие от других народов, написано всего несколько строк.

Венгерский ученый, историк Андраш Берецки, давая краткий исторический экскурс о карелах, писал: «В так называемой Тверской Карелии, где в начале 30-х годов XX века численность карельского населения (приблизительно 155 тысяч человек) превосходила количество карелов, проживавших в Карельской АССР, в 1931 году был создан собственный литературный язык на латинской графической основе, на котором могли издаваться книги, газеты и которому можно было обучать в школах. Затем в 1937 году возможность пользоваться национальным языком была внезапно пресечена» [3].

В 1995–1996 годах мы вместе с В.В. Ёлкиным и А.А. Пилюгиным активно добивались включения тверских карел в разрабатываемую тогда

федеральную программу поддержки финно-угорских народов России, отдельно от Республики Карелия. Мы хотели, чтобы финансирование программы шло к нам напрямую, а не через Карелию. Но, несмотря на неоднократные попытки, та программа так и не была утверждена Правительством Российской Федерации.

Начиная с 1995 года, мы с А.А. Пилюгиным стали наблюдателями от тверских карел в Консультативном комитете финно-угорских народов. На очередном его заседании весной 1996 года обсуждались вопросы подготовки к II Всемирному конгрессу финно-угорских народов. Одним из основных документов, принятых на заседании комитета, был регламент II Всемирного конгресса финно-угорских народов, согласно которому делегаты конгресса избирались самими народами.

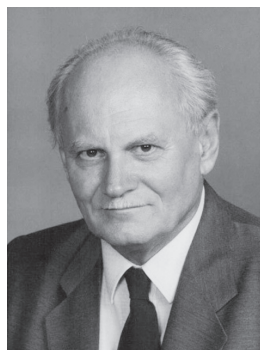
Были установлены нормы представительства на конгресс. Венгры, финны, эстонцы, карелы, марийцы, эрзя, мокша, коми, коми-пермяки и удмурты направляли на конгресс по 20 делегатов. Вепсы, ингерманландские финны, тверские карелы, саамы, манси, ханты, ненцы направляли по 10 делегатов, ливы и селькупы – по 3 делегата.

Участовавший в работе комитета А.А. Пилюгин, по приезду сообщил нам, что определена численность делегатов от тверских карел 10 человек. На очередном расширенном заседании областного комитета Общества культуры тверских карел в апреле 1996 года был определен состав делегации. Мне было предложено возглавить делегацию, а также выступить на пленарном заседании конгресса от имени тверских карел. Я тогда только что начинал работать в должности заместителя губернатора Тверской области.

В состав делегации вошли: председатель Общества культуры тверских карел В.В. Ёлкин, руководители его районных отделений: Лихославльского – А.Н. Разумов, Максатихинского – А.Н. Суслов, Рамешковского – В.А. Кричкин, Спировского – В.К. Капитонова. Также в делегацию вошли от Тверского городского отделения А.А. Пилюгин, от молодежи – Елена Денисова и Владимир Кремлев. Наблюдателем от администрации области был направлен помощник губернатора В.В. Исаков.

Для меня лично тогда многое было впервые, первое формирование делегации, первая поездка за границу, первый перелет на самолете, первое выступление на международном форуме. Мы тогда не знали, что именно после Будапешта о тверских карелах многие узнают и заговорят.

Пленарное заседание II Всемирного конгресса финно-угорских народов было торжественно открыто **17 августа 1996 года** в здании венгерского парламента. Делегатов и гостей конгресса приветствовал президент Венгерской Республики Арпад Гёнци. Он сказал, что XX и XXI века всеми своими скрытыми силами работают против малых культур, наша задача сохранить эти культуры.

После него выступила заместитель председателя парламента Финляндии Кертту Тернквист, которая сказала, что финский народ начал поиски своих корней в прошлом XIX веке. Зная свои корни и родственников по языку, мы способны лучше приблизиться к другим культурам. Многие финно-угорские народы в ходе своей истории попали в худшее положение, чем финский народ. Распад СССР позволил многим финно-угорским народам подать весть о себе. Языки и культуры малых финно-угорских народов подвергаются опасности.

От Российской Федерации с приветствием выступил заместитель министра по делам национальностей и федеративным отношениям Х.Х. Боков, зачитавший приветствие председателя правительства В.С. Черномырдина. В приветствии было сказано, что разрабатывается программа национального возрождения и развития финно-угорских народов России.

После этого начались выступления представителей от финно-угорских народов. От венгров выступил депутат парламента Венгрии, председатель оргкомитета II Всемирного конгресса финно-угорских народов Ботка Ласло. От имени эстонской делегации выступил писатель, председатель союза финно-угорских писателей Арво Валтон. После него слово взял председатель Консультативного комитета финно-угорских народов В.П. Марков, который назвал достижением разработку программы, направленной на развитие

финно-угорских культур России. С 1995 года консультативный комитет участвует в заседаниях рабочей группы ООН по правам коренных народов.

От народов России в основном выступали руководители исполнительных и представительных органов. В их числе губернатор Ханты-Мансийского автономного округа А.В. Филиппенко, заместитель главы Коми-Пермяцкого автономного округа В.В. Рычков, государственный секретарь Республики Марий Эл А.А. Максимов.

Другие народы представляли руководители и депутаты представительных органов. Среди них председатель Госсовета Мордовской ССР В.А. Кечкин, заместитель председателя Госсовета Удмуртии А.Г. Красильников, председатель Законодательного Собрания Республики Коми В.А. Торлопов, депутаты Законодательного Собрания Республики Карелия В.Е. Богданов и З.И. Строгальщикова.

От имени саамов Швеции, Норвегии, Финляндии и России выступил их представитель Клеметти Няккяляярви. Представитель ливов Валтс Эрнштрейс сказал, что их осталось всего около 300 человек. Представительница народа сету Ыйе Сарв сетовала на проблемы, возникшие в связи с разделением территории их проживания между Россией и Эстонией. В тот же день 17 августа 1996 года была дана пресс-конференция для журналистов, о тверских карелах через средства массовой информации узнали многие. На второй день работа делегатов шла в шести секциях, наши представители участвовали в работе четырех секций: политика, культура, здравоохранение и демография, секция молодежи.

На конгрессе я выступил дважды, на пленарном заседании 17 августа и на секции «политика» 18 августа, выступления приводятся ниже.

На втором пленарном заседании 19 августа в числе других было принято решение и по тверским карелам. «Принимаются решения по тверским карелам, сету.

Решение: вопрос об участии тверских карел в качестве самостоятельной народности в финно-угорском движении, как говорил в своем выступлении на пленарном заседании заместитель Губернатора Тверской области Анатолий Николаевич Головкин, ссылаясь на то, что в Российской Федерации их приняли как отдельную народность и в федеральном проекте развития они также выступают как отдельная народность, рассмотреть отдельно на следующем заседании

Консультативного комитета. Однако в настоящий момент, поскольку этот документ в основе своей является рабочим регламентом II Всемирного конгресса финно-угорских народов, а не конгрессов вообще, поскольку тверские карелы прибыли самостоятельной делегацией, они могут считаться самостоятельной единицей; сету объявили себя частью эстонской делегации» [4].

Была утверждена резолюция конгресса, акцент был сделан на обеспечение прав народам на национальное самоопределение, распространение в мире знаний об истории и современной жизни финно-угорских народов, на возрождение и развитие их культур и языков.

В Будапеште было много встреч и знакомств со значимыми людьми. Я познакомился с послом Российской Федерации в Венгрии И.П. Абоимовым, который давал прием делегациям из России. Мы с ним договорились о проведении в Российском культурном центре посольства дней тверских карел под названием «Знакомство с тверскими карелами». Нужно отметить, что это знакомство состоялось в октябре 1996 года.

Познакомился с послом Венгрии в Российской Федерации Дьердем Нановски, с которым потом сложились хорошие отношения. Мы оба с ним долгое время были членами Консультативного комитета финно-угорских народов. В своей книге «Сородичи по языку» на русском и английском языках он дал информацию о тверских карелах.

Познакомился с руководителями республик, округов и областей, в которых проживают финно-угорские народы. Дальнейшие поездки в Карелию, Марий Эл, Мордовию, Ханты-Мансийск давали новые импульсы развития наших отношений. Познакомился с руководителями общественных объединений финно-угорских народов, депутатами парламентов. Во время проведения конгресса к нам подходили депутаты парламентов Венгрии и Финляндии, заявляя, что мы только через несколько лет поймем, на какую высоту во время конгресса подняты тверские карелы.

Возвратившись с конгресса, мы начали активную работу по реализации поставленными самими же задач. Финансирование Обще-

ства культуры тверских карел из областного бюджета, начавшееся с 1994 года, было стабильным сначала по 200 тысяч, а позднее по 250 тысяч рублей в год. Тогда это были значительные деньги. На постоянной основе стала работать ответственный секретарь Общества культуры тверских карел Головкина Зинаида Ивановна, она же была ответственной за карельскую культуру. К должности главного специалиста по карельскому языку приступила Туричева Зоя Александровна.

Постепенно были созданы 18 самодеятельных фольклорных карельских коллективов. Все больше школ стали у себя преподавать карельский язык на факультативных занятиях, Козловская средняя школа Спировского района включила обучение родному языку в школьный компонент. Максимальное число школ, где обучали карельскому языку, достигло пятнадцати. Карельский язык стали преподавать в Лихославльском педучилище, в Твери были открыты курсы карельского и финского языков для взрослого населения.

Продолжали вести ежемесячную программу на радио «Тверская Карелия», с сентября 1996 года начали выпускать национальную газету на карельском языке «Karielan sana». Первым редактором стала Зайцева Антонина Анатольевна. Чуть позднее начали создавать регулярные телепередачи на областном телевидении «Ома ранда».

В октябре 1996 года в посольстве России в Республике Венгрия прошли дни тверских карел. Делегацию из 18 человек возглавляла ответственный секретарь общества культуры тверских карел З.И. Головкина. **27 марта 1997 года** состоялась первая международная конференция «История и культура тверских карел: перспективы развития». Уровень представительства на конференции был высоким. В ее работе приняли участие: Дьердь Нановски – Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Венгрия в РФ;

- Вейо Салохеймо и Матти Йесконен – ученые университета города Йюенсуу, Республика Финляндия;
- В.Д. Шуверова – начальник отдела финно-угорских народов Министерства по делам национальностей РФ;
- Т.С. Клеорова – председатель комитета по национальной политике Республики Карелия.

В работе конференции приняли участие ученые Тверского государственного университета, а также из Москвы, Петрозаводска и Казани.

Вел конференцию ректор Тверского государственного университета А.Н. Кудинов. Для ее проведения был выделен зал заседаний Законодательного Собрания области – один из лучших залов города Твери. На заседании Консультативного комитета финно-угорских народов в городе Твери в марте 1997 года тверские карелы стали полноправным членом комитета. На этом заседании комитета меня делегировали принять участие в работе III сессии рабочей группы ООН по доработке Декларации о правах коренных народов.

Консультативный комитет финно-угорских народов с 1995 года является постоянным членом рабочей группы по доработке Декларации ООН о правах коренных народов. Рабочая группа ООН, учрежденная в соответствии с резолюцией 1995/32 Комиссии по правам человека, провела несколько осенних сессий в Женеве. Третья сессия проходила в период с 27 октября по 7 ноября 1997 года. На ней шло совместное постатейное обсуждение проекта Декларации членами рабочей группы с одной стороны и представителями правительств – с другой стороны, они были оппонентами друг друга. В работе сессии приняли участие 103 представителя правительственных делегаций, более чем из 60 стран и 177 представителей из более 100 неправительственных организаций.

Наибольшая острота проявилась при обсуждении ст. 3 проекта Декларации, где сказано, что коренные народы имеют право на самоопределение. Большинство правительств поддержало это право.

В течение второй половины 1996 года и в 1997 году шла активная работа по созданию региональной национально-культурной автономии тверских карел и районных автономий. Но не все задачи, поставленные нами, были выполнены. К федеральной программе возрождения и развития финно-угорских народов России возвращались несколько раз. В январе 1997 года в городе Санкт-Петербурге прошли депутатские слушания Государственной Думы по вопросу: «О реализации Концепции государственной национальной политики РФ на примере программы возрождения и развития культуры финно-угорских народов России». Однако эта программа так и не была утверждена Правительством Российской Федерации.

***Выступления на II Всемирном конгрессе
финно-угорских народов в Будапеште***

На пленарном заседании конгресса 17 августа 1996 года

Приветствую участников Всемирного конгресса финно-угорских народов!

Поздравляю Венгрию с ее юбилеем!

Тверские карелы в 1930 году имели численность 140 тысяч человек. После ликвидации в 1939 году Карельского национального округа наступила эпоха забвения тверских карел. Было официально запрещено преподавание на карельском языке, все стало на русском языке, были уничтожены книги на карельском языке.

По прошествии 50 лет было создано Общество культуры тверских карел. Сейчас среди компактно проживающего населения главной задачей является возрождение карельской культуры и решение социальных проблем. У нас нет своей государственности. Мы разработали проект национально-культурной автономии тверских карел, это местная инициатива с государственной поддержкой. Эта автономия основывается на культурном единстве тверских карел.

Национально-культурная автономия в соответствии с законом имеет право просить и получать помощь от органов государственной власти и от местного самоуправления, имеет право создавать средства массовой информации, получать и распространять информацию на родном языке, учреждать учебные, культурные и научные заведения. Мы хотим создать при администрации Тверской области совет карельской национально-культурной автономии. В этом совете будет представитель, отвечающий за организацию образования на карельском языке и представитель по делам культуры. Эти два государственных служащих будут работать на постоянной основе за счет государственного бюджета.

Задача совета – организация школьного преподавания на карельском языке и организация работы учреждений культуры. Методической задачей станет издание учебников, методических пособий, подготовка специалистов. Исследовательской задачей будет являться аналитическая работа, подготовка учебных материалов. В каждом районе области, где проживают карелы, будет по два таких муниципальных служащих, итого десять человек.

Мы хотим развивать культурные связи с родственными народами и странами. Мы поддерживаем тесную связь с Республикой Карелия и Финляндией. Нам они помогают вести преподавание карельского языка в школах в местах компактного проживания тверских карел. Мы хотим ввести для карельских школьников обучение финскому языку. У нас есть дружеские связи с Эстонией и Венгрией.

В соответствии с соглашением между Российской Федерацией и Тверской областью мы имеем право заключать самостоятельно международные соглашения и договоры с другими странами. Это свое право мы хотим использовать для развития экономических связей. Тверская область, имеющая уникальные, с точки зрения туризма, природные достопримечательности, экологически чистая, стремится развивать дружеские связи с родственными народами.

На секции «политика» 18 августа 1996 года

Я представляю тверских карел. Эта этническая группа мало известна, поэтому скажу о ней несколько слов. В 1937 году на основании постановления ЦК партии из пяти районов создали Карельский национальный округ, а в 1939 году округ ликвидировали, его руководителей и интеллигенцию арестовали. После этого многие карелы начали называть себя русскими, переменили свою национальность. После того, как в 1940 году образовалась Карело-Финская АССР, многие тверские карелы переселились туда, тверских карел становилось все меньше. По данным переписи населения 1989 года их осталось 23,2 тысячи человек.

Высказывались предложения о том, чтобы сделать нас национальным округом. В конце концов, мы решили, что не будем пытаться создавать государственного образования, потому что это породило бы внутренние проблемы. В некоторых районах тверские карелы проживают компактно, но они также разбросаны по всей Тверской области. Никто не имеет права переселять их, это исключительно их право. Поэтому мы хотим создать национально-культурную автономию, ведь мы знаем, что государство в силах разрушить традиционный уклад жизни, но не в силах его воссоздать. Это дело народа, это его долг перед предками и потомками. Мы должны сохранить традиции в тех местах, где тверские карелы проживают компактно.

По нашему мнению, имеется правовая база для сохранения этнической группы, для поддержания языка и культуры. Первое – это федеральный закон о национально-культурной автономии. Мы должны добиться, чтобы эти права можно было обосновать экономически. В соответствии со ст. 4 этого закона предоставляются следующие права: собственное издательство, собственная газета, распространение ежедневной газеты на своей территории и в Финляндии, обеспечение тверским карелам доступа в местные органы власти. В настоящее время таких представителей в областном парламенте у нас нет. Во-вторых, в базовый документ Тверской области нужно включить такую статью, которая была бы посвящена коллективным правам народа и укреплению демократии. Мы тщательно изучаем возможности создания местного областного закона для защиты прав тверских карел. Мы подписали договор между Москвой и областью, в соответствии с которым область имеет право на самоопределение, когда нет федеральных законов. Мы добивались два года, чтобы был принят устав области.

По моему мнению, резолюцию конгресса надо дополнить предложением о том, что мы должны разработать международную декларацию в защиту прав человека для малых народов. В отношении культурного и экономического сотрудничества тверские карелы хотели бы воспользоваться своим правом, самостоятельно заключать договоры с другими странами, министерствами, ведомствами, органами высшей власти. Мы имеем на это право. Стоило бы упомянуть в резолюции, что финно-угорские народы стремятся к экономическому сотрудничеству на основе взаимной выгоды.

Всероссийский конгресс малых народов

Нас, активистов финно-угорского движения, пригласили 2 декабря 1999 года в Министерство по делам федерации и национальностей РФ. Туда прибыли: З.И. Строгальщикова из Карелии, А.И. Кирьянен из Ленинградской области, В.С. Сондыков, Т.С. Гоголева и А.В. Новыхов из Ханты-Мансийского округа, А.В. Евай из Ямало-Ненецкого округа, мы с В.В. Ёлкиным от Тверской области, а также представители федеральных министерств и ведомств. Вел совещание заместитель министра по делам федерации и национальностей РФ А.А. Томтосов.

Он сообщил, что накануне, 1 декабря, председатель Правительства РФ В.В. Путин наконец-то подписал распоряжение о проведении 3–5 декабря Всероссийского конгресса «Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты» в рамках Международного десятилетия коренных народов мира. В 1999 году это десятилетие как раз прошло половину своего пути. Образован оргкомитет во главе с министром по делам федерации и национальностей РФ В.А. Михайловым. В комитет вошел 31 человек, в том числе: четыре губернатора, четыре руководителя общественных организаций от народов, 15 представителей министерств и ведомств.

Времени на подготовку Конгресса практически не осталось, его работа начнется завтра, 3 декабря. В регионы направлены телеграммы о том, чтобы оттуда прибыли делегации. Срочно формировались списки выступающих на пленарном заседании Конгресса и на его секциях. А.А. Томтосов просил нас оказать содействие в участии делегаций от финно-угорских народов России в работе Конгресса и подготовке выступлений.

Нужно сказать, что на Конгресс прибыли делегации из 35 регионов России, в том числе 10 делегаций от финно-угорских народов. Самыми представительными были делегации из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов – по 19 человек, Долгано-Ненецкого (Таймырского) округа – 15 чел., Карелии – 13 чел., Республики Коми и Ненецкого округа по 12 чел., Удмуртии – 11 человек. Кроме них были представители финно-угорских народов Ленинградской, Мурманской и Тверской областей. В состав финно-угорских делегаций входили учителя, работники культуры, руководители национальных общественных организаций, журналисты, оленеводы, представители органов власти и местного самоуправления.

С очень смелым, объективным и критическим докладом на пленарном заседании выступил министр по делам федерации и национальностей РФ В.А. Михайлов.

Он сказал, что надо осмыслить, какой будет судьба коренных малочисленных народов в XXI веке. Их положение в конце XX века раскрыто в проекте национального доклада «Коренные малочисленные народы России». Материалы доклада со всей беспощадностью раскрывают крайне тревожные тенденции: ухудшается демография и состояние здоровья малых народов, ухудшается положение в уровне образования, в значении родного языка, в трудовой занятости.

Невиданные по масштабам изыскательские, строительные и эксплуатационные работы по освоению нефтяных запасов ведутся в таежной глубинке, славившейся прежде охотничьими и рыболовными угодьями. В ходе проводимой радикальной экономической реформы коренные малочисленные народы России пострадали более других этносов.

Чтобы как-то изменить ситуацию, законодательство некоторых регионов пошло впереди федеральных законов. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе, в ряде республик и областей региональное законодательство предусмотрело передачу коренным малочисленным народам оленьих пастбищ, охотничьих, рыболовных и других угодий в бессрочное или срочное владение, с правом или без права наследования, на арендной основе и другим юридическим формам использования.

Но на федеральном уровне так и не приняты законы, определяющие статус аборигенов, формы их самоорганизации, статус территорий традиционного природопользования в местах их компактного проживания.

Для эффективной деятельности аборигенного самоуправления государство обязано обеспечить коренным малочисленным народам право на ресурсы традиционного жизнеобеспечения на федеральных и региональных землях. В Ханты-Мансийском автономном округе право владения и контроль над землей и ее ресурсами уже стало реальностью. Там региональное законодательство предусматривает утверждение статуса родовых угодий, передачу их в бесплатное пожизненное наследуемое владение, проведение референдума среди коренных жителей для получения согласия на отвод земель под промышленное освоение.

В советский период были достигнуты определенные успехи в обучении аборигенных народов: созданы алфавиты и грамматики их языков, изданы учебники, готовились национальные кадры. Сейчас

же федеральный образовательный стандарт занял подавляющую часть учебного времени, региональному компоненту в нем практически нет места [5].

Председатель совета Ассамблеи народов России Р.Г. Абдулатипов сказал, что проблема выживания коренных малочисленных народов – тяжелейшая проблема в условиях политического и экономического кризиса страны. И главная задача сейчас – установление постоянного равноправного партнерского диалога между властью и на-

циональными общинами. Речь идет не о льготах для малочисленных народов и общин, а о механизме восполнения неравенства, которое сложилось в объективной жизни [6].

Приведу еще несколько выдержек из выступлений участников того Конгресса. Первый заместитель министра культуры РФ Н.Л. Дементьева говорила о том, что наметилась устойчивая тенденция сокращения сети и обнищания клубных учреждений, существенно ослабла их материально-техническая база, снизился уровень культурного обслуживания населения. Органы культуры в ходе своих экспедиций собрали уникальные материалы, характеризующие самобытное этнокультурное наследие аборигенов, но результаты научных исследований не публикуются из-за отсутствия средств.

Начальник управления регионально-образовательной политики министерства образования РФ В.К. Бацын: родной язык не востребован в огромном большинстве случаев. Министерство образования России не имеет права заставлять народ учить язык, от которого он сам фактически отказывается. Обращаюсь к вам, к носителям собственной культуры, собственных языков – это ваша проблема. Нужны ли усилия и траты, если полученные по языку знания потом исчезают – на данном языке не говорит народ?

Заместитель главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа В.С. Сондыков обратился к правительству как можно реже реформировать министерство нацио-

нальной политики. Не успели познакомиться с одним министром, как через 3–4 месяца надо знакомиться с другим. Но его призыв не был услышан, уже в 2000 году министерство реорганизовали в Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политике РФ. В.А. Михайлов покинул пост министра, ему на смену пришел А.В. Блохин. Спустя незначительное время министерство вообще было ликвидировано.

В рекомендациях Всероссийского Конгресса «Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты» в числе других обращений было обращение к органам государственной исполнительной власти субъектов Российской Федерации, о выделении защищенных статьей бюджета средств, для решения проблем коренных малочисленных народов. Администрация Тверской области тогда услышала эти рекомендации, оставив защищенную статью расходов в областном бюджете для национально-культурной автономии тверских карел, увеличив сумму с 200 тысяч рублей в год до 250 тысяч. Такие же защищенные статьи появились после этого в бюджетах Лихославльского и Максатихинского районов.

Проект «Будущее тверского села»

В конце XX века появилось бахвальство роскошью, хотя такого понятия, как «роскошь», в карельском словаре вообще нет. Раньше в карельских семьях самой большой роскошью были самовары. Раздоры в некоторых семьях стали доходить до суда, чего раньше никогда не было. Но в карельских деревнях еще остались гостеприимство, взаимовыручка, доброта и справедливость. Когда в дом приходит посторонний человек, деревенские жители, в отличие от городских, до сих пор никогда не возьмут денег за чай, обед или ночлег.

Как долго будет длиться состояние депрессии, зависит от политических и экономических условий жизни и желания самого народа. Скорее бы выйти из него. Для выхода из этого депрессивного состояния нужна нацеленность на работу и ответственность за семью. Но карельский фактор – трудолюбие, инициатива, забота о семье, трезвый образ жизни, поддержание связей с родственниками и соплеменниками не используется. Реальную картину жизни карельской деревни

в конце XX – начале XXI веков можно видеть на примере деревень Ривицкого сельского поселения Максатихинского района. Поселение объединяло 21 деревню, в которых проживало 985 жителей, в том числе 11 деревень карельских. В шести деревнях жителей осталось от 2 до 6 человек, в трех деревнях – от 9 до 13 человек, в основном пенсионеры. На территории поселения проживало тогда 280 пенсионеров и лишь 87 человек школьного возраста. В деревне Строкина Гора жили 48 человек, в Большой Воздвиженке 106 жителей, основное население проживало в поселке Ривица, где половина населения – карелы. Есть средняя школа, детский сад, врачебная амбулатория, медпункт, два сельских дома культуры.

Финансовая база практически никакая – копеечный земельный налог да налог с имущества, который с пенсионеров не взимается. На эти скудные средства населению не прожить, социальную сферу не содержать, поэтому надеялись на дотации из района. В деревне Большая Воздвиженка к 2006 году сохранился колхоз «Призыв Ильича», специализирующийся на производстве молока, возили его в районный центр Максатиху, содержали в колхозе 150 коров.

Картофель колхоз не сажал, зерновые не сеял, техники не было. В Ривицах бывший колхоз «Рассвет», развалился полностью. Единственное место работы жителей поселка – фанерный цех от Максатихинского леспромхоза, там работали опытные деловые люди. Остальные работать не хотели, на всех 985 жителей только одно фермерское хозяйство в деревне Фенюшиха, у фермера 4 коровы.

Те, кто нигде не работали, – пили, воровали, продавали и снова пили, летом носили ягоды и грибы, этим жили. Такое положение было в большинстве сельских поселений области.

Такой национальный фактор, как проживание карел в Тверской области, сыграл определенную роль в экономических отношениях с финно-угорскими странами. 2–3 июля 1998 года состоялся первый за всю историю Финляндии официальный визит в Тверскую область посла Республики Финляндия в РФ Маркуса Люры.

Во время визита, в числе других, обсуждался ряд экономических вопросов, в том числе о совместных проектах и создании совместных

предприятий на территории Тверской области. Посол побывал в дер. Алешино Рамешковского района, встретился с карелами деревни Залесье.

29 октября 1998 года в посольстве Республики Финляндия в городе Москве был проведен «День тверских карел». Состоялась пресс-конференция для российских и зарубежных журналистов о жизни и перспективах тверских карел. Был дан большой концерт силами самодеятельных коллективов тверских карел.

Финский режиссер Арво Архлоос снял большой фильм о ситуации в карельских районах Тверской области. В этом кинофильме имеется много негатива: разрушенные церкви и дома культуры, нищета деревенских жителей, плохие дороги, заросшие бурьяном поля и так далее. Но это реальность, это действительность.

В конце XX века сельское население Тверской области, как и других регионов России, столкнулись с серьезными проблемами. Структура старой колхозно-совхозной системы оказалась в одночасье разрушена. Крупное земледелие, в основе которого лежали колхозы и совхозы, в некоторых районах области сократились до земледелия лишь для нужд домашнего хозяйства.

Старые ремесла и промыслы практически прекратили свое существование. Большая часть населения оказалась растерянной и не готовой к новым условиям жизни.

Чтобы помочь найти выход из создавшегося положения в феврале 1999 года национально-культурная автономия тверских карел вместе с Центром обучения взрослого населения Хельсинского университета разработали проект, под условным названием «Тверское село». Цель этого проекта состояла в том, чтобы создать модель, с помощью которой сельские жители Тверской области смогли бы самостоятельно развивать экономику своих сел и улучшить условия своей жизни. В качестве пилотных были выбраны 10 достаточно больших сел, в которых наряду с русской культурой и языком сохранились карельские культура и язык. Это села Козлово и Никулино Спировского района, Толмачи, Новый Стан и Залазино Лихославльского района, Алешино и Никольское Рамешковского района, Трестна и Сельцы Максатихинского района, а также село Тимошкино Весьегонского района.

Участники проекта использовали как финский опыт развития сел, так и собственный опыт тверских сел. Проект был разбит на четыре модуля, каждый из которых состоял из этапа очного обучения и этапа

практической работы в селах, на котором участники проекта использовали приобретенные значения и практические навыки.

Финансирование проекта осуществлялось за счет средств Европейского Союза, заказчиком проекта была администрация Тверской области, мне было поручено участвовать в разработке этого проекта.

Пилотные села были выбраны на проведенном **24–25 февраля 1999 года** в городе Лахти (Финляндия) совещании по разработке проекта. При выборе сел использовались критерии: села должны быть достаточно крупными и жизнеспособными, в них наряду с русской культурой и языком должны быть сохранены карельские культура и язык.

На этом совещании были проведены переговоры между организаторами проекта с финской и российской сторон по основным позициям и концепции проекта. С нашей стороны принимали участие председатель региональной национально-культурной автономии тверских карел З.И. Головкина, главный специалист автономии З.А. Туричева, директор Лихославльского педучилища А.М. Копалиани и я, как представитель администрации Тверской области. Финскую сторону представляли руководители и преподаватели Центра обучения взрослого населения при Хельсинском университете Самули Койвула, Торсти Хюрюляйнен, Матти Лехтонен и Элла Карьялайнен.

В апреле-мае 1999 года на сельских сходах проходили выборы инициативных групп и координаторов проекта, по два координатора от каждого села. На практике координаторами были избраны главы сельских округов и сельские активисты – учителя, фермеры, руководители колхозов и другие жители села.

Инициативные группы были избраны в каждом селе числом 4–6 человек. Кроме того, из числа учащихся Лихославльского педучилища были отобраны еще 10 координаторов, по одному на каждое село. Осуществление проекта «Тверское село» началось 29 ноября 1999 года на базе Лихославльского педучилища.

Участники проекта сообщили сведения о своих селах и высказали пожелание, чтобы в проекте участвовали не 10 сел, а 10 сельских округов, программа развития которых получила название «Будущее тверского села». Обучение координаторов прошло в четыре этапа, один из них в Финляндии, три на базе Лихославльского педучилища.

На заключительном этапе обучения **12–16 июня 2000 года** координаторы представили программы развития сельских округов. В пос-

ледный день семинара 16 июня принимали участие директор Центра переподготовки взрослого населения при Хельсинском университете Самули Койвула и посол Финляндии в Российской Федерации Маркус Люра.

Программы развития сельских округов были разработаны, исходя из результатов исследований, по выявлению имеющихся в них ресурсов.

Идея возрождения выращивания льна представлена в программах развития сел Тимошкино, Сельцы, Трестна и Толмачи. В связи с развалом сельского хозяйства Тверская область перестает быть одним из важнейших регионов по выращиванию льна.

Однако имеющийся опыт и знание по выращиванию льна, наличие оборудования, машин и механизмов могут стать основными факторами восстановления и развития льнопромышленного комплекса.

Села Никольское, Толмачи, Новый Стан, Залазино, Сельцы и другие представили проекты по развитию туризма, условия для которого имеются. Основой для жизнеспособности всех сел является занятие сельским хозяйством. Большинство наших отечественных продуктов имеют высокое качество, они экологически чистые. Для дальнейшего развития их производства в Тверской области необходимо решить три основные проблемы – хранение, переработку и упаковку этих продуктов.

Гарантией сбыта сельскохозяйственных продуктов является территориальное расположение Тверской области между городами Москвой и Санкт-Петербургом. Для решения проблем развития их производства, системы переработки, транспортировки и маркетинга необходимо изменить отношение людей к себе, своему труду и обучить будущих фермеров работе в новых условиях приватизации.

Одной из основных составляющих программы «Будущее тверского села» и ее развития являлось возрождение промыслов и ремесел, прежде всего производство изделий из дерева, ткани, изготовление валенок и других войлочных изделий, сбор и переработка лесных ягод и грибов.

В результате обучения координаторов десяти сельских округов в этих селах укрепилась атмосфера сотрудничества и доверия. Выросли активность, инициативность людей, чувство ответственности, уверенность в своих силах и предприимчивость. Стал более широким взгляд людей на происходящие изменения в России и на пути выхода из создавшегося кризиса.

Координаторы от Евросоюза, который финансировал этот проект, неоднократно заявляли, что при успешной реализации он может стать типовым для всей России.

Однако, из-за смены руководства в области, районах, сельских поселениях, отсутствия преемственности в руководстве, этот проект реализован не был. Необходимость в реализации проекта была большая, так как карельская деревня шла к упадку.

Необходимо было, чтобы руководители районов с компактным проживанием карел и руководители сельских поселений когда-нибудь сняли с полок эти разработанные вместе с финнами программы и начали претворять их в жизнь, но они чего-то долго ждали.

III Всемирный конгресс финно-угорских народов в городе Хельсинки

III Всемирный конгресс финно-угорских народов прошел в городе Хельсинки (Финляндия) **11–13 декабря 2000 года** в лучшем дворце города «Финляндия». На конгресс прибыла 21 делегация, в его работе приняли участие около 600 человек – делегатов, наблюдателей, гостей и журналистов.

Предварительно на заседании Консультативного комитета финно-угорских народов была установлена норма представительства в зависимости от численности народа. По 3 делегата избраны от ливов, селькупов и сету; по 10 делегатов от хантов, манси, ингерманландцев, саамов, тверских карел и вепсов; по 20 делегатов от карелов, коми, коми-пермяков, марийцев, мокши, эрзи, удмуртов, венгров, эстонцев и финнов. Также были представители от ижорцев и квенов.

Тверские карелы начали готовиться к этому конгрессу задолго до него. В апреле 2000 года в музее имени Лизы Чайкиной в городе Твери прошла III областная отчетно-выборная конференция тверских карел. На нее прибыли делегаты из 8 районов и города Твери. Конференция вновь утвердила председателем областной национально-культурной автономии Головкину Зинаиду Ивановну сроком на 3 года. Утверждена программа развития карельского языка, культуры и средств массовой информации до 2005 года. На выполнение этой программы из областного бюджета ежегодно выделялось по 250 тысяч рублей.

На конференции были избраны делегаты от тверских карел на III Всемирный конгресс финно-угорских народов в городе Хельсинки. В состав делегации вошли: З.И. Головкина – председатель областной автономии, ее заместитель В.В. Ёлкин, представители районных автономий: М.А. Глумина от Лихославльской, Т.В. Кискина от Спировской, С.О. Петрова от Тверской городской, З.Н. Попкова от Рамешковской, Н.А. Чигрина от Максатихинской районной автономии. В делегацию вошли также главный специалист по образованию областной автономии З.А. Туричева и редактор газеты «Karielan sana» Л.Г. Громова.

Меня на конференции также избрали делегатом и предложили возглавить делегацию, а также выступить на конгрессе от имени тверских карел. Я тогда продолжал работать заместителем губернатора Тверской области. В качестве наблюдателя мы пригласили мэра города Твери А.П. Белоусова. Молодежного отделения автономии, как такового, у нас не было, поэтому представители в Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН) от тверских карел в работе конгресса не участвовали. Не было тогда молодежи и от Республики Карелия, в МАФУН активно представляли себя финны, эстонцы, мордва, марийцы, удмурты, саамы, коми, ханты и манси, всего 10 народов, так как мордва делится на два народа – мокша и эрзя.

На конгресс прибыли и выступили с приветствиями: Президент Республики Финляндия Тарья Халонен, Президент Венгерской республики Ференц Мадл и Президент Эстонской Республики Леннарт Мери. Официальную делегацию гостей Российской Федерации возглавлял министр по национальной политике А.В. Блохин.

В своем выступлении Президент Финляндии Тарья Халонен отметила, что испытывает чувство теплоты – будто собрались все члены семьи и приехавшие издалека родственники. Каждый человек имеет право на собственный язык и собственную культуру. Это одно из основополагающих прав человека, гарантированных международными конвенциями [7].

Президент Венгрии Ференц Мадл сказал, что мысль: «Должна быть где-то прародина» могли высказать многие ма-

лочисленные народы и этносы, которые, хотя и чтят свое прошлое в языке и традициях, но не очень-то знают о своих корнях. Перемены в России привели, с одной стороны, к усилению национального самосознания и национальных движений финно-угорских народов, проживающих на территории России, с другой стороны, к пробуждению солидарности финно-угорских народов, располагающих самостоятельной государственностью.

Одной из приоритетных тем II Всемирного конгресса финно-угорских народов в августе 1996 года в Будапеште, явилось определение дальнейших задач, связанных с политическим и правовым статусом самобытных финно-угорских народов, проживающих в меньшинстве, задач, связанных с сохранением их национальной культуры, языка, самоидентичности.

Президент Эстонии Леннарт Мери заявил, что мир воспринимает чувство принадлежности финно-угорских народов к отдельной группе. «Встречи финно-угорских народов превратились в регулярные обсуждения, определение основных направлений и видения будущего. Действительно ли это та дверь, через которую ходят? Мы взяли под защиту ту сферу и ту лечебную траву, которая растет только на Сааремаа (остров в Балтийском море, принадлежащий Эстонии. – А.Г.) Может мы забыли взять под защиту малые народы?» [8].

Министр по национальной политике Российской Федерации А.В. Блохин в своем выступлении остановился на большом значении принятого в 1996 году федерального закона «О национально-культурной автономии». За восемь лет (с 1992 по 2000 годы. – А.Г.), прошедших со времени I Всемирного конгресса финно-угорских народов, многое изменилось в жизни российских финно-угров. Развитие культур и языков, системы национального образования, средств массовой информации в регионах проживания финно-угорских народов подняли на качественно новый уровень их национальное самосознание [9].

С отчетным докладом на конгрессе выступил председатель Консультативного комитета финно-угорских народов Валерий Петрович

Марков. В докладе он дважды упомянул тверских карел. Прежде всего, в связи с проведением в марте 1997 года заседания комитета в городе Твери. Тогда тверские карелы стали полноправным членом финно-угорской семьи.

Во-вторых, в связи с моим участием в заседании рабочей группы ООН по доработке Декларации о правах коренных народов. Это была третья сессия рабочей группы, которая состоялась в Женеве с 27 октября по 7 ноября 1997 года. На ней шло постатейное обсуждение проекта декларации членами рабочей группы с одной стороны и представителями правительств – с другой стороны. В работе сессии приняли участие 103 представителя правительственных делегаций более чем из 60 стран, и 177 представителей из более 100 неправительственных организаций. Нужно отметить, что Декларации о правах коренных народов была принята Организацией объединенных наций в сентябре 2007 года. Ее не подписали правительства США, Австралии и России.

После официальных выступлений и отчета на пленарном заседании было предоставлено слово представителю от каждого народа, выступили 16 человек. Приведу запомнившиеся отрывки из выступлений делегатов конгресса. Представительница ижор О.И. Конькова ставила вопросы, на которые нет ответа: «Что делать народам, чья значимость не понятна им самим? Что делать народам, которых приучили скрывать свое происхождение и, потупив глаза, говорить: «Да, отец мой ижор, и мать, к сожалению, тоже ижорка. Но я – русская!» Как вернуть людям национальное самоуважение? Как заставить их поднять десятилетиями опущенную голову? И как показать другим, что быть ижором – так же великолепно, как быть русским, финном или венгром? Ждать помощи от государства? Сами знаете, дожидаться трудно. Заявлять повсюду, что мы когда-то великий, но, к сожалению, позабытый всеми народ – бессмысленно. У нас заявителей не любят. Что же делать? Извечный российский вопрос» [10]. *(По переписи 2002 года на территории России проживали 327 ижорцев. – А.Г.)*

Председатель правления Союза ливов Алдис Эрманбрикс: «Ливы имеют долгую и богатую историю, пять тысяч лет тому назад они проживали на территории нынешней Латвии. Их именем несколько столетий тому назад было названо государство Ливония. Восемьсот лет назад столица Латвии город Рига был ливским поселком. Но рядом с ними проживали численно намного большие племена балтов, и число ливов стало резко сокращаться из-за процесса ассимиляции. В ходе

последней переписи населения Латвии лишь 171 человек признал себя ливом, а владеют ливским языком всего 10 из них» [11]. *(Нужно отметить, что согласно переписи 2002 года на территории России ливов не было, они оставались проживать лишь в Латвии. – А.Г.)*

Представитель народа сету Ыйе Сарв: «Сету является сейчас как бы приграничным народом, земли которого находятся в уголке Эстонии и пограничной с ней России. Люди сильно разъединены между двумя странами. Нас немного, но мы существуем. Мы тоже желаем жить своей жизнью, узнавать и знать свою историю, обучать своих детей языку и культуре своих предков» [12]. *(Согласно переписи 2002 года в Псковской области проживало всего 150 человек или 5% сету от их общего числа. – А.Г.)*

Выступая на пленарном заседании конгресса, я выразил надежду на то, что в последующий четыре года, цивилизованно, на основании законов, в национальной политике России произойдут изменения. Выступление приводится ниже [13].

В резолюции конгресса было отмечено, со времени проведения первого и второго конгрессов финно-угорский мир стал реальным фактором, консолидирующим наши народы и все более конструктивно заявляющим о себе в отношениях между государствами. Конгресс решил провести научные исследования по изучению состояния здоровья населения и влияния окружающей среды, проблем семьи и детства в местах компактного проживания финно-угорских народов. Конгресс объявил субботу третьей недели октября Днем родственных финно-угорских народов [14].

Было решено оставить штаб-квартиру Консультативного комитета финно-угорских народов в городе Хельсинки. Провести в 2004 году IV Всемирный конгресс финно-угорских народов в Эстонской Республике.

Нужно отметить, что 12 декабря делегатов и гостей конгресса принимала председатель парламента Финляндии Риита Уосукайнен. Нашей делегации удалось вместе с председателем Общества друзей тверских карел Эрки Хатакка пообщаться с нею. К тому времени мы другу друга знали хорошо, неоднократно встречались. Были у нее на приеме вместе с губернатором В.И. Платовым в 1999 году.

На следующий день она сделала заключительное выступление перед делегатами и гостями конгресса, в котором сказала, что благодаря конгрессу, тема финно-угорских народов и их культура, как никогда ранее, получила большое внимание, как в финских, так и международных средствах массовой информации. Веру в будущее наших народов нам придает успешно работавший конгресс молодежного союза МАФУН, который проводился одновременно с этим конгрессом.

Многие финно-угорские народы живут разбросанно в разных концах России, из-за своей малочисленности, находятся на грани исчезновения. Все народы, независимо от их численности, должны иметь право развивать свою культуру, свои современные народные традиции и пользоваться достижениями современной науки и техники. Для того, чтобы это исполнялось, необходимо уделить особое внимание образованию и также его осуществлению на национальном языке [15].

Выступление на пленарном заседании III Всемирного Конгресса финно-угорских народов в Хельсинки

Уважаемые участники Конгресса, дамы и господа!

Четырехлетний исторический период между II и III Всемирными конгрессами финно-угорских народов был успешным, но сложным для тверских карел. Создана Тверская региональная национально-культурная автономия тверских карел и семь районных автономий, которые строят свою работу в соответствии с законом Российской Федерации «О национально-культурной автономии». Карельский язык преподается в школах, училище и Тверском государственном университете. Проходят областные фестивали национальных культур, издаются учебники, выходят газета, радио- и телепередачи на родном языке. В феврале 2001 года мы отмечаем 70-летие карельской письменности, которая родилась на тверской земле.

Хотелось бы, чтобы все карелы на земле имели одну письменность, иначе, пока мы спорим о диалектах, шипящих и свистящих звуках, может не остаться ни одного карела. Об этом свидетельствуют данные официальных переписей. За пятьдесят лет советской власти с 1939 по 1989 годы численность тверских карел сократилось в 6 раз. Некоторые специалисты по вопросам демографии утверждают, что речь может идти о геноциде этой ветви карельского народа. Ситуацию по

развитию демографии, языка, культуры малых народов в России необходимо менять. Национальную политику надо бы строить в строгом соответствии с Концепцией государственной национальной политики в Российской Федерации.

В России, на наш взгляд, пока идет сдерживание инициативы народов на развитии родного языка, культуры и средств массовой информации. До настоящего времени не утверждена программа поддержки финно-угорских народов, нет финансирования национальной политики в России. То есть, заявляя о демократическом развитии, в России нередко допускаются отступления от международных стандартов и норм международного права по отношению к малым народам и национальным меньшинствам. В этих условиях остается надежда на поддержку Консультативного комитета финно-угорских народов, на поддержку родственных народов. Эта надежда за последние четыре года нашла свое оправдание и подтверждение. Об этом подробнее скажут члены нашей делегации на заседаниях рабочих секций.

Поддерживая предложенный проект резолюции III Всемирного конгресса, предлагаем усилить в нем проблемы демографии и экологии. Нам важно, чтобы были чистыми вода, воздух, почва и считаем, что без мнения народа, компактно проживающего на территории, никто не имеет права строить предприятия с вредным производством или загрязнять атмосферу. Но пока этого мнения не спрашивают и с мнением народа не считаются. Чтобы изменить ситуацию, нужны хорошие законы, основанные на нормах международного права. Финно-угорский фактор стал очень заметным, как в России, так и в мире.

Выражаю уверенность в том, что в последующий четыре года цивилизованно, на основании законов, произойдут изменения в национальной политике России. Государственные структуры и национальные движения решат вопросы, волнующие многие финно-угорские народы России: сохранение языка и культуры, улучшения экономической и демографической ситуаций, решение вопросов экологии в местах их компактного проживания.

Желаю успешной работы III Всемирному конгрессу финно-угорских народов.

Работа между конгрессами (2001–2004 годы)

Мы уехали из города Хельсинки с новыми надеждами на дальнейшее развитие карельского языка и культуры и большим желанием работать в этом направлении. В 2001 году карельский язык в виде факультатива преподавался в 15 школах области. Спировский район – в 5 школах: Козловская средняя школа, где родной язык был включен в школьный компонент, работали учителя Гусева Нина Петровна и Пономарева Галина Анатольевна; Бирючевская неполная средняя школа, учителя Лопакон Иван Васильевич и Романова Александра Романовна; Еремеевская школа, учитель Королева Валентина Васильевна, а также в школах деревень Ососье и Тимошкино.

Лихославльский район – в педучилище и 4 школах: Залазинская неполная средняя школа, учитель Светогорова Евгения Ивановна; Новоостановская, учитель Потемкин Евгений Васильевич; Назаровская, учитель Тихонова Валентина Васильевна; Прудовская школа.

Максатихинский район: Трестенская средняя школа, учитель Снеткова Александра Николаевна и Гостиницкая неполная средняя школа, учитель Ремизова Надежда Николаевна.

Рамешковский район: Алешинская средняя школа, учитель Чуркин Иван Иванович и Никольская средняя школа, где вела занятия директор дома культуры Попкова Зоя Николаевна. Карельский язык преподавали также в Тимошкинской средней школе Вельегонского района, учитель Барсукова Татьяна Васильевна и Бережковской средней школе Сонковского района, учитель Сапожков Александр Васильевич.

Карельский язык преподавался в Лихославльском педучилище и в группе специализации на филологическом факультете Тверского государственного университета.

В местах компактного проживания тверских карел было создано 18 самодеятельных фольклорных коллективов, во всех перечисленных школах, кроме Алешинской. Кроме того, коллективы художественной самодеятельности были созданы: при Лихославльском педучилище – «Марьязет», Лихославльском районном доме культуры – «Виржи», областном доме культуры «Пролетарка» – «Кариелан койвуне» и Устюговском сельском доме культуры Рамешковского района.

Появились новые авторы и исполнители карельских песен А.И. Малышев, А.А. Матвеева и Александр Седов. Были созданы 6 музеев

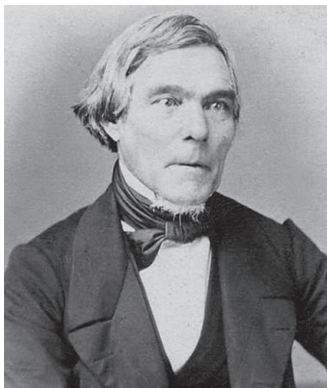
карельского быта в Лихославле, Весьегонске, Залазине, Козлове, Бережках и Тимошкине Весьегонского района.

В феврале 2001 года в областной библиотеке имени Горького во время Недели тверской книги прошла презентация электронного пособия для чтения на карельском языке доцента ТвГУ Л.Г. Громовай. Название пособия в переводе на русский язык «Пора говорить и читать по-карельски». Это пособие, прежде всего, рассчитано на самостоятельное изучение карельского языка. Оно позволяет развивать умение читать и правильно говорить на родном для карел языке.

Летом 2001 года была создана Молоковская местная автономия, а осенью – Бережковская местная автономия Сонковского района. Также в течение года были созданы молодежные отделения в четырех районах.

Я лично продолжил активную работу над книгой «История Тверской Карелии», которая была издана в 2001 году, объемом в 300 страниц. Наши участники художественной самодеятельности продолжали выступать, как в своей области, так и за ее пределами. Летом 2001 года на 9-й Международный финно-угорский фольклорный фестиваль в город Петрозаводск выезжали коллективы кантелистов из Спировской детской школы искусств и ансамбль «Виржи» из города Лихославля. Там руководитель нашей делегации З.И. Головкина приняла эстафету проведения очередного 10-го фестиваля в городе Твери.

К сожалению, немногие тверские карелы знают карело-финский эпос «Калевалу», историю его создания. Мы полагали, что обращение к своим истокам, к своим корням, знание своего эпоса, поможет дальше развивать карельскую культуру.

9 апреля 2002 года исполнилось 200 лет со дня рождения составителя карело-финского эпоса «Калевала» Элиаса Лённрота. В связи с этим событием областная автономия тверских карел организовала совместно с финским обществом «Калевала» и музеем Аксели Галлен-Каллело выставку, которая была проведена в музее имени Лизы Чайкиной 3–4 апреля 2002 года.

13 апреля 2002 года в поселке Рамешки прошел первый областной фестиваль

карельского детского творчества. В фестивале приняли участие 10 коллективов из шести районов. В их числе коллективы из Тимошкинской школы Весьегонского района, Никольской школы Рамешковского района. Кантелисты из поселка Спирово, ансамбль «Марьяне» из деревни Ососье Спировского района, девочки из Карело-Кошевской (тогда уже Бережковской) школы Сонковского района. Дети из Трестенской и из Гостиницкой школ Максатихинского района, ансамбль кантелистов из города Лихославля, ансамбль Залазинской школы, танцоры из Лихославльского педучилища, всего выступило 83 участника.

Во время подготовки этого фестиваля было проведено два отборочных тура в городе Красный Холм и селе Новый Стан Лихославльского района. Организовали фестиваль областная автономия тверских карел и Тверской областной дом народного творчества вместе с районными домами культуры.

Порадовало, что дети стали более активно приобщаться к своим карельским корням. Они изучали историю народа по имеющимся уже моим книгам. Они пели песни и рассказывали стихи на карельском языке, играли на карельском национальном инструменте – кантеле. Первый областной фестиваль карельского детского творчества (скорее всего и последний. – А.Г.) показал, что многое в культуре, прежде всего в карельской национальной культуре, держится только на энтузиастах. Дело в том, что карельская культура в более чистом виде сохранилась в сельской глубинке, где нет дипломированных специалистов, нет музыкальных инструментов. Порою нет элементарных условий для репетиции, а именно: сельские дома культуры зимой не отапливаются, в школах с детьми по карельской культуре заниматься не очень-то желают, специалисты по языку есть не везде. Тем не менее, на фестивале очень порадовали высоким уровнем выступлений коллективы Никольской, Трестенской, Ососьевской школ.

В связи с тем, что репертуар взрослых и детских карельских песен к тому времени уже вырос так, что руководители автономии задумались о составлении сборника карельских песен с нотами.

В мае 2002 года после изучения курса «История Тверской Карелии» я провел собеседование со студентами ТвГУ, изучающими карельский и финский языки. Результаты собеседования позволяли говорить о возможном сохранении тверских карел и карельского языка до конца XXI века. Студенты заявили, что тверские карелы будут жить через 50 и через 100 лет, карельский язык к тому времени сохранится как бы-

товой. Все студенты заявили о необходимости изучения карельского языка в школах, педучилище и Тверском государственном университете. Большинство из них полагали, что карельский язык необходимо ввести в обязательный школьный компонент в местах их компактного проживания. Кроме того, в школах нужно изучать литературу на карельском языке. При этом надо создать единую карельскую письменность для всех карел, где бы они ни проживали. Студенты заявили, что перспектива у карельского языка в России есть. Они подтвердили правильность решения о создании национально-культурной автономии тверских карел, заявив, что они все против объединения карел на одной административной территории. Большинство опрошенных студентов болезненно относились к ассимиляции карел с русскими.

Мы тогда еще не знали результатов будущей переписи 2002 года и искренне верили в то, что карел в Тверской области значительно больше, чем было указано в переписи 1989 года. Тогда, при переписи, по разным причинам были допущены неточности. В Молоковском районе указано всего семь карел, хотя только в одном селе Карельский Городок их около 100 человек. В Сонковском районе был учтен 21 карел, в то время как в Горском сельском округе проживали около 70 человек, также карелы жили в Лавровском, Гладышевском сельских округах и поселке Сонково.

Не попали в число карельских деревень Весьегонского района издавна заселенные карелами Иван-Гора, Чамерово, Чистая Дуброва и другие. По переписи 1989 года не была указана ни одна карельская деревня в Вышневолоцком, Лесном, Молоковском, Сандовском и Сонковском районах, хотя карелы там никуда не делись.

По нашим данным во время переписи 1989 года карельских деревень должно быть учтено не менее 617. Эти сведения были получены как по итогам переписи 1989 года, так и по итогам микропереписи тверских карел, организованной Обществом культуры в 1994 году. В ходе этой микропереписи восстановлена 71 карельская деревня Весьегонского района, не учтенная в 1989 году. В этих деревнях тогда проживало 1013 карел, хотя по переписи 1989 года в Весьегонском районе указано всего 240 карел.

В 1989 году карелы проживали на всей территории Тверской области. Мы тогда полагали, что тверских карел не менее 50 тысяч человек. Рассчитывали на то, что дочери и сыновья, а также внуки тверских карел укажут во время переписи свою карельскую национальность. Именно с этой целью велась активная работа по повышению самосознания тверских карел к тому времени уже 12 лет. Мы были очень

сильно удивлены и огорчены тем, что перепись 2002 года указала снижение числа тверских карел в 1,6 раза по сравнению с 1989 годом.

Социальное и экономическое положение тверских карел, как и большинства жителей Тверской области, было очень тяжелым. В.В. Егоров из города Санкт-Петербурга в своем письме в феврале 2002 года писал: «Что творится на селе? Пьют, убивают, воруют, горят дома в карельских деревнях. Когда мы поумнеем, каким образом?»

Отвернувшись от нашего доброго прошлого, от наших православных устоев, мы уже не можем стоять, а валимся. Только просвещение православное, традиционное покаяние, исповедь, проповедь спасут нас от пороков.

Необходимо безотлагательно спасать всех от растления. Культура ранее шла из деревни, сегодня люди ищут спасения в храме. Люди в карельских деревнях поддерживают возвращение церкви, но народ еще не воцерковлен, отброшен к языческим временам. Нужно безотлагательно восстанавливать храмы, нужны постоянные священники в храмах, нужны иконы.

Часто представляю себе теплый, чистый, уютный храм и трапезную, где можно прихожанам попить горячего чайку, поделиться радостью и печалью, посочувствовать друг другу и, конечно, прежде всего, помолиться».

При такой ситуации возникает озабоченность в том, кто дальше будет держать нашу малую родину – Тверскую Карелию? Как продолжать дело развития национального языка и культуры, на что обратить особое внимание? Конечно, на молодое поколение, на его воспитание.

Многие особенности карельской культуры, к сожалению, безвозвратно утеряны. Но пока есть носители карельского языка, остались письменные памятники культуры, можно и нужно было их собрать по крупицам воедино.

23 ноября 2002 года состоялась учредительная конференция молодежного отделения областной автономии тверских карел. На конференцию прибыли 20 делегатов из Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского районов и города Твери. Конференция образовала молодежное отделение областной национально-культурной автономии тверских карел, утвердила устав и регламент отделения, избрала областной комитет. Председателем областного комитета была избрана студентка филологического факультета ТвГУ Боголюбова Юлия из села Залазино Лихославльского района.

Членами комитета были избраны: Комина Татьяна, студентка ТвГУ; Пешина Мария, ученица 10-го класса Алешинской средней школы Рамешковского района; Старичкова Наташа, ученица 11-го класса Трестенской средней школы Максатихинского района; Снеткова Аня, студентка ТвГУ из села Трестна; Матвеева Оля, студентка ТвГУ из деревни Вышково Максатихинского района и Воробьев Михаил, учащийся Лихославльского педучилища.

Таким образом, с 2003 года в Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН) появился представитель молодежи от тверских карел.

17–20 апреля 2003 года в столице Республики Марий-Эл городе Йошкар-Оле (до 1919 года назывался город Царевококшайск. – А.Г.) прошел Всероссийский фестиваль национального костюма. В нем приняли участие коллективы из 17 регионов России, в том числе и тверские карелы. Фольклорное творчество показывал ансамбль «Кариелан койвуне» из города Твери, а женский костюм тверских карел представляла мастер из училища культуры им. И.А. Львова М.В. Зыкус. Костюм состоял из рубахи, сарафана, пояса, головного убора, обуви и украшений.

Юбилейный X Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов прошел в городе Твери и области **18–21 сентября 2003 года**. В фестивале приняли участие 18 коллективов из Тверской области, Финляндии, Эстонии, Карелии, Мордовии, Марий-Эл, Удмуртии, Коми, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского автономных округов, города Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

18 сентября в Тверском театре детей и молодежи было торжественное открытие фестиваля и концерт. 19 февраля коллективы разъехались по Лихославльскому, Рамешковскому, Максатихинскому и Спировскому районам. Там они выступали с концертами в сельских округах и районных центрах. 20 сентября состоялся большой гала-концерт, фестиваль показал возможности и дружбу финно-угорских народов, их стремление сохранять национальные языки и культуры.

Я же в течение 2001–2003 годов работал над книгой «Карелы: от язычества к православию» об истории церкви и монастырей, построенных карелами на Карельском перешейке, а затем на тверской земле. К проводимому в городе Твери фестивалю книга была издана, один из кандидатов в губернаторы попытался использовать ее в своих целях. Он вышел на сцену приветствовать участников фестиваля с моей книгой в руках, зачитывая выдержки из нее.

27 ноября 2003 года в помещении областной библиотеки им. Горького прошла IV областная отчетно-выборная конференция национально-культурной автономии тверских карел. Председателем ее три года вновь была избрана З.И. Головкина. Были избраны делегаты на IV Всемирный конгресс финно-угорских народов.

Подготовка к конгрессу в Эстонии

Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов по подготовке IV Всемирного конгресса финно-угорских народов прошло в Эстонии в конце апреля 2004 года, как раз перед вступлением ее в Евросоюз, которое состоялось 1 мая 2004 года. Поездом Москва-Таллинн я прибыл в столицу Эстонии 22 апреля. На вокзале нас встретил руководитель секретариата IV Всемирного конгресса финно-угорских народов господин Андрес Хейнапуу. С поезда сошли представители хантов и манси Василий Семенович Сондыков, Зоя Рябчикова, Клавдия Афанасьева, представители марийцев Василий Яналов и Владимир Козлов, представитель удмуртов Валентин Кузьмич Тубылов, представители мордвы Иван Иванович Карпов и Валентина Мокшанова.

Таллинн встретил нас дождем и холодной погодой после 18 градусов тепла в Твери. Поехали на автобусе в морской порт, где уже поджидали карелы Татьяна Клеерова и Марина Зарубалова, венгры Януш Пустаи и Энико Сий. Мы дождались катера из Финляндии, на котором прибыли генеральный секретарь общества «Финляндия – Россия» Мерья Ханнус, представитель саамов Йоуни Йомпанен и руководитель общества Кастрена в Финляндии Ильдикко Лехтонен. Из морского порта прибыли к концертному залу «Эстония», где 15–19 августа планировалось проведение IV Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Партер в зале насчитывает 534 места, с балконами в зале 889 мест. В партере будут находиться официальные делегации, а на балконах – переводчики, наблюдатели и пресса. Вышли на улицу, осмотрели площадку для культурной программы между концертным залом «Эстония» и гостиницей «Виру».

Прошли и осмотрели гостиницу «Виру», где будем жить, питаться и работать два дня на секциях.

Затем из Таллинна поехали на автобусе в город Выру, что в 250 километрах южнее. Остановились по пути в городе Тарту, посетили министерство образования. Дорогой от Тарту до Выру первый секретарь политического департамента МИДа Эстонии Катрин Койк рассказала о ситуации в стране накануне вступления в Евросоюз, отвечая на наши вопросы. Она сказала, что, вступив в НАТО, Эстония чувствует себя в безопасности. Привела пример, когда над территорией Эстонии 20 минут летел российский самолет безнаказанно, они были встревожены. Сейчас в небе трех прибалтийских стран летают четыре бельгийских самолета, которые базируются в Литве. Эстония чувствует себя более уверенно, но американских баз на своей территории они не допустят.

Когда жители Эстонии узнали, что в связи с вступлением в Евросоюз повысятся цены, они смели с полок сахар, соль, макароны и крупы. Некоторые сделали себе запасы на 3–4 месяца, другие закупили себе по 30 кг соли. Представитель МИДа сказала, что жизнь в Эстонии становится европейской, нежели советской. Банки стали давать долгосрочные кредиты на покупку жилья. Это помогает выводить из тени заработную плату. Работники больше не хотят получать деньги неофициально в конвертах, так как в этом случае им недостает зарплаты для получения необходимого кредита. При покупке или постройке дома, квартиры за счет кредита полностью возвращается подоходный налог до окончания погашения кредита.

Я внимательно смотрел в окно, видел Эстонию, в ней мне многое понравилось. Вдоль дорог все поля вспаханы, между ними разбросаны небольшие хутора в полукилometре друг от друга. Вся придорожная трава скошена, как в старые советские времена у нас, и не чернеет от пожарищ. К каждому хутору идет хорошая асфальтовая дорога. Лес разделен канавами на участки 500 × 500 метров, костров и завалов в лесу нет. Делянки чисто убраны, мелкие ветки и хвоя разостланы на делянках.

На улицах городов Таллинна, Тарту, Виру народа практически нет, все работают, да и население Эстонии всего 1,5 миллиона человек. От Таллинна на севере до южной границы чуть более 300 километров, как от Твери до Весьегонска.

В городе Тарту нас кормили обедом в бывшем пороховом подвале. Высокий свод, старинные предметы и отсутствие окон – такая картина внутри подвала. В городе Выру нас разместили в гостинице «Кубия» на берегу небольшого озера в сосновом бору. Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов проходило прямо в гости-

нице, приехали 24 участника от 17 народов. Рассмотрели программу проведения конгресса и пяти секций, решили организационные и финансовые вопросы.

Рассмотрели заявления сету и квенов о принятии их членами Консультативного комитета. Квены имеют статус национального меньшинства Норвегии. Язык квенов используется как бытовой, есть радиопередача – 12 минут каждую неделю. Квены – это потомки финнов, которые переселились в Норвегию в XVI веке.

Вечером 23 апреля выезжали в село Обница, где живут сету. Их насчитывают около 3 тысяч человек, из них половина живет в трех волостях Вырусского уезда, а половина – в Таллинне. Село Обница в 35 километрах от Выру и 12 километрах от русского города Печеры Псковской области. В Печерском районе насчитывается 150 сету, многие уехали отсюда в Эстонию. Нас накормили традиционной пищей сету: на первое был картофельный суп со сметками – мелкими сушеными рыбками. На второе – рисовая каша с чесночной подливой. Пока сидели за столом, ели национальную пищу, перед нами выступали дети в национальной одежде. Потом появилась гармошка, перешли в другую половину избы, там пили чай и плясали под гармошку.

Вышли на улицу, и пошли гулять по деревне с гармошкой. Сету в отличие от эстонцев православные. Они показали свою национальную игру «Мунакукат» или «крашенные яйца», в которую играют на пасхальной неделе. Сделана песчаная горка с уклоном и проходом посреди. С двух сторон от прохода в горке сделаны русла. На самом верху установлены под углом две дранки, которыми ранее крыли крыши домов. С этих дранок катили яйцо, которое останавливалось в русле. Задача играющего: катившимся яйцом задеть остановившиеся яйца, которые можно взять себе. Очередь играть выстраивалась, по словам старосты деревни, по 40–50 человек. Кто больше набирал яиц, тот и выигрывал.

За эти дни я проехал почти всю Эстонию, кроме острова Саламаа. Сначала от Таллинна до границы на юг, затем вдоль берега Чудского озера до Нарвы.

В Эстонии я не видел костров из отходов леса. Это меня привело к некоторым размышлениям. Финно-угорские племена весь, меря, а потом и карелы, проживая на Тверской земле, очень бережно относились к лесу. Он был для них и местом обитания, и основой для пропитания. Охотясь и занимаясь рыболовством, финно-угры не допускали бесхозяйственного уничтожения леса огнем и топором. Пришедшие сюда

славянские племена расчищали участки леса на берегах рек и озер для земледелия с помощью огня и топора.

Под топор нередко шли лучшие дубовые рощи и сосновые боры. Реки без деревьев на их берегах стали мельче, рыбы в них меньше. Истребление лесов со временем перешло в варварство, в наживу. Более половины каждого дерева не используется, а сжигается, нарушая кислородный баланс в природе. Я не видел ни одного костра из древесных отходов ни в одной финно-угорской стране, там их размельчают и рассыпают на землю. У нас в России круглый год жгут сучья, вершины деревьев, отходы, а весной и траву. Неужели по своему мировоззрению дружеский для нас, финно-угров, лес является недругом для русского человека?

Далее продолжая размышлять по поводу разных мировоззрений, нужно отметить, что тверские карелы в большинстве своем никогда не были крепостными и зависимыми. Они сами решали, чем им заниматься в свободное от земледелия время – отходничеством, ремеслами или стать вольнонаемным работником у помещика. Отсюда манера поведения, разговора, поступков независимая, достойная. Манера обращения крепостных крестьян по отношению к своим хозяевам – раболепие, унижение, заискивание, лесть и совсем другое по отношению к соседям, своим детям, своим женам.

Выпуская из себя раба, русский мужик иногда поднимался на мужицкий бунт. Эта манера освобожденного раба сохраняется до сих пор: с одной стороны лесть и заискивание, а с другой – разрушенные церкви, скотные дворы, дома культуры, грабеж любого оставленного бесхозного здания, решетки на окнах квартир и охрана себя от самих себя.

Нельзя понижать уровень культуры до глупости, иначе происходит массовый исход интеллекта из нашей жизни. Как результат этого исхода – всякая агрессивность, которая все больше и больше проявляется в обществе.

IV Всемирный конгресс финно-угорских народов в городе Таллине

Тверские карелы начали подготовку к IV конгрессу задолго до него. 27 ноября 2003 года в помещении областной библиотеки им. Горького прошла IV областная отчетно-выборная конференция национально-

культурной автономии тверских карел. На ней были избраны делегаты конгресса: З.И. Головкина – председатель областной автономии, ее заместитель В.В. Елкин, представители районных автономий: М.А. Глумина от Лихославльской, В.А. Кричкин от Рамешковской, Н.П. Парфенова от Спировской, Н.А. Чигрина от Максатихинской районной автономии. В делегацию также вошли: редактор газеты «Karielan sana» Л.Г. Громова, председатель молодежного отделения областной автономии Боголюбова Юлия и главный специалист по образованию областной автономии З.А. Туричева.

Я в то время нигде не работал, активно занимался в выборной компании кандидата в губернаторы Д.В. Зеленина, однако на областной конференции меня вновь избрали делегатом и предложили возглавить делегацию. Наблюдателями мы пригласили заместителя губернатора И.П. Райдура и предпринимателя Н.А. Панкратьева.

Эстонцы на заседании Консультативного комитета настояли на том, чтобы все доклады от народов звучали на родных языках с синхронным переводом. Я подготовил текст доклада от имени тверских карел, Л.Г. Громова и З.А. Туричева перевели его на карельский язык. С этим докладом на конгрессе мы предложили выступить председателю молодежного отделения областной автономии Боголюбовой Юле, на русский язык текст синхронно переводила З.А. Туричева. Тема конгресса звучала «Молодежь – наше будущее».

IV Всемирный конгресс финно-угорских народов состоялся **16–18 августа 2004 года** в городе Таллинне (Эстония). На конгресс прибыла 21 делегация, в его работе приняли участие 630 человек: 303 делегата, 305 наблюдателей и 22 приглашенных гостя. Больше всего делегатов от народов было из России – 212 человек.

Работа конгресса началась с приветствий президентов Эстонии, Финляндии и Венгрии. В своем приветствии Президент Эстонской Республики Арнольд Рюйтель сказал, что экологи включают в Красную книгу виды животных и растений, которым грозит исчезновение, чтобы принять меры для их спасения. Эстонские ученые тоже составили Красную книгу, включив в нее народы России. Если исчезает народ,

пропадает и его язык, а вместе с ним – присущая ему особенная духовность, уходят в небытие его уникальная культура и исторический опыт.

В материальном отношении исчезновение одного народа никак не отразится на судьбе мира в целом, но духовная и культурная потеря будет очевидна. Многие из финно-угорских народов к нынешнему моменту вымерли или находятся на грани вымирания. Вымирание народа не всегда означает его физическое уничтожение. Чаще всего происходит его ассимиляция, незаметный переход к использованию чужого языка и чужих моделей культуры. Чтобы народ мог сохранить свой язык и культуру, следует передавать это богатство детям с самого раннего детства [16].

Президент Финляндской Республики Тарья Халонен в своем выступлении остановилась на переменах, которые произошли после проведения III конгресса в Хельсинки. Это, прежде всего, вступление Венгрии и Эстонии в Евросоюз, где каждая страна имеет строго охраняемое право на свой язык. Среди населения земного шара очень мало носителей финно-угорских языков. Крупными языками считаются те, на которых говорит более миллиона человек, среди финно-угорских языков таковые имеются [17]. (*Это финский, венгерский и эстонский языки.* – А.Г.)

Президент Венгерской Республики Ференц Мадр в своем приветствии сказал, что глобализация – преобладающий процесс в наши дни. Исторический процесс изменения принес огромный экономический прогресс и связал народы, но он не способствовал сохранению этнического и культурного разнообразия.

Мощный механизм нашего времени подвергает опасности выживание маленьких народов более чем амбиции или политическая власть ранее. В то же время, он открывает новые возможности и свежие силы народам, борющимся за свое существование. Финно-угорские народы, которые прежде были вынуждены бороться за признание их автономии и языка, за последние 15 лет завоевали такие права, которые гарантируют условия для их существования [18].

От имени российской делегации на конгрессе выступил заместитель министра культуры и массовых коммуникаций Л. Надилов. К тому времени Министерство по национальной политике Российской Федерации уже было ликвидировано. Он, не владея ситуацией в финно-угорском мире, сказал несколько слов о работе своего министерства и зачитал короткое приветствие Президента РФ В.В. Путина [19].

Далее работа конгресса была так сильно затянута приветствиями, что до конца дня даже не успели выступить представители некоторых народов. Были приветствия от имени председателя Госдумы РФ с общими фразами, от Президента Латвии, председателя постоянного форму ООН по делам коренных народов и другие. Было достаточно много выступлений, которые вообще не касались жизни и деятельности финно-угорских народов. В их числе выступления министра по делам интеграции Латвии, Верховного комиссара по правам человека Совета Европы, президента федерального Союза европейских национальных меньшинств.

С отчетным докладом о деятельности Консультативного комитета финно-угорских народов за 2000–2004 годы выступил его председатель В.П. Марков. В своем выступлении он вновь дважды упомянул тверских карел. Во-первых, в связи с тем, что комитетом мне было поручено вместе с Артуром Мяки из Карелии развитие экономических отношений. Во-вторых, в связи с проведением в городе Твери и области X Международного фольклорного фестиваля финно-угорских народов в 2003 году.

Профессор Сомбатхейского педагогического института им. Д. Бержени (Венгрия) Януш Пустаи в своем докладе проанализировал ситуацию на перспективу финно-угорских народов. По его мнению, через 50–100 лет сохранятся лишь 10–20% коренных жителей. К 2093 году в России останется всего 12 тысяч карел.

Мы на конгрессе заявили, что резкое сокращение численности тверских карел, прежде всего, связано с состоянием экономики в России и Тверской области. Не имея работы в деревне, карелы уезжают в города, где происходит их ассимиляция с русским населением. Из-за проблем в сельском хозяйстве тверские карелы не имеют возможности вести привычный, традиционный образ жизни. Государственной поддержки тверских карел, в отличие от других малочисленных народов, нет.

С большими трудностями связано и изучение карельского языка. В Тверской области карельский язык законодательно не защищен. Поэтому он сможет продержаться еще несколько лет в пределах одного-

двух поколений. При закрытии конгресса 18 августа 2004 года выступил премьер-министр Эстонии Юхан Партс, обратив внимание на решение Госдумы РФ об использовании в государственных языках России только кириллицы. Это положение, по его мнению, вызвало изумление во всей Европе. Например, это значит, что карельский язык никогда не удастся использовать в качестве государственного языка Республики Карелия, поскольку в карельском языке используется латиница [20].

В завершение работы была принята резолюция конгресса, некоторые пункты которой так и не удалось выполнить. Участники конгресса были обеспокоены отсутствием в таком многонациональном государстве, как Россия, федерального государственного органа, координирующего национальные и межнациональные отношения. Они обратились с призывом к Правительству Российской Федерации воссоздать министерство по делам национальностей. Однако к этому призыву правительство осталось глухим и ничего не сделало.

Конгресс выразил озабоченность процессами, ведущими к упразднению национальных автономных образований. Он поручил Консультативному комитету вести мониторинг последствий объединения Коми-Пермяцкого автономного округа с Пермской областью.

Конгресс призвал парламенты и правительства Венгрии, России, Финляндии, Эстонии и других государств, в которых традиционно проживают финно-угорские и самодийские народы, продолжать сотрудничество в области государственной поддержки языков и культур этих народов.

Несмотря на рекомендации конгресса, практика закрытия так называемых малокомплектных школ на территории проживания финно-угорских малых народов в России продолжилась в ускоренном темпе.

Глава II. Шагнувшие в вечность

В 1989 году доля славянского населения в России составила 83,5%, к 2002 году она уменьшилась до 82,4 процентов. Доля мусульман за это время увеличилась с 6,2 до 7,2%. Если число русских за этот период уменьшилось на 1,7%, то число мусульман увеличилось на 14,7%. Особенно резкий рост населения произошел у башкир – 24,4%, чеченцев – 51,3%, аварцев – 49,6%, кабардинцев – 34,7% и т. д.

На территории Тверской области с 1979-го по 1989 год сократилось лишь число русских и карел. В то же время число мусульманских народов – азербайджанцев, чеченцев, узбеков, лезгин увеличилось до 7 раз. При нынешней демографической ситуации не исключено, что к концу XXI века в европейской части страны число мусульман превысит число православных жителей. Трудно определить, будут ли они соблюдать те давние традиции и обычаи коренного народа, которые славянские племена хранили и берегли веками?

Многие уверяют, что у мигрантов есть только два пути: или становиться гражданами России, жить по ее законам и традициям, или возвращаться в свою страну. Но они забывают, что есть и третий путь, когда численно превосходящий коренное население поток мигрантов с помощью своей страны отторгает от России часть той территории, на которой они проживают.

Одно дело, когда мигранты становятся гражданами России, независимо от национальности. Совсем другое дело, если начинается отторжение территорий вместе с этим пришедшим населением от нашей страны. Где находится остров Даманский, на котором погибли, защищая его, наши пограничники в марте 1969 года? Где собираемые нашими предками по крупицам российские земли Беларуси, Украины, Казахстана? Если не укреплять могущество нашей страны, сможет ли Россия защитить свои территории?

Очень заметно было преклонение русских перед иностранцами то ли по причине долгого «железного занавеса», то ли это национальная особенность народа.

Богатые люди в начале XXI века, в отличие от старинных русских родов, не стали еще патриотами России, многие из так называемой «элиты» не уважали свою страну. На официальных приемах, за границей, говорили на английском и немецком языках, так не делали никто, кроме русских. Направляли своих детей учиться за границу, они оставались там работать, ослабляя свою страну, и сами в любой момент готовы были покинуть свою родину. В русском языке появлялись все больше и больше слов иностранного звучания без перевода на родной язык. Даже русские певцы на российских и международных фестивалях пели на чужом языке тогда, когда этого никто не делал, кроме них.

23 января 2012 года кандидат в президенты РФ В.В. Путин опубликовал в средствах массовой информации свою статью: «Россия: национальный вопрос». В ней он указал, что нам необходима стратегия

национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности [21].

С 2012 года в России начались серьезные перемены, более внятно и последовательно стала развиваться рыночная экономика. Бизнесмены и предприниматели постепенно начали переходить из оффшорных зон в свою страну и платить здесь налоги. Одновременно по разным причинам они стали переводить свои вклады из зарубежных банков в отечественные. Стали создаваться новые рабочие места, постепенно уменьшалась безработица.

Россия стала постепенно отходить от «казино-экономики», чтобы привести страну к финансовой стабильности. С целью сохранения целостности страны выделяли значительные средства на развитие Дальнего Востока и Забайкалья. Приступили к реальным шагам по противодействию коррупции, о котором так много говорили ранее.

Начались разговоры и серьезные шаги по подъему уже разваленного сельского хозяйства, чтобы избежать продовольственного кризиса в случае прекращения поставок продуктов питания из-за рубежа. Начали разрабатывать свою карточную платежную систему, хотя ранее пользовались американскими платежными системами.

Повышение тарифов на коммунальные услуги поставили в зависимость от уровня инфляции. Все реже на государственном уровне стали произносить слова «игроки на поле бизнеса», как было во времена казино-экономики. Россия окрепла, как государство, и могла ставить свои условия западным партнерам, она укрепила свою военную мощь.

Будущее тверских карел под угрозой

В феврале 2005 года в областном доме культуры «Пролетарка» города Твери Государственный национальный театр Карелии поставил спектакль «Творение мира. Песни первая и вторая». Это мероприятие было посвящено 170-летию выхода в свет первого издания карело-

финского эпоса «Калевала». Постановку спектакля в Твери организовали областная национально-культурная автономия тверских карел совместно с министерством культуры Республики Карелия.

29 октября 2005 года отмечали 15-летие со дня создания Общества культуры тверских карел. Этой дате был посвящен первый открытый областной фестиваль карельской музыки «Кантеле», который прошел в городе Лихославле 18–19 ноября 2005 года. Обширная концертная программа включала выступления на карельском и русском языках коллективов и отдельных исполнителей из Республики Карелия, Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского, Спировского, Сонковского районов и города Твери.

Представители от тверских карел приняли участие в IX Международном конгрессе финно-угорских писателей, который проходил 26–29 сентября 2006 года в городе Петрозаводске. Туда выезжали специалист по образованию областной автономии З.А. Туричева, автор книги на карельском языке «Кузьмичча» Н.М. Балакирев из деревни Новый Стан Лихославльского района и журналистка из поселка Рамешки, заместитель председателя районной автономии Н.А. Куллина.

18 октября 2006 года в университете финского города Тампере прошел вечер, посвященный истории и культуре тверских карел. На нем выступили профессор Вейо Салохеймо и доцент Л.Г. Громова. Давний друг тверских карел фотограф Мартти Маллинен организовал фотовыставку, посвященную жизни тверских карел. Позднее эта выставка побывала во многих городах Финляндии.

24 ноября 2006 года в музее имени Лизы Чайкиной прошла V отчетно-перевыборная конференция Тверской областной национально-культурной автономии тверских карел. В своем отчетном докладе о работе за три прошедших года председатель автономии З.И. Головкина сообщила, что в 2004 году закончили обучение на филологическом факультете ТвГУ группа студентов по специализации «Карельский язык и литература». В июне 2005 года получили дипломы студенты карельского отделения Лихославльского педучилища. Таким образом, дипломированные специалисты были подготовлены в нужном количестве – 20 человек.

Но проблема была в том, что шло интенсивное закрытие сельских школ, и очень маленькая зарплата у молодых педагогов. Ни один из 20 молодых дипломированных специалистов работать в школу не пошел. Из-за отсутствия в школах специалистов по обучению карель-

скому языку и по причине их закрытия, число карельских школ стало сокращаться. Если в 2001 году преподавание карельского языка велось в 15 школах области, в 2004 году – в 11 школах, то в 2006 году – лишь в 6 школах.

Более 10 лет преподавала карельский язык в Залазинской школе Лихославльского района Е.И. Светогорова. Эстафету от учителя Гусевой Нины Петровны, которая одна из первых начала преподавать карельский язык в Козловской средней школе Спировского района, приняла Г.А. Пономарева. Кроме этих двух школ, карельский язык преподавался тогда в Трестенской средней школе Максатихинского района, Микшинской школе Лихославльского района. Хуже с преподаванием стало в Станской школе этого же района и Алешинской школе Рамешковского района.

Государственные структуры Тверской области не придали абсолютно никакого значения рекомендациям IV Всемирного конгресса финно-угорских народов. К 1 января 2007 года были закрыты школы, в которых преподавали карельский язык, в деревнях Бирючево, Ососье и Тимошкино Спировского района, Назарово и Прудово Лихославльского района, Гостиницы Максатихинского района, Тимошкино Весьегонского района.

Из-за низкой заработной платы уехали учителя карельского языка из Трестенской школы Максатихинского района, Алешинской – Рамешковского, Бережковской – Сонковского района.

С 1 января 2007 года тверские карелы были вообще исключены из финансирования областного и районных бюджетов. Систематическое финансирование сначала Общества, а затем Автономии из областного бюджета продолжалось 14 лет с 1993 года по 2006 год включительно.

Тверские карелы относятся к коренным малым народам, а их права особо охраняются мировым сообществом. По решению Организации Объединенных Наций с 10 декабря 1994 года было объявлено Международное десятилетие коренных народов мира. Предполагалось, что на исходе этого десятилетия, в 2004 году, Генеральная ассамблея ООН примет Декларацию о правах коренных народов. Однако из-за значительных споров о содержании декларации, в особенности первой ее части, где говорится о праве коренных народов на самоопределение, сохранение политической, экономической, социальной и культурной самобытности, процесс принятия затянулся. Поэтому Резолюцией ООН объявлено еще одно десятилетие коренных народов – с 2005-го по 2014 год.

А в это время региональный законодательный орган лишил финансирования автономную организацию коренного народа Тверской области. Областная власть поступила вразрез с Резолюцией ООН по коренным народам. На мой взгляд, решение было непродуманное, поспешное, нельзя было тверских карел ставить в одинаковую ситуацию с национальными меньшинствами, проживающими в Тверской области, но имеющими свою родину в другой стране.

С января того же, 2007 года, закрыли радиопередачу «Тверская Карелия», которая выходила каждый месяц с 1990 года, то есть на протяжении более 15 лет. Из-за отсутствия стабильного финансирования карельская газета «Karielan sana», выходявшая один раз в месяц, стала выходить один раз в квартал, а иногда – один раз в полугодие. Еще ранее, в 2004 году, сразу после конгресса, перестали выпускать телепередачу о тверских карелах «Ома ранда».

Несмотря на все это, активисты автономии З.И. Головкина и З.А. Туричева, работавшие с января 2007 года до апреля 2009 года вообще бесплатно, не погасили своей энергии и продолжили работать на общественных началах. В 2007 году они провели достаточно много важных мероприятий с целью сохранения и дальнейшего развития родного языка и культуры.

18 января 2007 года жюри из представителей областной автономии и сотрудников областной библиотеки им. Горького подвело итоги первого областного конкурса «Ома ранда». Этот конкурс, проведенный среди сельских библиотекарей, работающих в местах компактного проживания тверских карел, проходил с 15 марта по 15 ноября 2006 года. Первое место в конкурсе заняла Козловская библиотека имени М.М. Орлова из Спировского района. Была отмечена хорошая работа Гнездовской, Сосновицкой, Станской, Толмачевской сельских библиотек Лихославльского района, Гостиницкой, Ключевской, Селецкой из Максатихинского района и Тучевской из Рамешковского района.

По материалам конкурса в ноябре 2007 года была издана брошюра: «Библиотека для карельского населения». В сборнике нашла отражение практика работы библиотек области, обслуживающих карельское население.

2 июня 2007 года в поселке Сонково после 10-летнего перерыва был проведен очередной VI фестиваль карельской культуры. Его организовали областная автономия тверских карел и отдел культуры

Сонковского района. В фестивале приняли участие карельские фольклорные ансамбли «Кариелан койвуне» из Твери, «Виржи» и «Вихмане» из Лихославля, детский коллектив из Бережковской школы, исполнительница карельских песен Г.Ф.Пискунова. Фестиваль был посвящен 10-летию создания областной национально-культурной автономии тверских карел.

С 1 сентября 2007 года карельский язык стал преподаваться лишь в одной Козловской средней школе Спировского района, где он был включен в школьный компонент программы в качестве учебного предмета, да в Лихославльском педучилище.

6–7 декабря 2007 года в городе Лихославле на базе педучилища прошел областной семинар учителей карельского языка, библиотекарей и работников культуры, посвященный 10-летию областной национально-культурной автономии тверских карел. На семинар приехали гости из Республики Карелия во главе с профессором П.М. Зайковым. Участники семинара прослушали лекцию доктора культурологи В.М. Воробьева «Этническая история финно-угров на территории Тверской области». Я выступил с докладом на тему «Национальная политика и национальные отношения в Российской Федерации».

V Всемирный конгресс финно-угорских народов

V Всемирный конгресс финно-угорских народов состоялся **28–30 июня 2008 года** в городе Ханты-Мансийске. На конгресс прибыла 21 делегация от народов, а также наблюдатели, гости, журналисты. В состав нашей делегации были избраны: В.В. Ёлкин – руководитель областного отделения АФУН, Н.А. Туричев – заместитель председателя областной автономии, представители от районных автономий: Н.А. Куллина от Рамешковской, Г.А. Пономарева от Спировской, Н.А. Чигрина от Максатихинской, В.М. Березкин от Молоковской автономии.

В делегацию также вошли З.А. Туричева – главный специалист автономии и Е.В. Кискина – председатель молодежного отделения областной автономии.

На расширенном заседании областного комитета национально-культурной автономии мне было предложено вновь, уже четвертый раз, возглавить делегацию тверских карел и выступить на пленарном

заседании от их имени. С нами поехали двое наблюдателей – глава Рамешковского района И.А. Павлов и предприниматель Н.А. Панкратьев. По причине болезни не смогла выехать на конгресс в качестве делегата председатель Лихославльской районной автономии Л.С. Бурмистрова.

Ситуация с поездкой на конгресс оказалась непростой, наша делегация собралась в моем кабинете, до отправления автобуса в аэропорт оставалось 15 минут, а мы еще не знали, с какого аэродрома вылетаем – Шереметьево или Внуково. Я был на постоянной телефонной связи с председателем Консультативного комитета В.П. Марковым. Обстановка менялась, его установки были разными. За пять минут до отправки наконец-то определились – 5 человек вылетаем с венграми из Шереметьева-1, а 6 человек – чартерным рейсом из Внукова. Мы выехали из Твери в 11 часов дня и достаточно быстро прибыли в аэропорт, где нам выдали билеты. Рейс немного задерживался, мы сидели в ожидании вылета прямо в самолете. Причиной задержки была посадка в самолет официальной делегации Венгрии во главе с президентом Л. Шоймом.

Сначала на конгрессе была работа секций, они открылись 28 июня. А вечером было торжественное открытие конгресса президентами четырех государств: России, Венгрии, Финляндии и Эстонии. Д.А. Медведев, Тарья Халонен, Л. Шойом и Т.Х. Ильвес выступили с приветствиями.

Президент РФ Д.А. Медведев в приветственном слове сказал: «Связанные общими корнями, финно-угорские народы на протяжении

столетий смогли сохранить свою самобытность и традиционный уклад жизни. Они через века пронесли язык и обычаи своих предков. И сейчас, уже на современном этапе, взаимно обогащают обширное культурно-информационное пространство. Пространство, которое как раз и принято называть «финно-угорский мир»...

Универсальные по своей сути этнокультурные возможности и ценности укрепляют в человеке нравственные, духовные начала. Учат истокам, прививают уважение к семье, к опыту старшего поколения, к труду и к патриотическим ценностям. Учат тому, без чего сегодня невозможно формирование цивилизованной, толерантной среды и гражданской зрелости. И отрадно, что именно эти чувствительные на сегодняшний день проблемы являются одной из центральных тем сегодняшнего конгресса».

На второй день 29 июня состоялось пленарное заседание, с отчетом выступил председатель Консультативного комитета В.П. Марков. Затем выступили представители всех финно-угорских народов. Но еще утром того дня, когда начались приветствия и выступления представителей органов государственной власти Российской Федерации, очень некорректно по отношению к некоторым странам высказался председатель комитета по международным делам Государственной Думы К. Косачев.

Реакция на его выступление была немедленной, сначала встала и покинула зал официальная делегация Эстонии во главе с президентом Т.Х. Ильвесом. Вслед за правительственной делегацией покинули зал заседаний делегаты от эстонского народа. Вместе с ними покинула зал официальная делегация Финляндии во главе с президентом Тарьей Халонен. Остановившись на мгновение возле Косачева, Тарья Халонен сказала по-фински слово «нехорошо» и вышла из зала. Делегаты от финского народа в зале остались. Многие выступающие от народов высказали свой протест против выступления Косачева.

Я на конгрессе выступил дважды – на пленарном заседании и на секции «политика». Вечером 29 июня, состоялось заседание международного Консультативного комитета финно-угорских народов. На заседании были утверждены по два представителя от каждого народа, в том числе от тверских карел утвердили В.В. Ёлкина и меня.

Избрали председателя комитета, на эту должность претендовали двое – В.П. Марков из Республики Коми и З.И. Акимова, директор гимназии из города Саранска. Обсуждение было непростым, так как было явное намерение представителей мокши и эрзи перенести центр

финно-угорской работы из Сыктывкара в Саранск, но большинством голосов был избран В.П. Марков. Мы вместе с представителями Республики Карелия активно отстаивали его кандидатуру.

30 июня продолжилось пленарное заседание, руководители секций представили свои рекомендации для внесения в резолюцию конгресса. Неожиданно остро шло обсуждение вопроса о месте нахождения штаб-квартиры комитета. С 1996 года она находилась в городе Хельсинки, хозяйкой штаб-квартиры была Генеральный секретарь общества «Финляндия-Россия» Мерья Ханнус. Но при открытии V конгресса Президент Российской Федерации Д.А. Медведев высказал свое мнение о переводе штаб-квартиры из Финляндии в Россию.

Началось бурное обсуждение вопроса, многие представители финно-угров из Российской Федерации стали поддерживать мнение президента. Особенно активны были представители Мордовии и Марий-Эл. Мне также пришлось встать к микрофону и доказывать целесообразность перевода штаб-квартиры в Россию по следующим основаниям: во-первых, Ассоциация финно-угорских народов России не рассматривала этот вопрос и не определилась с местом нахождения штаб-квартиры. Поэтому предлагались разные города: Москва, Саранск, Петрозаводск, Йошкар-Ола, Сыктывкар, Ижевск.

Во-вторых, ни в федеральном бюджете, ни в региональных бюджетах не были заложены деньги на содержание штаб-квартиры в России. Не исключено, что Венгрия, Финляндия и Эстония при такой ситуации откажутся выплачивать свои взносы. А без денег никакой работы штаб-квартиры не будет.

В-третьих, на тот момент штаб-квартира находилась в Финляндии, работала хорошо, и надо было закрепить своим решением ее местонахождение по-прежнему в городе Хельсинки.

Несмотря на то, что некоторые представители делегаций и гостей от Мордовии, Пермского края пытались меня прерывать своими выкриками, председательствующий Тыту Сейленталь из Эстонии дал мне договорить. Такую

же позицию поддержали венгры, финны, эстонцы, ханты, ненцы и представители молодежи из Карелии. Большинство голосов было решено оставить штаб-квартиру в городе Хельсинки.

В конце пленарного заседания была принята резолюция конгресса, в которой вновь был призыв о воссоздании в России Министерства по делам национальностей, высказано несогласие народов с практикой закрытия школ на их территориях. Конгресс рекомендовал Консультативному комитету в 2010 году организовать международную конференцию финно-угорских народов для анализа результатов выполнения резолюции и рекомендаций конгресса, с широким освещением ее итогов в средствах массовой информации.

В культурную программу, в числе очень многих мероприятий, вошло посещение этнографического музея под открытым небом «Торум Маа». Основная задача этого музея – сбор и сохранение подлинных предметов материальной культуры хантов и манси. Основными их занятиями были охота, рыболовство, собирательство, оленеводство. Музейная экспозиция под открытым небом представляет собой хантыйское стойбище с небольшим деревянным домом и очагом-чувалом. Вокруг дома расположены постройки: хлебная печь, хозяйственный навес, коптильня, лабазы для хранения вещей.

Также представлено мансийское стойбище с зимним домом, в котором хранится богатая коллекция меховой одежды, музыкальные инструменты. На небольшой поляне в лесу находится святилище – место ритуального общения людей с богами. На территории музея воссоздана охотничья тропа, на которой расположились различных конструкций ловушки на пушного зверя, медведя, боровую дичь.

Как заметили все, в дни проведения Конгресса в городе и вокруг него не было ни гнуса, ни комаров. Перед Конгрессом всю местность опрыскали химическим парфюмерным веществом от комаров и гнуса. Жизнь при четырех президентах резко отличалась от обычной жизни. Когда мы в день отлета прибыли в аэропорт, обратили внимание, что на всех стоявших машинах капоты были облеплены гнусом толщиной в несколько миллиметров, все стало обычным.

Преимственность руководства

Сразу же после проведения V Всемирного конгресса финно-угорских народов управление делами администрации области стало выселять областную автономию тверских карел из их офиса по адресу: Комсомольский проспект, 4/4, не продлевая дальше с ними договор аренды. Здесь офис находился уже более 11 лет, люди знали этот адрес и приезжали сюда из всех карельских районов области, Республики Карелия, Финляндии.

8 октября 2008 года состоялась встреча представителей областной национально-культурной автономии тверских карел с финскими парламентариями. Ее организовали по поручению губернатора, и проходила она в здании областной администрации. На встречу были приглашены главы карельских районов: Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского, Спировского и Зубцовского, а также председатели районных автономий.

Встречу вела председатель областной автономии З.И. Головкина, она представила всех участников и кратко сообщила о деятельности автономии. Ей были заданы вопросы, в том числе, из каких средств финансируется автономия. З.И. Головкина сказала, что с 1993 по 2006 год включительно из областного бюджета выделялось по 200–250 тысяч рублей ежегодно. Из этих денег платили за аренду помещения, коммунальные расходы, но оставались деньги на выпуск учебников, газеты, на проведение семинаров учителей, обучение студентов, проведение фестивалей карельского творчества и другие цели. Но с 2007 года, уже второй год финансирование из областного бюджета прекратилось. Накануне этого дня, то есть 7 октября, автономию выселили из своего офиса, где она находилась 11 лет с 1997 по 2008 годы. В районных бюджетах средства на местные автономии также не заложены.

Руководитель финской делегации Олли Эрик Неппонен предложил создать единую страницу о тверских карелах в Интернете, которую финны могут финансировать. Второй канал финансирования из бюджета Финляндии, это по линии культуры сопредельных территорий. Так как финны финансируют Республику Карелия, часть этих средств можно бы перечислять тверским карелам [22].

Была явно заметна суетливость заместителя губернатора, курирующего внутреннюю политику. Он куда-то выходил, снова заходил, что-то обещал, но ничего не изменилось, ни до его увольнения через

полгода после этой встречи, ни после его ухода с должности. Никаких последующих шагов по финансированию автономии ни с чьей-либо стороны не последовало, ни стороны администрации области, ни со стороны Финляндии.

Особенность тверских карел, как и других малых народов России, в том, что они владеют и пользуются богатой русской культурой. Одновременно у них есть своя неповторимая культура и свой родной язык, которые делают их более богатыми в культурном направлении. Диалог двух культур важен не только для любого малого народа, но и для русского народа, который становится духовно богаче, знакомясь с культурами малых народов, проживающих на территории России.

27–28 ноября 2008 года на базе Лихославльского педучилища был проведен двухдневный семинар «Диалог культур». В работе семинара приняли участие специалисты отделения просвещения правления Восточной Финляндии, министерства образования Карелии, учителя карельского языка, студенты училища. С докладами выступили Л.Г. Громова, З.А. Туричева, главный специалист министерства образования Карелии Т.М. Рудова, доктор философских наук из Финляндии Туйя Сааринен. Студенты Лихославльского педучилища выступали на карельском языке.

В ходе работы семинара был подписан договор о сотрудничестве между Лихославльским педучилищем, министерством образования Республики Карелия и правлением Восточной Финляндии. На этом семинаре я выступил с докладом на тему: «Есть малые народы, но нет малых культур». Весной 2009 года началась подготовка к проведению очередной VI отчетно-выборной конференции областной национально-культурной автономии тверских карел. Ее председатель З.И. Головкина заявила о своей отставке еще три года назад в 2006 году, но тогда не было достойного преемника, который смог бы также активно работать во благо карельского народа. Ее тогда уговорили поработать еще, она начала готовить себе смену. На очередном заседании областного комитета она рекомендовала на эту должность предпринимателя Туричева Николая Александровича, который последние годы был ее заместителем.

Отчетно-выборные конференции прошли в карельских районах, мы с женой выезжали в село Козлово Спировского района и поселок Рамешки. 12 марта 2009 года в 14 часов в средней школе села Козлова открылась отчетно-выборная конференция Спировской районной

национально-культурной автономии тверских карел. Прибыли 36 делегатов из крупных карельских сел района: Бирючево, Никулино, Ососье, Еремеевка и Козлово. Приехало все районное начальство: глава района В.А. Юдин, глава администрации района О.Б. Панащук, ее заместитель по социальным вопросам, заведующие отделами культуры и народного образования.

С отчетным докладом выступила председатель Спировской районной автономии Н.П. Парфенова. Нужно отметить, что с приходом новой власти деятельность автономии резко активизировалась. В августе 2008 года в селе Козлово был проведен очередной VII фестиваль карельской культуры. В декабре отметили 90-летие Козловской сельской библиотеки имени М.М. Орлова. В Козловской средней школе карельский язык включен как обязательный предмет в школьный компонент программы. Именно здесь планировалось начать совместный с Финляндией проект «Языковое гнездо», и изучать карельский язык с детского сада.

Председатель областной автономии З.И. Головкина вспомнила, что начала она свою работу в Обществе культуры тверских карел в марте 1996 года именно с выезда в село Ососье Спировского района. Она поблагодарила всех активистов карельского движения за сподвижничество, сказала теплые слова в адрес новой администрации района.

Был избран новый комитет районной автономии из 12 человек, туда вошли представители всех крупных карельских сел района. Избраны пять делегатов на областную конференцию, потом был концерт, который дали на карельском языке самодеятельные артисты из Бирючева, Еремеевки, Ососья, Спирова, а также ученики Козловской школы.

16 апреля 2009 года состоялась отчетно-выборная конференция Рамешковской районной автономии тверских карел. С отчетом за три года выступил ее председатель В.А. Кричкин. В районной газете уже 8 лет журналист Н.А. Куллина ведет уголок «Карельское слово». Возвращаются к своим обрядам и традициям – показали обряд «карельская свадьба». Проводятся «круглые столы» на карельском языке. Но плохо обстоит дело с преподаванием карельского языка, только в одной Алешинской школе ведется кружок карельского языка.

Глава района И.А. Павлов в выступлении сказал, что его поразили масштаб финно-угорского движения, когда он был наблюдателем на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Об уважении к этим

народам говорит участие в работе конгресса четырех президентов – России, Венгрии, Финляндии и Эстонии. Ему запомнился «круглый стол» в администрации области с депутатами финского парламента. Район сейчас уже готовится к проведению очередного фестиваля карельской культуры.

На конференции были избраны семь делегатов на областную конференцию и комитет районной автономии из 13 человек.

24 апреля 2009 года в помещении музея имени Лизы Чайкиной в городе Твери состоялась VI областная конференция национально-культурной автономии тверских карел. С отчетным докладом выступила председатель автономии З.И. Головкина. Она и выступающие говорили о том, что областная автономия в последние годы проводила большую работу с учителями карельского языка, библиотекарями, работниками культуры. Много сделано по подготовке и переподготовке карельских национальных кадров, чтобы сельская интеллигенция более активно работала с карельским населением по сохранению и развитию родного языка и культуры.

Слабое место в работе за последние три года – исключение из школьных программ обучения карельскому языку. По всей области всего в 2 школах обучают карельскому языку: в Козлове как предмет и в Алешине – кружок. В остальных школах карельский язык преподавать перестали, многие школы в местах компактного проживания карел закрыли. В Козловской средней школе из 19 учителей 14 – карелы, из них 9 учителей свободно говорят на карельском языке. Родной язык в школе изучают 20 учеников, но всего 1 час в неделю.

Здесь нужно сказать, что в начале XXI века ситуация с резким ухудшением обучения родным языкам сложилась не только у тверских карел. На заседании Консультативного комитета финно-угорских народов, проведенного 23–24 марта 2009 года в Таллинне, была заслушана информация с мест. Было заявлено, что в Ханты-Мансийском институте языка, культуры и истории народов Югры намечено закрытие трех лабораторий и создание одной новой. При существующих подходах с набором студентов может возникнуть вопрос о закрытии самого института.

В Ленинградской области так и не открыли финансирование передвижной национальной школы ижор, ссылаясь на экономический кризис. В городе Санкт-Петербурге из четырех финских школ осталось лишь две. Так что везде перспективы неутешительные.

На областной конференции 24 апреля 2009 года был избран обновленный состав областного комитета, новым его председателем стал Николай Александрович Туричев. З.И. Головкина, работавшая с марта 1996 года сначала в Обществе культуры тверских карел, а затем председателем областной автономии с апреля 1998 года, сдала ему свои полномочия.

17 декабря 2009 года новый председатель областной автономии Н.А. Туричев провел свое первое заседание комитета. Он рассказал о тех делах, которые удалось провести с мая 2009 года. В августе проведен VIII фестиваль карельской культуры в селе Никольском Рамешковского района. Автономия открыла в системе «Интернет» свой сайт «Тверские карелы», теперь его необходимо периодически пополнять. Карельские коллективы приняли участие в очередном областном фестивале национальных культур.

Активно работает молодежное отделение автономии и его председатель Елена Валентиновна Кискина. Их представители участвовали в заседании МАФУН в городе Петрозаводске. В Твери проведен «круглый стол» по проблемам карельской молодежи. Туричева Аня с подругой демонстрировали в ночном клубе «Культура» карельские национальные костюмы, выиграли «гран-при», их наградили поездкой в Египет.

На заседании комитета был обсужден и принят обширный план мероприятий на 2010 год. Члены комитета познакомились с планом молодежного отделения из 17 пунктов. Было сообщено, что 14–15 августа 2009 года в работе IX Конгресса Молодежной ассоциации финно-угорских народов приняли участие представители молодежи из всех финно-угорских регионов России, а также наблюдатели из Эстонии. Участники конгресса избрали трех делегатов и двух наблюдателей на IV Съезд финно-угорских народов России, который состоялся 24–26 сентября в городе Саранске. В числе делегатов была избрана Строганова Ира от тверских карел. В правление МАФУН из 12 человек вошла Березкина Тамара от тверских карел, председателем правления был избран Цыкарев Алексей из Республики Карелия.

В 2009 году случилось так, что наши представители не участвовали в двух заседаниях Консультативного комитета финно-угорских народов. На заседание в Эстонию, состоявшегося в марте 2009 года, меня просто непустили с работы, заявив, что не успели подготовить распоряжение губернатора о командировке. Второй член комитета

В.В. Елкин почему-то не поехал на заседание в Москву в начале октября. Оценив создавшуюся обстановку, я попросил комитет о снятии с меня полномочий по представлению тверских карел на международном уровне, и заменить председателем комитета Н.А. Туричевым. Я представлял тверских карел на международном уровне более 13 лет, с августа 1996 года. С 2010 года тверских карел на международном уровне вместо меня стал представлять Н.А. Туричев.

Общественному движению тверских карел 20 лет

Основным мероприятием на 2010 год комитетом было намечено проведение Международной конференции по теме: «Тверские карелы: история, язык, культура», посвященной 20-летию создания Общества культуры тверских карел. Конференцию наметили на 29–30 октября 2010 года. Была создана рабочая группа по ее подготовке: Н.А. Туричев, З.И. Головкина, Л.Г. Громова, З.А. Туричева, А.Н. Головкин. Первые два заседания рабочей группы состоялись 8-го и 11-го января 2010 года. Были разработаны: информационное письмо о проведении конференции, ее программа, порядок проведения пленарного заседания и работы секций. Составлены предварительные списки приглашенных и выступающих участников конференции. Решено провести работу в трех секциях: мне предложили вести секцию истории, Л.Г. Громовой – секцию по языку и З.И. Головкиной секцию по культуре.

Первая подобная конференция по тверским карелам была проведена более 13 лет назад в марте 1997 года. Она проходила в прекрасном зале заседаний Законодательного Собрания Тверской области. Тема конференции звучала: «История и культура тверских карел: перспективы развития». В те годы активно начинали преподавать карельский язык в школах, создавались национальные коллективы художественной самодеятельности коллективы, выходили ежемесячно радиопередача «Тверская Карелия», выпускалась газета «Karielan sana». Но тверские карелы тогда еще почти ничего не знали о своей истории. Конференция 1997 года дала мощный толчок к написанию книг по истории тверских карел, развитию их языка и культуры. В ее работе тогда приняли участие представители Карелии и других регионов России, а также из Финляндии. Было подготовлено около 40 докладов

и сообщений, вел конференцию ректор Тверского государственного университета А.Н. Кудинов.

На вторую конференцию в 2010 году прибыли гости из Финляндии: профессор Вейо Салохеймо, председатель Общества друзей тверских карел Тапио Мустанен, его заместители Лена Йоки и Калеви Райяла. Также прибыли из Финляндии: заведующая сектором «Словаря карельского языка Национального научно-исследовательского центра языка Республики Финляндия», составитель «Большого словаря карельского языка» в шести томах Марья Торикка, профессор карельского языка университета Восточной Финляндии из города Йоенсуу П.М. Зайков, фотохудожник Мартти Маллинен, координатор Общества карельского языка Финляндии Тимо Мунне.

Из Карелии была одна Антонова Наталья – руководитель организации «Молодые карелы». Представители других национальных общественных организаций и государственных структур не приехали.

На пленарном заседании прозвучало три доклада. Я выступил по теме: «Самоопределение тверских карел в конце XX века». Председатель областной автономии тверских карел Н.А. Туричев, единственный на конференции, делал доклад на карельском языке о прошлом, настоящем и будущем тверских карел. Редактор газеты «Karjalan sana» Л.Г. Громова выступила по теме: «Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта с начала XIX века до наших дней». На конференцию прибыло 63 делегата из города Твери, Лихославльского, Молоковского, Рамешковского и Спировского районов. Не было ни делегатов, ни представителей из Максатихинского, Весьегонского, Зубцовского и Сонковского районов. Не было ни глав карельских районов, кроме главы города Твери В.И. Бабичева, ни их представителей, кроме делегатов. Так случилось, что именно в этот день областная организация партии «Единая Россия» решила провести свой единый день по всей области, хотя наше мероприятие было запланировано еще в январе 2010 года.

Конференцию вела З.И. Головкина, создававшая областную автономию тверских карел, и отработавшая ее руководителем на общественных началах 11 лет, с апреля 1998 по апрель 2009 года. А до этого два года – ответственным секретарем Общества культуры тверских карел.

После пленарного заседания участники конференции работали в секциях. В работе секции «История тверских карел», вести которую было предложено мне, приняли участие 18 человек, прослушано

шесть докладов. Представлен интересный материал, порою никому неизвестный. Такой материал о выходе карел из северных погостов Корельского уезда представил профессор из города Йоенсуу Вейо Салохеймо. В ходе работы секции поступали предложения о переводе его книг на русский язык.

Новый неизвестный широкому кругу исследователей материал представила доцент кафедры отечественной истории ТвГУ Юлия Владимировна Степанова. Она выступила по теме: «Финно-угорское население восточных районов Верхневолжья в XI – XIII веках». На основании археологических раскопок, найденных женских украшений, особенностей захоронений, было доказано, что на берегах Мологи и Медведицы в то время проживало финно-угорское племя «меря», которое потом исчезло из истории, ассимилировавшись со славянами.

Работник Тверского объединенного государственного музея Галина Николаевна Кузьмина устроила участникам конференции показ выставки по тверским карелам. После конференции выставку экспонировали по городам области. На секции Галина Николаевна рассказала о материалах, найденных в карельских деревнях, которые хранятся в музее: по обработке земли, деревообработке, изделий плетения и изо льна, материалы по карельскому костюму.

С интересом были выслушаны и другие доклады, в ходе их обсуждения поступили предложения. Просить ученых из города Йоенсуу и Тверского государственного университета снова вернуться к возможности осуществления совместного российско-финляндского проекта по работе с переписными книгами, которые хранятся в Государственном архиве Тверской области. Это, прежде всего, переписная книга Бежецкого уезда 1709 года. В ходе реализации этого проекта можно более достоверно выяснить не только сведения, откуда – какого погоста и деревни, уходили карелы Корельского уезда, но и в какие тверские деревни они пришли.

Было предложено во время проведения следующих подобных конференций не делить их участников на секции, так было бы полезнее для всех. На секции по истории было всего 18 человек, а другие делегаты и гости не слышали этих докладов. Те, кто работал в секции по истории, не смог услышать доклады по вопросам языка и культуры. Поэтому было предложено в дальнейшем заслушивать доклады на пленарных заседаниях в течение 2 дней, чтобы можно было задать вопросы и получить ответы.

На второй день конференции 30 октября был проведен круглый стол по теме: «Финно-угорские языки в современном мире. Перспектива сохранения и развития малых языков». Профессор университета Восточной Финляндии из города Йоенсуу П.М. Зайков сказал о том, что многие говорят о создании единого карельского языка. Языковой вопрос очень трудный, сами карелы, на его взгляд, не захотят идти на единый карельский язык, а полностью перейдут на русский язык. Когда у карел Карелии в 1930 годы встал

вопрос: «Финский или русский», то большинство карел стали изучать русский язык.

Сейчас перед специалистами стоит конкретная задача – больше работать с народом, работать в детских садах и школах. Народ еще не проснулся, чтобы сказать: «Мы хотим единый карельский язык». В 1939 году в Карелии был введен единый карельский язык на кириллице. Тогда даже учителя не знали этого языка. В конце XX века в Карелии дважды пытались сделать карельский язык государственным, но эти попытки не были успешными. После этого Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, чтобы все государственные языки в России были на кириллице.

В Финляндии между карельскими диалектами большая разница, сказал П.М. Зайков. Это государство смогло создать единый литературный язык, диалекты по-прежнему остались. У карел пока нет единого письменного языка, а в карельских диалектах есть большая разница. Ученые, которые работают над диалектами, думают, что все карелы за одним столом поймут друг друга. На самом деле они могут понять процентов на 50, сказал П.М. Зайков.

Председатель областной автономии тверских карел Н.А. Туричев сказал, что по Конституции РФ могут быть государственными языки в республиках, названных по коренному народу. Из всех финно-угорских народов России только в Карелии нет карельского государственного языка. А сейчас этот вопрос можно решить только референдумом. При условии, что в Карелии всего 9% карел, там никогда не будет карельский язык государственным. Поэтому нет сейчас никакого смыс-

ла создавать единый карельский литературный язык. Пусть каждый карел говорит на своем диалекте, и сохраняет этот диалект.

В Карелии издают книги на карельских диалектах тиражом до одной тысячи экземпляров каждая книга. Но их практически там никто не читает, а тверские карелы понимают не все слова из диалектов Карелии. Поэтому нет уверенности в том, что в наших школах дети читают книги на диалектах Республики Карелия, сказал Н.А. Туричев. Он добавил, что зачем при такой ситуации учить специалистов, которые не востребованы.

На это П.М. Зайков отреагировал, что не такая уже плохая ситуация в Тверской области. Специалистов учить нужно, чтобы они работали в школах, в культуре, в национальных средствах массовой информации. Надо добиваться открытия карельского отделения в Тверском государственном университете, они обязаны это сделать.

В своем выступлении я отметил, что для сохранения и развития карельского языка в Тверской области необходимо тесное сотрудничество и помощь от Республики Карелия. Там есть соответствующие министерства, институты и центры. То, что карельский язык в Карелии не стал государственным, является плюсом для тверских карел, иначе его снова нужно было переводить с латиницы на кириллицу.

Я семь лет спорил с редактором газеты «Karielan sana» Л.Г. Громовой о начале рождения карельской письменности. Она говорила, что ее началом надо считать 1820 год, когда на карельский язык на кириллице было переведено «Евангелие от Матфея». Я же утверждал как устно, так и письменно, что начало карельской письменности – 1 февраля 1931 года, день выпуска первой газеты на карельском языке на латинице. Потому что с тех пор и до настоящего времени карельская письменность развивается не на кириллице, а на латинице.

Но после перевода всех государственных языков в России с латиницы на кириллицу, слушая выступления Л.Г. Громовой об отсутствии преемственности при трех попытках создания карельской письменности, все больше убеждался, что есть определенная логика в ее словах. С 1820 года и до 1925 года карельская письменность развивалась на кириллице, с 1931 года – на латинице, с 1992 года снова на латинице. Но у меня по-прежнему твердое убеждение в том, что началом создания карельской письменности является 1931 год, так как до настоящего времени она применяется на латинице, а не на кириллице.

В случае перевода карельской письменности на кириллицу можно будет согласиться с доводами Л.Г. Громовой.

Будет или нет единый литературный карельский язык, интересно теперь только специалистам. Время его создания ушло как раз 10–20 лет назад, теперь тверские карелы уже никогда не скажут, что хотят иметь единый карельский литературный язык. Об этом свидетельствуют данные переписей о стремительном уменьшении их числа. Еще через 20 лет уже некому из карел будет просыпаться утром в Тверской Карелии, да и в Республике Карелия, чтобы заявить о создании единого карельского литературного языка. Его уже никогда не будет, хотя начало создания карельской письменности на кириллице совпадало с началом создания финского языка.

На «круглом столе» выступил координатор Общества карельского языка из города Йоенсуу Тимо Мунне. Он призывал создавать в Тверской Карелии «языковые гнезда», как способ возрождения карельского языка. В «языковых гнездах», которые создаются в детских садах или семьях, воспитатели с первого дня общаются с детьми только на родном языке, ни в коем случае не переводя на другой язык. При этом используются наглядные пособия, которые помогают усвоению языка. В России до сих пор к «языковым гнездам» относятся с недоверием, говоря о том, что детям потом будет трудно адаптироваться в русской школе, в русской среде, они будут переживать стресс.

Финнам непонятно, как не знать несколько языков, так как Финляндия – маленькая страна, сказал Тимо Мунне. Русским и американцам проще, у них большие территории, везде говорят на их языках, поэтому они не стараются изучать другие языки.

Редактор газеты «Karielan sana» Л.Г. Громова заявила, что если ситуация останется прежней, то никакой перспективы карельских средств массовой информации в Тверской области нет. Необходимо ее финансирование, а также создание редколлегии с включением представителей районных отделений автономии. Газета является не только средством массовой информации, но и пособием в обучении карельскому языку в школах, педучилище, на курсах карельского языка.

В области закрыли радиопередачу «Тверская Карелия», которая выходила более 15 лет, закрыли телепередачу «Ома ранда», которая выходила около четырех лет. Осталась одна газета, которую нужно сохранить.

Сотрудничество с Обществом друзей тверских карел

В ноябре 1993 года в Финляндии было создано Общество друзей тверских карел. Инициаторами его создания выступили академик Пертти Виртаранта, журналист Эрkki Хатакка и другие известные люди в Финляндии. Одним из основателей Общества друзей тверских карел стал известный финский журналист Эрkki Хатакка, сопровождавший ранее президента Финляндии Урхо Калеви Кекконена во время поездок в Советский Союз.

22 ноября 1993 года он сообщил возможными способами о том, что 30 ноября в 17 часов в Карельский Дом города Хельсинки приглашаются все, кто успел посетить Тверскую Карелию и все ее друзья на тематическое совещание. После этого собрания станет ясно, утвердится ли Общество друзей тверских карел или нет. Это собрание состоялось, поэтому **30 ноября 1993 года** считается датой образования Общества друзей тверских карел.

23 января 1994 года в Карельском Доме прошло учредительное собрание Общества друзей тверских карел. Открыл собрание председатель временного комитета Эрkki Хатакка. Выступил профессор Вейо Салохеймо, который рассказал о своей поездке в Тверь в декабре 1993 года, и высказал свои предложения о формах оказания помощи тверским карелам.

На собрании обсудили подготовленный временным комитетом Устав общества, внесли в него изменения. Дали поручение комитету общества подготовить Устав с внесенными изменениями к регистрации и зарегистрировать его.

Утвердили состав комитета Общества друзей тверских карел. Председателем его избран Эрkki Хатакка от общества Карьялан Литто, секретарем – Пирье Уйно, сотрудник государственного музея, казначеем Калеви Вуохелайнен из города Хямеенлинна. Членами общества были избраны: Пентти Кеюняс от общества Сивистюосуури, Пекка Лаксонен от общества финской литературы, Юкка-Пекка Лаппалайнен, газета «Хельсинские новости», Тайто Салми, отец которого из Тверской Карелии и Вейо Салохеймо от фонда развития карельской культуры.

Общество культуры тверских карел за период с 1994 по 2005 годы провело большую работу в оказании помощи тверским карелам. С их помощью в Финляндии стажировались студенты группы специали-

зации Тверского государственного университета. Члены общества организовали поездки и знакомство финнов с Тверской Карелией, приглашали на ежегодные фестивали коллективы художественной самодеятельности из карельских районов Тверской области.

Инициативу по созданию Общества друзей тверских карел в Финляндии проявил академик Пертти Виртаранта, научные интересы которого распространялись на карельский язык и карельскую культуру, изучением их он занимался сорок лет с 1957 года. Исследования о культуре и языке тверских карел отражены в его трудах:

- «Далеко зашел ты, карел», 1986 год.
- «Карельский язык и национальная культура тверских карел», 1990 год.
- «Жизнь тверских карел-старожилов», 1961 год.
- «Золотую серьгу в ухо», 1971 год.
- «Забытая тропа», 1972 год.
- «Карельские пословицы и загадки», 1976 год.
- «Песни-плачи», 1989 год.
- «Топонимика тверских карел», 1982 год.
- «Очерки о карельской культуре», 1992 год.

29 октября 1990 года П. Виртаранта участвовал в работе организационного собрания по созданию Общества культуры тверских карел. Он организовал работу по созданию учебных пособий: «Карельского букваря» и книги для чтения «Армаш шана». В ноябре 1993 года он вместе с Эркки Хатакка стал одним из инициаторов создания в Финляндии Общества друзей тверских карел.

Эркки Хатакка несколько раз приезжал в Тверь, он возглавлял делегацию Общества друзей тверских карел на X Международном фестивале финно-угорских народов в Твери 18–21 сентября 2003 года. 18–19 ноября 2005 года в городе Лихославле прошел I областной фестиваль карельской народной музыки «Кантеле». Его организовали областная национально-культурная автономия тверских карел, администрация Лихославльского района при помощи областного комитета культуры.

На фестиваль прибыли творческие коллективы художественной самодеятельности из города Твери, Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского, Спиловского, Сонковского районов Тверской области, а также из города Олонца и Вепсской национальной волости Республики Карелия. Прибыли члены Общества друзей тверских карел

из Финляндии, в том числе председатель Общества друзей тверских карел в Финляндии Эрки Хатакка и его заместитель Тапио Мустанен.

Состоялся большой гала-концерт, который украсили гости из города Олонца и Вепсской национальной волости Республики Карелия. Зрители очень тепло встречали выступающих самодеятельных артистов. У многих из них на глазах были слезы. В завершении концерта все вместе в сопровождении трех баянистов исполнили песню «Омаранда», им подпевал зал.

Делегация Финляндии не выдержала такого финала и в полном составе: Эрки Хатакка, Вейо Салохеймо, Калеви Райяла, Марти Маллинен и Тапио Мустанен вышли на сцену и спели песню на финском языке «Карьяла». 2–3 декабря 2005 года в городе Хельсинки Карельский Союз провел выставку-ярмарку книг. В ее работе принимали участие 62 финские общественные организации, в том числе Общество друзей тверских карел. На выставку мы отвезли книги на карельском языке Н.М. Балакирева, Л.Г. Громовой, М.М. Орлова, З.А. Туричевой, а также семь наименований моих книг по истории Тверской Карелии.

Председатель Общества друзей тверских карел Эрки Хатакка познакомил нас с руководителями и членами представленных на выставке книг общественных организаций Финляндии. Это были выходцы с Карельского перешейка, покинувшие его перед зимней войной 1939 года. Они привезли книги о своем городе, погосте, деревне, о своем роде, своих знакомых. Книги изданы на хорошей бумаге, с отличным качеством фотоизображений, они были объемными по 400–600 страниц в твердых обложках. Участие в этой выставке сподвигло меня написать книгу о своей малой родине «Мы отсюда родом», которая входит в трилогию «Прошедшие через века».

Активисты Общества друзей тверских карел были переселенцами разных погостов Карельского перешейка. Во время встречи с финскими друзьями 2–3 декабря 2005 года мы внимательно рассмотрели карту Карельского перешейка и выяснили, что наши деревни раньше находились, не так уж далеко, примерно в 50–70 километрах друг от друга. Только наши предки ушли с Карельского перешейка в XVII веке, а предки финских карел – перед Зимней войной осенью 1939 года.

Одним из активных членов Общества друзей тверских карел стал профессор из города Йоенсуу Вейо Салохеймо.

В 1999 году вышла его книга «Переселение карел из Ингерманландии и Какисалми в 1618–1655 годах», где он опубликовал сведения о том, в какие именно города и деревни, в том числе и на тверской земле, пришли карелы северных погостов Корельского уезда в XVII веке.

Нужно сказать, что Вейо Салохеймо многое сделал для издания моих книг по истории тверской Карелии. Он привез мне два тома исследований «История Карелии XVI–XVII веков в документах», передал мне свою книгу о переселении карел в XVII веке, а также список карельских тверских деревень Д.И. Рихтера за 1873 год. Передал списки карел, вышедших в XVII веке с Карельского перешейка, которые обосновались не только в Тверской губернии, но и на других территориях.

Много сил и времени профессор Вейо Салохеймо отдавал изучению истории переселения карел, в том числе на тверские земли. В дни проведения конференции 29–30 октября 2010 года, посвященной 20-летию карельского движения, было богатое общение с гостями. Профессор В. Салохеймо, которому тогда уже исполнилось 87 лет, жил в нашей семье. Он подарил нам свою новую книгу: «Под прежнюю власть на новое место жительства» изданную за неделю до конференции. Вейо немного говорил на карельском языке, в бытовом плане мы друг друга понимали. Хуже понимали, когда говорили об истории тверских карел и о книгах. За три проведенных вечера он мне рассказал следующую историю.

Брат его прадедушки Андрес Вильгельм Эммануэль в 1876 году с семьей переехал жить в город Тверь. Устроился работать почтовым чиновником, проживал в кирпичном доме Юдинова возле бань на Миллионной улице. Это был двухэтажный дом, теперь дом № 43 по улице Советской.

После Октябрьской революции в 1918 году всю семью брата его прадедушки переселили из кирпичного дома на Миллионной улице в деревянный на улицу Серебряная дом № 5–7.

Вейо Салохеймо долгое время не мог приехать в Советский Союз, чтобы узнать судьбу своих родственников. Во время второй мировой войны он служил солдатом в финской армии. Его семья получала письма из города Калинина

(теперь Тверь), он знал, где жили его родственники, постоянно интересовался Тверью.

Первый раз ему удалось выехать в Россию в 1990 году, он пришел на Серебряную улицу № 5–7 и встретил там Анну Матвеевну Дунаевскую. Она ему поведала о судьбе его родственников, с которым жила по соседству. Хорошо знала многих, особенно Хелену Хедвиг Андреевну, умершую в 1960 году. Когда он следующий раз в 1994 году приехал в Тверь, Анны Матвеевны уже не было в живых. Никого из родственников и их знакомых в Твери у него не осталось. Но каждый раз, когда приезжал в Тверь, просил нас пройти вместе с ним на улицу Серебряную № 5–7, чтобы вспомнить о них. Дом, как живой свидетель этой истории, еще сохранился, но скоро его уже не будет, на его месте построят многоэтажный дом.

После первой поездки в город Тверь в 1990 году Вейо Салохеймо заимел карты Калининской области и Советского Союза. Он стал много работать в архивах, чтобы выяснить, из каких деревень бывшего Корельского уезда уходили карелы, и в каких тверских деревнях они поселились. О Тверской Карелии он много знал от академика Пертти Виртаранта, с которым дружил.

Не исключаю, если бы в городе Твери не жили родственники Вейо Салохеймо, возможно, не было бы его трудов по переселению карел с Карельского перешейка и Приладожья, не было бы совместного российско-финляндского проекта по изучению переписных книг Корельского уезда XVI –XVII веков. И как знать, смогли бы тогда тверские карелы без первоисточников узнать нынешнюю, более полную, историю своего народа, о которой надо помнить, пока живы.

Молодежь принимает эстафету

20 января 2011 года состоялось очередное заседание областного комитета национально-культурной автономии тверских карел. Были подведены итоги работы за 2010 год и утвержден план на 2011 год. Основным событием 2010 года стала конференция, посвященная 20-летию карельского национального движения в постсоветский период. Другим важным событием было проведение 31 июля в городе Лихославле очередного IX областного фестиваля карельского народного творчества «Наследие тверских карел – потомкам».

Одновременно обозначился спад в изучении карельского языка, который преподавали лишь в одной Козловской средней школе Спировского района. В Лихославльском педучилище карельский язык перестали изучать. Газета «Karielan sana», которая в 1996 году начала выходить с периодичностью сначала один раз в неделю, затем – один раз в месяц, в последнее время – один раз в квартал, в 2010 году вышла всего один лишь раз за год.

Выступившие на заседании члены комитета говорили о повышении интереса людей к истории тверских карел, к истории своих деревень. Карельские коллективы все чаще и чаще начали приглашать на районные и областные праздники и фестивали, даже на корпоративные вечеринки.

В своем выступлении по отчету я заметил членам комитета, что за год сделано немало. Но направленность работы была на внешние связи и представительство. Были поездки руководства автономии и делегатов в города Санкт-Петербург, Йошкар-Олу, Саранск, а также в Венгрию и неоднократно в Финляндию. Это, может быть, неплохо, но заметно меньше стало внимания развитию карельского языка. Заявил о том, что перед важной конференцией в октябре 2010 года надо было провести заседание комитета.

Только по этой причине можно объяснить отсутствие делегации из Максатихинского района, председателя автономии города Твери, ряда выступающих участников.

Массовое награждение представителей руководства области и районов, ничего не сделавших для улучшения положения по развитию карельского языка, культуры и СМИ, обесценило грамоты автономии, их значимость. Грамота автономии должна быть не подкупом, не способом лести, а благодарностью за общественный труд. Однако не были награждены те, кто стоял у истоков создания Общества культуры тверских карел 20 лет тому назад, а также некоторые первые учителя карельского языка.

На заседании комитета отметили, что в 2010 году активно работало молодежное отделение областной автономии во главе с Кискиной Еленой. Молодые карелы проводили курсы карельского языка для жителей города Твери, организовали ряд встреч и праздников карел в областном центре, в селе Козлово Спировского района, деревнях Ключевая Максатихинского района и Карельский Городок Молоковского района. Представители карельской молодежи приняли активное учас-

тие в областном фестивале национальных культур 4 ноября 2010 года, посвященном Дню единства. Девушки в карельских национальных костюмах встречали хлебом-солью гостей фестиваля, молодежный ансамбль выступил в концертной программе.

На заседании комитета было сообщено о том, что на прошедшем собрании карельской молодежи Кискина Елена сложила свои полномочия, председателем молодежного отделения областной автономии избрана Строганова Ира. На заседании комитета 20 января были запланированы мероприятия на 2011 год. Среди них можно отметить проведение в поселке Максатиха X фестиваля карельского народного творчества «В гостях у тверских карел». Проведение «круглого стола», посвященного 15-летию газеты «Karielan sana» в сентябре, а также празднование 80-летия Лихославльского педагогического училища.

22 января 2011 года состоялось собрание карел, проживающих в городе Твери, на него прибыли 37 человек разного возраста, от молодых до самых пожилых карел. Основными вопросами были: отчет о работе городской автономии за прошедшие три года и принятие новой редакции устава. С отчетом о работе выступила председатель правления Тверской городской национально-культурной автономии тверских карел Светлана Олеговна Калинина. Она сказала, что отличие карел, проживающих в городе Твери, от деревенских карел в том, что они практически не говорят на родном языке, ни дома, ни на улице. В то же время у городских карел более высокий образовательный потенциал, который необходимо использовать. После смерти предыдущего председателя правления М.М. Медведева работа городской автономии приостановилась. Более активно она стала продолжаться с 2009 года.

Тверские карелы приняли участие в проекте «Мастерская финно-угорской молодежи», который проходил в Республике Карелия. Этот проект направлен на сохранение и развитие молодежью карельских народных инструментов и карельских народных песен. Участниками проекта стали музыканты из молодежного коллектива «Lindu» Светлана Федяева и Екатерина Демкина, которые до этого неплохо освоили карельский инструмент кантеле и карельскую скрипку.

Пятеро тверских карел совместно с русскими приняли участие в проекте по обучению неправительственных организаций финно-угорских народов, которое проходило в Карелии и Финляндии. Участница проекта Любовь Веселова сказала, что участие в проекте для нее было самым ярким событием в 2010 году, а возможно, во всей ее жизни.

Там они научились составлять различные проекты. Она представляла проект о работе Тверской областной библиотеки им. Горького с тверскими карелами и другими финно-угорскими народами, проживающими в Тверской области. По ее мнению, эти обучающие семинары дают мощные толчки в дальнейшей работе по поддержке карельского языка и культуры.

Дарья Цыганова рассказала о своем проекте «С любовью к Тверской Карелии». Она обратила внимание на основную проблему большинства карельской молодежи – снижение интереса к своему этническому происхождению. Они поставили перед собой цель – привлечение внимания городской молодежи к проблеме сохранения карельского населения. Для этого использовали метод фотомарафона, который включал в себя пейзажную и портретную фотосъемку в местах компактного проживания тверских карел. После этого они отобрали лучшие фотографии для организации фотовыставок в городе для городского населения.

Также готовят проект «Карельская семья» – это отдельные фотоальбомы конкретных карельских семей для знакомства с ними городских тверских карел. По мнению авторов, это необходимо с целью сохранения будущими поколениями своей карельской нации. Фотоальбомы будут демонстрироваться в библиотеках, на выставках, на городских мероприятиях.

Активность городской автономии в последние годы высока потому, что в состав правления входят молодые энергичные карелы, в правление городской автономии из восьми членов пять представителей молодежи, и трое – люди зрелого работоспособного возраста. На состоявшемся городском собрании в состав правления были избраны: С.О. Калинина, Н.А. Панкратьев, И.Ю. Строганова, И.В. Чунин, Е.В. Федоров, А.М. Максимова, Д.Л. Цыганова и Е.В. Журавлев. Председателем правления Тверской городской автономии тверских карел была вновь избрана Светлана Олеговна Калинина.

Меня несколько насторожило благодушное отношение руководства областной автономии к ее разделению. Когда карел было значительно больше, активисты карельского движения более двух десятков лет все делали для их объединения. А сейчас выделилась и стала самостоятельной Тверская городская автономия. Готовит проект своего устава, чтобы выделиться и стать самостоятельной, молодежное отделение автономии, а с какой целью?

На этот вопрос мне ответили, что сейчас главным стали деньги, поэтому городские карелы отделились, чтобы получать гранты из городского бюджета, а молодежь отделяется, чтобы получать деньги в комитете по делам молодежи области. Нужно отметить, что меня просили отредактировать проект устава, как городской автономии, так и молодежной организации, что и было сделано.

Через 10 лет после того, как было образовано молодежное отделение областной автономии, карельская молодежь решила от нее отделиться и стать самостоятельной организацией. 31 марта 2012 года в библиотеке им. Горького состоялась учредительная конференция, на которую прибыли 23 делегата из города Твери, Лихославльского и Спировского районов. Была образована молодежная общественная организация «Тверская Карелия (TverinKariela)», в ее совет вошли 8 человек: Арефьева Инна, Березкина Тамара, Васильев Михаил, Свирская Диана, Строганова Ирина, Туричева Анна, Цыганова Дарья и Чунин Игорь. Председателем совета молодежной организации избрали Строганову Ирину.

VI Всемирный конгресс финно-угорских народов в Венгрии

VI Всемирный конгресс финно-угорских народов прошел **4–8 сентября 2012 года** в Венгрии, в городе Шиофоке на берегу озера Балатон. Подготовка областного комитета национально-культурной автономии тверских карел к конгрессу началась в январе 2012 года.

17 января прошло заседание комитета, на котором с отчетом о работе за 2011 год выступил председатель Н.А. Туричев. К основным событиям года он отнес создание автономии в Лесном районе, председателем избран Михаил Павлович Смирнов, работавший руководителем аппарата районного собрания депутатов. Был проведен 10-й карельский фольклорный фестиваль в Максатихе, участвовали все поселения района, приезжали фольклорные коллективы из Республики Марий-Эл и Мордовии, карельских районов области и города Твери.

Дни деревень были организованы с помощью молодежного отделения в Ключевой Максатихинского района и деревне Карельский Городок Молоковского района. Там День деревни провели вместе с днем

поселения в престольный праздник Успенья 28 августа. Состоялась краеведческая конференция, на которой местные краеведы знакомили гостей с историей деревни Карельский Городок и историей тверских карел.

С обучением карельского языка дела обстоят очень плохо, в 2010 году его прекратили преподавать в Лихославльском педучилище. Карельский язык преподавали в одной-единственной Козловской школе Спировского района. Но если не изучается язык, как основа нации, когда все меньше становится людей, говорящих на карельском языке, тогда в чем суть работы автономии?

В сентябре 2011 года исполнилось 15 лет газете «KarielanSana», но эта дата прошла как-то незаметно. Информацию о ней дали лишь в Финляндии, а также в финно-угорском информационном центре. По итогам международной конференции, посвященной 20-летию общественного движения тверских карел, в 2011 году был издан сборник докладов.

На заседании комитета было решено включить в план работы на 2012 год проведение вечера, посвященного 15-летию карельской национальной газеты. Во время этого вечера читать стихи и исполнить песни на карельском языке, поделиться воспоминаниями о создании газеты в 1996 году, встретиться с авторами публикаций и читателями газеты.

Проведение 11-го карельского фольклорного фестиваля намечено в Лесном районе, где только что образована районная автономия тверских карел. Многие мероприятия в 2011 году были проведены по инициативе и непосредственному участию молодежного отделения автономии тверских карел.

На 2012 год молодежь предложила интересный план, куда вошли мастер-классы по плетению из бересты и валянию из шерсти, курсы по изучению карельского языка. Молодые карелы предложили вновь организовать и провести национальные праздники в деревнях Ключевая Максатихинского района, Чамерово Вельегонского, Карельский Городок Молоковского и Алешино Рамешковского районов. Они запланировали встречи с писателями и поэтами, с активистами карельского движения, литературные вечера в городах Твери и Лихославле, селе Толмачи Лихославльского района.

Но основным мероприятием по подготовке к конгрессу было решено считать проведение отчетно-выборной конференции, которую

наметили провести 23 марта. К тому времени провести конференции в районах, определиться с делегатами. На областной конференции избрать новый состав комитета на три года, а также 10 делегатов от тверских карел на VI Всемирный конгресс финно-угорских народов.

23 марта 2012 года в библиотеке им. Горького состоялась очередная VII отчетно-выборная конференция областной национально-культурной автономии тверских карел. На конференцию прибыли 60 делегатов из города Твери, Зубцовского, Лесного, Лихославльского, Максатихинского, Молоковского, Рамешковского и Спировского районов. Не прибыли делегаты из Весъегонского и Сонковского районов.

Председатель областной автономии Н.А. Туричев сделал доклад на карельском языке с синхронным переводом на русский язык на большом экране. В своем докладе он сказал, что основными событиями за три года было проведение ежегодных фестивалей, в том числе в селе Никольское Рамешковского района, Лихославле и Максатихе. Также проводились дни карельских деревень. Был сделан акцент на представительские мероприятия и поездки на них в другие регионы и страны.

Докладчик отметил, что в то же время карельский язык преподавался в одной школе из 15, где преподавали ранее. Карельская газета «Karielan sana» издавалась один раз в год вместо одного раза в месяц, как было ранее. Треть доклада была посвящена благодарностям и хвалебным одам по конкретным фамилиям, в том числе персонально руководству области, руководству карельских районов, членам Общества друзей тверских карел (Финляндия), руководителям автономий и их активистам. Выступления председателей районных автономий были своего рода отчетами о проведении фестивалей, дней карельских деревень, работе библиотек.

Карельский поэт С.В. Тарасов прочитал стихи на карельском языке, заявив, что десять лет тому назад в его родной карельской деревне Васильки в 74 домах проживали 146 жителей. Сейчас в деревне осталось 6 жителей, остальные дома пустуют. Если исчезнут карельские деревни, исчезнет народность. Его сыновья, например, уже не говорят на карельском языке.

Я в своем выступлении обратился к присутствующим представителям руководства области и главам районов с некоторыми просьбами. Попросил получить в Росстате данные о тверских карелах по последней переписи 2010 года и передать их в автономию тверских карел, так как передача данных по запросу автономии стоит денег, которых у нее нет.

Организовать встречу активистов автономии и учителей карельского языка с руководством образования области, чтобы снова решить вопросы преподавания карельского языка в местах компактного проживания карел в любом виде – кружки, факультативы, включение в школьный компонент. Я попросил руководство области и глав районов взять с полок для реализации разработанный десять лет назад автономией вместе с финнами проект «Будущее тверского села» и начать наконец-то его реализацию.

Я выразил удовлетворение тем, что сами карелы перестали издеваться над названиями сел, как было ранее, и стали называть «Карельский Городок» вместо «Кар. Городок», «Карело-Кошево» вместо «Кор. Кошево» и так далее. Я попросил карел никогда не называть себя «нацменьшинством», как это прозвучало в одном из выступлений, так как карелы были, есть и будут коренным народом России.

После выступлений был избран практически прежний состав комитета областной автономии с увеличением числа его членов с 15 до 20 и введением в него дополнительно пяти человек. Когда тверских карел было больше, в комитете на общественных началах работали 11 человек, при уменьшении их числа с 2009 года стало 15 человек, а теперь уже 20. Председателем областного комитета национально-культурной автономии тверских карел вновь был избран Н.А. Туричев. Делегатами на VI Всемирный конгресс финно-угорских народов стали: Н.А. Туричев – председатель областного комитета НКА тверских карел, представители от районных автономий: В.М. Березкин от Молоковской, Л.С. Бурмистрова от Лихославльской, Н.А. Куллина от Рамешковской, Н.П. Парфенова от Спировской районной автономии.

В делегацию также вошли: Л.Г. Громова – редактор газета «Karielan sana», В.В. Елиферов – глава администрации Максатихинского района, О.А. Смирнова – глава администрации Лесного района, И.Ю. Строганова – председатель молодежного отделения НКА тверских карел, А.Н. Туричева – член комитета молодежного отделения НКА тверских карел.

Я предложил направить глав районов в качестве наблюдателей, а вместо них направить делегатами двух председателей районных автономий из города Твери, Максатихи или Лесного. Сказал, что надо поддержать и поощрить этой поездкой активистов карельского движения, а главы районов могут выехать за счет районов, что не могут сделать делегаты. Но меня никто из делегатов конференции не поддержал, кроме В.А. Кричкина.

Делегация тверских карел выехала на конгресс в составе восьми человек, двое выехать не смогли. Нужно отметить, что финские карелы, число которых называют от 25 до 50 тысяч человек, не имеют своего представительства в Консультативном комитете финно-угорских народов, их представителей не было ни на одном из пяти прошедших конгрессов. Для поездки на VI Конгресс в Венгрию они попросили выделить 5 мест для них в делегации от Карелии и одно место в делегации от тверских карел.

Тема конгресса была «Язык и народ» – это одна из важнейших тем для каждого народа. В работе конгресса приняли участие президенты Венгрии, Финляндии и Эстонии. В своем приветственном слове президент Финляндии Саули Ниинистё сказал: «Все языки и культуры – как большие, так и малые – имеют свою достойную историю. Важно, чтобы эти истории не угасали, а наполнялись новым содержанием и значением как часть становления будущего. При этом языки и культуры – отнюдь не частная собственность своих народов, а часть общего культурного арсенала всего человечества».

Международное сотрудничество финно-угорских народов в современном формате к 2012 году продолжалось уже 20 лет, за это время в современном мире многое изменилось.

Представители народов выступили на родных языках с синхронным переводом на английский, русский и венгерский языки. С целью дальнейшего сохранения финно-угорских языков на конгрессе предлагалось самим народам более широко использовать информационно-коммуникационные ресурсы для развития и популяризации культуры и искусства финно-угорских народов. Нужно исходить из того, что новейшие информационные технологии проникли в жизнь финно-угорских народов, вывели на новый уровень их СМИ. Они оказывают влияние даже на развитие национальных языков, открывая новые сферы их применения, формируя электронные словари.

СМИ на национальных языках оказались в ситуации конкуренции со СМИ на языках большинства, что естественно в условиях рыночной экономики. Подчеркивалось, что именно благодаря новейшим технологиям национальные СМИ могут быть конкурентоспособными. Новейшие информационные технологии позволяют любой информации преодолевать административные и государственные границы, что особенно важно для народов имеющих значительные диаспоры или проживающих рассеянно. Секция «Здоровье, демография и экологи-

гия» на своем заседании внесла предложение, что «конгресс признает и поддерживает права коренных народов на улучшение качества их жизни и на получение прямой и справедливой выгоды от сохранения и устойчивого использования природных ресурсов на их территориях». Но в общей резолюции конгресса это предложение отражения не нашло.

В резолюции VI конгресса, как и предыдущих конгрессов, выражена озабоченность тем, что «продолжаются сокращение численности большинства наших народов, а также аккультурационные и ассимиляционные процессы, снижается уровень владения родными языками. Экономическая и общественно-политическая нестабильность в ряде стран и регионов мешает последовательно решать цели и задачи, стоящие как перед финно-угорским движением в целом, так и перед конкретными народами». Но если на всех предыдущих конгрессах представители народов обращались к правительствам стран и международным организациям о государственной поддержке своих языков и культур, то на этот раз участники конгресса обратились к самим народам с настоятельной просьбой:

- говорить на родных языках, пользоваться ими в повседневной и общественной жизни;
- обучать финно-угорским языкам детей, в том числе привлекая представителей среднего и старшего поколений;
- расширять использование финно-угорских языков в средствах массовой коммуникации и в социальных сетях;
- воспитывать уважение к культурному наследию наших народов, содействовать его сохранению с целью передачи последующим поколениям.

2012 год стал для тверских карел переломным, в этот год они узнали, что согласно переписи 2010 года их число сократилось в 2 раза по сравнению с 2002 годом. Они последний раз представляли свой народ на VI Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Венгрии делегацией в 10 человек. На следующий конгресс поедут всего три представителя от тверских карел. Всплеск самосознания народа, начатый в 1989 году, имевший свой пик с 1996-го по 2006 год, но не поддержанный властью, начал постепенно затухать.

Глава III. С верой, надеждой и любовью

В 1990-х годах в Российской Федерации началось активное движение малых народов на самоопределение. Нам пришлось быть в центре этих событий. **29 октября 1990 года** было создано Общество культуры тверских карел. То время можно назвать периодом больших преобразований и надежд на поддержку со стороны государства начинаний активистов. Происходила смена общественно-политических формаций, начинались активные национальные движения народов, в том числе и малых, как тверские карелы.

Активисты карельского движения своей деятельностью пытались доказать, язык народа является основным элементом его культуры, поэтому признать о праве использования родного языка и письменности. Они добились издания своей национальной газеты, выпуска радиопередач и телепрограмм на родном языке. Добились преподавания карельского языка в 15 школах области, Лихославльском педучилище и даже в Тверском государственном университете на группе специализации.

Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они *свободно* устанавливают свой политический статус и *свободно* обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие. Тверские карелы хотели бы свободно распоряжаться естественными богатствами и ресурсами на территории, где они проживают. В то же время они понимали, что без определения статуса этого не добиться.

В 1994 году главы карельских районов Тверской области поднимали вопрос о воссоздании Карельского национального округа с определением его территории. Но активисты карельского движения понимали, что такого пути самоопределения тверских карел не будет, этот путь подскажет сама жизнь. Важными вопросами, которые они ставили перед собой, были: дальнейшее сохранение карельского языка и письменности, карельской культуры и создание национальных средств массовой информации.

Как малым народам можно реализовать самоопределение, не ставя под вопрос территориальную целостность государства? Статус национального или автономного округа, установленный в современной Российской Федерации, не является эффективной формой защиты территориальных интересов, и малочисленные народы не видят перспектив в государственно-правовой форме их защиты.

Документы ООН, подчеркивая важность признания и равноправие различных форм самоопределения, а также важность того, что в основе любого решения по этому вопросу должно лежать действительно свободное волеизъявление, свободное самоопределение каждого отдельного народа. В то же время, там записано, что при этом необходимо учитывать волю и интересов не только данного народа, но и, других народов, совместно с ним проживающих.

В 1996 году вышел Закон Российской Федерации «О национально-культурной автономии». Тверские карелы на своей конференции в городе Лихославле **15 ноября 1997 года** утвердили устав Тверской региональной национально-культурной автономии. Он был зарегистрирован управлением юстиции администрации Тверской области 1 декабря 1997 года.

Мы продолжали активно работать по сохранению языка и культуры тверских карел с верой в будущее, любовью к своему народу и надеждой на его перспективу. Но время распорядилось иначе, язык и культура тверских карел стала никому не нужной, остался только бренд для туристов и исследователей «Тверская Карелия».

Работа в Ассоциации финно-угорских народов (1995–2005 годы)

В связи с тем, что после II съезда, проведенного в июле-августе 1995 года в городе Кудымкаре, работа Ассоциации финно-угорских народов России практически прекратилась, в 2002 году нам, активистам финно-угорского движения, пришлось начинать организационную работу вновь. Были созданы региональные отделения в 47 регионах, в том числе и Тверской области.

В июле 2002 года был зарегистрирован устав Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». На учредительном собрании был переизбран исполком из 27 человек, председателем исполкома тогда избрали В.П. Маркова, он же одновременно являлся председателем международного Консультативного комитета финно-угорских народов. От Тверской области в исполком избрали меня.

Во вторник 17 мая 2005 года мне позвонили из департамента внутренней политики администрации Президента Российской Федерации.

Предложили прочитать информацию в газете «Коммерсант» от 14 мая о пленарном заседании Европейского парламента в Страсбурге, где была одобрена резолюция о положении марийского народа, и высказать свое мнение. Учитывая высокое положение обратившегося государственного служащего, я изучил ситуацию и написал проект статьи под названием «Преступность – понятие интернациональное». Направил текст по факсу и электронной почтой в администрацию Президента РФ, полагая, что статья будет опубликована в одной из центральных газет. Но на основе этого текста там составили проект «Заявления финно-угорской общественности Российской Федерации», осуждающее решение Европарламента, направили его мне и предложили подписать. Я ответил, что подумую да утра.

Утром 18 мая подготовил ответ о критически сложном положении карельского языка и культуры тверских карел и отказался от подписи под заявлением. Свой отказ мотивировал тем, что подписание будет противоречить регламенту Консультативного комитета финно-угорских народов, членом которого я являюсь, так как все решения должны приниматься путем консенсуса. Оно будет противоречить решениям IV Всемирного Конгресса финно-угорских народов, может привести к расколу нашего единого движения. Предложил, чтобы В.П. Марков провел в Москве внеочередное заседание исполкома Ассоциации финно-угорских народов России.

Вечером того же дня, 18 мая мне домой из Нью-Йорка позвонил председатель исполкома Ассоциации финно-угорских народов России В.П. Марков, попросил разъяснить ситуацию. Он одобрил мое предложение и сказал, что по возвращении с сессии ООН, скорее всего, он созвет исполком Ассоциации.

20 мая 2005 года из администрации Президента РФ мне пришел новый текст «Заявления», более жесткий. Целый день со мной велись переговоры о его подписании, я отказывался. В понедельник 23 мая меня пригласил главный федеральный инспектор по Тверской области Ю.В. Цеберганов, спросил, почему я не подписываю текст «Заявления». Я ответил теми же аргументами, что написал в администрацию Президента. Он сказал, что при таких условиях не может меня заставлять подписывать текст «Заявления». Предложение о созыве заседания исполкома Ассоциации финно-угорских народов России, скорее всего правильное, он так и ответит в Москву. С тех пор каких-либо притязаний в отношении меня на подписание заявления не было.

Я не знаю, было ли принято такое заявление, и кто его подписывал от имени тверских карел. Вечером 23 мая из Нью-Йорка мне снова позвонил В.П. Марков, спросил, как развиваются события, я ему дал информацию.

В понедельник 30 мая пришло сообщение о заседании исполкома Ассоциации 2 июня 2005 года. В тот день исполком Ассоциации собрался в своей штаб-квартире – представительстве Республики Коми в Москве для обсуждения положения марийцев в Республике Марий-Эл. С докладом на исполкоме выступил заместитель председателя правительства Республики Марий-Эл. На вопрос, изучается ли марийский язык, как государственный, только как предмет или все предметы в национальных школах ведутся на марийском языке, выступающий стал философствовать о неперспективности марийского языка и о полном переходе на русский язык. Ему стали возражать, что закон о государственности марийского языка никто не отменял и его надо выполнять.

В ходе обсуждения доклада появилось несколько предложений: резолюция, подготовленная Владимиром Козловым из Республики Марий-Эл, заявление В.П. Маркова, мое обращение и предложение представителя Минрегионразвития о составлении протокола с включением всех выступлений и направления его в необходимые инстанции. На заседании исполкома так и решили: протокол заседания исполкома Ассоциации финно-угорских народов России от 2 июня 2005 года, с включением туда всех выступлений, направить председателю Правительства РФ М.Е. Фрадкову, в администрацию Президента РФ, в МИД и президенту Республики Марий-Эл [23].

16 августа в правительственной «Российской газете» было опубликовано интервью президента Республики Марий-Эл Л. Маркелова. Он заявил, что в резолюции Европарламента «О нарушениях прав человека в Республике Марий-Эл» откровенная ложь. После принятия этой резолюции он пригласил в республику послов трех финно-угорских государств: Венгрии, Финляндии и Эстонии. Они посетили школу, им рассказали о преподавании марийского языка. Его лично поразила реакция послов, вместо того, чтобы сказать, что в республике все хорошо, они усомнились, все ли нормально с преподаванием марийского языка.

Л. Маркелов заявил, что акция в финно-угорских СМИ по Республике Марий-Эл задумана для того, чтобы отвлечь внимание Евросоюза от проблем русских в прибалтийских странах [24].

А в это самое время некоторые представители властных структур Российской Федерации толковали проблемы в Республике Марий-Эл и весь финно-угорский фактор, как «шумиху» вокруг положения коренного народа. Поэтому МИД России и представители общественных организаций Марий-Эл расценили резолюцию Европарламента, как вмешательство во внутренние дела республики и России в целом. Они заявили, что финских политиков больше интересует судьба не русскоязычного населения Прибалтики, а коренных жителей Республики Марий-Эл, где проживают более 50 национальностей.

По-видимому, некоторые чиновники не осознали или забыли, что марийцы – это коренное население республики, которое дало ей свое название. Что это население живет на собственной территории веками и имеет право на защиту собственных национальных интересов. Что в отличие от других этнических групп или национальных меньшинств марийцы, как коренное население, имеет свою родину именно здесь, и другой родины у них нет. Проблема положения русскоязычного населения в странах Прибалтики сложная и ее необходимо решать. Но это отдельная проблема, не связанная с положением марийцев в своей республике. Надо решать обе эти важные проблемы, не взаимодейывая их между собой.

На заседании исполкома Ассоциации 2 июня 2005 года было принято решение о проведении очередного III съезда финно-угорских народов Российской Федерации в октябре того же года. Были утверждены нормы представительства: от республик по 9 делегатов, от округов по 4 делегата, от диаспор и землячеств по 1–2 делегата. Тверские карелы получили право избрать четырех делегатов.

III Съезд финно-угорских народов России состоялся **13–14 октября 2005 года**, через 10 лет после проведения второго съезда. На него прибыли 117 делегатов из 30 субъектов Российской Федерации. Меня тогда избрали председателем мандатной комиссии. Выступлений на съезде было достаточно много, по итогам его работы принята резолюция. В ней отмечалось, что в последние годы стали проявляться негативные тенденции к излишней централизации властных полномочий. Политические реформы последнего времени ведут к формированию механизмов «управляемой» демократии, усилению роли партий в создании федеральных и региональных структур власти. Такая политика при отсутствии правовых механизмов, обеспечивающих достойное представительство коренных народов и национальных меньшинств

в выборных органах власти, значительно сократила возможность эффективного участия представителей финно-угорских народов в структурах исполнительной власти, их влияние на решения, принимаемые органами власти и управления на всех уровнях. Оставлено без внимания социально-экономическое развитие мест традиционного проживания финно-угорских народов.

На съезде были выработаны рекомендации Правительству РФ и органам государственной власти и управления регионов по изменению законодательства, финансирования национальной политики, поддержке языков, культуры, СМИ финно-угорских народов России.

Был избран исполком из 29 человек, от тверских карел я рекомендовал делегата съезда Ёлкина Виктора Вячеславовича. Таким образом, я освободился от общественных обязанностей члена исполкома Ассоциации финно-угорских народов, которые исполнял в течение 10 лет. Председателем исполкома Ассоциации тогда был избран представитель народа эрзя профессор Мосин Михаил Васильевич.

На съезде вновь были попытки обсудить ситуацию в Республике Марий-Эл. На съезд не выпустили делегата от марийцев В.Н. Козлова. Дознаватель службы приставов С.Оганесян постановил избрать в отношении Козлова подписку о невыезде в связи с тем, что он собирается выехать в город Москву на съезд Общероссийского движения АФУН РФ [25].

Было принято решение, на съезде вопрос о ситуации в Республике Марий-Эл не обсуждать, а поручить исполкому Ассоциации выехать на место и там разобраться в случившемся. Дальнейшее объединение финно-угров, проведение съезда, судя по высказываниям в печати, насторожило некоторых чиновников в России. В средствах массовой информации они стали заявлять, что резко активизировались Финляндия, Эстония и Европейский Союз на тему финно-угорских народов, это очевидно спланированная система мероприятий. Опасения эти напрасны, так как в планах развития финно-угорских народов России мало политики, они направлены на развитие родных языков и культуры.

Работа в Консультативном комитете финно-угорских народов (1997–2009 годы)

Начиная с марта 1997 года, тверских карел в Консультативном комитете финно-угорских народов представляли мы с В.В. Елкиным. Заседания комитета поочередно проходили в одном из финно-угорских регионов России, а также в Венгрии, Финляндии и Эстонии. Так как на заседание приглашались по одному представителю от народа, мы с В.В. Ёлкиным выезжали на них по очереди.

Я участвовал в работе Консультативного комитета финно-угорских народов в Венгрии, Финляндии, Эстонии, а также в городах Санкт-Петербурге, Москве, Йошкар-Оле, Саранске, Ханты-Мансийске.

13 июня 2003 года я поехал на заседание Консультативного комитета финно-угорских народов в город Ханты-Мансийск (до 1940 года он назывался Остяко-Вогульск. – А.Г.) Путь поездом был долгим – двое суток. Пересекли Урал, в горах было четыре-пять тоннелей, а также дорога шла между скал высотой до пятнадцати – двадцати метров. На склонах гор было много цветущей земляники, шиповника, папоротника.

Встречались остроконечные пирамидальные ели. Проехали Тобольск, впечатлил высокий и крутой правый берег Иртыша. А в основном на пути лес, лес, лес и болота, болота, болота. Смотрел в окно и думал, какие большие территории и как мало здесь народа. Деревни очень редки и бедны, поля не засеяны. Но с другой стороны – нет народа, нет и бесчисленных свалок – лес, поля, луга зеленые и чистые. Лес в основном – береза, ель, сосна.

В Пыть-Ях поезд опоздал на два часа, но успели к очередному рейсу автобуса до Ханты-Мансийска. В пути четыре часа, в город приехали около двух часов ночи, водитель подвез до гостиницы «На семи холмах». За два дня заседаний удалось посмотреть и город. Это город европейского стандарта, как будто побывал в Финляндии или Швейцарии. Неповторимая архитектура каждого здания, чистота и порядок, круглогодичное отопление в жилых домах.

На третий день своего пребывания в этом городе 18 июня 2003 года побывали на рыбалке. Мы с Янушом Пустаи из Венгрии и местными рыбаками проверяли сети, рыбы попало много. Варили уху и впервые практически ели сырую рыбу стерлядь. Сначала мороженую

строганину, обмакивая ее в соль с перцем. А потом только что пойманную, еще хлопавшую глазами посоленную свежую рыбу. Председатель Думы Ханты-Мансийского автономного округа Василий Семенович Сондыков поучал нас: «Рыбу, птицу и молодицу берут руками».

Нередко заседания комитета проводили вместе с международными конференциями, фестивалями, конгрессами финно-угорских народов. Они становились большим событием для финно-угорского региона. В работе комитета принимали участие нередко первые лица региона, в крайнем случае – их заместители. Работу комитета освещали в средствах массовой информации, членов комитета принимали с радушием.

Так было и во время первого заседания комитета в городе Твери в марте 1997 года. Тогда же была проведена первая международная конференция по истории и культуре тверских карел.

Совсем по-другому здесь отнеслись к проведению заседания комитета через десять лет в апреле 2007 года. Подготовку заседания было поручено провести комитету внутренней политики администрации Тверской области. Тот не решил ни организационные, ни финансовые вопросы. Не были решены вопросы с транспортом, с проживанием, питанием. Не решены финансовые вопросы, которые Консультативному комитету пришлось взять на себя. Перед началом работы на столах перед членами комитета не было ни бумаги, ни ручек, ни воды, не говоря уже о буклетах, книгах и другой печатной продукции о Тверской области.

Я был в отъезде и прибыл в город накануне заседания комитета, некоторые организационные вопросы пришлось срочно решать активистам карельского движения, работавшим на общественных началах, а также руководству самого Консультативного комитета. Мне лично было стыдно за нашу администрацию области и за нашу подготовку к заседанию комитета. Я видел, какая подготовка к заседанию Консультативного комитета была в других регионах РФ.

До города Твери очередное заседание комитета состоялось с 30 ноября по 2 декабря 2006 года в городе Саранске. Сначала были сообщения представителей народов, что было сделано за полгода, прошедшие с предыдущего заседания комитета. Затем обсудили программу и порядок проведения международной конференции «Реализация решений IV Всемирного конгресса финно-угорских народов». После этого обсудили и утвердили план работы комитета на 2007 год.

Первым на конференции выступил глава Правительства Мордовии Н.И. Меркушкин. Он сказал, что в городе Саранске открыт Поволжский центр финно-угорских народов, куда входят: институт национальной культуры, национальный театр, межнациональный информационный центр на базе библиотеки, два музейных комплекса и общежитие университета. Основной проблемой для Мордовии является слабое преподавание мордовского языка за пределами Мордовии, где живут 68% мордвы.

Если в Мордовии работают 590 национальных школ, то за ее пределами открыто всего 132 национальных школы. Численность народа постоянно уменьшается. Если до 1917 года в стране проживали около 10 млн мордвы, то сейчас менее миллиона человек осознают себя мордвинами. Н.И. Меркушкин предложил Международный фестиваль финно-угорских народов летом 2007 года провести в Мордовии.

Затем выступил председатель Консультативного комитета финно-угорских народов В.П. Марков. Он сказал, что мы впервые собрались на международной конференции по реализации решений конгресса. После проведения I конгресса прошло 14 лет, теперь мы пытаемся оценить свою работу. Решения конгресса записаны в его резолюции, в том числе мы просим воссоздать Министерство по национальной политике РФ. Созданы два культурных центра, один в Мордовии уже открыт, второй центр в Республике Коми откроется с 1 января 2007 года.

Международные фестивали национальных культур сначала проводили один раз в год, теперь проводим один раз в два года. В 2007 году национальные финно-угорские коллективы приглашает Мордовия, в 2009 году – Удмуртия, в 2011 году – Республика Коми.

Что касается образования, то федеральные государственные стандарты до минимума сузили возможности школ по обучению родному языку. Но здесь задача остается прежней – максимальное сохранение национальных языков. Потеряно очень много, но пытаться сохранить оставшееся необходимо.

Представитель Эстонии М. Нутт сказал, что из 46 стран Европы «Хартию о защите языков малых народов» подписали 33 государства,

а ратифицировали всего 22 государства. Не ратифицировали хартию Россия, Эстония, Франция и другие государства. По-видимому, они считают более важными свои внутренние законы.

Представитель Венгрии Энико Сий сказала, что в Венгрии также имеются языковые проблемы. В стране живут 14 национальных меньшинств: сербы, немцы, словаки и другие. Есть проблемы обучения их в национальных венгерских школах. Большой проблемой является также положение венгров в других стра-

нах. Они остались там жить на своей исторической родине, но после войны изменились границы, поэтому миллион венгров живет в соседних странах.

На этой конференции я выступил с докладом на тему: «Возврат к истокам, как путь разрешения межнациональных проблем». Позднее с этим же докладом я выступил на секции «Политика» во время проведения в городе Ханты-Мансийске V Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Профессор Н.Ф. Мокшин (Мордовия), сказал, что угрозу мордовскому этносу представляет ассимиляция. В России было всего пять народов численностью более миллиона человек: русские, татары, башкиры, чуваша и мордва. Но уже по переписи 2002 года мордвы стало меньше миллиона – 845 тысяч человек. При этом было уже четыре попытки разделить мордовский народ по самоназваниям – мокша и эрзя [26].

По итогам конференции было предложено обратиться в агентство информации России, чтобы средства массовой информации щадили национальное самосознание народов и не допускали их оскорблений. Так в программе «Вести» в воскресенье 26 ноября 2006 года ведущий заявил: «Какие-то там эстонцы и поляки будут указывать России, как нам жить».

Участники конференции предлагали обратиться в Государственную Думу РФ с просьбой о внесении изменений и дополнений в закон «О национально-культурной автономии», а именно, включить финансирование национально-культурных автономий из федерального, регионального и местных бюджетов.

Члены Консультативного комитета и участники конференции посетили несколько сел Ардатовского района Мордовии. Были в общеобразовательной мордовской школе в селе Низовка. Посетили открытые уроки по родному языку, природоведению, участвовали в работе «круглого стола», отведали мордовскую национальную кухню.

Оттуда проехали в село Баево, где в 1876 году родился мордовский скульптор Степан Дмитриевич Нефедов (Эрзя). Посетили его дом-музей как раз в те дни, когда отмечали 130-летие со дня рождения великого сына мордовского народа. Умельцы показали нам мастер-классы по ткачеству, прядению, вышивке и резьбе по дереву. Потом был большой концерт художественной самодеятельности «Приходите, друзья, в наш круг». Из села Баево проехали в город Ардатов, там посетили дворец спорта, дом детского творчества и детскую школу искусств.

За 12 лет членства в Консультативном комитете финно-угорских народов я побывал и познакомился с небольшой частью культуры венгров, финнов, эстонцев, карел, марийцев, мордвы, хантов. Посетил Венгрию, Финляндию, Эстонию, Карелию, Марий-Эл, Мордовию, Ханты-Мансийск. Несколько заседаний комитета проходили в городе Санкт-Петербурге и представительстве Республики Коми в Москве. Мне не удалось побывать в Удмуртии, Республике Коми, у саамов и ненцев.

3 декабря 2005 года в городе Хельсинки я впервые реально увидел воплощение символов «Вера, Надежда, Любовь». В музее «Атенеум» была открыта выставка картин из частных коллекций финской художницы Инны Коллиандер (1905–1985 гг.) Поразила методика ее искусства. Она на доске или фанере ножом вырезала картину. Потом красила ее краской и переводила на бумагу. Краска на одной и той же картине иногда поочередно применялась разных цветов. Поэтому картины с одной доски были красными, синими, зелеными и других цветов. Так как она была небогатой, то на одной доске вырезала две картины с обеих сторон. Рассказывали, что этот метод она применяла потому, что ее дети были маленькими и требовали много внимания. Она отставляла в сторону доску в любое время. Холст занимал больше времени, его не всегда отставишь в сторону, а доску в любое время.

Так и появился этот метод графики, с одной доски Инна Коллиандер делала по 5–10 картин, иногда до 200. На каждой картине помещала, например 2/10, это означало, сделано всего десять таких картин,

перед нами вторая по счету картина. Меня поразила наглядность двух ее картин: «Две женщины» и «Три жизни». На первой картине женщина Вера, стоящая на коленях перед Богом или другой небесной силы, опустила вниз голову. Вторая женщина Надежда подняла вверх руки, обращаясь к небесам.

На второй картине эти символы изображены несколько иначе. Вера скрестила руки на груди, слегка опустив голову. Надежда, подняв руки вверх, удерживает ими воздушную Любовь, обняв ее за талию. Любовь уже оторвалась от земли и стремилась улететь от двоих. Удержать ее непросто, но можно и необходимо. На следующей картине Инны Коллиандер, посвященной любви, изображены могилы предков, расположенные друг над другом, из поколения в поколение. А на земле над этими могилами двое влюбленных разжигают костер жизни. Скоро от этого костра у них появится новая жизнь, и так будет продолжаться из поколения в поколение. Жизнь на земле не умрет, пока есть Вера, Надежда, Любовь, надо любить друг друга, свою малую родину и свой народ.

Много внимания на заседаниях комитета уделялось информации с мест, планированию работы, подготовке к конгрессам и другим, значимым для финно-угорских народов событиям. Участие в работе Консультативного комитета расширяло кругозор, помогало в трудные периоды жизни принимать правильные решения, имея достаточно большую информацию.

Под звуки кантеле

До 1996 года в Тверской области молодые карелы не имели никакого понятия о карельском национальном инструменте – кантеле, о нем забыли уже после Великой Отечественной войны. Летом 1996 года в поселке Калевала Республики Карелия прошел очередной карельский фестиваль, в котором принимал участие ансамбль «Виржи» из города Лихославля. Руководителем делегации была ответственный секретарь Общества культуры тверских карел З.И. Головкина. Она первый раз тогда в Калевале услышала звучание кантеле и влюбилась в этот инструмент.

В следующем 1997 году она пригласила в Тверь ансамбль кантелистов из Петрозаводска, он выступил в музее им. Лизы Чайкиной.

На концерт кантелистов Зинаида Ивановна пригласила преподавателей школ искусств из Спинова и Лихославля, а также Тверского музыкального колледжа. Концерт кантелистов из Карелии слушали также прибывшие из Финляндии председатель Общества друзей тверских карел Эрkki Хатакка и его жена Элина.

После этого Зинаида Ивановна с небольшой делегацией заинтересованных лиц вновь поехала в Петрозаводск и познакомилась там с профессором Петрозаводского университета технологии и предпринимательства Тропиным Владленом Федоровичем. Они договорились об изготовлении для тверских коллективов нескольких кантеле и обучении наших преподавателей игре на них. К тому времени Общество культуры тверских карел стало Тверской областной национально-культурной автономией тверских карел. Автономия взяла на себя все расходы по приобретению первых инструментов – кантеле и по обучению игре на них преподавателей училищ.

В.Ф. Тропин прибыл в Тверь в сентябре 1999 года вместе с одним своим студентом. Они вместе с З.И. Головкиной поехали в школу искусств поселка Спиново, где Тропин познакомил преподавателей школы и учащихся с кантеле. Затем познакомил с этим инструментом преподавателей и учащихся Детской школы искусств города Лихославля. Автономия приобрела для обеих школ по два первых 5-струнных кантеле. В октябре 1999 года Лихославльский район на свои средства приобрел еще несколько кантеле, в том числе одно 10-струнное. 11 декабря ансамбль кантелистов Детской школы искусств города Лихославля выступил в районном доме культуры на встрече с губернатором В.И. Платовым, это выступление стало считаться датой рождения ансамбля кантелистов.

16 декабря 2000 года ансамбль участвовал в первом областном фестивале фольклорных коллективов в городе Твери. А 25 марта 2001 года на первом областном конкурсе исполнителей на народных инструментах в городе Твери ансамбль удивил жюри и участников конкурса красотой и необычным звучанием инструмента, заняв III место.

С 3 по 9 июня 2003 года была первая поездка ансамбля за пределы Тверской области. Он участвовал в городе Петрозаводске на V Международном фестивале кантелистов. К этому фестивалю ансамбль взял себе название «Вихмане», что в переводе с карельского означает «дождичек». В Петрозаводске вокальная группа ансамбля выступила вместе с инструментальной группой. Они исполнили песни на ка-

рельском и финском языках. Второй раз ансамбль «Вихмане» выезжал в город Петрозаводск 6–8 июня 2005 года, где принимал участие в VI Международном фестивале «Кантеле».

С 15 по 18 июня 2006 года ансамбль «Вихмане» участвовал в Карельском фестивале, который проходил в финском городе Хамина. В 2007 году в Твери проходил Российско-финляндский экономический форум. Последний его день, 29 сентября, финские его участники решили посвятить Тверской Карелии, они выехали в Лихославльский район. В педучилище для них был дан концерт, в котором принял участие ансамбль «Вихмане». В октябре того же года дуэт из ансамбля Буткарева Кристина и Михайлова Аня приняли участие в VII Международном фестивале «Кантеле-2007» в городе Петрозаводске.

8 июля 2008 года ансамбль представлял культуру района на Молодежном форуме Центрального федерального округа, которых проходил в деревне Лисицино Лихославльского района. 23 августа того же года принял участие в очередном VII Фестивале карельской культуры в селе Козлово Спировского района. А 1 августа 2009 года – на VIII Фестивале карельской культуры в деревне Никольское Рамешковского района.

Все первые 10 лет руководителем ансамбля являлась преподаватель по классу кантеле Константинова Марина Николаевна. Ансамбль был создан при активном участии директора детской школы искусств города Лихославля, Буткаревой Надежды Алексеевны.

Создание сборника карельских песен

Идея создания сборника карельских песен возникла в апреле 2002 года после проведения в поселке Рамешки I областного фестиваля карельского детского творчества. На работу по созданию сборника ушло почти четыре года, он издан в 2007 году. Составителями сборника были председатель областной автономии З.И. Головкина и музыкант Р.В. Горцев. Задача составителей была в том, чтобы собрать и сохранить оставшиеся в народной памяти, а также новые карельские песни.

Сложность была не только в правильном написании нот, текстов песен на карельском языке, но и установлении их подлинных авторов.

Порою на авторство претендовали по два человека, например, так случилось с текстами песен «Ома ранда», «Веллекшет», «Карельский вальс» и другими.

Репертуар сборника невелик, основными авторами текстов песен стали карельские поэты М.М. Орлов, А.И. Малышев, Н.А. Морозов, С.В. Тарасов. Обработки музыки не было, ее наигрыши были сделаны с голоса авторов или исполнительниц карельских песен – А.М. Матвеевой, Г.Ф. Пискуновой, В. Сорокина, А. Седова.

Молва о карельском поэте Николае Арсеньевиче Морозове шла давно, лет десять. Говорили, что был такой поэт, писал стихи на карельском языке, а какие стихи и где они – мало кто знал. Иногда его стихотворения попадали на страницы карельской газеты «Karielan sana». Николай Арсеньевич умер в феврале 1996 года, жил он с семьей где-то под селом Медным. Когда в 2006 году шла активная работа над сборником карельских песен, мы с женой решили отыскать семью Морозова. Нам надо было точно определить, на чьи стихи написана та или иная песня, чтобы не нарушить авторские права и не обидеть авторов.

Узнав, что Н.А. Морозов жил в деревне Волынцево, 22 сентября 2006 года с женой поехали туда с надеждой что-то узнать о нем от жителей деревни. Мы очень удивились и обрадовались, когда жители деревни сказали, что здесь живет жена Морозова, Ольга Александровна. Из ее рассказа мы узнали о жизни и творчестве Николая Арсеньевича. Они обое из деревни Залесье Рамешковского района. Он родился 1 октября 1934 года, она на пять лет моложе. Окончили по четыре класса начальной школы, она после школы уехала в город Калинин, пять лет работала домработницей. Получила паспорт, устроилась нянечкой в детский сад. Приехав в один из отпусков в деревню, они с Николаем сыграли свадьбу. После свадьбы она снова уехала и Калинин, а мужа из колхоза не отпустили, так как у него не было паспорта.

В тот год создавался совхоз «Медновский» Калининского района, директором был назначен их деревенский Дурнов. Он дружил с отцом Николая, поэтому согласился взять молодых работать в свой совхоз. Но поставил условие Николаю, чтобы тот за один год выправил себе паспорт.

Морозовы приехали жить в деревню Перехожее, что в одном километре от Волынцева, в 1961 году. Полтора года жили на квартире, через год Николай получил паспорт. Они купили дом в деревне Волынцево,

Морозов Николай работал рядовым в бригаде, потом плотником, а в последние годы – на овощехранилище.

Когда с мужем случился инфаркт сердца, и он получил инвалидность, начал писать стихи на русском и карельском языках. Некоторые свои стихи он отвозил баянисту Малышеву Анатолию Ивановичу в деревню Никольское возле города Калинина (Твери). Когда того не было дома, оставлял для него стихи у соседки Шапкиной Анны Ивановны, которая доводилась мужу родственницей.

Муж ездил на фестиваль в город Петрозаводск, там выписал карельскую газету «Ома тиа» (Родная земля) и регулярно получал ее. Летом 1995 года в Троицу ездил на фестиваль в поселок Рамешки. До самой смерти Николая Арсеньевича супруги дома говорили только на карельском языке. Когда дочь приезжала домой, она просила родителей говорить по-русски, так как карельского языка она уже не знала. После смерти мужа Ольга Александровна по-карельски уже не говорит, не с кем говорить. В деревне Волынцево карел нет, в селе Медном карелы все умерли, оставалась одна Трешкина, которая тоже переехала из Рамешковского района. Чтобы не забыть родной язык, Ольга Александровна иногда ходит к ней поговорить по-карельски. А когда одна, остается только думать о чем-то на родном карельском языке.

Черновики и некоторые стихи мужа она сохранила и разрешила нам их посмотреть. Названия и тексты некоторых стихотворений созвучны с песнями на карельском языке: «Ома ранда», «Карельский вальс», «Веллекшет». Мы хотели выяснить, кто подлинный автор стихов, положенных в основу этих песен – Морозов Николай Арсеньевич или Малышев Анатолий Иванович? Среди стихов мы обнаружили ноты «Карельского вальса», на их обратной стороне – письмо следующего содержания: «Уважаемый Николай Арсеньевич! Посылаю заказанную Вами песню. Она написана для смешанного хора с карельским и русским текстом первого куплета. Вы ее можете дать спеть любому хоровому коллективу или просто музыкально-грамотному человеку. К сожалению, студенты сейчас заняты зачетами и экзаменами. Но даже в учебное время они не могут найти времени, чтобы собраться. У всех каждая минута на счету, поэтому об исполнении студентами *Вашей* песни не может быть и речи. Но я надеюсь, что Вы ее сможете предложить кому-нибудь еще. Поздравляю Вас с майскими праздниками! Желаю всего самого наилучшего. Н. Мирошниченко».

Ольга Александровна Морозова сказала нам, что ее муж Николай Арсеньевич сам отнес стихи «Карельского вальса», как и другие стихи, А.И. Малышеву, который и стал представлять себя всюду автором стихов и музыки, забыв о Морозове и Мирошниченко. Надо бы выяснить, кто автор нот Н. Мирошниченко? Из его письма можно понять, что, скорее всего – преподаватель музыки из музыкального училища города Петрозаводска. Было установлено авторство стихов Морозова в песне «Веллекшет». Несмотря на все сложности, репертуарный сборник карельских песен «Виржи» в 2007 году увидел свет тиражом в 500 экземпляров.

Книги по истории тверских карел

Что является основным богатством народа? Это люди, создающие песни, музыку, памятники, стихи, книги. Никто не помнит тех богачей, которые владели большими запасами золота, алмазов, денег, но до сих пор сохранились книги из их библиотек. Все помнят великих писателей, поэтов, музыкантов, архитекторов. Книга – это память о человеке, о событиях и народах, в ней важны «дух времени» и «дух места» – когда и где она написана.

В XXI веке, в условиях перевода информации на электронные носители, книги особенно важны. Важны потому, что книг, несущих необходимую информацию, книг, на которых можно воспитывать подрастающие поколения, стало очень мало. Важны потому, что электронные и цифровые носители ненадежны, а книги могут храниться столетиями, и будут нужны будущим поколениям. Как мы сейчас с трепетом открываем книгу или документ XVII века, так и в будущем читатели с трепетом откроют книги конца XX – начала XXI веков, когда менялись не только эпохи, но и общественный строй.

Практически до конца XX столетия тверские карелы не знали своей истории, книг по ним не было. Были лишь некоторые исследования по истории тверских карел А.Н. Вершинского, но они хранились в архивах и были недоступны карелам.

Первая моя книга по истории тверских карел «Прошедшие через века» вышла в 1998 году. Следующая книга – «История Тверской Карелии» была издана в 1999 году, второе, дополненное, издание – в 2001 году,

а третье – в 2008 году. Работа над книгой шла с 1997-го по 2001 год. Основной для ее создания стали архивные материалы и документы.

В этот период (1997–2001 годы) были открыты некоторые архивы КГБ, поэтому очень богатый материал получен из следственных дел. Стали доступны материалы архивов, в том числе по Карельскому национальному округу, а также личных архивов, прежде всего профессора Анатолия Николаевича Вершинского. Он в 30-е годы XX века проводил экспедиции в карельские районы, интересовался историей тверских карел. Сложность работы с архивами КГБ заключалась в том, что следственные дела передали в Тверской центр документации новейшей истории, а их картотека осталась в архивах ФСБ. Без номера уголовного дела, лишь по фамилии, его практически не найти.

Значительную роль в создании книг по истории тверских карел сыграли исследования ученых Финляндии и Карелии, в том числе профессора Вейо Салохеймо. Он привез мне два тома исследований «История Карелии XVI–XVII веков в документах», том второй, 1991 года издания и том третий, 1993 года издания. Первый том этих исследований мне передал заведующий архивным отделом администрации Тверской области М.А. Ильин.

Крупный русский статистик Дмитрий Иванович Рихтер в 1903 году составил самый полный список карельских деревень Тверской губернии на основе переписи карельских уездов Тверской губернии в 1873 году, с указанием числа карел и русских по каждой деревне. Но в российских архивах я не смог найти этот список, его в переводе с русского на финский язык передал мне профессор Вейо Салохеймо. Мне пришлось снова переводить название деревень уже с финского языка на русский. Я опубликовал этот список в книге «История Тверской Карелии», издания за 2001 и 2008 годы. В. Салохеймо привез и передал мне также свою книгу исследований «Переселение из Ингерманландии и Какисалми в 1618–1655 годах» на финском языке, 1999 года издания.

Особенное желание написать книгу по истории тверских карел у меня возникло тогда, когда в привезенных материалах увидел сведения о 20 семьях карельских земцев Головкиных, которые владели восемью деревнями на мысе озера Пюхьяярви в погостах Саккола и Рауту на Карельском перешейке. Я начал подробно исследовать списки карел по этим южным погостам Корельского уезда, списки пустошей по всем имеющимся переписным книгам, списки карельских деревень в Тверской области.

Я уверен в том, что без помощи финских друзей я не смог бы иметь столь богатую и достоверную информацию, а тверские карелы не смогли бы иметь книги по своей истории. Ведь первоначально наша история была тесно связана с историей Финляндии.

Много книг и материалов привез мне уважаемый Маркус Люра, когда был послом Республики Финляндия в России. В книге «История Тверской Карелии» я использовал привезенные им материалы из книг «Зимняя война 1939–1940 годов» (в двух томах), «Политическая история Финляндии», «Очерк истории Финляндии».

Во время проведения в декабре 2000 года III Всемирного конгресса финно-угорских народов в городе Хельсинки председатель Общества друзей тверских карел Эрки Хатакка передал мне брошюру «Карты погостов Карельского уезда» (Хельсинки, 1997 год), которой я воспользовался при написании книг для уточнения мест расселения предков тверских карел.

Большое влияние на меня оказал в 1997–1998 годах заведующий архивным отделом администрации Тверской области Марк Александрович Ильин. Он передал мне первый том исследований «История Карелии XVI–XVII вв. в документах», проведенных учеными СССР и Финляндии, изданный в 1987 году. В него включены переписные книги карел на русском и шведском языках. Я с замиранием сердца внимательно изучал эти переписные книги карел, проживавших тогда на Карельском перешейке и Приладожье.

В 1998 году М.А. Ильин в предисловии к трудам научной конференции, посвященной 750-летию Тверского княжества и 725-летию Тверской епархии, написал следующее: «Безвременно ушедший от нас доктор исторических наук В.А. Виноградов, родившийся в карельской семье вблизи Рамешек, сделал первый и важный шаг к возрождению краеведения и карельской культуры в нашем крае. Его дело энергично продолжил и с большим успехом развивает А.Н. Головкин» [27].

Мне не хотелось обмануть его веру в успехе дела, я стал активно работать в архивах. В том же 1998 году М.А. Ильин предложил мне передать в областной архив некоторые свои документы и материалы. Позднее он инициировал перевод моих материалов из Конаковского районного архива в Государственный архив Тверской области. Я оказался, как говорил Марк Александрович, в одном ряду с бывшими заместителями Тверского губернатора И.И. Лажечниковым

и М.Е. Салтыковым-Щедриным, у которых также имеются личные фонды в областном архиве.

Прочитав мои первые книги по истории тверских карел, один уважаемый читатель из Москвы посоветовал мне писать историю через конкретных героев. Тогда для читателей книга будет информационно доступной и интересной. Другой читатель из Карелии сказал, что информации в моих книгах много, она интересная, но посоветовал смелее переводить скучный научный язык на популярный, понятный для большинства читателей, язык. Уже в последующих книгах я внял советам этих уважаемых людей.

Мне хотелось проникать все дальше в историю карел, находить новые факты из их жизни, осмыслить их и попытаться представить их наглядно. Сожалею, что не знаю финского и шведского языков, на которых опубликовано достаточно материалов о карелах, но далеко не все они переведены на русский язык. Кроме того постепенно стали прикрываться архивы, открытые для исследователей в 90-е годы XX века, информации становится меньше.

Из найденных в городе Новгороде 1015 берестяных грамот лишь 8 были написаны на карельском языке с использованием кириллицы. В поисках исторического факта или сообщения приходится изучать много архивных документов и литературы. Не покидала надежда, что вдруг найдешь такие факты или мысли, которые могут войти в очередную книгу или исправить ранее допущенные ошибки, если они были.

Например, вслед за другими исследователями я включал в свои первые книги в числе других финских племен племя «чудь». Но такого финского племени не существовало, это славяне называли сначала все финские племена, проживавшие рядом с ними, кроме племен весь, меря и мурома, а позднее – эстов и сетголов словом «чудь». Не хотелось бы, чтобы другие авторы и исследователи в дальнейшем также повторяли эту ошибку.

Или известный русский статист Д.И. Рихтер в 1904 году совершил ошибку, включив в список карельских деревень Тверской губернии 56 русских деревень Филипковской волости Бежецкого уезда. Я вслед за ним повторил эту ошибку в книге «История Тверской Карелии» (2001 г.), и исправил лишь при следующем издании книги в 2008 году. В связи с этим общее число карельских деревень за 1873 год стало правильным – 828, а не 884 деревни.

В результате долгих поисков архивных документов по карелам, изучения имеющихся материалов по ним, родилась эта книга «Прошедшие через века». Верю в то, что мои книги будут нужны не только нынешним поколениям, их будут читать внуки и правнуки тверских карел, студенты и исследователи.

Будущее тверских карел

По переписи 2010 года осталось всего 7394 *тверских карела*, их число за 8 лет с 2002 по 2010 годы сократилось в 2 раза. За 80 лет с 1930 по 2010 годы тверских карел стало меньше в 20,3 раза.

До сих пор никто не может ответить на многие вопросы. Почему финно-угорские племена, проживавшие ранее на одной территории – карелы, ижора, воль, эсты так и не образовали единую нацию? Это, к примеру, сумели сделать другие финские племена – хяме, суоми и саамы, создав государство Финляндию. Почему религиозный фактор разделил один этнос – карел, на православных и лютеран? Почему этот фактор оказался сильнее родового фактора, и разделил один народ? Почему не все карелы с Карельского перешейка пошли на другой берег Ладоги и берегам Онеги, а ушли на тверские земли, где их было значительно больше, чем в Карелии? Почему они на берегах Финского залива, Ладоги и Онеги не образовали единую и сильную нацию? Это разделение привело к образованию трех этносов – финских карел, карел Республики Карелия и тверских карел. По своему местонахождению, малой численности и отсутствием многих объединяющих факторов они так и не смогли образовать одну карельскую нацию.

Многие до сих пор не могут понять, почему из всех союзных республик с карты Советского Союза волевым решением власти исчезла одна Карело-Финская ССР? В то время как другие республики, в том числе значительно меньше по территории, сохранились, и после распада Советского Союза стали самостоятельными государствами.

Карело-Финская советская социалистическая республика была образована законом Верховного Совета СССР 31 марта 1940 года сразу же после окончания Зимней войны. Она просуществовала всего 16 лет и была ликвидирована 16 июля 1956 года. Вместо нее была образована Карельская автономная советская социалистическая республика,

включенная в состав РСФСР. Официально основной причиной изменения этого статуса было признано небольшое число жителей титульной нации и около 80% русских жителей. Но скорее всего, Карелия не оправдала надежд руководства СССР на то, что с ее помощью Финляндия со временем будет включена в состав Карело-Финской ССР.

Нет ответа на вопрос, с какой целью волевым решением власти был создан Карельский национальный округ в Калининской (Тверской) области, чтобы через 20 месяцев его ликвидировать, возбудить «карельское дело» и арестовать активистов карельского движения?

Будущее тверских карел можно предвидеть в их полной ассимиляции с русским населением, которая произойдет к концу XXI века. Это подтверждается сложившейся в последние годы ситуацией и данными исследований. В начале XXI века в России начались активные процессы глобализации. Страна вошла в единое информационное пространство посредством системы Интернет и в единое торговое экономическое пространство.

В условиях глобализации, поддержки и развития в ее условиях «больших» языков, говорить о сохранении карельского языка, как и других малых языков, уже не приходится. О том, что когда-нибудь будет создан единый литературный карельский язык, уже нет и речи, время на это упущено. Во-первых, последние переписи показывают значительное уменьшение носителей карельского языка как в Республике Карелия, так и в Тверской области. А язык составляет основу нации-этнуса. Идет резкое снижение числа детей карельской национальности.

Во-вторых, когда имелись возможности, не было стремления карельских ученых-языковедов к созданию единого карельского литературного языка. Каждый из них, изучая и работая над карельскими диалектами, ставил первоначальной целью написание научных трудов, защиту диссертаций и другие личные интересы.

В-третьих, ученые заявляют о том, что к концу XXI века исчезнут до 90% современных устных языков. Из действовавших в начале века 6–7 тысяч останется 600–700 языков, тех, на которых говорят более одного миллиона человек. Исчезновению языков способствуют активная глобализация и обширная получаемая информация. Самым главным языком-убийцей для других языков является английский. В первую очередь останутся те языки, на которые переведены программы обеспечения системы Microsoft, меню телефонов Nokia и другие информационные системы [28].

У карельского языка нет никаких перспектив для его сохранения. Есть ли необходимость в создании единого литературного карельского языка в начале XXI века? Такой необходимости уже нет. Все карелы грамотные, читают, пишут и говорят на русском языке. А споры, на каком диалекте создавать единый карельский литературный язык, теперь удел немногих ученых.

Тверские карелы, как отдельная ветвь карельского народа, относятся к нации-этносу. Диктат государства и ускоренная ассимиляция проявились в годы советской власти. Волевым решением государства сначала создало Карельский национальный округ, потом ликвидировало. Советское государство сначала способствовало формированию карельской письменности на латинице, затем фактически ликвидировало ее, переведя волевым актом письменность на кириллицу.

Какая перспектива ждет тверских карел? Ее можно проследить по данным всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 годов, а также всероссийских переписей 2002 и 2010 годов, где четко прослеживается динамика резкого сокращения числа тверских карел.

При продолжении такой динамики к 2030 году останется около *трех тысяч* тверских карел, а 100-летие со дня моего рождения в 2049 году будут отмечать *около одной тысячи* сородичей, если вспомнят, кто их ознакомил с историей тверских карел. Да, это может случиться, если тверские карелы не задумаются над вопросами: откуда берет начало мой народ и мой род? Буду ли я сохранять язык и культуру моего народа? Передам ли я своим детям и внукам знания родного языка, истории и культуры предков?

А задумываться над этим практически уже некому. Буквально за восемь лет с 2002 по 2010 годы число тверских карел уменьшилось в два раза. Если применить этот показатель уменьшения и дальше, то к 2093 году тверских карел не останется.

По данным венгерского ученого Яноша Пустаи, если в 2002 году в мире было 93 тысячи карел, то к 2093 году их останется 12 тысяч человек [29].

Карелы, ранее занимавшие обширные территории Приладожья, Карельского перешейка, части нынешней Финляндии и до Белого моря, повторяют судьбу других исчезнувших финно-угорских народов. Возникнув в IX веке, пройдя путь в 1200 лет, карелы в конце XXI века исчезнут с исторической арены.

Карелы, возникшие когда-то на единой территории, волею судьбы были разделены на три части – истинно карельскую, финскую и тверскую. Финская часть карел, в скором времени, растворилась среди финнов. Подобная участь к концу XXI века ожидает и оставшихся карел, которые разделят участь многих народов, канувших в вечность, растворившись среди других народов. К ним можно отнести византийцев, месопотамцев, скифов, сарматов, готов, гуннов. К ним можно отнести некогда сильные финские племена – *емь, водь, ливов, ижор*.

Во время процветания Великого Новгорода одной из пяти его областей была Водская пятина, которая просуществовала длительное время вплоть до захвата части ее земель шведами в 1611 году. Тогда на территории Водской пятины было пять городов: Ладога, Орешек, Корела, Копорье и Ям. Эта обширная территория Новгородской земли получила название от финского племени «*водь*» или «*Watjalaiset*», о котором истории известно с XI века. Теперь нет ни названия, ни самого народа.

Именем *ливов* было названо государство Ливония, которое занимало значительную территорию нынешних государств Латвии и Эстонии. Расцвет Ливонии пришелся на период с IX по XIII века. Но последующие войны и ассимиляция с племенами балтов привели к ликвидации государства Ливония. К середине XIX века ливский язык практически уже перестал звучать. В конце XX века в Латвии проживал 171 представитель ливов, практически никто из них уже не знал своего языка [30].

За 400 лет совместного проживания у тверских карел сформировался вполне русский менталитет. Надо полагать, что уже с 1939 года тверские карелы смирились со своей судьбой полного растворения среди русских. Всплеск активности и повышения самосознания, которые произошли на рубеже XX–XXI веков, стал, скорее всего, последним. Ликвидируются карельские деревни – основа нации. В городах без общения на родном языке карелы все больше признают родным русский язык. А наши дети вообще не знают карельского языка, и обучения ему не происходит.

XXI век мог бы стать веком раскрытия культур народов, населяющих Россию. После уничтожения в нашей стране административно-территориальных границ малых народов так и не был налажен механизм сотрудничества государства с этими народами. Не исключено, что и нынешнее постсоветское государство осознанно не хочет этого

сотрудничества, добиваясь, чтобы малые народы быстрее растворились в большом этносе русских.

Идеальным могло бы стать государство, в котором сохранилась бы национальная самобытность каждого народа и каждого его представителя. К концу XXI века вместе с карелами исчезнут другие малочисленные финно-угорские народы, проживающие в России: бессермяне, вепсы, ижора, нганасаны, селькупы и саамы. Но еще останутся здесь проживать финно-угорские народы: коми, марийцы, манси, мордва, ненцы, удмурты, ханты. Эти народы государство просто обязано сохранить, как можно дольше.

Будущее русского народа

Судьба тверских карел практически predetermined, к концу XXI века они полностью исчезнут. Но нам небезразлична судьба русского народа, в чьи ряды путем ассимиляции вольются оставшиеся карелы. Французский посол в России в период с июля 1914 года по май 1917 года М. Палеолог назвал психологию русского народа «самой загадочной, самой неустойчивой и самой непонятной во всем мире». Любая агитация, привнесенная извне, может в короткое время разрушить в русском народе те основы нравственности, которые цементируют его, как нацию. Эту особенность русского характера наглядно показали события во время революций 1917 и 1991 годов.

Жизнеспособность России определяется положением и самочувствием русского народа. Русская культура и русский язык являются фундаментом не только русского народа, а всех национальностей, проживающих в России. Судьба русского народа – это судьба России и всех народов в ней проживающих.

Если в Финляндии, которая стремилась к моноэтническому государству, карел уже нет со второй половины XX века, они там дополнили ряды финнов, то в России карел не будет к концу XXI века. Россия – исторически сложившееся многонациональное государство, благополучие страны зависит от благополучия народов, ее заселяющих. Но, хотя в начале XXI века все больше и больше раздавались призывы о едином «российском народе» по примеру «советских людей»,

Россия еще долго-долго не будет моноэтническим государством, она останется многонациональным государством.

Прогноз, что Россия станет монокультурным государством с одним народом – русским, вызывает обоснованные сомнения, так как эта идея противоречит всей ее истории, как многонационального государства. Ослабляя финно-угорские народы, Россия ослабляет себя, как государство. Выдвигаемая идея «Россия – для русских» ослабляет многонациональную страну. Она работает против русских и против российской государственности.

В начале XXI века русский народ являлся самым многочисленным в стране, по переписи 2002 года его численность составляла 79,8% от всего населения. Русский язык является государственным, практически все средства массовой информации, литература и учебники издаются на русском языке. Преподавание на русском языке проходит от детского сада до высших учебных заведений. Вся культура строится на русском языке.

Несмотря на это, некоторые недалекие политики в начале XXI века усиленно ратовали за создание национально-культурных автономий русских. Полностью не осознавая статус автономий, а может и умышленно, они хотели опустить уровень русского народа с государственного уровня до национально-культурного уровня. Сутью национально-культурных автономий является поддержка и развитие родного языка, национальных культур и средств массовой информации. И больше ничего. Они добивались и добиваются, чтобы такая поддержка была и со стороны государства.

Поняв свою оплошность, ряд политиков стали проповедовать уже другой крайне шовинистический лозунг «Россия – для русских!» Такого не было и не может быть в условиях многонационального государства.

В начале XXI века русская культура вместе с культурами народов, проживающих в стране, через средства массовой информации и системы Интернета активно поддавалась влиянию западной и американской культур. Глобальная информационная система играла пагубную роль в воспитании подрастающих поколений. Они получали ненужную информацию о запретных и криминальных темах. Кроме того, скорость информации приравнялась к скорости передвижения капитала, в том числе нажитого преступным путем.

Через Интернет шло настойчивое, порою агрессивное информирование населения, прежде всего подрастающих поколений, о многих

негативных проявлениях. Платой за информационный прогресс стали такие глобальные угрозы, как терроризм, наркомания, СПИД, проституция, всплеск преступности и другие.

Есть основания опасаться за будущее русского языка. С начала 1990-х годов и до этого времени число людей в мире, изучающих русский язык, сократилось почти в два раза. В странах Центральной и Восточной Европы русский язык исчез из учебных программ большинства школ и высших и средних учебных заведений. Проблемы обучения русскому языку появились и на территории России.

Я ни разу не видел, чтобы на официальных переговорах или приемах в Москве кто-то из числа иностранных делегаций говорил на русском языке. Нет, они говорят на своем языке с переводом. В то же время все больше и больше российских чиновников, выехав за рубеж, стараются везде и всюду говорить на иностранном языке, без переводчика. Уважаемые представители власти, полюбите русский язык и покажите всем нам правильную русскую речь!

Будущее русского языка во многом зависит от состояния литературы. Некоторые современные писатели не заботятся о чистоте русского языка, используя в книгах сложный язык с применением технических, профессиональных, научных, жаргонных терминов, а порою – бранных слов. В книги все больше и больше вкрапливают иностранные слова вместо русской речи.

Многие читатели ностальгируют по прошлому времени, поэтому русские писатели могут удовлетворять этот читательский спрос. Возвращение к архивным материалам даст возможность писателям использовать в книгах богатый запас русских слов, давая им новое наполнение.

В настоящее время происходит осмысление взаимоотношений традиционной литературы с развивающимися цифровыми технологиями. Будущее книги уже наступило, когда печатная книга является базой для перевода ее в электронный формат. Без печатной книги определение авторства всегда будет подвергаться сомнению с учетом современного общего низкого уровня культуры и желания любимыми способами заработать деньги.

Пока писатели сами пишут книги, сами находят деньги и издательства, потом сами распространяют свои книги по библиотекам. Верю в то, что в стране создадут систему, когда каждый получает деньги за свой труд, в том числе, критики за чтение книг писателей и свои

рекомендации. Писательство, как и изобразительное искусство, может быть увлечением, хобби в свободное от основной работы время. Так было в прежние времена, к этому надо снова возвращаться, а не плакаться и искать виновных.

Русская литература будущего – это не развлекательные книги, в которых только смешат или пугают, а литература духовного содержания, которая заставляет читателя задуматься о себе, своей семье и окружении, приобщает его к высоким идеалам человеческой культуры.

Все можно исправить, вернув России соборность, общность людей, вернув ей моральные устои, **вернув семью, как основу государства**. Тогда постепенно можно будет уйти от ситуации, которая сложилась в начале XXI века, где каждый третий ребенок родился и вырос в неполной семье. Государство может быть счастливо и богато лишь при укреплении семьи. Когда моральными авторитетами для других станут семьянины, землепашцы и рабочие, но не блудницы шоу-бизнеса. Многие из них хвастливо заявляли, что к 20–22 годам уже пожилы с 3–4 мужчинами в «гражданском браке».

Этим понятием прикрывается простое сожителство мужчины и женщины, которое в старину называли одним метким словом. Многие из них не знают или не хотят знать, что *гражданским браком* русская православная церковь всегда считала брак, зарегистрированный органами власти без венчания. Венчание, как духовный брак, вкуче с гражданским зарегистрированным браком как раз и есть зарождение новой семьи.

Другое распространенное понятие «девушка», которым называют даже тех женщин, на ком печать некуда ставить из-за беспорядочных связей с множеством мужчин. Они, так и не создав семьи, оставались девушками до преклонного возраста, называя своих сожителей мужьями. И вот такие не узаконенные ни властью, ни церковью отношения они выставляют напоказ. Средства массовой информации берут эти аморальные отношения за основу строя, за образец поведения, за эталон.

Только семья может решить основную проблему государства – увеличение численности русского населения. У русских постоянно на первом месте были другие ценности: культ труда, культ личности, в постсоветский период – культ денег. Необходимо пропагандировать **культ семьи**, который означает, что многодетные семьи более богаты духовно и материально, чем бездетные семьи. А для этого семье

необходимо дать жилье, социальные гарантии и достойную работу для мужчины – главы семьи. Ведь женщина, как разумная защитница своего очага и своего потомства, может спокойно рожать детей, когда для этого есть условия.

Во-первых, когда женщина уверена, что сможет поставить детей на ноги и дать им достойное образование, как есть стабильность в стране и в семье.

Во-вторых, когда у женщины есть надежный, здоровый муж, способный обеспечить семью материально.

В-третьих, когда женщина знает, что ее дети будут жить не в городах-миллионниках, которые активно поддерживает власть денежными ресурсами, а на своей малой родине. Они с мужем им передадут свой дом, стадо скота, свой магазин, свой участок земли и могилы предков.

В-четвертых, когда женщина будет видеть перспективу для своих детей. Или они продолжат дело родителей, или у них будет возможность выбрать свою высокооплачиваемую специальность.

То, что при этих условиях русские женщины будут рожать детей и тем самым крепить свое государство, нет никаких сомнений, так как – это материнский инстинкт, который в начале XXI века заглушали различными путями. Многие женщины из-за отсутствия поддержки со стороны мужчин, из-за денег, карьеры, отдыха на южных островах порою до 40 лет не хотели иметь детей. Когда решались на это, было поздно, родить детей они уже не могли.

Россия со временем придет к богатому и счастливому будущему, так как она – огромная страна с великой историей, культурой и талантливым народом. Россия – уникальная геополитическая территория, соединяющая Европу с Азией, имеющая колоссальный потенциал. Здесь живут умные и талантливые люди – патриоты своей земли. Они – главное богатство страны, хотя к началу XXI века отделенные властью от своих природных ресурсов и от земли. Не исключено, что в XXI веке борьба между сильными странами пойдет за интеллектуальный продукт, то есть за людей. Для этого необходимо изменить ценности и приоритеты, действовавшие в начале XXI века.

Нельзя допустить, чтобы Россия, как и Советский Союз, распался на части. Чтобы такого не случилось, необходимо укреплять и поддерживать все проживающие в стране национальности. Нации-этноты в России – это историческая реальность, они живут и думают о своем будущем. Если исторически Россия сложилась, как многонациональ-

ное государство, то ее благополучие зависит от состояния проживающих в ней наций-этносов. Ослабляя и ликвидируя, например карел, как нацию, Россия ослабевает сама.

Задача государства – формирование единого российского общества при культурном его многообразии. Единство общества скрепляет общая история, общая территория и общий русский язык. Избежать межнациональных конфликтов поможет социальное благополучие людей, тогда вопросы межнациональных отношений уходят на задний план.

Из всемирной истории мы знаем о том, что возраст сильных империй, сильных государств составляет обычно 1000–1200 лет. Возраст России отсчитывают с 862 года. В 1962 году ей исполнилось 1100 лет, но через тридцать лет сильный Советский Союз, как наследник Российской империи, был разрушен.

Возникает вопрос, с какого времени надо вести отсчет новой России в усеченных границах, с 862 или с 1991 года, и сколько ей еще осталось? Ответ здесь один – **с 21 сентября 862 года** и других вариантов нет. Кто будет держать на себе эту обширную территорию России в конце XXI века? Какую нишу может занять Россия в условиях глобализации?

Это во многом зависит от того, каким путем пойдет наша страна в этих условиях. Глобализация может разрушить многие государства, в них не будет границ, не будет наций, а будут группировки, порою враждующие друг с другом за экономическое влияние. Некоторые ученые говорят о том, что есть альтернатива мировой глобализации, это глобализация в пределах определенных регионов. Но и тогда жизненные условия будут диктовать сильные государства.

Одновременно с укреплением границ сильных государств, в том числе России, Китая и США, будут укрепляться союзы. При этом важно, по какому признаку будет происходить это объединение. Какой фактор будет положен в основу объединения: экономический, религиозный или территориальный.

Если будет взят за основу принцип объединения славянских народов, то это будет союз России, Украины, Белоруссии и Казахстана, где проживает значительное число русского населения. Когда такой союз наберет силу, русскому народу ничего не грозит, его численность начнет увеличиваться за счет тех, кто когда-то покинул свою страну. В Россию начнет возвращаться русское население, а прибывшие

в Россию мигранты из мусульманских стран и Китая, будут считать себя россиянами, укрепляя могущество нашей страны. Россия обязательно вернет себе былое могущество, ее жители могут жить богато и счастливо, хлеба всем хватит. Надо помнить, что на нашу страну приходится более половины всех плодородных земель планеты.

Важна не только территория, которую будут занимать русские люди, значительно важнее состояние морали, нравственности, которое им будет свойственно. Необходима «нравственная революция», то есть резкое изменение нынешних безнравственных насаждений в умы людей и возврат к старым нравственным устоям. Необходимо вернуть моральные и нравственные ценности в нашей стране, постепенно переходя от бездарности, блеска, гламура и мишуры, заполнившей российскую культуру, к талантам, народности и высокому искусству.

Россия вновь сможет стать сильной, если государство и народ не будут разобщены, когда прекратится нарастающее в начале XXI века ощущение социальной несправедливости. Когда в общество вернутся вместе с романтизмом, надеждой и идеалами утраченные ценности. Когда вновь сплотится расслоенная творческая интеллигенция, как основной источник создания и развития общественных ценностей. Когда вновь появятся в обществе моральные авторитеты, с кого можно брать примеры в своей жизни. И когда все русские начнут уважать себя, свою страну и свой родной русский язык.

Не будет любви к своей стране, если у человека нет любви к своей малой родине – своей деревне или городу, заветной речушке или озеру, любимому лесу или своей улице. Малая родина запоминается человеку на всю жизнь, в трудных жизненных ситуациях воспоминания о ней успокаивают его и подсказывают выход. С годами понятие родины расширяется от своей деревни до погоста, района, области, страны.

Заключение

Не один честный исследователь не сможет ответить на вопрос: знает ли он правду о том, о чем он пишет? Потому что он не может знать всей правды, он постоянно ищет правду. Великий Новгород показал пример уважения к истории, отметив в 2009 году свое 1150-летие, ведя отчет от древних русских летописей. Хотя есть все основания

полагать, что город основан не в 859 году, а несколько раньше, его к середине VIII века основали варяги, как поселение Холмгаард.

Позднее Холмгаарда, во второй половине VIII века варяги основали город Киев, спускаясь вниз по Днепру. Но по каким-то причинам, без веских на то доказательств, в 1982 году очень торжественно отмечали 1500-летие Киева. Этот факт не соответствовал действительности, так как Киеву тогда было не более 1200 лет. Пытались ту дату подтвердить в ходе раскопок, но обнаружили остатки деревянных домов, не ранее X века постройки.

Почему-то началом отсчета новой России некоторые постсоветские историки предлагают считать 22 августа 1991 года – день ликвидации Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Это неправильный отсчет, известная история России начинается с IX века, конкретно **с 21 сентября 862 года**.

Возникает вопрос – нужна ли правда именно этому обществу, этой власти, этому общественному строю? Поиски правды историками, краеведами продолжаются, и будут продолжаться всегда. Постепенно они знакомятся с документами, о которых раньше не знали, и делают выводы с учетом этих документов и новых знаний.

Неправильно по своему усмотрению сортировать исторические факты, какие из них освещать, а какие нет. История не бывает объективной потому, что чаще всего нет преемственности власти от предыдущих политиков. Нередко факты стараются преподнести в угоду действующим политикам, а многие факты просто прячут. Но в истории всегда есть исторический факт, и необходимо глубокое профессиональное осмысление этого факта.

Вместе с потерей **памяти** мы теряем часть великого **прошлого**. Разрушаем все «до основания, а потом...». Потом не всегда получается лучше, крепче, красивее, надежнее, чище, культурнее. Поэтому важно сохранить памятники о тверских карелах. Ими являются построенные ими церкви и карельские кладбища с именами умерших жителей. Ими станут документальные памятники – книги о тверских карелах и архивные материалы. По ним когда-то люди откроют для себя, что были тверские карелы, и не забудут включить их в списки исчезнувших народов.

Память о тверских карелах постепенно исчезает, на улицах карельских деревень редко можно услышать родную речь, в основном, говорят по-русски. В праздники не поют протяжных песен и частушек

на карельском языке. В деревенских домах редко увидишь сарафаны, полотенца, подвески, наволочки, наличники с карельским орнаментом. На улицах не увидишь одры, телеги, дроги, дрожки, тарантасы с рессорами и без рессор на шинкованных деревянных колесах. Без всего этого прожить можно, только жизнь наша становится беднее. Человек через всю свою жизнь пронесит, по словам А.С. Пушкина: «Любовь к родному пепелищу, любовь к родительским гробам».

История нужна будущим поколениям, чтобы воспитывать в человеке уважение к своему языку и культуре, ответственность за себя и свою семью. Основная причина продолжающегося демографического кризиса в том, что разрушен уклад жизни и устои семьи, очень низко ценится человеческая жизнь. Надо всегда помнить о том, что исчезновение языка, распад национальной культуры приводит к исчезновению народа, а вместе с ним – понижению общего культурного уровня населения.

Я написал эту книгу, чтобы, хотя еще на некоторое время, сохранилась память о людях, в разное время боровшихся за независимость и сохранение карел, как этноса. Чтобы сохранить память о тверских карелах, как народе, и лучших его представителях. Они создавали карельскую письменность, стояли у истоков Карельского национального округа, Общества культуры и Национально-культурной автономии тверских карел. Кто-то все-таки должен отразить в своих книгах время, а которым мы жили и живем. Признанные классики сделать этого уже не могут.

У карел есть свое предание о сотворении земли, в него верит тот, кто крещен и тот, кто не крещен. «Вначале земля была из воды. Вода шумела, волны поднимались высоко, брызги попадали на небо. Богу карел Укко надоели шум и брызги воды, он сказал: «Остановитесь». В тот же миг волны окаменели так, как они были. Мелкие брызги и пена стали почвой, крупные брызги стали камнями, а волны – скалами. Между гребнями окаменевших валов дожди налили озера. Так началась карельская земля.

Первые пришельцы на берега Ладоги и Невы увидели, что их берега пустынные, леса не тронуты топором, поляны заросли кустарником. Карелы берегли землю, ее было немного. Они знали, что земля, лес и вода мстят за насилие над ними. Они останавливались там, где хотели, земля и лесов еще хватало всем. Верховный бог карел Укко велел им жить и умирать среди лесов, рек и озер. Заниматься охотой, рыбалкой и скотом, но они научились заниматься землей – растить хлеб и лен».

Били родники в моей деревне и вокруг нее, жили здесь карелы, растили хлеб и лен. Сначала засорили, отравили, засыпали родники, вслед за ними начала умирать карельская деревня. Расчищать родники вокруг карельских деревень в будущем будут люди других национальностей, которые приедут сюда снова строить деревни и жить в них. А приедут они обязательно! Когда-то писатель К.Г. Паустовский написал: «Нельзя знать новую Россию, не зная всего, что «чудь начудила и меря намеряла».

Город Тверь, ноябрь 2010 – февраль 2014 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Из личного архива автора.
2. Финно-угорские и самодийские народы России. Сыктывкар, 2006. С. 228.
3. Финно-угорский мир. Будапешт–М., 1996. С. 73.
4. Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов. Будапешт, 1996. С. 225.
5. Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века. СПб., 2000. С. 19, 21.
6. Там же. С. 26.
7. III Всемирный конгресс финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2001. С.5.
8. Там же. С. 7–8, 10–11
9. Там же. С. 17.
10. Там же. С. 40–41.
11. Там же. С. 47, 49.
12. Там же. С. 65–66.
13. Там же. С. 67–68.
14. Там же. С. 138–140.
15. Там же. С. 142–143.
16. IV Всемирный конгресс финно-угорских народов. Таллинн, 2002. С. 9–10.
17. Там же. С. 11–12.
18. Там же. С. 15, 18.

19. Там же. С. 19–21
20. Там же. С. 52, 55, 124.
21. Независимая газета за 21 января 2012 года.
22. Материалы из личного архива автора.
23. Там же.
24. Российская газета от 16.08.2005 года.
25. Материалы из личного архива автора.
26. Там же.
27. Сборник трудов «Великое прошлое». Тверь, 1998. С. 5.
28. IV Всемирный конгресс финно-угорских народов. Таллинн, 2002. С. 75.
29. Там же. С. 55.
30. III Всемирный конгресс финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2001. С. 47.

Оглавление

Найти свои корни (вместо предисловия)	3
Книга первая. Прошедшие через века	7
Глава I. Откуда пошла Русь (VII век – 1236 год)	7
Название «Русь»	12
Путь «Из варяг в греки» (VII–X века)	15
Призвание Рюрика в Новгород (862–864 годы)	18
Очаги русской государственности (864–988 годы)	24
Договоры Древней Руси с Византией (907–971 годы)	27
Крещение Руси (866–988 годы)	30
Походы русских князей на финские племена (985–1242 годы)	33
Глава II. Из племени «весь» (840–1137 годы)	37
Племя «весь» на реке Уйвесь (840 год)	40
Приход славян на земли племени «весь» (850–870 годы)	44
На реке Мологе (870–1130 годы)	48
Отход от Мологи на Карельский перешеек (1130–1137 годы)	53

Глава III. Из племени «корела» (1137–1581 годы)	61
На Карельском перешейке (1142–1228 годы)	65
Крестовые походы шведов (1155–1349 годы)	69
Первое крещение карел (1227 год)	73
Покорение Корелы Новгородом (1241–1278 годы)	77
Корела вместе с Новгородом (1292–1316 годы)	81
Между Швецией и Россией (1293–1339 годы)	85
Уклад жизни карел	91
Падение Великого Новгорода (1477–1478 годы)	95
Разорение Великого Новгорода Иваном Грозным (1569–1570 годы)	101
Земцы Головкины	111
Завоевание Швецией восточной Корелы (1581–1595 годы)	117
Народ – заложник (1609–1611 годы)	119
Глава IV. На родину далеких предков (1581–1721 годы)	128
Проживание на реке Свирь (1583–1649 годы)	132
Столбовский мирный договор (27 февраля 1617 года)	137
Рождение деревни (1649–1650 годы)	143
Укоренение на землях Бежецкого Верха	150

Русский город в центре Ингрии.....	159
Карелы в центре России.....	167
Список источников.....	175
Книга вторая. В краю двух культур.....	179
Введение.....	179
Глава I. Уездный город Бежецк.....	182
Борьба бежечан с Тверью.....	182
Исторические заметки о Бежецке.....	186
Общие сведения о Бежецке и Бежецком уезде за 1850 год.....	191
Уездный город Бежецк.....	195
Глава II. Тверские карелы.....	205
Краткий исторический очерк.....	205
Нравы тверских карел.....	220
Карелы на бежецкой земле.....	224
Полевые работы.....	232
Ткачество.....	236
Ремесла.....	238
Деревенские посиделки и праздники.....	241

Глава III. «Усадьбы старые разбросаны»	251
Дворянская усадьба Слепнево	251
Фотография на память	258
Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев	263
Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев	267
Анна Ивановна Гумилева	269
Николай Степанович Гумилев.....	272
Анна Андреевна Ахматова	279
Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Пиленко).....	285
Глава IV. Знаменитые тверские карелы.....	291
Основоположники карельской письменности.....	291
Государственные деятели.....	300
Строители и ученые	304
Летчики	309
Карелы их помнят.....	313
Глава V. Хранительница карельской письменности (воспоминания Александры Васильевны Пунжиной)	318
Создание словаря карельского языка (тверские говоры).....	318
Сотрудничество с финскими учеными	323
Ученый секретарь.....	326

Завершение работы над словарем. Работа над Атласом прибалтийско-финских языков	328
Издание словаря	330
Проведение семинаров и учебы с тверскими карелами.....	331
Глава VI. Тверские карелы в постсоветский период.....	333
Пробуждение национального самосознания	333
Тверские карелы в условиях двуязычия	337
Основатели Общества культуры тверских карел	341
Создание национально-культурной автономии тверских карел.....	360
Уровень жизни зависит от культуры.....	383
Туристская тропа «В краю двух культур» (вместо заключения).....	389
 Список источников.....	 392
 Книга третья. Шагнувшие в вечность	 395
 Глава I. Тверские карелы на пороге XXI века	 395
Ассимиляция тверских карел.....	397
Международное признание тверских карел	404
Всероссийский конгресс малых народов.....	413
Проект «Будущее тверского села»	417

III Всемирный конгресс финно-угорских народов в городе Хельсинки	422
Работа между конгрессами (2001–2004 годы)	429
Подготовка к конгрессу в Эстонии	435
IV Всемирный конгресс финно-угорских народов в городе Таллине	438
Глава II. Шагнувшие в вечность	442
Будущее тверских карел под угрозой	444
V Всемирный конгресс финно-угорских народов.....	448
Преемственность руководства.....	453
Общественному движению тверских карел 20 лет	458
Сотрудничество с Обществом друзей тверских карел.....	464
Молодежь принимает эстафету	468
VI Всемирный конгресс финно-угорских народов в Венгрии	472
Глава III. С верой, надеждой и любовью	478
Работа в Ассоциации финно-угорских народов (1995–2005 годы).....	479
Работа в Консультативном комитете финно-угорских народов (1997–2009 годы).....	484
Под звуки кантеле.....	489
Создание сборника карельских песен	491

Книги по истории тверских карел.....	494
Будущее тверских карел.....	498
Будущее русского народа.....	502
Заключение.....	508
Список источников.....	511

Анатолий Головкин

Собрание сочинений

Том II

Прошедшие через века

В краю двух культур

Шагнувшие в вечность

ООО «Издательство «Триада». ИД № 06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, 9, оф. 514, тел./факс: (4822) 42-90-22, 35-41-30
E-mail: triadatver@yandex.ru <http://www.triada.tver.ru>

Подписано к печати 22.12.22. Формат 60×90 1/16, обрезной.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,5. Тираж 155 экз. 12+.

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, к. 5. Тел. 8 (499) 322-38-30.

Во второй том собрания сочинений автора вошли книги «Прошедшие через века», «В краю двух культур» и «Шагнувшие в вечность».

В основе первой книги – история финского племени «*корела*», сначала самостоятельного, позднее в составе Новгородского княжества, а затем – Московского государства и России. Эта история охватывает период с VII по XVIII века, с момента начала формиро-

вания русской нации на территории проживания финских племен, образования государства Древней Руси и до переселения карел на Бежецкий Верх и отроги Валдайской возвышенности.

Вторая книга «В краю двух культур» повествует о видных деятелях Тверской Карелии, активистах карельского национального движения, а также знаменитостях, связанных судьбой и деятельностью с тверской землей.

В книге «Шагнувшие в вечность» автор рассказывает о попытках активистов карельского движения по дальнейшему сохранению языка и культуры тверских карел. Она охватывает период с II Всемирного конгресса финно-угорских народов, который состоялся в городе Будапеште в августе 1996 года, и по 2012 год. Это символично, так как именно в Будапеште в 1996 году финно-угорское и мировое сообщество узнало о тверских карелах, о которых до того времени знали только специалисты – финно-угроведы.

9 785604 883570